Вико, Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций

Перевод с итальянского “REFL-book”-”НСА” Москва-Киев 1994, Перевод и комментарии А. А. Губера. Подготовка текста, художественное оформление издательства “Port-Royal”, 1994

ОБЪЯСНЕНИЕ

помещенной на фронтисписе картины, служащее введением в произведение

Как Кевис Фиванец поступил с вопросами Морали, так и мы здесь показываем Картину вопросов Гражданских, она послужит читателю для того, чтобы понять идею этого произведения еще до прочтения и легче запомнить после прочтения, поскольку эта картина помогает воображению.

Женщина с крыльями на висках, стоящая на мировом Шаре, т.е. на Мире Природы, - это Метафизика, ибо таково ее имя. Светящийся треугольник со всевидящим оком в нем - это Бог в аспекте его Провидения; через этот аспект Метафизика в экстатической позе созерцает Бога в том порядке приранных вещей, в котором его до сих пор созерцали Философы: ведь она в настоящем Произведении еще больше возвышается и созерцает в Боге мир человеческого ума, т.е. Мир Метафизический, чтобы показать в нем Провидение в Мире человеческих душ, *в их общественной жизни* т.е. в Мире Гражданственности, или же Мире Наций.

Последний образован, как из своих элементов, из всего того, что Картина здесь представляет иероглифами, наглядно изображенными внизу. Шар (т.е. Мир Физический, или же природный) только с одной стороны поддерживается алтарем, так как до сих пор Философы, созерцая Божественное Провидение только в природном Порядке, показали лишь одну его сторону, ради которой Богу, как свободному и абсолютно господствующему в Природе Уму (ибо своим Вечным Установлением он дал нам природное бытие и естественно сохраняет его для нас), люди воздают поклонения с жертвами и другими божественными почестями; но Философы не созерцали его с гораздо более свойственной людям стороны: Природа людей обладает той основной особенностью, что они общественны; ради этого основного свойства провидящий Бог так установил и расположил дела человеческие, что люди, падшие по высшей справедливости в силу первородного греха, думали, что почти всегда поступают совершенно отлично и часто даже прямо противоположно справедливости и общественности, и потому жили для удовлетворения своих потребностей в одиночестве, как дикие звери, но именно на этих своих отличных и противоположных путях они из-за самих потребностей принуждаемы были людьми жить справедливо и сохраниться в обществе, а тем самым восторжествовала их общественная природа. В

настоящем Произведении будет доказано, что это и есть истинная гражданская природа человека и что, следовательно, существует право в природе.

Рассмотрением такого руководства Божественного Провидения и занимается главным образом наша Наука; следовательно, она с этой точки зрения оказывается Рациональной Гражданской Теологией Божественного Провидения.

На поясе Зодиака, окружающем мировой Шар, выступают без перспективного сокращения, или, как говорят, *in maesta*¹, только два знака - Льва и Девы; это должно обозначать, что данная Наука в своих Основаниях прежде всего рассматривает Геркулеса (так как оказывается, что каждая древняя языческая нация рассказывает о ком-нибудь, кто ее основал), и притом рассматривает его в величайшем его труде, когда он убил Льва, который, извергая пламя, зажег Немейский Лес; украшенный его шкурой. Геркулес был вознесен к Звездам. Здесь будет показано, что этот лес был великим Древним Лесом Земли; Геркулес (будет показано, что он представляет собою характер Политических Героев, появившихся прежде Героев войны) предал этот лес огню и сделал площадь, находившуюся под ним, доступной для обработки. Настоящая Наука рассматривает Геркулеса также для того, чтобы положить Начало Временам; у Греков, - откуда мы имеем все то, что имеем от языческой Древности, - оно началось Олимпиадами с Олимпийских игр, а Основателем последних, как это нам также рассказывается, был Геркулес; эти игры должны были начаться с Немейских игр, введенных для празднования победы Геркулеса над Львом. Таким образом у Греков начались времена тогда, когда у них началась обработка полей. И Дева, которую Поэты описывают для Астрономов украшенной колосьями, должна обозначать, что Греческая История началась с золотого века; Поэты прямо рассказывают, что это был первый век их Мира; тогда в течение долгих столетий года исчислялись урожаями зерна; оказывается, оно было первым в мире золотом. Этому золотому Веку Греков вполне соответствует у Латинян Век Сатурна, названного так от латинского слова *sata* - посева. В этот золотой Век, как нам правильно говорят Поэты, Боги на земле общались с Героями (так как дальше будет показано, что первые люди язычества, простые и грубые, введенные в заблуждение могучими вымыслами и нагромождением устрашающих суеверий, действительно думали, что видят Богов на земле). Ниже будет показано, что везде одинаково, исключительно в силу единообразия идей и ничего не зная, друг о друге, Восточные народы, Египтяне, Греки и Латиняне вознесли Богов с земли к планетам², а Героев - к неподвижным звездам. Таким образом от Сатурна (у Греков он - **Κρόνος**, у них же **χρόνος** - значит время) получают новые Основания для Хронологии, т.е. Науки о Временах.

Тебе не должно показаться странным, что алтарь находится внизу и поддерживает Шар, так как впоследствии будет показано, что первые в Мире Алтари воздвигались Язычниками на первом Небе Поэтов: последние в своих мифах, верно, передали

нам, что Небо царствовало на земле над людьми и оставило великие благодеяния роду человеческому в то время, когда первые люди, как бы дети зарождающегося рода человеческого, верили, что Небо находится не выше горных вершин; и сейчас еще дети верят, что оно немногим выше кровли их домов. Позже, по мере того как развивался ум Греков, Небо поднималось к вершинам самых высоких гор, например, Олимпа, где, по словам Гомера, в его времена находились Боги; наконец, оно поднялось выше сфер³, как теперь нам это доказывает Астрономия. И Олимп поднялся выше звездного Неба, куда вместе с ним был перенесен и Алтарь: он оказывается теперь знаком неба; а Огонь на Алтаре перешел, как ты это здесь видишь, на соседний дом Льва; последний, как только что указано, был Немейским Лесом, который Геркулес предал огню, чтобы сделать его доступным для обработки. И потому была вознесена к Звездам в качестве трофея Геркулеса шкура Льва.

Луч Божественного Провидения, освещающий выпуклую драгоценность на груди Метафизики, указывает на ясное и чистое сердце, какое и должно быть здесь у Метафизики, не замаранное ни гордыней духа, ни презренными телесными наслаждениями; под влиянием первой Зенон пришел к Року, под влиянием вторых Эпикур пришел к Случаю, и потому оба они отрицали Божественное Провидение. Кроме того, он указывает, что познание Бога не кончается в самой Метафизике, так как она только для себя освещается вещами интеллектуальными и на основе их устанавливает только свою собственную мораль, как до сих пор это делали Философы; последнее могла бы обозначать плоская драгоценность; но в выпуклой драгоценности луч преломляется и отражается наружу, так как Метафизика познает провидящего Бога в общественных моральных вещах, т.е. в гражданских обычаях, благодаря которым появились и сохраняются на свете Нации.

Этот же луч отражается от груди Метафизики на статую Гомера, первого дошедшего до нас автора Язычества, так как силу Метафизики (она с самого начала возникла соответственно Истории человеческих Идей в тот момент, как только люди начали мыслить по-человечески) мы в конце концов нисходим в беспомощное сознание первых Основателей языческих наций, состоявшее целиком из могучих чувств и беспредельного воображения. И именно потому, что они обладали одной только способностью, слишком рассеянной и тупой, чтобы она могла воспользоваться человеческим умом и рассудком, то оказываются по сравнению с тем, что думали до сих пор, совершенно противоположными, а не только иными Основания Поэзии, в которых до сих пор по этой самой причине были скрыты Основания Поэтической Мудрости, т.е. науки Поэтов-Теологов; последняя же бесспорно была Первой в Мире Мудростью у Язычников. А статуя Гомера на разрушенном базисе должна обозначать Открытие Истинного Гомера. В первом издании "Новой Науки" оно было нами почувствовано, но не понято, а теперь, подвергнутое обсуждению в настоящих Книгах, оно полностью доказывается. Неизвестный до сих пор, Гомер скрывал от нас

истинные отношения Баснословного Времени Наций и еще больше - истинные отношения Темного Времени (все отчаялись когда-либо узнать их), а следовательно, и первое истинное Происхождение отношений Исторического Времени: таковы три Времени Мира, которые Описал нам Марк Теренций Варрон, самый ученый писатель о Римских Древностях, в своем великом, ныне утерянном произведении, озаглавленном "De Rebus Divinarum et Humanarum". Кроме того, здесь указывается, что Философия посредством Нового Критического Искусства, не существовавшего до сих пор, приступая к Изысканиям Истины о Создателях самих Наций (протекло много больше тысячи лет, пока у наций смогли появиться Писатели, которыми до сих пор занималась Критика), обращается в настоящем Произведении к испытанию Филологии, т.е. Учения обо всем том, что зависит от человеческой воли: таковы все Истории Языков, Нравов, Событий как мира, так и войны народов. Вследствие плачевной темноты причин и почти бесконечного разнообразия следствий Философия испытывала чуть не ужас перед рассуждением об этом, здесь же она снова придает Филологии форму Науки, раскрывая перед нею план Идеальной Вечной Истории, согласно которому протекают во времени Истории всех наций; таким образом в этом новом своем главном аспекте данная Наука оказывается Философией Авторитета. Ведь в силу новых открытых здесь Оснований Мифологии, вытекающих из новых открытых здесь Оснований Поэзии, доказываемая, что Мифы были истинными и строгими Историями нравов древнейших Народов Греции, и прежде всего, что Мифы о Богах были Историями тех времен, когда люди самого грубого языческого Человечества верили, будто все необходимые или полезные для рода человеческого вещи суть божества. Создателями такой Поэзии были первые народы, состоявшие, как это будет показано, целиком из Поэтов-Теологов; они несомненно, как нам рассказывают, основали языческие нации при посредстве Мифов о Богах. И здесь при помощи Оснований нашего Нового Критического Искусства будет рассмотрено, в какие определенные времена и при каких особых обстоятельствах человеческой необходимости или пользы, подмеченных первыми людьми Язычества, последние в устрашающих религиях, которые они же сами для себя выдумывали и в которые они верили, воображали себе сначала одних, а потом других Богов. Эта Естественная Теогония, т.е. возникновение Богов, естественно происходящее в сознании Греков, даст нам Рациональную Хронологию, заполняющую пустоту тех тысячелетий, которые неизбежно должны были протечь у языческих наций, чтобы у них появились в конце концов Писатели, как у Греков Гомер; доказываемая, что он появился больше чем через тысячу лет после того, как Эллин основал Грецию, по которому Греки называли себя Эллинами. Гомер, этот царь и отец всех Поэтов, как доказываемая, даже не записал своих поэм, ибо в его время у Греков не были еще изобретены народные буквы. Героические Мифы были истинными Историями Героев и их героических нравов; последние, как это будет показано, процветали у всех наций во время их варварства. Таким образом, обе поэмы Гомера оказываются двумя великими Сокровищницами для Открытия Естественного Права греческих Народов, пребы-

вавших еще в варварстве; время этого варварства, как определяется в настоящем Произведении, длилось у Греков вплоть до Геродота, называемого отцом Греческой Истории; книги его наполнены по большей части мифами, и стиль его сохраняет очень много Гомеровского. Такого же стиля придерживались и все позднейшие Историки: они пользовались средним стилем между поэтическим и народным. Но Фукидид, первый серьезный и солидный историк Греции, в начале своих повествований признает, что до времен его отца (а это было время Геродота, который был старцем, когда Фукидид был ребенком) Греки ничего не знали не только о чужестранных Древностях (относительно которых, за исключением римских древностей, все, что мы имеем, идет от Греков), но даже о своих собственных⁴: все это - глубокий мрак, который Картина показывает в глубине. Из этого мрака, освещенные лучом Божественного Провидения, который отражается от Метафизики на Гомера, выступают на свет все иероглифы, обозначающие Основания Мира Наций, известные до сих пор только как его явления.

Среди этих иероглифов, прежде всего, виден Алтарь, так как Мир Гражданственности начался у всех народов с Религий, как отчасти это было уже указано и подробнее будет разобрано немногим ниже.

Справа на Алтаре первым появляется *Lituus*, т.е. жезл, посредством которого Авгуры получали авгурии и гадали по полету птиц. Под ним следует понимать Предсказания, с которых у всех язычников начались первые божественные вещи. Ведь по атрибуту Божественного Провидения, как истинному у Евреев (они верили, что Бог - это бесконечный Ум и что он видит, следовательно, все времена в одной точке вечности, и что поэтому Бог, или сам, или через ангелов, - а они тоже духи, - или через Пророков, с духом которых он говорил, указывал будущее своему народу), так и воображаемому у Язычников (они воображали, что Боги - это тела, и что поэтому они чувственно воспринимаемыми знаками указывают народам будущее), вообще у всего рода человеческого Естеству Бога дается имя *Divinitas* по той же самой идее, по которой Латиняне говорили *divinari* - предсказывать будущее. Существует, однако, основное указанное выше отличие, и от него зависят все другие: наша Наука доказывает существование разницы между Естественным Правом Евреев и Естественным Правом народов; последнее, как определяли Римские Юристы, было установлено Божественным Провидением посредством человеческих нравов. Таким образом, этот Жезл указывает сразу и Основания всеобщей Языческой Истории. Физическими и филологическими доказательствами здесь будет показано, что началась она с Всемирного Потопа. После него через два столетия, как это также рассказывает Баснословная История, Небо начало царствовать на земле и совершило много великих благодеяний для рода человеческого. В силу единообразия идей у Восточных народов, Египтян, Греков, Латинян и других древних языческих наций одинаково возникли Религии многих Юпитеров, так как будет доказано, что к концу этого вре-

мени после Потопа должны были засверкать молнии и загреметь громы на небе; и от молний и громов своего Юпитера каждая из наций начала получать предсказания. Эта множественность Юпитеров (причем Египтяне говорили, что их Юпитер-Аммон самый древний из всех) до сих пор удивляла Филологов. Теми же самыми доказательствами, которые свидетельствуют о том, что народы основываются посредством Религий, здесь будет показана Древность Религии Евреев и тем самым истинность Христианской Религии.

На том же Алтаре рядом с авгуровским Жезлом видны вода и огонь. Вода находится в кувшине, так как ради Предсказаний у Язычников возникли Жертвоприношения, согласно тому общему для всех них обычаю, который Латиняне называли *procurare auspicia*, т.е. приносить жертву, чтобы хорошо понять прорицания и хорошо исполнить божественные указы, иными словами, приказание Юпитера; и это - у язычников божественные вещи, от которых позже возникли все их человеческие вещи.

Первыми из них были Браки, обозначенные Факелом, зажженным от огня на том же алтаре и прислоненным к кувшину; Браки, - в чем согласны все Политики, - это питомники семей, как и семьи - питомники Государства *и ни у одной нации они не заключаются без какой-нибудь божественной церемонии*; и для обозначения этого Факел, хоть он и является Иероглифом человеческого установления, помещен на алтаре между водой и огнем, т.е. иероглифами божественных церемоний; именно так Древние Римляне праздновали свадьбу *aqua et ignis*, ибо эти две общие для всех вещи (и прежде огня - вечная вода, как самая необходимая вещь для жизни) - впоследствии это станет понятным - согласно божественному предустановлению привели людей к жизни в обществе.

Второе из человеческих установлений, по которому у Латинян от *humare* - погребать - первоначально и в собственном смысле названа *Humanitas*, - это погребения. Они представлены Погребальной Урной, стоящей отдельно в глубине леса; это указывает, что погребения существовали с того самого времени, когда люди ели яблоки летом и желуди зимою. На урне написано *D. M.7*, что значит: "добрым душам погребенных"; это изречение указывает на общее согласие всего рода человеческого с тем положением, истинность которого впоследствии доказал Платон, что души человеческие не умирают вместе с телом, а бессмертны. Урна указывает, кроме того, на Возникновение среди тех же Язычников Раздела Полей; здесь же следует искать Возникновение деления на Города и Народы и в конце концов Нации. Ниже мы покажем, что с расами (сначала Хама, потом Яфета и, наконец, Сима) произошло следующее: без религии своего отца Ноя, от которой они отреклись, - а она одна могла при тогдашнем естественном состоянии удержать их посредством браков в обществе семей, - они затерялись, блуждая как звери, в великом Лесу Земли, чтобы преследовать пугливых и сопротивляющихся женщин, чтобы спастись от зверей, кото-

рыми неминуемо должен был изобиловать великий древний лес; так они разошлись в поисках пищи и воды; поэтому через много лет они дошли до состояния животных; но тогда при известных обстоятельствах, установленных Божественным Провидением (их наша Наука открывает и исследует), потрясенные и пробужденные ужасом перед одним из Божеств Неба, или Юпитером, которого они сами придумали и в которого они уверовали, некоторые из них, в конце концов, останавливались и прятались в определенных местах; там они укрывались с определенными женщинами, и из страха перед Божеством телесными соединениями, религиозными и целомудренными, сокровенно праздновали браки и производили определенных детей; таким образом основывали они семьи; и тем, что они оставались там в течение долгого времени, а также погребением предков, они, как оказалось, основали и разделили первую собственность на землю. Властители ее назывались Гигантами, ибо по-гречески это слово значит то же, что “сыновья Земли”, т.е. потомки погребенных. И поэтому они считали себя благородными, полагая в этом первом состоянии вещей человеческих, по правильной идее, благородство в том, что они были рождены по-человечески в страхе перед Божеством; от этого способа рождасть по-человечески, а не иначе, как это будет обнаружено, и был назван именно так Род Человеческий; поэтому и Дома, разветвленные на множество Семей таким рождением, назывались первыми родами. С этого момента древнейшего времени начинается как предмет, так и наука о Естественном Праве Народов: таков новый основной аспект, в котором нужно рассматривать нашу Науку. Итак, эти гиганты по соображениям физическим и моральным, помимо авторитета Истории, были, оказывается, невероятно сильными и безобразно сложенными; так как эти причины не влияли на верующих в истинного Бога, творца мира, и в родоначальника всего рода человеческого, Адама, то Евреи с самого начала мира были соразмерного телосложения. Таким образом, после первого Основания (относительно Божественного Провидения) и второго (о Торжественных Браках) всеобщая вера в Бессмертие души, начавшаяся с погребений, является третьим из трех Оснований, опираясь на которые настоящая Наука обсуждает Происхождение всех бесконечно разнообразных вещей, подлежащих ее рассмотрению.

Из лесов, где стоит Урна, выступает вперед Соха; она указывает, что Отцы первых Родов были первыми силачами Истории; поэтому оказывается, что упоминавшиеся выше Геркулесы были первыми основателями Языческих Наций (Варрон насчитывал их до сорока, а Египтяне говорили, что их Геркулес - самый древний из всех), так как они одолели первые в мире земли и сделали их доступными для земледелия. Поэтому первые отцы языческих наций были справедливы, так как из мнимого благочестия они наблюдали ауспиции, считавшиеся божественными приказаниями Юпитера (у Латинян он назывался Jous, отсюда древнее слово Jous - право, которое потом сокращенно выговаривалось как Jus; поэтому справедливость у всех наций, естественно, обозначается как благочестие); они были умны, так как совершали

жертвоприношения для того, чтобы получить или правильно понять ауспиции и быть правильно осведомленными о том, что они по приказаниям Юпитера должны делать в жизни; они были воздержаны вследствие браков; они были, как это здесь уже указывалось, также и сильны. Отсюда получают новые Основания для Философии Морали, где Тайная Мудрость Философов должна согласоваться с Народной Мудростью Законодателей. В силу этих Оснований все добродетели уходят своими корнями в Благочестие и в Религию: лишь они одни способны вызвать добродетельные поступки, и в соответствии с ними люди должны считать хорошим все то, чего желает Бог. Здесь даются также новые Основания для Экономического Учения, так как сыновья, пока они находятся под властью своих отцов, должны считаться пребывающими в состоянии Семей и, следовательно, должны воспитываться и сдерживаться во всех своих занятиях только благочестием и религией; и пока они еще неспособны понять государство и законы, они должны почитать и страшиться отцов, как живых образов Бога; поэтому впоследствии они оказываются естественно подготовленными к тому, чтобы соблюдать религию своих отцов и защищать отечество, которое сохраняет им семьи, а также повиноваться законам, установленным для сохранения религии и отечества. Таким образом, Божественное Провидение расположило дела человеческие соответственно тому вечному установлению, что сначала закладываются семьи при посредстве Религий, а на основе этих семей потом должны возникнуть Государства при посредстве Законов.

Соха прислонена рукояткой почти прямо спереди к Алтарю, указывая нам, что вспаханные земли были первыми алтарями Язычества, и отмечая, кроме того, превосходство природы Героев, как они думали, над своими союзниками; последние, как мы это увидим немногим ниже, обозначаются Рулем, который виден склоненным около цоколя Алтаря; будет показано, что в этом превосходстве природы Герои полагали право, науку, а потому и управление, которыми они обладали на основании божественных дел, т.е. божественных ауспиций. У Сохи открыт только конец дышла и спрятана кривая часть: прежде чем научились применять железо, должно было существовать кривое дерево, достаточно твердое, чтобы оно могло рассекать землю и вспахивать ее, эта кривая часть у Латинян называлась *igbs9*, откуда древнее *igbim* - кривое. Это должно означать, что первые города, - а все они закладывались на возделанных полях, - возникли потому, что семьи оставались долгое время оседлыми и скрытыми благодаря страху перед священными чашами; такие места обнаруживаются у всех древних языческих наций, и по общей для всех идее назывались латинскими людьми *Luci10*: то были выжженные земли среди окружающих их чаш; последние были обречены Моисеем на сожжение, куда бы ни распространялись завоевания избранного Богом народа: и все это - по установлению Божественного Провидения, чтобы люди, уже достигшие Человечности, не путались снова с бродягами, оставшимися в нечестивой общности как вещей, так и женщин.

С правой стороны того же Алтаря виден Руль: он обозначает Происхождение Переселений Народов посредством Мореплавания. А то, что он как бы склоняется к подножию Алтаря, означает предков тех, которые впоследствии стали создателями самих переселений: сначала то были люди безбожные, не знавшие никакого божества; нечестивые, - ибо раз они не различали родства посредством браков, то часто сыновья возлежали с матерями и отцы с дочерьми; и наконец, раз они, как дикие звери, не знали общества и были среди этой гнусной общности вещей совершенно одиночки, а потому слабы и, в конце концов, жалки и несчастны (так как они нуждались во всех тех благах, которые необходимы для надежной охраны жизни), то в бегстве от своих собственных зол, испытанных ими в драках, порожденных звериной общностью, ради своего избавления и спасения они уходили на земли, возделанные благочестивыми, целомудренными, сильными и, следовательно, могущественными, уже объединенными в общество семей. Будет показано, что по этим землям Города назывались агае во всем древнем мире Язычества, *как об этом сообщают авторитеты относительно Сирии, Греции, Италии, Африки, Испании и стран Севера*; таковы были первые Алтари Языческих Наций; первый зажженный на них огонь был тем огнем, который поджег леса, чтобы их уничтожить и сделать доступными для земледелия; и первая вода была водой из неиссякаемых источников, необходимая будущим основателям Человечества для того, чтобы им не приходилось больше скитаться в поисках воды, как зверям; напротив, в пределах обнесенной границей земли они оставались в течение очень долгого времени и потому отвыкли от бродяжничанья. А потому эти первые Алтари, оказывается, были первыми Убежищами в мире, которые Ливии определяет в общей форме как *vetus urbes condentium consilium*¹², как, например, внутри Убежища, открытого в Роще, Ромул по преданию основал Рим; поэтому почти все Первые Города назывались Агае. К этому присоединяется еще следующее большое открытие: у Греков, от которых, как об этом уже говорилось выше, мы имеем все то, что имеем от Языческой Древности, первая Фракия, или Скифия, т.е. первый Север, первая Азия и первая Индия, т.е. первый Восток, первая Мавритания, или Ливия, т.е. первый Юг, первая Европа, или первая Гесперия, т.е. первый Запад, а вместе с нею и первый Океан, - все они возникли в пределах самой Греции; впоследствии Греки, разошедшиеся по миру, по соответствию местоположения называли этими именами все четыре страны света и Океан, их окружающий. Такие открытия, утверждаем мы, дают новые Основания для Географии; они, как и новые Основания, намеченные для Хронологии (а это - два глаза Истории), необходимы, чтобы читать Вечную Идеальную Историю, упомянутую выше. К таким Алтарям прибегали нечестивые слабые бродяги, преследуемые физически более крепкими, а Благочестивые сильные люди убивали этих насильников и принимали под свою защиту слабых. Так как последние не приносили с собой ничего, кроме жизни, то их принимали в качестве слуг - *Famuli* и снабжали средствами для поддержания жизни: по этим *Famuli* первоначально назывались семьи (*familiae*). *Famuli* были прототипами Рабов, появившихся позже вместе с пленением на войне.

Отсюда исходят, как из одного ствола, множество ветвей: Происхождение Убежищ, как мы это видели. Происхождение Семей, на основе которых позже появились Города, как это будет разъяснено ниже; Происхождение прославления городов, *это делалось, чтобы предохранить себя от тех бед, которые человек приносит человеку, — бед более опасных, чем все то, что когда-либо было причинено роду Человеческому всей злобной природой, как это подсчетами доказал один Философ*¹³; Происхождение Подсудности, осуществляемой в пределах собственной территории; Происхождение распространения Империй, которое происходит благодаря применению справедливости, силы и великодушия, - самых блистательных доблестей Царей и Государств; Происхождение родовых Гербов, первые поля которых, как оказывается, были первыми засеянными полями; Происхождение Молвы (Fama), по которой были названы Famuli, и Славы (Gloria), которая от веку предназначена служить роду человеческому; Происхождение истинного Благородства, которое естественно возникает от упражнения моральных добродетелей; *как то: благочестия, религиозности, благоразумия в советах, воздержанности в наслаждениях, мастерства в трудах; это благородство при пороках в этих добродетелях, теряется.* Происхождение истинного Героизма, который состоит в том, чтобы усмирять гордых и помогать находящимся в опасности; в этом героизме Рим превзошел все народы на земле и потому стал господином мира; наконец. Происхождение Войны и Мира (Война началась с собственной защиты, в чем состоит истинная доблесть силы). Во всем этом раскрывается предначертанный Вечный План Государств, которого все Государства, даже если они были приобретены насилием и обманом, должны придерживаться, чтобы иметь длительное существование, и, наоборот, приобретенные таким искусственным путем впоследствии разрушаются обманом и силой. И этот план Государств строится на двух Вечных Основаниях Мира Наций: Сознании и Теле людей, его составляющих. Ведь поскольку люди состоят из этих двух частей, одна из которых - благородна и, как таковая, должна повелевать, а другая - низка и должна служить, а также в силу испорченности человеческой природы, без помощи Философии, которая может помочь лишь очень немногим, и так как вообще люди не могут сделать так, чтобы сознание у каждого в отдельности повелевало, а не служило его телу, то Божественное Провидение расположило дела человеческие посредством этого Вечного Порядка так, что в Государствах пользующиеся сознанием - повелевают, а пользующиеся телом - повинуются. *Если кому-нибудь покажется, что этот Порядок не вечен, так как сознание тогда является сознанием, когда оно пользуется правом, справедливостью и истиной, а в Государствах часто повелевают Обман, Произвол и Сила, то мы ответим: пусть он испытает это на покоренных и потрясенных Государствах, где повелевающие оказываются принужденными вечной необходимостью этого естественного Порядка снова вернуться к Сознанию и передать правление в руки Мудрых и Сильных; а если правители этих государств не сумеют увидеть или не смогут найти выхода, тогда, несомненно, эти народы должны будут служить таким народам и государствам, у ко-*

торых лучшее сознание; значит, неверно, будто мир всегда принадлежал наиболее сильным телом или оружием; истинно же то, что Мир всегда принадлежал народам с наибольшей силой сознания (в нем истина) и потому с наибольшей гражданской доблестью: ведь Римский Мир был уже преисполнен низости и запятнан всеми пороками обмана, когда он был разрушен и разорен Варварами, несравненно более благородными, так как у них было больше искренности и больше правды.

Руль склоняется к подножию Алтаря, так как Famuli, как люди без Бога, не были приобщены к делам божественным, и соответственно с этим тем меньше были приобщены они вместе с Благородными к делам человеческим, и прежде всего - к праву праздновать Торжественные Браки (Латиняне называли их Connubium), наиболее торжественная часть которых заключалась в ауспигиях; именно из-за Браков Благородные приписывали себе божественное, а Famuli - скотское происхождение, как рожденным от нечестивого сожительства, *без страха перед каким-либо Божеством*; такое отличие более благородной природы, одинаково существовавшее у Египтян, Греков и Латинян, показывает, что существовал естественный героизм, в который верили: он особенно ясно рассказан нам Древней Римской Историей.

Наконец, Руль находится в удалении от Сохи; она с передней стороны. Алтаря враждебно и угрожающе обращает к Рулю свое острие, так как Famuli, не имея, как было сказано выше, своей доли в земельной собственности (вся земля находилась под властью благородных), до тошноты пресытившись обязанностью все время служить господам, долгое время спустя стали в конце концов претендовать на землю и потому восстали против Героев в Аграрных революциях; последние, как это будет показано, значительно древнее и совершенно отличны от Аграрных революций, известных нам из Новейшей Римской Истории. Тогда многие главари таких толп Famuli, восставших и побежденных своими Героями (как и Египетских Крестьян часто побеждали Жрецы, по наблюдению Петра Кунеуса "De Republica Hebraeorum"), чтобы не быть перебитыми и найти спасение в бегстве, с несколькими людьми из своих отрядов отдавались на волю волн и отправлялись искать пустые земли на западных берегах Средиземного моря, которое в те времена не было заселено в прибрежной части. Таково Происхождение Переселения Народов, вызванное даже вполне человеческой религией Востока, Египта, а на всем Востоке - прежде всего Финикии; *столица которой Тир, вплоть до времен Героев Греции, как мы это читаем в Древней Истории, была славна мореходством и колониями*; по совершенно таким же причинам впоследствии то же самое произошло и с Греками. Таким образом, не избыток населения, которое не может переправиться через море; не стремление сохранить отдаленные приобретения посредством уже известных колоний, так как ни от Востока, ни от Египта, ни от Греции мы не знаем, чтобы на Западе существовала какая-нибудь обширная Империя, не ради торговых сношений, так как Запад в те

времена, оказывается, не был еще заселен на побережьях, - но Героическое Право привело у этих наций к необходимости для таких отрядов людей покидать собственные земли, которые, естественно, покидаются только в случае какой-нибудь крайней необходимости. Посредством таких Колоний (почему они и были названы Героическими Заморскими) род человеческий распространился и по морю на остальную часть нашего мира, так же как в зверином блуждании задолго до этого он распространился по земле.

Спереди, перед Сохою, выступает Скрижаль с написанным на ней древним латинским алфавитом (он, как рассказывает Тацит¹⁴, был похож на древний греческий алфавит) и с позднейшим алфавитом внизу, который остался нам. Скрижаль обозначает Происхождение Языков и Букв, называемых народными: оказывается, они появились через долгое время после того, как были основаны Нации и буквы, - значительно позже, чем языки; для обозначения этого Скрижаль лежит на обломке колонны, коринфского ордена, самого современного из архитектурных орденов. Лежит Скрижаль совсем рядом с Сохой и очень далеко от Руля для обозначения Происхождения туземных Языков; последние образовались первоначально каждый на своей собственной земле, где в конце концов, волею судеб прекращали свое звериное скитание создатели наций, рассеянные, как это уже говорилось выше, и разбросанные по великому лесу земли. Из таких туземных языков через долгое время составились Восточные Языки, Египетские или Греческие, путем смешения в результате переселения народов, происходившего на побережьях Средиземного моря и Океана, как было указано выше, *так как, конечно, Корабельное Искусство и Мореплавание — это самые последние открытия нации; поэтому Истинность Священной Истории доказывается ее древностью по сравнению с историей всех других наций мира и, в особенности по сравнению с Египтянами.*

Здесь даются новые Основания Этимологии, и многочисленные образцы ее приводятся на протяжении всего Произведения, благодаря им проводится различие между туземными по происхождению словами и теми, происхождение которых несомненно чужестранное; при этом очень важно следующее различие: Этимология Туземных Языков является историей вещей, обозначаемых этими словами, согласно тому естественному порядку идей, что сначала были леса, потом - возделанные поля и хижины, после - маленькие дома и деревни, затем - Города, наконец - Академии и Философы (согласно этому Порядку должны совершенствоваться вещи от самого их Возникновения); Этимология же Иностранных языков должна быть чистой историей слов, заимствованных одним языком от другого. Скрижаль показывает только начала алфавитов и лежит против статуи Гомера, *так как народные языки и письмена, как и все рожденное или созданное, образуются постепенно; греческое предание таково, что первые греческие буквы были открыты Паламедом во время Троянской Войны; другие — потом Симонидом, который, как рассказывают, был пер-*

вым изобретателем мнемоники; и, наконец, третьи — Аристархом, который критически очистил поэмы Гомера; и необходимо принять, что по крайней мере не все они были изобретены во время Гомера, который, как это доказывается, не оставил после себя написанной ни одной из своих поэм и может быть, только с Аристарха они начали записываться; здесь это необходимо предусмотреть ради Открытия Истинного Гомера, которому отведена одна из настоящих книг. Относительно же происхождения туземных языков здесь будет дано более точное указание.

Наконец, на самой освещенной части низа картины (ибо здесь выставлены иероглифы, обозначающие дела человеческие *времен, несколько более близких к нам и, следовательно, несколько более известных,*) прихотливо расположенными, изобретательный живописец показывает римскую связку, меч и кошелек, прислоненные к связке, весы и кадуцей Меркурия.

Первый из этих иероглифов - связка, так как первые Гражданские Власти возникли из союзов родительской власти Отцов; Отцы у Язычников были Мудрецами, сведущими в божественных ауспичиях. Жрецами, чтобы добиваться их или же правильно понимать посредством жертвоприношений, Царями и именно Монархами, которые приказывали то, чего, по их мнению, желали Боги в ауспичиях; *и Монархами потому, что подчинены они были только Богу; значит, правильно учит Божественная Мудрость, что у всех наций Цари царствуют от Бога;* следовательно, подчинены они были только Богу. Таким образом, связка состоит из авгуровских жезлов, которые, как оказывается, были первыми в мире скипетрами, *это обозначает, что в особе первых Отцов одно и то же было Мудрость, Жречество и Царство.* Эти Отцы во время вышеупомянутых аграрных волнений, ради сопротивления восставшим против них толпам *Fatuli*, естественно, принуждены были объединиться и замкнуться в Первые сословия Правящих Сенатов, т.е. Сенатов из многих Семейных Царей под руководством соответствующих Главарей сословия, которые, оказывается, были первыми Царями Героических Городов; о последних нам также рассказывает, хотя и слишком темно. Древняя История, что в первом мире народов избирали Царей по природе; это мы здесь обсуждаем и находим истолкование образа. Итак, для того чтобы удовлетворить восставшие толпы *Fatuli* и привести их к повиновению, эти правящие Сенаты дали им в виде уступки Аграрный Закон, который, как оказывается, был первым из всех появившихся на свете гражданских законов, тогда, естественно, из *Fatuli*, усмирённых такими законами, образовались первые плебеи городов. Уступка Благородными этим Плебеям состояла в предоставлении им естественной собственности на поля, тогда как гражданская оставалась у Благородных, - лишь они одни были гражданами Героических Городов; отсюда возникла Верховная собственность (*dominium eminens*) самих Сословий, которые были Первыми Гражданскими Властями, т.е. суверенными властями народов. Все эти три вида соб-

ственности образовались и стали различаться с возникновением Республик, которые у всех наций по одной и той же идее в разных произношениях, оказывается, назывались Геркулесовскими Республиками, или Республиками Куретов, т.е. Республиками вооруженных в народном собрании. Отсюда проясняются Начала знаменитого Jus Quiritium¹⁵, которое Истолкователи Римского Права считали правом римских граждан, ибо в последние времена это Было именно так; но в древние римские времена, оказывается, существовало Естественное Право, общее для всех Героических народов. И отсюда вытекают, как много рек из одного большого источника: Происхождение Городов, которые возникли на основе Семей, состоящих не только из сыновей, но также и из Famuli (поэтому будет показано, что Города были основаны на двух общинах: общине Благородных, которые там повелевали, и общине плебеев, которые повиновались, - из этих двух частей складывается вся Администрация, т.е. сущность Гражданских Властей; будет доказано, что эти первые Города не могли возникнуть на свете ни из одних только Семейств Сыновей, ни каким-либо другим способом); Происхождение Народной Власти, родившейся из союза частной власти суверенных отцов в состоянии семей; Происхождение войны и мира, так как все Республики зародились посредством вооруженных восстаний, а потом сложились при посредстве законов, - от этой природы дел человеческих осталось то вечное свойство, что войны ведутся ради спокойной жизни народов в мире; *а эти законы зарождались у всех народов частным образом дома, а потом признавались справедливыми для всего рода человеческого в войнах*; Происхождение феодалов, так как на основе особого рода земледельческих феодалов Плебеи подчинились Благородным, а на основе других, Благородных или вооруженных феодалов, Благородные, которые были Суверенами в своих Семьях, подчинились еще более суверенной власти своих героических сословий; оказывается, что царства варварских времен всегда возникали на основе феодалов; *поэтому посредством Нового Критического Искусства, примененного к Основателям Наций, проясняется История Новых Европейских Царств, возникших во времена последнего варварства*; они дошли до нас еще более темными, чем времена первого варварства, о которых говорил Варрон. Ведь первые поля благородные отдали плебеем ценою уплаты ими десятины, называвшейся у Греков Геркулесовой, т.е. Ценза; оказывается, что последний был установлен Сервием Туллеем для римлян как Трибут; он накладывал на Плебеев также обязательство служить за собственные средства Благородным на войне, как это также читаем совершенно определенно в Древней Римской Истории. И здесь вскрывается Происхождение Ценза, ставшего впоследствии основой Народных Республик (это Исследование стоило нам наибольшего труда по сравнению со всем тем, что относится к Римской истории, а именно: найти тот путь, которым ценз Сервия Туллия превратился в этот ценз; первый, как будет показано, был основой древних Аристократических Республик): этим все были введены в заблуждение, так как считали, что Сервий Туллий установил ценз как основу народной свободы. Из того же самого основания вытекает Происхождение торговли, ибо, как мы это говорили, торговля не-

движимым имуществом возникла вместе с городами; торговля стала называться так по той первой появившейся в мире плате, за которую герои отдали поля *fatuli*, обязав последних служить себе по упомянутому нами закону. Происхождение Эрария¹⁶, который появился в зачаточной форме с возникновением Государств *так как ни Государства не могут управляться без Эрария, ни Эрарий не может существовать без торговли; и обнаруживается, что у Римлян Эрарий в собственном смысле слова начался с необходимости общественной уплаты жалованья солдатам для содержания их во время войн (доказывается это дальше на своем месте, где речь идет о Происхождении Эрария)*. Также и история следующих слов: “*солдо*”, — откуда солдат; “*скудо*”, которое является также оружием защиты; “*дукат*”, который был жалованьем начальников¹⁷, ~ рассказывает нам о том, что эти Эрарии возникли во времена вернувшегося варварства. Происхождение Колоний: оказывается, первоначально они были толпами крестьян, служивших Героям для поддержания своей жизни; потом - толпами вассалов, которые обрабатывали для себя поля за реальные и личные, заранее определенные налоги; эти Колонии назывались Материковыми Героическими в отличие от Заморских, уже упомянутых выше *эти земледельческие колонии впоследствии распространились и процветали как разновидность Провинций и Царств, присоединенных посредством какого-нибудь закона о наследовании*. И, наконец, Происхождение Государств, которые возникли в виде самых суровых Аристократий, где плебеи были совершенно лишены всяких гражданских прав, *и отсюда получают новые основания для Политики, не только отличные, но совершенно противоположные тому, о чем рассуждали до сих пор; новые Основания для чтения Всеобщей Истории, и в частности Римской; последняя до сих пор не была прочтена с подобающей точки зрения*; отсюда мы находим, что Рим был Царством Аристократическим, которое пало под тиранией Тарквиния Гордого; последняя была еще хуже правления благородных - он уничтожил почти весь Сенат; затем Юний Брут в деле Лукреции воспользовался случаем поднять плебс против Тарквиния и, освободив Рим от тирании, восстановил Сенат и реорганизовал Государство на новых основах: установив вместо одного пожизненного царя двух Консулов с годичным сроком правления, он не ввел народную, а закрепил Господскую Свободу; последняя, как мы покажем, существовала до Закона Публилия (посредством этого закона Диктатор Публилий Филон, прозванный поэтому Народным, разъяснил, что Римская Республика стала народной по устройству), и прекратилась окончательно с Закона Петелия, совершенно избавившего плебс от земельного феодального права заключения в собственную тюрьму, которым обладали Благородные по отношению к Плебеям-должникам; об этих двух Законах, которые заключают в себе два самых значительных момента Римской Истории, *и соответственно с этим всей Истории мира*; вовсе не размышляли до сих пор ни Политики, ни Юристы, ни ученые Истолкователи Римского Права, так как они опирались на миф о Законах XII Таблиц, пришедших якобы из свободных Афин, чтобы установить в Риме народную Свободу; эти два закона разъясняют, что свобода была уста-

новлена в самом Риме его естественными обычаями; Миф этот был раскрыт в “Основаниях Всеобщего Права”¹⁸, вышедших из печати много лет назад. Поэтому, раз законы следует интерпретировать в соответствии с состоянием Государств, то из таких Оснований Римского Правления мы получаем Новые Основания для Римской Юриспруденции.

Меч, опирающийся на связку, означает, что Героическое Право было Правом Силы, но предусмотренным все же Религией (она одна может сдерживать и силу и оружие там, где еще не найдены судебные законы или где они уже бессильны); это героическое право - в точности право Ахилла, т.е. героя, воспетого Гомером для народов Греции в качестве примера Героической Доблести и все право полагающего в своем оружии. Здесь вскрывается Происхождение Поединков; и как несомненно, что они процветали в последние варварские времена, так же, оказывается, они практиковались во времена первого варварства: тогда могущественные не были еще приучены мстить за взаимные обиды и несправедливости судебными законами и пользовались неким божьим судом, в котором они призывали Бога как свидетеля и судью обиды; и по судьбе сражения, какова бы она ни была, они с таким почтением принимали решение, что как только обиженная сторона оказывалась побежденной, она признавалась виновной, - таково было высокое установление Божественного Провидения, чтобы в варварские и зверские времена (когда еще не понимали права и думали, что имеют благосклонного или неблагосклонного Бога) от таких частных войн не произрастали другие войны, которые в конце концов уничтожили бы род человеческий. Этот естественный здравый смысл варваров может иметь основу только во врожденном представлении, существующем у людей относительно Божественного Провидения, к которому они должны приноровиться, когда видят хороших людей угнетенными и злодеев процветающими. По всем этим причинам Поединок считался особым видом божественного очищения; поэтому, если теперь в нашей культуре, которая посредством законов установила уголовные и гражданские суды Поединки запрещены, то в варварские времена они считались необходимыми. *Таким образом, Поединки (на деле они были частными войнами) происходили между могущественными людьми, поэтому все еще продолжается среди крупных баронов, хотя и ставших вассалами, этот обычай сражаться друг с другом в силу своей насильственной юрисдикции: в силу последней они объявляют *disfida* (от *fida*, феодального слова, так как вызовы зародились в пределах того же самого варварства, почти одновременно с феодами и поединками), как говорят, делают вызов, и решают споры по судьбе в сражении; таким образом, утверждаем мы, в Поединках, т.е. частных войнах, обнаруживается происхождение общественных войн, которые должны вести Могущественные Мира, т.е. Гражданские Власти, подчиненные только Богу; они их оправдывают манифестами, они их торжественно объявляют через военных герольдов, чтобы Бог рассудил, дав правому счастье в победе; и это — по установлению Божественного Провидения, чтобы из войн не*

произрастали войны и чтобы род человеческий был спокоен за безопасность общественной собственности, а в этом — Основание так называемой Внешней Законности Войны.

Кошелек поверх связки показывает, что Торговля посредством чеканной монеты началась лишь через много времени после того, как были основаны Гражданские Власти; так, о чеканной монете мы не читаем ни в одной из обеих Поэм Гомера. Тот же иероглиф указывает на Происхождение этих чеканных монет: они, оказывается, происходят от тех Родовых Гербов, которые (как отчасти это было указано выше относительно первоначальных Полей Гербов) должны были обозначать права и доказательства благородства, принадлежащие больше одной семье, чем другой. Отсюда впоследствии возникли Общественные Девизы, т.е. Гербы Народов; впоследствии они были водружены на Военные Знамена, и ими пользуется, как немymi словами, Военная Наука; в конце концов, они были запечатлены у всех народов на монетах. Отсюда получают новые Основания для Науки о Медалях, а также для Науки, называемой Геральдикой, - одно из трех мест, которые удовлетворяют нас в первом издании “Новой Науки”¹⁹.

Весы рядом с кошельком показывают, что после Аристократических Правлений, - а они были Героическими Правлениями, - наступили человеческие Правления, в первоначальном виде - народные; тогда народы, поняв, наконец, что разумная природа, - а это и есть истинная человеческая природа, - равна во всех, - согласно этому природному равенству, в силу причин, которые обсуждаются в Вечной Идеальной Истории и в точности встречаются в Римской Истории, постепенно свели Героев к гражданскому равенству в Народных Республиках. Это нам обозначают Весы, ибо, как говорили Греки, в народных республиках все проистекает по жребию или по весам. Но, в конце концов, раз свободные народы не могут посредством законов сохранять гражданское равенство из-за партийной борьбы могущественных и раз им грозит опасность погибнуть из-за гражданских войн, то, конечно, ради своего спасения по Естественному Царскому Закону, общему для всех народов во все времена при таких испорченных Народных Государствах (ибо Гражданский Царский Закон, изданный будто бы Римским народом для узаконения Римской Монархии в особе Августа, оказывается, как это было доказано в “Основаниях Всеобщего Права”, Мифом; вместе с разобранным там Мифом о Законах XII Таблиц, пришедших якобы из Афин, они составляют два таких места, ради которых мы полагаем, что не напрасно написали это Произведение), - по такому Закону, или, скорее, естественному обычаю человеческого племени, народы ищут прибежища в монархии - втором виде Человеческих Правительств, *здесь один, т.е. Монарх, — отличен, а все остальные законами уравнины друг с другом; таким образом народы, приведенные в отчаяние в этих Монархиях, при крайних необходимостях жизни и естественной свободы, обращаются к народной свободе.* Таким образом, эти две последние формы Правлений, и

именно человеческих Правлений, в современной культуре взаимно сменяют друг друга; но ни одна из этих двух форм не переходит естественным порядком в Аристократические Государства, где только благородные повелевают, а все другие им повинуются; поэтому теперь осталось на свете лишь очень немного Республик Благородных: в Германии - Нюрнберг, в Далмации - Рагуза, в Италии - Венеция, Генуя и Лукка. Ведь это - три вида Государств²⁰, которое Божественное Провидение вызывает на свет естественными обычаями наций; в естественном порядке они следуют одно за другим, ибо иные, смешанные из этих трех Человеческим Провидением, поскольку природа наций не выносит их, определены следующим образом у Тацита, видящего только действия здесь указанных и впоследствии полностью разобранных причин: "Они скорее достойны похвалы, чем достижимы; а если они где-либо случайно и появятся, то не могут существовать длительно"²¹. Это открытие дает нам новые Основания Политического Учения, не только отличные, но совершенно противоположные тем, которые представляли себе до сих пор.

Кадуцей²² - это последний из иероглифов. Он указывает нам, что первые народы в свои героические времена, когда царствовало Естественное Право Силы, остерегались друг друга как постоянных врагов из-за непрекращавшихся грабежей и морских набегов. И как в первые варварские времена Герои считали почетным титулом, если их называли разбойниками, так и во времена вернувшегося варварства Могущественных называли Корсарами.

Поскольку между ними велись вечные войны, постольку не нужно было объявлять войну. Когда же впоследствии наступили Человеческие Правления, народные или монархические, тогда Международным Человеческим Правом были введены Герольды, которые объявляли войны, и вражда начала прекращаться миром. И все это - по высокому установлению Божественного Провидения, так как во времена своего варварства нации, которые должны были породить новое, были окружены врагами в пределах своих границ, и, будучи дики и неукротимы, они старались истребить друг друга посредством войн; но в то же самое время они росли, обоюдно укрощали друг друга и в силу этого становились терпимы к чужим обычаям; поэтому оказывалось легко народам-победителям щадить жизнь побежденных согласно справедливым законам победы.

Таким образом. Новая Наука, т.е. Метафизика в свете Божественного Провидения, размышляя об общей природе наций и открыв такое происхождение дел божеских и человеческих у языческих наций, строит на них систему естественного права народов, которое проходит совершенно одинаково и с полным постоянством через три Века, протекшие, как говорили Египтяне, за все время мира до них, а именно: Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением и что все решительно им приказывается ауспигиями или оракулами - самыми древни-

ми вещами языческой истории; Век Героев, когда последние повсюду царствовали в Аристократических Републиках на основе, как они полагали, превосходства своей природы, отличающейся от природы их плебеев: и наконец, - Век Людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе; потому в этот век сначала процветали Народные Републики, а под конец - Монархии: обе эти формы являются Человеческими Правлениями, как было сказано немногим выше.

Соответственно этим трем видам природы и правлений люди говорили на трех разных Языках, составляющих Словарь данной Науки: на первом - во времена Семей, когда языческие народы только что приобщились к Культуре, - это был, оказывается, немой язык посредством знаков или тел, имевших естественную связь с идеями, которые они должны были обозначать; на втором - говорили посредством Героических Гербов, *их нужно объяснять следующим естественным порядком идей: сначала были природные тела, — так, например, первые поля на земле были отягощены поэтическим золотом, т.е., как выше указывалось, зерном; потом было оружие, которым благочестивые Сильные люди убивали нечестивых насильников, на них нападавших; затем были подлинны щиты, отягощенные подлинными знаками, — так, например. Персей прибил голову Медузы к своему щиту, а Римские солдаты навешивали на щиты кожу побежденных или военные трофеи; затем были щиты со скульптурными изображениями, наконец — с живописными. На этом героическом языке, как будет показано, говорили в то время, когда царствовали Герои. Среди них господствовало право Ахилла, т.е. силы и оружия. Поэтому на таком языке все еще говорит Военная Наука, ибо часто она должна приказывать и по большей части несет войны разноязычным нациям и, следовательно, оказывается как бы немой среди них. Третьим был Человеческий Язык посредством слов, установленных народным соглашением; абсолютными господами его являются народы, это - язык Народных Республик и Монархических государств, ибо народы дают смысл законам, обязательным не только для плебса, но и для Благородных. Поэтому у всех наций, как только они начинают издавать законы на народных языках. Наука о законах ускользает из рук Благородных: последние до этого везде охраняли законы как нечто священное посредством тайного языка, и повсюду, оказывается, они были жрецами, - это и есть естественная причина тайны Законов у Римских Патрициев до тех пор, пока в Риме не возникла народная Свобода и естественная причина того явления, которое видели только Политики, когда они утверждали, что множественность законов является широкой дорогой для Могущественных в свободных Републиках к достижению Монархии: так, например. Август именно поэтому создал почти что неисчислимое множество законов. Именно таковы те три Языка, на которых говорили, по словам Египтян, до них в их мире и которые в точности соответствуют как числу, так и порядку трех веков, протекших в их мире до них: Иероглифический язык, т.е. Священный, или Тайный, посредством немых жестов, соответствующих Религиям, где важнее соблюдать их, чем разговаривать о*

них; Символический язык, или язык посредством подобий: как мы только что видели, это - Героический язык; и, наконец, язык Письменный, т.е. Народный, который служит народам для повседневных нужд их жизни. Эти три языка обнаруживаются у Халдеев, Скифов, Германцев и всех других древних языческих наций, хотя иероглифическое написание больше сохранилось у Египтян, так как они были дольше других замкнуты от всех иностранных наций: по той же самой причине оно все еще существует у Китайцев, - здесь оформляется доказательство того, что вздорна их воображаемая глубочайшая Древность.

Поэтому здесь будут даны ясные Основания как Языков, так и Письмен, отыскание которых до сих пор приводило в отчаяние Филологию; здесь будет дан также очерк необыкновенных и чудовищных мнений, существовавших об этом до сих пор *и будет показана их нелепость и чудовищность: так-то хорошо Филология до сих пор строилась на своих первых основаниях, которые у каждого искусства и у каждой науки должны быть достоверными и непротиворечивыми!* Несчастную причину такого явления следует искать в том, что, по мнению Филологов, у Наций сначала зарождаются Языки, а потом Письмена, тогда как на самом деле они рождаются близнецами (слегка мы намекнули на это здесь и полностью докажем в настоящих Книгах) и проходят нога в ногу через все три вида, письмена вместе с языками. И эти Основания встречаются в точности в первопричинах Латинского Языка, найденных в первом издании “Новой Науки”; это - второе²³ из трех мест, заставляющих нас не раскаиваться в издании той книги: *так что в настоящих Книгах у нас не было ничего, что нужно было бы там дополнить, а только исправить или разъяснить. По этому примеру причин, вообще рассматриваемых применительно ко всем языкам и встречающихся в частности в латинском (с его помощью на основе рассуждений о таких причинах мы сделали множество открытий относительно Истории, Правления и Древнего Римского Права, как в “Естественном Праве”, в уже напечатанной “Новой Науке”, и в настоящих Книгах, ты, Читатель, можешь убедиться на тысяче доказательств, где все Грамматики и Латинские Критики нам ничем не помогли, по этому примеру ученые Специалисты в Восточных Языках, в греческом, а из живых языков - в особенностях в немецком (это - язык-мать) могут сделать такие Открытия Древности, которые превзойдут всякое - и наше и их ожидание.*

Основание такого Происхождения как Языков, так и Письмен заключалось, как оказывается, в том, что первые народы Язычества в силу указанной природной необходимости были Поэтами, говорившими посредством Поэтических характеров; первоначально посредством божественных поэтических характеров говорили Поэты-Теологи, появившиеся сначала; потом посредством героических поэтических характеров говорили Героические Поэты, появившиеся позднее; таков был способ мышления у первых языческих людей, которые почти что зверями подошли к культуре; это открытие - главный ключ к настоящей Науке - стоило нам упорных ис-

следований в течение почти всей нашей литературной жизни, осуществленное в конце концов, оно дало нам *Основания Новой Науки*; мы говорим здесь это для того, чтобы предупредить тебя, читатель, о большой трудности, с которой ты должен будешь встретиться в понимании *Оснований*; трудность заключается в способе мышления поэтическими характерами, последнее же теперь невозможно вообразить себе. И если ты собираешься прочесть эти Книги не из желания узнать новый свет истины, а из безразличного любопытства, то они не принесут тебе ничего нового; и если тебе не поможет непобедимая *Метафизика*, которая не затемняет света чистого разума туманом предвзятых представлений, внушенных пустой фантазией и вдохновенных упрямой памятью, то брось с самого начала читать эти Книги, так как здесь они получают свое основание. Эти *Характеры* были, оказывается, некими *Фантастическими Родовыми* понятиями, т.е. образами по большей части одушевленных существ. Богов или Героев, созданных фантазией первых людей; к ним они сводили все виды или отдельные явления, относящиеся к каждому роду; совершенно так же *Мифы* человеческих времен (как, например. *Мифы Поздней Комедии*) оказываются интеллигибельными, т.е. рациональными родовыми понятиями *Моральной Философии*, из которых *Комические Поэты* создают *Фантастические типы* (ведь это - только лучшие идеи разного рода людей), являющиеся *Персонажами Комедий*. Поэтому такие *Божественные* или *Героические* *Характеры* оказываются *Мифами*, т.е. истинными рассказами; в них будут вскрыты аллегории, заключающие в себе смысл уже не аналогичный, а одноименный, и не философский, а исторический из ранних времен народов Греции. Больше того: так как эти родовые понятия (они по своей сущности - *Мифы*) были созданы чрезвычайно сильной фантазией, т.е. людьми с очень слабым рассудком, то здесь вскрывается их истинное поэтическое содержание: оно должно состоять из чувств, одетых в величайшие страсти, а потому полных возвышенности и вызывающих изумление. Кроме того. Источниками всякой *Поэтической Речи* оказываются два следующие: бедность языка и необходимость выразить себя и сделать себя понятным; отсюда - очевидность *Героического Языка*, который непосредственно следовал за *Немой Речью* путем движений или тел, имеющих естественное отношение к подлежащим обозначению идеям, - на этой *Немой Речи* говорили в божественные времена. И, наконец, оказывается, что в силу такого необходимого и естественного хода вещей человеческих *Языки* у *Ассирийцев*, *Сирийцев*, *Финикиян*, *Египтян*, *Греков* и *Латинян* начались с героических стихов, которые потом перешли в *ямбические стихи* и, в конце концов, сложились в прозу; это придает достоверность *Истории Античных Поэтов* и объясняет, почему на *Немецком Языке*, в частности в *Силезии*, провинции целиком *Крестьянской*, естественно рождаются *Стихослагатели*; на языках *Испанском*, *Французском* и *Итальянском* первые *Авторы* также писали стихами.

Из этих трех языков складывается *Умственный Словарь*, где даются собственные значения всех различно артикулированных языков, и здесь мы им пользуемся все-

гда, когда это нужно. В первом издании “Новой Науки”²⁴ мы посвятили ему особый очерк, где была выставлена его Идея; она заключается в следующем: от извечного свойства Отцов (мы находим его в силу данной Науки) в Состоянии Семей и Первых Героических Городов, т.е. от того времени, когда образовались Языки, остались подлинные значения на пятнадцати различных языках как мертвых, так и живых; в них различные названия давались то по одному, то по другому свойству; и это - третье место, которое радует нас в уже изданной книге²⁵. Такой Лексикон необходим, чтобы знать Язык, на котором говорит Вечная Идеальная История (согласно ей протекают во времени Истории всех наций), и чтобы можно было придать научную авторитетность тому, что обсуждается в Естественном Праве Народов и, следовательно, в каждой частной Юриспруденции.

Вместе с этими тремя языками (свойственными трем Векам, когда господствовали три вида Правлений соответственно трем видам гражданской природы, изменяющейся при движении Наций вперед) проходят, как оказывается, в том же порядке подобающие Юриспруденции, каждая в свое время. Первой из них была, оказывается. Мистическая Теология, процветавшая в то время, когда Язычниками повелевали Боги; Мудрецами ее были Поэты-Теологи; о них говорят, что они основали Языческую Культуру, истолковывая тайны Оракулов, отвечавших у всех Наций в стихах. Поэтому оказывается, что в Мифах были скрыты тайны такой народной Мудрости. В этом мы усматриваем причину того, почему впоследствии Философы так жаждали следовать Мудрости Древних, как в тех случаях, когда они хотели побудить себя к размышлению о самых высоких вещах в Философии, так и ради удобства вкладывать в Мифы свою Тайную Мудрость. *Поэтому во второй из этих Книг, занимающей наибольшую часть настоящего произведения, мы делаем Открытие, совершенно противоположное Открытию Бекона Веруламского: в своем "Novus Orbis Scientiarum" он размышляет о том, как все существующие ныне науки можно усовершенствовать; наше же вскрывает Древний мир Наук, как они должны были зародиться грубыми и постепенно обтесывались, пока не достигали той формы, в какой они дошли до нас.*

Вторую была, оказывается. Героическая Юриспруденция, целиком основанная на педантичном отношении к словам; представителем ее был Улисс многоумный. Она охраняла то, что Римские Юристы называли *Aequitas Civilis*²⁶, а мы называем Государственным Смыслом. Тогда под влиянием своих недалеких идей люди считали, что для них от природы установлено право, и именно это право, поскольку и как оно выражено словами. Это и сейчас еще можно наблюдать на крестьянах и других простых людях, которые в случае борьбы слов и чувств упрямо говорят, что право их заключается в их словах. И все это - по установлению Божественного Провидения, чтобы языческие люди, неспособные еще постигнуть Всеобщности, которою должны обладать хорошие законы, самым этим частным значением своих слов принуждены

были соблюдать законы в общей форме; и если из-за такой Справедливости в каком-нибудь отдельном случае законы оказывались не только суровыми, но даже жестокими, то люди переносили их как нечто естественное, ибо они считали естественным, что у них такое право. Кроме того, их побуждал к соблюдению этих законов высший личный интерес, так как оказывается, что Герои отождествляли с этим интересом интерес своей родины, единственными Гражданами которой были они. Поэтому они не колебались ради спасения своей родины приносить в жертву себя и свои семьи по воле законов, которые вместе со спасением родины спасали и их личное Монархическое Царствование над Семьями. С другой стороны, такой великий личный интерес, соединенный с величайшей гордостью, свойственной варварским временам, составлял их Героическую Природу, породившую так много героических подвигов ради спасения родины. С этими героическими подвигами соединялись, кроме того, невыносимое высокомерие, закоренелая скупость и откровенная жестокость, с какой древние Римские Патриции относились к несчастным плебеям; мы читаем совершенно ясные указания об этом в Римской Истории того времени, которое, по словам самого Ливия, было веком Римской Доблести и наибольшего расцвета до сих пор предполагавшейся римской народной свободы. Нами будет показано также, что эта общественная Доблесть была не чем иным, как хорошим применением со стороны Провидения многих тяжких, мерзких и диких личных пороков, так как этим сохранялись Государства в те времена, когда умы людей, обращенные только на единичное, не могли, естественно, понимать общего блага. Этим самым даются новые Основания для доказательства тезиса, выдвигаемого Блаженным Августином - "De Virtute Romanorum", - и разбивается существовавшее до сих пор мнение многих Ученых о Героизме Первых Народов. Эта гражданская Справедливость господствовала естественно среди Героических Наций как в мире, так и на войне, и блестящие примеры этого доставляет нам как первоначальная варварская История, так и самая последняя; в частности, эта Справедливость осуществлялась Римлянами, пока у них была Аристократическая Республика, т.е. до времен законов Публилия и Петелия, иными словами - пока господствовали Законы XII Таблиц.

Последняя Юриспруденция была Юриспруденцией Естественной Справедливости, которая естественно царит в Свободных Республиках, где народы ради частного блага каждого в отдельности (не понимая того, что оно равно для всех) принуждены издавать всеобщие законы; и потому они, естественно, желают, чтобы законы были милостивыми и гибкими, применяясь к фактическим отношениям последней эпохи, требующей равной для всех полезности, - а это и есть *aequum bonum*²⁷, предмет позднейшей Римской Юриспруденции. Она со времен Цицерона начала обращаться к Эдикту Римского Претора. *В такой-то мере Законы XII Таблиц были совместимы с народной свободой!* Эта же Юриспруденция так же, а может быть и еще больше, сродни Монархиям, в них Монархи приучили Подданных соблюдать свои частные интересы, взяв сами на себя заботу о делах общественных, они стремятся к тому,

чтобы все подвластные нации были уравнены между собою законами, дабы все они были одинаково заинтересованы в Государстве. Поэтому император Адриан реформировал все Естественное Героическое Римское право посредством Естественного Человеческого Провинциального Права и приказал Юриспруденции руководствоваться *Edictum perpetuum*, который был составлен Сальвием Юлианом почти целиком из Провинциальных Эдиктов.

Теперь соберем все первые Элементы этого Мира Наций, обозначенные иероглифами: *lituus*, вода и огонь на алтаре, погребальная урна в глубине лесов, соха, опирающаяся на алтарь, и руль, склоненный к подножию алтаря; они обозначают: предсказание, жертвоприношения, семьи (первоначально из сыновей), погребения, обработку полей и их раздел, убежища, семьи, подавленные *fatuli*, (*вместо "подавленные": appreso вместо oppresse*), первые аграрные революции и отсюда первые материковые героические колонии, а по исчерпанию их - заморские, и вместе с тем - первые переселения народов, происходившие в Век Богов Египтян, т.е. в тот век, который Варрон, не зная этого наименования или пренебрегая им, назвал темным Временем, как это выше было указано. Связка означает первые Героические Республики, различие трех видов собственности, т.е. естественной, гражданской и суверенной, первые Гражданские Власти, первые неравные союзы, установленные первым Аграрным Законом, в силу которого образовались первые Города на основе земледельческих Феодов Плебеев, - то были субфеоды благородных Феодов Героев, а последние, будучи суверенными, становились подвластными еще большей суверенности Правящих Героических сословий. Меч, опирающийся на связку, означает общественные войны, которые велись этими городами, войны, начавшиеся с грабежа и морского разбоя (ибо поединки, т.е. частные войны, должны были зародиться много раньше в состоянии Семей, как это будет здесь показано). Кошелек обозначает девизы благородства, т.е. первые Родовые Гербы, перешедшие на Медали; то были первые знаки Народов, перешедшие отсюда на Военные знамена и, наконец, на Монеты, которые отмечают торговлю также и вещами благородными посредством пожалования (ибо торговля недвижимым имуществом за природную плату плодами или трудом началась много раньше, с божественных времен, с первого Аграрного Закона, на основе которого возникли Республики). Весы обозначают законы равенства, т.е. законы в собственном смысле. И, наконец, кадуцей означает объявленные общественные войны, заканчивающиеся миром. Все эти иероглифы расположены далеко от алтаря, так как все это - гражданские вещи тех времен, когда постепенно начинали исчезать ложные Религии, начиная с героических Аграрных революций, - последние дали название Веку Героев у Египтян, т.е. Баснословному Времени, как назвал его Варрон. Скрижаль с алфавитами поставлена посередине между божественными и человеческими иероглифами, так как ложные Религии начали исчезать с появлением букв, которые положили начало философиям, - в отличие от Истинной Религии, т.е. нашей Христианской: она подтверждается нам наиболее возвышенными

ми Философиями, т.е. Платонической и Перипатетической, поскольку последняя согласуется с Платонической.

Поэтому вся Идея этого Произведения может быть заключена в следующей сводке. Мрак в глубине картины - это материал настоящей Науки, недостоверный, бесформенный, темный; он собран в Хронологической Таблице и Примечаниях к ней. Луч, которым Божественное Провидение освещает грудь Метафизики, - это Аксиомы, Определения и Постулаты, - их данная Наука принимает в качестве элементов при обсуждении Оснований, которые оно для себя устанавливает, - и Метод, посредством которого она продвигается вперед; все это содержится в Книге первой. Луч, отражающийся от груди Метафизики на статую Гомера, - это собственный свет, который направляется на Поэтическую Мудрость в Книге второй. Поэтому Истинный Гомер разъясняется в Книге третьей. Открытием Истинного Гомера разъясняются все вещи, составляющие Мир Наций. От своего Возникновения они идут вперед, согласно тому порядку, в котором при свете истинного Гомера выступают иероглифы: это - Поступательное движение Наций, которое рассматривается в Книге четвертой. А когда Нации достигнут в конце концов подножья статуи Гомера, они начинают в том же самом порядке двигаться в обратном направлении, и это обсуждается в пятой и последней Книге.

Ты легко сможешь, о Читатель, понять красоту этой божественной Картины по тому ужасу, который, несомненно, должно тебе внушить безобразие другой и совершенно противоположной картины; я сейчас покажу ее тебе. Светящийся и видящийся скорпион освещает Мировой Шар - таково Божественное Провидение и Мир, которым он управляет. У ложной и потому нечестивой Метафизики крылья на висках прибиты к Шару с противоположной стороны, закрытой тенью, потому что Метафизика не может и не могла, - так как не хочет, не умеет, так как не стремится, - возвыситься над Миром Природы; поэтому глубины этого мрака означают или слепой Случай Эпикура, или Рок, также слепой. Стоиков; и она кощунственно полагает, что этот мир и есть Бог, действующий или по необходимости, как этого хочет вместе со Стоиками Бенедикт Спиноза, или действующий случайно, как это следует из Метафизики, которую Джон Локк заимствует у Эпикура; и раз оба они отняли у человека всякий выбор и собственное намерение, раз они отняли у Бога всякое Провидение, то это значит, что повсюду должна царствовать прихоть для того, чтобы повстречать желаемый Случай или Фатум.левой рукою Метафизика держит кошелек, так как таким ядовитым доктринам могут учить только отчаявшиеся люди: или это люди низкие, которые никогда не имели своей доли в Государстве, или гордые, но приниженные, или не получившие почестей, которых они по своему тщеславию считали себя достойными, - все они недовольны Государством: таков, например, Бенедикт Спиноза, - он, как Еврей, не принадлежал ни к какому государству и потому изобрел Мета-

физику, способную разрушить все государства в мире. Правой рукой Метафизика держит весы, так как она - Наука, дающая Критерий Истины, т.е. искусство судить правильно; слишком навязчивая и утонченная, не находящая покоя ни в какой истине и в конце концов впавшая в Скептицизм, она считает равными тяжестями правильное и неправильное; как чудовищные Сенонские Галлы поступали с Римлянами, кладя копье на меч, так и она выводит меч из равновесия, перевешивая его в другую сторону, где находится кадуцей Меркурия - символ Законов, и тем самым учит, что законы должны служить несправедливой силе оружия. Алтарь должен быть разрушен, *lituus* сломан, кувшин разбит, факел потушен; таким образом глухому и слепому Богу отказано во всех божественных почестях и совершенно изгнаны божественные церемонии; следовательно, у наций должны быть отняты торжественные браки, которые повсюду заключаются при посредстве божественных церемоний, - и торжествуют конкубинат и проституция. Римская связка развязана, распущена и рассеяна; уничтожено всякое Моральное приказание Религий отрицанием последних; уничтожено всякое Экономическое Учение вследствие разложения семьи; совершенно пропадает Политическая Наука, так как уничтожены все гражданские Власти. Статуя Гомера повалена, так как Поэты заложили культуру для всех Язычников посредством Религии. Скрижаль с алфавитами лежит разбитой на земле, так как Наука о Языках, на которых говорят религии и законы, и есть то, что их сохраняет. На погребальной урне в глубине лесов написано: *Lemurum fabula*²⁸. У острия сохи отломан конец. И раз отнята всеобщая вера в бессмертие души, то трупы должны оставаться не погребенными на земле, должна прекратиться обработка полей и даже города должны обезлюдеть. И руль, иероглиф людей безбожных, людей без какого-либо человеческого языка и обычая, переселяется обратно в лес. Возвращается звериная Общность вещей и жен, которых мужчины должны приобретать насильем и кровью.

То многое, что было сказано до сих пор, должно облегчить тебе, о благосклонный читатель, чтение этого Произведения. Теперь мне остается сказать лишь очень немного, чтобы попросить тебя судить о нем благосклонно. Ведь ты должен знать то чрезвычайно полезное указание, которое Дионисий Лонгин, всеми почитаемый за царя Критиков, дает Ораторам (а именно: чтобы произносить возвышенные речи, они должны представлять себе вечность славы и руководствоваться ею), и притом в двух практических способах. Это Указание мы, поднимаясь от работ по Красноречию до любой науки, при обсуждении этого Произведения всегда имели перед глазами. Первый практический способ состоял в следующем: я спрашивал - как восприняли бы те вещи, о которых я рассуждаю, Платон, Варрон, Квинт Муций Сцевола? Вторым практическим способом заключался в том, что я спрашивал - как воспримет те вещи, о которых я пишу, потомство? Также и ради уважения, которое я должен завоевать у тебя, я выбираю себе в

судьбы этих людей, и хоть они очень отличны по эпохе, по нации, по языку, по обычаям и нравам, по вкусу к наукам, тем не менее, все же не потеряли оказываемого им доверия: первый - это божественный философ, второй - наиболее ученый филолог Римлян, третий - мудрейший юрист, которого, как оракула, почитали Крассе, Марк Антоний, Сульпиций. Цезарь, Цицерон. Кроме того, ты должен представить себе следующее: если это Произведение будет выкопано из земли в разрушенном городе через тысячи лет, так что совершенно сотрется имя автора, то ты увидишь, что, может быть, не мое время, не моя жизнь, не мое имя побуждают тебя вынести о нем суждение, по меньшей мере благосклонное. А об изречении: "quern ilium tanta superbia esse, ut aeternitatem famaе spe praesumat?" посмотри, пожалуйста, в "Анналах" Тацита²⁹, какие дурные люди говорят его, и подумай, что даже сам император Клавдий, которому оно было сказано, хоть он и глупый государь и низкий раб из мерзких и скупых вольноотпущенников, все же не одобряет его, как неблагоприятное, хотя в то же время и прислушивается к нему.

Закончим, наконец, следующими немногими указаниями для какого-нибудь юноши, который пожелал бы извлечь пользу из нашей Науки.

I. Прежде всего она производит свою работу совершенно метафизически и абстрактно по своей Идее. Поэтому тебе необходимо при чтении ее отрешиться от всего телесного и от всего того, чем воздействует тело на наш чистый ум, и потому немного усмирить фантазию и усыпить память; ведь, если эти способности бодрствуют, то ум не может достигнуть состояния чистого понимания, бессильного для каждой отдельной формы; в силу этого он совершенно не сможет подсказать тебе форму настоящей Науки. И сам по своей вине ты попадаешь в такое положение, что она будет непонятна.

II. Она рассуждает строгим геометрическим методом, посредством которого от истинного переходит к непосредственно истинному и таким образом делает свои выводы. Поэтому тебе необходимо приучить себя рассуждать геометрически. А потому не раскрывай этих книг где попало, и читай их не скачками, а с начала до конца; ты должен внимательно посмотреть, действительно ли предпосылки истинны и . расположены в правильном порядке; и не удивляйся, если почти все выводы окажутся удивительными: это часто бывает и в Геометрии, как, например, две линии, которые до бесконечности все время приближаются друг к другу, но никогда не соприкасаются, ибо вывод смущен воображением, но предпосылки сдерживаются чистым абстрактным разумом.

III. Она же предполагает большую и разнообразную Ученость и Начитанность; отсюда берутся истины, как уже известные тебе, и ими она пользуется как исходными положениями для составления своих предпосылок. И поэтому, если ты

не будешь во всеоружии всего этого, то поймешь, что не сможешь усмотреть самого начала в последнем ее положении.

IV. Кроме такого запаса тебе необходим восприимчивый ум, так как нет ни одной вещи в этой Науке, где не сходились бы другие бесчисленные вещи других видов: о них она ведет речь и с ними она согласуется, с каждой из них в отдельности и со всеми вместе в целом; в этом единстве и состоит вся красота науки. Поэтому если у тебя нет этой или предыдущей помощи, и еще больше - если нет их обеих для чтения этого произведения, то с тобою случится то же, что с тугими на ухо; они с неудовольствием слышат, как звучит одна или две струны клавикорда, ибо не слышат других, которые от прикосновения руки искусного музыканта образуют сладкую и приятную гармонию.

V. Она содержит Открытия, которые по большей части отличны, а многие из разбираемых здесь и совершенно противоположны существовавшим до сих пор мнениям. Таким образом, тебе необходима особая острота ума, чтобы не ослепнуть от большого числа новых источников света, которые она рассеивает повсюду.

VI. Больше того, она разъясняет идеи, совершенно новые в своем роде; поэтому я прошу тебя постараться привыкнуть к ней, прочтя, по меньшей мере, три раза это Произведение.

VII. Наконец, чтобы дать тебе почувствовать нерв доказательств, которые слабеют от распространения, здесь говорится мало и предоставляется много думать. Поэтому тебе необходимо больше проникать мыслью в глубь вещей, и, комбинируя их еще больше, ты увидишь их распространение еще дальше и, в конце концов, ты сможешь приобрести соответствующую способность.

И, в конце концов, сведем Идею Произведения к самому краткому итогу: вся картина изображает три Мира согласно тому порядку, в котором человеческие души Язычества были вознесены с Земли на Небо. Все иероглифы, которые видны на Земле, обозначают Мир Наций; к нему прежде всего другого примкнули люди. Шар посредине представляет Мир Природы; позднее его рассматривали Физики. Иероглифы наверху обозначают Мир Сознания и Бога; его, в конце концов, рассматривали Метафизики.

КНИГА ПЕРВАЯ. ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОСНОВАНИЙ.

ПРИМЕЧАНИЯ

к Хронологической Таблице, в которой подготавливается материал

А. Эта Хронологическая Таблица показывает нам Мир Древних Наций. Со Всемирного Потопа он совершает круг от Евреев через Халдеев, Скифов, Финикиян, Египтян, Греков и Римлян до их Второй Пунической Войны. Здесь появляются знаменитые люди и деяния, отнесенные к известному времени и к известным местам общиной Ученых. Эти люди и деяния были или не в те времена и не в тех местах, куда их обычно относят, или вообще не существовали на свете, и из длительной и глубочайшей тьмы, где они были погребены, выступают выдающиеся люди и славные деяния, а посредством их и с ними наступали величайшие моменты дел человеческих. Все это показано в настоящих Примечаниях, чтобы стало понятно, насколько Основания Культуры Наций недостоверны, неопределенны, недостаточны и пусты. *Таким образом, эта Таблица с Примечаниями представляет материал данной науки со всеми его особенностями, т.е. недостоверностью, бесформенностью, недостаточностью и пустотой.*

Словом, она представляет собою полную противоположность "Хронологическому Канону" Египтян, Евреев и Греков Джона Маршама, который хочет доказать, что Египтяне в отношении Политического строя и Религии опередили все Нации Мира и что их священные обряды и гражданские установления, перенесенные к другим народам, были с некоторыми изменениями восприняты Евреями.

В этом мнении за ним последовал Спенсер в своей диссертации "Об Уриме и Туммиме", где он полагает, что Израильтяне усвоили от Египтян всю Науку о Божественных Вещах через посредство Священной Каббалы. Наконец, к Маршаму присоединился Хёрниус в "Древностях Варварской Философии", где (в книге, озаглавленной "Chaldaicus") он пишет, что Моисей, научившись Науке о Божественных Вещах у Египтян, перенес ее в своих законах к Евреям. Против этого выступил Германн Витсиус в Произведении, озаглавленном "Aegyptiaca sive de Aegyptiacorum Sacrorum cum Hebraicis Collatione"; он полагает, что первым языческим автором, давшим нам первые достоверные сведения о Египтянах, был Дион Кассий, живший во времена Марка Антония Философа. Его могут опровергнуть "Анналы" Тацита³¹, где тот рассказывает, что Германик, побывав на Востоке, отправился в Египет, чтобы посмотреть знаменитые древности Фив, и там одному из местных жрецов приказал объяснить себе иероглифы, написанные на некоторых плотинах; тот хвастливо сообщил ему, что эти знаки сохранили память о беспредельном могуществе их царя Рамзеса в Африке и на Востоке вплоть до Малой Азии, равном Римскому могуществу тех времен, когда оно было наибольшим; об этом месте Витсиус молчит, может быть потому, что оно ему противоречит, *но это мнимое величие Египтян будет немногим ниже опровергнуто нами в Примечании к Псамметиху.*

Несомненно однако, что такая беспредельная древность не принесла значительных плодов Тайной Мудрости³² материковым Египтянам, так как во времена Климента Александрийского, как он рассказывает в "Строматах", среди них были распространены книги, называемые Жреческими, в числе сорока двух; в Философии и Астрономии они содержали величайшие ошибки, за которые Страбон часто высмеивал Херемона, учителя Святого Дионисия Ареопажита; вопросы медицины в книгах Галена "De Medicina Mercurial!" оказываются болтовней и явным обманом; Мораль была развратной, она делала не только терпимыми и разрешенными, но даже почетными публичных женщин; Теология была полна суеверий, шарлатанства и колдовства. Величие же их плотин и пирамид могло быть порождено варварством, которое особенно ценит величину; поэтому Скульптуру и Ювелирное искусство Египтян и теперь еще винят в чрезвычайной грубости, так как тонкость есть плод Философских наук; а потому только одна Греция - нация Философов - заблистала всеми изящными искусствами, когда-либо открытыми человеческим гением: Живописью, Скульптурой, Литейным искусством. Искусством резьбы; они особенно тонки, так как должны абстрагировать поверхность тел, которым они подражают.

Вознеслась до звезд эта Древняя Мудрость Египтян тогда, когда Александр Великий основал у них на море Александрию. Соединив в себе Африканскую остроту с Греческой тонкостью, она породила знаменитых в Божественных вещах Философов; благодаря им она достигла такого блеска в высоком божественном знании, что впоследствии Александрийский Музей прославлялся, так же как до этого Академия, Лицеи, Стоя и Киносарг³³ в Афинах. Александрия была прозвана Матерью Наук, и за такое превосходство Греки ее называли **Πόλις**, как **Ἄστυ**- Афины, **Urbs** - Рим³⁴. Она же породила Манета, или Манетона, верховного египетского первосвященника, который свел всю Египетскую Историю к возвышенной естественной Теологии, совершенно так же, как раньше это сделали греческие Философы со своими Мифами; последние, как это будет здесь показано, были их древнейшими Историями. Отсюда становится понятным, что с греческими Мифами случилось то же самое, что и с египетскими Иероглифами. *И об этом следует помнить, где бы ни обсуждалась наша мифология, в частности — в Открытии Истинного Гомера.*

При такой пышности высокого знания Нация, тщеславная по своей природе (над этим смеялись - *gloriae animalia*³⁵), в городе, который был огромным рынком Средиземного моря, а также Красного моря, Океана и Индий, среди своих позорных обычаев, рассказанных Тацитом в одном золотом месте, - *novatum religionum avida* ³⁶, - под влиянием предвзятого мнения о своей необычайной Древности (которой они напрасно гордились перед всеми другими Нациями Мира, равно как своим старинным господством над большей частью мира), так как им было неизвестно, что среди Язычников, даже если народы ничего не знают друг о друге, пороэнь возникают едиобразные представления о Богах и о Героях (в дальнейшем это будет показано

полностью), - в силу всего этого, говорю я, Египтяне утверждали, что именно из Египта произошли все те рассеянные по остальному Миру ложные Божества, о которых они слышали от наций, съезжавшихся сюда с торговых побережий; что их Юпитер-Аммон был самым древним из всех (причем каждая из языческих наций имела по одному Юпитеру) и что Геркулесы всех других наций (Варрон добавляет, что насчитал их до сорока) заимствовали свое имя от их Египетского Геркулеса, как о том и о другом рассказано нам Тацитом³⁷. Однако при всем этом Диодор Сицилийский, живший во времена Августа и отзывавшийся о Египтянах с большой похвалой, отводит им древность только в две тысячи лет; отзывы его опроверг Жак Каппель в своей "Священной и Египетской Истории"; он считает Египтян такими же, какими еще раньше Ксенофонт описывал Кира и (прибавим мы) какими зачастую Платон представляет себе Персов. Наконец, все то, что относится к мнимой высочайшей древней мудрости Египтян, подтверждается Лицемерием "Поймандра", выданным за Герметическое Учение. Казобон показал, что последнее не содержит в себе мудрости более древней, чем мудрость Платоников, и притом истолкованной в тех же самых словах; в остальном же, по суждению Сальмазиуса, это было бесформенным и плохо слаженным собранием разных разностей. *Поэтому, когда Греки думали приобрести мнимую славу, приписывая древнейшее иностранное происхождение своей мудрости, то они теряли истинные заслуги.*

Внушено было Египтянам это ложное представление об их великой древности бесконечностью, свойственной человеческому Уму; в силу этого свойства Ум часто считает неизвестное ему неизмеримо превосходящим то, что существует в действительности. Поэтому Египтяне были в этом похожи на Китайцев, которые выросли в огромную нацию, замкнувшись от всех иностранных наций, как это было с Египтянами до Псамметиха и со Скифами до Идантуры; о последних идет Народное Предание, что они были еще древнее Египтян. Для этого Народного Предания необходим был какой-либо повод, откуда могла бы начаться Всеобщая Светская История; поэтому и Юстин предпосылает, как государей, предшествовавших Ассирийской Монархии, двух могущественнейших царей - Скифского Танаиса и Египетского Сезостриса; они до сих пор заставляли мир казаться более древним, чем он есть на самом деле: сначала будто бы Танаис через Восток отправился с огромнейшим войском покорять Египет, по природе очень трудно проходимый для армий, а потом Сезострис с такими же силами пошел покорять Скифию, хотя она была неизвестна даже Персам (которые распространили свою Монархию за границы монархии Мидян, своих соседей) до времени Дария, прозванного великим, объявившего Скифскому царю Идантуре войну; последний оказывается еще таким варваром во времена просвещеннейшей Персии, что отвечает Дарию пятью реальными словами в виде пяти тел, так как не умеет писать даже иероглифами³⁸. И эти два могущественнейших Царя, пересекая с двумя громаднейшими армиями Азию, не делают ее провинцией

ни Скифии, ни Египта и оставляют ее настолько свободной, что там впоследствии возникает первая из четырех наиболее знаменитых монархий мира, именно, Ассирийская!

Может быть, поэтому в такую распря Древности не преминули вступить Халдеи, также материковая нация и, как мы покажем, более древняя, чем две другие; они напрасно приписывали себе то преимущество, что сохранили Астрономические Наблюдения примерно за двадцать восемь тысяч лет; может быть, это дало повод Иосифу Флавию Еврею ошибочно верить в допотопные наблюдения, записанные на двух колоннах - мраморной и кирпичной, возвышающихся вопреки двум Потопам, причем сам он будто бы видел в Сирии мраморную колонну. Можем ли мы предполагать, что столь важным казалось древним нациям сохранить астрономические воспоминания, тогда как смысл этого был совершенно мертв для наций, появившихся сейчас же после них! Поэтому такую колонну следует поместить в Музей Легковерия. Но Китайцы так же, оказывается, пишут иероглифами, как в древности Египтяне, а еще раньше Египтян Скифы, которые даже не умели их написать. И так как в течение многих тысяч лет они не имели торговых сношений с другими нациями, откуда они могли бы получить сведения об истинной древности мира, то они подобны человеку, которого спящим запрут в очень маленькую комнату и который от страха перед темнотою представит себе значительно большим то, чего можно коснуться руками; то же самое сделал мрак их Хронологии с Китайцами, Египтянами, а также и с Халдеями. Однако, хотя Иезуит отец Микель ди Руджери утверждает, что читал книги, отпечатанные до пришествия Иисуса Христа, и хотя отец Мартини, также Иезуит, в своей "Истории Китая" повествует об огромнейшей древности Конфуция, которая привела многих к Атеизму (по сообщению Мартина Скооккиуса в "Demonstratio Diluvii Universalis"), например Исаака Пейрера, автора "Истории до Адама" (он, может быть, именно поэтому отошел от католической Веры и писал, что потоп распространился лишь на землю одних Евреев), все же Никола Триго, осведомленный лучше Руджери и Мартини, в своей "Christiana Expeditio apud Sinas" пишет, что печатание у Китайцев было изобретено не более чем на два столетия раньше Европейцев, и что Конфуций жил не больше чем за пятьсот лет до Иисуса Христа. Конфуцианская Философия (как и Египетские Жреческие Книги) в небольшом Количестве разбираемых в ней вопросов природы груба и неуклюжа и почти целиком сводится к Народной Морали, т.е. Морали, предписываемой этим народам законами. *Поэтому Конфуций был для Китайцев тем же, чем (как мы сейчас же увидим) Зороастр был для Азиатов, Анахарсис для Скифов, Трисмегист для Египтян, Орфей для Греков: они были основателями упомянутых наций и впоследствии считались Философами.*

С такого рассуждения о неправильном представлении, существовавшем у всех языческих наций, и прежде всего у Египтян, об их Древности должно начинаться все По-

знание Язычества, чтобы достоверно знать важное основание - где и когда появились первые начатки язычества на свете - и чтобы помогать также и человеческими соображениями всему тому, во что верит Христианство. Это знание начинается с установления того, что первым народом Мира был Еврейский народ, родоначальник которого Адам был создан истинным Богом одновременно с сотворением Мира. И первая наука, которой нужно научиться, - это Мифология, т.е. истолкование Мифов, ибо мы увидим, что начала всякой языческой истории мифичны и что Мифы были первыми Историями Языческих Наций. Именно таким методом нужно отыскивать начала как Наций, так и Наук, порожденных этими нациями, и не иначе, как это будет показано во всем настоящем Произведении; зачатки наук лежат в общественной необходимости или полезности для народов, но впоследствии они усовершенствовались от того, что к ним присоединилась рефлексия выдающихся по остроте ума людей. И здесь должна получить начало Всеобщая История, у которой по словам всех ученых отсутствуют Основания.

В осуществлении этого нам сильно поможет Древность Египтян, так как от нее сохранились два великих обломка, не менее удивительных, чем пирамиды. Это - две следующие филологические истины. Первая из них рассказана Геродотом³⁹: Египтяне все Время Мира, протекшее до них, сводили к трем векам: первому - веку богов, второму - веку героев, третьему - веку людей. Вторая - что соответственно числу и порядку всего времени говорили на трех языках: на первом - иероглифическом, т.е. посредством священных знаков, на втором - символическом, т.е. посредством героических характеров, на третьем - писанном, т.е. посредством знаков, установленных народным соглашением (по сообщению Шеффера, "De Philosophia Italica"). Такому делению Времен, должны мы сказать, не умел, а не желал следовать Марк Теренций Варрон, так как он за свою исключительную эрудицию заслужил похвальное прозвище ученейшего из Римлян в их наиболее просвещенные времена (то были времена Цицерона); ведь он, может быть, нашел применительно к Риму то, что, согласно настоящим Основаниям, окажется истиной применительно ко всем Древним Нациям, т.е. что все римское божеское и человеческое зародились в Лациуме; поэтому он старался дать всем им латинское Происхождение в своем великом произведении "De Rerum Divinarum et Humanarum", которого нас лишило несправедливое время (значит, Варрон не верил в Миф, будто Законы XII Таблиц пришли в Рим из Афин!); он делил все времена Мира на три, а именно: Темное Время - это век Богов, затем Баснословное Время - это век Героев и, наконец, Историческое Время - это век людей, как говорили Египтяне.

Кроме того. Древность Египтян поможет нам двумя тщеславными воспоминаниями, относящимися к тому тщеславию Наций, которое подметил Диодор Сицилийский, а именно: будь Нации варварскими или человеческими, каждая из них считала, что она - самая древняя из всех и что именно она сохраняет свои воспоминания от са-

мого начала мира (мы же увидим, что последнее было привилегией Евреев). Из этих двух тщеславных воспоминаний одно, как мы видели, состояло в том, что Египетский Юпитер-Аммон считался старше всех других Юпитеров на свете; второе - в том, что все другие Геркулесы других наций заимствовали свое имя от их Египетского Геркулеса. Значит, у всех наций сначала протекает век богов, царем которых по всеобщим верованиям является Юпитер, а потом - век героев, которые считались сыновьями богов и величайшим из которых считался Геркулес.

В. Первый Столбец отведен для Евреев, к нашим филологическим доказательствам (их приводится так много в настоящем Произведении, что разрастается число и Примечаний) в настоящих Книгах присоединится новое, которое стоит всех других; также и по человеческим убеждениям Еврейский народ был первым народом мира. Они, по авторитетнейшему свидетельству Иосифа Флавия Еврея и Лактанция Фирмиана, жили неизвестными для всех других языческих наций; и однако, они точно исчисляли Счет протекших Времен Мира; этот счет ныне наиболее строгими Критиками принимается за истинный согласно исчислению Филона Иудея; и хотя его подсчет отличается от исчислений Евсевия, все же разница составляет всего тысячу пятьсот лет, а это - очень короткий промежуток по сравнению с тем, насколько искажали счет Халдеи, Скифы, Египтяне и до сих пор искажают Китайцы. Это должно быть непобедимым аргументом в пользу того, что Евреи были первым народом нашего мира и что они доподлинно сохранили свои воспоминания в Священной Истории от самого основания мира^{39 bis}.

С. Вторая колонна отводится для Халдеев, так как в Географии доказывалось, что в Ассирии существовала Монархия более Материковая, чем весь обитаемый мир, и так как в настоящем Произведении доказывалось, что сначала расселяются материковые нации, а потом приморские. Несомненно, Халдеи были Первыми Мудрецами Язычества; за первого из них общиной Филологов принимается Халдей Зороастр, и без какой-либо натяжки Всеобщая История начинается с Монархии Ассирийцев; образование ее должно было начаться с Племени Халдеев; разросшись из него в огромное тело, оно перешло в нацию Ассирийцев при Нине; последний основал там эту Монархию, но не посредством племени, приведенного сюда извне, а посредством племени, зародившегося внутри самой Халдеи; вместе с ним он уничтожил название "халдеи" и ввел название "ассирийцы"; последние были плебеями этой нации, и их силами Нин сделался Монархом; в настоящем Произведении будет показан этот почти всеобщий гражданский обычай, например, несомненно, Римский. Эта же История рассказывает нам, что Зороастр был убит Нином; смысл этого высказывания, как мы найдем, на героическом языке тот, что аристократическое Царство Халдеев, героическим характером которых был Зороастр, было разрушено посредством народной свободы плебеями этого племени; мы увидим, что в героические времена плебеи составляли особую нацию, отличную от благородных, и что в

интересах этой нации Нин был сделан Монархом. В противном случае, если бы дело обстояло не так, должно было бы появиться то чудовище Хронологии в Истории Ассирии, будто за жизнь одного единственного человека, т.е. Зороастра, Халдея могла быть вознесена от незаконных кочевников до такой величайшей империи, что Нин смог основать громаднейшую Монархию. Без наших Оснований, благодаря которым Нин дает нам первые начатки всеобщей Истории, Монархия Ассирии до сих пор казалась зародившейся, как лягушка от летнего дождя, совершенно внезапно.

D. Третья Колонна заложена для Скифов, *теперь называемыми Татарами Перекопского хана*⁴⁰; по народному Преданию, хранимому Филологами в Сокровищнице Древности, существовала древняя распря между Египтянами и Скифами, причем последние над первыми одержали победу.

E. Четвертая Колонна устанавливается для Финикиян, прежде Египтян, к которым Финикияне от Халдеев перенесли практику употребления квадранта и науку определения высоты полюса, к этому народному Преданию, принимаемому всеми Филологами, присоединяются непобедимые доводы нашей Науки, более прочные, чем те доводы, которые высказывает Витсиус против столь же тщеславной, сколь мнимой Древности Египтян. Вскоре мы покажем, что они перенесли также и народные буквы.

F. В силу всего рассмотренного выше Египтяне, которых Маршам в своем "Каноне" хочет сделать самой древней из всех наций, заслуживают пятое место в настоящей Хронологической Таблице.

G. Зороастр, как это обнаруживается в настоящем Произведении, был Поэтическим Характером Основателей Народов на Востоке; поэтому столько же Зороастров рассеяно по этой огромной части Мира, сколько существует Геркулесов на другой, противоположной, т.е. Западной части; *однако первым из всех них был Халдейский, раз мы допустили, что Халдейская нация была первой во всем Язычестве*. И может быть, те Геркулесы, которых с точки зрения Западного человека наблюдал Варрон также и в Азии, как, например, Тирского и Финикийского, для Восточных людей должны быть Зороастрами. Но тщеславие ученых, которые хотят, чтобы то, что они делают, было столь же древним, как мир, создало из него выдающегося человека, преисполненного высочайшей Тайной Мудрости, и навязало ему Философские Оракулы; *безрассудно придерживаясь двух народных преданий: во-первых, что Зороастр был мудрецом (но под этим нужно понимать ту народную мудрость, посредством которой основывались народы); во-вторых — что Оракулы — это наиболее древнее из всего того, что рассказано нам этой древностью (но под этим нужно разуметь Оракулов Предсказателей, а не Философов)*. И на самом деле такие оракулы Зороастра только выдают за старое совсем новое учение, т.е. уче-

ние Пифагорейцев и Платоников. Однако тщеславие ученых на этом не останавливается; оно раздувается еще больше, выдумывая Преемственность Школ у Наций: будто Зороастр учил Бероса в Халдее, Берос - Меркурия Трисмегиста в Египте, Меркурий Трисмегист - Атланта в Эфиопии, Атлант - Орфея во Фракии, и, наконец, будто Орфей основал свою школу в Греции. Немногим ниже мы увидим, так ли легки были эти длинные путешествия у первых наций: из-за своего недавнего лесного происхождения они повсюду жили неизвестными даже для своих собственных соседей и узнавали друг друга только по случаю войны или по причине торговых сношений. *Отсюда, однако, становится понятным, как пыл фантазии настолько разогрел тщеславие ученых в голове Самуила Рейера ("De Mathesi Mosaica"), что в его представлении Вавилонская Башня была воздвигнута для наблюдения звезд; это должно идти в ряд с тем, что рассказывает Аристотель⁴¹, может быть, для того, чтобы приравнять к занятым рассказам чудеса своих книг "О Небе" (если они действительно его): будто его зять Каллисфен прислал ему астрономические наблюдения, произведенные Халдеями за тысячу девятьсот три года до его времени; возвращаясь вспять, они доходили до того времени, когда еще возвышалась эта башня.*

О Халдеях же сами Филологи, ошеломленные различными собранными ими Народными Преданиями, не знают, были ли они отдельными людьми, или целыми семьями, или народом, или нацией. Все эти сомнения будут разрешены настоящими Основаниями: сначала Халдеи были отдельными людьми, потом - целыми семьями, затем - народом и, наконец, большой нацией, на основе которой была заложена Монархия Ассирийцев. Знание же их началось с Народного Предсказания, посредством которого они гадали о будущем по полету падающих ночью звезд; потом оно заключалось в предсказательной Астрологии, и, например, у Латинян Астролог-предсказатель продолжал называться Chaldaeus. *Поэтому мы поместили Зороастра рядом с Япетом (Яфетом), так как это был характер из расы Сима, постепенно перешедшей от истинной Религии к Идолопоклонству, на чем было заложено царство Немрода.*

Н. Я п е т , от которого происходят Гиганты. - Будет показано Физической Историей, извлеченной из греческих Мифов, и доказательствами как Физическими, так и Моральными, найденными в Гражданской Истории, что Гиганты существовали в природе у всех первых языческих наций.

І. Н е м р о д , или смешение Языков. *Согласно нашим Основаниям оказывается, что оно произошло в потомстве Сима в мире Восточной Азии, но имело иное происхождение, чем различие языков в расах, уже образовавшихся и рассеянных по Северной Азии, а оттуда — по Индиям; в Африке и Европе, куда его занесли Хам и Яфет, оно совершилось с запозданием в двести лет, ибо столько нужно, было*

времени от распределения земли между тремя сыновьями Ноя до Вавилонского Смешения языков. Разделение этих рас не могло произойти раньше Вавилонского Смешения, так как это явно противоречит тому, на что указывает Священное Писание в книге Бытия.

Ведь в противном случае, если разделение совершилось до Смешения, получится следующая нелепость: раз за двести лет до этого начали расселяться по Земле три сына Ноя, то нечестивые расы Хама и Яфета должны были бы сохранить священный допотопный язык, они были бы избавлены от божественной кары, и наказана была бы только раса Сима,— а она была благочестива, так как верила в некое единое Божество, — и наказание распространилось бы и на Богоизбранный народ. Поэтому Отцы Церкви хотят, чтобы вследствие Вавилонского Смешения языков чистота священного Допотопного Языка утрачивалась постепенно. Но этим самым не говорится ничего такого, что противоречит рассказанному в Священной Истории (что до Смешения все люди на земле были одноязычны, т.е. говорили на одном языке), так как рассеявшиеся расы Хама и Яфета (если только разделение возникло до Смешения, чего нельзя сказать, ибо это явно противоречит рассказанному в Книге Бытия) должны были сохранять еврейский язык до тех пор, пока, разбросанные, как дикие звери, по великому лесу земли, к концу двухсот лет, протекших с момента их изгнания, через год после потопа, до этого Смешения постепенно дичая, они не потеряли совершенно всякую человеческую речь. Отсюда мы извлекаем три истины: первую, что настоящая Наука сохраняет за Священной Историей достоверность; вторую: так как Халдеи перешли быстрее других к ложным Религиям, то они изобрели более тонкий и более ученый способ Предсказания, чем расы Хама и Яфета, т.е. чем Предсказания по молниям, громам, по полету и пению птиц; третью: в результате того же быстрого пути к ложным Религиям они опередили все другие нации в поступательном движении и заложили основы первой Монархии.

Такое рассуждение разрушает позднейшие Этимологические построения, стремящиеся доказать, что все Языки мира происходят от Восточных языков: нации, происшедшие от Хама и Яфета, первоначально основали туземные языки в далеких областях земли; спустившись потом к морю, они начали сношаться с Финикиянами, знаменитыми на берегах Средиземного моря и Океана мореходством и Колониями; в первом издании "Новой Науки" мы доказали это на Происхождении Латинского Языка²⁴, а по примеру латинского следует то же самое разуметь применительно и ко всем другим.

К. Прометей похищает у Солнца огонь. - Из этого Мифа мы узнаем, что Небо царствовало на земле, когда верили, что оно находится на такой же высоте, как и вер-

шины гор; об этом говорит Народное Предание; оно рассказывает также, что небо оставило много великих благодеяний для рода человеческого.

L. Девкалион. - В его время Фемиды, т.е. Божественное Правосудие, имела храм на Парнасе и судила на земле дела человеческие.

M. Меркурий Трисмегист Старший. - Этот Меркурий (по сообщению Цицерона - "De Natura Deorum" - Египтяне называли его Теут, откуда у Греков произошел **Θεός**- бог) изобрел письмены и законы для Египтян, а последние - по Маршаму - научили этому все другие нации мира. *Но Греки относились слишком неблагодарно к этому благодетелю: они исказили его собственное имя, распределили его заслуги на многие другие Божества и изобрели вместо него новое Божество — Гермеса, т.е. того же Меркурия.* Однако Греки писали свои законы не иероглифами, а народными буквами, которые, как считалось до сих пор, были к ним перенесены Кадмом из Финикии. Но, как мы увидим. Греки начали пользоваться ими лишь через шестьсот лет после Кадма, или немногим раньше. За это время появился Гомер; он (по наблюдениям Фейта в "Гомеровских Древностях") ни в одной из своих поэм не воспользовался словом **νόμος** (закон) и оставил свои поэмы в памяти Рапсодов, так как в это время народные буквы не были еще изобретены (как это решительно утверждает Иосиф Флавий Еврей против Апиона, греческого грамматика). Но даже и после Гомера греческие буквы очень отличались от финикийских. Но это еще небольшие трудности по сравнению со следующими: как нации, не имеющие законов, могут оказаться уже основанными, и как в самом Египте до Меркурия были уже основаны Династии? Будто сущность законов составляют буквы! Разве не существовало законов в Спарте, где по закону самого Ликурга было запрещено знать письменность? Будто не могло существовать такого порядка в гражданской природе, что законы устанавливаются устно и также устно опубликовываются! Разве не оказываются в действительности у Гомера два вида собраний: одно, называемое **βουλή**, - тайное, где собирались Герои, чтобы устно совещаться о законах, и другое, называемое **ἀγορά**, - общественное, на котором так же устно законы обнародовались. И разве, наконец. Провидение не предвидело той человеческой необходимости, что из-за отсутствия письмен все нации в период своего варварства основывались при посредстве обычаев, а потом, по мере приобщения к культуре, управлялись законами? Так, например, во времена вернувшегося варварства первые "правды" новых Европейских наций родились из обычаев; самые древние из обычаев - это Феодальные; об этом нужно помнить ради того, что мы вскоре скажем, а именно, что Феоды были первыми источниками всякого права, появившегося впоследствии у всех наций, как древних, так и современных. Поэтому Естественное Право Народов было установлено не законами, а человеческими обычаями.

Итак, тому великому положению Христианской Религии, что Моисей не научился у Египтян возвышенной Теологии Евреев, видимо, сильно мешает Хронология. Поэтому Евсевий (ему следовал Беда) преодолевал такую трудность своим вычислением: он предполагал исход Израильтян из Египта под предводительством Моисея на тысячу лет раньше Троянской войны; этому летоисчислению следовали древние Христиане. Но теперь оно исправлено более чем на полторы тысячи лет современными Христианами, которые ныне следуют вычислениям Филона Иудея. Эта поправка подтвердится нашими Основаниями: посредством их мы покажем, что за век Богов и за век Героев должно было протечь семьсот лет, включая сюда век Моисея и Троянскую Войну; таким образом, по столь уменьшенным вычислениям Моисей должен был жить за четыреста лет до Троянской Войны, следовательно — во времена Кекропса, а потому — после Египетского Меркурия. Но эта трудность, помимо тех доводов, которыми она была опровергнута выше, совершенно побеждена нашими Основаниями, подкрепляемыми одним поистине золотым местом из Ямвлиха, "de Mysteriis Aegyptiorum", где он говорит, что Египтяне все свои изобретения, необходимые или полезные для гражданской жизни людей, приписывали своему Меркурию. Таким образом, Меркурий оказывается не выдающимся человеком, богатым тайной мудростью и впоследствии обожествленным, а Поэтическим Характером первых людей Египта, мудрых Народной Мудростью: сначала они основывали семьи, а потом народы, в конце концов, составившие большую нацию. Поэтому Меркурия нужно было бы на нашей таблице поместить рядом с Зороастром, Хамом Восточной Азии и Африки, с Япетом (Яфетом) Северной Азии и Европы, на уровне раздела Земли тремя сыновьями Ноя.

И на основе того же самого места, приведенного только что из Ямвлиха: раз Египтяне насчитывали в своем Делении три Века - Богов, Героев и Людей, - а Трисмегист был их Богом, то за жизнь Меркурия должен был протечь весь век Богов у Египтян.

Н. Золотой век. - Мифическая История рассказывает нам, как об одной из его особенностей, что Боги общались на земле с людьми. Ради придания достоверности Основаниям Хронологии мы обсуждаем в настоящем Произведении Естественную Теогонию, т.е. возникновение Богов, происходившее естественным путем в воображении Греков при известных обстоятельствах человеческой необходимости или пользы; по их наблюдениям, эти обстоятельства помогали им или причиняли затруднения во времена первого детского мира, пораженного самыми ужасными Религиями, когда все то, что люди видели или воображали себе, или даже сами делали, они воспринимали как Божества. И по знаменитым двенадцати родовым богам, названным Старшими (Dii Majores), т.е. Богам, созданным людьми во время Семей, образуется двенадцать маленьких эпох. Посредством Рациональной Хронологии Поэтической Истории определяется, что Век Богов длился девятьсот лет. Отсюда получают Основания для всеобщей Светской Истории.

О. Э л л и н , сын Девкалиона. *Здесь, как из старой норы, вылезает огромное чудовище Хронологии — утверждение, будто, от Эллина до Япета протекли две жизни — Девкалиона и Прометея*⁴²; *если каждый из них прожил даже пятьдесят лет (хотя Хронологи отводят для недостоверных жизней всего тридцать), то оказывается, что протекло сто лет, тогда как на самом деле — семьсот девяносто! Это чудовище тайно питало до сих пор в Хронологии то мнение, что существовали будто бы выдающиеся люди, о которых нам рассказывает Баснословная История!* По этому Эллина Греки туземцы называли себя эллинами; Итальянские же Греки называли себя **Graī**, а свою землю **Γραίικια**, поэтому Латиняне стали называть их "Греками". Таким образом, Итальянские Греки знали название греческой нации раньше, чем она образовалась по ту сторону моря, откуда они переселились Колониями в Италию! Ведь этого слова **Γραίικια** нет ни у одного греческого писателя по наблюдениям Жака де Помье в "Описании Греции".

Р. Египтянин Кекропс выводит двенадцать колоний в Аттику. - Страбон^{42 bis}, однако, полагает, что Аттика из-за твердой своей почвы не могла привлекать к себе иностранцев, желающих заселить ее, и доказывает это тем, что аттический диалект - один из самых ранних среди других туземных диалектов Греции.

Q. Финикиец Кадм основывает Фивы в Беотии и вводит в Греции народные буквы. - И он перенес туда Финикийские буквы: поэтому Беотия, имея письменность со времени своего основания, должна была бы стать самой одаренной по сравнению со всеми другими нациями Греции, на самом же деле она порождала людей с настолько глупыми головами, что "Беотиец" вошел в поговорку: этим именем называли тупого человека.

R . Век Сатурна. - Это - век богов, начинающийся у наций Лациума, по своим особенностям соответствующий Золотому Веку Греков. Посредством нашей Мифологии будет найдено, что для Греков первое золото было зерном, по сборам которого в течение долгих веков первые нации считали года; и Сатурна Латиняне называли так от *sata*, посева, а **Κρονος** называли его Греки, у них же **Χρονος** - Время; от этого слова происходит название "Хронология".

S. Меркурий Трисмегист Младший. - Этот Меркурий Младший должен быть Поэтическим характером Века Греков у Египтян; у Греков он появился только через девятьсот лет, после того как закончился Век Богов Греции. У Египтян же он сходит за отца, сына и внука. *В Эллина (см. выше, примечание О) был обнаружен такой же анахронизм у Греков, а еще больший мы откроем здесь ниже в Орфее.* Похожий на этот Анахронизм Египетской Истории мы наблюдаем в Ассирийской Истории в лице Зооастра.

Т. Египтянин Д а н а и изгоняет Инакидов с царства в Аргосе. Фригиец Пелопс царствует в Пелопоннесе. - Последовательность Царей - великий канон Хронологии, так Данай занимает Царство в Аргосе, где владычествовали до того девять царей из дома Инака, за это время должны были протечь по правилам Хронологии триста лет, как около пятисот протекло за время четырнадцати Латинских Царей, царствовавших в Альбе.

Однако, Фукидид говорит⁴³, что в героические времена Цари ежедневно изгоняли друг друга с тронов, подобно тому, как Амулий изгнал Нумитора с царствования в Альбе, а Ромул изгнал Амулия и восстановил Нумитора. Это происходило вследствие свирепости тех времен, а также потому, что героические города не имели стен и тогда не пользовались еще Крепостями. Мы снова встречаемся с тем же самым во время вернувшегося варварства.

У. Гераклиды, рассеянные по всей Греции. -

V. К у р е т ы на Крите, в Италии и в Азии. - Эти два великих обломка Древности, по наблюдениям Дионисия Петавиуса, заложены в глубине греческой истории, еще до Героического Времени Греков. И были рассеяны по всей Греции Гераклиды, т.е. сыновья Геракла, больше чем за сто лет до того, как появился Геракл, их отец; а чтобы произвести такое потомство, он должен был родиться на много веков раньше.

Х. Дидона. - Ее мы помещаем в конце Героического Времени Финикиян. Она была изгнана из Тира, так как была побеждена в героической распре; сама она говорит, что ушла из-за ненависти своего родственника, на самом же деле такую совокупность Тирских людей называли в героическом способе выражения femina (женщина), так как она состояла из слабых и побежденных. *И этим мы защищаем Вергилия, который и по нашим наблюдениям и по наблюдениям многих других был чрезвычайно сведущ в Героической Древности.*

Y. Орфей, и вместе с ним - Век Поэтов-Теологов. - Этот Орфей, обративший зверей Греции к культуре, оказывается обширной норой тысячи чудовищ. Он происходит из Фракии, родины дикого Марса, а не культурных Философов; Фракийцы всегда были такими варварами, что Андротион философ исключает Орфея из числа Мудрецов только потому, что он родился во Фракии. И из ее недр вдруг вышел настолько ученый в греческом языке человек, что складывал в стихах удивительнейшие поэтические произведения, посредством которых через уши приручал варваров! Последние, уже после того как сложились в нацию, не могли быть, однако, через глаза удержаны от того, чтобы поджигать города, полные удивительных вещей. Значит, он застал Греков еще дикими зверьми; а их еще за тысячу лет до того Девкалион научил благочестию, внушив им почтение и трепет перед божественной Справедливостью,

страх перед ее храмом, воздвигнутым на горе Парнас, которая впоследствии стала местопребыванием Муз и Аполлона, т.е. Бога и Искусств Культуры. Девкалион вместе со своей женой Пиррой, оба с покрытыми головами (т.е. стыдливостью человеческого сожительства), желали обозначить браком, что, бросая за плечи камни, которые были у них под ногами (т.е. тупых людей предшествующей звериной жизни), они заставляют появляться культурных людей, т.е., согласно порядку Экономического Учения, - людей в состоянии семей. Эллин за семьсот лет до Орфея объединил их посредством языка и распространил через трех своих сыновей три диалекта. Дом Инака показывает, что на триста лет раньше были основаны Царства, где соблюдалась преемственность Царей. Наконец, появляется Орфей, чтобы обучить их Культуре. Найдя Грецию совершенно дикой, он внезапно возносит ее к такому блеску нации, что сам становится товарищем Язона по морскому предприятию золотого Руна, тогда как корабельные и мореходные искусства - это последние открытия народов. *Здесь он соединяется с Гераклом, который, как оказывается, был Основателем Греческого народа, с Кастором и Поллуксом, братьями Елены, из-за которой происходила знаменитая Троянская Война. И за жизнь одного-единственного человека совершается столько гражданских событий, что для них едва ли хватит тысячи лет!* Такое чудовище Хронологии Греческой Истории в лице Орфея похоже на два других, указанных выше: одно - в Истории Ассирии, в лице Зороастра, другое - в Истории Египта, в лице двух Меркуриев. Может быть, поэтому Цицерон - "De Natura Deorum" - подозревает, что Орфей вообще никогда не существовал на свете^{43 bis}.

К этим величайшим хронологическим трудностям присоединяются не меньшие моральные и политические трудности, а именно, что Орфей основывает культуру Греции на примерах Юпитера, совершающего прелюбодеяния; Юноны *клятвопреступницы, которая ложными клятвами обманывает самого Юпитера — божественного свидетеля и вечного Судью, Юноны, смертельного врага доблести Геракла, Минервы — Мудрости Юпитера, которая собирается составить заговор против своего отца. Царя людей и Богов;* девственной Дианы, искушающей ночью спящего Эндимиона; Аполлона, отвечающего оракулами и замучивающего до смерти целомудренную девочку Дафну; Марса, который - словно недостаточно Богам совершать прелюбодеяния на земле - переносит их с Венерой в глубь моря; но такое необузданное сладострастие Богов не довольствуется запретными сношениями с женщинами: Юпитер пылает гнусной любовью к Ганимеду; однако оно не останавливается и здесь и переходит в конце концов в звериное: Юпитер, преображенный в Лебедя, возлежит с Ледой. Это сладострастие, в котором принимают участие и люди и звери, делает, безусловно, позорным nefas⁴⁴ беззаконного мира. Многочисленные Боги и Богини на небе не заключают браков: существует лишь один брак. Юпитера с Юноной, и он бесплоден, и не только бесплоден, но даже полон жестоких ссор, так что Юпитер пригвождает в воздухе целомудренную ревнивую супругу и сам порождает Минерву из головы; и, наконец, если Сатурн производит детей, то сам их пожирает.

Такие примеры, мощные примеры Богов (эти Мифы, однако, содержат всю ту Тайную Мудрость, к которой стремились, начиная с Платона и до наших времен, Бекон Веруламского- "De Sapientia Veterum"), как бы они ни звучали, разложили бы более пристойные народы и побудили бы их огрубеть и превратиться в зверей Орфея, так-то эти примеры удобны и пригодны для того, чтобы привести людей от состояния диких животных к культуре! В этом порицании звучит отчасти то же, в чем упрекает Богов Язычества Блаженный Августин в "Граде Божиим", по поводу "Евнуха" Теренция: Хереа, соблазненный изображением Юпитера, в виде золотого дождя возлежащего с Данаей, набрался смелости, которой у него раньше не было, совершить насилие над рабыней, хотя он и прежде был в нее безумно влюблен⁴⁵.

Но этих подводных камней Мифологии можно избежать посредством оснований данной Науки. Она покажет, что Мифы вначале были вполне истинны и суровы и достойны Основателей Наций, впоследствии же, через долгое обращение годов, когда, с одной стороны, в них затемнялись значения, с другой - изменялись обычаи и из суровых становились распутными (ибо люди, чтобы утешить свою совесть, хотели грешить в согласии с авторитетом Богов), они получали те мерзкие значения, с которыми они дошли до нас. Жестокие Хронологические бури прояснятся для нас открытием Поэтических Характеров; *так Девкалион окажется характером таких Героев, которые посредством Религии устанавливали браки; Геркулес — таких, которые посредством великих подвигов основывали и распространяли семьи, Эллин — таких, которые вводили языки; наконец, Орфей, который, как Поэт-Теолог, посредством мифов в первом их значении сначала основал, а потом утвердил культуру Греции.* Такой характер выделился больше чем когда бы то ни было в распрях героев с плебейскими греческими городами; а потому в этот век отличались Поэты-Теологи, как то: Орфей, Лин, Мусей, Амфион, который из самодвижущихся камней (из глупых плебеев) воздвиг стены Фив, заложенные Кадмом за триста лет до этого, совершенно так же, как Аппий, внук Децемвира, примерно через столько же времени после Основания Рима закрепил Героическое Состояние для Римлян, воспевая Плебсу силу Богов в ауспичиях, науку которых знали Патриции. По этим Героическим Распрям получил название Героический Век.

Z. Геркулес, с которым достигает вершины героическое время Греции.- Те же самые трудности снова возникают в Геркулесе, если принимать его за настоящего человека, товарища Язона по Колхидской экспедиции, тогда как на самом деле, как будет обнаружено, это- Героический характер Основателя народов с точки зрения трудов.

Aa. Санхуниат .- Он был прозван Историком Истины (по сообщению Климента Александрийского в "Строматах"); он написал народными буквами Историю Финикии тогда, когда Египтяне и Скифы, как мы видели, писали иероглифами, как и до сих пор пишут Китайцы, которые не меньше Скифов и Египтян хвастаются чудовищной

Древностью, ибо во мраке собственной замкнутости, не имея сношений с другими нациями, они не видят истинного света Времен. Санхуниат писал народными финикийскими буквами тогда, когда народные письма не были еще изобретены даже у Греков, как об этом было сказано выше.

Vb. Троянская война. - Так, как она рассказана Гомером, она, по мнению осторожных Критиков, никогда не происходила. А Критянин Диктис и Фригиец Дарес, описавшие ее в прозе в качестве историков-современников, отосланы теми же самыми Критиками в библиотеку Обмана.

Cc. Сезострис царствует в Фивах. - Он подчинил своей власти три другие Династии Египта; оказывается, что это был царь Рамзес, о котором у Тацита Египетский жрец рассказывает Германику³¹.

Dd. Греческие колонии в Азии, в Сицилии, в Италии. - Это - одна из очень немногих вещей, в которых мы не следуем авторитету Хронологии, побуждаемые к тому чрезвычайно могущественной причиной. Именно мы полагаем, что Греческие Колонисты были посланы в Италию и в Сицилию через сто лет после Троянской Войны и на триста лет раньше того времени, куда их поместили Хронологи, т.е. мы относим их близко к тому времени, когда, по мнению Хронологов, происходили скитания Героев, как, например, Менелая, Энея, Антенора, Диомеда и Улисса. Это не должно вызывать удивления, так как Хронологи расходятся на четыреста шестьдесят лет, определяя времена Гомера, наиболее близкого автора к этим событиям Греческой Истории. Ведь Сиракузы во времена Войны с Карфагеном по своему великолепию и утонченности не уступали самим Афинам, хотя на островах позднее, чем на материках, усваиваются изнеженность и роскошь в обычаях. А Кротона во времена Ливия вызывает у последнего жалость малочисленностью своего населения, тогда как раньше здесь жили многие миллионы⁴⁶.

Ee. Олимпийские игры, первоначально установленные Геркулесом, потом прекратившиеся и восстановленные Ифитом. - Оказывается, что с Геркулеса годы исчислялись жатвами, а с Ифита прохождением Солнца через знаки зодиака⁴⁷. Поэтому с них начинается достоверное Время Греков.

Ff. О с н о в а н и е Рима. - Как солнце разгоняет туман, так же уничтожает величественные мнения, существовавшие до сих пор о возникновении Рима и всех других городов - столиц достославных наций, одно золотое место из Варрона, приводимое блаженным Августином в "Граде Божиим": что Рим при Царях, царствовавших там в течение двухсот пятидесяти лет, подчинил себе двадцать народов и не распространил своей власти за пределы двадцати миль!

Gg. Гомер, который появляется в то время, когда еще не были изобретены народные буквы, и который не видит Египта. - Об этом первом Светоче Греции нам осталась во мраке Греческая История в двух своих главных частях, т.е. в Географии и Хронологии, так как до нас не дошло ничего достоверного ни о его родине, ни о его веке. В III из настоящих Книг будет показано, что Гомер совершенно отличен от того, кем его считали до сих пор. Но кем бы он ни был, он во всяком случае не видит Египта: в "Одиссее" он рассказывает, что остров, где находится золотой Маяк Александрии, так далек от материка, что корабль без груза при попутном северном ветре должен плыть это расстояние целый день; он не видит также Финикии, рассказывая, что остров Калипсо, называемый Огигия, находится так далеко, что бог Меркурий, - крылатый Бог, - достигает его с величайшим трудом; не видит он также и Греции, где до горы Олимпа (которую он воспеваает в "Илиаде" как местопребывание Богов) оказывается такое же расстояние, как от нашего света до Америки⁴⁸. Итак, если бы Греки во времена Гомера имели торговые сношения с Финикией и Египтом, то они не поверили бы ни одной из его двух Поэм.

Hh. Псамметих открывает Египет только для Греков Ионии и Карий. - Поэтому с Псамметиха начинает Геродот рассказывать более достоверные вещи о Египтянах; и это подтверждает, что Гомер не видит Египта, а многочисленные замечания, высказываемые им о Египте и других странах мира, оказываются или вещами и событиями в пределах самой Греции (как это будет показано в поэтической Географии), или искаженными за долгое время преданиями Финикиян, Египтян, Фригийцев, пославших своих Колонистов в Грецию, или же рассказами Финикийских Путешественников, которые задолго до времен Гомера торговали на побережьях Греции.

Ii. Э з о п, народный философ нравственности. - В Поэтической Логике будет показано, что Эзоп по природе был не выдающимся человеком, но что это - фантастическое родовое понятие, т.е. поэтический характер Союзников, или же *famuli*, Героев, несомненно существовавших раньше Семи Мудрецов Греции.

Kk. Ф а л е с Милетский Физикой закладывает начало Философии. - И начинает он с Принципа слишком нелепого, с Воды, может быть, потому, что наблюдал, как благодаря воде растут тыквы.

Ll. Пифагор. - Ливии относит его ко временам Сервия Туллия; так сколько же истины в том, что Пифагор мог быть Учителем Нумы в Божественных вещах! Ливии говорит⁴⁹ также, что во времена Сервия Туллия, т.е. примерно через двести лет после Нумы, в Варварские времена материковой Италии было невозможно не только Пифагору, но даже и его имени дойти от Кротоны до Рима через множество народов, различающихся по языку и обычаям. Отсюда само собою понятно, насколько быстры и легки были многочисленные долгие путешествия Пифагора во Фракию к Ученикам

Орфея, к Магам в Персию, к Халдеям в Вавилонию, к Гимнософистам в Индию, отсюда, по возвращении, - к жрецам в Египет, и как ни широка Африка, он будто бы пересек ее, чтобы посетить учеников Атланта в Мавритании, и из нее, снова переплывая море, к Друидам в Галлию, откуда он вернулся на родину, как говорит Хёрниус, обогащенным Варварской *Тайной* Мудростью, - Мудростью тех самых варварских наций, у которых задолго до этого побывал Геркулес Фиванский, убивая чудовищ и тиранов и сея культуру, и которых научили сами Греки, как они этим хвастались много после, не добившись, однако, заметных результатов, так как они все же остались варварами. Так-то серьезна и солидна преемственность школ Варварской Философии (как говорит Хёрниус, о чем упоминалось выше), которую тщеславие ученых столь сильно одобряло! А кто стал бы это утверждать, того здесь принудит авторитет Лактанция: он решительно отрицает, что Пифагор мог быть учеником Исайи. Этот авторитет приобретает особенную важность вследствие одного места из "Древностей Иудейских" Иосифа Флавия, где он доказывает, что Евреи во времена Гомера и Пифагора жили неизвестными даже для соседних с ними материковых, не то что для очень удаленных заморских наций. Поэтому Птолемию Филадельфу, удивлявшемуся, почему о законах Моисея никогда не упомянул ни один поэт или историк, Деметрий Еврей⁵⁰ отвечает, что чудесным образом Бог карал тех, кто покушался рассказывать о них Язычникам, как, например, Теопомпа, лишенного за это разума, и Теодекта, потерявшего за это зрение. К тому же сам Иосиф чистосердечно признает такую их неизвестность и объясняет ее так: "Мы, говорит он, не жили на морских побережьях и не были купцами, и вследствие отсутствия торговых сношений не общались с чужеземцами". О таком обычае Лактанций говорит, что он был установлен Божественным Провидением, дабы из-за торговли с язычниками не осквернялась религия истинного Бога. В этом высказывании Лактанцию следовал Петр Кунеус, "De Republica Hebraeorum". Все это подтверждается откровенным признанием самих Евреев, которые (по Переводу Семидесяти) ежегодно соблюдали торжественный пост в восьмой день Тебет, т.е. декабря, так как, когда этот перевод появился, три дня весь мир покрывала тьма, как в Раввинских книгах это заметил Казобон в своих "комментариях" к "Анналам" Барониуса, Букстроф в "Synagoga Judaica" и Хоттингер в "Филологической Сокровищнице". И в то время как Греческие Иудеи, называемые Эллинистическими, среди которых был Аристей, считавшийся Главою этого Перевода, приписывали ему божественный авторитет, Иерусалимские Иудеи смертельно его ненавидели. *Все это одним ударом должно опрокинуть систему Зельдева "Фалег" Бошара, "Евангелическое Доказательство" Хюэ.*

Но сама природа гражданских вещей требует запретительных ограничений; последнее встречается даже у вполне культурных Египтян: они были настолько негостеприимны по отношению к Грекам еще долгое время после того, как открыли для них Египет, что они запрещали Грекам употребление печного горшка, вертела, ножа и даже мяса, разрезанного ножом, если он был греческим; у Евреев - над ними обычно

насмехались Язычники: они, мол, на трудных и опасных путях, не имея никакого общения посредством языка, жаждущему чужеземцу не указывают источника. Пророки разгласили свое священное учение Чужеземцам, людям новым и для них самих неизвестным; такое учение у всех наций мира Жрецы хранили в тайне от толпы своего собственного плебса; поэтому оно у всех называлось "Священным", а это - то же самое, что "сокровенное". Отсюда вытекает особенно блестящее доказательство Истинности Христианской Религии, а именно, что Пифагор и Платон силою возвышенной человеческой науки отчасти поднялись до познания божественных истин, которым Евреи научились от истинного Бога. И обратно, отсюда мы получаем серьезное опровержение ошибки позднейших Мифологов, думавших, что Мифы были заимствованы из священной Истории и искажены языческими нациями, прежде всего - Греками. И хотя Египтяне общались с Евреями во время их плена, они (в силу общего обычая первых народов - ниже он будет показан - считать побежденных за людей без Бога) больше издевались над Религией и Историей Евреев, чем считались с ними; Египтяне, как рассказывает священная книга Бытия, часто в насмешку спрашивали Евреев, почему Бог, которому они поклоняются, не является освободить их из рук Египтян?

Mm. Сервий Туллий царь. - До сих пор ошибочно считали, что он установил в Риме Ценз, как основу народной Свободы; ниже будет показано, что этот Ценз был основой господской Свободы. Такая ошибка очень похожа на другую, которая заставляла думать до сих пор, будто в те времена, когда заболевший должник должен был появляться на осленке или в повозке перед претором, Тарквиний Приск установил гербы, тоги, девизы и кресла слоновой кости из клыков тех слонов, которых Римляне называли *boves Lucas51*, так как впервые увидели их в Лукании на войне с Пирром; и, наконец, золотые колесницы при триумфах: так великолепно проявлялось Римское Могущество только лишь в самые блистательные времена народной Республики.

Nn. Гесиод; Геродот. - Для определения того времени, когда у Греков были изобретены народные Письмена, мы относим Гесиода примерно к времени Геродота и даже несколько раньше, тогда как Хронологи слишком смело помещают его за тридцать лет до Гомера; об эпохе последнего мнения авторов расходятся на четыреста шестьдесят лет. Кроме того, Порфирий (по Свиде) и Веллей Патеркул утверждают, что Гомер был значительно раньше Гесиода. А треножник, который Гесиод будто бы посвятил на Геликоне Аполлону, написав, что он победил Гомера в пении, - сколько бы ни признавал это Варрон (по Авлу Геллию), треножник должен храниться в музее обмана, как одна из тех вещей, какие постоянно и в наше время делают фальсификаторы медалей ради большой прибыли от такого мошенничества.

Оо. Гиппократ. - Гиппократ помещают Хронологи во времена семи Мудрецов Греции. Но так как жизнь его слишком разукрашена мифами (рассказывают, что он был сыном Эскулапа и внуком Аполлона) и так как он - несомненный автор произведений, написанных в прозе народными буквами, то и здесь он помещен приблизительно во времена Геродота, также писавшего в прозе народными буквами и сплетавшего свою Историю почти целиком из Мифов.

Рр. Идантура, царь Скифии. - Он Дарию Великому, объявившему ему войну, отвечает пятью реальными словами; ими, как ниже будет показано, первые народы должны были пользоваться раньше, чем произносимыми и, наконец, писаными словами. Эти реальные слова были: лягушка, мышь, птица, сошник и лук со стрелами⁵². Ниже значения их будут разъяснены естественно и просто. Нам приходится привести то, что Святой Кирилл Александрийский⁵³ говорит о совете у Дария по поводу такого ответа; он сам по себе заслуживает смехотворных истолкований, данных ему Советниками. Таков-то царь Скифов, победивших Египтян в споре за Древность и не умевших в те времена писать даже иероглифами!

Таким образом, Идантура, как мы думаем, похож на одного из тех Китайских Царей, которые до самых последних столетий, замкнувшись от всего остального мира, хвастались мнимой древностью, превосходящей древность мира, и за столь долгое время они научились писать только иероглифами. И хотя вследствие особенной мягкости неба у них есть утонченнейшие таланты, создающие столь удивительные по тонкости работы, все же они не умеют еще накладывать тени в живописи, на которых могли бы выделяться света; поэтому их Живопись, не выступая вперед и не удаляясь вглубь, чрезвычайно неуклюжа; а приходящие оттуда фарфоровые статуэтки кажутся нам столь же грубыми, как и Египетские вещи, в Литейном искусстве; поэтому нужно считать, что Египтяне были в Живописи так же грубы, как теперь Китайцы.

Для Скифов Анахарсис был таким же создателем Скифских Оракулов, каким Зороастр был для Халдеев; первоначально они были Оракулами-Гадателями, а потом тщеславие ученых превратило их в Оракулов-Философов. *Вследствие этого их нужно было бы поместить на одном уровне с первыми Основателями языческих наций, после Зороастра и перед Меркурием Трисмегистом.* От Гипербореев ли теперешней Скифии, или, зародившись издревле в пределах самой Греции, появились у Греков два наиболее знаменитых оракула Язычества, Дельфийский и Додонский (как думал Геродот⁵⁴, после чего - Пиндар и Ференик⁵⁵, а за ними следовал Цицерон "De Natura Deorum", почему, может быть, Анахарсис был объявлен знаменитым Создателем Оракулов и причислялся к наиболее древним Пророческим Богам), - это мы увидим в главе о "Поэтической Географии". Пока достаточно знать, так ли Скифия была учена в тайной Мудрости: Скифы втыкали нож в землю и поклонялись ему

вместо Бога, так как этим они оправдывали убийства, которые должны были совершить. И из такой-то зверской Религии вышли те многочисленные нравственные и гражданские добродетели, рассказанные Диодором Сицилийским, Юстином, Плинием и вознесенные до небес в хвалах Горацием! Поэтому Абарис⁵⁶, желавший установить порядок в Скифии посредством законов Греции, был там убит Кадвисом, своим братом. Он достиг таких успехов в "Варварской Философии" Херниуса, что сам не понимал, какие законы годятся для приведения варварского племени к культуре и цивилизации, и должен был изучать их у Греков! По отношению к Скифам Греки питали совершенно такое же чувство, какое немногим раньше мы указали у них по отношению к Египтянам: из суетного желания придать своему знанию достославное происхождение от чужеземной Древности, они действительно заслуживали упрек, сделанный, как они полагали. Египетским жрецом Солону (по сообщению из Крита у Платона в одном из "Алкивиадов"), что Греки всегда были детьми. Поэтому следует сказать, что из-за такого тщеславия Греки по отношению к Скифам и Египтянам приобретали столько пустой славы, сколько теряли истинных заслуг.

Qq. Фукидид, который пишет⁵⁷, что до времен его отца Греки ничего не знали о своей собственной древности и что поэтому он принялся описывать Пелопоннесскую войну. - Он был юношей, когда Геродот был старцем, так что последний мог быть его отцом; Фукидид жил в самое блестящее время Греции, во время Пелопоннесской войны, современником которой он был, и потому, чтобы описывать истинные события, он написал ее Историю. Сам он говорил, что Греки до времен его отца (а это было время Геродота) ничего не знали о своей собственной древности: так как же нужно расценивать их рассказы о чужестранных вещах, раз мы знаем о варварской языческой Древности столько, сколько они нам об этом рассказывают? И как нужно расценивать древность до Пунических Войн тех Римлян, которые до этого времени занимались только земледелием и военным ремеслом, раз Фукидид установил подлинную истину по отношению к своим Грекам, столь быстро ставшим философами? Ведь мы не посмеем сказать, что Римляне имели на то особую привилегию от Бога.

Rr. Сократ кладет начало Философии морали, Платон процветает в Метафизике. Афины блистают всеми искусствами расцвета культуры. - В такое-то время из Афин переносятся в Рим Законы XII Таблиц, столь некультурные, грубые, бесчеловечные, жестокие и дикие, какими они показаны в "Основаниях Всеобщего Права".

Ss. Ксенофонт, занеся греческое оружие в недра Персии, первый узнает с некоторой достоверностью о Персидских делах. - Как замечает святой Иероним в комментариях к Даниилу, под влиянием пользы от Торговых сношений Греки начали при Псамметихе узнавать Египет; и с этого времени Геродот начинает писать более достоверные вещи о Египтянах. С Ксенофонта впервые под влиянием военной необходимости Греки начали узнавать более достоверные вещи о Персах; Аристотель, от-

правившийся туда с Александром Великим, пишет, что раньше Греки рассказывали о них только Мифы, как это указывается в настоящей Хронологической Таблице. Так начали Греки приобретать достоверные сведения о чужестранных делах.

Tt. Закон Публилия. - Этот Закон был издан в 416 году от основания Рима; он является важнейшим моментом Римской истории, так как объявил, что, согласно ему, Римская Республика от аристократического строя перешла к народному строю. *Вследствие этого в Риме должны были происходить большие волнения; поэтому Публилий Филон, автор этого закона, был прозван народным диктатором. Так как диктатора призывали только в случаях крайней внутренней или внешней опасности для Республики, то его облакали высшей монархической властью, так что он мог реформировать даже, если в этом была необходимость. Государство (соответственно диктатуре изменил если и не строй государства, то, несомненно, образ правления из свободного в аристократический на пять лет Сулла). Диктатор провозглашался Сенатом, так как о нем говорили не в словах *creare* или *facere*, как о Консулах, Преторах и других Магистратах, а *dicere Dictatorem*⁵⁸. Поэтому Римляне, чрезвычайно мудрые в государственных делах, понимали монархическую силу Диктатуры и то, что Монархи даются Богом и провозглашаются людьми; потому они не только не призывали Диктатора на длительный срок, но и не создавали законченного права Диктатуры: Диктатор объединял в себе все меньшие власти, при нем *omnes Magistratus silebant*⁵⁹. На это указал Тацит в третьем изречении "Анналов", где говорим: *Dictaturae ad tempus sumebantur*⁶⁰, применяя одну из двух формул Легатов, так называемых *per vindicationem*⁶¹, согласно которым Легатарий самостоятельно получал собственность, а не из рук наследников; формулы эти таковы: *capito* или *sumito*. — По этим причинам, так как снова началась борьба вокруг формы народного государства, ради успокоения был провозглашен диктатором Гортензий, утвердивший закон Публилия. Эти два закона рассматривались до сих пор учеными Истолкователями римского Права ради обучения простодушных юношей тому, что этими законами была придана плебисцитам, или законам трибунов, такая же сила, как и консульским законам; тем самым они оставляют нам Римскую Республику с двумя верховными Законодательными властями, не различными и не разделенными ни по содержанию, ни по времени, великим страшилищем Республики; ведь они не понимали языка этих законов, так как если что-либо плебс устанавливал посредством законов трибунов, то противоположное этому народ не мог установить посредством консульских законов.*

Все это немногим ниже будет нами показано с очевидностью; пока же здесь достаточно дать идею вместо гипотез.

Оставался неизвестным этот и следующий закон Петелия (столь же важный, как и закон Публилия) из-за неопределенности трех следующих слов: народ, царство и свобода. Под влиянием общей ошибки думали, что римский народ со времен Ромула состоял из граждан как благородных, так и плебеев, что Рим был царством монархическим, что там была установлена Брутом народная Свобода. Эти три неопределенных слова вводили в заблуждение всех Критиков, Историков, Политиков и Юристов, так как ни по одному из этих слов они не могли составить себе представление о Героических Респу́бликах, которые существовали в форме чрезвычайно суровых аристократий и потому как небо от земли были отличны от Республик нашего времени. Ромул внутри Убежища, открытого в Роше, заложил Рим на основе Клиентел; последние представляли собой вид покровительства, которое Отцы семейства оказывали укрывающимся в убежище, принимая их в качестве поденщиков, не имеющих никаких прав Гражданства и тем самым совершенно непричастных гражданской свободе. А так как они укрывались здесь ради спасения жизни, то Отцы предоставляли им естественную свободу, удерживая их разделенными при возделывании своих полей. Из последних таким образом составлялся общественный Фонд римской территории, как из самих Отцов Ромул составил Сенат. Позже Сервий Туллий установил в Риме Ценз, предоставив поденщикам бонитарную собственность на поля, принадлежащие Отцам; поденщики возделывали поля для себя ценою уплаты Ценза, с обязательством служить Отцам за собственный счет во время войн. Мы видим, что соответственно такому положению плебеи действительно служили Патрициям во времена этой предполагавшейся до сих пор народной свободы. Этот Закон Сервия Туллия был первым Аграрным Законом в мире, заложившим Ценз, основу Героических Республик, т.е. самых древних Аристократий у всех наций. Потом Юний Брут изгнанием тиранов Тарквиниев восстановил Римское Государство на его первоначальных основаниях, установив вместо одного пожизненного Царя в качестве Консулов как бы двух Аристократических Царей с годичным сроком избрания (как Цицерон их называет в своих "Законах"), он преобразовал Свободу Господ от их Тиранов, а никак не Свободу народа от Господ. Но так как Благородные плохо соблюдали Аграрный Закон Сервия по отношению к Плебеям, то последние избрали себе Плебейских Трибунов и заставили поклясться Благородных, что они будут защищать для плебса часть естественной свободы в виде бонитарной собственности на поля. Так как плебеи хотели добиться от благородных гражданской собственности, то плебейские Трибуны изгнали из Рима Марция Кориолана за слова: "Пусть, мол, плебеи идут обрабатывать землю"; он хотел этим сказать, что раз они не удовлетворились Аграрным Законом Сервия Туллия и желали полного и более прочного Аграрного Закона, то их нужно свести к положению поденщиков времен Ромула; в противном случае это было бы только глупой спесью плебеев, пренебрегающих земледелием, тогда как - мы знаем это наверное - заниматься им почитали за честь сами благородные. И могла ли из-за такого пустого повода разгореться столь жестокая война, что Марций, желая отомстить за свое изгнание, пришел разрушить Рим, и только

умоляющие слезы матери и жены заставили его отказаться от этой безбожной затеи? Однако благородные продолжали отнимать поля у плебеев, хотя последние и обрабатывали их; так как плебеи не могли предъявлять гражданских исков для возмещения, то плебейские Трибуны выставили претензию на Законы XII Таблиц (в "Основаниях Всеобщего Права" показано, что они имели в виду только это); этими законами Благородные предоставляли квинритскую собственность на поля Плебеям: такая гражданская собственность по естественному праву народов предоставлялась чужестранцам. Таков был второй Аграрный Закон древних наций. Но плебеи вскоре заметили, что они не могут передавать *ab intestate*⁶² поля своим родственникам (у них не было *suitas*, *agnatio*, *gentilitas*, на основе которых происходило наследование по закону, так как они не заключали торжественных браков); тем не менее, могли они передавать поля по завещанию: так как плебеи не имели прав гражданства, то они выставили претензии на браки благородных, т.е. на право праздновать торжественные свадьбы, ибо именно это называется *connubium*; самой торжественной частью их были ауспиции, составляющие собственность благородных; эти ауспиции были великим источником всего Римского Права, как частного, так и публичного. Таким образом. Отцы предоставили плебеям право бракосочетаний, последние, по определению юриста Модестина, были *omnis divini et humani juris communicatio*⁶³, а это - не что иное, как Гражданственность; тем самым Отцы дали Плебеям Права Гражданства. Потом, в порядке человеческих пожеланий, плебеи получили от Отцов все зависящее от ауспиций в области частного права, как то: *patria potestas*, *suitas*, *agnatio*, *gentilitas*, и как следствие этих прав - наследование по закону, завещания и опеку. Затем плебеи стали претендовать на все то, что зависело от ауспиций в области публичного права; прежде всего плебеи были приобщены к Консульской Власти, и в конце концов - к Жреческой и Понтификальной, а вместе с последней - также и к Науке о законах. Таким образом, плебейские Трибуны на той основе, на которой они были созданы, - покровительствовать плебеям в их естественной свободе, - постепенно отвоевали для них всю гражданскую свободу. И в ценз, установленный Сервием Туллеем, впоследствии ввели новый порядок, так что его платили уже не частным образом благородным, а в Эрарий, так как Эрарию были подведомственны расходы на плебеев во время войн. Из основы господской Свободы Ценз сам собою, в естественном порядке, становился основой народной Свободы; способ, каким это совершалось, будет показан ниже. Теми же шагами плебейские Трибуны продвигались к власти предписывать законы. *Ведь первоначально их плебисциты были не что иное, как декларации, которые плебс делал благородным, как своим противникам, так как плебеи были строги в вопросах своей свободы (так, например, они поступили с Кориоланом); с самого начала, конечно, они не могли своими плебисцитами предписывать наказание, так как плебс не обладал *imperium*; по этому мы полагаем, что первые римские плебисциты были такими же, как остракизмы в Афинах, которыми полноправным гражданам назначалось десять лет изгнания; У Римлян же изгнание вплоть до времен Принцевсов было не видом наказания, а из-*

бавлением. Но во времена Филона плебеи должны были получить также и право издавать общеобязательные законы. Ведь два закона, Горация и Гортензия, могли разрешить плебсу ввести обязательность его плебисцитов для всего народа только в двух исключительных случаях; ради первого из этих законов плебс ушел на Авентинский холм в 304 году от основания Рима; в это время (как здесь это высказывается в виде гипотезы, а ниже будет показано на Фактах) плебеи не были еще гражданами; ради второго плебеи ушли на Яникул в 367 году, когда плебс еще боролся со знатью о предоставлении ему Консульства. Но на основе этих двух законов плебс, в конце концов, добился права издавать общеобязательные законы; вследствие этого в Риме должны были происходить большие волнения и перевороты; поэтому необходимо стало объявить диктатором Публилия Филона; диктатора же провозглашали только в случаях крайней опасности для Республики; так и в данном случае она оказалась обуреваемой такими смутами, что принуждена была питать внутри своего тела две верховные Законодательные Власти, ни в чем не разделенные, ни по времени, ни по содержанию, ни по территории, и ей грозило быстрое разрушение. Поэтому Филон для излечения столь великого гражданского несчастья приказал, чтобы то, что плебс предписывал посредством плебисцитов в трибутных комициях, - *omnes Quirites teneret*⁶⁴, - обязывало весь народ в центуриатных комициях, где объединялись *omnes Quirites*: ведь Римляне называли себя *Quirites* только лишь в публичных собраниях, и в повседневной латинской речи никогда не называлось *Quirites* численное меньшинство. Этой формулой Филон хотел сказать, что не могут быть установлены законы, противоречащие плебисцитам. И в силу всего этого уже и по законам, признанным также и самими благородными. Плебс был решительно во всем уравнен с Благородными, а после этой последней попытки, которой благородные не могли противостоять, не разрушая Республики, он стал даже выше благородных, так как без авторитета Сената предписывал основные законы всему народу.

Таким образом, уже естественным путем Римская Республика стала свободной народной Республикой, и Филон своим законом только объявил ее таковою, за что был прозван народным Диктатором. Соответственно этой изменившейся природе он издал два других установления, содержащихся в двух других главах Закона Публилия. Во-первых, авторитет Сената до того был авторитетом Господ: в силу этого то, что первоначально установил народ, *deinde Patres fierent auctores*⁶⁵; таким образом, избрание Консулов и установление законов, совершаемые народом, раньше были общественным засвидетельствованием заслуг и публичным ходатайством о праве; по установлению этого Диктатора, отныне и впредь Отцы стали *auctores* для Народа, ставшего уже Свободным и Суверенным, *in incertum comitiorum eventum*, как бы Попечителями народа. Господина Римской Власти; если он хотел устанавливать законы, то устанавливал их согласно формуле, предложенной ему Сенатом; в противном случае он мог воспользоваться своей суверенной властью и "антиквировать" законы, т.е. заявить, что не желает нового; таким образом, все то, что с этих пор впредь

устанавливал Сенат относительно публичных дел, было или инструкциями, данными Сенатом народу, или поручениями, данными народом Сенату. Во-вторых, оставался ценз: так как за все время до этого он был Эрием Благородных, то только Благородные избирали из своей среды Цензоров; а раз по этому закону ценз стал собственностью всего народа, то Филон устанавливал в третьей главе, что также и плебс допускался к Цензуре: только к этой магистратуре и оставалось еще допустить плебс.

Если согласно таким Гипотезам читать Римскую Историю, то на тысяче доказательств обнаружится, что там господствует то, о чем идет речь; а это из-за трех вышеупомянутых неопределенных слов не имело никакого общего основания и никакой подобающей определенной связи, поэтому наши Гипотезы нужно было бы принять за истины. Если же как следует поразмыслить, то это не столько Гипотезы, сколько Истина, усмотренная в Идее, которая впоследствии с достоверностью будет найдена на фактах. И если принять то, что Ливии говорит в общей форме об Убежищах, - они, мол, были *vetus urbes condentium concilium*⁶⁶, как, например, Ромул внутри Убежища, открытого в Роце, основал Рим, - то отсюда получается История всех других городов мира тех времен, узнать которые до сих пор считали безнадежным. Таков очерк Вечной Идеальной Истории, которая ниже обсуждается и открывается; согласно ей протекают во времени истории всех наций.

Vv. Закон Петелия. - Этот второй закон, названный *de Nexu*, был издан в 419 году от основания Рима, т.е. через три года после Закона Публилия, консулами Каем Петелием и Луцием Папирием Мугилланом. Он заключает в себе второй важнейший момент римской истории, так как благодаря ему Плебеи были освобождены от феодального права оставаться подвластными вассалами Благородных за Долги, в силу которого Благородные часто заставляли их почти всю жизнь работать на себя в своих частных тюрьмах. Но за Сенатом сохранилась суверенная собственность, распространявшаяся на все земли Римского Государства, перешедшие уже к народу, и посредством *Senatus-consultum* (называвшегося *ultimum*⁶⁷), ради сохранения Рима как свободной Республики, он поддерживал ее силою оружия. Поэтому, каждый раз как народ хотел сломить ее Аграрными Законами Гракхов, Сенат вооружал Консулов, которые объявляли бунтовщиками и убивали плебейских Трибунов, Авторов этих законов. Такое значительное явление *римской истории господствует только в силу своих особых причин на основе Вечного Феодального Права, вскрытого нами в соответствующем Произведении, разъясненного в примечаниях и укрепленного, как мы увидим, еще много больше в настоящих Книгах; мы не знаем в точности, каким путем могут выйти из этого с честью все Политики и все Юристы, писавшие о Публичном праве, в частности — миновать два места, столь же легких для нас, сколь трудно преодолимых подводных камней для них, причем оба эти места находятся у Цицерона. Первое из них находится в одной из*

*Катилинарий, где он утверждает, что Тиберий Гракх разрушал Аграрным Законом Республику, тогда как кажется, будто Сенат потряс Государство, а не наоборот: он противился народу, верховному господину Власти, который хотел распоряжаться полями, приобретенными им самим силою оружия в провинциях. Второе место находится в речи за Росция Америна, где он говорит, что Сулла благодаря *jus gentium* одержал победу над Марием.*

Хх. Тарентская война: с этих пор начинают друг друга узнавать Латиняне и Греки. - Причина ее заключалась в том, что Тарентинцы плохо обращались с римскими кораблями, причаливавшими к их берегу, и даже с римскими послами, так как они, говоря словами Флора, извиняли себя тем, что *qui essent, aut unde venirent, ignorabant* 69, хотя у Римлян была уже могущественная империя в Италии и они распространялись по всему побережью. Так мало знали друг друга первые народы даже в пределах небольшого материка!

Уу. Вторая Пуническая Война, с которой начинается Достоверная Римская история у Ливия, хотя он и признается, что не знает трех ее самых главных обстоятельств. - Об этой войне Ливии говорил, что со Второй Пунической Войны он пишет Римскую Историю с несколько большей достоверностью, так как принимается описывать наиболее достопамятную войну, какую когда-либо вели Римляне, и что соответственно ее несравненным размерам, как и обо всем особенно знаменитом, пишущий должен был бы располагать наиболее достоверными воспоминаниями; но он не знает, - и откровенно говорит, что не знает, - трех самых важных обстоятельств: во-первых, при каких консулах Аннибал после завоевания Сагунта отправился из Испании в Италию; во-вторых, через какие Альпы он появился в ней, через Коттские или через Пеннинские; в-третьих - с какими силами; о последнем он находит столь большое разногласие в Древних Анналах, что одни пишут о шести тысячах всадников и двадцати тысячах пехотинцев, а другие - о двадцати тысячах первых и восьмидесяти тысячах вторых.

Из всего рассмотренного в этих Примечаниях мы видим, насколько недостоверно все то, что относится к древним языческим нациям в пределах тех времен, которые определены настоящей Таблицей. Таким образом, в силу всего этого мы входим туда, как в земли, называемые *nullius*: о них существует такое правовое правило, что *ossuranti conceduntur*⁷⁰. И поэтому мы не думаем, что нарушим чье нибудь право, если будем рассуждать об этом часто отлично, а иной раз и совершенно противоположно тому мнению, каковое существовало до сих пор об основаниях культуры у наций, а после сведем их к основаниям науки. Благодаря последним События Достоверной Истории находят свое первоначальное происхождение, на основе его они господствуют, и благодаря ему они друг с другом согласуются; до сих пор казалось,

что у них нет никакой общей основы, никакой непрерывной последовательности, никакой связи между собой.

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ

Аксиомы, или философские и филологические Достоверности. Определения и немногие скромные Постулаты о том, каковыми должны быть Элементы этой Науки о Культуре.

Итак, для придания формы подготовленному выше в Хронологической Таблице материалу мы предлагаем теперь здесь следующие Аксиомы⁷¹, как Философские, так и Филологические, немного разумных и скромных Постулатов, и несколько разъясненных определений⁷²; все они, как кровь по одушевленному телу, должны растечься вглубь и одушевить все то, что говорит эта Наука об Общей Природе Наций. *Поэтому теперь уже больше не сражаются в упорной войне, — довод против довода, авторитет против авторитета, как до сих пор все рассуждения в книгах об Основах религий, языков, обычаев, нравов, законов, властей, торговли, суда, наказания, войны, мира, союзов, составляющих одно целое, но они согласуются друг с другом в вечном мире.*

I. Человек вследствие бесконечной природы человеческого ума делает самого себя правилом Вселенной там, где ум теряется от незнания.

Эта Аксиома - причина двух общих человеческих явлений: во-первых, *fama crescit eundo*, и во-вторых, *minuit praesentia famam*⁷³. Так как молва проделала очень долгий путь, а именно - с самого начала мира, то она стала неиссякаемым источником тех преувеличенных мнений, которые существовали до сих пор о неизвестных нам и удаленнейших от нас Древностях. Именно это свойство человеческого ума подметил Тацит в "Жизнеописании Агриколы" в следующем изречении: *omne ignotum pro magnifico est*⁷⁴.

II. Другое свойство человеческого ума состоит в том, что там, где люди не могут составить никакого представления о далеких и неизвестных вещах, они судят о них по вещам известным и имеющимся налицо.

Эта Аксиома указывает на неисчерпаемый источник всяческих ошибок, в которые впадали целые нации и все ученые, говоря о Началах Культуры: ведь первые начинали их замечать, а вторые - раздумывать о них во времена просвещенные, культурные и величественные, и по ним судили о Происхождении Культуры, - оно же по своей природе должно было быть ничтожным, грубым, самым темным. *Эта же Аксиома показывает, что Тщеславие — дочь Невежества и Самолюбия, которое нас как бы раздувает: ведь в нас существует много слишком укоренившихся идей о*

нас самих и о близких нам вещах, и посредством их мы как глупцы смотрим на непонятные нам вещи.

К этому роду должны быть сведены два вида Тщеславия, указанные выше: Тщеславие Наций и Тщеславие Ученых.

III. О тщеславии Наций выслушаем следующее золотое изречение Диодора Сицилийского: все нации, будь то греческие или варварские, кичились тем, что они раньше всех других открыли удобства человеческой жизни и что они сохранили воспоминания о своей истории с самого начала мира.

Эта Аксиома ниспровергает одним ударом спесь Халдеев, Скифов, Египтян, Китайцев, кичившихся тем, что они заложили основы Культуры в древнем Мире. Но Иосиф Флавий Еврей очищает от такого упрека свою нацию тем великодушным признанием, которое мы слышали выше, а именно - что Евреи жили скрытно от всех Язычников. А Священная История нам подтверждает, что Возраст Мира оказывается почти что юным, по сравнению с той старостью, в которую верили Халдеи, Скифы, Египтяне и в которую до сих пор верят Китайцы. Это - сильное доказательство Истинности Священной Истории.

IV. К этому тщеславию наций присоединяется здесь тщеславие Ученых, которые хотят, чтобы то, что они знают, было столь же древним, как мир. *Поэтому при каждом рассуждении по любому вопросу мы слышим, как начинают с сотворения Первого Человека; и то, что знают ученые, должно стать Началом, к которому надлежит свести все то, что знают другие.*

Эта Аксиома опровергает все мнения ученых о Недостижимой Мудрости Древних; она разоблачает обман Оракулов Халдея Зороастра, Скифа Анахарсиса, не дошедших до нас, "Поймандра" Меркурия Трисмегиста, Орфик, т.е. стихов Орфея, "Золотой Песни" Пифагора, с чем согласны все наиболее видные Критики, она отбрасывает как несоответствующие все мистические значения, приписанные учеными египетским иероглифам, и философические аллегории, навязанные ими Греческим Мифам. *Обе эти Аксиомы должны предостеречь читателя, желающего извлечь пользу из настоящей Науки, так как оба вида тщеславия проистекают от невежества: он не должен оказаться в таком положении, что ничего не знает вследствие доверчивости, или из гордости полагать, что он уже знает все о Началах Культуры.*

V. Чтобы помогать роду человеческому. Философия должна поднимать и наставлять человека падшего и слабого, а не искажать его природу и не покидать его в его испорченности.

Эта Аксиома изгоняет из школы нашей Науки Стоиков, которые стремятся к умерщвлению чувств, и Эпикурейцев, которые делают чувства законом: и те и другие отрицают Провидение, первые - позволяя увлечь себя Року, вторые - отдаваясь Случаю, причем последние думают, что души человеческие умирают вместе с телом. И те и другие должны были бы называться Философами-Монахами, или отшельниками.

Наоборот, сюда допускаются Философы-Политики, и главным образом - Платоники, которые согласны со всеми Законодателями в трех следующих основных пунктах: что существует Божественное Провидение; что следует умерять человеческие страсти и делать из них человеческие добродетели и что души человеческие бессмертны. Следовательно, эта Аксиома дает три основания нашей Науки.

VI. Философия рассматривает человека таким, каким он должен быть; таким образом, она может принести плоды лишь немногим, стремящимся жить в Республике Платона, а не пресмыкаться в нечистотах города Ромула⁷⁶.

VII. Законодательство рассматривает человека таким, каков он в действительности, чтобы извлечь из этого пользу для человеческого общества. Так из свирепости, скупости и честолюбия (эти три порока пронизывают насквозь весь род человеческий) оно создает войско, торговлю и двор, т.е. силу, богатство и мудрость Государств. И из этих трех великих пороков, которые, несомненно, уничтожили бы поколение людей на земле, оно создает Гражданское Благополучие.

Эта Аксиома доказывает, что здесь присутствует Божественное Провидение; другими словами - Божественный Ум Законодатель: из страстей людей, всецело преданных своим личным интересам, *он создает Правосудие, благодаря которому по-человечески сохраняется поколение людей, называемое Родом Человеческим.*

VIII. Вещи за пределами своего естественного состояния и неуместны, и не сохраняются надолго.

Одна эта Аксиома (так как род человеческий, поскольку существуют предания, жил и живет довольно сносно в обществе) заканчивает великий спор, который все еще ведут лучшие Философы и Моралисты-Теологи против скептика Карнеада и Эпикура и которого не завершил даже Гроций: существует ли право в природе, или, что то же самое, общественна ли человеческая природа⁷⁷?

Эта же Аксиома, в соединении с VII и с Короллариумом к ней, доказывает, что у человека есть свободная воля, хотя и слабая, делать из страстей добродетели, но что

Бог помогает ему естественным путем посредством Божественного Провидения и сверхъестественным путем - посредством Божественной благодати.

IX. Люди, не знающие Истины о вещах, стараются придерживаться Достоверного: раз они не могут удовлетворить интеллект Знанием, пусть по крайней мере воля опирается на Сознание.

X. Философия рассматривает Разум, из чего проистекает Знание Истины, Филология наблюдает Самостоятельность Человеческой Воли, из чего проистекает Сознание Достоверного.

Эта Аксиома во второй части определяет как Филологов всех Грамматиков, Историков и Критиков, которые занимались изучением Языков и Деятельности народов как внутренней (таковы, например, обычаи и законы), так и внешней (таковы война, мир, союзы, путешествия, торговля). Эта же Аксиома показывает, что на полдороге остановились как Философы, которые не подкрепляли своих соображений Авторитетом Филологов, так и Филологи, которые не постарались оправдать своего авторитета Разумом Философов: если бы они это сделали, то были бы полезнее для Государства и предупредили бы нас в открытии нашей Науки.

XI. Воля человеческая, по своей природе в высшей степени недостоверная, удостоверяется и определяется Здравым Смыслом людей в том, что относится к человеческой необходимости или пользе: таковы два источника Естественного Права Народов.

XII. Здравый Смысл - это суждение без какой-либо рефлексии, чувствуемое сообща всем сословием, всем народом, всей нацией или всем Родом Человеческим.

Эта Аксиома вместе с последующим Определением даст нам Новое Критическое Искусство об Основателях Наций: должно было протечь много более тысячи лет от них до появления Писателей, которыми до сих пор занималась Критика.

XIII. Единообразные Идеи, зародившиеся у целых народов, не знающих друг о друге, должны иметь общее основание истины.

Эта Аксиома - великое Основание: она устанавливает, что Здравый смысл Рода Человеческого есть Критерий, внушенный нациям Божественным Провидением для определения Достоверного в Естественном Праве Народов; нации убеждаются в нем, усваивая субстанциальное Единство такого Права, с которым все они согласны при различных модификациях. Отсюда возникает Умственный Словарь, указывающий происхождение всех различно артикулированных Языков: посредством него по-

стигается Вечная Идеальная История, дающая нам истории всех наций во времени. Ниже должны быть выставлены особые Аксиомы относительно такого Словаря и относительно такой истории.

Эта же Аксиома разрушает все существовавшие до сих пор представления о Естественном Праве Народов: о последнем думали, что оно появилось у первой нации и от нее было воспринято другими. Соблазну к такого рода ошибке положили начало Египтяне и Греки, которые хвастались тем, что именно они посеяли культуру в Мире; эта же ошибка, конечно, заставила Законы XII Таблиц перейти от Греков к Римлянам. Но в этом последнем случае такой закон был бы Гражданским Правом, передаваемым другим народам человеческим предвидением, а не Правом, естественно установленным у всех наций на основе человеческих обычаев Божественным Провидением. Мы постоянно будем стараться показать в этих Книгах, что Естественное Право Народов зарождается самостоятельно у каждого народа, причем один ничего не знает о другом, а потом вследствие войн, посольств, союзов, торговых сношений оно признается общим для всего рода человеческого.

XIV. Природа вещей - не что иное, как их возникновение в определенные времена и при определенных условиях; всегда, когда последние таковы, именно таковыми, а не другими возникают вещи.

XV. Свойства, не отделимые от предметов, должны быть продуктом модификаций или условий, при которых возникли вещи, поэтому такие свойства могут нам удостоверить, что именно таковою, а не иною была природа, т.е. возникновение данных вещей.

XVI. Простонародные Предания должны были иметь общественное основание истины, почему они возникли и сохранялись целыми народами в течение долгих промежутков времени.

Одна из больших работ нашей Науки - найти в этих Преданиях основу истины, которая с течением лет и с переменю языков и обычаев дошла до нас под покровом ложного.

XVII. Простонародные языки должны быть наиболее важными свидетелями древних народных обычаев, соблюдавшихся в те времена, когда у этих народов образовывались языки.

XVIII. Язык Древней Нации, сохранившийся господствующим до тех пор, когда нация достигла своего завершения, Должен быть великим свидетелем обычаев первых времен Мира.

Эта Аксиома подтверждает нам, что чрезвычайно важны Филологические доказательства Естественного Права Народов, извлеченные из латинской речи, *где мы находим, что все героические изречения объясняли идею точно и правильно*, так как Римское Право было несравненно более мудрым, чем все другие. По тем же причинам это же самое могут сделать ученые с Немецким Языком, обладающим теми же свойствами, что и древний Римский Язык.

XIX. Если Законы XII Таблиц представляли собою обычаи людей Лациума, начавшие здесь соблюдаться еще в век Сатурна, в других местах постоянно изменявшиеся, а у Римлян зафиксированные в бронзе и свято оберегаемые Римской Юриспруденцией, то они - великий свидетель Древнего Естественного Права народов Лациума.

Фактическая правильность этого была нами показана много лет тому назад в "Основаниях Всеобщего Права", а еще больше это будет освещено в настоящих Книгах.

XX. Если Поэмы Гомера представляют собою гражданскую историю древнегреческих обычаев, то они - две великих Сокровищницы Естественного Права народов Греции.

Эта Аксиома сейчас предполагается; ниже она будет показана на фактах.

XXI. Греческие Философы ускорили естественный ход развития, который должна была совершить их нация, так как они появились еще во времена ее сурового варварства. Поэтому Греки перешли непосредственно к высшей утонченности, в то время как у них сохранялись в целостности Мифические Истории, как Божественные, так и Героические. Римляне же, обычаи которых развивались постепенно, совсем потеряли из виду собственную историю о Богах (поэтому Век Богов, как его называли Египтяне, Варрон обозначает как Темное Время Римлян); однако у них сохранялась в простонародной речи Героическая История, обнимавшая период от Ромула до законов Публилия и Петелия: будет показано, что это - непосредственное продолжение исторической Мифологии Героического Века Греции.

Такую природу человеческих гражданских вещей подтверждает нам Французская Нация, так как здесь в расцвете варварства, около 1100 года, открылась знаменитая Парижская Школа, где славный Учитель Сентенций, Петр Ломбард, отдался преподаванию самой утонченной. Схоластической Теологии, и в то же время там оставалась, как Гомеровская поэма, История Турпина, епископа Парижского, переполненная всевозможными Мифами о героях Франции, называвшихся Паладинами (позднее о них было сложено много Романов и Поэм). И вследствие такого преждевременного перехода от варварства к самым утонченным наукам французский язык ока-

зался наиболее изощренным, *который объясняет почти все абстрактными понятиями*, так что кажется, будто он один из всех живых языков восстановил в наши времена Аттацизм Греков и что он больше всех других пригоден для Научного суждения, как и греческий язык. У Французов, как и Греков, осталось много дифтонов, свойственных варварскому языку, еще грубому, где трудно сопоставлять согласные с гласными. В подтверждение того, что было сказано об обоих этих языках, мы прибавим наблюдение, которое всегда можно осуществить на юношах: в том возрасте, когда наиболее сильна память, жива фантазия и горяч ум, когда они могли бы плодотворно заниматься изучением Языков и Линейной Геометрии, не насилуя такими занятиями той неподатливости ума, вызываемой телом, которую можно было бы назвать варварством интеллекта, - тогда они еще не подготовленными переходят к слишком утонченным занятиям критической Метафизикой и Алгеброй и потому становятся на всю жизнь в высшей степени хитроумными в своей манере мыслить, а в то же время оказываются неспособными ни к какой большой работе.

Но при дальнейшей разработке настоящего Произведения мы находим еще и другую причину указанного явления, и она-то, может быть, и есть настоящая. А именно: Ромул основал Рим среди других более древних городов Лациума и основал его тем, что открыл там Убежище (Ливии в общей форме определяет это как *vetus urbes condentium consilium*⁷⁹): ведь поскольку все еще продолжались времена насилия, постольку и он, естественно, заложил римский город на той же основе, на которой были построены первые города мира. Поэтому раз римские обычаи развивались из тех же самых Оснований в те времена, когда простонародные языки Лациума уже сильно продвинулись вперед, то должно было случиться так, что свои гражданские вещи Римляне выражали простонародным языком, тогда как греческие народы изъясняли их на героическом языке: таким образом Древняя Римская История оказывается непосредственным продолжением Мифологической Героической Истории Греков. И это должно быть причиною того, почему Римляне стали Героями Мира: ведь Рим подчинил себе другие города Лациума, потом Италии и, наконец, мира в то время, когда у Римлян был еще молод Героизм, а у других народов Лациума (из победы над которыми выросло все римское величие) он уже начал стариться.

XXII. Необходимо, чтобы в природе человеческих вещей существовал некий Умственный Язык, общий для всех наций: он единообразно понимает сущность вещей, встречающихся в общественной человеческой жизни, и выражает их в стольких различных модификациях, сколько различных аспектов могут иметь вещи. В справедливости этого мы можем убедиться на пословицах, максимах простонародной мудрости: по существу они понимаются совершенно одинаково всеми нациями, древними и современными, и сколько существует наций - в стольких же различных аспектах они выражены.

Это - собственный язык настоящей Науки. В свете его Ученые Филологи (если только они обратят на него внимание) могли бы составить Умственный Словарь, общий для всех различно артикулированных живых и мертвых языков. Особый набросок его мы дали в первом издании "Новой Науки"⁸⁰, где исследовали наименования первых Отцов семей, данные им в многочисленных живых и мертвых языках за те различные свойства, которыми они обладали в состоянии Семей и первых Республик в то время, когда у наций образовывались языки. Таким Словарем мы пользуемся здесь во всех обсуждаемых вопросах, поскольку нам это позволяет наша скромная эрудиция.

Из всех перечисленных выше Положений I, II, III и IV дают нам основания для Опровержения всего того, что думали до сих пор о Началах Культуры, показывая невероятность, абсурдность, противоречивость и невозможность таких мнений. Следующие Положения, с V по XV, дающие нам основания Истины, служат нам для рассмотрения этого мира наций в его Вечной Идее, так как именно таково свойство каждой науки, указанное Аристотелем: *Scientia debet esse de Universalibus et Aeternis*⁸¹. Последними Положениями, с XVI по XXII, дающими нам основания Достоверного, мы воспользуемся, чтобы посмотреть на фактах тот мир наций, который мы созерцали в идее. Это - в точности философский метод, наиболее укрепленный Френсисом Беконом, бароном Веруламским, которым он работал над вещами природы в книге "*Cogitata et Visa*" и который перенесен нами на Человеческие Гражданские Вещи.

Выставленные до сих пор Положения - общие: они обосновывают настоящую Науку в целом; следующие Положения - частные: они обосновывают ее по частям, применительно к различным разбираемым вопросам.

XXIII. Священная История - самая древняя из всех наиболее древних светских историй, дошедших до нас, так как она рассказывает чрезвычайно подробно и за долгий промежуток (более чем в восемь столетий) о Естественном Состоянии при Патриархах, т.е. о состоянии Семей, на основе которых, как в этом сходятся все Политики, впоследствии возникли народы и города. Об этом состоянии Светская История не рассказывает нам ничего или рассказывает очень мало и неясно.

Эта Аксиома доказывает истинность Священной Истории вопреки тщеславию Наций, о которой нам выше сказал Диодор Сицилийский: ведь Евреи сохранили исключительно подробные воспоминания с самого сотворения мира.

XXIV. Еврейская Религия была основана истинным Богом на запрещении Предсказаний, а на них возникли все языческие нации.

Эта Аксиома основа всех существенных различий между Естественным Правом Евреев, Естественным Правом Язычников и Естественным Правом Философов. Последние появились у язычников, по меньшей мере, через полторы тысячи лет после того, как были основаны те нации, у которых они появились. Благодаря этим трем видам Естественного Права, путающимся друг с другом, рушатся три системы, рассматривающие три основы подобного учения: Гуго Греция, Иоганна Зельдена и Самуила Пуфевдорфа; и на основе этих же самых трех видов, отличных друг от друга, здесь нами устанавливается новый и Единый.

XXV. Всемирный Потоп доказывается не филологическими соображениями Мартина Скоока, - они слишком легковесны; не астрологическими кардинала Пьера д'Айи, которому следовал Пико делла Мирандола, - они слишком недостоверны и даже ложны, так как восходят к Альфонсинским Таблицам⁸², опровергнутым Евреями, а теперь и Христианами (последние, отвергнув вычисления Евсевия и Беды, ныне следуют вычислениям Филона Иудея): потоп доказывается Физической Историей, находящейся в Мифах, как мы это увидим ниже в Аксиомах.

XXVI. Гиганты в действительности были исполинского телосложения, какими на оконечности Америки, в стране, называемой Патагония, путешественники описывают найденных ими неуклюжих и очень свирепых великанов. Если отбросить вздорные, нелепые и ложные соображения, приводимые о них Философами (они были собраны и прослежены Кассанионом, "de Gigantibus"), у нас остаются причины отчасти физические, отчасти моральные, подмеченные Юлием Цезарем и Корнелием Тацитом в их рассказах о гигантском телосложении Древних Германцев⁸³; мы считаем, что эти причины основаны на зверином воспитании детей.

XXVII. Греческая История, из которой мы имеем все то, что имеем обо всех других Языческих Древностях (за исключением Рима), начинается с Потопа и с Гигантов.

Две последние Аксиомы показывают Первоначальное разделение всего Человеческого Рода на два вида: один - гигантов, другой - людей с нормальным телосложением; первый - Язычников, второй - Евреев. Такое различие могло возникнуть только вследствие звериного воспитания первых и человеческого воспитания вторых; следовательно, Евреи имели не то происхождение, как все Язычники.

XXVIII. До нас дошли два великие обломка Египетских Древностей, о которых речь была выше: один из них заключается в том, что Египтяне сводили все время мира, протекшее до них, к трем Векам - Веку Богов, Веку Героев и Веку Людей; другой - в том, что в эти три Века говорили на трех Языках, в порядке, соответствующем этим трем Векам, - на Иероглифическом Языке, т.е. священном, на Символическом языке, т.е. посредством подобий (это - Героический Язык), и на Письменном, т.е. народном

языке людей, посредством знаков, установленных соглашением для сообщения повседневных жизненных нужд.

XXIX. Гомер⁸⁴ в пяти местах (ниже мы их приведем) обеих своих Поэм упоминает о языке более древнем, чем его собственный (это был, несомненно. Героический язык), и называет его Божественным Языком.

XXX. Варрон⁸⁵ обладал достаточным прилежанием, чтобы собрать имена тридцати тысяч Богов, - и столько их насчитывали Греки. Эти имена относились к такому же числу нужд жизни-, или природной, или нравственной, или экономической, или, наконец, гражданской первых времен.

Эти три Аксиомы устанавливают, что Мир народов начался с Религией. Это - первое из трех Оснований нашей Науки.

XXXI. Где народы настолько озверели от войн, что у них уже больше не действуют человеческие законы, там единственным могущественным средством обуздать их является Религия.

Эта Аксиома устанавливает, что в Состоянии Беззакония божественное Провидение дает основание озверелым насильникам обратиться к культуре и установить нации, пробуждая в них смутную идею божества, вследствие своего незнания они приписывают ему совершенно неподобающие свойства; таким образом, устрешенные этим воображаемым божеством, они начинают подчиняться некоторому порядку.

Такого начала вещей не смог увидеть Томас Гоббс среди озверелых насильников своей системы, так как он ошибочно искал основы этого в Эпикуровом случае. Поэтому с усилием, столь же благородным, сколь несчастливым по результатам, думал он восполнить Греческую Философию в той части, которой у нее действительно не хватало (как об этом сообщает Георг Паш, "De Eruditis Hujus Saeculi Inventis"), - рассматривать человека в целостном обществе человеческого рода. Но и Гоббс никогда не пришел бы к этим мыслям, если бы ему не подсказала этого Христианская Религия: она по отношению ко всему роду человеческому предписывает не только справедливость, но и милосердие. Отсюда начинается также опровержение Полибия в том ложном его высказывании, что если бы на свете были Философы, то не нужны были бы Религии⁸⁶: если бы на свете не было Государств, которые не могут возникнуть без Религий, то не было бы на свете и Философов.

XXXII. Если люди не знают естественных причин, создающих вещи, и не могут их объяснить подобными им вещами, то они приписывают им свою собственную природу; так, например, в простонародье говорят, что магнит влюблен в железо.

Эта Аксиома - частный случай Аксиомы I: человеческий ум вследствие своей бесконечной природы там, где он теряется от незнания, делает самого себя правилом вселенной во всем, чего он не знает.

XXXIII. Физика невежд - это Простонародная Метафизика: в ней причины неизвестных вещей сводятся к Воле Бога, причем не обсуждаются те средства, которыми пользуется божественная воля.

XXXIV. Истинное свойство человеческой природы подмечено Тацитом; он говорит: *mobiles ad superstitionem percussae semel mentes*⁸⁷: если хоть раз люди были поражены устрашающим суеверием, то они сводят к нему все, что они себе представляют, что они видят и даже делают.

XXXV. Удивление - дочь Незнания. И чем значительнее поразившее явление, тем больше растет удивление⁸⁸.

XXXVI. Воображение тем сильнее, чем слабее Рассудок.

XXXVII. Самый возвышенный труд Поэзии - это придавать вещам бесчувственным чувство и страсть. Таково свойство детей - брать в руки неодушевленные вещи и, забавляясь, разговаривать с ними, как будто бы они живые существа.

Эта философско-филологическая Аксиома утверждает, что люди детского мира были по природе возвышенными Поэтами.

XXXVIII. В одном золотом месте Лактанций Фирмиан так рассуждает о Происхождении Идолопоклонства: *Rudes initio homines Deos appellarunt sive ob miraculum virtutis (hoc vero putabant rudes adhuc et simplices), sive, ut fieri solet, in admirationem praesentis potentiae, sive ob beneficia, quibus erant ad humanitatem compositi*⁸⁹.

XXXIX. Любопытство, естественное свойство человека, дитя Незнания, порождает Науку тем, что открывает наш ум Удивлению; обычно оно поступает так: когда оно замечает в природе необыкновенное явление, как, например, комету, паргелий или полуденную звезду, то сейчас же спрашивает, - что эта вещь хочет сказать или может значить?

XL. Ведьмы, в то время когда они сами преисполнены устрашающими суевериями, особенно дики и бесчеловечны: таким образом, если это необходимо для совершения их чародейств, они безжалостно убивают и разрубают на куски самых милых невинных младенцев.

Все эти Положения, начиная с XXVIII и до XXXVIII, вскрывают Основания Божественной Поэзии, т.е. Поэтической Теологии; с XXXI - они дают Основания Идолопоклонства; с XXXIX - Основания Предсказаний; и, наконец, XL дает Основания Жертвоприношений в кровавых религиозных формах, которые начались у первых грубых и свирепых людей с кровавых обетов и человеческих жертв; они сохранились, по свидетельству Плавта, у Латинян под обычным названием Saturni hostiae⁹⁰; жертвоприношения Молоху были у Финикиян, которые заставляли проходить через огонь детей, посвященных этому ложному божеству; некоторые формулы посвящения сохранились в Законах XII Таблиц. Это дает прямой смысл следующему изречению: Primes in orbe Deos fecit Timor⁹¹.

Ложные Религии возникают не от Обмана другими, а от собственного Легковерия; таков несчастный обет и жертвоприношение Агамемноном своей набожной дочери Ифигении, по поводу которой Лукреций нечестиво воскликнул: Tantum Religio potuit suadere malorum⁹²!

Они восходят к установленному Провидением: именно к этому оно стремилось, чтобы приручить сыновей Полифема и привести их к Культуре Аристидов и Сократов, Лелиев и Сципионов Африканских.

XL I. Мы просим допустить (и просьба эта скромна), что в течение многих столетий земля, пропитанная влагой Всемирного Потопа, не посылала сухих испарений, т.е. огненного вещества, в воздух, так что там не могли зародиться молнии.

XL II. Юпитер поражает молниями и низвергает Гигантов; и у каждой Языческой Нации было по одному Юпитеру.

Эта Аксиома заключает в себе Физическую Историю, сохраненную нам Мифами: Всемирный Потоп был на всей земле.

Эта Аксиома вместе с предшествующим Постулатом позволяет нам установить, что за очень долгий период нечестивые расы трех сыновей Ноя пришли в некое звериное состояние; блуждая как звери, они рассеялись и распространились по великому Лесу Земли, и вследствие звериного воспитания там появились и существовали Гиганты в то время, когда впервые после Потопа заблистали на Небе молнии. *Но вследствие высокого положения Месопотамии, самой континентальной страны из той части суши, откуда началось Распределение Земли между сыновьями Ноя, там необходимо должны были начаться грозы на сто лет раньше; там оказались объединенными в народ Халдеи, которые через двести лет после потопа при Немроде воздвигли в Вавилонии Башню Смешения языков: это доказывается тем,*

что обширная часть суши, где находилась Вавилония, ныне стала совершенно бесплодной, так как вследствие ее высоты туда не доходит влага, все время сохраняющая другие земли мира.

XLIII. Каждая Языческая Нация имела своего Геркулеса, который считался сыном Юпитера; и Варрону, ученейшему исследователю Древности, удалось их насчитать сорок⁹³.

Эта Аксиома - Основание Героизма первых народов, возникшего из того ложного мнения, будто герои имеют божественное происхождение.

Эта же Аксиома вместе с предыдущей (что у языческих наций первоначально было много Юпитеров, а потом столько же Геркулесов), кроме того, показывает, что первые нации не могли быть ни основаны без религии, ни возвеличиться без доблести, так как с самого начала они были дикими и замкнутыми; а так как они ничего не знали друг о друге, то по той Аксиоме, что единообразные идеи, возникшие у народов, не знающих друг о друге, должны иметь общую основу истины, мы получаем следующее великое Основание: первые Мифы должны заключать в себе гражданские истины и потому должны быть Историями первых народов.

XLIV. Первыми Мудрецами греческого мира были Поэты Теологи; они, несомненно, процветали раньше Героических Поэтов, подобно тому, как Юпитер был отцом Геркулеса.

Эта Аксиома вместе с двумя предыдущими устанавливает, что все Языческие Нации, поскольку все они имели своих Юпитеров и своих Геркулесов, были в самом своем начале поэтическими, и что сначала у них возникла Божественная Поэзия, а потом - Героическая.

XLV. Люди по самой своей природе склонны сохранять воспоминания о тех законах и порядках, которые удерживают их в обществе.

XLVI. Все варварские Истории имеют мифологические начала. *Две эти Аксиомы вместе с тремя предыдущими дают нам происхождение древних мифов, порожденных той человеческой необходимостью, что первые народы общались друг с другом по поводу своих семейных или гражданских дел.*

Все эти Аксиомы, начиная с XLII, дают нам Основание нашей Исторической Мифологии.

XLVII. Человеческий Ум по самой своей природе склонен наслаждаться Единообразием.

Эта Аксиома применительно к Мифам подтверждается следующим Простонародным обычаем: людей, знаменитых по той или другой причине, простонародье ставит в определенное окружение, соответствующее такому их состоянию, и выдумывает о них подходящие мифы, по идее они истинны, т.е. соответствуют заслугам тех, о ком простонародье творит мифы, фактически они ложны, поскольку заслугам этих людей не воздано то, чего они достойны. Таким образом, если хорошенько об этом подумать. Истинное Поэтически оказывается Истинным Метафизически, в сравнении с чем противоречащее этому Истинное Физически должно считаться Ложным. Отсюда вытекает следующее важное для поэтической теории соображение: истинным полководцем оказывается, например, Готфрид, изображенный Торквато Тассо, и все полководцы, не соответствующие решительно во всем Готфриду, - не настоящие Полководцы.

XLVIII. Природа детей такова, что по образу и именам мужчин, женщин и вещей, впервые ставших им известными, они впоследствии воспринимают и называют всех мужчин, всех женщин и все вещи, имеющие с первыми какое-либо сходство или какое-нибудь к ним отношение.

XLIX. У Ямвлиха "De Mysteriis Aegyptiorum" есть одно золотое место, приведенное выше: Египтяне все открытия, полезные или необходимые для человеческой жизни, приписывали Меркурию Трисмегисту.

Такое высказывание в соединении с предыдущей Аксиомой опровергнет для этого божественного Философа все те значения возвышенной Естественной Теологии, которые он сам вносил в Мистерии Египтян.

Эти три Аксиомы дают нам Основание Поэтических Характеров, составляющих сущность Мифов. Первая показывает естественную склонность простонародья творить их, и притом творить соразмерно. Вторая показывает, что первые люди, как бы дети рода человеческого, неспособные образовать интеллигибельные родовые понятия вещей, естественно были принуждены сочинять поэтические характеры, т.е. фантастические роды, или универсалии, чтобы сводить к ним, как к определенным Образцам или идеальным портретам, все отдельные виды, похожие каждый на свой род. Вследствие такого сходства Древние Мифы могли сочиняться только соразмерными. Именно так Египтяне все свои открытия, полезные или необходимые для рода человеческого, являющиеся отдельными проявлениями Гражданской Мудрости, сводили к Родовому понятию Гражданской Мудрости, которую они себе представляли как Меркурия Трисмегиста: ведь они не могли абстрагировать интеллигибельный род

"Гражданская Мудрость", а еще меньше - форму Гражданской Мудрости, которую были мудры эти Египтяне. Такими то Философами были Египтяне в то время, когда обогатили мир полезными или необходимыми для рода человеческого открытиями, и так мало понимали они Универсалии, т.е. Родовые интеллигибельные понятия!

Последняя же Аксиома, как следствие предыдущих, является Основанием истинных Поэтических Аллегорий: они давали Мифам значения одноименные, а не аналогичные различным частностям, охватываемым их Поэтическими родами, поэтому они называются *diversiloquia*, т.е. высказываниями, охватывающими в одном родовом представлении различные виды людей, или поступков, или вещей.

L. Во всякой деятельности люди, не склонные к ней по природе, добиваются ее упорным изучением мастерства; но в Поэзии совершенно невозможно добиться чего-нибудь посредством мастерства тому, кто не склонен к ней по природе.

Эта Аксиома показывает, что раз Поэзия основала языческую культуру, из которой, и только из которой, могли выйти все Искусства, что первые Поэты были Поэтами по природе.

LI. Дети в высшей степени способны к подражанию, ибо мы наблюдаем, как они по большей части в своих забавах подражают тому, что они способны понять.

Эта Аксиома показывает, что детский мир состоял из поэтических наций, так как поэзия - не что иное, как Подражание.

Эта же Аксиома дает нам Основание того, что все Искусства человеческой необходимости, пользы, удобства, а в значительной части также и удовольствия, были открыты в Поэтические века, до появления Философов: ведь Искусства - это только подражание природе и в известном смысле - реальная Поэзия.

LII. У детей чрезвычайно сильна память, а потому живо до крайности воображение, так как воображение - не что иное, как память, распространенная или сжатая.

Эта Аксиома - Основание очевидности поэтических образов, создававшихся первым, детским миром.

LIII. Люди сначала чувствуют, не замечая, потом замечают взволнованной и смущенной душой; наконец, обсуждают чистым умом.

Эта Аксиома - Основание Поэтических Сентенций, созданных страстями и чувствами, в отличие от Философских Сентенций, творимых рефлексией и рассудком; по-

этому последние тем больше приближаются к Истине, чем больше они возвышаются до Универсалий; а первые тем достовернее, чем больше они приближаются к частному. *Все эти три предшествующие Аксиомы отрицают какую бы то ни было, тайную мудрость у Поэтов-Теологов, основателей языческого мира.*

LIV. Люди естественно истолковывают вещи сомнительные или темные, с которыми они имеют дело, согласно своей собственной природе и возникающим отсюда страстям и обычаям.

Эта Аксиома - великий Канон нашей Мифологии: согласно ему Мифы, созданные первыми дикими и грубыми людьми были чрезвычайно суровыми, какими они и должны были быть, чтобы помочь зарождению наций из свирепой животной свободы. Впоследствии, когда прошло много лет и изменились обычаи, мифы оказались лишенными своего смысла, искаженными, затемненными уже в догомеровские распущенные и развратные времена: ведь для людей Греции религия была важна, и потому они боялись, как бы Боги не воспротивились их желаниям так же, как они противились их обычаям; и потому они стали приписывать свои нравы Богам и придавать Мифам гадкий, мерзкий и непристойный смысл. *Эта же Аксиома отрицает Орфея, который, согласно этим Мифам, был Устроителем Греческой культуры.*

LV. Одно золотое место из Евсевия, в котором он говорит, в частности, о мудрости Египтян, но которое относится ко всем другим Язычникам, гласит: *Primum Aegyptiorum Theologiam mere historiam fuisse fabulis interpolatam; quarum quum postea puderet posteros, sensim coeperunt mysticos iis significatus affingere*⁹⁴; именно так поступил Манет, или Манетон, египетский первосвященник, который перетолковал всю Египетскую Историю в возвышенную Естественную Теологию, как это было сказано выше.

Обе эти Аксиомы - два великих доказательства нашей Исторической Мифологии и в то же время - два великих вихря, низвергающих мнения о недостижимой Мудрости древних; это также - два великих обоснования Истинности Христианской Религии, так как в Священной Истории нет ни одного Рассказа, которого она должна была бы стыдиться.

LVI. Первые авторы у Восточных народов. Египтян, Греков и Латинян, а во времена вернувшегося варварства - первые Писатели на новых Европейских Языках были Поэтами.

LVII. Немые изъясняются посредством жестов или посредством тел, имеющих естественное отношение к той идее, которую они хотят обозначить.

Эта Аксиома - Основание Иероглифов, посредством которых, как оказывается, говорили все Нации во времена своего первого варварства.

Она же - Основание естественного языка, на котором когда-то говорили, по предположению Платона в "Кратиле"; за ним следовали - Ямвлих в сочинении "De Mysteriis Aegyptiorum", Стоики и Ориген в сочинении "Против Цельза"; но так как они говорили об этом гадательно, то нашли противников в Аристотеле "**Περὶ ἑρμηνείας**" и Галене "De Decretis Hippocratis et Platonis"; об этом споре говорит Публий Нигидий (по Авлу Геллию)^{94 bis}. За такой Естественной Речью должна была следовать Поэтическая речь посредством образов, подобий, сравнений и естественных свойств.

LVIII. Немые издают во время пения бесформенные звуки; а заики пользуются языком для произношения только при пении.

LIX. Люди дают выход великим страстям в пении, как мы это наблюдаем на испытывающих большое горе или большую радость.

Согласно двум этим Аксиомам основатели языческих наций (при предположении, что они впали в состояние бессловесных животных и в силу этого - тупых, так что чувства в них могли пробудиться только под влиянием самых сильных страстей) должны были творить свои первые языки посредством пения.

LX. Языки должны были начаться с односложных звуков, так как даже при современном богатстве артикуляционных возможностей, в котором рождаются теперь дети, хотя у них чрезвычайно нежны жилки инструмента, необходимого для артикулирования речи, все же начинают с таких звуков.

LXI. Героический Стих - самый древний из всех, а спондеический - самый медленный; ниже будет показано, что героический стих родился как спондеический.

LXII. Ямбический стих более похож на прозу, а ямб - это "быстрая стопа", как его определяет Гораций⁹⁵.

Эти две последние Аксиомы позволяют нам сделать предположение, что развитие идей и развитие языков шли нога в ногу.

Все эти Аксиомы, начиная с XL VII, вместе с выставленными выше в качестве Оснований для всех других, завершают всю Поэтику в ее частях; эти части: миф, обычай и его соответствующее украшение, сентенция, словесное выражение и его очевидность, аллегория, песнь и, наконец, стих. А семь последних Аксиом должны нас убе-

дять, кроме того, в том, что у всех наций сначала существовала речь в стихах, а потом - в прозе.

LXIII. Человеческий ум по самой своей природе склонен извне смотреть на себя в теле при помощи чувств и с большим трудом понимает самого себя посредством рефлексии.

Эта Аксиома дает нам Всеобщее Основание Этимологии всех Языков: в них значения слов взяты у тел и телесных свойств и перенесены на предметы ума и души.

LXIV. Порядок идей должен следовать за Порядком вещей.

LXV. Порядок вещей человеческих таков: сначала были леса, потом - хижины, затем - деревни, после - города, наконец - Академии.

Эта Аксиома - великое Основание Этимологии, так как соответственно такому ряду вещей человеческих должна быть рассказана История слов в туземных языках, как мы наблюдаем это в Латинском языке, где почти вся основная масса слов имеет лесное или деревенское происхождение. *Эта же Аксиома вместе с предыдущими снова отрицает Тайную Мудрость у Основателей Первых Народов.*

Так, например, слово *lex* первоначально означало сбор желудей, откуда, по нашему мнению, происходит *illex*, или *illex*, падуб, так как *aquilex*, несомненно, значит "собиратель вод": ведь дуб приносит желуди, на которые собираются свиньи; потом *lex* означало сбор овощей, почему они и были названы *legumina*; затем, в то время, когда еще не были изобретены народные буквы, посредством которых были записаны законы ради гражданской необходимости, *lex* должно было означать собрание граждан, т.е. публичный парламент, так как присутствие народа и было законом, который давал силу завещаниям, откуда образовались *calata comitia*⁹⁶; наконец - собрание букв и составление из них как бы связки в каждом слове было названо *legere* - читать.

LXVI. Сначала люди ощущают необходимое; затем обращают внимание на полезное, потом замечают удобное, после развлекаются наслаждением и потому развращаются роскошью; наконец, безумствуют, растрчивая свои имущества⁹⁷.

LXVII. Природа народов сначала жестока, потом сурова, затем мягка, после утончена, наконец, распущена.

LXVIII. В роде человеческом сначала рождаются неуклюжие великаны, как Полифемы; потом - великодушные и гордые, как Ахиллы; затем - доблестные и справедливые, как Аристиды, как Сципионы Африканские; еще ближе к нам появляются вели-

кие образцы доблестей, сопровождаемых великими пороками, пользующиеся у толпы шумной славой, как Александры и Цезари; потом рассудочные злодеи, как Тиберий; наконец - неистовые и развратные наглецы, как Калигулы, Нероны и Домицианы.

Эта Аксиома показывает, что первые нужны были для того, чтобы заставить человека повиноваться человеку в состоянии Семей и подготовить его к повиновению законам в будущем состоянии городов; вторые, которые не уступали, конечно, равным себе, нужны были для установления на основе семей Республик в форме аристократий; третьи - чтобы открыть дорогу народной свободе; четвертые - чтобы ввести Монархии; пятые - чтобы укрепить их; шестые - чтобы их разрушить.

Эта же Аксиома вместе с предыдущими дает частично Основания Вечной Идеальной Истории, согласно которой совершают свой бег во времени все Нации в своем зарождении, движении вперед, состоянии, упадке и конце.

LXIX. Образ правления должен соответствовать природе управляемых людей.

Эта Аксиома показывает, что по природе человеческих гражданских вещей Общественная Школа Государей - это Мораль народов.

LXX. Допустим то, что не противоречит природе и истинность чего впоследствии будет обнаружена на фактах: от нечестивого состояния беззаконного Мира сначала отошли немногие более сильные, основавшие семьи, посредством которых и для которых они начали возделывать поля; через много времени после этого отошли и другие, перебежав на возделанные поля таких Отцов.

LXXI. Прирожденные обычаи, и, прежде всего обычаи естественной свободы, не изменяются сразу, но постепенно и в течение долгого времени.

LXXII. Если предположить, что все Нации начали с культа какого-нибудь одного Божества, то Отцы в состоянии Семей должны были быть Мудрецами в божественных ауспичиях, Жрецами, которые приносили жертвы, чтобы добиться ауспичий или же правильно понять их. Царями, которые приносили божественные законы своим семьям.

LXXIII. Существует простонародное предание, что первыми правителями в мире были Цари.

LXXIV. Существует другое простонародное предание, что первыми Царями выбирали наиболее достойных по природе.

LXXV. Существует еще одно простонародное предание, что первые Цари были Мудрецами: поэтому Платон мечтал, хотя и напрасно, о тех древнейших временах, когда или Философы царствовали, или философствовали Цари⁹⁷ bis.

Все эти Аксиомы показывают, что в особе первых Отцов были объединены Мудрость, Жречество и Царство; Царство и Жречество зависели от Мудрости, но не от Тайной Мудрости Философов, а от Простонародной Мудрости Законодателей: поэтому с тех пор у всех наций Жрецы носили короны.

LXXVI. Существует простонародное предание, что первая в мире Форма Правления была монархической.

LXXVII. Но Аксиома LXVII вместе со следующими, и в частности с Королларием к LXVIII, показывают, что Отцы в состоянии семей, подчиненные только Богу, должны были пользоваться Монархической Властью как над личностью, так и над приобретениями своих сыновей, а еще больше - своих *famuli*, перебежавших на их земли; таким образом, они были первыми в мире Монархами; об этом дает понять Священная История, называя их Патриархами, т.е. Отцами-государями. Это монархическое Право было сохранено за ними в Законах XII Таблиц на все времена Римской Республики: "*Patrifamilias jus vitae et necis in liberos esto*", откуда и следствие: "*quicquid filius acquirit, patri acquirit*"⁹⁸.

LXXVIII. Семьи (*Familiae*) по особенностям своего происхождения не могли получить свое название иначе, как от *Famuli* Отцов, в их тогдашнем естественном состоянии.

LXXIX. Первых Союзников - *socii*, или, лучше сказать, первых товарищей для взаимного обмена пользой, нельзя ни представить себе, ни понять в мире до этих беглецов: ради спасения жизни последние перебежали к Отцам, где их принимали ценою жизни, и они были обязаны для поддержания ее возделывать поля Отцов.

Таковыми оказываются истинные союзники Героев, ставшие впоследствии плебеями Героических городов; а в конце концов - и союзные Провинции господствующих народов.

LXXX. Люди естественно стремятся оказывать благодеяния (*beneficia*), из которых они рассчитывают удержать или извлечь значительную пользу: именно таковы благодеяния, на которые можно надеяться в гражданской жизни.

LXXXI. Таково свойство Сильных: приобретенное силою не уступать по нерадению, но отдавать понемногу только под давлением необходимости или ради пользы, и притом как можно меньше.

Эти две Аксиомы - неиссякаемый источник Феодов, которые с римским изяществом называются *beneficia*.

LXXXII. У всех Древних Наций мы встречаемся с клиентами и клиентелой; эти отношения могут быть поняты соответствующим образом только как Вассалы и Феоды; и ученые исследователи Феодального права не могут найти для обозначения их более соответствующих слов, чем *clientes* и *clientelae*.

Эти три последние Аксиомы вместе с двенадцатью предыдущими (начиная с LXX) вскрывают Основания Республик, возникших из той великой необходимости (ниже она будет разобрана), в какую *Famuli* поставили Отцов семейства. В силу этой необходимости Республики сами собой, естественным путем складывались как аристократические. Ведь Отцы объединились в Сословия, чтобы противостоять *Famuli*, восставшим против них; объединенные таким образом, они ради удовлетворения этих *Famuli* и приведения их к повиновению допускали для них нечто вроде земледельческих Феодов; и сами они оказались подчиненными в своей суверенной Родительской Власти (ее можно понять только на основе Благородных Феодов) Суверенной Гражданской Власти их собственных Господствующих Сословий; и Главы Сословий назывались Царями, а самые смелые из них должны были становиться во главе во время революций *Famuli*. Такое Происхождение Государств, даже если оно высказано в качестве гипотезы (ниже оно будет доказано на фактах), все же в силу своей естественности и простоты и в силу бесконечного числа гражданских явлений, указывающих на него как на свою причину, должно привести к необходимости признать его за истинное. Ведь никаким другим путем в мире нельзя понять, как из Семейной Власти образовалась Гражданская Власть и из личного имущества - публичное имущество и как материал для образования Республик оказался подготовленным Сословием Немногих повелевающих и множеством повинующихся Плебеев (таковы две части, составляющие предмет Политики). Невозможность Происхождения Гражданских Установлений из Семей, состоящих из одних сыновей, будет показана ниже.

LXXXIII. Этот закон о полях мы принимаем за Первый Аграрный закон в мире; и нельзя ни представить себе, ни вообразить, что в природе мог существовать другой закон, еще более ограниченный.

Этот Аграрный Закон различает три вида собственности, которые могут существовать в гражданской природе у трех видов лиц: бонитарная - плебеев; квиритская,

охраняемая посредством оружия и, следовательно, благородная - у Отцов; верховная - у самого сословия. Синьории, т.е. у Суверенной Власти в Аристократических Республиках.

LXXXIV. Есть одно золотое место у Аристотеля в его "Книгах о Политике"⁹⁹, где он при Разделении форм Государств перечисляет и Героические Царства: в них Цари внутри предписывали Законы, вовне - вели войны, и были главами Религий. *И в древних Царствах Цари выбирались, а не наследовали: этот последний гражданский обычай он считает свойственным Варварам.*

Эта Аксиома в точности совпадает с тем, что мы знаем о двух Героических Царствах - Тезея и Ромула (это можно заметить относительно первого, читая его "Жизнеописание" у Плутарха, а относительно второго - читая Римскую Историю и восполняя ее Греческой Историей, тот случай, где Тулл Гостилий предписывает закон при обвинении Горация). Римские цари были также и царями священных вещей и назывались Reges Sacrorum; поэтому после изгнания царей из Рима ради правильного соблюдения божественных церемоний избрали одного, который назывался Rex Sacrorum¹⁰⁰: он был Главою Фециалов, т.е. Герольдов. *Таким образом, в особе героических Царей объединялись: Мудрость в законах, Жречество в божественных церемониях и Царство в вооруженной силе; и в Афинах до Писистратидов, и в Риме до Тарквиниев Царей выбирали. Сказанного нами не колеблет Спарта, героическое Царство, где царствовали только Гераклиды, ибо, как это будет разъяснено ниже, там оказывались выбранными только благородные из расы Геракла.*

LXXXV. Есть одно золотое место у Аристотеля в тех же "Книгах"¹⁰¹, где он сообщает, что Древние Государства не имели законов для наказания за нанесение частных обид и для возмездия за частные несправедливости; он говорит также, что этот обычай свойствен варварским народам: ведь народы именно, потому и варварские при своем возникновении, что еще не усмирены законами.

Эта Аксиома показывает необходимость поединков и Возмездий в варварские времена, так как тогда не было судебных законов.

LXXXVI. В тех же "Книгах" Аристотеля есть и еще одно золотое место¹⁰², где он говорит, что в Древних Государствах Благородные клялись быть вечными врагами Плебеев. *Таков был благороднейший Род Аппиев по отношению к Римскому плебсу.*

Эта Аксиома объясняет нам причину гордых, скупых и жестоких обычаев Благородных по отношению к Плебеям, как об этом откровенно пишет Древняя Римская История: ведь во время Народной Свободы, какую ее вообразили там до сих пор, Бла-

городные долго принуждали Плебеев служить себе за собственный счет на войне; они топили их в море ростовщичества, а если эти бедняки не могли уплатить свои долги, то они держали их запертыми в течение всей жизни в своих частных тюрьмах, чтобы они им платили своей работой и трудом, и там тиранически били их по голым плечам розгами как самых жалких рабов.

LXXXVII. Аристократические Республики воздерживаются вступать в войны, чтобы не приучать к войне множество Плебеев.

Эта Аксиома - Основание справедливости Римского оружия до Пунических войн.

LXXXVIII. Аристократические Республики сохраняют богатства внутри Сословия Благородных, так как богатства увеличивают Могущество Сословия.

Эта Аксиома - Основание Римского Милосердия при победах: Римляне отбирали у побежденных только оружие и на основании закона о посильной дани оставляли им все в бонитарную собственность. В этом же - причина того, почему Отцы всегда сопротивлялись Аграрным Законам Гракхов (Отцы не хотели обогащать Плебс).

LXXXIX. Честь - наиболее благородный стимул военной храбрости.

XC. Народы должны героически вести себя на войне, если они соревнуются между собою в чести во время мира, одни - чтобы сохранить ее, другие - чтобы заслужить ее, следуя первым.

Эта Аксиома - Основание Римского Героизма от изгнания Тиранов до Пунических войн: в это время, естественно, Благородные приносили себя в жертву ради спасения своей родины, вместе с которой они спасали все права гражданства в пределах своего сословия, а Плебеи совершали знаменитые подвиги, чтобы показать, что и они достойны таких же почестей, как Благородные¹⁰³.

XCI. Соревнование Сословий из-за равноправия - наиболее могущественное средство возвеличения Государств.

Это - другое основание Римского Героизма, сопровождаемого тремя общественными Доблестями: Величием души Плебса в его желании приобщиться к гражданским правам при помощи законов Отцов; Силою Отцов в сохранении этих прав за своим Сословием; Мудростью Юристов в истолковании законов и постепенном приведении полезности применительно к новым случаям, требующим обоснования. Таковы те три причины, которые прославили Римскую Юриспруденцию во всем мире.

Все эти Аксиомы, начиная с LXXXIV, излагают в истинном виде Древнюю Римскую Историю. Три следующие относятся к частностям.

XCII. Слабые жаждут законов; могущественные их отводят; честолюбивые, чтобы составить партию приверженцев, предлагают их; государи, чтобы уравнивать могущественных со слабыми, покровительствуют им.

Эта Аксиома в первой и второй части - факел, освещающий Героические Распри в Аристократических Републиках: в них Благородные стремятся сохранить тайну законов в своем Сословии, Чтобы они зависели от их воли и предписывались "царской рукой". Таковы же три причины, которые приводит юрист Помпоний¹⁰⁴, рассказывая, почему римский плебс жаждал Законов XII Таблиц и жаловался на существующее положение так: *jus latens, incertum et manus regia*¹⁰⁵. В этом же - причина сопротивления Отцов, не желавших предоставить Плебеям Законы: *mores patrios servandos, leges ferri non oportere*¹⁰⁶, как сообщает Дионисий Галикарнасский, осведомленный лучше Тита Ливия в римских делах, так как он писал, учитывая замечания Марка Теренция Варрона, провозглашенного самым ученым из всех Римлян. В этом отношении он диаметрально противоположен Ливию, который рассказывает по этому поводу, что Благородные - говоря его словами - *desideria Plebis non aspernari*¹⁰⁷. Поэтому, раз существует это и другие еще большие противоречия, разобранные в "Основаниях Всеобщего Права", раз настолько противоположны друг другу Первые Авторы, писавшие об этом Мифе примерно через пятьсот лет, то лучше будет не верить ни одному из них. *Вернемся, однако, к нашей теме; Третье Основание Римского Героизма — следующее.* Тем более, что даже в то время этому не верили ни сам Варрон, который в большом произведении "De Rerum Divinarum et Humanarum" приписывает туземное происхождение из Лациума всем божественным и человеческим вещам Римлян, ни Цицерон, который в присутствии Квинта Муция Сцевола, главы юристов своего времени, заставляет говорить оратора Марка Красса, что Мудрость Децемвиров намного превосходила Мудрость Дракона и Солона, давших законы Афинянам, и Мудрость Ликурга, давшего законы Спартамцам. А это равносильно тому, что Законы XII Таблиц не пришли в Рим ни из Спарты, ни из Афин.

Наша догадка как будто правильна: Цицерон, по-видимому, заставляет выступать Квинта Муция в этот первый и единственный день только потому, что в его время подобный Миф был очень распространен среди образованных людей, так как он был порожден тщеславием ученых, желавших придать чрезвычайно ученое происхождение тому, что они сами знали. Это можно понять из следующих слов самого Красса: *fremant omnes, dicam quod sentio*¹⁰⁸; ведь его собеседники могли бы возразить оратору, говорящему об Истории Римского Права, что это надлежит знать Юристам (тогда две эти профессии отличались друг от друга), и если бы Крассе сказал об этом что-нибудь неверное, то Муций ему, конечно, ответил бы, как, по сообщению Помпо-

ния, и поступил Сервий Сульпиций при таких рассуждениях, сказав: *turpe esse patricio viro jus, in quo versaretur, ignorare*¹⁰⁹. Но еще более непобедимый аргумент, чем Цицерон и Варрон, для того, чтобы не доверять ни Дионисию, ни Ливию, дает нам Полибий, знавший несравненно больше их обоих о политике и живший на двести лет ближе к Децемвирам, чем оба они. В книге VI, под номером IV и много раз ниже (по изданию Якова Гроновиуса), он останавливается на рассмотрении устройства наиболее знаменитых Свободных Республик своего времени; он замечает, что Римская Республика была отлична от Республик Афин и Спарты, и больше, чем Спарта от Афин, откуда скорее, чем из Спарты, пришли Законы (по мнению исследователей, сравнивавших Аттическое Право с Римским), чтобы установить в Риме Народную Свободу, уже до того основанную Брутом; наоборот, он замечает сходство между Римской и Карфагенской Республиками, причем о Карфагене никто никогда и не грезил, чтобы он мог стать свободным благодаря законам Греции; это тем более верно, что в Карфагене был ясный закон, запрещавший Карфагенянам знание греческих букв. И писатель, так хорошо знающий республики, не предается по этому поводу вполне естественному размышлению и не исследует причины различия: римская и афинская республики различны, но учреждены одними и теми же законами, а римская и карфагенская республики похожи, но учреждены различными законами! Поэтому, чтобы избавить его от обвинения в столь недопустимой небрежности, нужно сказать, что в век Полибия не зародился еще в Риме этот Миф о греческих законах, пришедших якобы из Афин для учреждения в нем свободного народного правления.

Эта же Аксиома третьей своей частью открывает честолюбивым путь к достижению Монархии в Народных Республиках: они угождают естественному желанию плебса, который, не понимая универсалий, для каждого отдельного случая хочет иметь особый закон. Поэтому Сулла, глава партии благородных, победив Мария, главу Плебейской партии, и преобразовав народное государство аристократическим правлением, способствовал множественности законов установлением *Quaestiones Perpetuae*.

Эта же самая Аксиома в последней части - тайная причина того, почему Римские Принцепсы, начиная с Августа, создавали бесчисленные законы в области Частного Права и почему Суверенные Власти Европы повсюду, и в Королевствах и в Свободных Республиках, восприняли Своды Римского Гражданского права и Канонического Права.

XCIII. Так как врата к почестям в Народных Республиках всегда открыты законами для господствующего в них скупого большинства, то во время мира ему не остается ничего другого, как оспаривать власть, но уже не при помощи законов, а посредством оружия, чтобы, захватив власть, устанавливать законы с целью обогащения

(такowymi были в Риме Аграрные Законы Гракхов). Поэтому в одно и то же время возникают внутренние гражданские и несправедливые внешние войны.

Эта Аксиома подтверждает путем противоположения, что до Гракхов существовал Римский Героизм.

XCIV. Естественная Свобода человека тем более неукротима, чем ближе связаны блага с его собственным телом; гражданское рабство коренится в тех имущественных благах, которые не необходимы для жизни.

Эта Аксиома в первой части - новое Основание Естественного Героизма первых народов, во второй части - естественное основание Монархий.

XCV. Люди сначала стараются выйти из подчинения и жаждут равенства, - таковы Плебеи в Аристократических республиках, которые в конце концов изменяются в Народные. Потом они стараются превзойти равных, - таковы Плебеи в Народных Республиках, искажающихся в Республики Могуущественных. Наконец, они хотят поставить себя выше законов, - отсюда Анархии, т.е. Разнузданные народные Республики; нет худших Тираний, чем они; в них столько тиранов, сколько в государстве наглецов и развратников. Тогда Плебеи, ставшие осторожными вследствие собственных несчастий, находят исцеление от них в Монархиях. Таков Естественный Царский Закон, посредством которого Тацит узаконивает Римскую Монархию при Августе: *qui cuncta bellis civilibus fessa nomine principis sub imperium accepit*¹¹⁰.

XCVI. Вследствие прирожденной беззаконной свободы, благородные, когда на основе Семей образовались первые города, сопротивлялись всякой узде и всякой тяготе; таковы Аристократические Республики, где Благородные - Господа.

Потом они были принуждены плебеями, возросшими в числе и ставшими воинственными, сносить законы и тяготы наравне со своими плебеями, - таковы Благородные в народных Республиках. Наконец, ради спасения жизненных удобств, они естественно склонны подчиниться одному-единственному: таковы Благородные в Монархиях.

Обе эти Аксиомы вместе с другими предшествующими, начиная с LXVI, - Основания Вечной Идеальной Истории, о которой говорилось выше.

XCVII. Допустим следующую мою просьбу (и разум не противится этому), что после Потопа люди сначала жили на горах; через некоторое время после этого они спустились в равнины; в конце концов, через много лет, они набрались смелости перейти на морские побережья.

ХСVIII. Страбон приводит одно золотое место из Платона¹¹¹, которое гласит, что после частичных потопов Огига и Девкалиона люди жили в пещерах на горах. Платон признает таких людей в Полифемах (в другом месте он принимает их за первых в мире Отцов семей). Потом люди жили на горных склонах, - он усматривает их в Дардане, который построил Пергам, ставший впоследствии цитаделью Трои. Наконец - на равнинах, как Илос, который перенес Троию в непосредственную близость к морю (по нему она была названа Илион).

ХСIX. Существует также Древнее Предание, что Тир первоначально был основан среди земли, а потом перенесен на берег Финикийского моря. Достоверная история такова, что оттуда он был переброшен на близлежащий Остров, а потом Александром Македонским снова соединен с Материком.

Предшествующий Постулат и две следующие за ним Аксиомы открывают нам, что первоначально основываются материковые Нации, а потом - Морские.

Они дают нам также великое доказательство в пользу Древности Еврейского народа: Тир был основан Ноем в Месопотамии - самой материковой стране первого обитаемого мира - и стал, таким образом, самым древним из городов всех Наций. Это подтверждается еще и тем, что там была основана Первая Монархия, Монархия Ассирийцев, господствовавшая над Племенем Халдеев, из нее вышли первые в мире Мудрецы во главе с Зороастром.

С. Люди решаются навсегда покинуть собственные земли, которые, естественно, дороги уроженцам, только ради крайней жизненной необходимости. И даже временно оставлять свои земли их принуждает жадность обогатиться торговлей или стремление сохранить приобретения.

Эта Аксиома - Основание Переселения народов, как оно происходило посредством устройства Героических Морских Колоний, в результате наплыва Варваров (только о таких переселениях пишет Вольфганг Лациус), в виде известных нам позднейших Римских Колоний или Колоний Европейцев в обеих Индиях.

Эта же Аксиома показывает нам, что заблудившиеся расы трех сыновей Ноя должны были скитаться как животные. Убегая от зверей, которыми изобилует великий лес земли, преследуя пугливых и неподатливых женщин, которые в таком диком состоянии должны были быть особенно неподатливы и пугливы, и, наконец, отыскивая пищу и воду, они оказались рассеянными по всей земле в то время, когда впервые после Потопа заблистали молнии на Небе, поэтому каждая Языческая Нация начала со своего Юпитера. Ведь если бы они продолжали оставаться культурными, как

народ божий, то они должны были бы, как и он, оставаться в Азии, так как вследствие обширности этой части света и вследствие небольшого количества людей у них не было никакой необходимости ее покидать: нет такого естественного обычая, чтобы родные страны покидались из каприза.

СI. Финикияне были первыми Мореплывателями древнего мира.

СII. Нации во времена своего варварства непроницаемы: к ним нужно вторгнуться извне посредством войн, или изнутри спонтанно они должны открыться для иностранцев ради коммерческой пользы. Так Псамметих открыл Египет для Греков Ионии и Карий (после Финикиян они прославились морской торговлей): об огромных богатствах Ионии говорит храм Юноны Сатосской, *воздвигнутый в Самосе, главном городе Ионии*, о богатствах Карий - Мавзолее Артемизии, - то были два из семи чудес света. Слава морской торговли досталась и Родосцам, которые у входа в Родосский порт соорудили огромный Колосс Солнца, также причислявшийся к этим чудесам. Также и Китайцы ради коммерческой пользы открыли, в конце концов, Китай для Европейцев.

Эти три Аксиомы дают нам Основание другой Этимологии - Этимологии слов, несомненно, чужестранного происхождения, отличной от вышеупомянутой Этимологии туземных слов. Иным способом нельзя проследить Историю наций после того, как другие нации переселились посредством Колоний в чужие земли. Так, например, Неаполь первоначально назывался сирийским словом "Sirena", это доказывает, что Сирийцы, т.е. Финикияне, раньше всех устроили там колонию ради торговых сношений; потом он назывался Parthenope, греческим героическим словом; наконец, на народном греческом языке он стал называться "Neapolis": это доказывает, что после сюда пришли Греки, чтобы открыть здесь торговое общество. Здесь должен был появиться язык, смешанный из Финикийского и Греческого, которым больше, чем чистым греческим языком, наслаждался, как говорят, император Тиберий. Совершенно так же на побережьях Тарента существовала Сирийская Колония, называвшаяся "Siris", жители которой назывались Сиритами: позднее Греки назвали ее "Polieion", и по ней была названа Минерва Полиас, имевшая там свой храм¹¹².

Эта Аксиома, кроме того, дает Научные основания тому, о чем пишет Джамбуллари: Тосканский язык должен происходить от сирийского, но он может происходить только от самых древних Финикиян, Первых Мореплывателей античного мира, как мы это немногим выше предположили в Аксиомах: после них этой славой пользовались Греки Карий и Ионии, а потом она досталась Родосцам.

CIII. Я прошу о том, что необходимо допустить: на берегах Лациума была основана какая-то Греческая Колония; побежденная и разрушенная впоследствии Римлянами, она оказалась погребенной во мраке древности.

Если этого не допустить, то каждый размышляющий о древности и ищущий связей будет поражен Римской Историей: она рассказывает о Геркулесе, Эвандре, Аркадянах и Фригийцах в глубине Лациума, о греке Сервии Туллии, о Тарквинии Приске, сыне коринфянина Демарата, об Энее, основателе Римского народа. Во всяком случае, латинские буквы, по наблюдениям Тацита¹¹³, похожи на древнегреческие, тогда как во времена Сервия Туллия, по суждению Ливия¹¹⁴, Римляне не могли даже услышать о знаменитом имени Пифагора, учившего в своей известнейшей школе в Кротоне; и Римляне начали знакомиться с италийскими Греками только по случаю Тарентской войны, которая вызвала Пиррову войну с заморскими Греками.

CIV. У Диона Кассия¹¹⁵ есть одно высказывание, достойное размышления; Обычай похож на Царя, а Закон - на тирана; это нужно понимать применительно к разумному обычаю и к закону, не одушевленному естественным правом.

Эта Аксиома фактически заканчивает великий спор о том, существует ли право в природе, или же только в мнениях людей, или, что то же самое (это было выставлено в Королларии к VIII Аксиоме), - общественна ли Человеческая Природа. Ведь если Естественное Право народов было установлено Обычаем (Дион называет его Царем, которому повинуются с удовольствием), а не законом (Дион называет его тираном, применяющим насилие), то оно порождено самими человеческими нравами, вытекающими из общей природы наций, - а это как раз и есть собственный предмет нашей Науки. И раз такое Право сохраняет Человеческое Общество, так как нет ничего более естественного и более приятного, как соблюдать свои естественные обычаи, то в силу всего этого Человеческая Природа, порождающая такие обычаи, - общественна.

Эта же Аксиома вместе с VIII и с Королларием к ней доказывает, что человек не абсолютно несправедлив по самой своей природе, но что он несправедлив вследствие своей падшей и слабой природы. Эта Аксиома доказывает, следовательно, Первое Основание Христианской Религии: Адам до грехопадения был сотворен Богом в согласии с наилучшей идеей. Поэтому Аксиома доказывает также Католическое Понимание Благодати: последняя распространяется на человека потому, что ему свойственно лишение, а не отрицание добрых дел, - у него есть недействующая сила совершать добрые дела, и потому должна быть действующей Благодать. И потому человек не может существовать без Признания Свободной Воли, которой естественно помогает Бог своим Провидением, как это было сказано выше во II Королларии к той же VIII Аксиоме.

Во взглядах на Провидение Христианская Религия согласуется со всеми другими: именно на этом Гроций, Зельден и Пуфендорф должны были бы, прежде всего, строить свои системы и согласиться с Римскими Юристами, определявшими Естественное Право Народов как установление Божественного Провидения. *Существует три источника человеческих поступков: Честь, Польза, Необходимость.*

*Эта Аксиома дает основания различать Естественное Право Philosophов (оно продиктовано Честью, согласно которой люди разумно должны были бы исполнять самые точные предписания справедливости) и Естественное Право Народов, которого может достигнуть испорченная Человеческая Природа, принимая жизненную полезность и необходимость людей за справедливость, чем и сохраняется человеческое Общество. Именно это последнее Право определяли Римские Юристы в следующих словах: *usu exigentiae atque humanis necessitatibus expositantibus*¹¹⁶.*

CV. Естественное Право Народов зародилось вместе с правами Наций, одними и теми же в общем человеческом здравом смысле. Оно зародилось без какой бы то ни было рефлексии, одна нация не брала примера с другой.

Эта Аксиома вместе с высказыванием Диона, приведенным в предыдущей Аксиоме, устанавливает, что Провидение было Законодателем Естественного Права Народов, так как оно - Царь дел человеческих.

Она же устанавливает различие *указанное нами выше; Естественного Права Народов, Естественного Права Philosophов и Естественного Права Евреев; последние верили в провидение Бесконечного Ума и в то, что на Синае они получили тот установленный Богом закон, который они имели с самого начала мира, закон настолько святой, что запрещает даже мысли, если они не совсем справедливы; такой закон мог соблюдаться только тем народом, который поклоняется и трепещет перед Богом-умом, проникающим в сердца людей; и в силу такого закона Евреи соблюдали все обязательства чести; поэтому "справедливый" на священном языке означает человека вообще добродетельного; поэтому Теофраст и называет Евреев Philosophами по природе.* Так как различие между этими тремя видами права не было замечено, то должны рушиться три системы - Гроция, Зельдина и Пуфендорфа.

CVI. Науки должны начинаться с того, с чего начинается разбираемый ими материал.

Эта Аксиома, помещенная здесь ради особой темы Естественного Права Народов, вообще применяется ко всем разбираемым здесь темам. Поэтому ее следовало бы поместить среди общих Аксиом; поставлена же она здесь потому, что здесь больше, чем при какой-либо частной теме, можно увидеть ее истинность и важность ее применения.

CVII. Роды возникли раньше Городов; такие роды Латиняне называли *Gentes Majores*, т.е. Древние Благородные Дома, из Отцов таких родов Ромул составил Сенат, а вместе с ним - Римский Город; *среди этих родов был, несомненно, род Аппия Клавдия с его вассалами, пришедший сюда с Регильского озера*; наоборот, Латиняне называли *Gentes Minores* Новые Благородные Дома, основанные после городов; таковыми были Отцы тех родов, из которых Юний Брут после изгнания царей снова пополнил Сенат, почти совершенно опустошенный из-за смерти сенаторов, умерщвленных Тарквинием Гордым.

CVIII. Таковым же было и Подразделение Богов: во-первых - Боги, созданные *Gentes Majores*, т.е. семьями до возникновения городов; у Греков и Латинян несомненно, а здесь будет доказано, что также и у первых Ассирийцев (т.е. у Халдеев), у Финикиян и Египтян их было двенадцать; это число было настолько известно у Греков, что они обозначали всех этих Богов одним единственным словом **δῶδεχα**; в путанной форме они были собраны в латинском дистихе, приведенном в "Основаниях Всеобщего Права"¹¹⁷; поэтому здесь, во Второй Книге, они будут расположены в следующем порядке посредством Естественной Теогонии, т.е. естественного возникновения Богов в сознании Греков: Юпитер, Юнона, Диана, Аполлон, Вулкан, Сатурн, Веста, Марс, Венера, Минерва, Меркурий, Нептун. - Во-вторых - Боги, созданные *Gentes minores*, т.е. Боги, созданные народом, как, например, Ромул, которого после его смерти римский народ назвал Богом Квирином.

Эти три Аксиомы показывают, что три системы - Гроция, Зельдена и Пуфендорфа - недостаточны в самых своих Основаниях, так как они начинают с Наций, рассматриваемых в целостном Сообществе всего Человеческого Рода, тогда как последний начался у всех первых наций, как это будет здесь показано, со времени Семей, поклонявшихся Родовым богам, называемым *Di majores*.

CIX. Люди неразвитые¹¹⁸ считают правом лишь то, что выражено в словах.

CX. Есть золотое определение Гражданской Справедливости у Ульпиана: *probabilis quaedam ratio, non omnibus hominibus naturaliter cognita* (как, например. Естественная Справедливость), *sed paucis tantum qui prudentia, usu, doctrina praediti didicerunt quae*

ad societatis humanae conservationem sunt necessaria¹¹⁹; теперь мы это называем Государственной Пользой.

СXI. Достоверное в Законах - это потемки для Разума, даже если он поддержан Авторитетом; поэтому законы оказываются суровыми на практике, и поэтому мы вынуждены следовать им на практике, считая высказывания их достоверными (certum на хорошем латинском языке означает "примененное к отдельному случаю", или, говоря языком Схолы, *individuatum*). В этом смысле certum и commune с настоящим латинским изяществом вполне противопоставлены друг другу.

Эта Аксиома вместе с двумя следующими определениями составляет Основание Строгого Права, которое руководствуется Гражданской справедливостью; на Достоверности этого права, т.е. на определенной особенности его слов, естественно успокаиваются варвары с их идеями, направленными лишь на частное, и считают правом то, что вытекает буквально из закона. Поэтому то, что о подобных случаях говорит Ульпиан: *lex dura est, sed scripta est*, ты можешь высказать гораздо красивее полатыни и с большим юридическим изяществом: *lex dura est, sed certa est*¹²⁰.

СXII. Люди просвещенные считают правом все то, что продиктовано разной для всех полезностью в каждом отдельном случае.¹²¹

СXIII. Истинность Законов - это некий свет и сияние, которым их освещает Естественный Разум. Поэтому часто Юристы, а также народные латинские Писатели века Августа и позже, говоря о праве, пользуются словами *verum est* вместо *aequum est*¹²².

Это определение, как и СXI, - частные положения, выставленные для того, чтобы получить доказательства применительно к частной теме Естественного Права Народов; они вытекают из двух главных положений - IX и X, трактующих вообще об Истинном и Достоверном, которые выставлены для того, чтобы можно было сделать выводы применительно ко всем темам, здесь разбираемым.

СXIV. Естественная Справедливость вполне развитого Человеческого Разума - это практика Мудрости в делах пользы, так как Мудрость во всем объеме - не что иное, как Наука о таком употреблении вещей, какое они имеют в природе.

Эта Аксиома вместе с двумя следующими за ней определениями составляет Основание Милостивого Права, направляемого Естественной Справедливостью: последняя свойственна всем культурным Нациям. Как будет показано, из этой Общественной Школы вышли Философы.

Все эти шесть последних Положений подтверждают, что Провидение было Установителем Естественного Права Народов. Оно допустило следующее: так как в течение долгих веков нации должны были жить, не понимая Истины и Естественной Справедливости (позднее ее разъяснили Философы), то они придерживались Достоверной и Гражданской Справедливости, точнейшим образом соблюдая слова установлений и законов; эти слова принудили их исполнять законы в общей форме (даже в тех случаях, когда они оказывались суровыми), чтобы сохранились Нации.

И так как эти же шесть Положений были неизвестны трем Главным исследователям Естественного Права Народов¹²³, то оказалось, что все трое ошибались в обосновании своих Систем: они думали, что Естественная Справедливость в своей наилучшей идее была понята языческими нациями с самого начала, причем они не учитывали, что должно было пройти около двух тысяч лет, пока в каждой из них появились Философы; они не выделяли также одного народа, пользовавшегося особым покровительством истинного Бога.

ОБ ОСНОВАНИЯХ

Теперь, чтобы испробовать, насколько Положения, перечисленные до сих пор в качестве Элементов данной Науки, могут придать форму материалу, выставленному с самого начала в Хронологической Таблице, мы просим читателя поразмыслить над тем, что было написано до сих пор об Основаниях какой-либо части божественного и человеческого знания Язычников, и посмотреть, расходится ли оно в чем ни будь с нашими Положениями - со всеми, со многими или только с одним: ведь противоречить одному - значит противоречить всем, так как каждое из этих Положений согласуется со всеми другими. Если читатель сделает такое сопоставление, то он, несомненно, убедится, *что все до сих пор написанное — это смутные и противоречивые предрассудки, и что фантазия писавших — нора множества чудовищ, а память их — химерическая пещера мрака. Если же читатель захочет переменить на наслаждение то неудовольствие, которое, несомненно, должно вызвать у него такого рода зрелище (чем ученее он будет, тем больше будет чувствоваться неудовольствие, так как возникнет больше затруднений и неудобств там, где он раньше был вполне покоен), то пусть он учтет в своем воображении и пусть - он припомнит, что все, составляющее предмет Светской Науки, — одна из тех затейливых картин, которые сбоку показывают безобразнейшие чудовища, а с правильной точки зрения своей перспективы, при рассматривании в профиль, показывают прекраснейшие и хорошо сложенные фигуры.*

Но нам мешают найти эту правильную точку зрения два вида тщеславия, приведенные в Аксиомах: тщеславие Наций (по словам Диодора Сицилийского, каждая из них хотела быть первой в мире, причем от Иосифа Флавия мы слышали, как

далеки от этого были Евреи) лишает нас надежды найти Основания данной Науки у Филологов, тщеславие Ученых (они хотят, чтобы то, что они знают, было известно или по крайней мере подразумевалось с самого начала мира) делает для нас безнадежным поиски этих Оснований у Философов. В такое отчаяние должен будет впасть читатель, желающий извлечь пользу из данной Науки, так как для какого бы то ни было приобретения в ней книги вообще могут не существовать на свете. И мы открыли эту Науку не иначе, как если бы Божественное Провидение так направляло течение наших занятий, чтобы мы, не имея наставников, не зависели ни от одной из школьных или партийных страстей. Таким образом, с самого начала, как мы принялись углубляться в Основания Языческой Культуры, нас все меньше и меньше удовлетворяло то, что было написано по этому поводу и, в конце концов, добрые двадцать лет тому назад мы решили не читать больше книг. В последнее время, насколько мы знаем, так же поступил с хорошим намерением, но с печальными результатами, англичанин Томас Гоббс, который (по сообщению Георга Паша "de Eruditio Hujus Saeculi Inventis") думал превзойти в этом отношении греческую философию: он хвастался своим ученым друзьям, что если бы он, как они, продолжал читать писателей, то оказался бы не больше каждого из них.

Но в этой густой ночной тьме, покрывающей первую, наиболее удаленную от нас Древность, появляется вечный, незаходящий свет, свет той Истины, которую нельзя подвергнуть какому бы то ни было сомнению, а именно, что первый Мир Гражданственности был, несомненно, сделан людьми. Поэтому соответствующие Основания могут быть найдены (так как они должны быть найдены) в модификациях нашего собственного человеческого ума. Всякого, кто об этом подумает, должно удивить, как все Философы совершенно серьезно пытались изучать Науку о Мире Природы, который был сделан Богом и который поэтому он один может познать, и пренебрегали размышлением о Мире Наций, т.е. о Мире Гражданственности, который был сделан людьми и Наука о котором поэтому может быть доступна людям. Это поразительное явление вызвано бедностью Человеческого Ума, указанной в Аксиомах¹²⁵: погруженный и похороненный в теле. Ум, естественно, склонен воспринимать телесные вещи и должен положить много трудов и усилий на то, чтобы понять самого себя; так телесный глаз видит все предметы вне себя, но ему нужно зеркало, чтобы видеть себя самого.

Итак, поскольку мир Наций сделан людьми, посмотрим, в чем все люди всегда походили и все еще походят друг на друга; ведь это может нам дать всеобщие и вечные Основания (каковыми и должны быть Основания нашей Науки), из которых возникли и на основе которых сохраняются все Нации.

Наблюдая все Нации, как варварские, так и культурные, отделенные друг от друга огромнейшими промежутками места и времени, различно основанные, мы видим, что все они соблюдают три следующие человеческие обычая: все они имеют какую-нибудь религию; все они заключают торжественные браки; все они погребают своих покойников; и нет среди наций, как бы дики и грубы они ни были, такого человеческого действия, которое совершалось бы с более изысканными церемониями и с более священной торжественностью, чем религиозные обряды, браки и погребения. В силу той Аксиомы, что единообразные идеи, зародившиеся у незнающих друг о друге народов, должны иметь общее основание Истины¹²⁶, - у всех Наций именно с этих трех вещей должна была начаться культура, и они принуждены были самым священным образом охранять их, чтобы Мир снова не одичал и не вернулся к лесному существованию. Поэтому мы и приняли эти три вечные и всеобщие обычая за три Основания нашей Науки.

Пусть Современные Путешественники не бросают нам упрека в ложности нашего первого Основания, рассказывая, будто народы Бразилии, а также Кафры и другие нации Нового Света (Антуан Арно полагает то же самое и относительно обитателей островов, называемых Антильскими) ведут общественный образ жизни, ничего не зная о Боге. Убежденный, может быть, ими, Бэйль утверждает в "Трактате о Кометах", что люди могут жить в справедливости без света Божества. Так много не смел утверждать и Полибий¹²⁷: по его собственным словам, он провозглашал только (а вместе с ним и некоторые другие), что если бы в мире были Философы, живущие в справедливости благодаря Разуму, а не благодаря Законам, то не нужны были бы Религии. Все это - сказки Путешественников, которые для сбыта своих книг наполняют их чудовищными сообщениями. Во всяком случае, Андреасу Рюдигёру, стремящемуся в своей Физике, величественно озаглавленной "Божественная", найти единый средний путь между атеизмом и суеверием, было на такое намерение серьезно замечено Цензорами Женевского Университета (а в этой Республике, как свободной народной, должно было бы быть несколько больше свободы в писании), что он это говорит слишком уверенно, а это - то же самое, что он говорит слишком смело.

Все Нации верят в одно единое Провидящее Божество; однако можно найти только четыре, и не больше, Первичные Религии, существовавшие в течение всех времен и на протяжении всего Мира гражданственности: первая - Евреев, откуда происходит вторая - Христиан, верующих в Божество свободного Бесконечного Ума; третья - язычников, верующих во многих Богов, в их представлении состоящих из тела и из свободного Ума, поэтому, когда они хотят обозначить Божество, правящее миром и сохраняющее его, они говорят *Di immortales* ("бессмертные боги"); четвертая и последняя - Религия Магометан, верующих в Бога, как в бесконечный свободный Ум в

бесконечном Телe, так как они ожидают чувственных наслаждений как награды в иной жизни.

Ни одна из наций не верила в Бога только телесного, или же в Бога - только Ум, если он не свободен. Поэтому о Государстве и Законах не смеют говорить ни Эпикурейцы, которые признают только тело и вместе с телом - случай, ни Стоики, для которых Бог - это в бесконечном теле бесконечный ум, подверженный Року (в этом отношении они похожи на Спинозистов). Бенедикт Спиноза говорит о Государстве так, как если бы оно было Обществом Купцов. Поэтому прав был Цицерон^{127 bis}, говоря Аттику, - а тот был Эпикурейцем, - что не может с ним рассуждать о Законах, если тот не допустит существование Божественного Провидения. Так-то две секты, Стоиков и Эпикурейцев, согласны с Римской Юриспруденцией, принимающей Божественное Провидение за основу своих основ!

Далее, то мнение, что определенное фактическое сожительство свободных мужчин со свободными женщинами без торжественных бракосочетаний не заключает по природе никакого разврата, все Нации в мире опровергают как ложное своими человеческими обычаями, - все они заключают Браки в религиозной форме и считают тем самым открытое сожительство скотским грехом, хотя и не таким большим. Ведь если таких родителей не сдерживает никакая принудительная узда законов, то они в конце концов теряют своих незаконных детей, а последние, поскольку их родители могут оба каждую минуту разойтись и покинуть их, будут брошены и оставлены на съедение собакам; и если человечность, общественная или частная, не возьмет на себя воспитания этих детей, то они должны будут расти, не имея никого, кто научил бы их религии, или языку, или иному человеческому обычаю. Поэтому такие сожительства, поскольку это зависит от них, готовы были бы превратить этот мир наций, обогащенный и украшенный многочисленными изящными искусствами культуры, в громадный древний лес, где блуждали в нечестивом скитании дикие и злые звери. Орфея, где удовлетворяли свою скотскую страсть сыновья с матерями и отцы с дочерьми, это - гнусный Nefas Беззаконного Мира. Сократ хотел доказать мало подходящими физическими доводами, что этот Nefas запрещен Природой¹²⁸; скорее он запрещен Человеческой Природой, так как к такого рода сожительствам все нации питают естественное отвращение, а если некоторые из них и практикуют что либо подобное, то только при крайней их испорченности, как, например Персы.

Наконец, чтобы оценить, каким великим Основанием культуры были погребения, нужно представить себе звериное состояние, когда человеческие трупы оставались не погребенными на земле на съедение воронам и собакам. Такому звериному обычаю должны были, конечно, сопутствовать невозделанные поля, не говоря уже о необитаемых городах, и люди тогда, как свиньи, ходили пожирать желуди, отыскивая их среди разложившихся трупов своих родственников. Поэтому совершенно пра-

вильно были определены погребения следующим возвышенным выражением: Foedera generis humani¹²⁹; менее величественно были они описаны Тацитом под именем: Humanitatis commercia¹³⁰. Кроме того, все языческие нации согласны, конечно, с тем взглядом, что души остаются на земле неуспокоенными и блуждают вокруг своих непогребенных тел и что, следовательно, души не умирают вместе с телом, но бессмертны. А что с этим были согласны и древние варвары, в том убеждают нас народы Гвинеи - по свидетельству Уго ван Линскотена, народы Перу и Мексики - по свидетельству Акоста, "de Indicis", обитатели Виргинии - по свидетельству Томаса Харрио, Новой Англии - по Ричарду Уайтборну, Королевства Сиам - по Иосифу Скоутену. *Таким образом, и к этим нациям должен был бы ходить Пифагор, чтобы учить их или научиться догмату о Бессмертии человеческой души.* Также и Сенека говорит: quum de Immortalitate loquimur, non leve momentum apud nos habet consensus hominum aut timentium Inferos, aut colentium; hac persuasione publica utur¹³¹.

О МЕТОДЕ

Для полного установления Оснований нашей Науки нам остается обсудить в первой Книге метод, которым она должна пользоваться. И так как она должна начинать с того, с чего начинается её материал (как это было сказано в Аксиомах¹³²), то мы принуждены отправляться, как и Филологи, от камней Девкалиона и Пирры, от скал Амфиона, *от зверей Орфея*, от людей, рожденных бороздами Кадма или "крепким дубом" ¹³³ Вергилия; и как Философы - от лягушек Эпикура, от кузнечиков Гоббса, от простаков Греция, от брошенных в этот мир без всякой божьей заботы и помощи - Пуфендорфа, от грубых дикарей, так называемых Патагонских гигантов, которые, как говорят, были найдены у Магелланова пролива, т.е. от Полифемов Гомера, принятых Платоном за первых Отцов в состоянии Семей (такова Наука об Основаниях культуры, данная нам как Филологами, так и Философами!). Мы должны начинать наши рассуждения с того времени, когда люди начали мыслить по-человечески; и так как при их чудовищной дикости и безудержной звериной свободе не было другого средства приручить первую и обуздать вторую, как устрашающая мысль о некоем Божестве (страх перед ним, как было сказано в Аксиомах, единственное могущественное средство поставить преграду дикой свободе), то, отыскивая способ, каким эта первая человеческая мысль зародилась в мире Язычества, мы встретились с величайшими трудностями, стоившими нам добрых двадцати лет Изысканий. Когда мы пытались спуститься от нашей современной человеческой утонченной природы к природе совершенно дикой и бесчеловечной, то представить ее себе нам оказалось абсолютно невозможным, и лишь с большим трудом стало доступно её понимание. *Такое тяжелое усилие должен делать каждый, интересующийся нашей Наукой: он должен покрывать забвением свою фантазию и свою память и оставлять свободное место только для понимания; тогда, отправляясь от такой первой чело-*

веческой мысли, он начнет раскрывать погребенные до сих пор многие стороны происхождения, составляющие и украшающие как Мир Гражданственности, так и Мир Наук. Для раскрытия Мира Гражданственности так счастливо работал Марк Теренций Варрон в своих книгах "De Rerum Divinarum et Humanarum" и Мира Наук — Бекон Веруламский. И так как разоблачено всяческое тщеславие — тщеславие наций в том, что относится к Гражданскому Миру, и тщеславие Ученых по отношению к Миру Наук, — и разоблачено притом по истинным заслугам и совершенно справедливо, то согласно порядку человеческих вещей и человеческих идей (о них говорилось в Аксиомах) начала их должны быть очень просты и грубы; здесь признается, что все это заключалось, как в зародыше или в матке, в Мудрости Поэтов-Теологов, первых Мудрецов языческого мира.

В силу всего этого мы должны начинать с некоторого знания о Боге, которого не были лишены даже самые дикие, звероподобные и бесчеловечные люди. Мы доказываем, что это знание заключалось в следующем: человек, отчаявшийся получить какую бы то ни было помощь от Природы, жаждет чего-нибудь высшего, что его спасло бы; но выше Природы - Бог; и это - тот свет, который Бог посеял во всех людях. Это подтверждается тем общим для всех людей обыкновением, что вольнодумцы под старость, когда они ощущают недостаток природных сил, естественно становятся Религиозными.

Но такие первые люди (позже они первенствовали в Языческих Нациях) должны были мыслить только под действием сильных ударов самых неистовых страстей, как мыслят животные. Поэтому мы должны исходить из Простонародной Метафизики (на нее мы указывали в Аксиомах¹³⁴ и впоследствии покажем, что она была Теологией Поэтов) и, следуя ей, найти устрашающую мысль о каком-нибудь Божестве, которая могла бы придать форму и меру животным страстям этих людей и сделать их страсти человеческими. Такая мысль должна была породить усилие - свойственное человеческой воле - обуздывать движения, внушенные сознанию телом, чтобы или совершенно их успокоить, как это подобает Мудрому человеку, или по крайней мере придать им другое направление, для лучшей цели, как это подобает Человеку-Гражданину. Такое обуздание телесных движений представляет собой, несомненно, проявление свободы Человеческого выбора, т.е. свободной Воли, - источника и местопребывания всех Добродетелей и, между прочим. Справедливости. Информированная таким усилием, воля во всем подчиняется Справедливому и всем правам, продиктованным Справедливостью: ведь совершить усилие над телом - это то же самое, что дать ему свободу в управлении его движениями, поскольку все тела - необходимые посредники природы. То, что Механики называют потенцией, силой, усилением, все это - неощутимые движения этих тел, и под влиянием их тела или стремятся к своему центру тяжести, как это доказывает Античная Механика, или удаляются от своих центров движения, как это доказывает Новая Механика.

Но люди, вследствие своей испорченной природы тиранизированные себялюбием, преследуют главным образом только свою личную пользу; желая поэтому всего полезного для себя и ничего - для своего товарища, они не могут совершить усилия, чтобы направить страсти к справедливости. Итак, установим, что человек в зверином состоянии любит только свое собственное сохранение; взяв жену и произведя детей, он любит свое сохранение вместе с сохранением семьи; достигнув гражданской жизни, он любит свое сохранение вместе с сохранением Города; когда же власть государства распространится на много народов, он любит свое сохранение вместе с сохранением Наций; а когда нации объединятся в войне, в мире, в союзах и торговле, он любит свое сохранение вместе с сохранением всего Рода Человеческого. Во всех этих обстоятельствах человек любит главным образом свою собственную пользу. Следовательно, не чем иным, как Божественным Провидением должен он удерживаться в пределах такого порядка, чтобы следовать справедливости в семейном, гражданском и, наконец, человеческом обществе. Раз человек при таком Порядке не может следовать тому, чего он хочет, он должен, по меньшей мере, следовать тому, чего требует польза, а это и называется "справедливым". Значит, то, что направляет человечески-справедливое, есть Божественная Справедливость, руководимая для нас Божественным Провидением ради сохранения Человеческого Общества.

Поэтому наша Наука в одном из своих главных аспектов должна быть Рациональной Гражданской Теологией Божественного Провидения. До сих пор ее как будто не существовало, так как Философы или совершенно ничего не знали о Провидении, как, например. Стоики и Эпикурейцы (по словам последних - деятельность людей вызвана слепым стечением атомов,, по словам первых - ее влечет глухая цепь причин и действий), или рассматривали его только применительно к порядку природных вещей, почему они и называют Естественной Теологией Метафизику: в ней они рассматривают этот атрибут Бога и утверждают его на основании того физического порядка, который они наблюдают на движениях тел, например на движениях сфер и стихий, и на конечной причине других, меньших, наблюдаемых явлений. Скорее они должны были рассуждать об этом соответственно Экономике гражданских вещей в собственном смысле слова, так как здесь Провидение было названо *Divinitas* от *divinari* - "предсказывать", а именно - понимать или скрытое от людей, т.е. будущее, или скрытое в них, т.е. совесть. Именно это и составляет первую и важнейшую часть предмета Юриспруденции - Дела Божественные, а от них зависит другая часть, обнимающая дела человеческие. Наша Наука должна быть доказательством, так сказать, исторического факта Провидения, потому что она должна быть Историей того Порядка, который был дан совершенно незаметно для людей и часто вопреки их собственным предположениям великому Граду Рода Человеческого; ведь если даже

этот Мир и был создан во времени и по частям, то Порядок, в нем заложенный, всеобщ и вечен.

Поэтому наша Наука находит в созерцании Бесконечного и Вечного Провидения достоверные божественные доказательства, укрепляющие и утверждающие ее. Так как служанкой Божественного Провидения состоит Всемогущество, то Провидение должно вводить свои порядки такими легкими путями, как природные человеческие обычаи; так как советник у него - Бесконечная Мудрость, то, что бы оно ни установило, все должно быть Порядком, а так как Цель его - свое собственное Необъятное Благо, то, что бы оно ни установило, все должно быть направлено к Добру, всегда, превосходящему то, к которому устремлялись сами люди. Вследствие плачевной темноты Оснований и бесчисленного разнообразия Обычаев Наций, вследствие Божественности Предмета, обнимающего все человеческое, нельзя желать еще более возвышенных доказательств, как именно те, которые дают нам естественность, порядок и цель (т.е. сохранение Рода Человеческого). Эти доказательства окажутся блестящими и определенными, если мы примем во внимание, с какой легкостью и при каких обстоятельствах возникают вещи. Ведь они приходят часто издалека, а иногда совершенно вопреки предположениям людей, и тем не менее хорошо укладываются среди них: и такими доказательствами снабдило нас Всемогущество. Сопоставляя вещи и видя Порядок, как они возникают в соответствующие им времена и в соответствующих им местах теперь, раз они и должны возникнуть здесь и теперь, и как другие вещи, в отличие от первых, возникают в свои времена и на своих местах (в этом, по словам Горация¹³⁵, и состоит вся красота порядка), мы убеждаемся, что эти доказательства даны нам Вечной Мудростью. И если мы, наконец, попытаемся представить себе, могли ли при данных обстоятельствах, в данных местах и в данные времена возникнуть другие Божественные Благоедеяния, которые в тех или других нуждах или несчастьях людей лучше руководили бы Человеческим Обществом и лучше сохраняли бы его, то убедимся, что такие доказательства дает нам Вечная Благость Бога. Поэтому настоящее непрерывное доказательство, проводимое здесь, должно состоять в сопоставлении и в обдумывании того, может ли наш человеческий ум в ряду возможностей (только это позволено нам понимать, и притом настолько, насколько это позволено) мыслить больше или меньше причин или иные причины, чем те, из которых вытекают явления нашего Мира Гражданственности. Проделав это, читатель испытает божественное наслаждение в своем смертном теле, созерцая в Божественной Идее Мир Наций на всем его протяжении в пространстве и во времени и во всем его разнообразии. И окажется, что он фактически победил Эпикурейцев, - их Случай не может по-дурацки блуждать и везде находить выход, - и Стоиков, - их вечная Цепь Причин, которой они хотят окружить мир, должна зависеть от всемогущей, мудрой и милостивой воли Наилучшего, Величайшего Бога.

Эти возвышенные Естественнo-Тeологические Доказательства мы подтвердим следующим видом Логических Доказательств. Рассматривая Возникновение божественных и человеческих вещей Язычества, мы достигнем таких Начал, за которыми было бы глупым любопытством искать еще и другие Начала; в этом - характерный признак Оснований. Затем здесь объясняются особенности возникновения этих вещей, т.е. их природа; это - самая подлинная задача Науки. Наконец, это подтверждается тем вечным свойством, которым обладают вещи: они не могли зародиться иначе, как именно при этих условиях, в эти времена, в этих местах и определенным образом (т.е. при определенных природных условиях), как это было сказано выше в двух Аксиомах¹³⁶.

Чтобы отыскать такую природу вещей человеческих, наша Наука продвигается посредством строгого Анализа человеческих мыслей, относящихся к необходимости или пользе общественной жизни: таковы два неиссякаемые Источника Естественного Права Народов, как это было указано в Аксиомах¹³⁷. В этом новом своем главном аспекте наша Наука оказывается Историей Человеческих Идей; на этой Истории, как мы полагаем, должна строиться Метафизика Человеческого Ума. Эта царица наук (согласно той Аксиоме, что науки должны начинать с того, с чего начался их предмет) начинает с того момента, когда первые люди начали мыслить по-человечески, но не с того, когда Философы начали размышлять над человеческими идеями (таково содержание ученой книжечки, вышедшей в свет совсем недавно под заглавием "Historia de Ideis", которая доведена до последних контроверз между двумя первыми умами нашего века - Лейбницем и Ньютоном)¹³⁸.

Для определения времени и места протекавшей таким образом истории, т.е. того, когда и где эти человеческие мысли возникли, и для подтверждения ее собственными, так сказать Метафизическими, Хронологией и Географией настоящая Наука пользуется Критическим (также Метафизическим) Искусством, направленным на Основателей Наций: после них должно было протечь много больше тысячи лет, пока смогли у Наций появиться Писатели, которыми занималась до сих пор Филологическая Критика. И применяемый ею Критерий, согласно выставленной выше Аксиоме¹²⁶, состоит в том общем, что было внушено Божественным Провидением всем нациям, т.е. Смысле Рода Человеческого, определенном необходимой согласованностью самих вещей человеческих, эта согласованность образует всю красоту гражданского мира. Поэтому в настоящей Науке господствует следующий вид доказательств: именно так должна была раньше, так должна теперь и так должна будет впредь протекать история наций, как она рассматривается настоящей Наукой, раз данный Порядок был установлен Божественным Провидением (даже если бы в Вечности возникали от времени до времени бесконечные миры, хотя фактически, конечно, последнее ложно).

Таким образом, оказывается, что наша Наука описывает Вечную Идеальную Историю, согласно которой протекают во времени Истории всех Наций в их возникновении, движении вперед, состоянии, упадке и конце. Мы даже решаемся утверждать, что тот, кто продумывает настоящую Науку, рассказывает самому себе эту Вечную Идеальную Историю, поскольку он при помощи доказательства: "так должно было быть раньше, так должно быть теперь, так должно будет быть впредь" - творит ее сам для себя; ведь Мир Наций был, безусловно, сделан Людьюми (это первое несомненное Основание выставлено выше), и потому способ его возникновения нужно найти в модификациях нашего собственного Человеческого Сознания; а где творящий вещи сам же о них, и рассказывает, там получается наиболее достоверная история. Таким образом, наша Наука продвигается совершенно так же, как Геометрия, которая на основе своих элементов строит и созерцает, сама себе создает Мир Величин, но в наших построениях настолько больше реальности, насколько более реальны законы человеческой деятельности, чем точки, линии, поверхности и фигуры. И это - аргумент в пользу того, что такие доказательства божественны и что они должны, читатель, доставлять тебе божественное наслаждение: ведь в Боге, *если он того желает, знать и делать — одно и то же. Для этого в нашей литературной Жизни, посредством метафизического доказательства, которое мы ежедневно испытывали на деятельности нашей души, мы создали также доказательство, которое побеждает Сотворение Мира во времени.*

Кроме того, согласно вышеприведенным определениям Истинного и Достоверного¹³⁹, люди в течение долгого времени неспособны были воспринять Истину и Разум, а они - источник Внутренней Справедливости, которая удовлетворяет интеллект. Внутренняя Справедливость осуществлялась Евреями (их просветил истинный Бог и запретил им своим Божественным Законом даже мысли, если они не совсем справедливы, а в это никогда не вмешивался ни один из смертных Законодателей, так как Евреи верили в Бога - чистый ум, проникающий в сердца людей, Язычники же верили в Богов, состоящих из тела и Ума, потому и не могущих проникнуть в сердце), потом ее обсуждали Философы; но последние появились только через две тысячи лет после того, как были основаны их нации. Между тем люди руководствовались Достоверностью Авторитета, т.е. тем самым Критерием, которым пользуется наша Метафизическая Критика: это - Здравый Смысл Рода Человеческого, как он был определен выше в Элементах¹⁴⁰; на нем покоится Совесть всех наций. Таким образом, с этой новой главной точки зрения настоящая Наука оказывается Философией Авторитета, т.е. Источника Внешней Справедливости, как говорят Теологи-Моралисты. С этим авторитетом должны были бы считаться три Главных Учения о Естественном Праве Народов¹⁴¹, а не о том, что они извлекали из писателей: об этом авторитете писатели не могли иметь никакого представления, так как он царствовал среди наций много больше, чем за тысячу лет до того, как они могли появиться. Поэтому Греции, больше обоих других и ученый и начитанный, почти в каж-

дой детали своего учения побивает Римских Юристов; но удары его падают в пустоту, так как Римляне устанавливали свои Основания Справедливого на Достоверности Авторитета Рода Человеческого, а не на Авторитете Ученых.

Таковы Философские Доказательства, которыми будет пользоваться эта Наука, и, значит, они абсолютно необходимы для того, кто хочет ее обсуждать. Филологические Доказательства должны в ней занимать последнее место, причем все они могут быть сведены к следующим родам.

Во-первых, различные Мифологии согласуются с разбираемыми здесь вещами не искаженно и с насильем, а прямо, легко и естественно; мы увидим, что Мифологии - это Гражданские Истории Первых Народов, последние же повсюду были в своей сущности Поэтами.

Во-вторых, с нашей Наукой согласуется героический способ выражения, который мы здесь объясняем во всей истинности чувств и во всем его своеобразии.

В-третьих, сюда относятся Этимологии Туземных Языков, которые рассказывают нам историю вещей, обозначенных словами, начиная с особенностей их происхождения, если проследить естественные пути их изменения согласно тому Порядку Идей, по которому должна протекать История Языков, как это было высказано в Аксиомах¹⁴².

В-четвертых, здесь объясняется Умственный Словарь вещей, относящихся к общественной человеческой жизни: в своей сущности - они одни и те же у всех наций, но в разных модификациях по-разному объяснены языками, как это было определено в Аксиомах¹⁴³.

В-пятых, здесь отделяется ложное от истинного во всем том, что в течение долгих веков сохранили нам Простонародные Предания: раз они сохранялись столь долгое время, и притом целыми народами, они должны иметь, согласно приведенной выше Аксиоме¹⁴⁴, общественную основу истины.

В-шестых, великие осколки Древности, бесполезные до сих пор для Науки, так как они были брошены жалкими, перепутанными и переставленными, начинают сиять особым блеском, ибо они приобретают порядок и становятся на свои места.

В-седьмых и в-последних, надо всеми этими вещами, как их необходимые причины, господствуют все те явления, о которых нам рассказывает Достоверная История, *но все они, в противоположность доказательствам, удовлетворяющим наш интеллект, являются исправлениями к ошибкам нашей памяти и несуразностям нашей*

фантазии: именно поэтому особенно трудно получить их, и они доставляют особенное наслаждение тогда, когда уже получены. Доказательством этому может послужить то, что если бы мы вовсе не имели Писателей, такие доказательства были бы нам совершенно не нужны, и без них наши Интеллекты были бы вполне удовлетворены тем, что мы рассматриваем в Идее; и обратно, освободившись от таких старых, общих и закоренелых предрассудков, мы оказываемся более восприимчивыми к настоящей Науке.

Эти филологические доказательства служат нам для того, чтобы показать на фактах тот мир наций, который рассмотрен уже в Идее, согласно философскому Методу Бекона: cogitare, videre¹⁴⁵. Поэтому оказывается, что благодаря предшествующим философским доказательствам последующие филологические доказательства подтверждают одновременно свой Авторитет Разумом и Разум - своим Авторитетом.

Подведем итоги всему тому, что было сказано в общей форме об установлении оснований нашей Науки: раз основания ее - Божественное Провидение, Усмирение Страстей Браками и Бессмертие человеческой души, выраженное в погребениях, раз Критерий ее состоит в том, с чем согласны все или большая часть людей, то и должно быть правилом Общественной Жизни; раз с этими Основаниями и с этим Критерием согласуется Простонародная Мудрость всех Законодателей и Тайная Мудрость наиболее знаменитых Философов, как, например, Платоников, то, следовательно, эти Основания должны быть границами человеческого Разума, и тот, кто пожелает выйти за их пределы, должен остерегаться, чтобы вообще не выйти за пределы Человечества. *Итак, сюда относятся все Аксиомы с I до XXII, XXXI, второй Королларий к XLIII, XLIV, XLV и последние, начиная с CV, в частности — CVI: все, что здесь сказано, было, оказывается, полностью ими доказано.*

Книга вторая. О ПОЭТИЧЕСКОЙ МУДРОСТИ

ВВЕДЕНИЕ

Выше, в Аксиомах, было сказано, что все Истории Языческих Наций имели Баснословные Основания; что у Греков (от которых мы имеем все то, что имеем от Языческой Древности) Первыми Мудрецами были Поэты-Теологи; и что природа всех когда-либо возникших или сделанных вещей такова, что при своем Возникновении они должны быть грубыми: именно такими и не иными нужно считать начала Поэтической Мудрости. А та высокая и чрезвычайная оценка, с которой она дошла до нас, порождена двояким тщеславием, разъясненным в Аксиомах¹⁴⁶: тщеславием Наций и тщеславием Ученых, и притом больше вторым, чем первым; под его влиянием Манетон, верховный египетский первосвященник, свел всю Баснословную Египетскую Историю к возвышенной Естественной Теологии (мы об этом говорили в Аксио-

мах)¹⁴⁷, и так же Греческие Философы возвысили свою Историю до Философии. И сделали они так не только потому, что эти истории (как мы это также видели в Аксиомах) дошли до них чрезвычайно мерзкими, но и на основании следующих пяти причин.

Первой было почтение к Религии, так как все Языческие Нации были при посредстве Мифов основаны на Религии.

Второй было то огромное влияние, которое она вследствие этого оказывала на Мир Гражданственности: он так мудро устроен, что мог быть проявлением только Сверхчеловеческой Мудрости.

Третьей были те случаи, когда (как мы увидим это ниже) Мифы, окруженные уважением к Религии и Доверием к их Мудрости, дали Философам возможность производить исследования и обсуждать самые высокие вещи в Философии.

Четвертой было удобство (также и к этому мы еще вернемся ниже) объяснять возвышенные изученные ими в Философии вещи посредством выражений, оставшихся им благодаря счастливой случайности от Поэтов.

Пятая и последняя, стоящая всех предыдущих, заключается в том, что Философы могли обсуждаемое ими подкрепить Авторитетом Религии и Мудростью Поэтов.

Две первые из этих пяти причин содержат хвалы, последняя - признание Философами, даже в их ошибках. Божественной Мудрости, устроившей этот Мир Наций; третья и четвертая были заблуждениями, допущенными Божественным Провидением: в них должны были впасть Философы, чтобы понять Божественное Провидение и признать его за то, чем оно и является на самом деле, - за атрибут Истинного Бога. И мы покажем во всей этой Книге что, сколько первоначально Поэты чувствовали в Простонародной Мудрости, столько впоследствии Философы разумели в Тайной Мудрости, и что, следовательно, первых можно назвать чувством, а вторых - разумом Рода Человеческого. Поэтому правильным оказывается в общей Форме то, что Аристотель в частности говорит о каждом человеке: *nihil est in intellectu, quin prius fuerit in sensu*¹⁴⁸, т.е. Человеческий Ум не понимает ничего в том, о чем он прежде не имел никакого повода (современные Метафизики говорят - случая) получить чувственное восприятие; ум пользуется интеллектом тогда, когда он выбирает что-нибудь из чувственно воспринимаемых вещей для не охватываемого чувствами: именно это и имели в виду сказать Латиняне подлинным смыслом слова *intelligere*¹⁴⁹.

О МУДРОСТИ ВООБЩЕ

Теперь, прежде чем говорить о Поэтической Мудрости, нужно посмотреть вообще, что такое Мудрость. Мудрость - это Способность, господствующая над всеми Дисци-

плинами, благодаря которой узнаются все Науки и Искусства, составляющие культуру. Платон определяет Мудрость как Усовершенствовательницу человека. Человек, по самой своей сущности человека, не что иное, как сознание и душа, или, можно сказать, интеллект и воля. Мудрость должна заполнять у человека обе эти стороны, и вторую как следствие первой, чтобы душа, просветленная сознанием посредством знания самых высоких вещей, направлялась к выбору наилучшего. Самые высокие вещи во вселенной - это то, что относится к пониманию Бога и к рассуждению о нем: наилучшие вещи - это те, которые имеют в виду благо всего человеческого рода; первые называются божественными, вторые - человеческими. Следовательно, истинная Мудрость должна учить познанию божественных вещей, чтобы вести к высшему благу вещи человеческие. Мы думаем, что Марк Теренций Варрон, заслуживший титул ученейшего из Римлян, по этому плану воздвиг свой великий труд "De Rebus Divinarum et Humanarum", потеря которого всегда ощущается как несправедливость времени. В этой книге мы будем говорить о том же, насколько нам позволяют слабость наших знаний и скудость нашей эрудиции.

Мудрость у Язычников началась с Музы, которую Гомер в одном золотом месте "Одиссеи"¹⁵⁰ определяет как Науку о добре и зле, т.е. Науку, которая впоследствии была названа Предсказанием; на естественном запрете такого предсказания, как вещи, естественно недоступной для людей, Бог основал истинную Религию Евреев, откуда произошла наша Христианская Религия (этому была посвящена одна Аксиома¹⁵¹). Таким образом. Муза в собственном смысле первоначально должна была быть Наукой в Божественных Предсказаниях, в Ауспициях. Как выше было сказано в Аксиомах и как более подробно будет говориться ниже, она была Простонародной Мудростью у всех наций. Нации рассматривали Бога в атрибуте его Провидения, и потому от *divinari* - "предсказывать" - называли сущность Бога *Divinitas*. Такой Мудростью, как мы увидим ниже, были мудры Поэты-Теологи, несомненные основатели культуры Греции; поэтому и Латиняне обыкновенно называли Учителями Мудрости¹⁵² Астрологов-предсказателей. Впоследствии Мудрость приписывалась просвещенным людям за полезные указания, сделанные ими роду человеческому; поэтому так были названы семь Мудрецов Греции. Потом Мудрость стала называться по тем Людям, которые для блага народов и наций мудро устанавливали Государства и управляли ими. Затем слово "Мудрость" стало обозначать Науку о Естественных Божественных Вещах, т.е. Метафизику, потому и называемую Божественной Наукой: стремясь узнать сознание человека в Боге, она признает Бога за Источник всяческой Истины, и | потому она должна признавать его за Установителя всяческого блага. Таким образом. Метафизика должна, по своей сущности, трудиться для блага рода человеческого; род же человеческий сохраняется некоторым всеобщим чувством, которое существует у всех людей по отношению к Провидящему Божеству (может быть, за это Платон, изобразивший это чувство, заслужил название Божественного); поэтому та Метафизика, которая отрицает у Бога такой атрибут, должна

называться не Мудростью, а глупостью, *она не только не служит, но даже вредит роду человеческому*. Наконец, Мудростью у Евреев, а потому и у нас. Христиан, называлась Наука о вечных вещах, данных в Откровении; она у Тосканцев, может быть, с точки зрения науки об истинном добре и истинном зле, была названа исконным словом "Scienza in Divinity".

Таким образом, следует различать Три Вида Теологии с большей истинностью, чем это сделал Варрон¹⁵³: Поэтическую Теологию, т.е. Теологию Поэтов-Теологов, - то была Гражданская Теология у всех Языческих Наций; вторую - Естественную Теологию, Теологию Метафизиков; на месте третьей, которую Варрон называл Гражданской (на самом деле это Поэтическая Теология, она у Язычников была в то же время и Гражданской; ее Варрон отличает от Гражданской и Естественной Теологии, так как впал в общую ошибку, считая, что в Мифах скрыты якобы высокие тайны возвышенной Философии, и думает, что Поэтическая Теология смешана из двух других видов), - на месте третьего вида мы помещаем нашу Христианскую Теологию, смешанную из Гражданской и Естественной Теологии и самой высокой Теологии Откровения: все эти три вида объединены друг с другом созерцанием Божественного Провидения. Последнее так руководило вещами человеческими: от Поэтической Теологии, (которая направляла дела человеческие посредством чувственных знамений, считавшихся божественными указаниями, посланными людям Богами), через посредство Естественной Теологии *божественных Платоников, (которая доказывает Провидение вечными основаниями, не охватываемыми чувствами)*- люди оказываются подготовленными к восприятию науки об истинном Благе, Вечном и Бесконечном, силою сверхъестественной веры, по известным указаниям Откровения Бога, состоящего только из ума, но не из тела; Евреям сам Бог давал такие указания, или же он посылал их через Ангелов и Пророков; нам. Христианам, они были оставлены Иисусом Христом и даны в своей необходимости догматами его Церкви.

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ МУДРОСТИ

Но так как Метафизика - это возвышенная Наука, распределяющая соответствующие предметы между всеми так называемыми подчиненными науками; и так как Мудрость Древних была Мудростью Поэтов-Теологов, несомненно, первых Мудрецов Язычества (как это было установлено в Аксиомах)¹⁵⁴; и так как при своем возникновении все вещи должны быть по своей природе грубыми, - мы в силу всего этого должны считать началом Поэтической Мудрости грубую Метафизику. От нее, как от единого ствола, ответвляются в качестве одной ветви Логика, Мораль, Экономика и Политика, - все они Поэтические; в качестве другой ветви - также поэтическая Физика, ставшая матерью Космографии, а потому и Астрономии, и сообщившая достоверность двум своим дочерям - Хронологии и Географии, *чтобы сознательно чи-*

тать основания всеобщей истории, которая повсюду, как это было высказано в Аксиомах, начинается с Мифов. Все это и в "Новой Науке" и в "Примечаниях"155 разбиралось нами не в том порядке, в каком это нужно было разбирать, и, следовательно, теперь мы в этом раскаиваемся и щедро исправляем. Мы покажем ясно и отчетливо, как Основатели Языческой Культуры посредством своей Естественной Теологии, т.е. Метафизики, создавали себе Богов; как они посредством своей Логике изобретали Языки; как они посредством Морали порождали Героев; как они посредством Экономии основывали Семьи, посредством Политики - Города, как они посредством своей Физики устанавливали Основания вещей, насквозь Божественные; как они посредством Физики Человека некоторым образом порождали самих себя, как они посредством своей Космографии придумывали себе свою Вселенную, состоящую целиком из Богов; как они посредством Астрономии переносили с земли на небо планеты и созвездия; как они посредством Хронологии определяли начало времен; и как посредством Географии, например, Греки, описывали мир в пределах своей Греции.

Таким образом, наша Наука оказывается одновременно Историей идей, обычаев и деяний человеческого рода. Мы увидим, что из этого троякого источника исходят Основания Истории Человеческой Природы; они же - Основания Всеобщей Истории, т.е. основания, которых как будто до сих пор не было.

О ВСЕМИРНОМ ПОТОПЕ И О ГИГАНТАХ

Основатели Языческой Культуры были, несомненно, людьми из расы Хама - прежде всего, Яфета - несколько позже и, наконец, Сима: один за другим они постепенно отреклись от истинной Религии своего общего отца Ноя. Только эта религия в состоянии Семей могла удержать их в человеческом обществе посредством общения в браках и тем самым - в семьях. Поэтому в результате случайных сожительствам должны были расторгаться браки и исчезать семьи. Как звери, блуждали они по великому Лесу Земли: раса Хама - по Южной Азии, по Египту и остальной части Африки, раса Яфета - по Северной Азии, т.е. Скифии, и оттуда - по Европе, раса Сима - по всей Средней и Восточной Азии. Они блуждали ради спасения от зверей, которыми изобилует великий Лес, и для преследования женщин, которые в таком состоянии были дикими, неподатливыми и пугливыми. Рассеявшись в поисках пищи и воды, матери покидали своих детей, и последние должны были расти, даже не слыша человеческого голоса и уже, конечно, не воспринимая человеческих обычаев. Поэтому они дошли до совершенно скотского и звериного состояния: в нем матери, как животные, только кормили младенцев грудью и оставляли их голыми валяться в их собственных испражнениях; едва отняв их от груди, они покидали их навсегда. Дети катались в своих испражнениях, которые удивительным образом утучняют поля селитрой, с трудом продирались через великий лес, чрезвычайно густой вследствие

сырости после потопа. От этих усилий расширялись одни мускулы, вытягивая другие, и потому селитра в большом количестве просачивалась в их тело. Так как у них не было никакого страха перед Богом, перед Отцами, перед Учителями, от чего окостеневаает самый цветущий детский возраст, то у них чрезвычайно увеличивались мясо и кости, и они вырастали полными сил и могучими. Так появились Гиганты. Значит, их породило звериное воспитание, еще более дикое, чем то, в котором (как выше было указано в Аксиомах¹⁵⁶) Цезарь и Тацит видят причину гигантского роста Древних Германцев, та же причина, была и у Готов, как говорит Прокопий, а в наши дни - у Патагонцев, живущих, как говорят, около Магелланова пролива. Об этом Философы-Физики наговорили чрезвычайно много глупостей, собранных Кассанионом, написавшим "De Gigantibus". Огромные черепа и несуразной величины кости этих гигантов были обнаружены и обнаруживаются все время, по большей части на горах (эта особенность очень важна для того, о чем придется говорить ниже). Впоследствии размеры этих костей были до крайности искажены народным преданием в силу тех причин, о которых речь будет на своем месте. Такие Гиганты распространились по земле после потопа. Мы видели их в Баснословной Истории Греков, и, ничего не зная о последних. Латинские Филологи рассказывали нам о них в древней Истории Италии: там они говорили, что древнейшие народы Италии, так наз. Aborigenes, назывались **Αυτόχθονες**, а это значит - сыновья Земли; у Греков и Латинян они обозначали Благородных, и совершенно правильно сыновья Земли назывались у Греков Гигантами, так как Матерью Гигантов, по Мифам, была Земля¹⁵⁷ **Αυτόχθονες**; греков следует переводить на латинский язык как indigenae, собственно - "уроженцы одной земли", так как Туземные Боги какого-либо народа или нации назывались Dii Indigetes, почти что inde geniti (теперь скорее скажут ingeniti, так как слог de оказывается здесь одним из излишеств первых народных языков, о которых мы будем говорить ниже; так. Латиняне прибавляли его в слове induperator вместо imperator, а в Законах XII Таблиц слово endojacito означает injicito; слово induciae, перемирие, - почти injiciae - осталось, может быть, потому, что оно было так названо от icere foedus, заключать мирный договор). Таким образом, возвращаясь к нашей теме, от indigeni осталось слово ingenui¹⁵⁸, которое первоначально и в собственном смысле обозначало благородных; отсюда же осталось слово artes ingenuae - благородные искусства; и, наконец, оно осталось для обозначения свободных, liberi, и потому artes liberales продолжали обозначать благородные искусства, так как из одних Благородных (ниже это будет доказано) состояли первые Города, где плебеи были рабами (вернее - прототипами рабов). Те же Латинские Филологи подметили, что все древние народы назывались Аборигенами. Священная История рассказывает нам, что существовали целые народы, называвшиеся Емимы и Замзумимы¹⁵⁹; по объяснениям ученых библеистов, эти названия обозначают Гигантов (одним из них был Немрод); та же Священная История определяет допотопных Гигантов как сильных, знаменитых и могущественных людей своего века. Ведь Евреи, благодаря опрятному воспитанию и страху перед Богом и Отцами, оставались с тем соразмер-

ным телосложением, с каким Бог сотворил Адама и Ной породил трех своих сыновей; может быть, из отвращения к таким несообразностям у Евреев было так много обрядовых законов, относящихся к чистоте их тела. Великий след того же сохранился у Римлян в общественном Жертвоприношении, посредством которого они думали очистить город от всех грехов горожан; это жертвоприношение совершалось водой и огнем; двумя этими вещами они в других случаях справляли торжественные Свадьбы; соединением этих же двух вещей они определяли по большей части Гражданственность, и потому лишение ее называли *interdictum aqua et igni*¹⁶⁰. Такое жертвоприношение Римляне называли *lustrum*, а так как оно совершалось через каждые пять лет, то обозначало также пятилетний промежуток, как Олимпиада у Греков обозначала четырехлетний. *Lustrum* у тех же Римлян означало звериную нору, отсюда - *lustrari*, что значит и "выслеживать" и "очищать": первоначально это должно было обозначать выслеживание нор и очищение их от забившихся туда зверей; а *aqua lustralis* продолжала называться вода, нужная для жертвоприношений. И римляне, - может быть, с большим правом, чем греки, начавшие летосчисление с огня, которым Геркулес поджег Немейский Лес, чтобы засеять его хлебом (тем самым он, как мы это указывали в "Идее произведения" и вскоре увидим ниже, положил начало Олимпиадам), - с большим правом, говорим мы. Римляне начали исчисление времен пятилетиями (*lustrum*) с воды священных омовений, так как с воды, польза которой познается прежде, чем польза огня, и которая в браках и в интердикте называлась прежде огня, началась культура. В этом - Происхождение Священных Омываний, которые должны были предшествовать Жертвоприношениям. Такой обычай существовал и существует у всех наций. Благодаря опрятности тела и страху перед Богами и Отцами (ниже будет показано, что страх перед теми и другими в первые времена был ужасающим) случилось так, что Гиганты постепенно уменьшались до нашего соразмерного телосложения. Может быть, поэтому от **Πολιτεία**, что у Греков обозначало Гражданское Правление, Латиняне говорили *politus* - "блестящий" и "чистый".

Такое постепенное уменьшение телосложения должно было продолжаться даже и в культурные времена Наций, как это показывает громадное оружие старых Героев. Его вместе с костями и черепами древних гигантов Август (по сообщению Светония) хранил в своем Музее. Таким образом, как было указано в Аксиомах, во всем первом Мире должны были существовать два рода людей, именно: людей с соразмерным телосложением - таковыми были только Евреи, и Гигантов - Основателей Языческих Наций. Гиганты были двух видов: Сыновья Земли, т.е. Благородные, - они дали название Веку Гигантов в собственном смысле этого слова, как было сказано, а Священная История определила их нам как сильных, знаменитых и могущественных людей своего Века; другой вид, названный так с меньшим правом, - это подвластные Гиганты.

Время, за которое Основатели Языческих Наций пришли в такое состояние, определяется ста годами от Потопа для расы Сима и двумястами - для рас Яфета и Хама, как выше относительно этого был выставлен постулат; а немногим ниже нам это подтвердит Физическая История, хотя и рассказанная Греческими Мифами, но незамеченная до сих пор; она нам даст в то же время и Физическую Историю Всемирного Потопа.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКЕ,

Поэтическая Метафизика, или Теология Поэтов, была первой, т.е. Божественной Поэзией.

С таких первых людей - тупых, неразумных и ужасных животных - должны были бы все Философы и Филологи начинать рассмотрение Мудрости Древних Язычников, т.е. с Гигантов в точном смысле этого слова (патер Бульдук, "de Ecclesia ante legem", говорит, что слово "Гиганты" в Священных Книгах обозначает людей благочестивых, почитаемых, славных: это может относиться только к благородным Гигантам, которые посредством предсказаний основали религии у Язычников и дали название веку Гигантов); и они должны были бы начинать ее с Метафизики, так как эта наука берет свои доказательства не извне, а внутри модификаций сознания того, кто рассуждает о ней, ибо, как мы выше говорили, раз Мир Наций был, несомненно, создан людьми, то в человеческом сознании следует искать соответствующие основания; а человеческая природа, поскольку она обща со звериной, обладает тем свойством, что чувства оказываются единственными путями, на которых она познает вещи.

Следовательно, Поэтическая Мудрость - первая Мудрость Язычества - должна была начинать с Метафизики, не рациональной и абстрактной Метафизики современных ученых, а с чувственной и фантастической Метафизики первых людей, так как они были совершенно лишены рассудка, но обладали сильными чувствами и могущественной фантазией, как это было установлено в Аксиомах¹⁶¹. Такая Метафизика была их настоящей Поэзией, а последняя - естественной для них способностью (ведь они от природы были наделены и столь сильными чувствами и такой же фантазией), порожденной незнанием причин; незнание было для них матерью удивления перед всем, так что они, ничего не зная, всему удивлялись чрезвычайно сильно, как это было указано в Аксиомах. Такая Поэзия первоначально была у них Божественной: они представляли себе причины ощущаемых и вызывающих удивление вещей, как Богов (в Аксиомах мы это видели вместе с Лактанцием¹⁶², а теперь мы это подтвердим Американцами, которые все то, что превосходит их малую способность понимания, называют Богами; к ним мы добавили Древних Германцев, живших около Ледовитого моря: по рассказу Тацита¹⁶³, они говорили, будто слышали, как ночью Солнце переходило с запада через море на восток, и утверждали, будто ви-

дели Богов; такие совсем грубые и простые нации могут нас научить очень многому по вопросу о разбираемых здесь основателях Язычества); в то же время, говорим мы, они приписывали сущность вызывавшим удивление вещам соответственно своим собственным представлениям, совершенно как дети (об этом была выставлена особая Аксиома¹⁶⁴): мы видим, что дети берут в руки неодушевленные предметы, забавляются и разговаривают с ними, как если бы то были живые личности.

Таким образом, первые люди Языческих наций, как дети возникающего человеческого рода (каковыми мы их и определили в Аксиомах), творили вещи соответственно своим идеям. Однако их творение тем бесконечно отличалось от творения Бога, что Бог в своем чистейшем понимании знает и, зная, творит вещи; они же, вследствие своего полного неведения, делали это под влиянием привязанного к телу воображения, а раз оно было связано с телом, то они делали это с такой поражающей возвышенностью, что она крайне потрясала самих воображающих и творящих, почему последние и были названы Поэтами, что по-гречески значит то же, что и "творцы". Три следующие работы должна произвести великая Поэзия, именно: найти возвышенные Мифы, доступные для народного понимания; потрясти до крайности, чтобы достичь поставленной себе цели; научить народ поступать доблестно, как Поэты сами себя научили. *Больше того: раз человек естественно склонен наслаждаться единообразием, как мы это видели в Аксиомах¹⁶⁵; раз человеческий ум естественно жаждет объединиться с Богом, откуда он вышел (а это — подлинное единство), и раз первые люди не могли вследствие своей слишком чувственной природы применить погребенную под их неукротимыми чувствами способность абстрагирования от предметов, свойств и форм, из которых складывались отдельные воспринимаемые и представляемые ими вещи, то для приведения их к единству они создавали мифы. И, естественно, они брали в качестве общей истины то, что на самом деле было всего лишь фантастическими рядовыми понятиями, т.е. воображаемым единством; или же то были придуманные образцы, к которым они сводили все отдельные вещи — воспринимаемые, или воображаемые, или же ими самими сделанные. Они были названы с высшим латинским изяществом *genus* — в смысле "форма", или "образ", или "манера", или "образец", — и *species* — в смысле "сходство" — или "вещь похожая и уподобляющаяся"; такое соответствие сходства созданных вещей их идеям, или образцам, также называлось *species* в смысле "красота".* Все это будет показано ниже. От этой природы вещей человеческих осталось вечное свойство, объясненное в благородном выражении Тацита: напрасно люди утраченные *tingunt simul creduntque*¹⁶⁶.

Таковой следует считать природу Первых Основателей Языческой культуры, когда через двести лет после потопа во всем мире и через сто лет в Месопотамии, как это было сказано в постулате (ведь столько времени было нужно, чтобы так высушить землю от влаги Всемирного наводнения, чтоб она смогла посылать сухие испарения,

т.е. огненное вещество, в воздухе и порождать там молнии), Небо, наконец, заблестало и загремело устрашающими молниями и громами, как это и должно было случиться в воздухе от столь яростного первого сотрясения. Тогда немногие Гиганты (притом самые сильные, рассеянные по чащам на вершинах гор, так как и самые сильные звери имеют там свои логовища, *и таков же истинный обычай, лежащий в природе вещей человеческих, как мы это теперь, за писанием настоящих Книг, нашли путем рассуждения*), уstraшенные и пораженные величественным явлением, причины которого они не знали, подняли глаза и заметили Небо. А так как в данном случае природа человеческого сознания такова, что оно приписывает явлению свою собственную природу, как это было сказано в Аксиомах¹⁶⁷, и так как природа людей, преисполненных грубыми телесными силами, в данном состоянии была такова, что они воем и рычанием выражали свои, дикие страсти, то они вообразили себе, что Небо - это огромное одушевленное Тело, и потому назвали его Юпитер, - первый Бог *Gentes majores*, - который свистом молний и шумом громов хочет им что-то сказать. Таким образом, начали они выражать свое естественное любопытство, а оно - дочь Незнания и мать Науки, которая открывает ум человека и порождает Удивление, как это было определено выше в Элементах¹⁶⁸. Такая природа упрямо сохраняется в простонародье: когда люди видят комету, или паргелий, или другое удивительное природное явление, особенно если оно имеет отношение к небу, то сейчас же оно возбуждает любопытство, и они тревожно ищут и спрашивают, что именно эта вещь может обозначать (относительно этого была дана соответствующая Аксиома¹⁶⁹), а когда они удивляются поразительному влиянию магнита на железо, то они приходят в наш более просвещенный и даже начитанный в Философии век к тому, что у магнита есть скрытая симпатия к железу; таким образом делают они из всей Природы обширное одушевленное тело, которое чувствует страсти и страдания, согласно тому, как это также было указано в Аксиомах¹⁷⁰.

Но все же природа нашего человеческого ума теперь слишком далека даже в простонародье от чувств из-за многочисленных абстракций, которыми переполнены Языки с огромным количеством абстрактных слов; язык слишком утончен искусством письма и, так сказать, "спиритуализирован" применением чисел, выучиваемых обычно для счета и расчета; поэтому, естественно, мы не можем составить себе огромного образа Женщины, называемой "Сострадающей Природой"; а если и называют это имя губами, то в уме пустота, так как ум - во лжи, т.е. в ничем; нам даже не помогает Фантазия в образовании такого огромнейшего лживого образа. Итак, теперь нам самой природой закрыт доступ в неукротимое Воображение первых людей; сознание которых было совершенно лишено абстрактности, не утончено, не спиритуализировано, так как они были целиком погружены в чувства, возбуждены страстями, погребены в Телах. Поэтому мы выше и сказали, что теперь с трудом можно понять и совершенно нельзя себе представить, как мыслили Первые люди, основавшие Языческую культуру.

Таким образом. Первые Поэты-Теологи изобрели первый Божественный Миф, более величественный, чем все другие когда-либо изобретавшиеся, именно - Юпитера, царя и отца людей и Богов, громовержца. Образ столь доступный, столь потрясающий и вразумительный, что сами изобретатели уверовали в него и в устрашающих религиозных обрядах (о них речь будет ниже) затрепетали перед ним, начали поклоняться ему и наблюдать его. И вследствие того свойства человеческого ума, которое в Аксиомах¹⁷¹ мы слышали от Тацита, люди все то, что они видели, воображали и даже сами делали, считали Юпитером, а всей Вселенной, поскольку они могли ее воспринять, и всем частям Вселенной приписывали они существование в качестве одушевленной субстанции. В этом - гражданская история следующего изречения: ... *Jovis omnia plena*¹⁷²; впоследствии Платон принял вместо Юпитера Эфир, пронизывающий и заполняющий все ¹⁷³. Но для Поэтов-Теологов, как мы это увидим немного ниже. Юпитер находился не выше горных вершин. Тогда первые люди, говорившие посредством знаков, по самой своей природе думали, что молнии и громы - это знаки Юпитера. Поэтому впоследствии от *puo* - "киваю" - Божественная Воля была названа *Numen*¹⁷⁴ по весьма возвышенной идее, достойной объяснять Божественное величие: они верили, что Юпитер повелевает посредством знаков, а такими знаками были реальные слова, и Природа была языком Юпитера. Наукой об этом языке, как повсеместно думали народы, было Предсказание, названное у Греков Теологией, т.е. Наукой о речи Богов. Таким образом, приобрел Юпитер внушающее страх Царство молнии, в силу которого он - Царь людей и Богов; он приобрел такие два титула: один - Наилучшего (*Optimus*) в смысле сильнейшего (как, наоборот, у первых латинян *fortus* "сильный" значило то, что позднейшие латиняне обозначали *bonus* - "хороший"), и другой - Величайшего (*Maximus*) по его огромному телу, поскольку он был небом. По первому великому благодеянию, оказанному роду человеческому, приобрел он титул *Soter*, или Спаситель, так как он не поразил их молнией; в этом - первое из трех Оснований, принятых нами в нашей Науке. Приобрел он также титул *Stator*, или *Fermator*, так как он остановил немногих Гигантов в их зверином блуждании, почему они впоследствии и стали Главами родов. Последний титул Латинские Филологи слишком ограничивали, сводя его к тому, что Юпитер, призванный Ромулом, остановил Римлян, бросившихся в бегство во время битвы с Сабинянами.

Множественность Юпитеров удивляла Филологов, так как у каждой языческой нации было по Юпитеру (Египтяне, как выше было сказано в Аксиомах, вследствие своего тщеславия утверждали, что их Юпитер - Аммон - самый древний); эта множественность - множественность Физических Историй, сохраненных нам Мифами: они доказывают, что Потоп был Всемирным, как мы это предположили в Аксиомах.

Таким образом, соответственно сказанному в Аксиомах¹⁷⁵ о Возникновении Поэтических Характеров, Юпитер естественно зародился в Поэзии как Божественный Ха-

рактар, т.е. как Фантастическая Универсалия, к которой все древние языческие нации сводили все, относящееся к ауспциям; все это в своем существе было поэтическим, так как Поэтическая Мудрость началась с Поэтической Метафизики, с рассмотрения Бога в атрибуте его Провидения. Поэтому такие Мудрецы назывались Поэтами-Теологами, или Мудрецами, понимающими речь Богов, воспринятую в ауспциях Юпитера. Настоящее их имя было *divini* в смысле "Гадатели", от *divinari* - собственно "гадать", или "предсказывать". Наука же их называлась "Муза", как ее определил нам выше Гомер: Наука о добре и зле, т.е. Предсказание. На запрете его Бог установил для Адама истинную Религию, как это также было сказано в Аксиомах. По такой Мистической Теологии Поэты у Греков назывались *Mystae* (Мистами), что Гораций с полным знанием дела переводит как "Истолкователи Богов", так как они объясняли Божественные тайны ауспций и оракулов¹⁷⁶. В этой Науке каждая языческая нация имела свою Сивиллу, и упоминается их также двенадцать¹⁷⁷. Сивиллы и Оракулы - это самые древние вещи Язычества.

Итак, со всем разобранным выше согласуется изречение Евсевия, приведенное в Аксиомах, где он говорит о Началах Идолопоклонства: первые люди, простые и грубые, изобрели себе Богов *ob terrorem praesentis potentiae*¹⁷⁸. Таким образом, именно страх создал в мире Богов, но не страх одних людей перед другими, а их страх перед самими собою, как это было указано в Аксиомах¹⁷⁹. Таким Основанием Идолопоклонства доказано вместе с тем и Основание Предсказаний: они появились на свет одновременно. Вслед за этими двумя Основаниями идет Основание Жертвоприношений: их совершали, чтобы добиться или правильно понять ауспции.

Наконец, такое возникновение Поэзии подтверждается нам тем ее вечным свойством, что подлинная ее материя - это невозможное, принимаемое на веру¹⁸⁰. Так, невозможно, чтобы тело было духом, но верили, что грозное небо - это Юпитер. Потому Поэты особенно охотно воспевают чудеса, произведенные Колдуньями посредством чародейства: это следует отнести за счет того скрытого чувства, которое есть у всех наций в отношении Всемогущества Бога; из него возникает другое: все народы естественно склонны оказывать бесконечные почести Божеству. Так Поэты основали религии для язычников.

Сказанным до сих пор опровергается все то, что говорилось о Возникновении Поэзии, сначала - Платоном, потом - Аристотелем, наконец - Патрицци, Скалигером и Кастельветро: мы показали, что столь возвышенная Поэзия зародилась вследствие недостаточности человеческого рассудка и что из-за появившихся впоследствии Философии, Искусства, Поэтики и Критики, и даже как раз вследствие их, не появилось другой Поэзии, даже равной, не говоря уже о большей. В этом - привилегия Гомера, так как он оказывается Царем всех возвышенных, т.е. Героических, Поэтов, не меньше по заслугам, чем по эпохе. Благодаря такому открытию Оснований Поэзии

опровергается мнение о недостижимой Мудрости Древних, которую так стремились раскрыть, начиная с Платона и кончая Беконом Веруламским ("De Sapientia veterum"): это была Простонародная Мудрость Законодателей, основавших человеческий род, а не тайная мудрость глубоких и редких Философов. Поэтому, как здесь мы для начала показали на примере Юпитера, так и ниже мы покажем всю ложность Мистических Значений высшей Философии, вложенных учеными в Греческие Мифы и в Египетские Иероглифы, и столь же естественными выступят исторические значения, которые неминуемо должны заключать в себе и те и другие.

КОРОЛЛАРИИ об основных точках зрения нашей Науки

I. Из сказанного до сих пор можно заключить, что при том человеческом понимании, каким могли обладать люди грубые и дикие, настолько отчаявшиеся в помощи Природы, что даже они стали жаждать чего-нибудь превосходящего Природу и для них спасительного (в этом - первое Основание, на котором мы выше построили Метод нашей Науки), - Божественное Провидение позволило им впасть в следующую ошибку: бояться ложного Божества, Юпитера, так как он мог якобы поразить их молнией. Таким образом, в тучах первых гроз и проблесках первых молний усмотрели они ту великую истину, что Божественное Провидение заботится о спасении всего Рода Человеческого. Поэтому настоящая Наука с этой основной точки зрения называется рациональной Гражданской Теологией Провидения; она начинается с Простонародной Мудрости Законодателей, основавших нации тем, что они сами рассматривали Бога в атрибуте Провидящего, и заканчивает Тайной Мудростью Философов, доказывающих его посредством рассуждений в своей Естественной Теологии.

II. Здесь начинается также Философия Авторитета - вторая основная точка зрения нашей Науки; мы берем слово "авторитет" в первом его значении - "собственность": в таком смысле всегда применялось это слово в Законах XII Таблиц, и потому в Гражданском Римском Праве "auctores" продолжали называть тех, от кого мы получаем право на собственность. Это слово настолько несомненно происходит от **αὐτός**, proprius, или suus, ipsius, что многие Ученые пишут autor и autoritas без придыхания. Авторитет первоначально был Божественным; посредством него Божество присвоило себе немногих Гигантов, о которых мы говорили выше, в настоящем смысле ниспровергнув их на землю и скрыв их в пещерах на горных высотах: это - железные кольца, которые страхом перед небом и Юпитером приковали Гигантов к земле, где они к моменту первой молнии были рассеяны по вершинам гор, таковы - Титий и Прометей, прикованные к высокой скале, где пожирал их сердце Орел, т.е. страх перед ауспициями Юпитера; так неподвижные от страха продолжали называться героической фразой у Латинян terrore defixi¹⁸¹, и совершенно так же живописцы изображают их руки и ноги прикованными кольцами к горам. Из таких колец

составилась великая Цепь, которую Дионисий Лонгин считает самым возвышенным из всех Гомеровских Мифов: Юпитер для доказательства того, что он - Царь людей и Богов, предлагает за один конец этой цепи ухватиться всем Богам и всем людям, а он один за другой конец всех их перетянет¹⁸². И если Стоики хотят этой Цепью обозначить Вечный Ряд Причин, посредством которых Рок держит мир связанным, то пусть они остерегаются, как бы им самим не оказаться запутанными этой цепью, так как влечь ею людей и Богов зависит от воли Юпитера, они же хотят Юпитера подчинить Року.

Из такого Божественного Авторитета позднее возник Человеческий Авторитет, т.е. - с высшим Философским изяществом - такое "свойство" человеческой природы, которое даже Бог не может отнять у человека, не разрушив его. В этом смысле говорит „Теренций: *voluptates proprias Deorum*¹⁸³, т.е. что счастье Бога не зависит от других; Гораций говорит: *propriam virtutis laurum*¹⁸⁴, т.е. что зависть не может отнять торжества у доблести; а Цезарь говорит: *propriam victoriam*¹⁸⁵, о чем ошибочно замечает Дионисий Петавиус, что это, мол, сказано не по-латыни; однако с особым латинским изяществом это означает такую победу, которую враг не мог вырвать у него из рук. Такой Авторитет - свободное применение воли, тогда как интеллект - пассивная сила, подчиненная истине: ведь люди с этого начального момента всех вещей человеческих начали пользоваться свободно человеческой волей для обуздания телесных движений, чтобы или совершенно их успокоить, или дать им лучшее направление: таково подлинное усилие действующих свободно, как мы об этом говорили выше, в главе о Методе. Поэтому Гиганты воздерживались от звериной привычки бродяжничать по великому лесу земли и приучались к совершенно противоположному обычаю оставаться и прятаться в течение долгого времени в своих пещерах.

Из такого Авторитета Человеческой Природы возник Авторитет Естественного Права: оккупируя земли и оставаясь на них долгое время там, где они случайно оказались во время первых молний. Гиганты стали Господами вследствие оккупации, т.е. длительного владения, в чем - Источник всякой Собственности на свете. Значит, это те... *rauci quos aequus amavit Jupiter*¹⁸⁶; впоследствии Философы перенесли это на тех, кто достиг, по воле Бога, доброго характера благодаря наукам и доблестям. Исторический же смысл этого изречения в том, что Гиганты в таких тайниках, на таких землях становились главами Родов, называемых *Gentes Majores*, которые Юпитера считали первым Богом, как это было определено в Аксиомах. Они, как это будет показано ниже, основали Древние Благородные Дома, которые, разветвившись на множество Семей, составили первые Царства и первые Города. Отсюда остались у Латинян следующие прекраснейшие героические обороты: *condere Gentes, condere regna, condere urbes; fundare gentes, fundare regna, fundare urbes*¹⁸⁷.

Эта Философия Авторитета вытекает из Рациональной Гражданской Теологии Провидения, так как благодаря Теологическим доказательствам последней она своими Философскими Доказательствами проясняет и разбирает Филологические. Все эти три вида доказательств были перечислены в главе о Методе. А примененная к самой темной древности Наций, Философия Авторитета приводит к достоверности Человеческий Произвол, по самой своей природе чрезвычайно недостоверный, как это было указано в Аксиомах¹⁸⁸, а это равносильно тому, что она сообщает Филологии Форму Науки.

III. Третья основная точка зрения - это История Человеческих Идей, которые, как мы только что видели, начались с идеи о Боге вследствие созерцания Неба телесными глазами. Так, в Авгуровской Науке Римляне говорили *contemplari* (созерцать) - наблюдать части неба, откуда шли авгурии или где наблюдались ауспиции; эти области, очерченные Авгурами при помощи их *litui*, назывались *Templa caeli*; отсюда же у Греков должны были появиться первые - подлежащие созерцанию Божественные или Возвышенные вещи, заканчивающиеся в абстрактных Метафизических и Математических вещах. В этом - Гражданская История следующего изречения: *A Jove principium Musae*¹⁸⁹.

Как мы только что видели, с молнией Юпитера получила начало первая Муза, которую Гомер определил как Науку о добре и зле. Отсюда впоследствии оказалось в высшей степени удобным для Философов черпать то мнение, что Началом Мудрости было Благодетельство. Таким образом, первой Музой должна была быть Урания, которая созерцает небо ради получения авгурии, впоследствии это значение перешло на Астрономию, как мы увидим ниже. И как выше Поэтическая Метафизика была разделена на множество подчиненных наук, поэтических по самой природе своей Матери, так же и настоящая История Идей даст нам грубые начатки как Практических Наук, применяемых Нациями, так и Умозрительных Наук, которые теперь в утонченном виде разрабатываются Учеными.

IV. Четвертая точка зрения - это Философская Критика, порожденная названной выше Историей Идей. Эта критика будет истинно судить об основателях Наций: со времени их должно было протечь значительно больше тысячи лет, пока у Наций смогли появиться Писатели, являющиеся предметом Филологической Критики. Таким образом. Философская Критика, начиная с Юпитера, даст нам Естественную Теогонию, т.е. возникновение Богов, естественно происходящее в сознании основателей Язычества, которые по природе были Поэтами-Теологами. А так как двенадцать Богов так называемых *Gentes Majores* в своей идее создавались время от времени, при определенных случаях человеческой необходимости или пользы, то можно по ним установить двенадцать маленьких Эпох, к которым сводятся времена, когда возникали Мифы; поэтому такая Естественная Теогония даст нам Рациональ-

ную Хронологию Поэтической Истории по меньшей мере за девятьсот лет до того, как после Героического Времени появились первые зачатки Простонародной Истории.

V. Пятая точка зрения - это Вечная Идеальная История, согласно которой протекают во времени истории всех наций: везде, где со времен грубых, лютых и диких люди начинают приручаться благодаря Религиям, там люди начинают, движутся вперед и кончают согласно тому порядку, который мы рассматриваем в настоящей II Книге, с которым мы снова встретимся в IV Книге, где будем говорить о Поступательном движении Наций, и в V Книге - об обратном движении Вещей Человеческих.

VI. Шестая - это система Естественного Права Народов. С возникновения Народов, откуда начинается (соответственно одной из вышеприведенных Аксиом¹⁹⁰) материал Естественного Права, должны были бы начинать и разбираемое ими учение три его главных представителя - Гуго Гроций, Джон Зельден и Самуил Пуфендорф. Все трое одинаково ошибались, начиная с середины, т.е. с позднейших времен наций, ставших утонченными, и, следовательно, с людей, просвещенных вполне развитым естественным Разумом. Из таких наций вышли Философы, возвысившиеся до рассмотрения совершенной Идеи Справедливости. Прежде всего Гроций: именно вследствие своей большой любви к Истине он отбрасывает в сторону Божественное Провидение и провозглашает, что его Система направляет и даже уточняет всякое познание Бога¹⁹¹. Поэтому все упреки, которые он в большом числе делает Римским Юристам, вообще к ним не относятся, так как они, приняв за Основу Божественное Провидение, стремились рассуждать о Естественном Праве Народов, а не о Естественном Праве Философов и Теологов-Моралистов. Наоборот, Зельден подразумевает Божественное Провидение, не замечая негостеприимности первых народов, а также разделения между Евреями и Язычниками, которое проводил Богоизбранный народ во всем мире тогдашних наций; он не замечает также, - что раз Евреи потеряли из виду свое естественное право, во время Египетского плена, то Бог должен был снова установить его для них в законе, который он дал Моисею на Синае; не замечает он также и того, что Бог в своем Законе запрещает даже мысли, если они не совсем справедливы, о чем ни один из смертных законодателей никогда не заботился; а кроме того - звериного Происхождения всех языческих Наций, о котором здесь идет речь. И если он претендует на то, что Евреи вскоре научили своему Естественному Праву Язычников, то для него оказывается невозможным доказать это вопреки великодушному признанию Иосифа Флавия и важному размышлению Лактанция, приведенным выше, а также вражде, как мы видели, Евреев с Язычниками, которая еще сохраняется и теперь, во время их рассеяния по всем Нациям. Наконец, Пуфендорф начинает с Эпикурейской гипотезы; последняя считает человека брошенным в наш мир без всякой помощи и заботы Бога; а раз его в этом можно упрекнуть (хотя он и оправдывается в специальной Диссертации), то он без Про-

видения в качестве Первого Основания вообще не смеет открыть рта для рассуждения о праве, как мы это слышали от Цицерона¹⁹² по адресу Аттика (а он был Эпикурейцем), когда тот рассуждал о Законах. В силу всего этого мы начинаем рассуждение о Праве, называвшемся у Латинян Jus (сокращение из древнего Jous), с того древнейшего момента всех времен, когда зародилась в сознании родоначальников идея Юпитера. В этом с Латинянами поразительно схожи Греки, которые (как это, к великому нашему счастью, подметил Платон в "Кратиле"¹⁹³) первоначально Jus называли **δικαίον**¹⁹⁴, а это значит то же самое, что *discurrens* или *permanens*. Философское Происхождение было сюда вложено самим Платоном: он в ученой Мифологии принимает Юпитера за эфир, все пронизывающий и обтекающий. Историческое же Происхождение идет от слова "Юпитер", который и у Греков назывался **Διός**, откуда у Латинян произошло выражение *sub Dio*, равное *sub Jove*, в значении "под открытым небом"; позднее ради легкости речи они произносили **δικαίον**. Поэтому мы начинаем рассуждение о Праве с того, что первоначально оно зародилось как божественное (*divinum*) в том смысле, какой ему был придан предсказанием (*divinatio*), т.е. наукой об ауспичиях Юпитера. Это были божественные вещи, посредством которых Язычники направляли все человеческие вещи: вместе они составляли предмет Юриспруденции. Так, Язычники начинают рассмотрение естественного права с идеи самого Божественного Провидения, одновременно с которой зарождается и родственная ей идея Права. Последнее (каким способом - об этом говорилось раньше) начали соблюдать естественным путем. Родоначальники в подлинном смысле слова, и притом самые древние, называвшиеся *Gentes Majores*, а Юпитер был их первым Богом.

VII. Седьмая и последняя из основных точек зрения нашей Науки - это Основания Всеобщей Истории. Она начинается с первого момента всех человеческих вещей Язычества, с первого Века Мира, протекшего, как говорили Египтяне, до них, т.е. с Века Богов. Тогда Небо начало господствовать на земле и оказывать людям великие благодеяния, как об этом говорилось в Аксиомах; начинается золотой Век Греков, когда Боги общались на земле с людьми, и началось это, как мы здесь видели, с Юпитера. Греческие Поэты правдиво поведали нам об этом первом Веке мира в своих Мифах о Всемирном Потопе и о существовании Гигантов в природе; тем самым они вполне истинно рассказали нам Основания Всеобщей Светской Истории. Но пришедшие позднее люди не могли проникнуть в Фантазию первых людей, основавших Язычество, в силу которой последним казалось, что они видят Богов; стал непонятен смысл слов "ниспровергать на землю", что значило "посылать под землю". И гиганты, которые жили, спрятавшись в пещерах под горами (согласно позднейшим преданиям людей в высшей степени легковерных), были искажены до чрезвычайности, так как, по мнению таких пришедших позднее людей, гиганты нагромодили друг на друга Олимп, Пелион и Оссу, чтобы изгнать Богов (первые безбожные Гиганты не сражались с богами, и не имели их вообще до тех пор, пока Юпитер не поразил их мол-

нией) с Неба, поднявшегося в сознании еще более развитых Греков на несуразную высоту. Для первых Гигантов небо было на высоте горных вершин, как мы это вскоре покажем. Такой Миф был выдуман после Гомера и другими приписан Гомеру в "Одиссее": во времена последнего достаточно было поколебаться одному Олимпу, чтобы упали Боги, так как, по его словам в "Илиаде", они неизменно находятся на его вершине. В силу всех этих причин до сих пор не было оснований Всеобщей Светской Истории, а раз не было Рациональной Хронологии Поэтической Истории, то не было также и ее Непрерывности.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

Итак, Метафизика, поскольку она рассматривает вещи во всех родах бытия, оказывается тем же, что и Логика, поскольку последняя рассматривает вещи во всех родовых понятиях, которые могут их обозначать. И как Поэзия до сих пор рассматривалась нами в качестве Поэтической Метафизики, посредством которой Поэты-Теологи воображали себе тела по большей части в виде божественных субстанций, так ту же самую Поэзию мы рассматриваем теперь в качестве Поэтической Логики, при помощи которой Поэты обозначали эти божественные субстанции.

Логика называется так от слова **λόγος**, что первоначально и в собственном смысле значит "сказание", *fabula*, и на итальянский язык переводится как *favella*. Сказание, *fabula*, Греки называли также **μῦθος**, откуда происходит латинское *mutus*, немой, так как оно зародилось в немые времена, как умственное (Страбон в одном золотом месте говорит, что оно существовало до устной, т.е. артикулированной речи); поэтому **λόγος** значит и "идея" и "слово". Чрезвычайно мудро Божественное Провидение установило это для тогдашних религиозных времен, так как, согласно вечному свойству Религий, важнее размышлять, чем говорить о них. Поэтому первый Язык в первые немые времена наций (как было сказано в Аксиомах) должен был начаться со знаков, или жестов, или тел, имеющих естественное отношение к идеям. Поэтому **λόγος**, или *verbum*, значит также "поступок" у Евреев, а у Греков означает также "вещь", как это заметил Томас Гатакер, "*De Novi Instrumenti Stylo*". Однако слово **μῦθος**; дошло до нас также в определении "истинный рассказ" или "истинная речь", это была та естественная речь, о которой сначала Платон, а потом Ямвлих заявляли, что только на ней говорили когда-то в мире. Оба они, как мы видели в Аксиомах, говорили об этом по догадке, а потому и случилось так, что Платон напрасно ее разыскивал в "Кратиле" и подвергся за это нападкам со стороны Аристотеля и Галена. Ведь эта первая речь, речь Поэтов-Теологов, не была речью, соответствующей природе самих вещей: такую должен был быть Священный Язык, изобретенный Адамом, которого Бог допустил к Божественной Ономатезии^{194bis}, т.е. к называнию вещей соответственно природе каждой из них; речь Поэтов-Теологов была Фантастической речью посредством одушевленных субстанций, по большей части - вооб-

ражаемых божественных субстанций, *т.е. воображаемых божеств; первоначально посредством идей, потом — посредством знаков и, наконец — посредством артикулированных слов.* Так, например, они разумели и - первоначально немые - объясняли, указывая пальцем, что Юпитер, Кибела (или Берецинтия) и Нептун - это субстанции Неба, Земли и Моря, которые они представляли себе в виде одушевленных божеств и потому с чувственной истинностью считали их Богами. Этими тремя Божествами объясняли они (соответственно тому, что мы выше говорили о Поэтических Характерах) все то, что относится к небу, земле и морю. И так же художественно объясняли они виды других вещей, отнеся их к соответствующему Божеству, например, все цветы - к Флоре, все плоды - к Помоне. Это то же самое, хотя и в обратном порядке, продолжаем мы делать до сих пор со всеми духовными вещами, например со способностями человеческой души, со страстями, с добродетелями, с пороками, с науками и искусствами: о них мы составляем образы, по большей части в виде Женщин, и к ним сводим все причины, все свойства и, наконец, все явления, которые к каждой из них относятся, так как там, где мы хотим выделить из области нашего разума духовные вещи, нам должна помогать Фантазия, чтобы можно было их объяснить, и мы должны, как живописцы, придумывать для них человеческие образы. Но Поэты-Теологи, которые не могли воспользоваться пониманием, посредством более возвышенной и совершенно противоположной работы наделяли чувствами и страстями, как мы только что видели, тела, и притом столь огромнейшие тела, как небо, землю и море. Позднее, когда сила абстракции увеличилась, эти огромные фантастические образы уменьшились и были приняты за маленькие знаки. Метонимия ясно показывает незнание учеными этих до сих пор погребенных начал вещей человеческих: Юпитер стал таким маленьким и таким легким, что его несет летящий орел, Нептун плывет в хрупкой раковине по морю, Кибела сидит на льве.

Итак, Мифологии в настоящем смысле этого слова должны быть подлинным языком Сказаний (*fabulae*); таким образом, если Сказания, как выше было показано, - это Фантастические Роды, то Мифологии должны быть их подлинными аллегориями, это слово, как было замечено в Аксиомах, определено у нас как *diversiloquium*: поскольку оно обозначает по тождеству, а не по отношению (говоря языком схоластики - по возможности предсказать) различные виды или различных индивидов, охватываемых этими родовыми понятиями, постольку аллегория должна обладать одноименным значением, понимая под этим смысл, общий для всех ее видов и индивидуумов. Так, Ахилл - это идея храбрости, общая для всех Сильных, как Улисс - это идея благоразумия, общая для всех Мудрых. Таким образом, эти аллегории должны стать этимологией поэтического языка, которая даст нам их происхождение, построенное на одноименности, тогда как происхождение народной речи построено чаще всего на аналогиях. К этому мы можем добавить также определение самого слова этимология: оно значит то же, что *veriloquium*, как и сказание (*fabula*) было у нас определе-

но как vera narratio - "истинный рассказ". Это *Περί Ἑρμηνείας* т.е. истолкование слов, часть *Поэтической Логике*

КОРОЛЛАРИИ о Тропах, Чудовищах и Поэтических Превращениях

I. Короллориями к этой Поэтической Логике являются все Первые Тропы; из них самый блестящий, - а раз самый блестящий, то и самый необходимый и самый употребительный, - это Метафора. Ее тогда особенно восхваляют, когда вещам бесчувственным она дает чувство и страсть согласно рассмотренной выше Метафизике. Ведь Первые Поэты наделяли тела бытием одушевленных субстанций, обладавших только тем, на что они сами были способны, т.е. чувством и страстью; так Поэты создавали из тел Мифы, и каждая метафора оказывается маленьким мифом. Поэтому наша Критика даст нам следующее положение применительно к тем временам, когда метафоры зарождались в языках: все метафоры, обозначающие посредством аналогий с телами абстрактную работу ума, должны были возникнуть в те времена, когда Философия начала делаться менее грубой. Это доказывается тем, что во всех языках необходимые для Культурных Искусств и для Тайных Наук слова имеют деревенское происхождение. Достоин наблюдения, что во всех Языках большая часть выражений перенесена на вещи неодушевленные с человеческого тела, с его частей, с человеческих чувств и с человеческих страстей. Например: "глава" вместо "вершина" или "начало"; "глазки" на виноградной лозе; "рот" вместо всякого отверстия; "горло" вазы или иного сосуда, "зуб" плуга, граблей, пилы, гребня; "язык" моря; "рукав" реки; "рука" вместо "небольшое число", "сердце" вместо "середина", то, что Латиняне называли umbilicus¹⁹⁵; "подошва" вместо "основание"; "мясо", "кости" плодов; "жила" камня или руды; "кровь жизни" - вино; "нутро" земли; небо, море "смеются", ветер "свистит"; волна "шепчет", тело "слезится" под большой тяжестью; крестьяне Лациума говорили: *sitire agros, laborare fructus, luxuriari segetes*¹⁹⁶; а наши крестьяне говорят: *andar in amore le piante, andar in pazzia le viti, lagrimare gli orni*¹⁹⁷; и все другие метафоры, которые в неисчислимом множестве можно собрать во всех языках. Все это является следствием из той Аксиомы¹⁹⁸, что человек сначала чувствует, затем взволнованно замечает, наконец, размышляет чистым умом¹⁹⁹; и другой Аксиомы, что порядок идей протекает соответственно порядку вещей²⁰⁰, и третьей, что сначала были леса, потом хижины, затем деревни, после Города и, наконец, Академии²⁰¹. Человек незнающий делает самого себя правилом Вселенной; так в приведенных примерах он из самого себя сделал целый Мир. Как Рациональная Метафизика учит, что *homo intelligendo fit omnia*²⁰²; так и наша Фантастическая Метафизика показывает, что *homo non intelligendo fit omnia*²⁰³; и второе может быть даже правильнее первого, так как человек посредством понимания проясняет свой ум и постигает вещи, а посредством непонимания он делает эти вещи из самого себя и, превращаясь в них, становится ими самими.²⁰⁴

II. В силу той же Логике, порожденной такой Метафизикой, первые Поэты должны были давать вещам имена по идеям наиболее частным и осязаемым: таковы два источника - Метонимии и Синекдохи. Ведь метонимия, называющая автора вместо произведения, зародилась потому, что авторы упоминались чаще, чем произведения; метонимия субъекта вместо его Формы или свойства зародилась потому, как мы сказали в Аксиомах²⁰⁵, что еще не умели абстрагировать формы и качества от субъекта; несомненно, метонимии причин вместо их действия являются маленькими Мифами, где люди представляли себе причины в виде Женщин, одетых их действиями, например: безобразная Бедность, печальная Старость, бледная Смерть.

III. Синекдохой, как переносом стали пользоваться позже, когда научились возвышать частности до всеобщности или сопоставлять одни части с другими, вместе составляющими свое целое. Так, "смертными" первоначально называли только людей, ибо то были единственные существа, смертность которых ощущалась. "Голова" вместо "человек" или "особа" столь часто встречается в простонародной латыни потому, что в лесах издали видели только голову человека, слово "человек" - абстрактное слово: оно как бы в одном философском родовом понятии обнимает тело и все части тела, сознание и все его способности, душу и все навыки души. Также *trigum* и *culmen* обозначали вполне точно балку и солому во времена соломенных крыш, позднее, когда города стали более блистательными, они обозначали весь материал и все составные части зданий. Отсюда же *tectum* ("крыша") вместо целого дома, так как в первые времена для дома достаточно было одной крыши, *ruppis* ("корма") вместо "корабль", так как корма была высокая и ее первую замечали поселяне, - как и во времена снова вернувшегося варварства говорили "парус" вместо "корабль", *misro* - вместо "меч", так как "меч" - абстрактное слово и обнимает как бы в одном родовом понятии рукоятку, клинок и острие (*misro*): люди же чувствовали только острие, которое вызывало в них страх. Называли также материал вместо всего оформленного предмета, например "железо" вместо "меч", *так как материал более осязаем, чем форма; поэтому aes вместо "чеканные деньги" появилось в те времена, когда вместо монеты платили aes rude*. Такая связь синекдохи и метонимии как -*Tertia messis erat*²⁰⁶, возникла, несомненно, из природной необходимости, так как должно было пройти значительно больше тысячи лет, чтобы у наций могло зародиться астрономическое слово "год"; и до сих пор еще говорят в окрестностях Флоренции: "мы столько-то раз жали" вместо "прошло столько-то лет". А следующее сочетание двух синекдох и одной метонимии: *Post aliquot, mea regna videns, mirabor aristas*²⁰⁷ - служит свидетельством того, что первые сельские времена были беспомощны в стремлении выразить себя: тогда говорили "столько-то колосьев" (понятие еще более частное, чем жатва) вместо "столько-то лет". И именно потому, что это выражение было слишком беспомощным. Грамматики предполагали в нем слишком много искусства.

IV. Ирония, конечно, не могла возникнуть до времен рефлексии, так как этот троп образован ложью, которая силою рефлексии надевает на себя маску истины. И здесь появляется великое Основание вещей человеческих, подтверждающее открытое здесь Происхождение Поэзии: первые люди Язычества, совершенно простые, как дети, и по самой своей природе правдивые, не могли выдумывать в первых мифах ничего ложного; а потому мифы, как мы их выше определили, необходимо должны были быть истинными рассказами.

V. Тем самым доказано, что все Тропы (все они могут быть сведены к названным четырем), считавшиеся до сих пор хитроумными изобретениями писателей, были необходимыми способами выражения всех первых Поэтических Наций, и что при своем возникновении они обладали всем своим подлинным значением. Но так как вместе с развитием человеческого ума были найдены слова, обозначающие абстрактные формы или родовые понятия, обнимающие свои виды или соединяющие части с их Целым, то такие способы выражения первых народов стали переносами. Итак, здесь мы начинаем опровергать две следующие общие ошибки Грамматиков: будто язык Прозаиков - подлинный язык, неподлинный же - язык Поэтов, и будто сначала говорили прозой, потом - стихами.

VI. Чудовища и Поэтические Превращения по необходимости возникли из той первоначальной Человеческой Природы, какую мы показали в Аксиомах: люди не могли абстрагировать форму и свойства от субъекта. Поэтому сама Логика принуждала их составлять субъекты, чтобы можно было сочетать самые формы, или разрушать субъект, чтобы отделить его первичную форму от привнесенной туда противоположной формы. Такое Сочетание представлений создавало поэтические чудовища. *Примеры этому даст нам Римское Право: каждый Римский отец семейства имеет "три головы" для обозначения трех жизней, так как "жизнь" — абстрактный термин, а голова — самая видная и осязаемая часть человека (потому Герои клялись головой, обозначая этим, что они клянутся жизнью); одна из этих трех жизней была естественная жизнь свободы, вторая — гражданская жизнь гражданственности, третья — семейная жизнь семьи.* Еще в Римском Праве (по наблюдениям Антония Фабра в "Папинианской Юриспруденции") называли чудовищами, *monstra*, рожденных проститутками, так как они обладали природой людей и вместе с тем свойствами животных, поскольку они произошли от бродячего, т.е. недостойного, сожительства. Мы встречаем таких же чудовищ (рожденных честной женщиной, но без торжественного брака) в Законах XII Таблиц, которые приказывали бросать их в Тибр.

VII. Различение идей породило Метаморфозы. Так, среди прочих героических выражений, сохранившихся нам от Античной Юриспруденции, Римляне оставили нам также и следующее: *Fundum fieri* вместо *auctorem fieri*²⁰⁸; ведь как земельный уча-

сток (fundus) поддерживает владение, т.е. почву со всем тем, что на ней посеяно, посажено или построено, так же и "одобряющий" поддерживает правовой акт, который без его одобрения должен был бы рухнуть: таким образом, одобряющий из движущегося по собственной воле существа, каким он, и является на самом деле, изменяется в противоположную форму - форму неподвижной вещи²⁰⁹.

КОРОЛЛАРИИ о речи посредством Поэтических Характеров у Первых Народов

Поэтическая Речь (как мы ее рассматривали посредством Поэтической Логике) проникает так же далеко в Историческое время, как большие быстрые реки в море: глубоко вливаясь в него, они долго сохраняют пресную воду, занесенную туда их стремительным течением. Выше в Аксиомах²¹⁰ мы привели слова Ямвлиха, что Египтяне все свои открытия, полезные для человеческой жизни, приписывали Меркурию Трисмегисту. Это высказывание мы подтвердили другой Аксиомой²¹¹, что дети по идеям и именам мужчин, женщин и вещей, впервые ими увиденных, впоследствии воспринимают и называют всех мужчин, женщин и вещи, если они имеют какое-либо сходство с первыми или какое-либо к ним отношение: это и было естественным великим Источником Поэтических Характеров, посредством которых совершенно естественно мыслили и говорили первые народы. Если бы Ямвлих поразмыслил о такой природе вещей человеческих и если бы он сопоставил с этим тот обычай Древних Египтян, который сам же он и приводит, то он, конечно, в Тайны Народной Мудрости Египтян не вложил бы насильно возвышенные Тайны своей Платонической Мудрости. Итак, мы утверждаем, что вследствие такой детской природы и вследствие такого обычая первых Египтян Поэтическая Речь посредством Поэтических Характеров может нас привести ко многим важным Открытиям Древности.

I. Солон должен был быть некоторым Человеком, Мудрым Простонародной Мудростью; он был главарем Плебса в те первые времена, когда Афины были Аристократической Республикой. Это нам сохранила Греческая История: она рассказывает, что первоначально Афины были под властью Оптиматов. В настоящих Книгах мы покажем, что то же самое происходило повсеместно во всех Героических Республиках, где Герои, т.е. Благородные, верили, что их природа имеет некое Божественное Происхождение и что потому им преимущественно принадлежат Боги и, следовательно, ауспиция Богов, в силу чего они сохраняли в пределах своих Сословий все публичные и частные Права Героических Городов; для Плебеев же, которые, по их верованиям, имели скотское происхождение и, следовательно, были людьми без Богов, а потому и без ауспиций, они допускали только пользование естественной Свободой (в этом - великое Основание вещей, о которых мы будем говорить почти во всем настоящем Произведении). Солон увещевал плебеев размыслить о самих себе и признать, что их человеческая природа одинакова с Благородными: и что, следовательно, они должны быть уравнены с ними в гражданском праве. Так, может быть.

Солон и был этими самыми Афинскими плебеями, рассматриваемыми с такой точки зрения? Ведь и Древние Римляне должны были иметь такого же Солона в своей среде: плебеи в Героических Распрях с Благородными, как об этом нам откровенно рассказывает Древняя Римская История, говорили Отцам, из которых Ромул составил Сенат (а из сенаторов произошли патриции): *pop esse caelo demissos*²¹², т.е. что они не имели того божественного Происхождения, которым они хвастались, и что Юпитер был равен для всех. В этом - Гражданская история следующего изречения: *Jupiter omnibus aequus*²¹³, куда впоследствии Ученые вложили то мнение, что души равны у всех и что различия начинаются с различной телесной организации и с различного гражданского воспитания. Посредством такого размышления римские плебеи начали добиваться равенства с патрициями в Гражданской Свободе, пока совершенно не преобразовали Римскую Республику из аристократической в народную, как мы это гипотетически определили в "Примечаниях к Хронологической Таблице", где в идее обсуждали Закон Публилия; и мы покажем, что фактически это случилось не только с Римской но и со всеми другими Древними Республиками. Посредством соображений и авторитетов мы покажем, что повсюду, начиная с такого размышления Солона, плебеи народов преобразовали Республики из аристократических в народные.

Поэтому из Солона сделали автора следующего знаменитого изречения: *posce te ipsum*²¹⁴, - которое ввиду великой его гражданской пользы для афинского народа было написано во всех общественных местах этого города. Впоследствии Ученые склонны были считать эти слова великим указанием (каким они и являются на самом деле) в области метафизики и морали. Они принимали Солона за Мудреца в Тайной Мудрости и сделали его Главою семи Мудрецов Греции. Таким образом, поскольку с такого размышления начались в Афинах все установления и законы, образовавшие Демократическую Республику, и соответственно способу первых народов мыслить поэтическими характерами, все эти установления и законы Афиняне приписывали Соломону, как Египтяне все открытия, полезные для гражданской человеческой жизни, - Меркурию Трисмегисту. *Например: Афиняне связывали с Солоном, а Спартанцы с Ликургом множество законов (как о том и о другом нам рассказывает Греческая История), многие из которых не только не принадлежали им, но были совершенно противоположны их правлению. Так, Солону приписывается установление Ареопага, который был уже установлен со времен Троянской Войны, так как Орест был освобожден Ареопагом от отцеубийства, совершенно его матерью Клитемнестрой, "голосом Минервы", т.е. равенством голосов. Члены Ареопага вплоть до времен Перикла поддерживали со свойственной им суровостью аристократический Строй или, по меньшей мере, аристократическое правление в Афинах: все это совершенно противоположно Солону, установителю афинской свободы. Обратного тому, с Ликургом, основателем Спартанской Республики, Аристократической вне всяких сравнений, они связывают установление Аграрного*

Закона такого же типа, как и закон Гракхов в Риме; а ведь когда Царь Агис хотел установить в Спарте Закон о Завещаниях соответственно народному равенству, какой и подобает Демократическим Республикам, то он был за это задушен по приказанию Эфоров.

II. Совершенно так же Ромулу должны были приписываться все законы, касающиеся сословий.

III. Нуме - множество законов, касающихся священных вещей и божественных церемоний, в которых впоследствии проявлялась Римская Религия в свои наиболее пышные времена.

IV. Туллу Гостилию - все военные законы и установления.

V. Сервию Туллию - ценз, основу Демократических Республик, и другие многочисленные законы, касающиеся народной свободы, так что Тацит провозгласил его *praecipuus Sanctorum legum*²¹⁵. Как мы покажем. Ценз Сервия Туллия был основой Аристократических Республик; но благодаря ему плебеи получили от Благородных Бонитарную собственность на поля, и по поводу его они впоследствии создали Плебейских Трибунов для защиты этой своей части естественной свободы; Трибуны же потом постепенно добились для них полной гражданской свободы. Таким образом. Ценз Сервия Туллия, поскольку с него начались поводы к волнениям, стал основой Римской народной Республики: об этом мы говорили в Примечаниях к Закону Публилия путем гипотез, а ниже покажем на фактах, что это происходило именно так.

VI. Тарквинию Приску - все Знаки и Гербы, посредством которых позже, в самые блестящие времена Рима, воссияло Величие Римской Империи.

VII. Совершенно так же с XII Таблицами должны были связываться многочисленные Законы, которые, как мы покажем ниже, были изданы в позднейшие времена. В "Основаниях Всеобщего Права" полностью было показано следующее: так как Закон о Квиритской Собственности, распространенный Благородными на Плебеев, был Первым законом, записанным на общественной Таблице, и так как именно ради него были созданы Децемвиры, то с точки зрения народной свободы все законы, которые уравнивали свободу и записывались с тех пор на общественных Таблицах, относились к Децемвирам. Для наших целей здесь достаточно одного доказательства: Децемвиры не должны были приучать Римлян к роскоши греческих Погребений, запрещая ее; но запрещать ее можно было только после того, как Римляне ее уже восприняли; последнее же могло произойти только после войн с Тарентинцами и с Пирром, во время которых Римляне начали знакомиться с Греками. Цицерон заме-

чает, что закон переведен на латинский язык в тех же самых словах, в каких он был издан в Афинах 215bis.

VIII. Совершенно так же обстоит и с Драконом, автором писанных кровью Законов, Законов тех времен, когда, по рассказам Греческой Истории, как было сказано выше, Афины находились под властью Оптиматов, т.е., как мы увидим ниже. Законов времен Героических Аристократий. Сама Греческая История рассказывает, что тогда Гераклиды были рассеяны по всей Греции и что они были даже в Аттике, как выше мы их поместили в Хронологической Таблице; наконец, Гераклиды остались на Пеллопоннесе и основали свое царство в Спарте, которая, как оказывается, несомненно была Аристократической Республикой. Дракон должен был быть одной из тех змей Горгоны, прибитых к щиту Персея, которые, как мы покажем, обозначали Власть Законов. Этот Щит ужасающими наказаниями превращал в камень тех, кто на него взглянет. Также и в Священной Истории такие законы, содержащие примерные наказания, назывались *leges sanguinis*²¹⁶. Этим щитом была вооружена Минерва, называемая **Ἄθηνά**, как в дальнейшем это будет полностью разъяснено. А у Китайцев, которые все еще пишут иероглифами (не может не вызвать удивления один и тот же способ поэтически мыслить и выражать себя у этих двух столь удаленных друг от друга и по времени и по месту наций). Дракон является Знаком Гражданской Власти. Ведь о каком-либо другом Драконе нет ничего во всей Греческой Истории.

IX. Это же открытие Поэтических Характеров подтверждает нам, что Эзопа следует поместить значительно раньше семи Мудрецов Греции (в Примечаниях к Хронологической Таблице мы обещали показать это на своем месте). Ведь эта филологическая истина подтверждается следующей Историей человеческих идей. Семь Мудрецов вызывали удивление потому, что они начали давать наставления в Морали или Гражданском Учении в виде максим, например в виде знаменитой максимы "nosce te ipsum" Солона, главы этих мудрецов, которая, как мы видели, была наставлением в Гражданском Учении, перенесенным потом на Метафизику и Мораль. Эзоп же еще раньше их давал такие указания посредством подобий, которыми пользовались Поэты, чтобы выразить себя. Порядок же человеческих идей таков: наблюдать схожие вещи, сначала - чтобы выразить себя, потом - чтобы доказывать; и притом сначала - посредством Примера, который удовлетворяется одной вещью, позднее - посредством Индукции, для которой нужно много вещей. Поэтому Сократ, отец всех Философских Школ, ввел Диалектику посредством Индукции, впоследствии завершленную Аристотелем посредством Силлогизма, имеющего силу только при универсалиях. Но для малоразвитого сознания достаточно всего одного подобия, чтобы быть убежденным; так, например, одной басней, вроде тех, которые изобрел Эзоп, добряк Менений Агриппа привел к повиновению восставший римский плебс²¹⁷. Что Эзоп был поэтическим характером союзников (*socii*), или слуг (*famuli*) Героев, пронизательно вскрывает нам хорошо осведомленный Федр в Прологе к своим Басням:

Nunc, Fabularum cur sit inventum genus,
Brevi docebo. Servitus obnoxia,
Quia, quae volebat, non audebat dicere,
Affectus proprios in fabellas transtulit,
.....
Ego illius pro semita feci viam²¹⁸.

Это же с очевидностью подтверждает нам басня о Societas leonina, так как плебеи назывались Союзниками (socii) Героических Городов, что было указано в Аксиомах: они имели свою часть в трудах и опасностях на войне, но не в добыче и не в завоеваниях. А потому Эзоп был назван рабом, так как плебеи, как ниже это будет показано, были famuli героев. Нам рассказывают также, что он был безобразен, так как гражданская красота, по тогдашнему мнению, зарождалась только от торжественных бракосочетаний, которые заключали лишь герои, как это будет показано ниже. Совершенно так же безобразен был Терсит, который должен был быть характером плебеев, служивших героям на Троянской Войне, Улисс его ударил скипетром Агамемнона, как и благородные били древних римских плебеев по голым плечам розгами regium in morem²¹⁹ (по рассказу Саллюстия у Блаженного Августина в "Граде Божиим"), пока Закон Порция не удалил розги от римских плеч. Следовательно, такие полезные для свободной гражданской жизни указания, продиктованные естественным разумом, были чувственными знаками, которые питали плебеев в героических городах. С этой точки зрения поэтическим характером плебеев был сделан Эзоп, которому впоследствии были приписаны Морально-Философские Басни; и тем самым Эзоп был сделан первым Моральным Философом, совершенно так же, как из Солона сделали Мудреца, установившего посредством законов свободную Афинскую Республику. А так как Эзоп давал свои указания в виде Басен, то его следует поместить перед Солонем, который их давал в виде максим. Такие Басни сначала выражались в героических стихах; согласно преданию, впоследствии они выражались в ямбических стихах, на которых, как мы ниже покажем, позднее говорили греческие народы; ямбические стихи - это середина между героическим стихом и прозой; в ямбических стихах и в прозе, в конце концов, басни были записаны и дошли до нас.

Х. Таким образом, первым Создателям Простонародной Мудрости приписывались позднейшие открытия, относящиеся к Тайной Мудрости. Зороастр на Востоке, Анахарсис в Скифии, Трисмегист в Египте, Орфей в Греции, Пифагор в Италии - все они были сначала Законодателями, а потом их стали считать Философами, каким и теперь считают Конфуция в Китае. Ведь, несомненно, что Пифагорейцы в Великой Греции, как будет показано ниже, назывались так в смысле "Благородные": их попытка превратить свои Республики из Народных в Аристократические должна была кончиться неудачей. Выше было показано, что "Золотая Песнь" Пифагора - обман,

как и Оракулы Зороастра, "Поймандр" Трисмегиста, как Орфики, т.е. стихи Орфея. Даже до самих Древних от Пифагора не дошло ни одной книги по Философии: Филолай был первым Пифагорейцем, написавшим такую книгу (по наблюдению Шеффера, "De Philosophia Italica").

КОРОЛЛАРИИ

О Происхождении Языков и Букв; и дальше - о Происхождении Иероглифов, Законов, Имен, Родовых Гербов, Медалей, Монет; затем - о первом Языке и Письменности Естественного Права Народов.

Теперь из Теологии Поэтов, т.е. Поэтической Метафизики, посредством зародившейся в ней Поэтической Логике попробуем извлечь Происхождение Языков и Букв, по поводу которых существует столько же мнений, сколько и писавших об этом ученых. Так Герард Иоганн Фоссиус в "Грамматике" говорит:

"de literarum inventione multi multa congerunt et fuse et confuse, ut ab iis incertus magis abeas, quam veneras dudum"²²⁰;

а Герман Гуго в "De Origine Scribendi" замечает:

"nulla alia res est, in qua plures magisque pugnantes Sententiae reperiantur, atque haec tractatio de literarum et scriptionis origine. Quantae sententiarum pugnae! Quid credas? Quid non credas?"²²¹.

Поэтому Бернгард Маллинкрот в "De Ortu et Progressu Artis Typographicae" (ему следовал Ингевальд Элинг, "De Historia Linguae Graecae") из-за непонятности того способа, каким возникли буквы, *назвал его по догадке так, как мы откроем теперь на фактах, т.е. Божественным*. Но трудность была создана всеми учеными тем, что они считали разными вещами - Происхождение Букв и Происхождение Языков, тогда как на самом деле они объединены по самой своей природе. Однако Ученые должны были бы это заметить на словах "грамматика" и "характеры" (буквы). Прежде всего, Грамматика определяется как "Искусство говорить", а **ура́м-мата** это "буквы": таким образом, ее нужно было бы определить, как Искусство писать (Аристотель^{221 bis} так ее и определяет), в качестве какового она первоначально и зародилась. Здесь мы покажем, что сначала все нации говорили письменами, а потом — *артикулированными словами; отсюда осталось то вечное свойство, что в родных языках Грамматика учит только писать*. Затем - "характеры", это значит²²² "идеи", "формы", "модели" и, несомненно, характеры Поэтов были прежде, чем характеры артикулированных звуков. Иосиф Флавий храбро возражает Апиону, греческому грамматiku, что во времена Гомера не были еще изобретены буквы, называемые народными. Кроме того, если бы такие буквы были формами артикулированных звуков, а не произвольными знаками, то они были бы у всех Наций так же единообразны, как повсюду единообразны артикулированные звуки. *Поэтому следует прийти к тому заключению, что наша Наука начинается с истинных Оснований, так как она начинается с объяснения того способа, каким зародились и Языки и Буквы, при помощи ко-*

торых нужно объяснить первую речь наций. Таковыми должны быть Основания: по самой своей природе - достовернейшими, как в Философии применительно к человеческим идеям, так и в Филологии применительно к человеческим словам.

Раз уже мы должны принять участие в такого рода рассуждениях, то мы приведем здесь маленький обзор многочисленных мнений по данному поводу, мнений или недостоверных, или легкомысленных, или необоснованных, или тщеславных, или смехотворных; поскольку эти мнения таковы и поскольку их много, их можно было бы и пропустить. *Но чтобы читатель не заподозрил нас в том, что мы похожи на многих авторов, в особенности современных (чтобы поощрить написанное лишь ими самими, они не только не излагают на усмотрение читающего написанное по этому поводу другими, но даже запрещают ему это читать), нам хотелось бы для его удовлетворения привести какое-либо одно мнение, например следующее: так как во времена вернувшегося варварства Скандинавия, вследствие тщеславия Наций, была названа vagina gentium²²³ и ее считали матерью всех других наций мира, то вследствие тщеславия Ученых существовало мнение Иоганна и Олафа Великих, что Готы сохранили буквы с начала мира, буквы, божественным образом изобретенные Адамом; над этим бредом смеялись все Ученые. Тем не менее, это воспрепятствовало следовать такого рода мнениям, а Ян Горопий Бекан даже превзошел их: Кимврский Язык, который не слишком удалился от Саксонского, он ведет от Земного Рая и утверждает, что он был матерью всех других языков. Это мнение вышучивали Иосиф Скалигер, Иоганн Камерариус, Христофор Бекман в *"Manuductione ad Linguam Latinam"* и Мартин Скок в *"Fabula Hamelensi"*. Однако такое тщеславие раздувалось еще больше и разразилось у Олафа Рудбека в его произведении, озаглавленном *"Atlantica"*, где он утверждает, что Греческие Буквы происходили от Рун; последние же были якобы перепутанными Финикийскими Буквами, которые Кадм привел в порядок, и притом в звуках, похожих на Еврейские; наконец, Греки их восстановили и вернули им правила и полную точность; а так как Изобретатель у Готов называется Mercurstan, то он хочет, чтобы Меркурий, изобретший буквы для Египтян, также был Готом, *это мнение всеми было воспринято как смелое и необычайное.* Такая вольность во мнениях о Происхождении Языков и Букв должна сделать читателя осторожным в восприятии того, о чем мы здесь говорим; пусть он не смотрит на это с безразличием, как на новинку, но внимательно рассуждает и принимает это за то, чем и должны быть Основания всего Человеческого и Божественного Знания Язычества, *которое зависит от настоящих Оснований, и пусть его направляет в этом наша Наука.**

Со следующих Оснований должны начинать все Философы и Филологи: что первые люди Язычества воспринимали идеи вещей посредством Фантастических характеров, представлявших одушевленные субстанции, и, немые, объясняли их посредством движений или тел, имеющих непосредственное отношение к идеям (напри-

мер, тоекратное движение жнеца или три колоса обозначали три года); что они объяснялись посредством языка, который естественно обозначал эти идеи (по словам Платона и Ямвлиха, на этом языке когда-то говорили в мире, - то был, должно быть, древнейший Атлантический язык, и, по мнению ученых, он объяснял идеи посредством природы вещей, т.е. посредством их естественных свойств); с него должен был бы Аристотель начать свое *Περί Ἑρμηνείας* 224, т.е. *Истолкование имен*, которое в этом смысле не было бы противоположно Платону, а Платон должен был бы разыскивать его в "Кратиле", что он и пытался сделать с благородным старанием, хотя и не со счастливыми результатами. И вообще с таких Оснований, говорим мы, должны были бы все Философы и Филологи начинать рассуждение о Происхождении Языков и Букв; обе эти вещи, объединенные по своей природе, как мы сказали, трактовались до сих пор порознь. Поэтому для Ученых оказалось очень трудным Исследование Происхождения Букв, которое заключало в себе такие же трудности, как и Происхождение Языков, о чем они или совсем не заботились, или заботились очень мало.

Итак, в самом начале нашего рассуждения мы поставим в качестве Первого Основания ту Филологическую Аксиому, рассказанную Египтянами, что за все предшествующее им время в их мире говорили на трех Языках соответственно числу и порядку трех Веков, протекших до них, - Веку Богов, Героев и Людей; Египтяне утверждали также, что первым Языком был Иероглифический, т.е. священный или божественный, вторым - Символический, посредством знаков, т.е. героических гербов; третьим - Письменный, чтобы удаленные друг от друга люди могли взаимно сообщать о своих насущных жизненных нуждах. *Последнее необходимо народам в больших парламентах для предписывания законов и Монархам, чтобы сделать себя понятными посредством своих законов целым народам.* Об этих трех языках у нас есть два золотых места у Гомера в "Илиаде", из которых ясно видно, что здесь Греки были согласны с Египтянами. Одно из этих мест - то, где он рассказывает, что Нестор прожил три разноязычных человеческих возраста²²⁵; таким образом, Нестор должен был быть Героическим Характером Хронологии, установленной согласно трем языкам, соответствующим трем Векам Египтян; поэтому выражение "прожить Нестеровы годы" значит то же, что "быть старым как мир". Второе место - где Эней рассказывает Ахиллу, что разноязычные люди начали заселять Илион после того, как Троя была перенесена на берег моря и Пергам стал ее кремль²²⁶. Сопоставим с этим первым Основанием следующее Предание, также Египетское, что их Теут или Меркурий изобрел законы и буквы.

К этим истинам мы присоединим еще и следующие. У Греков "имена" значили то же самое, что и "характеры", почему Отцы Церкви пользовались двумя выражениями "de divinis characteribus" и "de divinis nominibus"²²⁷, не различая их. Nomen и definitio значат одно и то же, почему в Риторике говорят quaestio nominis, когда разыскивает-

ся определение факта. "Номенклатура" болезней - это тот отдел Медицины, где определяется их природа. У Римлян *nomina* первоначально и в подлинном смысле обозначали дома, разветвившиеся на много семей. Первые Греки также имели "имена" в таком значении: это показывают отчества, обозначающие имена Отцов, которыми столь часто пользуются Поэты, и прежде всех - первый из всех - Гомер. Совершенно так же у Ливия Римские Патриции так определены одним плебейским трибуном: *qui possunt nomine sive patrem* - "кто могут назвать родовые имена своих отцов"²²⁸. Эти отчества впоследствии потерялись в народной свободе почти во всей Греции и только благодаря Гераклидам сохранились в Спарте, аристократической республике. В Римской Юриспруденции *nomem* значит "право". В похожих звуках у Греков *νόμος* значит "закон", а от *νόμος* происходит *νόμισμα*, как утверждает Аристотель²²⁹, т.е. "монета". Этимологи полагают, что от *voio* происходит Латинское *nummus*. У Французов *loi* значит "закон", а *alou* - "монета"²³⁰. Во времена вернувшегося варварства "канонам" называли как церковный закон, так и то, что эмфитевт уплачивал владельцу земли в виде эмфитевзиса. В силу такого единообразия мыслей, может быть. Латиняне называли "jus" право и жир жертвенных животных, предназначенный для Юпитера, который первоначально назывался *Jous*, откуда впоследствии произошли родительные падежи *Jovis* и *Joris*, как это указывалось выше; также и у Евреев жир, одна из трех частей искупительной жертвы, предназначался для Бога и сжигался на алтаре. Латиняне называли имения *praedia*, причем это выражение раньше должно было относиться к сельским землям, чем к городским, ибо, как мы скоро покажем, первые обработанные земли были первыми *praediae* ("добычами") в мире; поэтому первое *domare* ("укрощать") относилось к таким землям, и они в силу этого в Древнем Римском Праве назывались *mancipatae*, - отсюда осталось выражение *mancipis* - налог, вносимый в эрарий с недвижимых имуществ. В римских законах сохранилось выражение *jura praediorum* применительно к так называемым реальным сервитутам, относящимся к недвижимым имуществам. Такие земли, называемые *mancipatae*, первоначально должны были быть и называться *mancipia*, к чему, несомненно, должен относиться Закон XII Таблиц в главе "*Qui nexum faciet mancipiumque*", т.е. "кто передаст узел, тот передаст и владение землею"²³¹. Итальянцы мыслили, как и древние Латиняне, называя земельную собственность *roderi*, так как она была приобретена силой. Совершенно так же во времена вернувшегося варварства поля с их границами называли *presas terrarum*. Испанцы называют *prendas* отважные предприятия. Итальянцы называют *impresa* родовые гербы и говорят *termini* (букв. "границы", а также "термины") в значении "слова", что сохранилось в Схоластической Диалектике.

Родовые гербы у Итальянцев называются также *insegne*, откуда происходит глагол *insegnare* - "учить", как и Гомер, во времена которого небыли еще изобретены так называемые народные буквы, говорит о письме Прета Эврию против Беллерофонта, что оно было написано *σηματα*, "знаками"²³².

Ко всему этому мы присоединим три следующие неоспоримые истины: первая - что все первые языческие нации, немые вначале, - как показано, - должны были выражать себя движениями или телами, имеющими непосредственное отношение к их идеям; вторая - что посредством знаков они должны были обеспечивать границы своих владений и иметь в них постоянных свидетелей своего права; третья - что все они умели пользоваться монетой. Все эти истины дадут нам Происхождение Языков и Букв, а также Происхождение Иероглифов, Законов, Имен, Родовых Гербов, Медалей, Монет и, наконец, Языка и Письменности, на котором говорили и в которой было записано Первое Естественное Право Народов.

Для еще более прочного установления Оснований всего этого здесь нужно искоренить то ложное мнение, будто иероглифы были изобретены Философами, чтобы скрыть в них тайны высокой Мудрости, как думали Египтяне. Но ведь существовала общая естественная необходимость у всех первых Наций говорить посредством иероглифов (выше об этом была выставлена особая Аксиома); например, в Африке у нас есть еще Египтяне, а к ним вместе с Гелиодором - "Эфиопика" - мы можем присоединить Эфиопов, которые вместо иероглифов пользовались всевозможными кузнечными инструментами. На Востоке такую же роль должны играть Магические Характеры Халдеев. На Севере Азии, как мы выше уже видели, Идантура, царь скифский, в довольно поздние времена (если допустить чудовищную древность Скифов, в споре за которую они победили самих Египтян, хваставших тем, что они - древнейшая из всех Наций) отвечает пятью реальными словами Дарию Великому, объявившему ему войну²³³. "Слова" эти были таковы: лягушка, мышь, птица, сошник и лук; лягушка означала, что Идантура был рожден Скифской землей, как лягушки рождаются из земли во время летнего дождя, и что он тем самым оказывается сыном этой земли; мышь означала, что он как мышь, где родился - там и построил дом, т.е. что там же он основал свой род; птица означала, что он сам обладает ауспициями, т.е., как мы увидим ниже, что он подчинен только Богу, соха означала, что он обработал земли и тем самым силою подчинил их себе; наконец, лук означал, что он обладает в Скифии высшей военной властью и что он должен и может ее защищать. Наше объяснение, столь естественное и необходимое, следует сопоставить с теми смехотворными объяснениями, которые, согласно Святому Кириллу²³⁴, давали им Советники Дария; следует признать очевидность также и того, что до сих пор вообще не знали подлинного и истинного пользования иероглифами у первых народов: нужно только сопоставить интерпретации Скифских иероглифов Советниками Дария с отдаленными, искусственными и натянутыми интерпретациями Египетских иероглифов Учеными. И Латинян не оставила Римская История без соответствующего Предания: немой героический ответ Тарквиний Гордый посылает своему сыну в Габии, заставляя посланника сына смотреть, как сам он палочкой сшибает головки мака: думали, что он это делает из гордости, тогда как здесь нужна была полная сек-

ретьность²³⁵. На Севере Европы древние Германцы (по наблюдению Тацита, описывающего их обычаи) не знали *literarum secreta*²³⁶, т.е. не умели писать свои иероглифы; так должно было продолжаться до времен Фридриха Швабского, и даже до времен Рудольфа Австрийского, когда Германцы начали писать дипломы народными немецкими письменами. На Севере Франции существовала иероглифическая речь, называемая *gebus de Picardie*²³⁷, которая, как и в Германии, должна была означать речь посредством вещей, т.е. посредством иероглифов Идантуры. Даже на *ultima Thule*²³⁸, в крайней ее части, в Шотландии, как рассказывает Гектор Боэс в "Истории Шотландии", эта нация в древности писала иероглифами. В Западной Индии Мексиканцы изобрели иероглифическое письмо. Иоганн де-Лет в своем "Описании Новой Индии" пишет, что иероглифы индейцев - это головы животных, растения, цветы, фрукты; и что по их виду они различают Семьи, а это - те же самые Родовые Гербы Нового Света. В Восточной Индии Китайцы до сих пор пишут иероглифами. Таким образом, лопаются, как мыльный пузырь, тщеславие Ученых, появившихся впоследствии, ибо до такой степени не смело раздуться тщеславие даже необычайно хвастливых Египтян: другие, мол. Мудрецы мира от них научились прятать свою Тайную Мудрость в Иероглифах. *Отсюда понятно, в какой мере научно писали Ямвлих "De Mysteriis" и Валериан "De" Hieroglyphicis Aegyptiorum"!*

Установив такие Основания Поэтической Логики и, опровергнув тщеславие Ученых, вернемся к трем Языкам Египтян. О первом из них, т.е. о языке Богов, как было указано в Аксиомах, относительно Греков сообщает Гомер, который в пяти местах, двух своих поэм, упоминает о Языке более древнем, чем его собственный (это, несомненно, героический Язык), и называет его Языком Богов.

Три таких места находятся в "Илиаде": в первом он рассказывает, что Бриареем называют этого гиганта Боги, а люди - Эгеоном²³⁹. Во втором он рассказывает об одной птице, которую Боги называют **χαλκίδα**, люди - **κύμινδιν** ²⁴⁰; в третьем - что реку Трои Боги называют Ксантом, а люди - Скамандром²⁴¹. В "Одиссее" два места: первое - Боги называют **πλαγκτάς πέτρας** ²⁴² то, что люди называют "Сцилла и Харибда"; второе - где Меркурий сообщает Улиссу тайну против колдовства Цирцеи, - Боги это называют **μῶλυ**, и знание этого совершенно недоступно людям²⁴³. Об этих местах говорит Платон - много, но впустую. Позже Дион Хризостом²⁴⁴ обвинял Гомера в обмане - он будто бы понимал язык Богов, что, естественно, недоступно для людей; мы же полагаем, что, может быть, в данных местах у Гомера под Богами следует разуметь Героев, которые, как немногим ниже будет показано, брали себе имена Богов в противоположность Плебеям своих городов, - последних Герои называли "людьми"; также и во времена вернувшегося варварства вассалов называли *homines* (как это с удивлением отмечает Гетман^{244bis}); а *grands seigneurs*, например, во времена вернувшегося варварства хвастались тем, что обладают удиви-

тельными секретами медицины. Таким образом, подобные наименования оказываются не чем иным, как отличием речи благородных от простонародной речи.

Нет никакого сомнения, что у Латинян Языком Богов занимался Варрон; как было указано в Аксиомах²⁴⁵, он имел достаточно прилежания, чтобы собрать тридцать тысяч имен Богов, - этого было бы достаточно для обширного Словаря Богов, при помощи которого люди Лациума могли выразить все свои человеческие нужды; последних же в те простые и скромные времена было, конечно, очень немного, так как существовали только нужды, необходимые для жизни. Также и Греки насчитывали тридцать тысяч Богов, как и об этом, было сказано в Аксиомах: Греки из каждого камня, из каждого источника или ручья, из каждого растения, из каждой скалы делали Божество; в их числе были Дриады, Гамадриады, Ореады, Напей²⁴⁶. Совершенно так же Американцы из каждой вещи, превосходящей их маленькую способность разумения, делают Богов. Таким образом, мы принуждены считать Божественные Мифы Латинян и Греков первыми истинными иероглифами, т.е. священными или божественными характерами Египтян.

На втором языке, соответствующем Веку Героев, по словам Египтян, говорили символами: к этим символам должны быть сведены Героические образы, т.е. немые подобия (Гомер называет их **σῆματα** "знаки"), посредством которых писали Герои. Следовательно, эти символы должны были быть метафорами, изображениями, подобиями, сравнениями; позднее в артикулированном языке они составляют все богатство Поэтической Речи. Гомер, согласно решительному отрицанию Иосифа Еврея, оказывается первым Автором Греческого Языка (раз до нас не дошло еще более древнего Писателя), а вместе с тем - и первым Автором всего Язычества. *Также Первым Героическим Поэтом и первым из всех других Поэтов во всех других видах Поэзии.* Древнейшие памятники Латинского языка - это Фрагменты Салийских Песнопений, а первым Писателем, о котором нам рассказывают, был поэт Ливии Андроник. Когда варварство вернулось в Европу и когда там снова зародились новые языки, то первым Языком Испанцев был так называемый Язык Романсов и, следовательно, Язык Героической Поэзии, так как Романсеро были Героическими Поэтами времен вернувшегося варварства. Во Франции Первым Поэтом на народном французском языке был Арно Даниэль Пакка²⁴⁷, первый из всех Провансальских Поэтов, процветавший в XI веке. Наконец, Первыми Писателями в Италии были Флорентийские и Сицилианские стихотворцы, соблюдавшие рифму.

Письменная речь Египтян, основанная на соглашении разделенных расстоянием людей взаимно сообщать насущные и общие жизненные нужды, должна была родиться у плебеев, народа, первенствующего в Египте; может быть, это был народ Фив, царь которых Рамзес, как выше было сказано, распространил свою власть на всю эту великую нацию. Ведь для Египтян этот язык соответствует Веку людей, а

"людьми" назывались плебеи героических народов в отличие от Героев, как это было сказано выше. И следует признать, что этот язык произошел от свободного народного соглашения, соответственно тому вечному свойству, что существует у народов право говорить и писать по народному: поэтому когда император Клавдий изобрел три новые буквы, необходимые для латинского языка, то римский народ не захотел их усвоить²⁴⁸; так же и Итальянцами не были восприняты изобретенные Джордже Триссино буквы, которых, по его мнению, недоставало для итальянского произношения. *Такие письменные значки были вроде китайских иероглифов, число которых превосходит сто двадцать тысяч: посредством их понимают друг друга народы этого обширнейшего царства, говорящие на различно артикулированных языках; совершенно так же с начертанием арабских цифр, планет и музыкальных нот соглашаются все различные языки Европы. Относительно таких букв мы утверждаем, что каждая нация изобрела их в качестве своих собственных, по своему усмотрению, и притом не как начертание, а как знак артикулированных человеческих звуков. Мы сохраняем также воспринятую вообще всеми традицию Финикиян, так как, согласно разделительному суждению Тацита, восприняли ли Финикияне буквы от других, изобрели ли они их сами, во всяком случае, они распространили буквы среди других наций. Исправляя здесь тщеславие и наций и ученых, мы ограничиваем все другие нации только одной Греческой и затем Латинской. Ведь Финикияне восприняли от Халдеев математические знаки, или же геометрические фигуры, которыми они пользовались для начертания цифр; так продолжали применять прописные буквы Греки и Латиняне. Но Греки с необыкновенным остроумием перенесли их даже не на знаки, а на формы артикулированных человеческих звуков; впоследствии и Латиняне восприняли эти формы, причем они были похожи, по наблюдениям Тацита, на древнейшие буквы Греков. Таким образом, эти формы стали самыми прекрасными и самыми отточенными, равно как и греческий гений был самым понятным и самым утонченным по сравнению со всеми другими нациями. Все это — относительно букв. Относительно же простонародных языков и т. д. (продолжение на стр. 105 у знака*).*

Такая письменная, т.е. простонародная, речь Египтян должна была записываться такими же простонародными буквами; последние, оказывается, были похожи на простонародные Финикийские буквы: необходимо, следовательно, чтобы одни их восприняли от других. Те, кто думает, что Египтяне были Первыми Изобретателями всех вещей, необходимых или полезных для человеческой жизни, соответственно этому должны говорить, что Египтяне научили им Финикиян. Но Климент Александрийский (а он был лучше любого другого автора осведомлен в Египетских делах) рассказывает, что Санхуниат Финикиянин, в Хронологической Таблице помещенный в Век Героев Греции, написал простонародными буквами Историю Финикии. Тем самым он считает Санхуниата Первым Автором Язычества, писавшим простонародными буквами. По поводу данного места нужно сказать, что Финикияне, - несомнен-

но, первый купеческий народ в мире, - по причине торговых сношений появились в Египте и занесли туда свои народные буквы, и нам совершенно не нужно прибегать к доказательствам и предположениям, так как Простонародное Предание удостоверяет, что те же Финикияне перенесли свои буквы в Грецию. Об этом предании размышляет Корнелий Тацит²⁴⁹: он говорит, что Финикияне перенесли в качестве собственного изобретения буквы, изобретенные другими; под последними же он разумеет египетские иероглифы. Но так как народное предание должно иметь некоторое основание истины, ибо, как мы доказали в общей форме²⁵⁰, все предания должны его иметь, мы утверждаем, что Финикияне перенесли иероглифы, воспринятые ими от других, а это могли быть только математические значки или геометрические фигуры, которые они восприняли от Халдеев; последние же были, без всякого сомнения, первыми математиками и, в частности, первыми астрономами наций; поэтому Халдей Зороастр, названный "наблюдателем звезд", был, как того хочет Бошар, Первым Мудрецом Язычества. Финикияне пользовались этими значками для начертания цифр в своей торговле, ради которой они задолго до Гомера появлялись на побережьях Греции; это с очевидностью доказываются самими поэмами Гомера, в частности "Одиссеей", так как во времена Гомера (Иосиф Флавий смело утверждает это вопреки Апиону, греческому грамматик) простонародные буквы не были еще открыты у Греков. Но Греки же с величайшим остроумием - в чем они, несомненно, превзошли все нации - перенесли впоследствии такие геометрические формы на Формы различно артикулированных звуков и с необыкновенной красотой составили из них значки народных букв. Впоследствии их восприняли Латиняне, и эти буквы, как подметил тот же Тацит, были похожи на древнейшие греческие буквы. Важнейшим доказательством этому служит то, что Греки очень долго, а Латиняне - до последних своих времен пользовались прописными буквами для написания чисел (так как Коринфянин Демарат и Кармента, жена Аркадийца Эвандра, научили буквам Латинян; как мы ниже разъясним, под этими именами нужно разумеать заморские и материковые колонии, выведенные в древности в Лациум). - Несостоятельно утверждение многих Ученых, что простонародные буквы перешли к Грекам от Евреев, раз названия этих букв оказываются почти теми же самыми как у одних, так и у других. Гораздо разумнее считать, что Евреи подражали в этих названиях Грекам, а не Греки Евреям: ведь с того времени, как Александр Великий завоевал империю на Востоке, которую после его смерти разделили между собою его полководцы, греческий говор, по всеобщему мнению, распространился на всем Востоке и в Египте; а так как все согласны также и с тем, что Грамматика очень поздно вводилась у Евреев, то необходимо признать, что образованные Евреи называли еврейские буквы греческими названиями. Кроме того, раз элементы - самое простое по своей природе, то Греки должны были первыми отчеканить простейшие звуки букв, которые с этой точки зрения и должны были называться элементами; совершенно так же продолжали их отчеканивать Латиняне с такою же серьезностью, с какою они сохраняли форму букв, похожую на древнейшие греческие буквы; поэтому следует сказать, что обычай

называть буквы сложными словами поздно появился у Греков, а еще позже был перенесен Греками на Восток к Египтянам.

Всем сказанным опровергается то мнение, будто Египтянин Кекропс перенес простонародные буквы к Грекам, тогда как другое мнение, будто Финикиец Кадм перенес их сюда из Египта (раз он основал в Греции город Фивы, название столицы величайшей Династии Египтян) разрешится впоследствии Основаниями Поэтической Географии: согласно им окажется, что Греки, отправившись в Египет, в силу какого-то сходства с их родными Фивами назвали так эту столицу Египта. - Наконец, понятно, почему осторожные критики (как сообщает анонимный Английский автор в "Недостоверности Наук") полагают, что из-за своей слишком большой древности Санхуниат вообще никогда не существовал на свете; мы же, чтобы не убирать его совсем из мира, оказываемся вынужденными поместить Санхуниата в более близкие времена, и во всяком случае после Гомера; а чтобы сохранить большую древность Финикиян по сравнению с греками (в смысле изобретения так называемых простонародных букв), то с полной справедливостью мы принуждены утверждать следующее: поскольку Греки были умнее Финикиян, поскольку Санхуниат был несколько раньше Геродота, прозванного Отцом Греческой Истории, которую он писал простонародным разговорным языком, потому же, почему и Санхуниат был прозван Историком Истины, т.е. писателем Исторического Времени, как его называет Варрон в своем разделении Времен. В это время (согласно разделению трех Языков в соответствии с разделением трех Веков Мира, протекших до них) Египтяне говорили письменным языком, записанным простонародными буквами.

Следовательно, как Героический или Поэтический язык был основан Героями, так и простонародные Языки были введены простонародьем, т.е., как мы покажем ниже, плебеями Героических народов. Эти языки в подлинном смысле Латиняне называли *vernaculae*, что можно произвести только от *vernae* - "рабы, рожденные дома от взятых в плен на войне" (как их определяют Грамматики), т.е. рабы, которые естественно выучиваются языкам тех народов, где они рождаются. Однако ниже будет показано, что первоначально и в собственном смысле *vernae* назывались *famuli* Героев в состоянии Семей; из них составил народ первых плебеев Героических Городов; это были прототипы рабов, которых Города под конец создавали для себя во время войн. Все это подтверждается двумя языками, о которых говорит Гомер, языком Богов и языком Людей: выше мы истолковали их как язык героический и язык народный, а немного ниже мы подробнее разъясним это.

* Относительно же простонародных языков все Филологи слишком легко приняли на веру, что эти языки имели произвольно установленное значение, тогда как вследствие своего естественного происхождения они должны были иметь естественное значение. *Ведь каждое народное слово должно было зародиться несомненно у ко-*

го-нибудь одного из нации; посредством жеста или тела, имеющего естественное отношение к идее, которую он намеревается сообщить другому, он, как немой, дает другому таким движением или телом понять, что именно хочет он обозначить данным словом; здесь должно было зародиться естественное происхождение и, тем самым, естественное значение. Это легко заметить на народном латинском языке, более героическом, чем греческий народный язык, и потому настолько более грубом, насколько греческий язык более утончен; почти все слова в этом языке образованы путем переноса или из природы, или из естественных свойств, или из чувственно воспринимаемых явлений; вообще метафора составляет наибольшую часть слов в языках всех наций. Но так как Грамматики, подавленные громадным количеством слов, смутно и неопределенно выражающих идеи вещей, не знали их происхождения, которое в первую очередь могло бы их сделать блестящими и определенными, то ради успокоения своего невежества они установили ту общую максиму, что значение артикулированных человеческих слов произвольно. К себе они причисляли Аристотеля с Галеном и другими Философами и ополчались против Платона и Ямвлиха²⁵¹, как мы говорили. Потому-то мы и дали в "Новой Науке" (первое издание) Идею Этимологического Свода Туземных Слов, который мог бы нам дать их естественное происхождение и тем самым истинную историю артикулированных слов, как в их особенностях, так и в движении их переносов; этим сводом мы здесь непрерывно пользуемся.

Однако остается еще одна громадная трудность: почему существует столько же различных Народных Языков, сколько существует народов? Чтобы разрешить ее, нужно установить следующую великую истину: если несомненно, что народы вследствие различия климатов получили различную природу, чем было вызвано множество различных обычаев, то их различная природа и обычаи породили столько же различных языков. Таким образом, вследствие различия своей природы, они с разных точек зрения смотрели на одну и ту же пользу или необходимость для человеческой жизни, почему и оказались по большей части различными, а иной раз и противоположными многочисленными привычками Наций; именно так и не иначе появилось столько различных языков, сколько их существует. Очевидность этого подтверждается пословицами, максимами человеческой жизни: по существу они одни и те же, хотя и выражены со стольких же точек зрения, сколько существовало и существует Наций, как это было указано в Аксиомах²⁵². Потому же героическое происхождение, сохранившееся в сокращенном виде в народной речи, вызывает такое изумление у Критиков-Библеистов: имена одних и тех же Царей в Священной Истории названы иначе, чем в Светской Истории; это произошло, вероятно, потому, что первая называла людей с точки зрения их внешнего вида, их власти, а вторая - с точки зрения их нравов, их деяний или чего-нибудь иного. Мы и теперь видим, что города Венгрии Венгры называют одним именем. Греки - другим. Турки - третьим. А немецкий язык, - живой Героический язык, - преобразует почти все имена из иностранных языков в

свои собственные, туземные названия. Мы можем догадаться, что то же самое делали Греки и Латиняне, говоря о многочисленных варварских вещах на прекрасном греческом или латинском языке. В этом должна заключаться причина той темноты, которая обволакивает Античную Географию и Естественную Историю ископаемых, растений и животных. - Поэтому мы в первом издании Настоящего Произведения обсуждали Идею Умственного Словаря²⁵³, который мог бы нам дать значения всех различно артикулированных языков, сведя их все к некоей единой по существу идее; рассматривая ее в различных модификациях, народы из этих модификаций получили множество различных слов. Мы все время пользуемся этим Словарем, говоря о настоящей Науке, наиболее полный очерк его мы дали в книге III, главе XLI, где показали, что Отцы семейств, рассматриваемые с пятнадцати различных точек зрения в состоянии Семей и первых Республик (в это время должны были образовываться языки; доказательства из этого времени особенно важны для того, что берет начало в туземных значениях слов, как об этом было сказано в особой Аксиоме), назывались столькими же различными словами у пятнадцати древних и современных наций: это место - одно из трех, благодаря которым мы не сожалеем, что напечатали ту Книгу. Этот Словарь рассматривает с новой стороны соображения, разбираемые Томасом Геймом в Диссертации "De Linguarum Cognatione", а также в "De Linguis in genere" и в "De Variarum Linguarum Harmonia".

Из всего этого мы можем получить следующий Королларий: чем языки богаче подобными сокращенными героическими выражениями, тем они прекраснее; и притом прекраснее они потому, что более очевидны; а чем они очевиднее, тем они правдивее и вернее; и наоборот, чем больше языки загромождены словами скрытого происхождения, тем менее они усладительны и потому темны и неясны, и следовательно, больше подвержены заблуждениям и ошибкам; последнее должно происходить с языками, образовавшимися из смешения многих варварских языков, от которых до нас не дошла история их происхождения и их переносов.

Теперь, чтобы проникнуть в исключительный по трудности способ образования всех этих трех видов языков и букв, нужно установить следующее Основание: как одновременно возникли Боги, Герои и Люди (ибо именно Люди выдумывали себе Богов и считали свою природу героической, смешанной из природы Богов и природы Людей), так одновременно возникли и три языка (разумеется при этом, что развитие их всегда шло нога в ногу с развитием букв), со следующей, однако, громадной разницей: язык Богов был почти совершенно немым, очень мало артикулированным, *поэтому он преимущественно должен был состоять из умственных божественных знаков*; язык Героев был смешан пополам из артикулированного и немом языков и, следовательно, из народной речи и из героических знаков, которыми писали герои (Гомер называет их **σηματα**); язык Людей был почти целиком артикулированным и в ничтожной степени немым, так как не существует настолько богатого народного языка, где

не было бы больше вещей, чем слов. Поэтому Героический язык неизбежно оказывается вначале в высшей степени разлаженным, - в чем великий Источник темноты Мифов. Примером может служить миф о Кадме: он убивает большую змею; сеет ее зубы; из борозд рождаются вооруженные люди; он бросает в них большой камень; они бьются насмерть, и, наконец, сам Кадм превращается в змею. Таким-то изобретателем был тот Кадм, который перенес буквы к Грекам; ему был посвящен этот Миф, содержащий, как мы разъясним ниже, больше сотни лет Поэтической Истории!

Из уже сказанного следует, что одновременно с тем, как начал образовываться божественный характер Юпитера - первая из всех человеческих мыслей Язычества, - начал образовываться и артикулированный язык посредством ономапии, которою, как мы всегда это можем наблюдать, счастливо выражают себя дети. По шуму грома Латиняне первоначально называли Юпитера Jous; Греки по свисту молнии называли его **Ζεύς**; по звуку, который производит огонь, когда он сжигает, Восточные люди должны были называть его Ur, - отсюда Урим, "сила огня"; то же самое происхождение должно было у Греков породить название **οὐρανός** - "небо", а у Латинян глагол ugo - "жечь"; у Латинян же от свиста молнии должно было произойти Cel, одно из односложных слов Авзония, - нужно только произносить его с Испанским "C" 254, так как этого требует остроумие самого Авзония, где он так говорит о Венере: *Nata salo; suscepta solo; patre edita Coelo*255.

Одновременно с происхождением языка богов, как это следует отметить, начавшегося с возвышенного Мифа о Юпитере, так же возвышенно началась и поэтическая речь посредством ономапии (выше мы это уже говорили). Дионисий Лонгин без колебания помещает ономапию среди Источников Возвышенного255bis и замечает, что у Гомера глаз Полифема, когда в него Улисс втыкает зажженное бревно, издает звук **σιζ**. Продолжали образовываться человеческие слова посредством Междометий, т.е. слов, артикулированных при вспышке неистовых страстей; во всех языках они односложны. Поэтому не невероятно, что когда от первых молний в людях начало пробуждаться удивление, тогда же зародилось и первое Междометие, относящееся к Юпитеру и образованное как слово "ра"; это междометие удивления впоследствии сохранилось с удвоением "рара", откуда позже родилось для Юпитера прозвище Pater - "Отец" Людей и Богов; впоследствии все Боги стали называться Отцами, а все Богини - Матерями, *когда же еще позже эти прозвища стали переносить на мужчин и на женщин, то последние стали называться Богами и Богинями*. Потому у Латинян сохранились слова Jupiter, Diespiter, Marspiter, Juno Genetrix256, - хотя последняя, согласно несомненным рассказам Мифов, была бесплодна. Мы замечаем, что все другие многочисленные Боги и Богини на небе не заключают между собою браков (поэтому Венера называлась сожительницей, а не женою Марса), и, тем не менее, все они назывались Отцами, о чем у нас есть несколько стихов Луцилия, приведенных во "Всеобщем Праве"257. Они назывались Отцами

(Patres) в том смысле, в каком patrare значит, прежде всего "делать", что свойственно Богу: это совпадает также и со Священным Языком, так как в рассказе о сотворении мира сказано, что на седьмой день Бог отдыхал ab opere quod patrarat²⁵⁸. Отсюда же должно было произойти impetrare²⁵⁹ (почти что impatrare), которое в Науке Авгуров называлось impetrire - "приносить хорошие авгурии", - и о происхождении которого Латинские Грамматики наговорили столько глупостей. Это доказывает, что первой Интерпретацией была Интерпретация Божественных Законов, установленных ауспигиями: интерпретация - это почти interpatratio. Итак, раз этот божественный титул вследствие природного честолюбия человеческой гордости был незаконно присвоен себе могущественными в состоянии Семей людьми, то они стали называть себя Отцами. Это, может быть, дало повод к тому Простонародному Преданию, что первые на земле могущественные люди заставляли себе поклоняться, как Богам; но так как благоговейное почитание должно было оказываться Божественному имени, а они само Божественное имя называли Богом, и так как позже могущественные люди первых Городов также приняли имена Богов, то в силу того же благочестия они Божественные имена стали называть "бессмертными Богами", в отличие от "смертных Богов", т.е. этих людей. Неуклюжесть Гигантов (Путешественники рассказывают то же самое о Патагонцах) может нам удостоверить тот след, который остался в латинском языке в старых словах *ripulum* и *ripare* в значении "жалоба" и "жаловаться"; они должны были произойти от жалобного междометия *ri, ri*; *совершенно так же, как obvagulare и obvagulatio, древние слова законов в чистом смысле "жаловаться" и "жалоба" имеют такое же происхождение, что и vagitus — "плач детей", ибо в Аксиомах мы говорили, что первые Основатели Наций были детьми Мира.* По Плавту, *ripulum* должно обозначать то же самое, что и *obvagulatio* XII Таблиц; но это слово должно было произойти от *vagire* - "плач детей". Совершенно так же от междометия ужаса должно было возникнуть у Греков слово **παιάν**²⁶⁰, начавшееся с **παι**; об этом у нас есть золотое чрезвычайно древнее Предание²⁶¹: Греки, испуганные огромной змеей, Пифоном, призывали себе на помощь Аполлона словами: **ἰὼ παιάν**; первые три раза они их восклицали медленно, так как ослабели от ужаса; потом, так как Аполлон убил Пифона, они столько же раз из ликования восклицали их быстро, разделяя **ω** на два **ό** и дифтонг **αί** на два слога. Так естественно родился героический стих, сперва спондеический, а впоследствии ставший дактилическим; отсюда у спондея осталось то вечное свойство, что он на всех местах, кроме последнего, уступает дактилю; и так естественно рождается песня в размере героического стиха под влиянием порывов самых неистовых страстей: вообще мы видим, что люди разрешают в песне сильные страсти, *и зарождается песня в односложных словах, совершенно так же, как в музыке, односложны семь нот.* То, что здесь сказано, окажется очень полезным немногим ниже, где мы будем говорить о происхождении Песни и Стиха.

Затем стали образовываться Местоимения, так как в междометиях разрешаются собственные страсти, что может произойти и с каждым в отдельности, а местоимения служат для сообщения другим наших идей о тех вещах, которые или мы не умеем назвать собственными именами, или Другие не умеют нас понять. И почти все местоимения во всех языках большей частью односложны; первым из них, или, по крайней мере, одним из первых, должно быть то местоимение, которое осталось нам в следующем золотом месте из Энния:

... Adspice НОС Sublime candens, quern omnes invocant Jovem²⁶³, где НОС сказано вместо Coelum, как в народной латыни осталось

Luciscit НОС jam ²⁶⁴ вместо ablescit Coelum. Члены же по самой своей природе обладают тем вечным свойством, что они идут перед именами, с которыми они связаны.

Позднее стали образовываться Частицы; большая часть из них - предлоги, которые также почти во всех языках односложны; они сохраняют вместе со своим именем то вечное свойство, что они предшествуют именам, которые их требуют, и глаголам, с которыми они соединяются.

Мало-помалу образовались имена. В "Происхождении Латинского Языка", открытом в первом издании настоящего Произведения²⁶⁵, перечисляется большое количество имен, зародившихся в пределах Лациума во время лесной, земледельческой и первой гражданской жизни Латинян, все эти имена односложны и не имеют никакого иностранного, даже греческого происхождения, за исключением четырех слов **βοῦς, σῦς, μῦς, σήψ** ²⁶⁶(последнее у Латинян значит "преграда", а у Греков - "змея"). Это - второе из трех мест, которое мы считаем достаточно совершенным в данной книге, так как оно может дать ученым образец для исследования Происхождения других Языков, и притом весьма плодотворного для республики ученых. Таков, несомненно. Немецкий язык, - а он язык-Мать: все корни в нем односложны, так как туда никогда не заходили и там никогда не повелевали иностранные нации. *Затем образовывались другие частицы, также почти все во всех языках односложные: они должны были войти в сочетания имен с глаголами и внутрь самих глаголов, чтобы обозначить различные их модификации.* Имена родились раньше глаголов; это доказывает нам то вечное свойство, что Речь не имеет смысла, если она не начинается с имени, выраженного или умолченного.

В конце концов, Создатели Языков образовали Глаголы: мы видим, что дети высказывают имена и частицы, но умалчивают глаголы, так как имена пробуждают идеи, оставляющие прочные следы, как и частицы, означающие модификации этих имен; глаголы же обозначают движение, несущее в себе "до" и "после", измеренное невидимым настоящим, и их чрезвычайно трудно понять даже самим Философам. *Это подтверждается эллипсами, где по большей части подлежат восполнению глаго-*

лы: таково Основание Эллипсов. Однако глаголы, являющиеся родовыми понятиями для всех других, - например sum от esse, "быть" (к чему может быть сведено все бытие, а это все равно, что все метафизические вещи), sto от покоя, eo от движения (к чему сводятся все физические вещи), do, dico и facio²⁶⁷ (к чему сводятся все вещи действия, будь то вещи нравственные, или семейные, или, наконец, гражданские), - все глаголы должны были начаться с повелительного наклонения: ведь в состоянии семей, в высшей степени бедном языком, только Отцы могли говорить и давать приказания сыновьям и famuli, последние же под страшной семейной властью, как мы это увидим немногим ниже, слепо повинуюсь, должны были молча исполнять приказания; и все сохранившиеся повелительные наклонения - односложны: es, sta, i, da, die, fac. Таковы элементы артикулированных языков, какими они и должны быть: самые простые; так первыми они создают язык, так они же оказываются последними, когда языки на них разлагаются.

Такое Возникновение Языков соответствует как Основаниям Природы вообще, - согласно этим Основаниям все элементы вещей неделимы, из них вещи составляются и на них они разлагаются, - так и Основаниям человеческой природы в частности, - согласно той Аксиоме²⁶⁸, что дети, рожденные при современном богатстве языков и имеющие чрезвычайно нежный инструмент для артикулирования, начинают с односложных слов. Еще много больше нужно это признать по отношению к первым людям язычества, у которых артикуляционный инструмент был чрезвычайно груб и которые не слышали еще человеческого голоса. Кроме того, это Возникновение даст нам порядок, в каком зарождаются части речи, и, следовательно, естественные причины синтаксиса. Это кажется нам разумнее того, что Юлий Цезарь Скалигер и Франсиско Санчес говорили по поводу Латинского языка: как если бы народы, изобретшие для себя языки, сначала должны были ходить в школу Аристотеля, с Принципами которого оба эти ученые рассуждали о языке.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО истинности христианской религии

И здесь возникает самое непобедимое из всех когда-либо существовавших Доказательств Истинности Христианской Религии, обещанное нами выше: так как корни глаголов в Священном языке вливаются в третье лицо единственного числа прошедшего времени совершенного вида, то Патриархи, основавшие этот язык, должны были давать приказания в своих семьях именем единого Бога, потому-то Священное Писание и переполнено выражением: Deus dixit. Это должно быть молнией, которая опровергнет всех писателей, полагавших, что Евреи были колонией, вышедшей из Египта; когда стал образовываться еврейский язык, начало ему было положено единым Богом.

КОРОЛЛАРИИ

о Происхождении Поэтического способа выражения, Эпизодов, Оборотов, Ритма, Песни и Стиха

Так образовался у наций Поэтический язык, составленный первоначально из Божественных и Героических Характеров, потом выраженный простонародной речью и, наконец, записанный простонародными буквами. Он был порожден языковой бедностью и необходимостью себя выразить. Это доказывает первоначальный способ Поэтического выражения: гипотипозис²⁶⁹, образ, уподобление, сравнение, метафора, перифраза, фразы, объясняющие вещи их естественными свойствами, описания, подобранные из явлений или самых ничтожных, или особенно ощутимых, и, наконец, описания посредством добавлений эмфатических и даже излишних.

Эпизоды были порождены грубостью героического сознания, неспособного выделить нужную для своих целей суть вещей; мы видим, как ими естественно пользуются идиоты и прежде всего женщины.

Обороты были порождены трудностью введения в речь глаголов, которые, как мы видели, были изобретены последними. Поэтому более одаренные Греки применяли обороты меньше, чем Латиняне, а Латиняне меньше, чем Немцы.

Прозаический Ритм был поздно понят писателями (в греческом языке - Горгием из Леонтин, в латинском - Цицероном), так как раньше, по сообщению самого Цицерона²⁷⁰, писатели построили множество речей, пользуясь поэтическими размерами. Это нам пригодится немногим ниже, когда мы будем говорить о Происхождении Песни и Стиха.

Всем этим как будто доказано, что поэтический способ выражения в силу необходимости человеческой природы зародился прежде прозаического, как Мифы - Фантастические Универсалии - в силу необходимости человеческой природы зародились прежде Рациональных, т.е. Философских Универсалий; последние зародились посредством прозаической речи. Ибо Поэты раньше образовали Поэтическую Речь, составляя частные идеи (как только что было здесь показано), а появившиеся впоследствии народы образовывали прозаическую речь, соединяя в каждом отдельном слове, как бы в одном родовом понятии, те части, которые уже составила поэтическая речь. Например, из следующей поэтической фразы: "Кровь кипит в моем сердце" (это естественное выражение всегда и везде свойственно роду человеческому) народы сделали - из крови, из кипения и из сердца - одно единственное слово, как бы одно родовое понятие, у Греков называвшееся стр 177, у Латинян - *ira*, у Итальянцев - *collera* ("гнев"). Одновременно с иероглифами и героическими знаками образовывалось небольшое количество простонародных букв, как бы родовых понятий, в которых закреплялись бесчисленные различно артикулированные слова, для

чего нужен был расцвет ума. Вместе с такими народными родовыми понятиями, словами и буквами сознание народов делалось более развитым и становилось приспособленным для абстракций, почему позже и смогли появиться Философы, образовавшие интеллигибельные родовые понятия. Рассмотренное до сих пор - частица из Истории Идей. Таким образом, чтобы найти Происхождение Букв, его нужно трактовать одновременно с Происхождением Языков!

О Песне и о Стихе были выставлены следующие Аксиомы²⁷¹: поскольку доказано, что люди первоначально были немыми, они должны были прежде всего, как немые, издавать гласные во время пения; кроме того, подобно заикам, они должны были издавать артикулированные согласные также во время пения. Великим доказательством такой первой песни народов являются сохранившиеся в языках дифтонги, первоначально значительно более многочисленные; так. Греки и Французы, перешедшие сравнительно рано от поэтического века к народному, оставили нам очень много дифтонгов, как было отмечено в Аксиомах. Причина этого в том, что гласные образуются легко, а согласные - трудно, и так как было доказано, что первые тупые люди должны были испытывать неистовые страсти, чтобы издавать какие-то звуки и производить их самым громким голосом (а естественно получается так, что если человек сильно повышает голос, то он издает дифтонги и песню, как было указано в Аксиомах, почему мы выше и показали, что первые Греки во времена своих Богов образовали первый героический стих в виде спондея из дифтонга таї, где в два раза больше гласных, чем согласных). Эта первая песнь народов естественно зародилась также и из трудностей первого произношения, что явствует как из причин, так и из результатов. Из причин - потому, что артикуляционный инструмент первых людей был образован еще очень грубыми жилками, да и слов у них было очень немного; до и, наоборот, дети, рожденные с очень нежными жилками, при современном богатстве слов, по нашим наблюдениям, все же с великим трудом произносят согласные, как было сказано в Аксиомах²⁷². Китайцы, имеющие не больше трехсот артикулированных слов, различно модифицируемых в народном языке и по звуку и по времени, соответственно ста двадцати тысячам иероглифов, также говорят нараспев. По результатам же это явствует из сокращений слов, которые в бесчисленном количестве встречаются в Итальянской Поэзии; в "Происхождении Латинского Языка" мы показали множество слов, возникших в сокращенном виде и потом с течением времени разросшихся; и, наоборот, это явствует также из добавлений, так как заики пением какого-либо одного слога, к произношению которого они особенно предрасположены, вознаграждают себя за то, что им особенно трудно произнести, как это также было указано в Аксиомах; например, у нас в мое время был выдающийся музыкант-тенор с таким языковым недостатком: когда он не мог произнести слово, он пел самую нежную песню и тем самым произносил его. У Арабов, несомненно, почти все слова начинаются с al; говорят, что Гунны были названы так потому, что все слова у них начинались с un. *Можно предположить, что то же самое произошло и с Ванда-*

ми, так как все Голландцы начинают родовые имена с *van*, поэтому чрезвычайно правдоподобна догадка, что Голландцы были Колонией Вандалов и что первой естественной необходимостью изобретения имен была потребность различать между собою родовые имена, т.е. "имена" в собственном смысле слова у Латинян. Наконец, тот факт, что языки начались с песни, доказывается только что сказанным: до Горгия и до Цицерона греческие и латинские прозаики пользовались некоторыми почти поэтическими ритмами, как это делали и во времена вернувшегося варварства Отцы Латинской Церкви, подражая Отцам Греческой Церкви, начиная со Св. Григория²⁷³, так что их проза кажется кантиленой.

Первый стих (как мы только что доказали) возник соответственно Языку и Веку Героев, т.е. это был Героический Стих, самый величественный и характерный для Героической Поэзии. Он возник из неистовых страстей ужаса и радости, как и Героическая Поэзия говорит только о самых волнующих страстях. Все же он возник первоначально в виде спондея не из-за страха перед Пифоном, как рассказывает Простонародное Предание (волнение скорее торопит идеи и слова, чем замедляет их, почему у Латинян *sollicitus* и *festinans*²⁷⁴ означают "встревоженный"), но из-за медленности сознания и языковой затрудненности у Основателей Наций; поэтому спондей удерживает за собою последнее место в стихе и никогда его не оставляет. Впоследствии, когда сознание и язык стали более скорыми, в стих был допущен дактиль; позже, когда и то и другое стало еще более подвижным, возник ямб, "быстрая стопа", по выражению Горация²⁷⁵ (о таком происхождении были выставлены две Аксиомы).

Наконец, когда и сознание и язык стали в высшей степени подвижными, появилась проза, которая, как мы только что видели, говорит почти что интеллигибельными родовыми понятиями; а ямбический стих настолько приближается к прозе, что часто Прозаики непреднамеренно в него впадают. Таким образом, песня в стихах все время ускорялась одновременно с развитием у наций языков и идей, как это также указывалось в Аксиомах²⁷⁶.

Такую философию подтверждает нам История. Самое древнее, о чем она рассказывает, - это Оракулы и Сивиллы, как указывалось в Аксиомах. Поэтому для обозначения какой-либо очень древней вещи говорили, что она древнее Сивиллы. Сивиллы были распространены среди всех первых наций, и до нас дошло их также двенадцать; существует Простонародное Предание, что Сивиллы пели героическими стихами, а Оракулы также в героических стихах давали ответы. Поэтому такой стих у Греков назывался Пифийским, по их знаменитому Оракулу Аполлона Пифийского, - последний должен был получить такое прозвание за убийство змеи, Пифона, от чего, как мы выше говорили, возник первый спондеический стих, - а у Латинян он назывался Сатурнинским стихом (как удостоверяет Фест), возникшим в Италии в Век Сатурна, который соответствует Золотому Веку Греков, когда Аполлон, как и другие Бо-

ги, общался на земле с людьми. И Энний²⁷⁷ (согласно тому же Фесту) говорит, что в таком стихе Фавны возвещали *Fata*, т.е. Оракулы, в Италии. Несомненно, что у Греков, как только что было сказано, оракулы возвещались в гекзаметрических стихах, но впоследствии Сатурнинским стихом стали называть шестистопный ямб, может быть потому, что позже так же естественно говорили ямбическими Сатурнинскими стихами, как раньше естественно было говорить в героических Сатурнинских стихах. Многие современные ученые специалисты по Священному языку разошлись во мнениях о Поэзии Евреев, - состояла ли она из метров, или просто из ритмов, хотя Иосиф, Филон, Ориген и Евсевий высказываются в пользу метров; потому в высшей степени в нашу пользу то, что, по словам Святого Иеронима²⁷⁸, Книга Иова, более старая, чем Книги Моисея, была соткана в героическом стихе с начала III главы до начала XLII. Арабы, не умевшие писать (по сообщению анонимного автора "О Недостоверности Наук"), сохраняли свой язык, удерживая в памяти поэмы до тех пор, пока не наводнили восточные провинции Греческой Империи.

Египтяне писали свои эпитафии на сирингах²⁷⁹ (т.е. колоннах), в стихах, называвшихся от слова *Sir*, что значит песня, откуда произошло название Сирены, Божества, несомненно, знаменитого благодаря пению, красотой которого, по словам Овидия²⁸⁰, была также знаменита Нимфа Сиринкс. Вследствие такого происхождения нужно утверждать, что Сирийцы и Ассирийцы также первоначально говорили в стихах.

Несомненными основателями Греческой Культуры были Поэты-Теологи, но к тому же они были Героями и пели в героических стихах. Мы видели, что первыми создателями Латинского языка были Салии, священные поэты, от которых остались фрагменты салийских стихов, похожих на героические, самые древние памятники латинской речи. Древние Римские Триумфаторы оставили память о своих триумфах также в стихах, очень похожих на героические, например, Луций Эмилий Регилл:

*Duello magno dirimendo, regibus subjugandis*²⁸¹,
или Ацилий Глабрион:

*Fudit, fugat, prosternit maximas legiones*²⁸².

И еще одно:

*Summas opes qui regum regias prosternit*²⁸³.

Фрагменты Законов XII Таблиц, если хорошенько об этом поразмыслить, в большинстве своих глав кончаются адоническими стихами, последними остатками героических стихов. Этому, должно быть, подражал Цицерон²⁸⁴ в своих "Законах", которые начинаются так:

*Deos caste adeunto
Pietatem adhibento.*

Отсюда, по его же сообщению, должен был происходить тот римский обычай, что дети (говоря его словами) *tanquam necessarium carmen*²⁸⁵ - учили законы, распевая их. То же самое рассказывает Элиан²⁸⁶ о Критских детях. Ведь, несомненно, Цицерон, такой же знаменитый изобретатель прозаического ритма у Латинян, как и Леонтинец Горгий у Греков, должен был бы в прозе, и притом столь важной по содержанию, избегать не только этих звучных стихов, но и ямбических, очень близких к прозе, так как он остерегался пользоваться ими даже в частных письмах. Значит, истинными должны быть следующие Простонародные Предания о таком стихе: первое из них находится у Платона, и оно гласит, что законы Египтян были Поэмами богини Изиды; второе - у Плутарха, оно рассказывает, что Ликург дал Спартамцам в стихах свои законы, причем особый закон запретил им знание букв; третье - у Максима Тирского, оно говорит, что Юпитер дал Миносу законы в стихах; четвертое и последнее сообщил Свида, что Дракон в стихах продиктовал Афинянам те законы, о которых обычно нам рассказывают, что он записал их кровью²⁸⁷.

Но вернемся от Законов к Истории. Тацит сообщает в "Нравах Древних Германцев", что Германцы сохраняли в стихах Начала своей Истории; Липсиус в "Примечаниях" сообщает то же самое об Американцах. Авторитетные примеры этих двух Наций - первая из которых была неизвестна другим народам, - и сами Римляне познакомились с нею очень поздно, а вторая была лишь два века тому назад открыта Европейцами, - дают нам сильный аргумент в пользу предположения, что то же самое происходило и у всех других варварских наций, как древних, так и современных.

Не вызывает сомнения это предположение относительно Персов из древних и Китайцев из недавно открытых наций, - а именно, что первые их истории были написаны в стихах. Таким образом, следует принять во внимание следующее важное соображение: если народы основывали себя при посредстве Законов, а законы у всех народов были предписаны в стихах, и если все самое первое у народов сохранилось также в стихах, то необходимо, чтобы все первые народы были Поэтами.

Вернемся теперь к нашей основной теме - о Происхождении стиха. По сообщению Феста, Пунические войны еще до Энния были описаны Невием в героических стихах. Ливии Андроник, первый латинский писатель, написал героическую поэму *Romanide*, Летопись Древних Римлян. Во времена вернувшегося варварства такие латинские Историки стали героическими Поэтами, как Гунтерус, Гульельмо Пульезе и другие. *Женебрар пишет, что Алькоран составлен в ритмических стихах, создающих очень выразительную песнь. До Гомера, во всяком случае, не упоминается ямбический стих, пользовавшийся успехом со времен Первых Трагических Поэтов; поэтому ему естественно было войти и в Трагедию. Общая ошибка считала законом, что ямбический стих должен был появиться в Комедии только тогда, когда уже была изобретена проза.*

Мы видели, что первые писатели на новых Европейских языках были стихослагателями и что в Силезии, провинции почти исключительно крестьянской, рождаются поэты. И вообще немецкий язык сохраняет в совершенной целостности свое героическое происхождение; не зная этой причины, Адам Рохемберг утверждает, что сложные слова Греков могут быть счастливо переданы на немецком языке, особенно в поэзии; Бернеггер составил Список таких слов, который впоследствии попытался пополнить Георг Христофор Пейскер в "Index pro Graecae et Germanicae Linguae Analogia".

От Древнего Латинского языка нам сохранилось много примеров таких сложных слов; ими с полным правом продолжали пользоваться Поэты. Ведь таково было общее свойство всех первых языков: в них, как мы показали, сначала образовывались имена, а потом глаголы, и вследствие недостатка глаголов люди принуждены были соединять имена. *Так что происхождение сложных слов то же самое, что и Эллипсов и Оборотов, как мы выше показали; в них немцы ухищряются настолько больше Латинян, насколько Латиняне ухищрялись больше Греков.* В этом должны заключаться причины того, о чем пишет Морхофен в "De Disquisitionibus de Germanica Lingua et Poesi" и Локцениус о Немецких Поэмах, так называемых скальдах; за ним следовал Вормиус в "Appendix Litteraturae Runicae".

Пусть это послужит доказательством того указания, которое мы дали в Аксиомах²⁸⁸: если Ученые в Немецком языке попытаются открыть его Происхождение соответственно настоящим Основаниям, то они сделают удивительные Открытия.

Всем рассмотренным здесь как будто с очевидностью опровергается общее заблуждение Грамматиков, утверждающих, что прозаическая речь зародилась раньше, а речь в стихах - позже; в происхождении Поэзии, вскрытом здесь, найдено также происхождение Языков и Происхождение Букв.

ДРУГИЕ КОРОЛЛАРИИ, которые были обещаны вначале 289

I. Одновременно с таким первым возникновением характеров и языков возникло Право, называющееся Jous у Латинян, а у древних Греков **δαιόν**, которое, как мы выше разъяснили, значило "небесное" от **Διος**; поэтому у Латинян sub dio значило то же самое, что и sub Jove, т.е. "под открытым небом"²⁹⁰. Впоследствии, по словам Платона в "Кратиле", ради изящества речи говорили **δίκαιον**. Решительно все языческие нации смотрели на Небо как на Юпитера, чтобы получить от него законы в виде его божественных указаний или повелений, какими, по их мнению, были ауспиции. Это показывает, что все нации возникли на основе убеждения о существовании Божественного Провидения. Перечислим эти нации. Юпитер у Халдеев был Небом, поскольку считалось, что взаимное расположение и движения звезд указывают бу-

дущее; потому и получили свои названия Астрономия и Астрология, первая - как наука о законах, вторая - как наука о языке звезд (*astri*) в смысле предсказательной Астрологии; например, "Халдеями" в Римских законах называли Астрологов-предсказателей. Для Персов Юпитер был также Небом, поскольку считалось, что он означает вещи, скрытые от людей; Мудрецы в такой Науке назывались Магами; отсюда осталось название "Магия", которой доступны как естественные силы, скрытые чудесным образом в природе, так и запретные сверхъестественные; в этом смысле продолжали говорить "маг" вместо "колдун"; маги пользовались палочкой - тот же *lituus* Авгуров у Римлян - и описывали ею Астрономические круги; этой палочкой и этими кругами впоследствии пользовались Маги для своего колдовства; для Персов Небо было храмом Юпитера, и из таких религиозных представлений Кир разрушал храмы, построенные в Греции. Для Египтян Юпитер также был Небом, поскольку считалось, что он оказывает влияние на подлунный мир и указывает будущее; поэтому они считали, что могут закрепить небесные влияния, поместив изображения в определенных местах своих храмов; и даже до сих пор у них сохраняется Простонародное Искусство Предсказаний. Для Греков также Юпитер был Небом, поскольку применительно к нему они рассматривали "теоремы" и "матемы", упоминавшиеся в другом месте; Греки считали их вещами слишком божественными и возвышенными, чтобы рассматривать их телесными глазами, и говорили, что их следует наблюдать (в смысле "исполнять"), как законы Юпитера; от таких "матем" в Римских Законах "Математиками" называли Астрологов-предсказателей. У Римлян знаменит приведенный выше стих из Энния:

...Adspice NOS Sublime candens, quern omnes invocant Jovem²⁶³.

Здесь местоимение *nos*, как было сказано, взято в значении *Coelum*; у Римлян же существует выражение *templa Coeli*, которое, как это также говорилось выше, означает области Неба, очерченные Авгурами для получения ауспиций; отсюда у Латинян осталось *templum* в значении всякого места, открытого со всех сторон и ничем не загороженного; отсюда же *extempio* в значении "тотчас", и *Neptunia templa* в архаизирующем стиле Вергилий называет море. О древних Германцах рассказывает Тацит, что они поклонялись своим Богам в священных местах, которые он называет *lucos* и *petora*²⁹¹; это были, несомненно, вырубленные леса, окруженные чащей; Церковь долго трудилась, чтобы отучить их от этого обычая, как это видно из постановлений Нантского и Братского соборов, собранных и оставленных нам Бурхардом; следы этого до сих пор еще сохраняются в Лапландии и Ливонии. У Персов²⁹², как оказывается. Бог назывался в абсолютной форме "Возвышенным"; храмы его - это холмы под открытым небом, куда поднимались с двух сторон по чрезвычайно высоким лестницам, и в этой высоте Персы полагали все их величие; поэтому величие храмов повсюду и теперь полагают в их невероятной высоте. Вершина храмов - весьма кстати для наших целей - называлась, по Павсанию, **ἀετός** т.е. орел, так как

расчищали леса, чтобы иметь открытое место для наблюдения, откуда идут ауспиции орлов, летающих выше, чем все другие птицы; может быть, потому вершины храмов назывались *pinnae templorum*, а отсюда потом произошло название *pinnae mitorum*²⁹³, так как у границ этих первых в мире храмов впоследствии возвышались стены первых городов, как мы вскоре увидим; наконец, в Архитектуре продолжали называть "орлами" (*aquilae*) зубцы, как мы теперь говорим, построек. Но Евреи поклонялись в замкнутой Скинии истинному Высочайшему, находящемуся над небом, и Моисей приказал повсюду сжигать священные рощи, куда бы ни распространились завоевания народа Божьего; а эти рощи, как говорит Тацит, окружали *Iusi*. Таким образом, в итоге получается, что повсюду первые Законы были божественными законами Юпитера; основываясь на такой древности, языки многих христианских наций должны были называть Небо вместо Бога; так, мы. Итальянцы, говорим: *voglio il Cielo, spero al Cielo* ("того хочет Небо", "я надеюсь на Небо") и в этих выражениях имеем в виду Бога; то же самое и у Испанцев; Французы говорят *bleu* в смысле "лазурь"; а так как лазурь есть нечто осязаемое, то под *bleu* нужно понимать небо; но так как языческие нации понимали под небом Юпитера, то и Французы должны были понимать под Небом Бога в следующем их нечестивом проклятии: *morbleu* в смысле "пусть бог умрет"; они все время говорят: *parbleu* ("ей богу"), Все это может быть наброском Умственного Словаря, предложенного в Аксиомах, о чем выше шла речь.

II. Главным образом необходимость достоверно установить владения вызвала изобретение характеров и имен в туземном обозначении Домов, разветвившихся на множество семей и в собственном смысле называвшихся "родами". Так, Меркурий Трисмегист, поэтический характер первых Основателей у Египтян, как мы показали, изобрел для них законы и буквы. По этому Меркурию, считавшемуся также Богом торговли. Итальянцы говорят *marcare* - "метить буквами или печатями скот или иной торговый товар", чтобы отличить и засвидетельствовать хозяина (такое единообразие, сохранившееся в мыслях и способе выражения вплоть до наших дней, должно вызвать изумление). *Такие отметки у Тосканцев назывались marche, а у Латинян — notae; у последних они обозначали также первые буквы — сокращения целых слов; nota, когда она приносила позор или бесчестие, называлась так же у Тосканцев insigne (знаменитой) в смысле наброшенного пятна, как в обратном смысле почета impresa (герб) у Итальянцев называется insegna.*

III. Таково первое Возникновение родовых Гербов, а вместе с тем также и Медалей. Из этих Гербов, изобретенных сначала под влиянием личной, а позже общественной необходимости, возникли ради развлечения ученые Гербы, - предположительно их называли Героическими: их нужно одушевлять изречениями, так как значения их строятся на аналогиях, тогда как Естественные Героические Гербы были таковыми как раз из-за отсутствия изречений, ибо они говорили, будучи немymi, поэтому они были в своем смысле наилучшими Гербами, так как содержали подлинные значения:

например, три колоса или три движения жатвы естественно обозначали три года. Поэтому, если как следует поразмыслить, такие Ученые Гербы должны быть поэтическими превращениями: например — башня вместо Аякса (последний назывался "Башней Греков", отсюда Аякс стал башней); таким образом, поскольку Ученые Гербы не что иное, как живописные метафоры, все метафоры должны быть поэтическими превращениями.

Если мы теперь начнем изучать Родовые Гербы с самого их возникновения, то найдем следующее. Во времена вернувшегося варварства нации снова стали немymi, иными словами - у них не было народной речи, - почему от итальянского, французского, испанского языков других наций тех времен до нас не дошло совершенно никаких известий, - а латинский и греческий языки знало только Духовенство; так. Французы говорили *clerc* в смысле "образованный человек"; наоборот. Итальянцы - согласно одному прекрасному месту из Данте - говорили *laico* ["мирянин"] вместо "человек неграмотный". Но даже среди самого духовенства царствовало такое невежество, что мы читаем письма, подписанные Епископами знаком Креста, так как они не умели написать собственное имя. Даже ученые прелаты плохо умели писать: благодаря старанию Отца Мабийона в его произведении "*De Re Diplomatica*" мы можем видеть гравированные на меди подписи Епископов и Архиепископов под актами Соборов тех варварских времен; мы замечаем, что эти подписи написаны еще более безобразными и грубыми буквами, чем те, которыми пишут в наши дни самые необученные невежды, однако же такие Прелаты были по большей части Канцлерами Европейских королевств (сохранились три Архиепископа - Имперских Канцлера - для каждого из трех языков: немецкого, французского и итальянского), и из-за такой их манеры писать буквы неправильной формы и получило, должно быть, свое прозвище "канцелярское письмо"^{293 bis}. Вследствие такого недостатка в грамотных людях один английский закон предписывал, что присужденный к смерти, если он умел писать, как исключительный по своему искусству, не должен был умереть. Поэтому же, может быть, впоследствии слово "Грамотный" стало обозначать Ученого. Из-за того же отсутствия Грамотных людей мы не видим на старых домах ни одной стены, где не было бы вырезано какого-нибудь Герба. С другой стороны, на варварской Латыни называли *terrae presa* имение с его границами; Итальянцы говорили *podere* ("владение", "имение") по той же идее, по которой и Латиняне говорили *praedium*, так как земли, сделанные доступными для земледелия, были первой в мире добычей (*praeda*); эти первые земельные участки в Законах XII Таблиц назывались *Mancipia*: *praedes* и *Mancipes* назывались обеспечения в Эрарий главным образом с недвижимых имуществ, а *jura praediorum* - так наз. "реальные сервитуты". Испанцы называют *prenda* трудный подвиг (итальянок, *impresa forte*), так как первыми трудными подвигами в мире было укрощение земель и обращение их к культуре (будет обнаружено, что в этом - величайший из всех трудов Геркулеса); дальше, *Impresa* ("герб") у Итальянцев называется *Insegna* ("признак") в смысле "знак"; отсюда у них же *insegnare*

("учить"), а также *divisa* ("девизы"), так как *insegne* ("признаки") оказываются знаками первого Разделения (*Divisione*) Земель, которые до того, как начали ими пользоваться, были общими для всего рода человеческого; поэтому первоначально реальные границы (*termini*) таких полей впоследствии Схоластиками были приняты за словесные границы, т.е. за слова с определенными значениями, каковыми являются крайние члены посылок. Совершенно так же для обозначения границ пользуются иероглифами Американцы, как мы видели выше, чтобы отличить друг от друга Семьи. Из всего этого мы приходим к заключению, что знаки в немые времена наций были вызваны великой необходимостью достоверно определить *границы собственности*; поэтому же *Итальянцы говорят "термины" вместо "слова", что осталось и в Схоластической Логике*; позднее такие знаки в мирные времена стали публичными знаками, и в этом - происхождение медалей; еще позднее, когда начались войны, они были приспособлены для Военных Знаков, последние обладают свойством своего первоначального назначения, так как войны ведутся по большей части между нациями разноязычными и, следовательно, как бы немые по отношению друг к другу. Истинность всего рассмотренного до сих пор поразительно подтверждается нам следующим: благодаря единообразию идей у Египтян, древних Тосканцев, Римлян и Англичан, пользующихся такими знаками для украшения своих Королевских Гербов, везде образовался единообразный иероглиф - орел на верхушке скипетра, что у всех этих наций, разделенных между собою огромными пространствами суши и моря, должно было обозначать одно и то же, а именно, что их королевства начались с первого Божественного Царства Юпитера в силу его ауспий. Когда же, наконец, началась торговля посредством чеканных денег, тогда были изобретены медали, приспособленные для употребления как монеты, по такому употреблению этих медалей они были названы *monetae* от *monere* ("учить") у Латинян, как *Insegne* от *Insegnare* у Итальянцев. Так же от **νόμος** происходит **νόμισμα** (как нам говорил Аристотель), и отсюда же, может быть, происходит Латинское *numus* (лучшие писатели пишут его с одним *n*); Французы говорят *loi* - "закон" и *aloü* - "монета"; эти выражения могли появиться только от закона, или права, обозначенного иероглифом, - а именно, таково применение медалей. Все это поразительно подтверждается словами *ducato* ("дукат") от *ducere* - "предводительствовать", что свойственно полководцам; *soldo* - откуда "солдат", и *scudo* ("щит"), оружие защиты, который прежде обозначал фон родовых гербов, а этим фоном первоначально была земля, возделанная каждым отцом во времена Семей, как ниже будет показано. Эти соображения должны бросить свет на множество древних медалей, где мы видим или алтарь, или *lituus*, т.е. жезл Авгуров, посредством которого они получали ауспии, как было показано выше, или треножник, откуда возвещались оракулы (отсюда следующее изречение: *dictum ex tripode*²⁹⁴ - "сказанное оракулом"). К такого же рода медалям должны относиться и крылья, которые Греки в своих Мифах присоединяли ко всем телам, обозначающим основанное на ауспиях право Героев; так, Идантура среди реальных иероглифов, которыми он ответил Дарию, послал птицу, а Римские Патри-

ции во всех своих героических распрях с плебсом, как мы ясно видим это в Римской Истории, охраняя свои героические права, настаивали на праве - *auspicia esse sua*²⁹⁵. Совершенно так же во времена вернувшегося варварства Гербы Благородных несли на себе шлемы с химерами и были украшены перьями; а в Западной Индии перьями украшают себя только Благородные.

IV. Таким образом, то, что называлось *Jous*, "Юпитер", а сокращенно выговаривается как *Jus*, прежде всего должно было обозначать жир предназначавшихся Юпитеру жертв (соответственно сказанному выше); совершенно так же во времена вернувшегося варварства Канон назывался и церковный закон и то, что при эмпитевзисе арендатор платит прямому хозяину, так как весьма вероятно, что эмпитевзис впервые был введен Духовенством, которое само не могло обрабатывать церковные земли и давало их обрабатывать другим. С двумя этими названными здесь вещами совпадают две, названные выше: первая - что у Греков **νόμος** значит "закон", а **νόμισμα** - "монета"; вторая - что Французы называют *loi* закон, а *monnaie* - монету. *Jous Optimus* говорили вместо "Юпитер сильнейший", так как он силою молний положил начало Божественному Авторитету в первичном его значении, т.е. собственности, как мы говорили выше, ибо каждая вещь принадлежала Юпитеру. Следующая истина Рациональной Метафизики о Вездесущии Бога (в ложном смысле приписанная Поэтической Метафизике): ...*Jovis omnia plena*²⁹⁶, породила Человеческий Авторитет для Гигантов, оккупировавших первые в мире пустые земли. И именно это значение слова "собственность" в Римском Праве продолжало называться *Jus Optimum*. Однако первое туземное значение этого слова весьма отличалось от того, какое сохранилось до позднейших времен: в момент своего зарождения оно значило, как Цицерон²⁹⁷ определяет в одном золотом месте своих Речей, "собственность на недвижимое имущество, свободное от обременения, не только личного, но и общественного"; эта собственность называлась *optimum*, так как опиралась на право силы (оно соответствовало первым временам мира), на право "сильнейшего", ибо такая собственность не была ослаблена никаким чужестранным налогом.

Эта собственность должна была принадлежать Отцам в состоянии Семей, т.е., следовательно, это была естественная собственность, возникшая раньше гражданской. Когда впоследствии из Семей составились Города на основе того *dominium optimum*, которое по-гречески называется **δικαίον ἀρίστον**, тогда Города возникли в форме аристократий, как вскоре мы покажем, и соответственно такому их происхождению у Латинян Республики Оптиматов назывались даже "Республиками Немногих", ибо их образовали те...*pauci quos aequus amavit*¹⁸⁶ Jupiter.

И Герои в своих героических распрях с плебеями основывали свои героические права на божественных ауспациях; в немые времена они обозначали их птицей Идантуры, крыльями греческих Мифов, наконец на артикулированном языке Римские Пат-

риции говорили: *auspicia esse sua, а также опереньем благородных гербов во времена вернувшегoся варварства*. Ведь Юпитер молниями, т.е. величайшими ауспичиями, ниспроверг на землю или усрал под землю в горные пещеры первых Гигантов; и тем, что он их ниспроверг, он предоставил им счастье стать господами над недрами той земли, где они, спрятавшись, осели; тем самым они стали господами в первых Республиках. Опираясь на такую собственность, каждый из них говорил: *Fundus fieri вместо fieri auctor*²⁰⁸. И из их личных семейных "авторитетов", впоследствии объединенных, как мы вскоре увидим, возник гражданский, т.е. публичный "авторитет" правящих Героических Сенатов. Это объясняет столь часто встречающаяся в Греческих Республиках Медаль (по Гольциусу) с изображением трех человеческих ног, соединенных в центре и подошвами ступней поддерживающих окружность: она обозначает земельную собственность всякой страны, или территории, или области каждой Республики, т.е. то, что теперь называется "верховным владением" (*dominium eminens*) и иероглифически обозначается яблоком, которое ныне увенчивает Короны Гражданских Властей, как будет разъяснено ниже. Для обозначения "сильнейшего" вообще говорили "три"; так, Греки обычно пользовались этим числом, чтобы образовать превосходную степень, как и теперь еще говорят Французы; соответственно такому способу выражения молния Юпитера была названа "трехконечной"; она сильнейшим образом бороздит воздух, и потому, может быть, эта идея первоначально относилась к воздуху, потом к земле и, под конец, к воде; говорили - "трехзубец Нептуна", который, как мы увидим, был чрезвычайно крепким багром для хватания, т.е. для ловли кораблей; и Цербера называли "трехгорлым", т.е. "с широчайшим горлом". Сказанное здесь о Родовых Гербах нужно было бы предпослать тому, что об их Основаниях говорилось в первом издании настоящего Произведения, и это - третье место той Книги, ради которого мы не сожалеем, что она вышла в свет²⁹⁸.

V. Из всего вышесказанного следует, что с этих открытых Меркурием Трисмегистом для Египтян букв и законов, с этих характеров и "имен" Греков, с этих "имен", обозначающих принадлежность к роду и право для Римлян, должны были бы три главы такого учения - Гроций, Зельден и Пуфендорф - начинать разговор о Естественном Праве Народов; так, они должны были бы с пониманием объяснить его Иероглифами, Мифами и медалями тех времен, когда основывались Языческие Нации, они должны были бы посредством Метафизической Критики Основателей Наций установить то, что пролило бы первый свет на современную Филологическую Критику Писателей, которые появились много больше, чем через тысячу лет после того, как были основаны Нации.

ПОСЛЕДНИЕ КОРОЛЛАРИИ о Логике Ученых

I. Из всего того, что мы рассматривали до сих пор при помощи Поэтической Логике о Происхождении Языков, следует, что во все позднейшие времена справедливо считали первых Создателей Языков Мудрецами, так как они давали имена вещам по их естественной сущности и по их характерным свойствам; выше мы видели, что у Греков и Латинян *nomēn* и *natura*²⁹⁹ значили одно и то же.

II. Из этого следует также, что Первые Создатели культуры исходили из Чувственной Топики: посредством нее они объединяли свойства, или качества, или отношения, так сказать, совпадающие в индивидуумах и в видах, и составляли из них свои Поэтические Родовые понятия. *А польза привела их к грубому разделению идей, чтобы посредством их удостоверить разграничение собственности; и в первом и во втором случае они определяли именами собственными одни и те же вещи.*

III. Таким образом, справедливо можно сказать, что Первый Век Мира был занят первой деятельностью человеческого Ума.

IV. И прежде всего начала становиться менее грубой Топика, т.е. искусство правильно направлять первую деятельность нашего ума, обучая его тем местам, которые нужно пробежать одно за другим для того, чтобы узнать все, что только есть в вещи, если желательно узнать ее правильно, т.е. всю.

V. Провидение правильно установило вещи человеческие, вложив в человеческий ум прежде Топику, чем Критику, так как сначала нужно знать вещи, а потом уже судить о них. Ведь Топика - это сила, делающая ум изобретательным, тогда как Критика - это сила, делающая его точным, а в те первые времена нужно было изобрести все необходимые для человеческой жизни вещи, изобретательность же - это свойство Ума. И действительно, всякий, кто подумает об этом, заметит, что не только необходимые для жизни вещи, но и вещи полезные, удобные, приятные, вплоть до излишеств роскоши, были изобретены в Греции до того, как там появились Философы, как мы покажем, когда будем говорить о Веке Гомера. Относительно этого мы выше предложили ту Аксиому³⁰⁰, что Дети чрезвычайно способны к подражанию; Поэзия же - не что иное, как Подражание, а Искусства - не что иное, как Подражание Природе, т.е., следовательно, некоторым образом Реальная Поэзия. Таким образом, первые народы, как бы дети Рода Человеческого, прежде всего, основали Мир Искусств, впоследствии Философы, появившиеся через много лет, следовательно, как бы старики наций, основали мир Наук; тем самым Культура была полностью завершена.

VI. Такую Историю Человеческих Идей поразительно подтверждает нам История Философии. Первым употребительным у людей способом грубого философствования была *αὐτοψία*, т.е. чувственная очевидность. Впоследствии ею пользовался Эпикур: как философ-сенсуалист, он довольствовался тем, что предоставлял вещи чувственной очевидности. Но чувства, как мы видели в "Происхождении Поэзии", были чрезвычайно живы у первых поэтических наций. Позже появился Эзоп, или Моральные Философы, которых мы называем Простонародными (как мы гово-

рили выше, Эзоп появился прежде Семи Мудрецов Греции); он рассуждал посредством примера, а так как еще продолжался Поэтический век, то он заимствовал свои примеры из

какой-нибудь вымышленной аналогии; одним из таких примеров Менений Агриппа привел восставший римский плебс к повиновению³⁰¹; и до сих пор один такой пример, и скорее всего истинный, т.е. не вымышленный пример, убедит невежественную толпу гораздо лучше всякого непобедимого рассудочного заключения. Еще позже появился Сократ и ввел Диалектику посредством Индукции из многих достоверных вещей, имеющих отношение к сомнительной вещи, о которой идет речь. Медицина в результате индукции из наблюдений еще до Сократа дала Гиппократу, первого из медиков, как по значению, так и по времени, заслужившего бессмертную хвалу: *pes fallit quemquam, pes falsus ab ullo est*³⁰². Математика посредством объединительного, так называемого Синтетического, метода во времена Платона добилась своих наибольших успехов в Итальянской школе Пифагора, как это можно видеть из "Тимея". Таким образом, при помощи этого объединительного метода во времена Платона и Сократа Афины заблистали всеми теми искусствами, в которых можно изумляться человеческому Гению, как в Поэзии, Красноречии и Истории, так и в Музыке, Литейном деле. Живописи, Скульптуре и Архитектуре. Еще позже появился Аристотель, учивший Силлогизму, т.е. такому методу, который скорее объясняет универсалии в их частностях, чем объединяет частности, чтобы собрать из них универсалии; и Зенон с Соритом, соответствующим методу современных Философов³⁰³, утончающим, но не оттачивающим умы. Двое последних не принесли никаких заметных плодов на пользу роду человеческому. Поэтому с большим к тому основанием Бекон Веруламский, столь же великий философ, как и политик, излагает, одобряет и разъясняет Индукцию в своем "Органоне"; ему неизменно следуют Англичане, весьма плодотворно для Экспериментальной Философии³⁰⁴.

VII. Эта история Человеческих Идей опровергает - с очевидностью общую ошибку всех тех, кто находился в плену всеобщего предрассудка о Высшей якобы Мудрости Древних и думал, что Минос, первый Законодатель народов, Тезей у Афинян, Ликург у Спартанцев, Ромул и другие Римские Цари устанавливали всеобщие законы. *Таких законов чрезвычайно недалекие умы тех первых людей совершенно не могли понять; они могли заметить только определенную общественную пользу, действительно требуемую целой общиной людей; таков был самый первый родившийся в мире Аграрный Закон, как мы это ниже покажем; в остальном же они не понимали необходимости законов, если их к этому не принуждали факты.* Ведь самые древние законы, по нашим наблюдениям, воспринимались как приказание или запрещение одному единственному, впоследствии же они распространились на всех. Настолько первые народы были неспособны к универсалиям! И воспринимать они их начали только тогда, когда случились такие обстоятельства, которые их требовали. Закон Тулла Гостилия по обвинению Горация является не чем иным, как наказанием

знатного Преступника, установленным специально назначенными для этого Царем Дуумвирами. Ливии называет этот закон *lex horrendi carminis*³⁰⁵.

Таким образом, это один из тех законов, которые Дракон записал кровью; *leges sanguinis* называет их Священная История. Ведь рассуждение Ливия, будто Царь не хотел сам издавать этот закон, чтобы не быть автором столь печального и неблагодарного по отношению к народу суждения, совершенно смехотворно, поскольку Царь предписывал формулу осуждения Дуумвирам, согласно которой последние не могли простить Горация или даже признать его невиновным. Здесь Ливии совершенно непонятен, так как сам он не понимает, что в Героических (т.е. Аристократических, как мы покажем) Сенатах Цари не имели иной власти, кроме как создавать Дуумвиров, которые в качестве Комиссаров выносили суждение по публичным обвинениям; и что народ Героических Городов состоял только из Благородных, к которым могли апеллировать осужденные. Теперь вернемся к нашей теме. Этот Закон Тулла фактически является одним из так называемых *exempla* в смысле "примерные кары": то были первые Примеры, которыми пользовался Человеческий Разум. Это совпадает и с тем, что выше в Аксиомах³⁰⁶ мы слышали от Аристотеля: в Героических Республиках не было законов относительно частных несправедливостей и обид. Таким образом, первоначально были примеры реальные, а потом - примеры рациональные, какими пользуются Логика и Риторика. Но так как впоследствии были поняты интеллигибельные Универсалии, то было признано и то существенное свойство Законов, что они должны быть Универсальными. Так было установлено следующее положение Юриспруденции: *legibus, non exemplis, est iudicandum*³⁰⁷.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

и здесь же о Происхождении Народных Добродетелей, преподанных Религией посредством Браков

Метафизика Философов посредством идеи Бога совершает свою первую работу, проясняя человеческий ум, нуждающийся в Логике, ибо последняя ясностью и определенностью идей оформляет его рассуждения, которыми он пользуется, чтобы очистить сердце человека Моралью. Так и Метафизика Поэтов Гигантов, воевавших с Небом вследствие своего атеизма, побеждает их самих страхом перед Юпитером, которого они воспринимали в виде молнии. И Юпитер ниспроверг на землю их тело не меньше, чем сознание, придумавшее столь устрашающую идею Юпитера. А эта идея породила для первых людей Поэтическую Мораль, сделав их благочестивыми, если и не посредством умозаключений, к которым первые люди были еще неспособны, то посредством чувств, ложных по содержанию, но истинных по форме, - такая Логика соответствовала их природе. Из природы же вещей человеческих вытекает следующее вечное свойство: сознанию необходимо ниспровергнуть на землю самого себя, чтобы как следует воспользоваться познанием Бога, и, наоборот, гордость

приводит сознание к атеизму, так что атеисты становятся гигантами духа и должны сказать вместе с Горацием: *Caelum ipsura petimus stultitia*³⁰⁸.

Таких благочестивых Гигантов Платон признает, несомненно, в Гомеровском Полифеме; мы подтвердим это рассказом самого Гомера о том же Гиганте: он говорит, что один Прорицатель, находившийся некоторое время среди Гигантов, предсказал Полифему беду, в конце концов, постигшую его от руки Улисса; но Прорицатели, безусловно, не могут жить среди Атеистов. Таким образом, поэтическая Мораль началась с Благочестия, так как она была установлена Божественным Провидением для того, чтобы основать нации, у них же всяческое Благочестие обычно оказывается Матерью и Моральными, и Экономическими, и Гражданскими Добродетелями; и только Религия в силах заставить нас поступать добродетельно, так как Философия скорее хороша для размышлений. Благочестие же началось с Религии, т.е. собственно со страха перед Божеством. Героическое происхождение этого слова сохранилось у Латинян, так как, по мнению некоторых, оно происходит от *religare*, "связывать", т.е. от тех цепей, которыми Титий и Прометей были прикованы к высоким скалам, где орел, т.е. устрашающее Религиозное представление об Ауспициях Юпитера, пожирал их сердца и внутренности. От этого сохранился вечный обычай всех наций - внушать детям Благочестие страхом перед каким-нибудь божеством. Итак, Моральная Добродетель началась с того Усилия, каким Гиганты в Религиозном страхе перед молниями были прикованы на склонах гор; они обуздывали звериную повадку скитаться как дикие животные по великому лесу земли и приучались к совершенно противоположному обычаю - прятаться и оседать на определенных землях; поэтому впоследствии они стали Создателями Наций и Господами в первых Республиках, как мы выше указали и как более подробно разъясним ниже. В простонародном Предании нам сохранилось это одно из самых великих благодеяний, оказанных Небом, благодаря Религии Предсказаний, роду человеческому, когда оно царствовало на земле; потому-то Юпитеру и было дано прозвание *Stator*, или *Fermator*³⁰⁹, как выше было сказано. С другой стороны, благодаря такому Усилию в Гигантах начала пробиваться душевная добродетель, удерживая их от удовлетворения скотской похоти пред лицом Неба, внушавшего им жесточайший страх; каждый из них увлекал одну женщину для себя в глубину своих пещер и держал ее там как вечную подругу своей жизни: так осуществляли они с ними человеческую любовь под покровом, скрытно, т.е. стыдливо; и так начали они чувствовать тот стыд, который Сократ называл цветом Доблести. После Религии это - второй узел, сохраняющий Нации связанными, тогда как дерзость и безбожие их разрушают.

Так появились браки, т.е. телесные стыдливые соединения, заключенные в страхе перед каким-нибудь Божеством. Мы приняли их за Второе Основание настоящей Науки, так как произошли они от Первого, т.е. от Божественного Провидения. Возникли они с троякого вида торжественными обрядами. Первыми из них были Ауспи-

ции Юпитера, начавшиеся с тех молний, которые принудили Гигантов чтить их; по такому определению судьбы, *sots*, у Латинян сохранилось определение брака как *omnis vitae consortium*³¹⁰, а муж и жена назывались *consortes*; у нас до сих пор в народе говорят о девушках: *prender sorte* - "избрать жребий", вместо "выйти замуж". От такого обычая того первого времени мира сохранилась та черта в Праве Народов, что Жены принимают Публичную Религию своих Мужей, так как мужья начали сообщать свои первые человеческие идеи своим первым женщинам, начавши с идеи об их Божестве, принудившем их увлечь женщин" в свои пещеры. Таким образом, Простонародняя Метафизиа начала в Боге познавать человеческое сознание.

С этого первого мгновения всех вещей человеческих должны были языческие люди начать восхваление Богов в том смысле, в каком говорит Древнее Латинское Право - "цитировать", называть по имени; отсюда сохранилось выражение - *laudare auctores*, так как люди зывали к Богам, как создателям (*auctores*) всего того, что Делали они сами; таковыми и должны быть хвалы, к которые подобает людям воздавать Богам.

От этого древнейшего Происхождения браков возник тот обычай, что женщины входят в Семьи и Дома мужчин, за которых они вышли замуж. Такой естественный народный обычай сохранился у Римлян. У них жены занимали место дочерей своих мужей и сестер их сыновей. *У многих варварских наций жен, не меньше, чем детей, мужья считали рабынями. Наконец, вследствие такой прерогативы ауспиций у первых наций.* Поэтому браки должны были начаться не с одной единственной женщины, как это сохранилось у Римлян (Тацит удивляется такому же обычаю у Древних Германцев, сохранивших, как и Римляне, в целости первоначальные нравы своих наций, почему мы можем предположить, что то же самое существовало и у всех других наций при их возникновении), но и как вечное, пожизненное содружество. Такой обычай сохранился у очень многих народов. А потому у Римлян браки определялись соответственно этому вечному свойству как *individua vitae consuetudo* и разводы появились у них чрезвычайно поздно.

О таком значении молний, как ауспиций Юпитера, рассказывает Баснословная Греческая история, говоря, что Геркулес, характер Основателей наций, как мы это видели выше и как ниже мы рассмотрим более подробно, был рожден Алкменой от громового удара скипетра; другой великий герой Греции, Вакх, был рожден Семелой, когда ее поразила молния. *Равно как и двое названных выше; Персей был зачат Данаей от Юпитера, превратившегося в золотой дождь который обозначал (ради великой торжественности ауспиций) дождь молний.* Ведь это дало первый повод Героям называть себя сыновьями Юпитера; с чувственной истинностью они говорили так соответственно тому мнению в котором они были убеждены, а именно, что решительно все делают Боги, как говорилось выше. Как раз об этом мы читаем в Римской Истории: в героических распрях Патрициям, говорившим: *auspicia esse sua*,

плебс отвечал, что Отцы (из которых Ромул составил Сенат и от которых эти патриции вели свое происхождение) *pop esse caelo demissos*; если это значит, что Патриции не были Героями, то непонятно, как мог возникнуть такой ответ. Но так как Патриции хотели обозначить, что коннубии, т.е. право заключать торжественные браки, наибольшая торжественность которых заключалась в ауспициях Юпитера, составляли исключительную собственность Героев, *по праву же ауспиций, которые до триста девятого года принадлежали Римским Патрициям, они изображали* благородного Амура крылатым и с повязкой на глазах, чтобы обозначить стыдливость; Амур назывался **Ἔρως**; т.е. именем, похожим на "герой"; крылатым изображался и Гименей, сын Урании, названной так от **σπρανός**, "небо", созерцающей небо, чтобы получить оттуда ауспиции, она должна была зародиться раньше других Муз; по определению Гомера, как мы видели выше, она - Наука о добре и зле. Так же и ее, как и других, описывают крылатой, так как она принадлежит героям (выше мы это разъяснили). По поводу нее мы выше разъяснили исторический смысл следующего изречения: *A Jove principium Musae*³¹².

Ее, как и всех других Муз, считали дочерью Юпитера, так как из Религии возникли Искусства Культуры; Божеством их был Аполлон, считавшийся главным образом Богом Предсказаний. Музы поют тем "*canere*" или "*cantare*", которое у Латинян значит "предсказывать".

Второй вид торжественных обрядов состоит в том, что женщины надевают покрывало в знак стыда, созданного первыми в мире браками; такой обычай соблюдался всеми нациями; *даже Евреями*, по нему Латиняне дали название самим свадьбам: они называли их *nuptiae* от *nubere*, что значит "покрывать"; а во времена вернувшегося варварства девушки носили распущенные волосы и назывались *donzelle*, в отличие от женщин, *donne*, ходивших с покрытой головой.

Третий вид торжественных обрядов, сохранившийся у Римлян, заключался в том, что невесту брали посредством фиктивной силы, соответствующей той настоящей силе, при помощи которой Гиганты увлекали первых женщин в глубину своих пещер; и после того, как первые земли были оккупированы Гигантами, тем, что они заполнили их своими телами, торжественно взятые жены назывались *manu captae*.

Поэты-Теологи создали из торжественных браков второй после Юпитера божественный характер, Юнону, второе божество так называемых *Gentes Majores*. Она - сестра и жена Юпитера, так как первые справедливые, т.е. торжественные браки, названные справедливыми по торжественности ауспиций Юпитера, должны были начаться с браков между братьями и сестрами. Она - Царица людей и Богов, так как царства возникли впоследствии из таких законных браков. Она вся одета, как это видно на статуях и на медалях, в знак стыда, почему и героическая Венера, поскольку

ку она также является Божеством торжественных браков, прозванная Pronuba, закрывает срамные места поясом (cestus); по нему у Римлян назывались incesta сожителства, запрещенные из-за кровной близости. Этот пояс позже изнеженные Поэты вышивали всяческими призывами к сладострастию. Впоследствии, когда была искажена суровая история ауспиций, считали, что как Юпитер возлежит с женщинами, так и Венера с мужчинами, и что от Анхиза она произвела Энея (иными словами, он был рожден ауспициями Венеры). Этой Венере приписывают лебедей, общих ей вместе с Аполлоном и поющих тем "canere" или "cantare", что значит "предсказывать" или "прорицать"; в виде одного из этих лебедей Юпитер возлежит с Ледой, - это значит, что Леда от ауспиций Юпитера породила из яйца Кастора, Поллукса и Елену. Юнона называлась jugalis по тому ярму (jugum), по которому торжественный брак назывался conjugium, а муж и жена - conjuges. Она называется также Lucina, так как выносит новорожденных на свет (lux), но уже не природный свет, общий для всех, даже для новорожденных рабов, а на гражданский; почему Благородные и назывались illustres. Она ревнива политической ревностью, под влиянием которой Римляне до 309 года от основания Рима не допускали плебса к connubium. Греки называли ее **Ἥρα**; от нее должно было произойти слово "Герои", так как последние родились от торжественных браков, божеством которых была Юнона; и потому они были рождены благородным Амуром, ибо именно это значит **Ἔρως**, то же самое, что Гименей. Герои должны были называть себя этим словом в смысле "Господа Семей" в отличие от Famili, которые, как мы увидим ниже, были у них как бы рабами. В том же смысле у Латинян Герои назывались heri, отсюда hereditas "наследство", которое при зарождении латинского языка обозначалось словом familia; таким образом, по этому происхождению слово hereditas должно было обозначать "деспотическое господство". Так, Законы XII Таблиц сохраняли за Отцами Семейств суверенную власть распоряжаться своим наследством в завещании, в главе: uti paterfamilias super pecuniae tutelae rei suae legasset, ita jus esto³¹³; распоряжаться вообще называлось legare, что свойственно Суверенам; поэтому наследник оказывается legatus, представляющим в наследовании умершего отца семейства; дети не меньше рабов охватывались словами rei suae и pecuniae. Все это в высшей степени серьезно доказывает монархическую власть, принадлежащую в Естественном состоянии Отцам над их семьями; впоследствии они должны были сохранять ее (и мы увидим ниже, что они действительно сохраняли ее) в состоянии Героических Городов, так как последние возникли в Форме Аристократий, т.е. Республик Господ; а Отцы удерживали свою семейную власть даже в Народных Республиках. Все это ниже будет полностью нами рассмотрено.

Богиня Юнона приказывает совершить великие подвиги Гераклу, так наз. Фиванскому, т.е. греческому Геркулесу, так как каждая древняя языческая нация имела одного основавшего ее Геркулеса, как это говорилось в Аксиомах. Ведь Благочестие в Браках - это Школа, где изучаются первые зачатки всех великих доблестей; и Геркулес

благодаря покровительству Юпитера, ауспициями которого он был порожден, все их превосходит. За это он был назван **Ἡρακλῆς** почти **Ἡρακλέος**³¹⁴ - "слава Юноны", если интерпретировать слово "слава" так, как это совершенно справедливо делает Цицерон: "распространившаяся молва о заслугах перед родом человеческим"; такую славой должны были обладать Геркулесы, основавшие своими подвигами нации. Но когда померкли со временем эти суровые значения, когда нравы изнежились, когда бесплодие Юноны стали считать природным, когда ее ревность стали относить к прелюбодею Юпитеру, а Геркулеса принимать за незаконного сына Юпитера, тогда в словах, прямо противоположных вещам. Геркулес совершает все подвиги благодаря покровительству Юпитера и преодолевая козни Юноны, тогда Юнона была сделана клеветницей и ее стали считать вследствие этого смертельным врагом Доблести. Иероглиф, или Миф о Юноне, пригвожденной в воздухе, с веревкой на шее, с руками, связанными также веревкой, с двумя тяжелыми камнями, привязанными к ногам, обозначает всю святость браков: "в воздухе" - так как ауспиции нужны были для торжественных свадеб, поэтому Юноне была дана служанка Ирида, обозначаемая Павлином, похожим хвостом на радугу; "с веревкой на шее"- так как это обозначало насилие, совершенное Гигантами над первыми женщинами; "с руками, связанными веревкой" - веревка впоследствии у всех наций утончилась в кольцо, чтобы показать подчинение жен мужьям; "с тяжелыми камнями у ног"- чтобы отметить постоянство браков, поэтому Вергилий³¹⁵ называет *Conjugium Stabile* торжественный брак. Но все это впоследствии было принято за жестокое наказание, наложенное Юпитером - прелюбодеем, и такие недостойные значения, приданные позднейшими временами испорченных нравов, до сих пор так сильно досаждали Мифологам.

По одним и тем же причинам Платон сделал с Греческими Мифами то же, что Манет сделал с Египетскими Иероглифами, заметив в них, с одной стороны, несоответствие Богов таким нравам и, с другой стороны, соответствие их своим идеям. В миф о Юпитере он вкладывает идею своего Эфира, все обтекающего и все пронизывающего, соответственно изречению: *Jovis omnia plena*²⁹⁶, как мы сказали выше. Однако Юпитер Поэтов-Теологов был не выше гор и той области воздуха, где зарождаются молнии. В Миф о Юноне Платон вкладывает идею воздуха, пригодного для дыхания; но Юнона от Юпитера не родит, а эфир с воздухом порождают все. В такой-то мере из этого изречения Поэты-Теологи поняли как ту Физическую истину, которая учит, что Вселенная заполнена эфиром, так и Другую, Метафизическую истину, которая доказывает вездесущее, называемое Естественными Теологами Богом! Над Поэтическим Героизмом Платон возвысил свой Философский Героизм: Герой превосходит человека, а не только животное; животное - раб страстей; человек, находящийся посередине между героем и животным, сражается со страстями; Герой - тот, кто с наслаждением повелевает страстями; таким образом. Героическое естество находится посередине между Божественной и Человеческой природой. Платон нашел

соответствие между благородным Амуром Поэтов, называвшимся Ἔρως (по тому же самому происхождению, по которому назывался и Ἥρωξ, герой) и изображавшимся с крыльями и повязкой, и плебейским Амуром, без повязки и крыльев, - для обозначения двух видов Любви, божественной и скотской; первая пренебрегает всем чувственным, вторая направлена на чувственность; первая при помощи крыльев возвышается до созерцания интеллигибельных вещей, вторая без крыльев разрушается в чувственности. - А из Ганимеда, похищенного Орлом на небо Юпитера, что для суровых поэтов значило "Созерцатель ауспий Юпитера", впоследствии испорченные времена сделали предмет гнусного наслаждения Юпитера; Платону же чрезвычайно удобно было сделать Ганимеда созерцателем Метафизических вещей: благодаря Созерцанию Высшего Существа при помощи метода, который Платон называет объединяющим, Ганимед соединился с Юпитером.

Таким образом, Благочестие и Религия создали первых людей, - естественно благородных, так как они советовались с ауспичиями Юпитера, - справедливых первой справедливостью и по отношению к Юпитеру, давшему, как мы видели, самое имя "Справедливость", и по отношению к людям, поскольку ни один не вмешивался в дела другого (как о Гигантах, рассеянных по пещерам Сицилии, Полифем³¹⁶ рассказывает Улиссу); собственно, такая справедливость на деле была лесной отчужденностью; кроме того - воздержными, довольствующимися одной единственной женщиной в течение всей своей жизни. Как мы увидим ниже, Благочестие и Религия сделали их также сильными, изобретательными и великодушными. Таковы были доблести Золотого века, но они не были такими, какими их изображали впоследствии изнеженные Поэты, когда позволено то, что нравится: ведь во времена Поэтов-Теологов ошеломленным людям были чужды всякие вызывающие тошноту размышления (как и теперь мы это наблюдаем на нравах крестьян), и им нравилось только то, что было позволено, нравилось только то, что было полезно; такое героическое происхождение сохранили Латиняне в следующем выражении: они говорили *juvat*³¹⁷ вместо "прекрасно". Доблести эти были также и не такими, какими их изображали философы, - будто люди читали в груди Юпитера вечные законы Справедливости, так как первоначально они читали по виду Неба законы, диктуемые им молниями. Итак, доблести этого первого Века были такими, какими выше, в "Примечаниях к Хронологической Таблице", как мы слышали, восхваляли их Скифы: они втыкали нож в землю и поклонялись ему как Богу, а потом этим оправдывали убийства³¹⁸; иными словами, доблести были чувственными, смешанными из религии и бесчеловечности; а что такие обычаи совместимы, можно неизменно наблюдать на ведьмах, как это было указано в Аксиомах³¹⁹.

От такой первой Морали суеверного и дикого Язычества идет обычай приносить человеческие жертвы Богам. *Эта Божественная Мораль дала, наконец, первым людям следующую практику, испробованную во все последующие времена и подкреп-*

ленную соображениями лучших философов: все люди должны полагаться на Божественное Провидение и считать благом все то, что оно готовит нам заранее. О героической Морали позднейших времен мы будем вести речь в "Открытии истинного Гомера". — О поэтической Экономике. Так было у наиболее древних Финикиян: когда им угрожало - какое-нибудь великое бедствие, например война, голод или чума, тогда цари приносили в жертву своих собственных детей, чтобы умиловать небесный гнев, как рассказывает Филон. Детей приносили в жертву обычно Сатурну (по сообщению Квинта Курция). Этот же обычай, как повествует Юстин, впоследствии сохранился и у Карфагенян, племени, несомненно происходящего из Финикии, как мы это увидим ниже; у них он удержался до их последних времен, как это подтверждает Энний следующим стихом: Et Poinei solitei sos sacrificare puellos³²⁰.

После поражения, нанесенного им Агафоклом, они принесли двести благородных детей в жертву своим Богам, чтобы их умиловать. На Финикиян и Карфагенян в таком безбожно-благочестивом обычае похожи и Греки - вспомним обет и жертвоприношение Агамемноном его дочери Ифигении. Это не должно вызвать удивления у того, кто поразмыслит о циклопической отцовской власти первых отцов Язычества: она существовала у самых ученых наций, какими были Греки, и у самых мудрых, как Римляне; и у тех и у других, вплоть до времен самого расцвета их Культуры, отцы имели право убивать своих новорожденных детей. Такое размышление, конечно, должно уменьшить тот ужас, который вызывают в нас, при нашей современной мягкости, Брут, обезглавивший двух своих сыновей за участие в заговоре для восстановления в Риме тирана Тарквиния, и Манлий, прозванный Imperiosus, отрубивший голову своему благородному сыну, сражавшемуся и победившему вопреки его приказанию. Такие человеческие жертвоприношения практиковались Галлами, как это утверждает Цезарь. Тацит в "Анналах" рассказывает об Англичанах, что они посредством божественной Науки Друидов, которых Тщеславие Ученых стремится сделать богатыми Тайной Мудростью, по нутру человеческих жертв предсказывали будущее³²¹. Такую дикую бесчеловечную религию Август запретил Римлянам, живущим во Франции, а Клавдий - самим Галлам, по рассказу Светония в Жизнеописании этого Цезаря. Поэтому Ученые-Ориенталисты стремятся доказать, что Финикияне распространили на весь остальной мир жертвоприношения Молоху (Морней, Друзиус и Зельден отождествляют его с Сатурном) в виде сожжения живого человека. Такой-то культуре Финикияне, перенесшие к Грекам буквы, учили первые нации самого варварского Язычества! Говорят, что от одного из подобных, наиболее бесчеловечных обычаев Геркулес очистил Лациум (обычая бросать живыми в Тибр предназначенных для жертвоприношения людей) и ввел обычай кидать туда людей, сделанных из камыша. Однако Тацит рассказывает, что человеческие жертвоприношения торжественно совершались у Древних Германцев; последние, несомненно, за все времена, о каких только сохранились воспоминания, были замкнуты ото всех Чужестран-

ных Наций, так что Римляне, располагавшие силами всего мира,, не могли в них проникнуть. Испанцы обнаружили человеческие жертвоприношения в Америке, еще двести, лет тому назад скрытой от всего остального мира: варвары питались там человеческим мясом (по наблюдениям Лескарбо "О Новой Франции"); это были, вероятно, люди, посвященные в жертвы и убитые (о таких жертвоприношениях рассказывает Овидий, "De Historia Indica"). Таким образом, в то время как Древние Германцы видели на земле Богов, а наравне с ними Американцы (и о первых и о вторых мы говорили выше) и Древнейшие Скифы были богаты многими золотыми доблестями, восхваляемыми, как мы только что слышали, многочисленными Писателями, - в эти же самые времена у них процветала такая бесчеловечная человечность! Все эти жертвы Плавт называл Saturni hostiae, а авторы хотят, чтобы Век Сатурна был Золотым Веком Лациума: таков был он кроткий, благословенный, скромный, терпимый и справедливый! Из всего этого можно заключить, до какой степени пусто Тщеславие Ученых, восхваляющих Невинность золотого Века, наблюдаемую у первых Языческих Наций. На самом же деле фанатизм суеверия принуждал первых людей Язычества, диких, высокомерных, зверских, к некоторым обязательствам сильным страхом перед одним из их воображаемых Божеств. Размышляя о таком суеверии, Плутарх ставит проблему: что было бы меньшим злом - так безбожно почитать Богов или вообще не верить в Богов³²²? Но он несправедливо противопоставляет такое дикое суеверие Атеизму, так как на суеверии возникли блистательнейшие Нации, а на Атеизме не было основано ни одной, как выше было показано в главе "об Основаниях". Пусть будет достаточно сказанного здесь о Божественной Морали первых народов потерявшего рода человеческого; о Героической Морали мы будем говорить ниже на своем месте.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ и здесь же о Семьях, состоявших первоначально из Сыновей

Герои своими человеческими чувствами ощущали две истины, составляющие все Экономическое Учение и сохраненные латинским народом в двух словах - educere и educare, первое из них с благородным изяществом относится к воспитанию души, второе - к воспитанию тела. Первое посредством ученой метафоры было перенесено Физиками на выведение вовне форм из материи, так как посредством такого героического воспитания начала некоторым образом выявляться вовне форма человеческой души, которая была совершенно похоронена в материи - в обширных телах гигантов; начала выявляться вовне также и форма самого человеческого тела, т.е. соразмерное телосложение из их огромных гигантских тел.

Посмотрим сначала это в отношении первой части. Героические Отцы, как указывалось в Аксиомах³²³, в так называемом Естественном Состоянии были Мудрецами в мудрости ауспий, т.е. в Простонародной Мудрости; вследствие такой Мудрости

они были Жрецами, которые, как самые достойные, должны были приносить жертвы, чтобы получить или правильно понять ауспий; наконец, они были Царями, которые должны были нести законы от Богов к своим Семьям, т.е. в собственном смысле слова Законодателями, носителями Законов; именно таковыми были впоследствии первые Цари Героических Городов, несшие законы от Правящих Сенатов к народам, как мы отметили выше в "Примечаниях к Хронологической Таблице" по поводу двух видов героических собраний Гомера: одно - βουλή) и Другое - αγορά; в первом Герои устно устанавливали законы, во втором они устно же оглашали их, так как простонародные буквы тогда еще не были изобретены. Героические Цари несли законы от Правящих Сенатов к народам в лице Дуумвиров, ими самими для того и назначенных: Цари диктовали законы, как Тулл Гостилий закон при обвинении Горация; таким образом, Дуумвиры оказываются живыми и говорящими законами; Ливии непонятен, так как он не понимает этого, повествуя о суде над Горацием, как мы отметили выше. Такое Простонародное Предание, построенное на ложном мнении о недостижимой якобы Мудрости Древних, соблазнило Платона желать тех времен, когда Философы царствовали или философствовали Цари.

Несомненно, такие Отцы, как указано в Аксиомах, были Семейными Монархическими Царями, возвышающимися над всеми в своих Семьях и подчиненными только Богу; они были снабжены властью, вооруженной устрашающими религиями и санкционированной бесчеловечнейшими наказаниями; такими были Полифемы, в которых Платон признает первых в мире Отцов семейств. Такое плохо понятое предание дало серьезный повод к общей всем политикам ошибке полагать, что первой в мире формой Гражданских Правлений была форма монархическая; это дало следующие несправедливые Основания преступной Политики: что Гражданские Царства зародились или посредством открытой силы, или посредством обмана, который потом разрешался в силу. Но в те времена высокомерия и дикости, вызванных недавним происхождением из звериной свободы (об этом мы выше выставили особую Аксиому), при наивысшей простоте и грубости жизни, когда довольствовались доброхотными плодами природы, водою из родников, сном в пещерах, при естественном равенстве состояний, когда все отцы были суверенами в своих семьях, - нельзя себе представить ни обмана, ни силы, посредством которых один мог подчинить всех других Гражданской Монархии; это доказательство *приведено более подробно в "Новой Науке"*³²⁴, ниже будет разъяснено подробнее.

Теперь же пусть нам будет позволено поразмыслить здесь только о том, какие силы понадобились, чтобы людей Язычества после состояния звериной прирожденной свободы за долгий период Циклопической семейной Дисциплины приручить для Гражданских Состояний, которые должны были появиться впоследствии, чтобы люди естественно повиновались Законам. От этого сохранилось то вечное свойство, что Государства счастливее Государств, придуманных Платоном, там, где Отцы учат

только Религии, а сыновья дивятся Отцам как своим Мудрецам, почитают их как Жрецов и страшатся их как Царей. Такая могущественная Божественная Сила нужна была, чтобы обратить к человеческим обязанностям столь же неуклюжих, сколь диких гигантов! Не умея назвать эту силу абстрактно, они называли ее конкретно и телесно "веревкой" (corda) - по-гречески **χορδή**), по-латыни первоначально fides; первоначально и в собственном смысле именно она подразумевалась в изречении fides Deorum - "сила Богов"; позднее, так как лира началась, несомненно, с монохорда, из этой веревки сделали Лиру Орфея: воспевая на ней силу Богов в ауспичиях, он обратил греческих зверей к культуре; а Амфион воздвиг стены Фив из самодвижущихся камней, т.е. из тех камней, из которых Девкалион и Пирра перед храмом Фемиды, т.е. страхом перед Божественной Юстицией, - с покрытыми головами, - т.е. с целомудрием Браков, - беря разбросанные у них под ногами камни, - т.е. глупых до того людей (Латиняне продолжали называть глупца lapis - "камень"), бросая их за плечи, - т.е. вводя семейные установления посредством экономического Учения, - заставили появиться первых людей; так был истолкован этот Миф выше, в "Хронологической Таблице".

Что же касается второй части Экономического Учения, т.е. воспитания тела, то Отцы посредством устрашающих религий, своей Циклопической Власти и священных омовений начали выводить, или выявлять вовне, из гигантского телосложения своих сыновей соразмерную форму человеческого тела, в соответствии с тем, что было сказано выше. Здесь следует особенно удивляться Провидению, которое устроило так, что до тех пор, пока не помогало Экономическое Воспитание, потерянные люди рождались Гигантами, чтобы в своем зверином скитании они могли благодаря могучему сложению переносить немилость неба и времен года и благодаря своей непомерной силе пробираться через великий лес земли, чрезвычайно густой из-за недавнего потопа. Они рассыпались по этому лесу (так что в конце концов он оказался в свое время целиком заселенным), убегая от зверей, преследуя пугливых женщин и заблудившись в поисках пищи и воды. Однако позже, когда они начали вести оседлый образ жизни со своими женщинами, сначала в пещерах, потом в хижинах, рядом с неиссякаемыми источниками, как мы сейчас скажем, а также на возделанных полях, поддерживавших их жизнь, по причинам, о которых тут же будет идти речь, они выродились до того соразмерного телосложения, какое теперь имеют люди.

Как только у них зародилась Экономика, она была тотчас же осуществлена в своей наилучшей идее; последняя же состоит в том, что отцы благодаря своему труду и мастерству оставляли сыновьям такое наследство, чтобы они имели легкое, удобное и безопасное существование, даже если не будет чужестранной торговли, даже если не будет всех плодов гражданственности, даже если не будет самих городов; даже в этих самых крайних случаях все же сохраняются Семьи, и есть надежда, что из них воскреснут Нации. Отцы должны были оставлять свое наследство в местах с хоро-

шим воздухом, собственной неиссякаемой водой, естественно укрепленных, куда при отчаянном положении городов они могли бы отступить, с обширными полевыми участками, которые могли бы поддержать бедный деревенский люд, убегающий к ним при разрушении городов и трудами своими, в свою очередь, могущий поддержать Господ.

Такие порядки (согласно словам Диона Кассия, приведенным в Аксиомах)³²⁵ Провидение установило для состояния Семей не тиранией законов, а царицей вещей человеческих, т.е. обычаями. Ведь Силачи, оказывается, возделывали свои земли на горных высотах, где воздух продувается и, следовательно, здоров, в местах естественно укрепленных (это были первые arces³²⁶ в мире, которые впоследствии по своим правилам укрепила военная Архитектура; так на итальянском языке называются гроссе - крутые и обрывистые горы, откуда потом гроссе стали называться Крепости); наконец, они находились рядом с Неиссякаемыми Источниками, которые по большей части берут начало в горах и неподалеку от которых хищные птицы вьют свои гнезда. Поэтому недалеко от таких источников охотники ставят свои сети, и может быть, поэтому и Древние Латиняне называли всех этих птиц aquilae³²⁷, почти что aquilegae, как, несомненно, aquilex назывался "открыватель" или "собиратель воды" (aqua); потому же, несомненно, те птицы, ауспиции которых наблюдал Ромул, чтобы выбрать место для нового города, те птицы, которых История называет коршунами, впоследствии стали орлами и были знаками всего римского войска. Так простые и грубые люди, следя за орлами, - по их мнению, птицами Юпитера, так как они летают высоко в небе, - находили неиссякаемые источники. И они чтили это второе великое благодеяние, сделанное им Небом, когда оно царствовало на земле. После молний самые величественные ауспиции наблюдались по полетам орлов: Мессала Корвин называет их "наибольшими", т.е. публичными ауспициями; именно их имели в виду Римские Патриции, когда возражали плебсу "auspicia esse sua".

Все это было установлено Провидением, чтобы положить начало Языческому Человеческому Роду; Платон же, *не зная нашей Науки, которой недоставало всей Греческой Философии*, полагал³²⁸, что всем руководила человеческая предусмотрительность первых Основателей Городов. Однако, когда снова вернулось варварство, повсюду разорившее города, совершенно так же спасались Семьи, откуда произошли Новые Европейские Нации. У Итальянцев продолжали называть Castella ("замок") все Господские владения, возникшие там наново, так как вообще мы видим, что самые древние города и почти все столицы народов расположены на горных высотах и, наоборот, деревни рассеяны по равнинам. Отсюда должны были произойти такие латинские выражения, как summo loco, illustri loco nati³²⁹ в смысле "благородные", и imo loco, obscuro loco nati³³⁰ вместо "плебеи": как мы увидим ниже, Герои жили в Городах, а Famuli - в деревнях.

Прежде всего имея в виду неиссякаемые источники. Политики говорили, что общность воды была причиной объединения около нее Семей. Поэтому первые объединения у Греков назывались (**φρατρία**³³¹, как и первые земли у Латинян назывались *pagi*, так как у Греков-Дорян источник назывался **πηγή**; это была вода - первая из двух главнейших частей торжественных свадебных обрядов. Римляне справляли свадьбы *aqua et igni*, так как первые браки, естественно, заключались между мужчинами и женщинами, имеющими общую воду и общий огонь и происходящими из одной и той же семьи; поэтому, как было сказано выше, браки должны были начаться с браков между братьями и сестрами. Бог такого Огня - это Лар каждого дома; от *Focus Laris* происходит итальянское *focolajo*, "очаг", на котором Отцы семейства приносили жертвы Домашним Богам; последние в Законах XII Таблиц³³² в главе об Отцеубийстве (согласно чтению Якоба Реварда) названы *deivei parentum*³³³, а в Священной Истории мы весьма часто встречаем аналогичное выражение - *Deus Parentum Nostrorum*³³⁴ и более точно - *Deus Abraham*, *Deus Jsaac*, *Deus Jacob*³³⁵. Сюда же относится и один из Законов у Цицерона, гласящий: *sacra familiaria perpetua maneto*³³⁶; отсюда же весьма часто повторяющееся в Римских Законах выражение, посредством которого сын говорит про себя, что он находится *in sacris paternis*³³⁷; а *sacra patria*³³⁸ называется отцовская власть; в первые времена, как доказывает настоящее Произведение, она считалась священной. Следует сказать, что такой обычай соблюдался и появившимися позднее варварами, так как во Флоренции во времена Джованни Боккаччо, как он свидетельствует в "Родословии Богов", в начале каждого года Отец семейства сидел у Очага перед древесным стволом, на котором горел огонь, бросал туда курения и возливал вино; такой же обычай наблюдается и у нашего неаполитанского простонародья в Рождественский сочельник: Отец семейства должен торжественно зажигать огонь на таком же стволе в Очаге; кроме того, в Неаполитанском Королевстве Семьи должны перечисляться по Огням. Поэтому, когда были основаны города, появился тот повсеместный обычай, что браки заключаются между горожанами одного и того же города; и, наконец, остался тот обычай, что если браки заключаются с чужестранцами, то у них должна быть, по крайней мере, общая религия.

Но вернемся теперь от огня к воде. Стикс, которым клялись Боги, был первоисточником всех Источников, поэтому Боги должны были быть Благородными Героических Городов, как сказано выше, так как общность такой воды создала для них царства над людьми; поэтому же до 309 года от основания Рима Патриции не приобщали плебса к Коннубиям, как было сказано отчасти выше и как ниже об этом будет идти речь. В силу всего этого в Священной Истории мы часто читаем "колодец клятвы" или "клятва колодцем"; поэтому же сохраняется столь великая древность в названии города Поццуоли (раньше он назывался ПUTEОЛИ) по многим маленьким объединенным колодцам (*pozzi*). Разумным оказывается предположение, обоснованное в Умственном Словаре³³⁹, где мы сказали, что очень много городов, рассеянных по

древним нациям и носящих имя во множественном числе, были артикулированной речью названы различно по одной в своем существе вещи.

Тут было вымышлено Третье Старшее Божество, Диана; это была первая человеческая необходимость, которую ощутили Гиганты, осевшие на определенных землях и соединенные посредством браков с определенными женщинами. Поэты-Теологи сохранили нам описание Истории этих вещей в двух мифах о Диане. Один из них обозначает, с нашей точки зрения, стыдливость браков: Диана молча, во мраке глубокой ночи, лежит со спящим Эндимионом; таким образом, Диана чиста той чистотой, какую предписывает один из законов Цицерона: *Deos caste adeunto* - следует идти на жертвоприношение, совершив предварительно священные омовения. Второй миф рассказывает нам об устрашающей религии Источников, к которым неизменно добавлялся эпитет *sacri*, святые. Таков источник Актеона: когда он увидел нагую Диану - живой Источник, Богиня его обрызгала водой, т.е. повергла в его собственный ужас; он превратился в оленя - самое робкое животное - и был растерзан своими собственными собаками - угрызениями своей совести за оскорбление религии. Таким образом под *lymphati* (сумасшедшими), т.е. в собственном смысле "обрызганными чистой водой" (так как *lympha* значит "вода"), должны были первоначально разуметься такие Актеоны, обезумевшие от суеверного ужаса. Эту Поэтическую Историю сохранили Латиняне в слове *Latices*, от *latere*³⁴⁰, с постоянным эпитетом *purī* (чистые): *Latices* обозначали воду, вытекающую из источников. Эти *Latices* Латинян были Нимфами, подругами Дианы, а у Греков *lymphae* значили то же самое, что и *lymphae*: Нимфами называли воду в те времена, когда все вещи воспринимали посредством одушевленных, по большей части человеческих, субстанций, как об этом была речь выше, в главе о "Метафизике".

Позднее благочестивые Гиганты, пребывавшие на горах, должны были почувствовать зловоние от трупов своих покойников, гнивших рядом с ними на земле; тогда они начали погребать их. От таких погребений находили и все еще продолжают находить огромные черепа и кости, по большей части на горных высотах (это является сильным доказательством в пользу того, что трупы безбожных гигантов, рассеянных по равнинам и долинам, повсюду гнили непогребенными, а черепа и кости были или унесены потоками в море или до конца размыты дождями); они окружали могилы такой религией, т.е. таким божественным страхом, что *religiosa loca* у Латинян преимущественно назывались те места, где были могилы. Здесь берет начало то всеобщее верование, которое мы доказали выше, в главе об "Основаниях" (это - третье Основание, принятое нами в настоящей Науке), именно - вера в Бессмертие человеческих душ, которые назывались *Dii Manes*, а в Законах XII Таблиц в главе об Отцеубийстве - *Deivei parentum*. Кроме того, благочестивые Гиганты должны были втыкать ствол для обозначения погребения над каждым отдельным холмом или рядом с ним (вначале он мог быть только чуть возвышающейся землей; Древние Гер-

манцы также дают основание предполагать о существовании того же самого обычая у всех других первых варварских наций; по сообщению Тацита³⁴¹, они считали, что не следует отягощать мертвецов большим количеством земли, отсюда же и молитвы за покойников - *sit tibi terra levis*³⁴²); они должны были, говорим мы, втыкать для обозначения могилы ствол, который Греки называли **φυλαξ**, что значит "страж", так как простаки думали, что этот ствол их охраняет. *Cippus* (столб) у Латинян значил "могила", а у Итальянцев "серро" означает "ствол" генеалогического древа. Отсюда должно было произойти у Греков **φυλη**, что значит "род". Римляне описывали свою генеалогию, располагая статуи предков в залах своих домов нитями, которые назывались *stemma*, от *temen*, т.е. нить, откуда *subtemen*, т.е. пряжа, располагающаяся внизу, когда ткут материю. Такие генеалогические нити впоследствии Юристы называли *lineae* (линии), а слово *stemma* до наших времен осталось в значении "Родовые Гербы". Таким образом, весьма правдоподобно предположение, что первые земли с такими погребениями были первыми "щитами" Семей; отсюда должно стать понятным изречение Спартанской Матери, которая передает щит идущему на войну сыну, говоря: *aut cum hoc, aut in hoc*³⁴³, желая этим сказать: возвращайся или с ним или в нем, т.е. в гробу, как и теперь еще в Неаполе постоянно называют гроб щитом. А так как такие могилы находились в глубине полей, где первоначально были семена, то щиты в Геральдической Науке определялись как "фон поля", позднее - как "поле герба".

Таково должно было быть Происхождение слова *filius* ("сын"). Определенное именем, или родовым именем отца, оно обозначало благородного, совершенно так же как мы выше слышали определение римского патриция - *qui potest nomine scire patrem*³⁴⁴. Это родовое имя, как мы видели выше, у Римлян было в точности тем самым отчеством, которым столь часто пользовались и первые Греки; поэтому у Гомера Герои называются *filii Achivorum*³⁴⁵, как и в Священной Истории *filii Israel*³⁴⁶ обозначают благородных Еврейского народа. Таким образом, если роды первоначально состояли из благородных, то необходимо, чтобы первоначально только из благородных составлялись города, как мы покажем ниже. *Однако существует общий для всех Наций обычай: Плебеи, естественно, почитая Благородство, берут от него слова в общеупотребительном смысле, и, наоборот. Благородные, естественно, желая выделиться в городах, изобретают все новые и новые слова. В этом заключается великая причина различия слов в каждом языке: хотя слова имеют одно и то же значение, тем не менее звуки их совершенно различны. Так, слово *filius*, которое первоначально было словом героическим, а потому тем, что в Юриспруденции называется *vocabulum juris*, впоследствии распространилось в римском плебсе и стало обозначать незаконных сыновей, ибо, как мы увидим ниже, в те времена Плебеи не заключали торжественных бракосочетаний; поэтому слово *filius* осталось тем, что Юристы называют *vocabulum naturae*: оно обнимало только сыновей; Благородные же, чтобы выделить себя, ввели в употребление*

слово *liberi*, дети, которым пользуются Законы XII Таблиц: как слово закона, оно обнимает до некоторой степени и внуков. Таким образом, могилами своих погребенных, Гиганты доказывали свое господство над землями; это сохранилось в обычаях Римлян: хоронить мертвеца на собственной земле, чтобы сделать это место священным. Они с полной истинностью употребляли такие героические выражения: "мы - сыновья этой земли", "мы рождены этими дубами"; так, Главы Семей у Латинян назывались *stirpes* и *stipites*, а потомство каждого из них - *propago*³⁴⁷. Семьи у Итальянцев назывались *legnaggi* (от *legno* - "ствол"). Благороднейшие Дома Европы и почти все Суверены получают прозвище по тем Землям, над которыми они властвуют; поэтому как по-гречески, так и по-латыни в равной мере "сыновья земли" значит то же самое, что и "благородные". У Латинян Благородные обозначаются как *ingenui*, почти *inde geniti*, сокращенно *ingeniti*, как, несомненно, *indigenae* сохранилось в значении "земляки"; *Dii Indigetes* назывались туземные Боги,- это были Благородные Героических Городов, которые называли себя Богами, как выше было сказано, а великой Матерью этих Богов была Земля; поэтому с самого начала *ingenuus* и *patricius* обозначали благородного, так как первые города состояли только из благородных. Этими *ingenui* должны были быть Аборигены - "без происхождения", или "собою рожденные"; им в точности соответствуют **αὐτοχθόνες**, как говорят греки. Аборигены также были гигантами, а это слово в собственном смысле значит "сыновья земли"; таким образом. Мифы правдиво рассказывают нам, что Земля была Матерью Гигантов и Богов. Все это было нами рассмотрено выше; но так как здесь - настоящее место всего этого, то это и было повторено для того, чтобы показать, как плохо Ливии приписал героическое выражение Ромулу и Отцам, его сотоварищам; Ливии заставляет их говорить беглецам, прибравшим в Убежище, открытое в Роще, следующие слова: "Мы, мол, сыновья этой Земли"³⁴⁸; в их устах стало дерзкой ложью то, что у Основателей первых народов было героической истиной, - ведь Ромул был рожден в царстве Альба; но так как Мать-Земля была по отношению к ним слишком несправедлива, производя одних только мужчин, то им пришлось похитить у Сабинян женщин; поэтому следует сказать так: соответственно манере первых народов мыслить поэтическими характерами, Ромулу, поскольку его рассматривали как Основателя города, приписали свойства Основателей первых городов Лациума, среди большого количества которых Ромул основал Рим. Такой ошибке Ливия соответствует и его определение убежища, - это было, якобы, *vetus urbes condentium consilium*¹²: для первых Основателей городов, столь простых, то был не совет, а природа, служившая Провидению.

Тут было вымыслено четвертое божество так называемых *Gentes Majores*, Аполлон, бог Гражданского Света; поэтому у Греков Герои назывались **κλειτοί**- "славные", от **κλέος** - "слава"; у Латинян они назывались *Inclyti* - "знаменитые", от *cluer* - "блеск оружия", и, следовательно, от того света (*lux*), от которого Юнона, по прозвищу *Lucina*, богиня благородных родов, носила свое имя. Таким образом, здесь должно

было придумать вторую из Муз после Урании (как мы видели выше, это была та Муза, которую Гомер определяет как Науку о добре и зле, т.е. о Предсказаниях; как было сказано выше, благодаря ей Аполлон оказывается богом Поэтической, т.е. Божественной, Мудрости): это была Клио, повествующая Героическую Историю. Первая такая История должна была начинаться с Генеалогий самих Героев; Священная История также начинается с описания потомства Патриархов. Начало этой Истории Аполлон кладет тем, что преследует Дафну, скитающуюся девочку, блуждающую по лесу в нечестивой жизни; с помощью, вымоленной ею у Богов, ауспиции которых были необходимы в торжественных бракосочетаниях, она остановилась и стала лавром, т.е. деревом, всегда зеленеющим в известных и определенных своих отростках; в этом же самом значении Латиняне называли *stipites* стволы Семей; вернувшееся варварство снова принесло нам те же самые героические выражения: тогда говорили "родословное древо". Основателей называли "стволами", или "подножьями", а произошедшее от них потомство - "ветвями"; и самые семьи называли *legnaggi*. Таким образом, преследование Аполлона соответствовало Божеству, бегство Дафны соответствовало зверю; позднее же, когда стала непонятной речь такой суровой Истории, преследование Аполлона стало бесстыдным, бегство Дафны - бегством Дианы. Кроме того, Аполлон - брат Дианы, так как благодаря неиссякаемым источникам первые Роды получили возможность основаться на горах; местопребывание Аполлона находится на горе Парнасе, где обитают и Музы, т.е. Искусства Культуры, *он увековечивает имена Императоров и Поэтов, прославившихся военными или литературными заслугами, и одинаково венчает их лавром; а рядом - источник Иппокрена, воду которого пьют лебеди - птицы, поющие тем сапеге или cantare, которое означает у Латинян "предсказывать"; от ауспиций одного из этих лебедей, как было сказано выше, Леда зачала два яйца, и из одного произвела Елену, из другого - близнецов Кастора и Поллукса. Аполлон и Диана - дети Латоны, названной так от *latere*, скрываться (откуда такие выражения, как *condere gentes*, *condere regna*, *condere urbes*187), и, в частности, в Италии был назван Лациум; Лато-на родила их рядом с водою неиссякаемых Источников, как мы говорили; при этих родах люди становились лягушками, которые во время летнего дождя рождаются из Земли; Земля же была названа Матерью Гигантов, в собственном смысле слова "сыновей Земли"; одну из таких лягушек Идантура послал Дарию; на Французском Королевском Гербе должны были бы быть три лягушки, а не три жабы, впоследствии превратившиеся в Золотые Лилии, - их изображали в превосходной степени посредством числа "три", чтобы обозначить одну громаднейшую лягушку, т.е. одного громаднейшего Сына, тем самым - Властелина Земли. Оба они, и Аполлон и Диана, - охотники; вырванными деревьями (одно из них - палица Геркулеса) они убивают зверей, сначала для защиты себя и своих семей, так как им уже не дозволено больше спасаться бегством, как бродягам беззаконной жизни, потом - чтобы кормить ими себя и свои семьи; так Вергилий делает мясо зверей пищей Героев; а Древние Германцы, по сообщению Тацита, с этой целью ходили со своими женами охотиться на*

зверей. Аполлон - это Бог - основатель Культуры и ее Искусств, как и Музы; эти искусства Латиняне называли *liberal es*, "свободные", в смысле "благородные": одно из них - это искусство верховой езды, почему Пегас летает над Парнасом: он снабжен крыльями, так как принадлежит Благородным; а во времена вернувшегося варварства Благородные у Испанцев назывались "всадниками", *Caballeros*, так как только они могли снарядить лошадь. Самое слово "Культура", *Humanitas*, берет начало от *humare* - "погребать", почему погребения и были приняты нами в качестве Третьего основания нашей Науки; так как Афиняне были самой культурной из всех наций, то они, по сообщению Цицерона, стали первыми погребать своих мертвецов. Наконец, Аполлон вечно юн (как жизнь Дафны, превращенной в лавр, вечно зеленеет), так как Аполлон посредством родовых имен увековечивает людей в их семьях. Он носит длинные волосы в знак благородства; поэтому у очень многих наций остался тот обычай, что Благородные носят длинные волосы; мы читаем, что среди наказаний Благородных у Персов и Американцев было и такое, когда отрезали один или много волос из их шевелюры (может быть, на основе такого обычая Благородные, основавшие Галлию, прозвали ее "Косматой" - *Gallia Comata*); во всяком случае, у всех наций рабам бреют голову.

Однако, когда Герои осели в пределах ограниченных земель; когда численно возросли их Семьи и им стало не хватать доброхотных плодов природы, а выйти за намеченные ими самими границы, чтобы иметь их в изобилии, они боялись из-за тех цепей Религии, которыми Гиганты были прикованы к горным вершинам; и когда сама Религия внушила им поджечь леса, чтобы иметь открытое небо, откуда они получали свои ауспиции, - тогда они отдались великому и длительному труду: они стали обрабатывать земли и засеивать их хлебом, пользу которого для человеческого питания они заметили, может быть, сжигая его вместе с терном и шиповником. И поэтому посредством прекрасного и естественно необходимого тропа называли они хлебные колосья "золотыми яблоками", перенеся первоначальную идею яблока, т.е. природного плода, собираемого летом, на колосья, которые также собираются летом, но только благодаря Мастерству.

Из такого труда, самого великого и самого славного, высоко возрос характер Геркулеса, принесшего своим подвигом великую славу Юноне, которая послала его за пропитанием для Семей. И в столь же прекрасных, сколь необходимых метафорах тогда представляли себе землю в виде громадного Дракона, вооруженного чешуей и шипами, - шипами терна; Дракона представляли себе крылатым, так как земли находились во власти Героев; вечно бодрствующим, вечно густым, охраняющим золотые яблоки в садах Гесперид; по сырости, оставшейся после Потопа, впоследствии считали, что Дракон зародился в воде. С другой точки зрения, представляли себе землю в виде Гидры, названной так от **ὕδωρ** - "вода", у которой все снова и снова отрасли отрубленные волосы; она меняется в три цвета: в черный от пожара, в зеленый

от травы, в золотой от спелого хлеба; этими тремя цветами различается шкура змеи, и она обновляется, когда стареет. Наконец, с точки зрения ярости земли при ее укрощении, землю представляли себе в виде сильнейшего животного; впоследствии самое сильное животное было названо львом: это - Немейский Лёв, хотя Филологи и утверждают, что то была огромная змея. Все такие животные изрыгают огонь - тот самый огонь, которому Геркулес предал леса.

Таковы три различные Истории, обозначающие одну и ту же в своей сущности вещь в трех различных частях Греции. В других местах возникали другие Истории, например, о том же Геркулесе, который ребенком убивает змей в колыбели, т.е. во времена младенческого Героизма. В другом Мифе Беллерофонт убивает чудовище, так называемую Химеру, со змеиным хвостом, со шкурой козы (что обозначает покрытую лесом землю), с головою льва, опять же изрыгающей пламя. В Фивах Кадм убивает по-прежнему огромную змею и сеет ее зубы, - в прекрасной метафоре змеиными зубами названы кривые и особенно твердые куски дерева, которыми до того, как научились пользоваться железом, должны были пахать землю. И сам Кадм становится змеей; именно это имели в виду древние Римляне, говоря, что Кадм Fundus Factus Est³⁴⁹, как отчасти это было отмечено выше и как гораздо более подробно будет разъяснено ниже, где мы увидим, что змеи на голове Медузы и на жезле Меркурия обозначали земельную собственность; отсюда осталось слово (ὠφεύγεια - "польза", от ὄφις; - "змея", т.е. арендная плата за землю, называемая также Геркулесовой десятиной. В этом смысле нужно понимать и предсказание Калхаса: у Гомера³⁵⁰ мы читаем, что змея пожрала восемь воробьев вместе с их матерью; Калхас истолковывает это так, что Троянская Земля к концу девятого года окажется собственностью Греков; а когда греки сражались с троянцами, посреди сражения упала змея, убитая в воздухе орлом: они приняли это за хорошую авгурию в соответствии с наукой предсказаний Калхаса. Поэтому же мы видим, что похищенная Прозерпина, т.е. та же Церера, изображается на мраморах в колеснице, влекомой змеями; змеи же наблюдаются столь часто на медалях греческих республик. Здесь мы приведем для Умственного Словаря нечто, заслуживающее размышления.

Американские Цари, как воспевает Фракасторо в своей поэме "Сифилис", придумали вместо скипетра носить высушенную змеиную шкуру; Китайцы помещают Дракона на свои Королевские Гербы и носят его как знак Гражданской Власти, - это тот самый Дракон, который написал Афинянам законы кровью, а выше мы говорили, что такой дракон - одна из змей Горгоны, которую Персей пригвоздил к своему щиту; этот щит принадлежал потом Минерве, Богине Афинян, и при лицезрении его народ превращался в камень: будет найдено, что это был иероглиф Гражданской Власти в Афинах; а Священное Писание в книге Иезекииля³⁵¹ дает Египетскому Царю титул Великого Дракона, лежащего среди своих рек (в совершенном согласии со сказанным выше, что драконы зарождаются в воде и что Гидра по воде получила свое

имя); Японский Император учредил Орден Всадников, носящих в виде девиза Дракона; *(это, должно быть, Кнеф, или крылатый дракон Египтян)*. Истории времен вернувшегося варварства рассказывают, что Дом Висконти за свое исключительное благородство получил название Герцогов Миланских, и на его щите был Дракон, пожирающий ребенка, - совершенно как Пифон, пожирающий греческих людей и убитый Аполлоном, т.е. Богом Благородных, как мы нашли; в этом Гербе должно вызывать удивление единообразие героического мышления у людей этого второго, вернувшегося, варварства с древнейшими людьми первого. Следовательно, должны были существовать два крылатых Дракона, поддерживающих ожерелье из кремней, которые зажгли изрыгаемый драконами огонь; а также два Дракона, держащих Золотое Руно, чего не мог понять Шифле, написавший Историю этого знаменитого Ордена; поэтому Пьетрасанта признает, что темна эта История. Как в одних частях Греции Геркулес убивает змей, льва, гидру, дракона, а в других Беллерофонт уничтожает Химеру, так в - третьих Вахх приручает тигров, т.е. земли, одетые в разные цвета, как шкура тигров; впоследствии имя "тигры" перешло на животных этого сильнейшего вида, так как то, что Вахх укрощал тигров вином, является физической историей, которую совершенно не подобало знать Героям-земледельцам, долженствовавшим основать Нации; не говоря уже о том, что нам нигде не рассказано о путешествиях Вахха в Африку или в Гирканию для укрощения тигров; в те времена, как мы покажем в "Поэтической Географии", Греки не могли даже знать, существует ли на свете сама Гиркания, а еще того меньше - Африка, не говоря уже о тиграх в лесах Гиркании или в пустынях Африки.

Хлебные колосья назывались "золотыми яблоками", и это было первое в мире золото в те времена, когда металл золото был еще в самородках, когда еще не было известно искусство извлекать его из массы и тем менее - придавать ему блеск и сияние; а когда пили воду прямо из источников, тогда совершенно не могли оценить пользу золота. Впоследствии же, по сходству цвета и высшей ценности хлеба, как пищи, в те времена путем переноса металл был назван золотом; почему и Плавт должен был сказать *thesaurum auri*³⁵², чтобы отличить золото от зерна; несомненно также, что Иов, перечисляя предметы роскоши, из-за которых он пал, говорит, что он ел пшеничный хлеб; равно как и в деревнях наших наиболее отдаленных провинций, вместо употребляемой в городах настойки из почек, больных кормят хлебом из зерна, а также говорят: "больной ест хлеб из зерна" в смысле "он при последнем издыхании". Позднее, когда больше развилась идея ценности и нежности, золотом стали называть прекрасную шерсть. Поэтому у Гомера Атрей жалуется, что Тиест похитил у него золотых овец, а Аргонавты из-за Понта похищают золотое руно. Поэтому тот же Гомер называет своих Царей, т.е. Героев, с постоянным эпитетом **ποῦμήλος**, что истолковывают как "богатый стадами"; совершенно так же у древних Латинян соответственно такому единообразию идей родовое наследство называлось *rescūa*, по мнению Латинских Грамматиков - от *rescus* - "скот"; так же и у Древних Германцев,

по рассказу Тацита, стада - это *solae et gratissimae opes sunt*³⁵³. Совершенно такой же обычай должен был существовать и у древних Римлян, у которых родовое наследство называлось *rescupia*, как об этом свидетельствуют Законы XII Таблиц в главе о Завещаниях; **μηλον** значило и мелкий рогатый скот и яблоко у Греков, которые, может быть, с точки зрения наиболее ценимого плода, говорили **μελι** - "мед", а итальянцы называют *melì* и яблоки. Итак, золотом пшеницы были золотые яблоки, прежде всего другого принесенные, т.е. собранные Геркулесом в Гесперии. А Галльский Геркулес, который цепями из такого золота, выходящими у него изо рта, приковывает уши людей, ниже будет истолкован как История обработки полей. Поэтому Геркулес считался Божеством, благосклонным к открыванию сокровищ; Богом этих сокровищ был *Dis*, т.е. тот же Плутон, похищающий в Преисподнюю Прозерпину, т.е., как мы покажем ниже, - ту же Цереру, т.е. хлеб; как Поэты нам рассказывают, Плутон унес Цереру в Преисподнюю, причем первая Преисподняя была там, где Стикс, вторая - там, где находились погребенные, третья - в глубине борозд, как это будет показано на своем месте; по богу *Dis* были названы *dites* - "богатые", а богатые были благородными, как у Испанцев говорят *ricos hombres*, а у нас. итальянцев, в старину говорили *benestanti*³⁵⁴; у Латинян *ditio* называется то, что мы называем Государственной Властью, так как возделанные поля составляют истинное богатство Государств; поэтому у тех же Латинян *ager* назывался Государственный округ, тогда как *ager* в собственном смысле - это земля, которая *aratro agitur*. Таким образом, должно быть истиной, что Нил был прозван **χρυσορροας**- текущее золото, так как он орошает широкие поля Египта и от его наводнений происходит великое изобилие урожая; "золотыми реками" назывались также Паттала, Ганг, Гидасп, Тахо, так как они удобряют зерновые поля и, несомненно, не несут золотистого песка и еще того меньше — золотой воды. Из этого золотого яблока, несомненно, чрезвычайно ученый в героической Древности Вергилий³⁵⁵, применяя обратный перенос, делает золотую ветвь, которую Эней несет в Подземелье, *чтобы увидеть там своих предков и свое потомство, о чем так много наболтали ученые Мифологии: ведь великий Поэт в первых шести книгах воспевает политического Героя, а в остальных шести дает идею Героя войны; но Политические Герои, о которых мы сейчас ведем речь, осевшие на определенных землях, где они хоронили своих мертвецов, и сделавшие древний великий лес доступным для земледелия, достоверно знали и свое происхождение и свое потомство; ниже мы увидим, что первым подземельем Поэтов были могилы, потом — глубины вспаханных земель, где хоронится зерно.* Кроме того, золото-металл в героические времена ценилось не выше железа; например, Теарк, царь Эфиопии, отвечает посланцам Камбисы, поднесшим ему от лица своего Царя множество золотых сосудов, что он не видит в них никакой пользы, а еще того меньше - необходимости³⁵⁶; отказ его, несомненно, свидетельствует о величии души. Совершенно то же самое Тацит рассказывает о Древних Германцах, в те времена, как мы увидим, бывших такими древнейшими Героями, о которых мы теперь ведем речь: *est videre apud illos argentea vasa Legatis et Principibus eorum*

*muneri data, non alia vilitate quam quae humo finguntur*³⁵⁷. Поэтому у Гомера в Вооружении Героев безразлично сохранилось и золотое и железное оружие, так как первый мир изобиловал такими рудниками, как и Америка при своем открытии, и лишь позднее они были истощены человеческой жадностью. Из всего этого вытекает следующий великий Королларий: разделение четырех Веков мира, т.е. золотого, серебряного, медного и железного, было изобретено Поэтами позднейших времен. Ведь поэтическое золото, т.е. пшеница, дала у первых Греков название Золотому Веку, незнание же пшеницы свидетельствовало о высшей дикости Полифемов, по Платону - первых Отцов семейств (как мы имели случай сказать это выше по другому поводу); они раздельно и поодиночке жили в своих пещерах со своими женами и детьми, один совершенно не вмешивался в дела другого, как у Гомера Полифем рассказывал Улиссу.

В подтверждение всего того, что до сих пор было здесь сказано о поэтическом золоте, полезно привести два все еще существующие обычая, причины которых можно объяснить только нашими Основаниями. Первый из них - это золотое яблоко, вкладываемое в руку Царей среди других торжественных обрядов при коронациях; оно же поддерживает над их Гербами Королевскую корону; такой обычай не может иметь иного происхождения, как от золотого яблока, т.е., утверждаем мы, от хлеба; здесь же будет показано, что это яблоко было иероглифом Героической собственности на земли, может быть. Египетские Жрецы обозначали ее яблоком (если только это не яйцо) во рту Кнефа, о чем речь будет ниже; этот иероглиф был занесен к нам Варварами, наводнившими все страны, подвластные Римской Империи. Второй обычай - это золотые монеты, которые среди других торжественных свадебных обрядов Цари дарят своим Царственным Невестам; золотые монеты также должны происходить от поэтического золотого хлеба, как мы здесь говорили; эти золотые монеты в точности обозначают героические свадьбы, справлявшиеся Древними Римлянами *coemptione et farre*³⁵⁸, соответственно рассказу Гомера о том, что Герои за приданое покупали жен; в такой золотой дождь, т.е. в зерно, должен был превратиться Юпитер, проникая к Данае, запертой в башне; под последней нужно понимать амбар, обозначающий изобилие этого великолепия; к этому же поразительно подходит еврейское выражение - *et abundantia in turribus tuis*³⁵⁹, - и такое предположение подтверждают Древние Британцы, у которых Женихи в виде торжественного брачного обряда приготавливали для Невест Пироги.

Когда возникли эти человеческие вещи в греческой Фантазии, тогда появились три другие божества *Gentes Majores* в том порядке идей, какой соответствует порядку самих вещей. Прежде всего - Вулкан. Затем - Сатурн, названный так от *sata*, посевы, почему Век Сатурна Латинян соответствует Золотому Веку Греков. На третьем месте - Кибела, или Берецинтия, возделанная земля (поэтому ее изображают сидящей на льве: то была покрытая лесом земля, обращенная Героями к земледелию, как было

разъяснено выше). Ее называют великой Матерью Богов, а также Матерью Гигантов; последние были названы в собственном смысле "сыновьями Земли", как об этом говорилось выше, таким образом, она - мать Богов, т.е. Гигантов, которые во время первых городов незаконно присвоили себе имена Богов, как это также было сказано выше. Ей была посвящена сосна, знак постоянства, потому что Создатели народов, осевшие на первых землях, основывали города. Богиней которых была Кибела. У Римлян она называлась Вестой, Богиней Божественных Церемоний, так как вспаханые (aratae) в то время земли были первыми в мире алтарями - агае (как мы увидим в главе о Поэтической Географии), где Богиня Веста, вооруженная свирепой Религией, охраняла огонь и far (полбу) - пшеницу Древних Римлян; поэтому у последних свадьбы справлялись aqua et igni, а также полбой и назывались nuptiae confarreatae; позднее такие свадьбы сохранились только у одних Жрецов, так как первые Семьи состояли целиком из Жрецов (в Восточных Индиях были открыты Царства ронз), вода, огонь и полба были элементами Римских Божественных Церемоний. На этих первых землях Веста приносила в жертву Юпитеру безбожников гнусной общности, осквернявших первые алтари, т.е. первые хлебные поля, как мы сказали выше и как ниже это будет разъяснено. Они были первыми "гостями", первыми жертвами языческих Религий; Плавт их назвал Saturni hostiae, как было отмечено выше; их называли также victimae³⁶⁰ от victis, так как они были слабы, ибо одиноки, и в этом смысле "слабый" сохранилось у Латинян слово victus; их называли также hostes, так как такие безбожники по правильной идее считались врагами всего Рода Человеческого; отсюда сохранился у Римлян обычай натирать лоб и рога жертв полбой. По Богине Весте те же Римляне называли Девственниц-Весталок, стерегущих Вечный Огонь: если он в каком-нибудь несчастном случае погаснет, то снова зажжен он должен быть Солнцем, так как у Солнца (как мы ниже увидим) Прометей похитил первый огонь и перенес его на землю к Грекам; они подожгли им леса и начали обрабатывать почву. И Веста потому Богиня Божественных Церемоний у Римлян, что первое возникшее в Языческом мире colere³⁶¹ было культурой земли, первым культом было сооружение таких алтарей, возжением на них первого огня и принесением на них в жертву, как было только что сказано, безбожных людей.

Именно так были установлены и именно так охранялись границы полей. О разделении их в слишком общей форме рассказано юристом Гермогенианом, который представлял себе дело так, что оно происходило вследствие свободного соглашения людей, осуществлялось с полной справедливостью и соблюдалось с такой же добросовестностью в те времена, когда еще не существовало общественной силы оружия и, следовательно, никакой Гражданской Власти законов. Однако этого совершенно нельзя принять, так как Разделение ролей происходило среди людей в высшей степени диких и соблюдавших какую-нибудь устрашающую Религию, которая их удерживала и ограничивала в пределах определенных земель. Посредством кровавых церемоний они освятили первые стены, а по словам Филологов, эти стены Основа-

тели Наций провели плугом; кривая часть его, согласно открытому выше Происхождению Языков, должна была называться первоначально *urbs*, откуда древнее *urbim*, т.е. кривое; таково же, может быть, и происхождение слова *orbis*; таким образом, у первых *orbis terrae*³⁶² всякая ограда была столь низкой, что Рем легко перепрыгнул ее, за что и был убит Ромулом; Латинские Историки рассказывают, что он освятил своей кровью первые стены Рима, так что такая ограда должна была быть *seres* ("изгородь"), а у Греков **σῆψ** значит "змея", в своем героическом значении - "возделанная земля"³⁶³; таково должно быть происхождение выражения *munire viam* ("проложить дорогу"), что делается посредством укрепления изгородью полей; поэтому стены назывались *moenia*, почти что *munia*, как *munire*, несомненно, сохранилось в смысле "укреплять"; для таких изгородей сажали те растения, которые у Латинян назывались *sagmina*³⁶⁴, итальянское *sanginelle*, "пырей", до сих пор сохранившийся и такое применение и такое название, слово *sagmina* сохранилось для обозначения травы, служившей для украшения алтарей: она была названа так по крови (*sanguis*) убитых за то, что они, как Рем, переходили через нее. *До сих пор у Итальянцев он называется "святой травой" — erba santa.* Отсюда происходит святость (*sanctitas*) стен, как было сказано, а также Герольдов, которые, как мы увидим ниже, устраивали себе корону из такой травы; древние Римские Послы, несомненно, делали то же самое из трав, собранных с укреплений Капитолия; наконец - святость Законов войны и мира, принесенных этими Герольдами; отсюда же "санкция" (*sanctio*) - та часть закона, которая налагает наказание на его нарушителей. Итак, здесь начинается то, что мы доказываем в настоящем Произведении: Естественное Право Народов было установлено Божественным Провидением у каждого из народов в отдельности, но, знакомясь друг с другом, они узнавали, что это право у них общее. И если Римские Герольды, освященные такими травами, не подвергались насилию среди других народов Лациума, то необходимо, чтобы последние, ничего не зная о Римлянах, соблюдали тот же самый обычай.

Так Отцы семейств подготовляли посредством Религии существование своих Героических Семей, которое они должны были сохранять посредством Религии же. Отсюда - тот неизменный обычай, что Благородные должны быть религиозными (как замечает Юлий Скалигер в "Поэтике"); таким образом, должно быть великим признаком близкого конца Нации, если Благородные пренебрегают своей родовой Религией. *Этими Основаниями должны были бы руководствоваться Аристотель и другие, писавшие об Экономическом Учении; но так как у них не было нашей Науки, то они и не могли видеть Семью со стороны сыновей и — еще того меньше — со стороны fatulī: ведь все Философы, обманутые Филологами, полагали, что семьи в Естественном состоянии заключали в себе только одних сыновей.*

Вообще мнение, и Филологов и Философов таково, что Семьи в так называемом Естественном Состоянии обнимали только Сыновей, тогда как они состояли также и

из *Famuli*, по которым первоначально и были названы Семьи (*Familiae*). На такой недостаточной Экономике устанавливали они ложную Политику, как было отмечено выше и полностью будет показано ниже. Поэтому с *famuli*, имеющих в первую очередь значение для Экономической Науки, мы и начинаем здесь речь о Политике.

О СЕМЬЯХ, которые состояли из *Famuli* до возникновения Городов, так как без *Famuli* вообще не могли возникнуть Города

Ведь в конце концов, по истечении долгого века, безбожные гиганты, оставшиеся в гнусной Общности вещей и женщин и в порожденных этой Общностью раздорах, как говорят юристы, эти безбожные Гиганты, или простаки Гроция, или покинутые Пуфендорфа, ради спасения от насильников Гоббса (как звери, гонимые сильнейшим холодом, приходят иногда, ища своего спасения, в населенные места), прибегали к Алтарям Сильных; а здесь эти свирепые - поскольку они уже были объединены в сообщества Семей - убивали насильников, нападавших на их *вспаханные* земли, и принимали под свое покровительство прибежавших к ним несчастных. И здесь к Естественному Героизму (к тому, что они были рождены Юпитером, т.е. произошли от ауспий Юпитера, *и что они — сыновья Богов - Манов*) присоединился в них в первый раз Героизм доблести, в котором Римский народ превзошел все другие народы на земле, так как руководствовался двумя следующими практическими законами: *Parcere subjectis et debellare superbos*³⁶⁵. Если мы хотим понять, как люди из звериного состояния, когда они были дики и неукротимы в своей животной свободе, перешли к человеческому обществу, то здесь представляется достойным размышления следующее обстоятельство: чтобы первые люди могли прийти к первому общению, т.е. к общению в браках, им нужны были самые острые стимулы скотской похоти, а чтобы удержать их в браках - нужны были самые сильные удила устрашающих Религий, как выше было показано. От этого произошли браки, самая первая дружба, какая только зародилась в мире; поэтому Гомер, желая указать, что Юпитер и Юнона возлежат вместе, говорит с героической серьезностью, что они "празднуют между собою дружбу" ³⁶⁶; по-гречески **φιλία** - того же происхождения, что и (**φιλέω** - amo - люблю; отсюда у Латинян слово *filius* - "сын", а (**φίλιος** у Ионийских Греков - "друг"; потому же у Греков, с изменением звука одной соседней буквы, (**φυλή** - "род"; выше мы уже видели, что *stemma* назывались генеалогические нити, названные Юристами *lineae*. От такой природы вещей человеческих осталось то вечное свойство, что естественная дружба - это брак: в нем естественно объединяются все три цели благ, т.е. честность, полезность и удовольствие; поэтому муж и жена испытывают одну и ту же участь и в благополучии и в злосчастиях жизни; совершенно так же и в дружбе по выбору - *amicorum omnia sunt communia*³⁶⁷, - *вспаханные* и что они - сыновья Богов - Манов почему Модестин определял брак как *omnis vitae consortium*³⁶⁸.

Вторые люди³⁶⁹ переходили ко второму виду общества (т.е. к обществу в подлинном смысле этого слова, как мы покажем немногим ниже) только в случаях крайней жизненной необходимости. Здесь также достойно размышления следующее: так как первые люди перешли к Человеческому Обществу под влиянием Религии и естественного инстинкта распространения рода человеческого, т.е. одной - благочестивой, а другой - в собственном смысле языческой причины, то они положили начало благородной, или господской, дружбе; а так как вторые пришли к нему в силу необходимости спасти жизнь, то они положили начало обществу в собственном смысле этого слова, главным образом - ради обмена пользой и, следовательно, низкой и рабской дружбе. Поэтому Герои принимали подобных беглецов соответственно справедливому закону покровительства: они могли поддерживать свою естественную жизнь с обязательством служить Героям как поденщики. По Славе - Фама - этих Героев (первоначально она приобреталась осуществлением двух видов практической деятельности, как мы только что говорили, т.е. Героизмом доблести и всемирной известностью, откуда κλέος, т.е. слава у Греков, откуда Фама у Латинян, равно как φήμη у тех же Греков) беглецы назывались Famuli, и по ним первоначально были прозваны Семьи (Familiae). Повествуя о допотопных гигантах. Священная История по этой Славе - Фама - определяет их как viros famosos³⁷⁰. Совершенно так же Вергилий описывает Славу: она сидит на высокой Башне - это земли, расположенные на высотах Силачей; голова ее уходит в Небо - она начинается за горными вершинами; она крылата, так как принадлежала Героям (поэтому же в лагере, расположенном около Трои, Слава летает по рядам греческих героев, а не среди толп их плебеев); она с трубой - это труба Клио, Героической Истории, прославляющей великие имена, т.е. имена Основателей Наций.

Итак, в подобных Семьях еще до Городов жили Famuli на положении рабов; они были прототипами тех рабов, которых впоследствии получали на войне, уже после того как зародились Города. Такие рабы у Латинян назывались vernae, и от них происходят языки, так называемые vernaculae, как было сказано выше. Дети Героев в отличие от детей Famuli назывались liberi, на самом же деле они от них не отличались решительно ничем. Совершенно то же самое рассказывает нам Тацит о Древних Германцах (и мы можем думать, что такой обычай был общ всем первым варварским народам): dominum ac servum nullis educationis deliciis dignoscas³⁷¹. У Древних Римлян во всяком случае Отцы Семейства обладали суверенной властью над жизнью и смертью своих сыновей и деспотической собственностью на их приобретения; поэтому до времени римских принцепсов сыновья рабов ничем не отличались от сыновей свободных в отношении своих имущественных прав (peculium). Итак, слово liberi первоначально значило "благородные"; поэтому artes liberales - "благородные искусства"; liberalis осталось в значении "благородный", а liberalitas - "благородство"; соответственно тому же древнему происхождению и gentes (от genus, "род") назывались у Латинян благородные дома: как мы увидим ниже, первые роды (gentes) со-

стояли из одних Благородных, и только Благородные были свободными (*liberales*) в первых Городах.

С другой стороны, *famuli* назывались *clientes* (клиенты), первоначально *clientes* от древнего глагола *cluere* - "сиять светом оружия", - и этот блеск назывался *clueg*, - так как они сияли блеском того оружия, которым пользовались их Герои³⁷² (совершенно таково же происхождение слова *incluti*, впоследствии *incluti* - "знаменитые") и по которому их можно было различить среди других людей (ниже это будет разъяснено). Здесь имели свое начало клиентелы и первые следы феодалов, о чем нам впоследствии придется много говорить; мы читаем в Древней Истории, что эти клиентелы и клиенты были распространены среди всех наций, как это было предпослано в Аксиомах³⁷³. Фукидид рассказывает, что в Египте даже в его времена Танисские династии были целиком распределены между Отцами семей, т.е. Государями Пастырями таких семей; а Гомер называет столько же Царей, сколько воспеваает Героев, и определяет их как Пастырей Народов: они должны были появиться раньше пастырей стад, как мы покажем ниже. Во всяком случае в Аравии, как прежде в Египте, они и теперь существуют в большом числе. А в Западных Индиях оказалось, что большая часть страны в подобном естественном состоянии управляется такими Семьями, настолько разросшимися от многочисленных рабов, что Карл V, король Испании, вынужден был задуматься над тем, как бы положить этому предел и меру. С одной из таких Семей должен был Авраам вести войну против языческих царей, причем тех слуг, при помощи которых он ее вел, весьма кстати для нашей цели. Ученые Библиисты переводят как *vernaculi*, а слово *vernae* мы разъяснили немногим выше.

С возникновения этих вещей поистине завязался знаменитый Геркулесов Узел (*pechum*): по нему клиенты назывались *pechi*, "привязанные к землям", которые они должны были обрабатывать для Покрытых Славой. Впоследствии *pechum* изменился в фиктивный узел, как мы увидим в Законах XII Таблиц, оформивших гражданскую манципацию, которая освящала все законные акты Римлян. Итак, поскольку нельзя уразуметь видовое различие понятия "общество" (*societas*) ни с точки зрения еще большей ограниченности круга лиц, обладающих благами, ни с точки зрения того, что может быть еще более необходимо, то именно здесь должны были получить свое начало первые в мире союзники (*socii*). Как мы указывали в Аксиомах³⁷⁴, то были союзники Героев, принятые ценою жизни, т.е. как вручившие свою жизнь умеренности Героев. Поэтому Улисс собрался размозжить голову Антиною, начальнику его союзников, за одно слово, хотя и сказанное ему не со зла, но просто ему не понравившееся³⁷⁵. А благочестивый Эней убивает союзника Мисена, так как он был ему нужен для жертвоприношения. Таково дошедшее до нас Простонародное Предание. Но так как при мягкости римского народа было слишком жестоко слушать это об Энее, которого сам Вергилий³⁷⁶ прославляет за благочестие, то мудрый поэт повествует так, будто Тритон убил Мисена, осмелившегося соревноваться с ним в

трубных звуках; однако в то же самое время Вергилий делает совершенно ясный намек, что именно так нужно понимать его, ибо он помещает смерть Мисена среди других торжественных обрядов, предписанных Энею Сивиллой; среди них было также и то, что прежде нужно было похоронить Мисена, чтобы потом можно было спуститься в преисподнюю; Вергилий откровенно говорит также, что Сивилла предсказала Энею смерть Мисена. - Таким образом, то были союзники только в трудах, но не в приобретениях, и еще того меньше - в славе (ею сияли только Герои; они у Греков назывались **κλέϊτοι**, т.е. "славные", у Латинян - *inclyti*; от *socii* у Римлян сохранились так называемые "союзнические" Провинции). Эзоп жалуется на это в Басне о Львином Обществе, как было сказано выше. Ведь, несомненно, о Древних Германцах (позволяющих нам сделать необходимое предположение о существовании того же самого у, всех других варварских народов) Тацит рассказывает по поводу таких *famuli*, или клиентов, или вассалов, следующее: *suum Principem defendere et tueri, sua quoque fortia facta gloriae ejus adsignare, praecipuum juramentum est*³⁷⁷; в этом - одна из самых устойчивых особенностей наших Феофов. Именно так, и не иначе, должно было произойти то, что под личностью или главою (как мы ниже увидим, они обозначают то же самое, что и Маска) и под именем (как мы теперь сказали бы - гербом) отца римской семьи объединялись в правовом отношении все сыновья и все рабы; отсюда у Римлян осталось слово "clurea": так назывались полубюсты с изображением Предков, помещаемые в круглых углублениях стен внутренних двориков, - их, весьма кстати для наших целей (т.е. для того, что здесь говорится о Происхождении Медалей), Новая Архитектура называет "Медальонами". Таким образом, с полной истинностью должны были говорить во Времена Героические как Греки, у которых Гомер рассказывает, что Аякс, башня Греков, один сражается с целыми полчищами Троянцев, так и Латиняне, у которых один Гораций противостоит на мосту Тосканскому войску: это означает Аякса и Горация с их вассалами. Совершенно так же в Истории вернувшегося варварства сорок Норманских Героев, возвращавшихся из Святой Земли, прогоняют Сарацинское войско, осаждавшее Салерно. Поэтому нужно сказать, что из того первого древнейшего покровительства, которое Герои оказывали беглецам на своих землях, должны были возникнуть в мире Феоды; первоначально то были персональные земледельческие Феоды, и соответственно им такие вассалы были первыми *vades*, лично обязанными следовать за своими Героями, куда бы те их ни посылали, чтобы обрабатывать их поля (впоследствии словом *vades* назывались поручители обвиненных, обязанные следовать за истцами в суд); поэтому, как **βάς** у Латинян, *ris* у Греков, так *Was* и *Wassus* у варварских Феодалитов остались в значении "вассалов". Позднее должны были появиться земледельческие реальные Феоды, и соответственно им вассалы были первыми *praedes* или *mancipes*, т.е. обязанные в отношении недвижимого имущества (*mancipes* в собственном смысле назывались обязанные Эрарию). Подробнее об этом речь будет ниже.

Кроме того, здесь же должны начаться первые Героические Колонии, - их мы назвали материковыми в отличие от других, появившихся позднее, т.е. приморских Колоний. Мы увидим, что последние были отрядами беглецов из-за моря, спасавшихся в другие земли, как было отмечено в Аксиомах³⁷⁸. Ведь само слово "колония" означает всего только толпу поденщиков, обрабатывающих поля за дневное пропитание (как и теперь они это делают). Историями двух этих видов Колоний служат два следующих Мифа. О материковых Колониях - Миф о знаменитом Геркулесе Галльском³⁷⁹, который цепями из поэтического золота (т.е. пшеницы), выходящими у него изо рта, приковывает уши множества людей и ведет их за собою, куда хочет; *это — настоящий Геркулесов Узел, о котором мы упомянули немногим выше и о котором нам придется еще говорить впоследствии*. До сих пор этот Миф считали символом красноречия; однако он зародился в те времена, когда Герои не имели еще артикулированного языка, как выше это было полностью показано³⁸⁰. О приморских колониях - Миф о сети, которой героический Вулкан извлекает из моря плебейских Богов, Венеру и Марса³⁸¹ (это различие будет ниже объяснено в общей форме); Солнце открывает их полную наготу, т.е. то, что они не одеты гражданским светом, которым сияли Герои, как только что было сказано; и Боги, т.е. Благородные Героических Городов, как было разъяснено выше, насмеяются над ними, - так поступали Патриции по отношению к несчастному древнему Римскому плебсу³⁸².

Наконец, здесь же имели свое первоначальное Происхождение и Убежища. Поэтому Кадм, заложив убежище, основал Фивы, - самый древний город Греции. Тезей основал Афины, как Алтарь Несчастных, ибо соответственно правильной идее несчастными называли безбожных бродяг, лишенных всех божеских и человеческих благ, произведенных для благочестивых Человеческим Обществом. Ромул основал Рим на убежище, открытом в роще, если только он, как Основатель нового города, не заложил его вместе со своими товарищами на основе тех убежищ, из которых возникли древние города Лациума; Ливии в общей форме определяет по этому поводу убежища как *vetus urbes condentium consilium*¹² и неправильно, как мы видели выше, приписывает Ромулу слова, будто он и его товарищи были сыновьями этой земли; однако то, что в словах Ливия соответствует нашей цели, доказывает происхождение городов из убежищ, так как вечная особенность городов та, что люди живут там в безопасности от насилия. Таким образом, от толп безбожных бродяг, повсюду искавших защиты и спасшихся на Землях, принадлежавших Благочестивым Силачам, идет изящное прозвище Юпитера - *Hospitalis* (Гостеприимный): ведь убежища были первыми в мире приютами, а принятые в них, как мы увидим ниже, - первыми гостями, т.е. чужестранцами первых Городов. Греческая Политическая История сохранила нам среди многочисленных подвигов Геркулеса также и два следующих: что он ходил по свету, убивая чудовищ, - людей по виду, зверей по обычаям, - и что он очистил грязнейшие конюшни Авгия.

Тогда поэтические люди измыслили два других из *Dii majores*: Марса и Венеру. Марс был характером Героев, первоначально и в собственном смысле сражавшихся *pro aris et focis*³⁸³: такой род борьбы был всегда героическим - сражаться за собственную Религию, к которой прибегает род человеческий, отчаявшись в помощи природы; поэтому Религиозные войны особенно кровопролитны, а свободомыслящие люди, старея, т.е. ощущая отсутствие помощи природы, становятся религиозными, почему мы выше и приняли Религию в качестве первого Основания нашей Науки. - Таким образом. Марс сражался на настоящих, реальных полях и за настоящими, реальными щитами, которые у Римлян назывались от *clue* сначала *clurei*, а потом *clurei* (во времена вернувшегося варварства замкнутые пастбища и леса также назывались *difese* - "защиты"). Такие щиты принимали удары настоящего оружия; первоначально, когда еще не было железного оружия, то были деревянные шести с обожженным концом, потом их обтачивали и заостряли на точильном камне, чтобы сделать годными для нанесения ран; такие простые, т.е. не оправленные железом, шести давались в виде военной награды Римским солдатам, героически ведшим себя на войне. У Греков шестом вооружены Минерва, Беллона, Паллада; а у Латинян от *quiris* - "шест" - Юнона называлась Квирина и Марс - Квирином; Ромул, так прекрасно умевший при жизни орудовать своим шестом, после смерти был назван Квирином; и Римский народ, вооруженный копьями так же, как Спартанский народ (т.е. Героический народ Греции) был вооружен шестами, назывался в собраниях *Quirites*. О варварских нациях Римская История повествует нам, что они выходили на войну с теми первыми шестами, о которых мы сейчас говорим, и описывает нам их как *praeustae sudes* - "обожженные на конце шести"³⁸⁴. Такое же вооружение было обнаружено и у Американцев; а в наши времена Благородные вооружены на турнирах теми шестами, которыми они первоначально орудовали на войне. Такой вид вооружения был открыт соответственно правильной идее силы - удлинить руку и посредством конца удалить опасность от тела, так как оружие, особенно близкое к телу, характерно для животных.

Выше мы нашли, что глубины полей, где находились погребенные, были первыми в мире щитами; отсюда в Геральдике щит остался как основание герба. И цвета полей были настоящими. Черный - от обгоревшей земли, подожженной Геркулесом, Зеленый - от зеленей. Ошибочно за металл было принято то золото, которое на самом деле было пшеницей: отливая золотом в сухих стеблях хлеба, она дала земле третий цвет, так это было сказано в другом месте; так, среди героических военных наград. Римляне нагружали пшеницей щиты солдат, отличившихся в сражениях; *adorea* они называли военную славу от *ador*³⁸⁶ - "поджаренное зерно", первоначально служившее пищей (древние Латиняне называли его *adur* от *uro* - "жгу"; таким образом, может быть, первые обряды религиозных времен состояли в поджаривании пшеницы). Голубой цвет был цветом того неба, которое покрывало просветы в рощах; поэтому французы называют *bleu* и голубой цвет, и небо, и Бога, как было ска-

зано выше. Красный цвет - это кровь безбожных Воров, которых Герои убивали, если находили на своих полях. Благородные Гербы, дошедшие к нам от вернувшегося варварства, несут на себе, как мы видим, множество Львов - черных, зеленых, золотых, голубых и, наконец, красных; все они (как и засеянные поля, перешедшие впоследствии на поля гербов - мы видели это выше) должны быть возделанными землями применительно ко Льву, побежденному Геркулесом (об этом речь шла выше); цвета же их были только что перечислены. Многие щиты разноцветны: то должны быть борозды, откуда вышли вооруженные люди Кадма, выросшие из посеянных им зубов великой змеи, которую он убил; многие несут на себе копья - то должны быть шести, составлявшие вооружение первых героев; многие несут на себе даже грабли, орудие, несомненно, деревенское. В силу всего этого нужно прийти к тому заключению, что как во времена первого варварства (это нам удостоверяют сами Римляне), так и во времена второго Земледелие создало первую Знать наций.

Позднее щиты Древних покрывались кожей; так у Поэтов старинные Герои одевались кожей, т.е. шкурами загнанных и убитых ими зверей. Об этом у нас есть прекрасное место из Павсания, где он сообщает о Пеласге, древнейшем герое Греции (он дал первое имя нации Пеласгов, так что Аполлодор "De origine Deorum" называет его **αὐτόχθων**, сын Земли; последних называли одним словом "гиганты"), что он изобрел одежды из кожи³⁸⁶. Удивительно совпадают времена второго варварства с первым: рассказывая о великих Персонажах Древности, Данте говорит, что они одевались в кожу и кости. А Боккаччо повествует, что они ходили, закутавшись в кожу^{386bis}. Оттого и должно было случиться так, что родовые Гербы покрывались кожей и на них шкура, подвернутая со стороны головы и ног, создавала подобающую отделку. *Все сказанное здесь бросает ясный свет на то, что было нами рассмотрено в "Новой Науке" о родовых Гербах.* Щиты были круглыми, так как вырубленные и возделанные земли были первыми orbis terrarum, как говорилось выше; поэтому у Латинян осталась та особенность, что щит clypeus был круглым в отличие от scutum, который имел углы. - Всякий просвет говорится в смысле "глаз", как и теперь еще "глазком" называют отверстие, откуда свет проходит в дом; но так как истинный смысл героического выражения "каждый гигант имеет свой просвет" стал впоследствии неизвестным, затем изменился и наконец был испорчен, то он стал ложным, когда дошел до Гомера: он был воспринят так, будто у каждого гиганта есть один глаз посреди лба. Такие одноглазые гиганты дошли до нас в качестве товарища Вулкана по первым кузницам, т.е. лесам, которые он поджег и где они делали первое оружие, - то были, как мы сказали, обожженные на конце шести; идея этого оружия та же самая, что и изготовление молний для Юпитера, так как Вулкан поджег леса, чтобы наблюдать открытое небо, откуда Юпитер посылает молнии. *Но так как Латинские Грамматики не знали такого происхождения вещей, которое должно было им дать науку о происхождении слов, то и слово Iucis перешло у них на обозначение священного леса, ибо в первые времена они рассматривали как священное*

*все светские вещи; наблюдая, что частые и густолиственные деревья своей глубокой тенью создавали усладу священных рощ. Грамматики придумали антифразу, согласно которой *lucus* было названо так потому, что поп *lucet*³⁸. Как будто создатели языков, состоявшие целиком из чувств в период образования языков (как выше это было полностью показано), давали имена вещам по их отрицанию; но последнее не оставляло никаких следов в их интеллекте и потому не могло вызывать никакого впечатления в их чувствах!*

Другим Божеством, зародившимся среди этих древнейших вещей человеческих, была Венера - характер гражданской красоты; поэтому *honestas* сохранилось в значении "благородство", и "красота", и "доблесть". Ведь эти три идеи должны были возникнуть в следующем порядке. Прежде всего была понята гражданская красота, принадлежавшая Героям. Потом - природная красота, подлежащая человеческим чувствам, а потому и чувствам тех людей, которые руководствуются умом, понятливы и умеют различать части или составлять соответствие в целом человеческого тела, в чем и заключается сущность красоты; поэтому крестьяне и люди из просто-народья или совсем не понимают красоты, или понимают ее очень мало; это показывает ошибку Филологов, утверждающих, что в те наивные и глупые времена, о которых сейчас идет речь. Царей выбирали с точки зрения их телесной красоты и телосложения; ведь такое Предание нужно понимать в том смысле, что гражданская красота составляла благородство Героев, как мы сейчас скажем. Наконец была понята красота доблести, которую называют *honestas* и которая понятна только Философам. Поэтому гражданской красотой должны быть прекрасны Аполлон, Вакх, Ганимед, Беллерофонт, Тезей и другие Герои; ради них, может быть, была придумана Венера мужского пола. *Зародилась в сознании Поэтов-Героев такая фантастическая идея потому, что они видели, насколько грубы, мерзки, грязны, убоги и косматы были безбожные люди, прибежавшие к их убежищам; были бы достойны прийти в такое состояние некоторые ученые со своими туманными писаниями; во главе их оказался бы Бейль, утверждавший, что человеческое общество может жить и живет в действительности без религии.* Такою и не иною красотой были прекрасны Спартанцы, Герои Греции, бросавшие с горы Тайгета уродливых и безобразных новорожденных, т.е. рожденных благородной женщиной без торжественной свадьбы; именно такими должны быть *monstra* (уроды), которых Законы XII Таблиц предписывали бросать в Тибр; ведь совершенно неправдоподобно, что Децемвиры при тогдашней скудости законов, свойственной первым Государствам, думали о природных уродах, которые настолько редки, что редкие в природе вещи называются уродливыми; даже при современном богатстве законов законодатель предоставляет на усмотрение судей редко встречающиеся случаи. Таким образом, уродами (*monstra*) первоначально и в собственном смысле назывались гражданские уроды; одного из них имел в виду Памфил, когда он говорит, неправильно подозревая, что девушка Филумена забеременела: ...*Aliquid monstri alunt*³⁸⁸; так они и про-

должали называться в Римских Законах, которые должны были выражаться совершенно точно (по наблюдениям Антония Фабра в "Jurisprudencia Papiniana"), как выше это было отмечено в другом месте и по другому поводу. Поэтому хотя и с добрым намерением, но и с грубым незнанием Римских Древностей он пишет со слов Ливия³⁸⁹, что если бы Благородные приобщили плебеев к коннубиям; то от этого произошло бы потомство *secum ipsa discors*³⁹⁰, иными словами - Урод, состоящий из двух природ: одной - героической природы Благородных, другой - звериной природы самих Плебеев, которые *agitabant connubia more ferarum*³⁹¹; последнее изречение Ливии взял у какого-нибудь древнего летописца и применил не научно, так как он приводит его в том смысле, как если бы Благородные роднились с Плебеями: ведь плебеи при своем тогдашнем состоянии почти что презренных рабов не могли претендовать на это перед благородными, но они добивались только права заключать торжественные бракосочетания, - а последнее значит то же самое, что *connubium*; это же право принадлежало только благородным, но у животных никогда один вид не общается с другим видом; таким образом, приходится сказать, что посредством такого изречения Благородные в героических распрях насмеялись над Плебеями: раз у последних не было публичных ауспий, своею торжественностью придававших точность бракам, то ни один из плебеев не имел определенного отца; в Римском Праве от этого осталось следующее определение, известное каждому: *nuptiae demonstrant patrem*³⁹²; таким образом, при этой недостоверности Благородные говорили про Плебеев, что последние общаются со своими матерями и со своими дочерьми, как звери.

Атрибутами плебейской Венеры были голуби, и не потому, что они обозначали любовную привязанность, а потому, что они (по определению Горация) *degeneres*³⁹³, т.е. низкие птицы по сравнению с Орлом (тот же Гораций определяет его как *ferox*³⁹⁴); они обозначали, таким образом, что у Плебеев были свои собственные, т.е. меньшие, ауспии, в отличие от ауспий орла и молний, принадлежавших Благородным; Варрон и Мессала говорят о наибольших, т.е. публичных ауспиях, от которых зависело все героическое право Благородных, как это открыто подтверждает нам Римская История. Атрибутами же Героической Венеры, т.е. Венеры *Pronuba*, были лебеди, присвоенные также и Аполлону, как мы видели выше - Богу Благородных; от ауспий одного из этих лебедей Леда зачала от Юпитера яйцо, как было разъяснено выше. Плебейская Венера была нагой, тогда как *Pronuba* была прикрыта поясом (*cestum*), как сказано выше, и из этого видно, насколько искаженные представления существовали о Поэтической Древности! Впоследствии считали подстрекательством к сладострастию то, что поистине было изобретено для обозначения естественной стыдливости, т.е. точности и добросовестности, с которой соблюдалась среди плебеев естественные обязанности. Как мы увидим немногим ниже в главе о "Поэтической Политике", плебеи совершенно не имели прав гражданства в героических городах, и таким образом их законные обязательства не были

связаны никакими узами необходимых или гражданских законов. Затем атрибутами Венеры были Грации, также нагие; у Латинян *caussa* и *gratia* значили одно и то же; таким образом Грации для Поэтов должны были обозначать "голые договоры"³⁹⁵ (*pacta nuda*), порождающие только естественное обязательство; поэтому Римские Юристы называли *pacta stipulate* то, что позднее Древние Истолкователи называли *pacta vestita* (ведь они понимали под *pactum nudum* - *pactum non stipulatum*, и *stipulatio* должно было произойти не от *slips* - "денежный взнос", - так как в таком случае нужно было бы говорить *stipatio* с натянутым обоснованием, будто взнос "поддерживает" договор, - но оно должно происходить от *stipula* - "соломина": так говорили крестьяне Лациума, ибо договор был "одет" пшеницей); обратное этому "одетые договоры" (*pacta vestita*) у Феодальных Юристов первоначально назывались так по тому же самому происхождению, что и Инвеститура Феода, и отсюда же, несомненно, *exfestucare* - "лишение достоинства". Итак, в силу всего этого под *gratia* и *caussa* Латинские Поэты разумели одно и то же применительно к договорам, заключавшимся плебеями Героических Городов, когда впоследствии были введены договоры *de Jure Naturali Gentium*³⁹⁶ (Ульпиан говорит: *Humanarum*), тогда *caussa* и *negotium* обозначали одно и то же, так как в такого рода договорах самое дело почти всегда оказывается *caussae* или *cavissae*, т.е. обеспечением, имеющим ценность в силу стипуляции, которая обеспечивается в договорах (*pacta*). *Из таких оснований должна была бы исходить та значительная часть Римской Юриспруденции, которая рассматривает обязательства, вытекающие из Договоров.*

КОРОЛЛАРИИ

о Договорах, заключаемых на основе простого соглашения

Так как Героические Народы заботились только о жизненно необходимых вещах, так как они не собирали иных плодов, кроме природных, и не понимали еще пользы денег и так как они были почти что целиком погружены в телесное, то древнейшему праву не были, конечно, известны договоры, которые, как мы теперь говорим, заключаются на основе простого соглашения; так как они были также в высшей степени грубы, - а грубости свойственна подозрительность, ибо грубость порождается незнанием, человеческая же природа такова, что тот, кто не знает, всегда сомневается, - то в силу всего этого они не знали и доверчивости; поэтому всякие обязательства они удостоверяли прикосновением руки, настоящей или фиктивной; в последнем случае она удостоверяется в торговой сделке торжественной стипуляцией, откуда следующая знаменитая Глава в Законах XII Таблиц: *si quis nexum faciet mancipiumque, uti lingua nuncupasset, ita jus esto*³⁹⁷. Из такой природы гражданских человеческих вещей вытекают следующие истины:

I. Если древнейшие купля-продажа были, как говорят, меной, даже если они распространялись на недвижимое имущество, то они должны быть тем, что во времена вернувшегося варварства называли *libelli*³⁹⁸; польза их становится понятной

тогда, когда у одних - изобилие земель, приносящих множество плодов, а другие испытывают в них недостаток; отсюда - мена.

II. Сдача в наем домов не могла происходить, пока города были маленькими и жилища тесными: таким образом, хозяин земельного участка должен был отдать его, чтобы другой построил на нем дом; это же могло быть только цензом.

III. Сдача земель должна была быть эмфитевзисом, который у Латинян назывался *clientelae*; поэтому Грамматики³⁹⁹ по догадке говорили, что *clientes* значит то же самое, что и *colentes*.

IV. Таким образом, в этом должна заключаться причина того, почему во времена вернувшегося варварства в древних архивах мы не читаем других договоров, кроме цензов на дома или на земли, навсегда или на время.

V. В этом же, может быть, лежит причина того, почему эмфитевзис является договором *de Jure Civili*; соответственно нашим Основаниям это, как оказывается, то же самое,

что и *de Jure Heroico Romanorum*; ему Ульпиан противопоставляет *Jus naturale Gentium Humanarum*⁴⁰⁰; он называет его "человечным" (*humanum*) в противоположность Праву Варварских народов, существовавших раньше, но не Праву Варварских Народов, которые в его времена были за пределами Римской Империи, так как право последних не имело никакого значения для Римских Юристов.

VI. Товарищества не были еще известны при тех циклопических нравах, когда каждый отец семейства заботился только о своих собственных делах и совершенно не вмешивался в дела других, как выше мы это слышали от Гомера в рассказе Полифема Улиссу.

VII. По той же самой причине не был известен и договор поручения (представительства), потому и сохранилось правило Древнего Цивильного Права: *per extraneam personam acquiri nemini*⁴⁰¹.

VIII. Когда же за Героическим Правом позднее последовало Право Человечных народов, как его определяет Ульпиан, тогда произошел такой общий переворот, что Купля-Продажа, которая в древности не влекла за собою *evictio*, кроме тех случаев, когда был заключен дополнительный договор об уплате неустойки в двойном размере (*stipulatio dupla*), теперь стала Царицей Договоров, именуемых договорами, основанными на доверии (*bona fide*), которое естественно охватывает и ответственность за *evictio*⁴⁰².

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КАНОН

Теперь мы вернемся к трем характерам - Вулкана, Марса и Венеры. Здесь следует указать (и это Указание должно быть причислено к самым важным канонам нашей Мифологии, что они были тремя божественными характерами, обозначавшими самих Героев, в отличие от стольких же характеров, обозначавших Плебеев. Таков Вулкан, рассекающий голову Юпитера ударом секиры, от чего родится Минерва;

Вулкан, вмешавшийся в спор между Юпитером и Юноной и сброшенный за это с неба пинком Юпитера, почему Вулкан и остался хромым. Таков Марс, которому Юпитер делает жестокий выговор (по Гомеру), заявляя, что он самый презренный из всех Богов⁴⁰³; а Минерва в распре Богов (по словам того же поэта) поражает Марса ударом камня (Марс и Вулкан должны быть Плебеями, служившими Героям на войне). Такова Венера, которая должна представлять собою естественных жен Плебеев: она вместе с плебейским Марсом была поймана сетью Героического Вулкана; Солнце открыло их наготу, и другие Боги насмеялись над ними. Поэтому Венеру впоследствии ошибочно считали женою Вулкана; однако выше мы видели, что на небе был только один брак - Юпитера и Юноны, да и он был бесплоден; а Марса называли не любовником, а конкубином Венеры, потому что между Плебеями, как ниже будет показано, заключались только естественные браки, которые у Латинян назывались *concupinatus*. Как эти три характера здесь, так ниже и другие будут разъяснены на своем месте. Среди них мы найдем плебейского Тантала, который не может схватить яблок, так как они поднимаются, и коснуться воды, так как она уходит вниз; плебейского Мидаса, который умирает от голода, так как все, к чему бы он ни прикоснулся, становится золотом; плебейского Лина, который состязался с Аполлоном в пении и был им побежден и убит. Такие двойные Мифы, т.е. Характеры, были необходимы в том героическом состоянии, когда Плебеи не имели имен и носили имена своих Героев, как было сказано выше, не говоря уже о чрезвычайной бедности языка, неизбежной в первые времена: ведь даже при современном языковом богатстве одно и то же слово обозначает часто различные, а иногда и прямо противоположные друг другу вещи.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ, посредством которой зарождаются первые в мире Республики в Форме самых суровых Аристократий

Так основались семьи из этих *fatuli*, заполученных Героями посредством веры, или силы, или покровительства; *fatuli* были первыми в мире Союзниками (*socii*), как мы видели выше; от произвола Господ зависела их жизнь, а следовательно, также и их приобретения: когда Герои вследствие Циклопической Власти Отца обладали правом жизни и смерти над своими собственными сыновьями, тогда, как следствие из такого права над личностью, они обладали также и деспотическим правом над всеми их приобретениями. Это понял Аристотель, определявший сыновей в семье так: "одушевленные орудия своих отцов"; а Законы XII Таблиц до времен самой широкой народной Свободы сохранили за Римскими отцами семейств обе следующие монархические черты: власть над личностью и собственность на приобретения: до появления Императоров сыновья, как рабы, имели лишь один единственный вид имущества - *rescilitum*, и Отцы в первые времена действительно были властны трижды продавать своих сыновей в рабство; позднее, когда приобрела силу мягкость культурных времен, обычно проделывали три фиктивных продажи, если хотели освободить

сына из-под отцовской власти. Галлы и Кельты также сохраняли равную власть и над сыновьями и над рабами⁴⁰⁴. Обычай действительной продажи отцами своих сыновей был обнаружен в Западных Индиях, а в Европе такая продажа до четырех раз практикуется Московитами и Татарами. Значит, мало правды в том, будто другие Варварские Нации не обладают отцовской властью *talem qualem habent Gives Romani*⁴⁰⁵; явная ложность этого вытекает из той общей вульгарной ошибки, с которой Доктора Юриспруденции восприняли это изречение: ведь Римские Юристы сказали его по отношению к Нациям, побежденным Римским народом, а они (как подробнее это будет показано ниже) были по праву войны лишены всех гражданских прав, и таким образом у них осталась только естественная отцовская власть и, следовательно, только естественные кровные узы, так наз. *cognatio*; с другой стороны, у них осталась также естественная, т.е. бонитарная собственность; в силу всего этого и обязательства их были естественными, *de Jure Naturali Gentium*, которые Ульпиан специфицировал прибавкой "*Humanaum*". На основании этих соображений все народы, находящиеся за пределами Римской Империи, должны были иметь все эти установления гражданского права такие, какие были у самих Римлян.

Но вернемся к нашему рассуждению. Со смертью своих отцов сыновья оказывались освобожденными из-под такой личной монархической власти; обратно тому - каждый сын брал ее полностью для себя (поэтому каждый Римский Гражданин, свободный от отцовской власти, называется в Римском праве "Отцом семейства" - *Paterfamilias*). Но так как *Famuli* всегда должны были жить в состоянии слуг, то, естественно, по прошествии долгого времени они должны были этим пресытиться до тошноты (согласно выставленной нами выше Аксиоме⁴⁰⁶, что каждый подчиненный человек естественно жаждет избавиться от рабства). Таким образом они оказываются Танталом (плебейским, как мы только что говорили), который не может коснуться зубами яблок (это -золотые яблоки пшеницы, как мы выше разъяснили, поднимающейся на землях Героев), а чтобы утолить жгучую жажду, он не может взять даже маленького глотка воды - она доходит ему до самых губ, а потом убегает; Иксионом, который вечно вращается в колесе; Сизифом, который толкает вверх камень, брошенный Кадмом (твердая земля, достигнув вершины, обрушивается вниз; так у Латинян осталось *vertere terrain* - "переворачивать землю" вместо "обрабатывать" ее, а *saxum volvere* - "катать камень" вместо "с жаром выполнять долгую и трудную работу"). В силу всего этого *Famuli* должны были взбунтоваться против Героев. Это и есть та необходимость, предположенная нами в общей форме в Аксиомах⁴⁰⁷, в которую поставили *Famuli* Героических Отцов в состоянии Семей, и из этой необходимости зародились Республики. Ведь именно тогда, при столь великой нужде, сама природа должна была принудить Героев объединиться в сословия, чтобы противостоять многочисленным восставшим *Famuli*; возглавить же Героев должен был какой-нибудь Отец, более всех свирепый и обладающий наибольшим присутствием духа; таких Отцов называли Царями, *Reges*, от глагола *regere*, что значит в соб-

ственном смысле "поддерживать" и "направлять". Таким образом, говоря вразумительными словами юриста Помпония, *rebus ipsis dictantibus regna condita*⁴⁰⁸; это сказано соответственно учению Римского Права, которое устанавливает, что *Jus naturale gentium Divina Providentia constitutum*⁴⁰⁹. Так возникли Героические Царства; но так как Отцы были Суверенными Царями в своих Семьях при взаимном равенстве в этом состоянии и так как вследствие свирепой природы Полифемов ни один, естественно, не желал уступить другому, то сами собою возникли правящие Сенаты, т.е. Сенаты из многих семейных Царей; без всякого человеческого руководства или совета они оказались вынужденными объединить свои личные интересы на Общем каждому из них интересе; последний же называется "отеческим" (*patria*), а если подразумевать при этом также и *res*, то значит, "*interesse (интересы) patres (отцов)*"; и Благородные поэтому назывались *Patricii* (патриции); поэтому же только Благородные были гражданами первого отечества (*patria*). Таким образом, может оказаться правильным дошедшее до нас Предание, что в первые времена выбирали Царей по природе; два золотых места у Тацита, "*de Moribus Germanorum*", по этому поводу позволяют нам сделать предположение о существовании такого же обычая и у всех других первых варварских народов; одно из них: *populus casus populi fortuita conglobatio turmam, aut cuneum, facit, sed familiae et propinquitates*; второе: *duces exemplo potius quam imperio si prompti, si conspicui, si ante aciem agant, admiratione praesunt*⁴¹⁰.

Что такими были первые Цари на земле, доказывается следующим: Поэты-Герои именно таким представляли себе Юпитера на небе. Царя людей и богов, согласно золотому месту из Гомера⁴¹¹, где Юпитер извиняется перед Фетидой, - он, мол, ничего не может сделать вопреки тому, что Боги однажды определили в Великом Небесном Совете (это - язык настоящего Аристократического Царя); впоследствии Стоики старались вложить сюда свою догму о Юпитере, подчиненном Року: но ведь Юпитер и другие Боги держали совет о людских вещах и тем самым определяли их своей свободной волей. Приведенное здесь место объясняет и два других у того же Гомера, на которых Политики ошибочно основывают то мнение, будто Гомер имел в виду Монархию: одно - где Агамемнон упрекает в неповиновении Ахилла, другое - где Улисс убеждает бунтующих и желающих возвратиться домой Греков продолжать начатую осаду Трои; в обоих случаях Гомер говорит, что один у них Царь; ведь и то и другое сказано на войне, где один главнокомандующий, соответственно следующему подмеченному Тацитом правилу: *earn esse imperandi conditionem, ut non aliter ratio constet, quam si uni reddatur*⁴¹². Кроме того, тот же Гомер во многих местах обеих своих поэм упоминает Героев и везде с неизменным эпитетом "Цари"; с этим удивительно совпадает одно золотое место из "Книги Бытия", где Моисей, перечисляя потомков Исава, всех их называет Царями⁴¹³; мы сказали бы - Старейшины, в Вульгате читаем - *Duces*. Послы Пирра доносят ему, что они видели в Риме Сенат из многих Царей. Ведь, поистине, совершенно невозможно представить себе в гражданской природе ни одной причины, из-за которой Отцы при такой перемене состоя-

ния должны были бы изменить что-нибудь другое из своего прежнего естественного состояния, кроме подчинения своей суверенной Семейной власти самим их правящим Сословиям; скорее, Природа Сильных, как мы предпослали в Аксиомах⁴¹⁴, заключается в том, чтобы приобретения, добытые доблестью, уступать насколько можно меньше, и притом лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы сохранить приобретенное; поэтому мы так часто читаем в Римской Истории о героическом негодовании сильных, которое плохо переносит *virtute parata per flagitium amittere*⁴¹⁵. Раз только мы предположили, перебрав все возможные человеческие причины, что состояние гражданственности зарождается не от обмана и не от силы одного единственного (как мы показали выше и как ниже это будет разобрано более подробно), так тотчас же можно представить себе и другой путь, каким из семейной Власти могла образоваться гражданская Власть и как из естественной отцовской собственности (которая, как мы говорили выше, была *ex jure optimo* в смысле свободы от всякого частного и публичного обременения) могло образоваться *dominium eminens* Гражданского состояния.

Путь этот таков, - и при нашем способе рассмотрения его удивительно доказывает Происхождение Слов. На основе *dominium optimum*, которое Отцы у Греков называли **δικαίων ἀρίστον**, основались Республики, называвшиеся (как по другому поводу было сказано выше) у Греков Аристократическими, у Латинян - Республиками Оптиматов, от *Ops*, Богиня могущества; может быть, поэтому *Ops*, от которой произошло *optimus* (**ἀρίστος** у Греков, а затем *optimas* - у Латинян), была названа женою Юпитера, иными словами, она принадлежала к Правящему Сословию Героев, присвоивших себе, как выше было сказано, имена Богов: ведь Юлона на языке ауспий считалась женою Юпитера, понятого как грозное Небо. Матерью таких Богов, как сказано выше, была Кибела, ее же считали Матерью Гигантов, т.е. в собственном смысле слова - Благородных; как мы увидим ниже, в "Поэтической Космографии", Кибелу считали Царицей Городов. Итак, от *Ops* получили свое название Оптиматы. Все Республики Оптиматов были установлены исключительно для того, чтобы сохранить могущество за Благородными; с этой целью они придерживаются (и в этом их вечное свойство) двух следующих главных способов охраны: охраны Сословий и охраны Границ. Из охраны Сословий вытекает прежде всего охрана Родства, почему Римляне до 309 года от основания Рима делали коннубии недоступными для плебса; затем - охрана Магистратов, почему Патриции так долго сопротивлялись претензии плебса на Консулат; после этого - охрана Жречества и, наконец, охрана Законов, которые у всех первых наций рассматриваются как нечто священное; поэтому же до Законов XII Таблиц Благородные правили Римом на основе обычного права, как в Аксиомах⁴¹⁶ нам удостоверил Дионисий Галикарнасский; и даже еще через сто лет после этих законов Благородные держали замкнутой Интерпретацию их в Коллегии Понтификов (по рассказу юриста Помпония), так как до этого времени вступать в нее могли только Благородные. Вторая главная охрана - это охрана Границ; поэтому

Римляне до Войны с Коринфом соблюдали в войнах несравненную справедливость, чтобы не приучать плебеев к войне, и высшее милосердие в победах, чтобы не обогащать их, как выше об этом были выставлены две Аксиомы⁴¹⁷.

Этот великий и важный штрих Поэтической Истории содержится в Мифе о Сатурне, собирающемся пожрать младенца Юпитера, которого скрывают жрецы Кибелы и шумом оружия заглушают его крики. Здесь Сатурн должен быть характером *Famuli*, в качестве поденщиков обрабатывающих поля Отцов-господ и страстно жаждущих отнять у них эти поля, чтобы прокормиться ими. Таким образом, этот Сатурн оказывается отцом Юпитера, так как от него как бы случайно зарождается Гражданское Царство Отцов⁴¹⁸; последнее же объясняется, как было сказано прежде, характером того Юпитера, жена которого - *Опе*; ведь женою Юпитера - Бога ауспиций (а самыми торжественными ауспициями были молнии и орлы) - была Юнона, он - Отец Богов, т.е. Героев, считавших себя сыновьями Юпитера, так как они были порождены его ауспициями во время торжественных бракосочетаний, а божеством последних была Юнона; Герои взяли себе имена Богов, мать которых - Земля, т.е. *Опе*, жена этого Юпитера, как все это было сказано выше. Тот же Юпитер назывался Царем Людей, т.е. *Famuli* в состоянии Семей и плебеев в состоянии Героических Городов. Эти два божественных титула из-за незнания Поэтической Истории смешивались друг с другом, так что Юпитера делали даже Отцом тех людей, которые до позднейших времен древней Римской Республики по *poterant nomine cetero patrem*⁴¹⁹, как рассказывает Ливии, так как они родились от естественных, а не от торжественных браков; поэтому в Юриспруденции осталось следующее правило: *nuptiae demonstrant patrem*⁴²⁰.

Продолжим разбор Мифа о Жрецах Кибелы, т.е. Опс, укрывающих Юпитера, так как первые Царства повсюду были жреческими, как отчасти было сказано выше и как ниже будет показано полностью. Латинские Филологи предположительно говорили, что по этому укрыванию⁴²¹ был назван Лациум; Латинский язык сохранил нам эту историю в выражении *condere regna*⁴²², как было сказано в другом месте; так как отцы замкнулись в сословия против Плебеев, то из тайны сословий начало постепенно возникать то, что Политики называют *arsana imperii*⁴²³. Шумом оружия жрецы не давали Сатурну услышать криков Юпитера, только что родившегося для объединения отцов в сословие, и таким образом они спасли его; здесь совершенно точно рассказывается нам о том, о чем смутно говорит Платон: Республики зародились на основе оружия; рядом с этим следует поставить то, что Аристотель сказал нам выше в Аксиомах⁴²⁴: в Героических Республиках Благородные клялись быть вечными врагами Плебсу; и отсюда сохранилось то вечное свойство, как скажем мы теперь, что слуги - неизбежные враги своих хозяев. Такую историю Греки сохранили нам в следующей этимологии: от **πόλις**; - "город" - они называли **πόλεμος**- "война".

Тогда Греческие Нации создали себе Десятое божество так называемых *Gentes Majoris* - Минерву. Рождение ее они представляли себе столь же дико, сколь и безобразно, а именно - будто Вулкан топором рассек голову Юпитера, и из нее родилась Минерва. Этим они хотели сказать, что множество *Famuli*, исполнявших рабскую работу и обнимаемых, как было сказано выше, поэтическим родовым понятием плебейского Вулкана, разрушили (в смысле ослабили или уменьшили) царство Юпитера, от чего у Латинян сохранилось *minuere caput* вместо "разбить голову": не умея сказать абстрактно: "царство.", они соответственно говорили: "голова". Царство Юпитера в состоянии Семей было монархическим. *Famuli* же преобразовали его в аристократическое состояние городов; таким образом, не лишено основания то предположение, что от *minuere* была названа у Латинян Минерва. От этой самой отдаленной поэтической древности сохранилось у тех же Латинян в Римском Праве *capitis deminutio* в значении "изменение состояния": так Минерва изменила состояние Семей в состояние Городов.

В этот Миф Философы вкладывали впоследствии самую возвышенную из своих метафизических мыслей: что Вечная Идея в Боге порождена самим Богом, почему и сотворенные идеи в нас произведены им же. Однако Поэты-Теологи рассматривали Минерву с точки зрения Идеи Гражданского Порядка, как и у Латинян слово *ordo* ("порядок") преимущественно обозначало Сенат. Может быть, это дало повод Философам считать Минерву вечной Идеей Бога, ибо она - не что иное, как Вечный Порядок; от этого сохранилось то вечное свойство, что порядок (или сословие - *ordo*) наилучших - это Мудрость Городов. Однако Минерва у Гомера всегда определяется двумя постоянными эпитетами - "воительница" и "разорительница"; и только в двух местах⁴²⁵, сколько мы помним, мы прочли у него о Минерве с эпитетом "советчица". Ей были посвящены сова и маслина, не потому, конечно, что она думает ночью и читает и пишет при свете фонаря, а для того, чтобы обозначить ночь тайников, в которых была основана, как мы выше говорили, культура, а может быть, и для того, чтобы более точно обозначить, как Героические Сенаты, составлявшие Города, тайно обдумывали законы. От этого остался, несомненно, обычай членов Ареопага производить голосование в темноте в Афинском сенате; Афины же были Городом Минервы, и она называлась **Ἀθηνά**; по тому же героическому обычаю у Латинян существовало выражение *condere Leges*, так что *legum conditores* были в собственном смысле Сенаты, предписывавшие законы, тогда как *legum latores* переносили законы от Сенатов к плебейскому народу (выше это было сказано по поводу обвинения Горация). Поэты-Теологи никогда не рассматривали Минерву в качестве Богини Мудрости, так как на статуях и медалях мы видим ее вооруженной; она была также Минервой в курии, Палладой - в плебейских собраниях (так, у Гомера Паллада ведет Телемаха на собрание плебса, - Телемах называет его "иным народом", - когда он собирается уезжать на поиски своего отца Улисса) и, в конце концов, Веллоной - на войне.

Таким образом, следует сказать, что если Минерва была ошибочно понята Поэтами-Теологами как Мудрость, то наравне с этой ошибкой стоит и другая: будто слово *curia* происходит от *curanda republica*⁴²⁶ в те времена, когда нации были тупыми и глупыми. **Κυρία** у древнейших Греков происходит от **χείρ**- "рука", отсюда же равным образом *curia* у Латинян. Это подтверждается двумя следующими великими обломками Древности, которые, как было сказано в Хронологической Таблице и в написанных к ней Примечаниях, Дионисий Петавиус нашел, к нашему счастью, забытыми в глубине греческой Истории еще до века Героев Греции, т.е., следовательно, еще тогда, когда там, говоря нашими словами, продолжался Век Богов Египтян. Один из этих обломков заключается в том, что Гераклиды, т.е. потомки Геркулеса, были рассеяны по всей Греции, даже по Аттике, где находились Афины, и что потом они отступили на Пелопоннес, где была Спарта, аристократическая Республика, или царство с двумя царями расы Геркулеса, так называемыми Гераклидами, т.е. благородными, распорядившимися законами и войной под попечением Эфоров. Последние были попечителями Свободы, но не народной, а господской; они приказали удавить царя Агиса за то, что тот покусился передать народу Закон о Новом Счете (Ливии его определяет *facem ad ascendendum adversus Optimates Plebem*⁴²⁷) и другой закон о Завещаниях, который распространял наследование за пределы Сословия Благородных, тогда как раньше оно сохранялось только среди них путем наследования по закону, ибо только они одни имели *suitas*, *agnatio* и *gentilitas*. То же самое было и в Риме до Законов XII Таблиц, как ниже будет показано; поэтому Кассий, Капитолийский, Гракхи и другие виднейшие граждане за желание облегчить какими-нибудь такими законами несчастный подавленный римский плебс были Сенатом объявлены мятежниками и убиты, как и Агис был удушен Эфорами. Вот какими стражами народной свободы Лакедемона были Спартанские Эфоры, по свидетельству Полибия! Поэтому Афины, названные так по Минерве (у Греков - **Ἀθηνά**) в первые свои времена должны были быть аристократией. Греческая История правдиво рассказала нам об этом выше, говоря, что Дракон царствовал в Афинах в то время, когда они были заняты Оптиматами; это же нам подтверждает Фукидид, рассказывая, что Афины находились под управлением суровейших Ареопагитов, в переводе Ювенала - Судей Марса, в смысле "вооруженные судьи", от "**Ἄρης**" - "Марс" и тлул - откуда Латинское *ragus*; он лучше перевел бы "народ Марса", как назывался и Римский Народ: ведь при своем возникновении народы состоят из одних лишь благородных, и только они одни имеют право на оружие. Афины заблистали самыми прекрасными героическими доблестями и совершили выдающиеся подвиги, совершенно так же как Рим в то время (мы увидим это ниже), когда он был Аристократической Республикой. Это последнее состояние Перикл и Аристид (совершенно так же, как плебейские трибуны Сестий и Канулей в Риме) разрушили народной свободой. - Второй великий обломок состоит в следующем: Греки, вышедшие из Греции, наблюдали, что Куреты, т.е. Жрецы Кибелы, рассеяны по Сатурнии (древней Италии), по Криту и Азии; таким образом, повсюду у первых варварских наций должны были существовать Царства

Куретов, соответствующие Царству Гераклидов, рассеянных по древнейшей Греции; эти Куреты были теми самыми вооруженными Жрецами, которые стуком оружия заглушали крики младенца Юпитера, *как мы видели выше, младенец Геркулес убивает в колыбели змей, посредством которых Сатурн (он должен быть плебейским) собирает его пожрать: это должно значить, что под влиянием голода плебс страстно желал добиться собственности на поля.*

В силу всего сказанного об этом древнейшем моменте времен, именно таким образом возникли первые Куриатные Комиции (Comitia curiata), самые древние из всех, о каких мы только читаем в Римской Истории; первоначально они должны были состоять из вооруженных людей, впоследствии же они остались для того, чтобы рассматривать вещи священные, ибо в первые времена с этой последней точки зрения рассматривались вещи светские. Ливии⁴²⁸ удивляется, что такие объединения существовали в Галлии во времена Аннибала, проходившего через нее. Однако Тацит в "Нравах Германцев"⁴²⁹ рассказывает, что и у них такие объединения созывались Жрецами, и Жрецы налагали наказания оружием, как если бы там присутствовали сами Боги (совершенно правильной была мысль вооружать Героические Объединения для предписывания наказаний, так как высшая власть Законов следует за высшей властью Оружия); Тацит⁴³⁰ рассказывает также в общей форме, что Германцы вооруженными рассматривали все свои общественные дела и что председательствовали там Жрецы, как только что было сказано. Итак, у Древних Германцев, позволяющих нам предполагать существование того же самого обычая у всех первых варварских народов, мы снова встречаем Царство Египетских Жрецов, мы снова встречаем Царство Куретов, т.е. вооруженных Жрецов, которых, как мы видели. Греки наблюдали в Сатурнии (Древней Италии), на Крите и в Азии; мы снова встречаем Квиритов самого древнего Лациума.

В силу всего рассмотренного Право Квиритов должно было быть естественным правом Героических Народов Италии, которое в отличие от права других народов называлось Jus Quiritium Romanorum; наименование Квириты (Quirites) произошло не от договора, заключенного между Сабинянами и Римлянами, так как если бы они были так названы от Cures, главного города Сабинян, то они были бы Куретами (Curetes), которых наблюдали Греки в Сатурнии; но если этот город Сабинян назывался Ceres, как того хотят Латинские Грамматики, то жители его были бы (здесь видно это искажение представлений!) скорее Cerites. Последнее выражение обозначает римских граждан, приговоренных цензорами к несению общественных тягот, но не допущенных к гражданским почестям; в совершенно таком же положении были с самого рождения, как мы вскоре увидим, и плебеи Героических Городов, образовавшиеся из Famuli; в число их должны были войти и Сабиняне в те варварские времена, когда побежденные города лишались укреплений (так что Римляне не пощадили и самой Альбы, своей матери), а арендаторы изгонялись в равнины, где они были обязаны

обрабатывать поля народов-победителей. Таковы были так называемые первые Провинции (*provinciae*), почти *prope victae* (почему Марций из Кориол, победивший этот город, был прозван Кориоланом); обратно тому, были названы позднейшие провинции, так как они были *procul victae*. В такие деревни выводились первые материковые Колонии, в собственном смысле называвшиеся *Coloniae deductae*, - это были отряды крестьян-поденщиков, выведенных сверху вниз; впоследствии, в позднейших Колониях это значило совершенно противоположное: тогда из низких и тяжелых мест Рима, где жили бедные плебеи, последних выводили в высокие и укрепленные места провинций, чтобы держать их в повиновении, - там плебеи становились господами, а господа полей превращались в бедных поденщиков. Таким образом (по сообщению Ливия, видящего только результаты), Рим растет на развалинах Альбы, а Сабиняне несут в Рим зятьям в виде брачного выкупа за своих похищенных дочерей богатства Церы (*Cere*), как об этом впустую размышляет Флор. Таковы Колонии первоначальные, в отличие от Колоний после Аграрного Закона Гракхов (о первых тот же Ливий сообщает, что Римский Плебс в героических спорах с Благородными или негодует или еще больше дразнит ими себя), так как и фактически они не были последними; а так как они ничем не возбуждали римского плебса, а Ливий все же находит, что плебеи искали распри, то он по этому поводу приводит свои пустые размышления.

Наконец, Минерва обозначала вооруженные Аристократические Сословия; это доказывает нам Гомер в том месте, где он рассказывает о распри Богов⁴³¹. Минерва ранила ударом камня Марса (последний был, как мы видели выше, характером плебеев, служивших героям во время войн), а также в том месте⁴³², где он сообщает, что Минерва хочет составить заговор против Юпитера, - это может случиться в Аристократии, где господа при помощи тайных совещаний оказывают давление на своих государей, если они стремятся к тирании: с этого времени, и только с этого времени, мы читаем, что убийцам тиранов воздвигаются статуи; ведь если мы будем считать тиранов Монархическими Царями, то убийцы окажутся мятежниками.

Так складывались первые Города из одних Благородных, которые в них повелевали; однако, так как в них неизбежно нужны были также и те, кто служит, то Герои здравым смыслом полезности принуждены были удовлетворить множество восставших клиентов; тогда Герои послали к ним первое посольство, которое по праву народов посылается только Суверенами; и притом они послали это посольство с самым первым в мире Аграрным Законом, где Сильные уступали клиентам как только можно меньше, а именно - бонитарную собственность на поля, отведенные для них Героями; таким образом, может быть, правда, что Церера изобрела и хлебные растения и законы. Этот закон был продиктован следующим Естественным Правом Народов: так как собственность вытекает из могущества и так как *Famuli* получили лишь временную жизнь от Героев, спасших их в своих убежищах, то и по праву и по разуму

Famuli должны получить собственность также временную (прекарную), которой они пользовались до тех пор, пока Героям было угодно сохранить за ними владение отведенными им полями. Так Famuli становились первыми плебеями Героических Городов, не имея в них никаких прав гражданства; именно таким, говорит Ахилл⁴³³, считает его Агамемнон, несправедливо отнявший у него его Брисеиду: он говорит, что Агамемнон нанес ему оскорбление, какого не следовало бы наносить и поденщику, не обладающему никакими правами гражданина. В таком положении находились римские Плебеи до спора из-за коннубий. Ведь по второму Аграрному Закону, уступленному им Благородными в Законах XII Таблиц, плебеям была передана квирильская собственность на поля, как это было показано много лет тому назад в "Основаниях Всеобщего Права" (и это - одно из двух мест, из-за которых мы не сожалеем, что данное Произведение вышло в свет); и как по праву Народов Иностранцам была доступна лишь гражданская собственность, так и Плебеи, не будучи еще гражданами, не могли, умирая, оставлять поля своим родственникам ни *ab intestate* (так как они не имели ни *suitas*, ни *agnatio*, ни *gentilitas*, ибо все это зависело от торжественных бракосочетаний), ни тем менее размещать их по завещанию, ибо они не были еще гражданами, так что отведенные им поля возвращались к Благородным, от которых Плебеи и получали основание своей собственности. Заметив это, Плебеи тотчас же, через три года, выставили претензию на коннубий, причем они не претендовали в своем состоянии несчастных рабов (как нам об этом откровенно рассказывает Римская История) на родство с Благородными (по-латыни эта претензия была бы выражена так: *conubia cum patribus*), но просили о заключении торжественных бракосочетаний, какие заключают и Отцы, - они претендовали, следовательно, *conubia patrum*; наибольшую торжественность этих коннубий составляли публичные ауспиции, которые Варрон и Мессала называют "наибольшими ауспициями" и о которых Отцы говорили *auspicia esse sua*⁴³⁴. Таким образом. Плебеи в этой претензии просили о Римском Гражданстве, естественное основание которого заключалось в свадьбах; поэтому юрист Модестин и определяет их как *omnis divini et humani juris communicatio*⁶³, - более точно нельзя определить самое Гражданственность.

ВСЕ РЕСПУБЛИКИ ЗАРОДИЛИСЬ из некоторых Вечных Оснований Феодов

Таким образом, соответственно природе Сильных, стремящихся сохранять приобретения, и соответственно природе благодетелей, на какие можно надеяться в гражданской жизни (об этой двоякой природе вещей человеческих мы говорили в Аксиомах⁴³⁵, что она является Вечным Основанием Феодов), зародились в мире Республики с тремя видами собственности соответственно трем видам Феодов, в которых три вида лиц обладают тремя видами вещей. Первою была бонитарная собственность на землевладельческие, или "людские" феоды, причем эти "люди", как назывались вассалы по феодальным законам времен вернувшегося варварства (чему удивляется Гетман), т.е. Плебеи, пользовались плодами на землях своих Героев.

Второю была квинритская собственность на феоды благородные, т.е. героические или вооруженные, как мы теперь сказали бы - военные: здесь Герои, объединившись в вооруженное сословие, охраняют свой суверенитет над землями; это в Естественном состоянии была та верховная собственность, *dominium optimum*, о которой Цицерон в речи "*de Aruspicum Responsis*" (как в другом месте это было сказано) говорит, что в его времена она сохранилась у некоторых домов в Риме; он определяет⁴³⁶ ее как собственность на недвижимое имущество, свободное ото всякого реального обременения, не только частного, но даже и публичного; об этом же у нас есть одно золотое место из Пятикнижия⁴³⁷, где Моисей рассказывает, что во времена Иосифа Египетские Жрецы не платили Царю податей со своих полей; а немногим выше мы показали, что все Героические царства были Жреческими (вскоре мы покажем, что первоначально Римские Патриции также не платили подати в эрарий); такие частные суверенные феоды подчинялись, естественно, при образовании Героических Республик еще большей Суверенности Правящих Героических Сословий, все Общее в которых называлось *patria*, подразумевая при этом *res*, т.е. "Отцовские интересы"; ее отцы должны были поддерживать и защищать, так как она сохраняла им суверенную Семейную Власть, и все они были совершенно равны между собою; все это может создать единственно только Господская Свобода. Третьей была в собственном смысле этого слова гражданская собственность, которою обладали Героические Города (состоявшие первоначально из одних Героев) на земли некоторого рода божественных феодов, еще до того полученных Отцами Семейств от самого Провидящего Божества, как мы показали выше. Таким образом. Отцы оказались Суверенами в состоянии Семей; они объединились в Правящие Сословия в состоянии Городов; так стали они Суверенными Гражданскими Правителями, подчиненными одному лишь высшему Суверенному Богу, за которым все гражданские суверенные Власти признают Провидение; это прекрасно для человеческих чувств провозглашается суверенными Владыками в виде прибавок к их величественным титулам "Божественным Провидением" или "Божьей милостью": этим они должны открыто признавать, что от Бога получили они Царства; таким образом, если бы Владыки запретили поклонение этому Провидению, то они, конечно, пали бы, так как нация Фаталистов, или Верующих в Случай, или Атеистов никогда в мире не существовала; и выше мы видели, что все нации мира веруют в четырех, и не больше. Первичных Религиях в некоторое Провидящее Божество. Поэтому Плебеи божились Героями (до нас дошла божба: *mehercules, mecastor, aedepol, mediusfidius*⁴³⁸, вместо "Бог Фидий", который, как мы увидим, был Геркулесом Римлян); с другой стороны. Герои клялись Юпитером; *и он остался Божеством клятв у Язычников; но Юпитер и другие Боги клялись Стиксом, как мы видели выше*; ведь плебеи первоначально были во власти Героев (например. Благородные Римляне до 419 года от основания Рима пользовались правом частной тюрьмы по отношению к плебеям-должникам). Герои же, составившие свои Царствующие Сословия, находились во власти Юпитера по причине ауспиций: если Героям казалось, что ауспиции позволяют, то они назначали маги-

страты, предписывали законы и осуществляли другие суверенные права; если же, по их мнению, ауспиции запрещали, то они воздерживались. Все это - та *fides Deorum et hominum*⁴³⁹, к которой относятся следующие латинские выражения: *implorare fidem* - "умолять о помощи", *recipere in fidem* - "принимать под покровительство или власть", а также следующее восклицание: *pro Deum atque hominum fidem imploro*, - посредством него побежденные умоляли в свою пользу силу Богов и людей; в человеческом смысле Итальянцы (*совершенно не зная латыни*) перевернули это в "*poter del mondo*"⁴⁴⁰. Ведь это *potere*, власть (почему мы и говорили о высших Гражданских Властях - *Potesta*), эта сила, эта вера (клятвы ею, только что отмеченные, показывают почтение подчиненных), это покровительство, которое Могущественные должны оказывать слабым (в этих двух вещах заключается вся сущность Феодов), - и есть та сила, которая поддерживает наш Гражданский Мир и правит им; средоточие ее почувствовали, если и не познали. Греки (как мы выше отметили по поводу медалей их Республик) и Латиняне (как мы видели по их героическим выражениям) в землях каждого Гражданского Мирового Шара; так и ныне короны суверенов поддерживают Шар, где водружен Знак святого Креста; этот шар, как мы показали выше, - золотое яблоко, обозначающее высокую собственность - *dominium altum* - Суверенов на находящиеся под их господством земли, и потому среди самых торжественных Коронационных обрядов оно вкладывается в левую руку Суверенов. Таким образом, следует сказать, что Гражданские Власти - это господа богатства (сущности - *sostanza*) народов; оно поддерживает, удерживает и содержит все то, что находится поверх его и что на него опирается; по поводу одной его части *pro indiviso*, говоря словами схоластики, т.е. по умственному различению, в Римских Законах родовое имущество каждого отца семейства называлось *patris* или *paterna substantial* в этом - глубокая причина того, почему Гражданская Суверенная Власть может располагать всяческими добавлениями к такому субъекту как в личности, так и в приобретениях, трудах и рабочей силе, и накладывать на них подати и пошлины везде, где только осуществляется такая собственность на земли; ныне, с противоположной точки зрения, но по существу означающей то же самое, Теологи-Моралисты и Писатели по Публичному Праву называют эту собственность *dominium eminens*; таким образом, законы, относящиеся к такой собственности, называются теперь основоположными законами Царств. Такая собственность, - ибо она относится к землям, - естественно, может осуществляться Суверенами только для того, чтобы сохранялась сущность (*sostanza*) их Государств; если она сохраняется, то сохраняются и все частные народные интересы; если она рушится, то рушатся и они.

Римляне почувствовали, если и не поняли, такого рода возникновение Республик из этих Вечных Оснований Феодов; это доказывается сохранившейся нам формулой *Rei vindicatio*, гласящей: *Ajo hunc fundum meum esse ex jure Quiritium*⁴⁴¹. В ней они связывали такой гражданский иск с собственностью на земли (*dominium fundi*), принадлежащие самому Городу, и иск есть проявление силы последнего, так сказать

центральной; благодаря ему каждый Римский Гражданин оказывается определенным Господином во всяком своем поместье с собственностью pro indiviso, как сказал бы Схоластик, т.е. благодаря чисто умственному различению; поэтому такая собственность и была названа ex Jure Quiritium; на основании тысячи доказательств уже приведенных, а также и таких, какие еще можно было бы привести, нетрудно показать, что Квиритами первоначально были вооруженные копьями Римляне в общественных собраниях, создавшие этот Город. В этом заключается глубокая причина того, что земли и все происходящие от этих земель блага снова отходят к Казне, если они пустуют, так как каждое частное родовое имущество pro indiviso оказывается имуществом публичным, а потому при отсутствии частных хозяев отпадает частное обозначение и остается обозначение целого. В этом же должна заключаться причина следующего изящного выражения законов, что наследство, в особенности hereditas legitima, как говорят, "снова отходит" (redire) к наследникам, тогда как на самом деле оно к ним отходит один единственный раз: ведь Основатели Римского Права, основывавшие его одновременно с Римским Государством, всякое частное родовое имущество устанавливали в качестве Феодов, которые, по словам Феодалистов, ex pacto et providentia - все они выходят из публичного имущества и вследствие договора (pactum) и предвидения (providentia) гражданских законов обращаются при определенных торжественных обрядах от одного лица к другому; при отсутствии последних имущество снова должно вернуться к своему началу, откуда оно вышло. *Наукой о такого рода вещах должны были бы обладать ученые Истолкователи, заполняющие бумагу знаменитым Jus Quiritium Romanorum, ничего не зная о его Основаниях: ведь они рассматривали римские законы без всякого отношения к государству, а от него они получают форму законов и должны были бы получать истинные толкования.*

Раз Римское право, как и Право всякого другого народа, зародилось из этих вечных Оснований Феодов, то оно опровергает ошибку Бодена, утверждающего, что суверенные Феоды, подчиненные другим суверенным Феодам, обнаружилась в варварские времена, подразумевая при этом времена второго варварства, к нам ближайшего; но ведь это же самое в высшей степени правильно по отношению ко всем варварским временам, в которые из такого рода Феодов возникли все в мире республики. Все здесь сказанное с очевидностью подтверждается законом Папия и Поппея о Безнаследных: закон карал холостяков определенным наказанием, так что если граждане, не захотевшие продолжать посредством браков свое римское имя, составляли завещание, то оно считалось недействительным; и с другой стороны, если они считали, что у них нет близких родственников, которые им наследовали бы ab intestate⁴⁴², и что у них, следовательно, ни первым, ни вторым путем не оказывается наследников, которые сохранили бы их имя, то родовое имущество должно отходить к Казне, но уже не в качестве наследства, а в качестве resulium, и, таким образом, говоря словами Тацита, оно переходило к народу tanquam omnium

parentem⁴⁴³. Здесь этот глубокий писатель снова прослеживает причину наказания безнаследных до тех древнейших времен, когда первые Отцы Рода Человеческого оккупировали первые пустые земли, а эта оккупация - первичный источник всякой собственности в мире; впоследствии, когда эти Отцы объединились в Города, тогда из своей отцовской власти они создали Гражданскую Власть, а из своего частного родового имущества - публичное имущество, так называемый Эрарий; таким образом, родовое имущество граждан переходит от одного частного лица к другому в качестве наследства, но, отпадая в Казну, оно снова принимает свое первое качество *res publicum*.

Здесь, при возникновении Героических Республик, Поэты Герои выдумали Одиннадцатое из так называемых *Dii Majores* - Меркурия. Он несет Закон восставшим *Famuli* божественным жезлом (реальное слово для ауспий); это - тот самый жезл, которым Меркурий вызывает души из Орка, как рассказывает Вергилий⁴⁴⁴, т.е. он вызывает к общественной жизни клиентов, ушедших от покровительства Героев и вернувшихся к гибельному незаконному состоянию - Орк Поэтов, - пожирающему людей целиком, как это будет разъяснено ниже. Этот жезл нам описывается с одной или двумя обернувшимися вокруг него змеями: то должны быть кожи змей, обозначающих бонитарную собственность, уступленную *Famuli* Героями, и квинритскую собственность, сохраненную Героями для себя; с двумя крыльями поверх жезла для обозначения *dominium eminens* Сословий. Меркурий имеет шапочку также крылатую, чтобы подтвердить этим высокое суверенное Свободное Право (поэтому шапочка осталась иероглифом свободы). Кроме того, у Меркурия были крылья у пяток для обозначения того, что *dominium fundi* принадлежало Правящим Сенатам; все же остальное было у него совершенно голым, так как он нес *Famuli* голую собственность, т.е. лишенную гражданских торжественных обрядов, - она целиком заключалась в стыдливости Героев (выше мы видели, что совершенно такими же нагими были вымышлены Венера и Грации). Таким образом, от птицы Идантуры (которой он хотел сказать Дарию, что он - суверенный господин Скифии, так как обладает ауспичиями) Греки оторвали крылья, чтобы обозначать героические права; наконец, на артикулированном языке Римляне абстрактно говорили: *auspicia esse sua*⁴⁴⁵, чем они хотели показать плебсу, что лишь им одним принадлежат все гражданские героические права. Итак, этот крылатый жезл Греческого Меркурия, если отнять у него Змей, оказывается орлом на скипетре Египтян, Тосканцев, Римлян и, наконец, Англичан, как мы говорили выше; у Греков он назывался *χιρριχεῖον*, так как он нес такой Аграрный Закон для *Famuli* Героев, а они у Гомера названы **κήρυκες**; он несет Аграрный закон Сервия Туллия, которым последний установил Ценз, почему крестьяне в этом своем качестве и были названы "цензитами"; он несет в этих змеях бонитарную собственность на поля, почему по **ὠφέλεια** - "польза", происходящей от **ὄφις**: - "змея", была названа арендная плата, которую, как мы выше показали, плебеи платили героям. Наконец, он несет знаменитый Геркулесов узел, и Римские Плебеи

должники до закона Петелия были *пехі*, т.е. крепостными вассалами Благородных (обо всем этом нам еще придется много говорить ниже). Таким образом, следует сказать, что этот Меркурий Греков был Теут, т.е. Меркурий, давший Законы Египтянам и обозначаемый иероглифом Кнефа: он изображается в виде змеи (чтобы обозначить возделанную землю) с головою ястреба или орла (как ястреба Ромула впоследствии стали Римскими орлами, под последними же разумели героические ауспиции), стянутый поясом (знак Геркулесова узла), со скипетром в руке (это должно было обозначать Царство Египетских Жрецов), в крылатой шапочке (она указывала на их *dominium altum* на земли) и, наконец, с яйцом во рту (оно имело в виду Египетский мировой шар), если только это не золотое яблоко, которое, как мы выше показали, обозначало *dominium altum* Жрецов на земли Египта. В этот иероглиф Манет вкладывал происхождение Вселенной и довел до такого безумия тщеславие ученых, что, по словам Атаназиуса Кирхера, Памфильский Обелиск обозначает Святую Троицу.

Здесь началась первая в мире Торговля (*commercium*), от которой и получил свое имя Меркурий; впоследствии он считался Богом Купечества, как от первого посольства он считался также Богом Послов; и с чувственной истинностью говорили, что он был послан Богами (выше мы нашли, что так назывались Герои первых городов) к людям, тем самым, которых, как с удивлением отмечает Готман, во времена вернувшегося варварства называли вассалами; крыльями же, которые, как мы здесь видели, обозначали героическое происхождение, по позднейшим верованиям Меркурий пользовался для того, чтобы слетать с неба на землю и потом снова возвращаться с земли на небо. По вернемся к торговле. Она началась с указанного вида недвижимых имуществ; и первая плата (*merces*) была такою, какою она и должна быть, самой простой и естественной, т.е. плодами, собираемыми на земле; такая плата, будь то за работу или за товары, и до сих пор практикуется в торговых сношениях крестьян.

Всю эту историю сохранили нам Греки в слове **νομος**, - им они обозначали и "закон" и "пастбище": ведь первым законом был Аграрный закон, почему Героические Цари назывались Пастырями народов (как это отмечается здесь и как это ниже будет разъяснено).

Так Плебеи первых варварских наций (совершенно подобно Древним Германцам в рассказе Тацита, хотя последний ошибочно считает Плебеев Слугами, ибо, как было показано, Героические Союзники - это почти слуги) были расселены Героями по деревням и оставались там со своими домами на отведенных им полях; и деревенскими плодами они участвовали постольку, поскольку это было необходимо, в прокормлении своих господ; этим условиям соответствует и клятва, вследствие которой, как мы выше слышали от того же Тацита, Плебеи должны были оберегать героев, за-

щищать их и служить их славе. Если мы попытаемся такой вид прав определить словами закона, то мы с очевидностью увидим, что к ним не может подойти никакое другое слово, кроме того, которым у нас называются Феоды.

Таким путем, как оказывается, были основаны первые Города на сословиях Благородных и толпах Плебеев, т.е. на двух вечных противоположных свойствах, вытекающих из той природы человеческих гражданских вещей, что Плебеи (об этом у нас уже шла здесь речь) всегда стремятся изменить Государство, как они всегда его и изменяют, а Благородные всегда стремятся сохранить его. Поэтому в движении гражданских правлений оптиматами называют тех, кто старается поддержать Государство. И самое свое имя Государства (*Stati*) получили от свойства неподвижности (*star fermi*).

Здесь возникает двоякое различие. Во-первых - Мудрецов и Толпы, так как Герои основывали свои Царства на мудрости ауспий, как было сказано в Аксиомах и рассмотрено много выше. Вследствие такого различия у толпы осталось постоянное прозвище "непосвященной" (*profanum*), ибо Герои, или Благородные, были Жрецами Героических Городов: такими, несомненно, они были у Римлян даже через сто лет после Законов XII Таблиц, как сказано выше. Поэтому первые народы лишали Гражданства в виде некоторого вида отлучения, каким у римлян было запрещение воды и огня (*interdictum aqua et igni*), как это будет показано ниже: ведь Плебеи первых наций считались как бы чужестранцами, - мы вскоре это увидим, - и отсюда сохранилась та вечная особенность, что гражданства не дают человеку другой религии. И по такой толпе (*vulgus*) были названы *vulgo quaesiti* дети, зачатые в разврате, вследствие того, о чем мы говорили выше: Плебеи в первых городах, раз они не были приобщены к священным и божественным делам, в течение многих веков не заключали торжественных бракосочетаний. Во-вторых - различие *civis* ("гражданин") и *hostis*; *hostis* значило "гость", или "чужестранец", и "враг", так как первые Города складывались из Героев и из принятых в их убежища (в этом смысле нужно принимать все героические приюты - *hospitia*); также и во времена вернувшегося варварства у Итальянцев *oste* осталось в смысле "содержатель постоянного двора" и "военный постой", а *ostello* называют "постоялый двор". Так Парис был "гостем" (*hostis*) Царского Аргосского Дома, т.е. врагом, похищавшим благородных Аргивянских девиц, представленных характером Елены. Так Тезей был "гостем" Ариадны, Язон - Медеи, - потом они бросали их и не заключали с ними браков; это считалось героическим поступком, тогда как в наших глазах это теперь представляется тем, чем оно и является в действительности, - поступком злодея. С этой точки зрения нужно защищать благочестие Энея, покидающего растленную им Дидону, даже если не говорить о многочисленных полученных им от нее благах и великодушном ее предложении отдать Карфагенское царство в виде своего приданого; Эней исполнял волю Рока, назначившего ему в Италии в жены Лавинию, хотя и она также была чужестран-

кой. Этот же героический обычай сохранил и Гомер в образе Ахилла, величайшего из Героев Греции; он отвергает каждую из трех дочерей, которых Агамемнон предлагал ему в жены с царским приданым в виде семи земель, хорошо населенных пахарями и пастухами, отвечая, что он собирается взять в жену ту, кого ему на родине даст Пелей, его отец. Словом, плебеи были "гостями" (hospites) героических городов; мы много раз слышали от Аристотеля⁴⁴⁶, что Герои клялись быть вечными врагами Плебеев. - Это же различие доказывается нам следующими крайностями: civis ("гражданин") и peregrinus ("иноземец"), если принять peregrinus в его туземной особенности человека, блуждающего по полям, называемым аге в значении "территория" или "округ", например ager neapolitanus, ager polanus; таким образом, peregrinus назывался почти peregrinus, так как чужестранцы, путешествующие по свету, не блуждают по полям, а прямо держатся общественных дорог. *Благодаря открытию таких героических "гостей" легко можно понять тот фантастический перенос, из-за которого Цицерон в "De Officiis" напрасно изумляется кротости Древних Римлян, называвших благословенным именем гостя (hostis) военных врагов. Чрезвычайно похожи на это заблуждение и две другие ошибки: одна — Сенеки, где он пытается доказать, что господа должны были бы человечно относиться к рабам, так как древние называли господ "отцами семейств"; вторая — Гроция, который в Примечаниях к книге "De Jure belli et pacis" многочисленными законами различных варварских наций Европы думает доказать мягкость древних наказаний за убийство, — они присуждали к небольшому денежному штрафу за смерть убитого человека. Эти три ошибки вытекают из того же источника, что и все другие, поскольку они приняты в качестве Оснований Культуры Наций, и источник этот был указан вами в первой из наших Аксиом: ведь и этимология, и законы показывают дикость первых варварских времен, а не наоборот: в них чужестранцы рассматривались как военные враги, дети — как рабы (выше мы видели это); они настолько низко расценивали кровь несчастных земледельческих вассалов, что на феодальном языке называли их potines (этому удивляется Гетман, как мы указывали выше).*

Это рассмотренное нами Происхождение Героических Гостей (hostes) бросает яркий свет на Греческую Историю, повествующую о Самосцах, Сибаритах, Трезенцах, Амфиполитах, Халкедонцах, Книдьянах и Хиосцах, будто именно чужестранцы изменили там Республики из аристократических в народные; оно дает также последний блеск тому, что мы опубликовали много лет назад в "Основаниях Всеобщего Права" по поводу Мифа о Законах XII Таблиц, пришедших якобы в Рим из Афин (это - одно из тех двух мест, ради которых мы полагаем, что данное Произведение не было совершенно бесполезным): в главе "Forti sanate nexo soluto", вокруг которой, как мы доказывали, и идет весь этот спор, Латинские Филологи под Forte Sanate понимали чужестранца, приведенного к повиновению, тогда как на самом деле то был римский плебс; он восстал, так как не мог добиться от Благородных dominium certum на полях;

конечно, такое положение не могло продолжаться, и оказалось необходимым зафиксировать навеки на общественной Таблице такой вечный Закон, который вносил ясность в недостоверное право (*jus incertum*), свидетельствовавшее о тайном праве, и тем самым у благородных была связана "царская рука" брать эти законы обратно; значит правильно то, что рассказывает об этом Помпоний. Из-за этого произошли такие волнения, что оказалось необходимым избрать Децемвиров, которые придали новую форму Государству и привели восставший плебс к повиновению, объявив его в этой главе освобожденным от подлинного узла бонитарной собственности (согласно которой Плебеи были *glebae addicti* или *adscriptitii* или *censiti* по цензу Сервия Туллия, как показано выше), и он остался лишь обязанным фиктивным узлом квиритской собственности. Однако след от этого прежнего положения сохранился до закона Петелия в праве частной тюрьмы, которым обладали Благородные по отношению к плебеям-должникам. Эти чужестранцы посредством *tentationes tribuniciae*, как изящно говорит Ливии (мы их перечислили выше в "Примечаниях" к Закону Петелия, в "Хронологической Таблице") в конце концов, изменили Римское Государство из Аристократического в Народное. *По поводу Мифа о Законах XII Таблиц, приведенных якобы из Афвз, к многочисленным приведенным вами доказательствам, к свидетельству Цицерона, который, как мы показали во "Всеобщем Праве" и в "Новой Науке", никогда не верил в этот миф, — ко всему этому мы прибавим еще, что Варрон, ученейший в Римских Древностях, считал туземным происхождение из Лациума всех божественных в человеческих вещах Римлян и рассматривал их как таковые.*

Рим не был основан первыми Аграрными Революциями; это доказывается тем, что он был Новым Городом, как воспевают его История. Он был основан на Убежище: так как тогда еще повсюду продолжались времена насилия, то там сначала должны были обосноваться Сильные Ромула и его товарищи, потом они стали принимать в нем беглецов, и лишь затем они основывали клиентелы, как было разъяснено нами выше. Поэтому должно было пройти двести лет, пока клиентам наскучило это состояние; и именно столько прошло времени до тех пор, когда Сервий Туллий внес первый Аграрный Закон; древним городам потребовалось бы для этого пятьсот лет, так как они состояли из простоватых людей, тогда как Рим - из более хитрых: в этом и заключалась причина того, что Римляне подчинили себе сначала Лациум, потом Италию и затем - весь мир; ведь по сравнению с другими Латинянами их Героизм был самым молодым; в этом же - самая подлинная причина того, о чем говорилось в Аксиомах⁴⁴⁷: Римляне писали на Простонародном Языке свою Героическую Историю, которую Греки писали посредством Мифов.

Все рассмотренные нами Основания Поэтической Политики, наблюдаемые в Римской Истории, поразительно подтверждаются четырьмя следующими героическими характерами: во-первых - Лирой Орфея, т.е. Аполлона; во-вторых - головою Медузы;

в-третьих - Римскими Связками; в-четвертых и в последних - Борьбой Геркулеса с Антеем. Лира была изобретена Греческим Меркурием, как Египетским Меркурием были изобретены законы; эта лира была дана Меркурию Аполлоном, Богом гражданского света, т.е. благородства, так как в Героических Республиках Благородные предписывали законы; и при помощи этой лиры Орфей, Амфион и другие Поэты-Теологи, занимавшиеся наукой о законах, основывали и устанавливали культуру Греции, как более подробно мы будем об этом говорить ниже. Таким образом, Лира была соединением струн, т.е. Сил Отцов, из чего сложилась публичная Сила, так называемая Гражданская Власть, в конце концов, заставившая исчезнуть все частные силы и насилия; *поэтому вполне правильно, что лирой Орфей основывает Греческую Нацию, а Аполлон вводит Культуру*; поэтому у Поэтов сохранилось совершенно точное определение закона как *Lyra Regnum*: в нем согласовывались Семейные Царства Отцов, до того несогласные, так как все Отцы были одиноки и жили раздельно друг от друга в состоянии Семей, как говорил Полифем Улиссе; эта славная история впоследствии описывалась звездами на небе в виде знака лиры, а Ирландское Царство на Гербе Английских Королей представлено щитом с Арфой. Однако впоследствии Философы сделали из этого гармонию Сфер, созвучную с Солнцем; но Аполлон на земле играл на той лире, которую не только мог, но и должен был слышать Пифагор, и даже сам играть на ней, если принять его в качестве поэта-теолога и основателя наций, до сих пор обвинявшегося в обмане. - Змеи, окружавшие голову Медузы, снабженную крыльями у висков, - это семейное *dominium altum*, которым обладали Отцы в состоянии Семей; впоследствии из него образовалось гражданское *dominium eminens*; голова Медузы была прибита к щиту Персея; им же вооружена Минерва: среди оружия, т.е. в вооруженных Собраниях первых наций, где мы застаем еще Римлян, этот щит обозначал устрашающие наказания, которые превращали в камень тех, кто на него смотрел. Выше мы говорили, что одной из этих змей был Дракон, записавший, согласно преданию, законы кровью, так как ими была вооружена Афина, так называемая Минерва **Αθηνα**, в то время, когда Афины были заняты Оптиматами, как об этом также было сказано. Дракон у Китайцев, до сих пор еще пишущих иероглифами, является знаком, как мы видели выше. Гражданской Власти. - Римские связки (*fascēs*) - это авгуровы жезлы (*litui*) Отцов в состоянии семей; один такой жезл в руке одного из таких Отцов Гомер в полновесных словах называет скипетром, а этого Отца - Царем (в описании щита Ахилла, содержащем всю мировую историю); в этом месте зафиксирована Эпоха Семей, предшествующая Эпохе Городов, как ниже это будет подробно разъяснено: ведь раз посредством таких *litui* отцы получали приказующие ауспиции, то посредством их же они предписывали наказания своим детям (например, в Законах XII Таблиц сохранился отрывок о безбожном Сыне, как мы видели выше); поэтому объединение таких жезлов, или *litui*, обозначает возникновение Гражданской Власти, о чем сейчас и идет речь. - Наконец Геркулес, характер Гераклидов, т.е. благородных в героических городах, борется с Антеем, характером восставших *famuli*; поднимая Антея к небу

(т.е. снова помещая его в первые города, расположенные на высотах). Геркулес его побеждает и узлом привязывает к земле; от этого сохранилась у Греков игра, называвшаяся "Узел"; это - Геркулесов узел, посредством которого Геркулес основал героические нации и из-за которого Плебеи платили Героям Геркулесову десятину, иными словами - ценз, основа Аристократических Республик; поэтому римские Плебеи по цензу Сервия Туллия были *next* Благородных и по клятве, о которой Тацит рассказывает, что ее давали Древние Германцы своим Князьям, должны были им служить в качестве *regangarii* вассалов за собственный счет на войне: потому-то римский плебс и жалуется на такую мнимую народную свободу, ибо Плебеи были первыми плательщиками податей (*assidui*), которые *suis assibus militabant*⁴⁴⁸; поэтому они были солдатами не ради счастья, а по суровой необходимости.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦЕНЗА И ЭРАРИЯ

В конце концов. Плебеи до такой степени стали страдать от грубого ростовщичества и постоянных захватов Благородными их земель, что к концу этого века плебейский трибун Филипп кричал громким голосом о том, что две тысячи Благородных владеют всеми теми полями, которые нужно было бы распределить между добрыми тридцатью тысячами граждан, насчитывавшимися тогда в Риме. За сорок лет, протекших после изгнания Тарквиния Гордого, Знать, успокоенная его смертью, снова начала наглеть по отношению к несчастному плебсу; и Сенат в эти времена, должно быть, начал проводить в жизнь постановление, что Плебеи должны были платить в Эрарий тот Ценз, который они первоначально обязаны были платить лично благородным, дабы сам Эрарий впредь мог покрывать их расходы на ведение войн. С этого времени снова появляется в Римской Истории ценз; по сообщению Ливия, благородные гнушались руководить этим цензом, как чем-то таким, что не соответствует их достоинству: ведь Ливии не мог понять, что благородные не желали его, так как это был уже не тот ценз, который был установлен Сервием Туллием, был основой Господской свободы и выплачивался лично самим благородным; вместе со всеми другими Ливии не знал, что ценз Сервия Туллия стал основой народной свободы. Несомненно, во всяком случае, что не было более почетной должности, чем цензура, и с самого первого года ею руководили Консулы. Таким образом, благородные из-за своей собственной скупости первоначально сами вводили ценз, ставший впоследствии основой народной свободы, так что когда все поля перешли в их владение, тогда во времена Трибуна Филиппа две тысячи благородных должны были платить налог за тридцать тысяч граждан, насчитывавшихся в Риме; совершенно так же в Спарте к немногим перешло все спартанское поле, так как в Эрарии были записаны те цензы, которые благородные лично наложили на невозделанные поля, отвденные ими в старину Плебеям для обработки. Из-за такого неравенства должны были происходить великие движения и революции римского плебса; положение упорядочил посредством мудрейшего установления Фабий, заслуживший за это про-

звище Maximus: он разделил весь Римский народ на три класса - Сенаторов, Всадников и Плебеев, *тем самым он установил Центуриатные Комиции, где голоса имели все в зависимости от имущественного положения, почему всегда благородные имели в них перевес, тогда как в Трибутиных Комициях, где голоса считались по головам, перевес всегда имели Плебеи. И так как члены Сословия Сенаторов, первоначально состоявшего из одних Благородных, занимали магистратуры, то отныне и впредь в это сословие могли переходить благодаря своим богатствам также и Плебеи, и тем самым для них была открыта обычная дорога ко всем гражданским почестям.*

Таким образом, истинным оказывается то Предание, что Ценз Сервия Туллия, поскольку с него начал подготавливаться материал и поскольку из него возникали соответствующие поводы, стал основой народной свободы (как выше об этом шла речь на основе гипотез в "Примечаниях к Хронологической Таблице", в том месте, где говорится о законе Публилия). Именно это установление, зародившееся в пределах самого Рима, а не Законы XII Таблиц, пришедшие, якобы, из Афин, действительно установило Демократическую Республику; и Бернардо Сеньи то, что Аристотель называет Демократической Республикой, переводит на тосканский язык как *Repubblica per Senso* вместо "свободная народная Республика" 484bis. Все это нам доказывает сам Ливии: хотя он и не знает положения римского государства тех времен, все же он рассказывает про жалобы благородных на то, что они больше потеряли вследствие этого закона в городе, чем вне его приобрели оружием за тот год, когда они одержали много больших побед. Именно по этой причине Публилий, автор закона, был прозван Народным Диктатором. При народной свободе, когда весь народ составляет город, гражданская собственность (*dominium civile*) теряет специфическое значение "публичной собственности (*dominium publicum*), хотя она и была названа "гражданской" от слова "город"; она расплылась среди всего множества частных владений (*dominium privatum*) римских граждан, которые позднее и стали составлять Римский город. *Dominium optimum* (неограниченная собственность) постепенно меркло в своем первоначальном значении "сильнейшей собственности" (*dominium fortissimum*), как мы сказали выше, не ослабленной никаким обременением, хотя бы даже публично-правовым, и сохранило значение лишь владения, свободного от всякого частного обременения (сервитута). Квиритская собственность уже не обозначала больше такую собственность на землю, при которой владение принадлежало клиенту или Плебею, а благородный, от которого исходила такая собственность, должен был защищать ее. Благородные были первыми *auctores juris* Римского Права: вследствие того, что Ромул установил именно в этом виде клиентелы, Благородные должны были сообщать Плебеям такие законы, о которых сейчас идет речь, а не другие. Ведь какие законы должны были благородные сообщать Плебеям, если последние до 309 года от основания Рима не имели прав гражданства и если в течение ста лет после Законов XII Таблиц благородные хранили зако-

ны в тайне от плебса в своей Коллегии Понтификов? Ведь благородные, как хранители права (auctores juris), находились в те времена примерно в таком же положении, как владелец купленного участка, от которого третье лицо отбирает этот участок и которое должно было бы указать своего праводателя (auctor juris) для того, чтобы тот его защитил. Дальше, создалось понятие бонитарной собственности в смысле частной собственности, защищенной от виндикации, в отличие от такой бонитарной собственности, которая сохраняется просто владением. Тем же самым и не иным порядком та же вечная природа Феодов снова повторилась во времена второго варварства. Возьмем, например, Французское Королевство: в нем многочисленные Провинции, составляющие его теперь, были суверенными Синьориями Государей, подчиненных Королю этого Королевства; Здесь имущества этих Государей не были подчинены никакому общественному налогу; позднее или по наследству, или же за восстания, или в результате конфискации они были инкорпорированы в это Королевство, и все имущества этих Государей ex jure optimo оказались подлежащими публичному обременению: ведь дома и земли Этих Государей, составлявшие личную собственность Королевских Домов, или по родству или в виде пожалования переходили к вассалам и оказывались тогда подлежащими обложению данями и податями. Таким образом, в наследственных королевствах собственность ex jure optimo постепенно перемешивалась с частной собственностью, подлежащей публичному обложению. Так же и Казна (fiscus), частное имущество Римского Принцепса, постепенно смешивалась с Эрарием. - Это Исследование Ценза и Эрария было самым трудным из всех наших размышлений о Римских вещах, как мы указывали в "Идее Произведения".

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РИМСКИХ КОМИЦИЙ 449

Согласно всему рассмотренному нами выше, **βουλή** и **ἀγορά**, два вида Героических Собраний, о которых рассказывает Гомер и которые мы отметили выше, должны соответствовать у Римлян Куриатным Соборам (мы читаем, что они были самыми древними, существовали еще при Царях) и Трибутным Соборам. Первые были названы куриатными от *quis*, копье; отсюда *quiris* - "кривое", а потом "прямое", соответственно тому, что мы говорили в "Происхождении Латинского Языка". Совершенно так же от **χείρ**, "рука", - которая у всех наций означала власть, - у Греков первоначально должно было появиться **κυρία** в том же смысле, в каком и *Curia* у Латинян; отсюда же появились куреты, - то были Жрецы, вооруженные копьями, так как все Героические народы были Жреческими и только одни Герои имели право на ношение оружия; таких Куретов, как мы видели выше. Греки наблюдали в Сатурнии, т.е. в Древней Италии, на Крите и в Азии. Под **κυρία** в таком древнем значении нужно разуметь Синьорию, как и до сих пор Синьориями называют Аристократические Республики. По Героическим Сенатам был назван **κυρος**, "авторитет", и в первую очередь, как мы отметили выше и как более подробно рассмотрим в будущем, автори-

тет собственности; такое происхождение впоследствии сказалося в словах **κύριος**; и **κυρία** - Господин и Госпожа; и как от **χείρ** были названы куреты Греков, так (мы выше это видели) от **quīr** - Римские Квириды: это был титул Римского Величия, который давался народу в публичных Собраниях (как было отмечено выше, то же самое мы наблюдали у Галлов и Древних Германцев, - они состояли из тех же Куретов; а Греки говорили, что все первые варварские народы проводили общественные собрания под оружием). - Итак, этот величественный титул "квириды" мог получить начало тогда, когда народ состоял из одних Благородных, когда только они одни имели право носить оружие; он перешел на Народ, состоявший также и из Плебеев позднее, когда Рим стал народной Республикой. Ведь у плебса, который первоначально не имел этого права, Собрания назывались трибутными (от *tribus*, триба); и как у Римлян в состоянии Семей сами Семьи (*Familiae*) получили название от *Famuli*, так и впоследствии, в состоянии Городов, под Трибой разумели Трибы Плебеев; последние собирались по трибам, чтобы получать Распоряжения от Правящего Сената; а так как эти Распоряжения главным образом и особенно часто касались обязательства плебеев платить в Эрарий, то от трибы произошло слово *tributum* ("подать"). Но так как Фабий Максим ввел ценз, разделивший весь римский народ на три класса в зависимости от имущественного положения граждан, и так как раньше только одни Сенаторы были всадниками (ведь только Благородные в героические времена имели право вооружаться), то поэтому Древняя Римская Республика, как мы читаем об этом в Истории, была разделена между *Patres* и *Plebs*; таким образом, прежде слово "Сенатор" значило то же самое, что и "Патриций", и, обратно тому, слово "плебей" значило то же самое, что и "не-знатный". Итак, поскольку раньше существовало только два класса Древнего Римского Народа, постольку существовало и два вида Собраний: во-первых - Куриатные Собрания Отцов, или Благородных, или Сенаторов, во-вторых - Трибутные Собрания Плебеев, т.е. незнатных. Но после того как Фабий распределил граждан по их состоянию на три класса: Сенаторов, Всадников и Плебеев, Благородные не составляли уже больше отдельного Сословия в городе и в зависимости от своего состояния присоединялись к одному из этих трех классов. С этого времени и впредь начали отличать патриция от сенатора и от всадника, а плебея - от не-знатного: плебей противопоставлялся уже не Патрицию, а Всаднику и Сенатору, и слово "плебей" означало уже не "не-знатного", а гражданина с небольшим имуществом, как бы он ни был благороден; и обратно тому, слово "сенатор" означало уже не патриция, а гражданина с огромнейшим имуществом, даже если он и не-знатен. В силу всего этого с тех пор и впредь называли Центуриатными Комициями те Собрания, в которых сходился весь римский народ всех трех классов для утверждения среди других публичных дел и Консульских Законов. Трибутными Комициями продолжали называть те, где лишь один плебс утверждал Законы Трибунов: это были плебисциты, как их раньше называли, в том смысле, в каком Цицерон назвал бы их *plebi nota*, т.е. законами, изданными для плебса (одним из них был закон Юния Брута, как рассказывает Помпоний, в котором Брут объявлял плебсу, что

Цари навек изгнаны из Рима), как и в Монархиях по аналогичному сходству Царские Законы должны были бы называться *populo nota*. Не столь ученый, сколь остроумный Бальдус удивляется, почему слово *plebiscitum* сохранилось нам в написании с одним *s*, так как в смысле закона, установленного плебсом, оно должно было бы писаться с двумя *ss* - *plebisscitum*, поскольку оно происходит, якобы, от *sciscor* (подавать голос), а не от *scio* (знаю). - Наконец, ради определенности божественных церемоний сохранились названные выше Куриатные Комиции, т.е. Собрания одних лишь глав Курий, где рассматривались Священные вещи, так как во времена Царей все светские вещи считались священными, а Герои повсюду были Куретами, т.е., как мы говорили выше, вооруженными Жрецами; поэтому до позднейших времен Рима отцовскую власть рассматривали как нечто священное (право ее часто называется в законах *sacra patria*); по этой же причине в таких Собраниях на основе куриатных законов праздновалось усыновление.

КОРОЛЛАРИЙ

о том, что Божественное Провидение учреждает Государства и в то же самое время устанавливает Естественное Право Народов

Вследствие того Возникновения Государств, какое мы нашли еще в Веке Богов, первоначально Теократические, т.е. божественные, правления впоследствии преобразовывались в первые Человеческие, т.е. Героические, Правления (здесь они называются Человеческими в отличие от Божественных), хотя и во времена последних все еще продолжался Век Богов, - подобно тому, как великий поток царственной реки долго еще сохраняет в море и направление своего течения и пресную воду: ведь и тогда еще продолжали мыслить в религиозных образах, полагая, будто Боги делают все то, что делали сами люди; поэтому Царственные Отцы в состоянии Семей создали Юпитера; они же, замкнувшись в Сословие при зарождении первых Городов, создали Минерву; из своих послов, отправленных к восставшим клиентам, они создали Меркурия; и, как мы увидим немногим ниже, из Героических Морских разбойников они создали Нептуна. Во всем этом нужно особенно удивляться Божественному Провидению: оно прежде всего привело людей, которые имеют в виду поступать совершенно иначе, к страху перед Божеством, а Религия - это первая и основная база Государств. Затем благодаря Религии они осели на первых пустых землях, они их оккупировали прежде всех других, а первая оккупация - это источник всяческой собственности; так как самые сильные гиганты оккупировали земли на вершинах гор, где берут начало неиссякаемые источники, то и оказалось, что согласно установлению Провидения Гиганты очутились в местах здоровых, укрепленных и изобилующих водою, чтобы они могли там осесть и больше не скитаться; такими тремя качествами должны обладать земли, чтобы впоследствии на них возникали города. Потом посредством той же Религии Провидение предназначило им соеди-

няться с определенными женщинами в постоянные и пожизненные содружества, а это - браки, признанный источник всяческой власти.

Впоследствии оказалось, что они вместе с этими женщинами основали Семьи, последние же - питомник Государств. Наконец, оказалось, что вместе с открытием Убежищ основаны и Клиентелы, чем подготовлялся тот материал, на основе которого вследствие первого Аграрного Закона возникли Города из двух составлявших их Общин людей - Общины повелевавших там Благородных и Общины повиновавшихся Плебеев (последних Телемах в одном высказывании у Гомера именуется "иным народом", т.е. "народом подчиненным", в отличие от правящего народа, состоящего из Героев); отсюда вытекает материал Политической Науки, а последняя - не что иное, как наука повелевать и повиноваться в городах. И при самом возникновении Государств Провидение заставляет их зарождаться в форме аристократий, соответственно дикой и склонной к одиночеству природе первых людей; эта форма состоит, как удостоверяют также и политики, лишь в защите границ и сословий, *а в пределах этих сословий — магистратур и законов*; чтобы люди, совсем недавно обращенные к культуре, даже самую форму своего правления принуждены были в течение долгого времени оставаться замкнутыми в самих себе, отчаясь от злодейской и гнусной общности скотского и звериного состояния, *в которое им грозила большая опасность попасть снова, вследствие их еще совсем недавнего звериного происхождения*. И так как ум людей был направлен исключительно на частности, так как они не могли понимать общего блага, ибо привыкли совершенно не вмешиваться в частные дела других (как у Гомера Полифем рассказывает Улиссу, а в этом гиганте Платон признает Отцов Семейства в так называемом Естественном состоянии, т.е. предшествующем состоянию Городов), то Провидение самую Форму таких Правлений заставило их -объединиться со своим Отечеством ради сохранения столь великих личных интересов, как их Монархические Семейные интересы; последнее же они безусловно понимали; таким образом, независимо от какого бы то ни было своего намерения, они пришли к универсальному гражданскому благу, которое называется Государством. Итак, поразмыслим теперь на основе указанных выше, в главе "о Методе", божественных доказательств о той простоте и естественности, с которой Провидение установило эти человеческие вещи (хотя и ложно по смыслу, однако истинно говорили люди, что все делают Боги): сопоставляя огромное количество гражданских явлений, мы видим, что все они сводятся к четырем следующим своим причинам, являющимся, как это доказывается всем настоящим Произведением, как бы четырьмя элементами нашего Мира Гражданственности, - к Религии, Бракам, Убежищам и первому Аграрному Закону, о чем говорилось выше. Кроме того, нужно также поискать среди всех человеческих возможностей, могли ли столь многочисленные, разнообразные и отличные друг от друга вещи начаться иным путем, и более простым, и более естественным, среди тех самых людей, которые, по словам Эпикура, порождены Случаем или, по словам Зенона, влекутся Необходимостью: ни Случай

их не отклонил, ни Рок их не вывел за пределы этого Естественного Порядка. Ведь в тот момент, когда Государства должны были зародиться, материал уже заранее был подготовлен и совершенно готов к восприятию формы: из этого возникло образование "Государство", состоящее из ума и тела. Подготовленным материалом были: собственные религии, собственные языки, собственные земли, собственные свадьбы, собственные имена, или роды, т.е. дома, собственное оружие и, следовательно, собственная власть, собственные магистратуры и, наконец, собственные законы; и раз - собственные, *следовательно — высочайшие и безусловные; а раз — высочайшие и безусловные*, то и совершенно свободные, и раз - совершенно свободные, то и конститутивные для истинных Государств, *так как если хоть один из видов такого материала не собственный, то это лишь видимость Государства*. И все это происходит потому, что всеми указанными выше причинами обладали прежде Отцы (persona) семейств, Монархи в Естественном Состоянии; объединившись в этот момент в Сословие, они породили Суверенную Гражданскую Власть, как и в Естественном Состоянии Отцы обладали Семейной Властью, первоначально подчиненной только Богу. Это Суверенное Гражданское Лицо образовалось из ума и тела. Ум принадлежал Сословию Мудрецов, какими они могли быть по природе при тогдашней высшей грубости и простоте; от этого осталось то вечное свойство, что без сословия Мудрецов государства кажутся государствами лишь с виду, на самом же деле это - мертвые тела без души. С другой стороны, тело образовано головою и другими меньшими членами тела; отсюда в Государствах осталось то второе вечное свойство, что одни должны в них пользоваться умом в делах Гражданской мудрости, другие - телом в ремеслах и искусствах, обязанных служить как во время мира, так и на войне; а вместе с тем - и третье вечное свойство, что ум всегда в Государствах повелевает, а тело должно неизменно служить.

Но вот что должно возбуждать особенное удивление: Провидение, вызывая к жизни Семьи (все они возникли благодаря познанию какого-либо Божества, - хотя вследствие незнания и неупорядоченности ни одной из них не было известно истинное божество, - причем каждая из семей имела собственные религию, язык, землю, свадьбы, имена, оружие, правительство и законы), в то же самое время вызывало к жизни и Естественное Право *Gentes Majores*, со всеми теми указанными выше особенностями, которыми впоследствии могли воспользоваться Отцы Семейств по отношению к Клиентам. Вызывая к жизни Государства, Провидение посредством аристократической формы, в которой они возникли, заставляет переходить Естественное Право *Gentes Majores*, т.е. Семей, существовавшее в Естественном Состоянии, в право *Gentes Minores*, т.е. народов, которое должно соблюдаться во времена Городов. Так как все указанные выше права составляли собственность Отцов семейств и были направлены против их плебеев, то отцы замкнулись в этот момент в естественное сословие против плебеев, а вместе с тем они замкнули и все указанные выше свойства в пределах своих Гражданских Сословий против плебеев, в чем и со-

стоит самая суровая Форма Аристократии Героических Республик. Таким образом. Естественное Право Народов, соблюдаемое ныне народами и нациями, при возникновении Государств зародилось как принадлежность Суверенной Гражданской Власти. Поэтому народ или нация, которые не обладают внутри себя Суверенной Гражданской Властью, вооруженной всеми вышеназванными свойствами, не являются в собственном смысле народом или нацией и не могут осуществлять вовне, по отношению к другим народам или нациям. Естественное Право Народов, но как право, так и его осуществление будет принадлежать другому - высшему народу или нации. *Итак, здесь мы на фактах снова нашли те свойства Естественного Права Народов, которые в "Новой Науке" мы рассматривали в идее более многословно, но меньше по существу.* Если сопоставить рассмотренное здесь с тем, что Герои первых Городов, как было указано выше, называли себя Богами, то это даст нам исчерпывающее объяснение изречению: *iura a Diis posita*⁴⁵⁰, которым обозначаются установления Естественного Права Народов. Однако позже, когда вслед за этим последовало Естественное Право Человечных Людей, о чем многократно говорил нам выше Ульпиан (в этом праве Философы и Моралисты-Теологи возвысились до понимания полностью раскрытого Естественного Права Вечного Разума), тогда это изречение перешло соответственно на обозначение Естественного Права Народов, установленного истинным Богом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ГЕРОЕВ

Однако все политики считают началом Героического Века морские разбои Миноса и поездку Язона в Понт, продолжением его - Троянскую Войну и концом - скитания Героев, окончившиеся возвращением Улисса на Итаку. Поэтому в те времена должен был зародиться последний из *Dii Majores*, Нептун, соответственно авторитету Историков, который мы подкрепим философским соображением на основании многих золотых мест из Гомера. Философское соображение состоит в том, что Корабельное Искусство и Мореходство - это последние изобретения наций, так как нужен был расцвет ума, чтобы изобрести их; таким образом Дедал, их изобретатель, стал обозначать самый ум, а Лукреций⁴⁵¹ называет эти искусства *daedala tellus*, как нечто особенно хитроумное. Во многих местах Гомеровой "Одиссеи" мы видим, что куда бы ни причаливал Улисс или куда бы его ни заносила буря, он поднимается на ближайший холм, чтобы посмотреть, нет ли среди земли дыма, который показал бы ему, что там живут люди. Эти места из Гомера подтверждаются тем золотым местом из Платона, которое мы выше, в Аксиомах¹¹¹, слышали от Страбона, - что первые нации еще долго испытывали страх перед морем; причину этого заметил Фукидид: из страха перед морскими набегами⁴⁵² Греческие нации поздно спустились вниз для заселения побережий.- Нептун по рассказам был вооружен трезубцем, которым он заставляет дрожать землю: то был большой багор для захватывания кораблей, названный в красивой метафоре "зубом", с превосходной степенью "три", как мы го-

ворили выше. Им Нептун заставляет дрожать земли людей от страха перед его набегами; позднее, уже во времена Гомера, стали думать, что он заставляет дрожать Естественные Земли; за этим мнением Гомера позднее следовал и Платон со своею "бездной вод", которую он помещал в недрах земли; насколько это обосновано, - будет показано ниже.

Морские набеги обозначал Бык: в виде быка Юпитер похищает Европу; Минотавр, т.е. "бык Миноса", в виде быка похищает мальчиков и девочек с берегов Аттики. Так мачты продолжали называть "рогами" корабля (*cornua navis*), - этой метафорой впоследствии воспользовался Вергилий, - а поселяне совершенно правильно говорили, что Минотавр их "пожирает", так как они видели со страхом и горем, как корабль их проглатывает. Совершенно так же Морское чудовище хочет пожрать прикованную к скале Андромеду, окаменевшую от страха (почему у Латинян и осталось выражение *terrore defixus* - "ставший неподвижным от страха"); а крылатый Конь, на котором Персей освобождает Андромеду, - это другой разбойничий корабль, почему паруса и продолжали называть "крыльями корабля", и Вергилий, с полным знанием этой Героической Древности, говоря о Дедале - изобретателе корабля - рассказывает, что он летает на машине, называемой *alatum remigium*⁴⁵³. Нам рассказывают также, что Дедал был братом Тезея. Таким образом Тезей оказывается характером тех афинских мальчиков, которые по закону силы, принесенной Миносом, были пожраны его быком, т.е. разбойничьим кораблем; а Ариадна - Мореходное Искусство - при помощи нити мореплавания учит Тезея, как выйти из лабиринта Дедала: до того, как были изобретены подобного рода сельские развлечения, лабиринтом было Эгейское Море вследствие многочисленных островов, которые оно омывает и окружает; Тезей, научившись Мореходному Искусству у Критян, покидает Ариадну, возвращается с Федрой, ее сестрой (т.е. аналогичным Искусством), убивает Минотавра и освобождает Афины от жестокой подати, наложенной на них Миносом, тем, что учит самих Афинян Морскому Разбою, *в этом Мифе Писатели по аттической Истории (посмотрите, какое прилежание!) нашли и Олимпиаду, и месяц, и день, когда Тезей вернулся в Афины, торжествуя свою победу над ужасным чудовищем.* Таким образом, Федра была такою же сестрою Ариадны, каким братом Тезей был Дедалу.

По этому поводу Плутарх⁴⁵⁴ в "жизнеописании Тезея" говорит, что Герои считали за великую славу и похвалу своему оружию, если их называли разбойниками; совершенно так же и во времена вернувшегося варварства слово "корсар" было почетным титулом синьора. Появившийся примерно в такие же времена Солон разрешал, как говорят, в своих Законах общества грабителей: так-то Солон понимал нашу законченную культурность, когда грабители не пользуются Естественным Правом Народов! Но еще удивительнее то, что Платон⁴⁵⁵ и Аристотель⁴⁵⁶ помещают разбой среди видов Охоты; и такие великие Философы столь высококультурного народа сходятся в данном случае с варварством Древних Германцев, у которых, по словам

Цезаря⁴⁵⁷, разбой не только не был позором, но его даже рассматривали как упражнение в Доблести, ибо народы, по своим обычаям не занимающиеся никакими ремеслами, в нем избегают праздности. Этот варварский обычай так долго держался у самых блистательных наций, что, по рассказу Полибия, среди других законов мира Римляне запретили Карфагенянам переходить за Мыс Пелор в Сицилии для грабежа или торговых сношений. Но даже если не говорить о Карфагенянах и Римлянах, которые сами в те времена считали себя варварами (как это можно заметить во многих местах у Плавта, где он говорит, что перевел греческие Комедии на варварский язык, тогда как нужно было бы сказать - на латинский), даже у самых культурных Греков времен их культурнейшей человечности существовал этот варварский обычай, откуда заимствован почти весь материал их Комедий; от этого же обычая, может быть, лежащий против нас берег Африки называется Варварией (Берберией), так как оттуда все время совершались набеги на Христиан.

Основанием этого древнейшего права войны (*с него как будто начинается материал de jure belli и отсюда же должно было бы начинаться и учение*) было негостеприимство Героических народов, как мы говорили выше. Они смотрели на чужестранцев как на вечных врагов и полагали славу подвластных им земель в том, чтобы держать чужестранцев как можно дальше от своих границ, - это рассказывает Тацит о свевах⁴⁵⁸, самой знаменитой нации Древней Германии. Они считали Чужестранцев также и Разбойниками, о чем шла речь немногим выше; об этом есть одно золотое место у Фукидида⁴⁵⁹, где он рассказывает что до его времен путешествующие по суше или плавающкь по морю при встрече спрашивали друг друга, не разбойники ли они ("разбойники" - в смысле "чужестранцы"). Однако, когда Греция ближе подошла к культуре, она очень быстро отбросила этот варварский обычай, и Греки стали называть варварами все другие нации, его сохранившие. В этом смысле продолжали они называть **Βαρβάρια** страну Троглодитов, где убивали перешедших ее границы гостей; совершенно также и ныне существуют варварские нации, соблюдающие такой обычай; во всяком случае, культурные нации не пускают к себе чужестранцев, если у последних нет на это разрешения. Среди наций, прозванных Греками из-за такого обычая варварскими, были также и Римляне, о чем свидетельствуют два золотых места из Законов XII Таблиц⁴⁶⁰; одно из них: *Adversus hostem aeterna auctoritas esto*; второе приводит Цицерон: *si status dies sit cum hoste venito*. Слово *hostis* истолкователи принимают здесь в метафорическом значении - "противник по тяжбе"; но в том же самом месте Цицерон⁴⁶¹, весьма кстати для нас, замечает, что *hostis* у Древних называлось то, что впоследствии стали называть *peregrinus*. Оба эти места, сопоставленные друг с другом, дают понять, что Римляне с самого начала считали чужестранцев вечными военными врагами; однако эти два места нужно относить также и к тем, кто были первыми в Мире *hostes*, т.е., как сказано выше, чужестранцами, принятыми в убежища; потом они в качестве плебеев основывали, как было показано выше. Героические Города.-- Таким образом, это место из

Цицерона означает, что в условленный день Благородный виндигировал у Плебея земельный участок, как об этом также говорилось выше. В связи с этим, по словам тех же Законов, право обратного требования сохраняется вечно, потому что по отношению к плебеям, как рассказал нам Аристотель в Аксиомах⁴⁶², Герои клялись быть вечными врагами. По этому героическому праву никто из плебеев не мог приобрести по давности земельный римский участок, как бы много времени ни прошло, так как эти участки могли иметь обращение среди одних лишь благородных. В этом заключается, главным образом, причина того, почему Законы XII Таблиц не признают *nuda possessio* ("простого владения"); поэтому когда позже героическое право начало выходить из употребления, а приобретать силу начало человеческое право, тогда Преторы стали охранять в чрезвычайном порядке простое владение, поскольку ни из текста закона, ни посредством какой-либо его интерпретации они не могли предоставить такого иска в общем порядке (*actio directa* или *actio utilis*). Все это указывает, что такой закон считал простое владение плебеев предоставленным им патрициями лишь прекарно. С другой стороны, этот закон не давал средств против хищений и насильственного захвата самими благородными, соответственно той второй особенности первых Государств, о которой сам Аристотель говорил нам в Аксиомах⁴⁶³: они не имели законов о личных обидах и оскорблениях, против которых все частные лица сами должны были защищаться силою оружия (подробнее это будет показано в Книге IV); от этой защиты впоследствии сохранился при *rei vindicatio* порядок применения фиктивной силы, которую Авл Геллий называет "соломенной". Все это нашло выражение в *Interdictum unde vi*, которое давал Претор, и также *extra ordinem*, так как Законы XII Таблиц не только не говорили, но даже и не упоминали частных насилий; дальше предоставлялись иски *de vi bonorum raptorum* и *quod metus causa*⁴⁶⁴ - они появились поздно. также были преторского происхождения. Итак героический обычай считать чужестранцев вечными врагами, обычай, соблюдавшийся во время мира каждым народом в отдельности у себя, был перенесен вовне и оказался общим для всех героических народов: они вели между собою вечные войны с непрерывными грабежами и нападениями. Таким образом, от Городов, которые, по словам Платона, возникли на основе оружия, как мы видели выше, и которые начали управляться на военный лад еще до того, как появились самые войны (их ведут между собою города), от самого Города - **πόλις**; - была названа война - **πόλεμος**

В доказательство сказанного нужно здесь привести следующее важное наблюдение: Римляне распространяли свои завоевания и закрепляли результаты своих мировых побед на основе тех четырех законов, которые они осуществляли в пределах Рима по отношению к плебеям: ведь по отношению к непокорным Провинциям они применяли клиентелы Ромула, посылая туда римские колонии, которые хозяев полей превращали в поденщиков; по отношению к мирным Провинциям они применяли Аграрный Закон Сервия Туллия, разрешая этим провинциям бонитарную собственность на поля; по отношению к Италии они применяли Аграрный Закон XII Таблиц, разрешая

ей квиритскую собственность, так что жители пользовались землями, которые назывались *sola italica*; по отношению к Муниципиям, т.е. Городам с высокими заслугами, они применяли законы о коннубиях и о консулате, ставших доступными также и для плебса.

Эта вечная вражда между первыми городами не требовала еще объявления войны, и такие разбои считались справедливыми; наоборот, когда позднее нации стали отвыкать от этого варварского обычая, тогда необъявленные войны стали считать разбоем, и они неизвестны теперь Естественному Праву Народов, - Человечных Народов, как говорит Ульпиан. Эта же вечная вражда первых народов должна объяснить нам, *что конные игры, на которых Римляне похитили сабинских девушек, были разбоем, произведенным героическими "гостями": последние пришли скорее за целомудренными сабинскими девушками, чем для того, чтобы в чужом городе посмотреть игры в театре; она должна объяснить также, что тот долгий период, когда Римляне воевали с Альбанцами, был их самой ранней порой, когда оба эти народа обоюдно разбойничали, о чем здесь и идет речь. Поэтому гораздо разумнее думать, что Гораций убивает сестру за то, что она оплакивает в лице Куриация своего похитителя, а не жениха, если сам Ромул не мог получить жену от Альбанцев, причем ему не помогало ни то, что сам он происходил от Царей Альбы, ни то, что он, совершив великое благодеяние, изгнав из Альбы тирана Амулия и вернув законного царя Нумитора. Гораздо вероятнее этого то, что сестра Горация узнала одежду своего убитого жениха в то время, когда брат нес ее вместе с другими трофеями: она своими собственными руками вышивала это одеяние, так как Пенелопа удостоверяет нам, что самой благородной женской работой греческих цариц было тканье материи.* Весьма стоит отметить, что заключается договор считать законом счастливую победу в сражении одних лишь особо заинтересованных лиц: так в Альбанской войне таким было сражение трех Горациев с тремя Куриациями, в Троянской войне - сражение Париса с Менелаем, а так как оно осталось незаконченным, то Греки и Троянцы потом заканчивали его (совершенно так же во времена последнего варварства Государи поединками заканчивали свои споры о Государствах, и счастливые в них подчиняли себе народы). Вообще Альба была Латинской Троей, а Римской Еленой была сестра Горация (таким образом эта История была совершенно аналогична Греческой по сообщению Гергарда-Иоганна Фоссиуса в "Риторике"); именно такой, а не иной обычай должен был вытекать из недалеких представлений первых народов в виде некоторого рода дуэли — почему война у Латинян называлась также и *diellit* — главные заинтересованные лица сражались друг с другом посредством оружия, несмотря на то, что они были Царями, и публичное счастье народов было результатом доблести победоносной стороны. Поэтому десять лет осады Трои у Греков соответствуют десяти годам осады Вей у Латинян, иными словами - конечное число вместо бесконечности всего того ранее протекшего времени, когда города питали вечную взаимную вражду. Ведь понятие числа вслед-

ствие его высшей абстрактности нации уразумели напоследок, как в настоящих Книгах об этом шла речь по другому поводу; поэтому, когда разум становился более развитым. Латиняне говорили "шестьсот", а Итальянцы сначала "сто", а потом "сто и тысяча" (cento e mille) для обозначения бесчисленного множества, так как идея бесконечности может запасть в ум одних только Философов. Потому же, может быть, вместо огромного числа первые люди говорили "двенадцать": так двенадцать Богов было у gentes Majores, тогда как Варрон и Греки насчитывали тридцать тысяч богов; двенадцать подвигов совершил Геркулес, тогда как на самом деле они были неисчислимы; Латиняне делили все на двенадцать частей, тогда как его можно делить до бесконечности; потому же были названы и XII Таблиц ввиду бесконечного количества Законов, которые постепенно гравировались на таблице.

Во времена Троянской Войны в той части Греции, где эта война происходила. Греки назывались Ахейцами, тогда как раньше они назывались Пеласгами (по Пеласгу, одному из самых древних героев Греции, о котором речь была выше); впоследствии имя Ахейцев распространилось по всей Греции, и это продолжалось до времен Луция Муммия (по наблюдению Плиния), тогда как потом в течение всего последующего времени Греков называли Эллинами. Такое распространение имени Ахейцев, обнаруживаемое уже у Гомера, показывает, что в этой войне объединилась вся Греция. Совершенно так же название "Германия", по сообщению Тацита⁴⁶⁵, в конце концов распространилось на значительную часть Европы, тогда как первоначально Германцами называлось одно племя, перешедшее Рейн и изгнавшее оттуда Галлов; таким образом, слава этого народа распространила его имя по Германии, как и молва о Троянской Войне распространила имя Ахейцев по всей Греции. Ведь все народы во времена своего первоначального варварства настолько мало понимают Союзы, что даже народы самих оскорбленных царей не думают братья за оружие, чтобы отомстить за них, как это видно по началу Троянской Войны. *Поэтому древнейшие союзы двенадцати городов Ионии, двенадцати городов Тосканы, сорока семи Латинских городов оказываются фантазией ученых: Сервий Туллий и Тарквиний Гордый, которые, по рассказам Дионисия Галикарнасского, были представителями в союзнической войне Латинян, оказываются такими же предводителями, как Улисс и Эней в отношении своих socii. А Союзы Галлов при Верцингеториксе и Германцев при Армии были вызваны тем, что Цезарь и Германик поставили их перед одинаковой необходимостью защищаться.* Только на основе такой природы человеческих гражданских вещей можно разрешить следующую удивительную проблему: почему Испания, мать столь многих сильнейших и воинственнейших (по словам Цицерона) наций, мощь которых испытал на себе и Цезарь (во всех других частях мира, где он всегда побеждал, он сражался ради Империи, и только в Испании он сражался ради своего спасения), почему, говорим мы, после славы Сагунта, в течение восьми месяцев непрерывно заставлявшего потеть Аннибала со всеми его свежими и нетронутыми Африканскими силами, с которыми он позже, хоть они

уменьшились и устали, чуть не отпраздновал в Риме своего триумфа на Капитолии после победы у Канн, почему после Нуманции, которая поколебала римскую славу настолько, что Карфаген уже ликовал, и заставила обратить внимание на доблесть и мудрость Сципиона, триумфатора Африканского, - почему Испания не объединила тогда всех своих народов в одном союзе, чтобы основать на берегах Тахо вселенскую Империю? Почему она дала повод для грустной похвалы Луция Флора: "Испания заметила свои силы только после того, как вся была побеждена по частям"? Тацит в "Жизнеописании Агриколы", наблюдая тот же самый обычай у Англичан, в его времена еще совершенно диких, так размышляет в следующем прекрасном выражении: *dum singuli pugnant, universi vincuntur*⁴⁶⁶. Потому, что они жили, пока их не трогали, в берлогах на своих землях, продолжая вести дикую и уединенную жизнь Полифемов, о которой речь шла выше.

Историки, пораженные блеском Героических Морских Войн и совершенно ими ошеломленные, не замечали Сухопутных Героических Войн, и еще того меньше - Политики Героев, посредством которой правили Греки тех времен. Однако Фукидид⁴⁶⁷, остроумнейший и мудрейший писатель, оставил нам одно очень важное указание: он рассказывает, что Героические Города были совершенно лишены стен, как, например, Спарта в Греции и Нумация, Испанская Спарта. При своей высокомерной и буйной природе Герои ежедневно прогоняли с трона один другого; так Амулий изгнал Нумитора, а Ромул изгнал Амулия и восстановил Нумитора на царствовании в Альбе. В такой-то мере родословная Царских Героических Домов в Греции и непрерывная генеалогия четырнадцати Латинских царей удостоверяют Ученым их Рациональную Хронологию! Ведь из времен вернувшегося варварства, еще более незрелого в Европе, нам неизвестно ничего более непостоянного и более изменчивого, чем Судьба Царственных Родов, как это было отмечено выше в "Примечаниях к Хронологической Таблице". И поистине предусмотрительнейший Тацит указал нам на это в первой фразе "Анналов": *Urbem Romam principio Reges habuerunt*⁴⁶⁸, пользуясь глаголом, обозначающим самый слабый из трех видов владения, различаемых Юристами: *habere, tenere, possidere*.

Гражданские отношения, существовавшие при такого рода царствах, рассказаны нам Поэтической историей в виде многочисленных Мифов; последние содержат в себе споры за песню, если производить слово "песня" от того сапеге или *cantare*, которое значит "предсказывать", - следовательно, эти Мифы содержат героические споры по поводу ауспий. Так сатир Марсий, *secum ipse discors*, т.е. чудовище, как его называет Ливии, был побежден Аполлоном в состязании по пению, и Бог с него живого содрал шкуру: здесь мы видим жестокость героических наказаний! Лин (здесь, несомненно, плебейский характер, так как во всяком случае другой Лин был Героическим Поэтом, перечисляемым рядом с Амфионом, Орфеем, Мусеем и другими) в подобном же состязании по пению был убит Аполлоном. В обоих этих Мифах

спор идет с Аполлоном, Богом Предсказаний, т.е. Науки Предсказаний, или же Науки ауспий: а выше мы нашли также, что он был Богом Благородных, так как Наука ауспий, как это было показано на многочисленных доказательствах, принадлежала одним лишь благородным. Сирены усыпляют проезжающих мимо пением и потом перерезают им горло; Сфинкс задает прохожим загадки, и если они не умеют их разгадать, то он убивает их; Цирцея посредством волшебства превращает в свиней товарищей Улисса, почему впоследствии *cantare* принимали в смысле "колдовать", как например: ...*cantando rumpitur anguis*⁴⁶⁹; и поэтому же магия, которая в Персии первоначально была Наукой о Божественных Предсказаниях, сохранилась в значении "Колдовское Искусство", а их колдовство продолжали называть "чародейством" (итальянское *incantesimi*). "Проходящие мимо", "прохожие", "бродяги" были чужестранцами в героических городах. Плебеями, как мы сказали выше, которые спорили с Героями, добиваясь приобщения к ауспийцам, были побеждены в таких волнениях и жестоко за то наказаны. - Сатир Пан хочет поймать Сиринкс, нимфу, как мы говорили, замечательную своим пением, и оказывается, что он обнимал тростник; и как Пан обнимал Сиринкс, так и Иксион, влюбленный в Юнону, Богиню Торжественных Браков, вместо нее обнимает облако: иными словами, тростник обозначает легкость, а облако - пустоту естественных браков. Поэтому говорят, что от облака родились Кентавры (т.е. Плебеи, чудовища разной природы, как говорит Ливии), которые у Лапитов похищают себе невест в то время, как они празднуют свадьбы. Так же и Мидас (выше мы нашли, что он - плебей) прячет свои ослиные уши, а тростник, который обнимает Пан, т.е. естественные браки, открывает их; совершенно так же римские патриции твердят своим плебеям, что каждый из них - чудовище, ибо они *agitabant conubia more ferarum*⁴⁷⁰. Вулкан (а он также должен быть здесь плебеем) хотел вмешаться в спор между Юпитером и Юноной, но был за это пинком Юпитера сброшен с неба и остался хромым: то была распря, вызванная плебеями, чтобы добиться от Героев приобщения к ауспийцам Юпитера и коннубиям Юноны; побежденные в ней, они остались хромыми (в смысле "приниженными"). Также Фаэтон из семьи Аполлона (почему его и считали сыном Солнца) пожелал править золотой колесницей отца (колесницей из поэтического золота, т.е. пшеницы), отклонился от обычных дорог, которые вели к закромам отца его семьи (это - претензия на владение полями), и был низвергнут с неба.

Но важнее всего, что с неба падает Яблоко Раздора, т.е. яблоко, как мы выше показали, обозначающее земельную собственность, так как первый раздор возник изза полей, которые плебеи хотели возделывать для себя; и Верена (она должна быть здесь Плебейской) оспаривает у Юноны коннубии, а у Минервы - власть (по поводу Суда Париса Плутарх в "Жизнеописании Гомера" правильно замечает, что относящиеся к нему два последних стиха "Илиады" принадлежат не Гомеру, а руке кого-нибудь из появившихся позже). Аталанта побеждает Женихов в беге, бросая золотые яблоки, и совершенно так же Геркулес борется с Антеем и побеждает его, под-

няв к небу, как было разъяснено выше. Аталанта предоставляет плебеям сначала бонитарную, потом квинритскую собственность на поля и сохраняет за собою коннубии, - совершенно так же римские патриции первым Аграрным Законом Сервия Туллия и вторым Аграрным Законом XII Таблиц все еще сохраняли коннубии в пределах своих Сословий (в главе *connubia incommunicata plebi sunt*, что было прямым следствием *auspicia incommunicata plebi sunt*; поэтому уже через три года плебс начал выставлять на них претензию и после трех лет героической распри получил их). Женихи Пенелопы наводняют царский дворец Улисса (т.е. выставляют претензию на коннубии); с одной стороны, Пенелопа остается целомудренной, а Улисс побивает Женихов, как дроздов, попавших в сеть (того же рода сеть, какую героический Вулкан увлекает плебейских Марса и Венеру), и принуждает их обрабатывать поля в качестве Ахилловых поденщиков (так и Кориолан хотел низвести римских плебеев, недовольных Аграрным законом Сервия Туллия, на положение поденщиков Ромула, как было сказано выше); кроме того, Улисс сражается с несчастным Иром и убивает его: это была Аграрная распря, когда плебеи пожирают богатства Улисса. Пенелопа, с другой стороны, развратничает с женихами, т.е. предоставляет коннубии плебсу, от чего рождается Пан, чудовище с двумя различными естествами, человеческим и звериным, совершенно как у Ливия - *secum ipse discors*; римские патриции говорили плебеям, что если приобщить их к коннубиям благородных, то от плебеев должно будет родиться чудовище, похожее на Пана, из двух различных естеств; такое чудовище породила Пенелопа, развратничавшая с плебеями. От Пасифаи, которая соединяется с Быком, рождается Минотавр, чудовище с двумя различными естествами: в этом заключается та История, что Критские герои приобщили к коннубиям чужестранцев, подплывавших к Криту на корабле, который называли Быком и на котором, как мы выше разъяснили, Минос похищал мальчиков и девочек с берегов Аттики, а Юпитер еще раньше похитил Европу. К такого же рода Гражданской Истории нужно отнести и миф об Ио: Юпитер влюбляется в нее, - он благоприятен ей в ауспичиях; Юнона ревнует его - гражданской ревностью, как мы разъяснили выше, желая сохранить за героями торжественные свадьбы, - и отдает ее стеречь стоглазому Аргусу - Аргосским Отцам, каждому со своей рожей и с возделанной землей, как мы истолковали выше; Меркурий (здесь он должен быть характером наемных плебеев) игрою на дудке (скорее пением) усыпляет Аргуса, - побеждает Аргосских Отцов в споре за ауспичии, в которых воспевалась судьба при торжественных свадьбах; тогда Ио превращается в корову и соединяется с тем быком, с которым соединялась Пасифая; скитаясь, она идет в Египет, т.е. к тем чужестранцам Египтянам, с которыми Данай прогнал Инакидов с царского трона в Аргосе.

Однако к концу героического века Геркулес изнеживается и прядет по приказанию Иолы и Омфалы, иными словами - подчиняет героическое право на поля плебеям. По сравнению с последними Герои называли себя *Viri* (мужи), ибо у Латинян слово *viri* значит то же самое, что Герои у Греков; так Вергилий начинает "Энеиду", полно-

весно пользуясь этим словом: с *Arma virumquecano...* а Гораций переводит так первый стих "Одиссеи": *Die mihi, Musa, virum...* Слово *virī* у Римлян сохранилось в значении "торжественные супруги", "должностные лица", "жрецы" и "судьи", так как в поэтических аристократиях и свадьбы, и власть, и жречество, и суды были целиком замкнуты в Героических Сословиях.

И Героическое Право на поля было предоставлено плебеям Греции так же, как римские патриции предоставили плебеям квиритскую собственность по второму Аграрному закону, за который плебеи сражались и который был занесен в Законы XII Таблиц, как это было показано выше. Совершенно так же во времена вернувшегося варварства феодальное имущество называлось "имуществом копья", а имущество горожан - "имуществом веретена" (например, в Английских Законах); поэтому Французский королевский герб для обозначения Салического Закона, исключавшего наследование этого королевства по женской линии, поддерживают два Ангела, одетые в далматики и вооруженные копьями; герб этот украшен следующим героическим изречением: *Lilia poppent*⁴⁷¹. Таким образом раз Бальдус, весьма удачно для нас, называет Салический закон *Jus gentium Gallorum*⁴⁷², то и мы можем назвать Законы XII Таблиц (поскольку они строго сохраняли наследование *ab intestate* в пределах *sui, agnati* и, наконец, *gentiles*) *Jus gentium Romanorum*⁴⁷³: ведь ниже будет показано, в какой мере истинным было то, будто в первые времена Рима существовал обычай, по которому дочери наследовали *ab intestate* своим отцам и будто потом этот обычай перешел в Законы XII Таблиц. *Ведь знаменитое Jus Quiritium Romanorum*⁴⁷⁴ в первые его времена было исключительным правом вооруженных в народном собрании Римлян, как было сказано; в прямой или первичной зависимости от этого права стояла квиритская собственность, собственность по праву оружия; среди других видов приобретения этот вид собственности приобретался также и посредством наследования по закону; а так как женщины ни у одной нации не обладали правом на оружие, то они оказывались исключенными из публичных собраний; в частности, у Римлян они оставались под вечной опекой или отцов, или мужей, или родственников.

Наконец, Геркулес впадает в неистовство и окрашивает себя кровью кентавра Несса, т.е. чудовища-плебея, состоящего из двух различных естеств, как говорит Ливии, - иными словами, впадает в гражданское неистовство, приобщает плебеев к коннубиям, оскверняет себя кровью плебеев и, таким образом, умирает; он умирает в результате Закона Петелия, названного *de Nexu* (*nexum* - "узел") Римского Геркулеса, Бога Фидия; по этому закону *vinculum Fidei victum est*⁴⁷⁵ (хотя Ливии относит его к случаю, происшедшему на десять лет позже, однако по существу это - тот же самый случай, который дал основание Закону Петелия, и последнему нужно было следовать, чтобы не устанавливать того, что уже заключалось в приведенном положении); Ливии приводит здесь столь же доверчиво, сколь невежественно слова какого-

нибудь древнего Летописца, так как если плебеи и избавились от частных тюрем своих благородных кредиторов, все же они принуждены были, оставаясь должниками, на основании судебных законов платить долги; однако было развязано Феодальное Право, право Геркулесова Узла, родившееся в первых в мире Убежищах, посредством которых Ромул основал Рим; во всяком случае, чрезвычайно правдоподобно предположение, что Летописец написал *vinculum Fidii*... "Бога Фидия", который, по словам Варрона, был Геркулесом Римлян: это изречение стало непонятно для пришедших позднее, и они ошибочно думали, что там написано *Fidei*.

Такое же естественное Героическое Право было обнаружено у Американцев и до сих пор продолжает существовать у Абиссинцев в Африке, у Московитов и Татар в Европе и Азии; но особенно кротко пользовались им Евреи, у которых должники служили только в течение семи лет. - Однако надо покончить с этим правом. В конце концов, Орфей, основатель Греции, вместе со своей Лирой (т.е. струной-веревкой, или силой, обозначающей то же самое, что и узел Геркулеса, узел Закона Петелия) был убит Вакханками - пришедшими в неистовство плебеями, которые разбили на куски его Лиру, обозначающую, как это выше было показано на основании многочисленных доказательств. Закон. Поэтому уже во времена Гомера Герои брали в жены женщин-чужестранок, а внебрачные дети принимали участие в Престолонаследии; все это показывает, что в Греции началась Народная Свобода. В результате следует прийти к заключению, что такие Героические Распри дали название Веку Героев; во время этих Распрей многие побежденные и смещенные главари с отдельными товарищами из своих отрядов отправлялись скитаться по морю в поисках новых земель; одни из них возвращались, в конце концов, на свою родину, как Менелай и Улисс; другие осели на чужих землях, как Кекропс, Кадм, Данай, Пелопс.

Такого рода героические распри происходили на много столетий раньше в Финикии, в Египте, во Фригии, чем в Греции, так как в этих местах раньше зародилась культура. В одной из таких распрей принимала участие Дидона: спасаясь из Финикии от отряда преследовавшего ее зятя, она обосновалась в Карфагене, который назывался *Phoenicia*, почти что *Phoenicia* (Финикия). Также и все Троянцы после разрушения Трои: Капис обосновался в Капуе, Эней причалил к Лациуму, Антенор проник в Падую.

Так закончилась мудрость Поэтов-Теологов, т.е. Мудрецов, или Политиков, Поэтического века Греции; этими мудрецами были: Орфей, Амфион, Лидий, Мусей и др.: воспевая греческим плебеем силу Богов в ауспичиях (то были хвалы, в которых Поэты воспевали Богов, т.е. хвалы Божественному Проведению, составлявшему тему их песен), они поддерживали в плебеех почтение к своим героическим сословиям; совершенно так же Аппий, внук Децемвира, около 300 года от основания Рима, как об этом говорилось по другому поводу, воспевал римским плебеем силу Богов в ауспи-

циях (Благородные утверждали, что обладают Наукой о них) и удержал плебеев в повиновении благородным; и совершенно так же Амфион посредством игры на своей лире воздвиг из самодвижущихся камней стены Фив, за триста лет до этого заложенные Кадмом, т.е. утвердил там героическое состояние.

КОРОЛЛАРИИ

о Древнеримских Отношениях, и в частности - о мнимом Монархическом Царстве и о мнимой Народной Свободе, основанной якобы Юнием Брутом

Если принять во внимание все эти многочисленные совпадения человеческой гражданской жизни у Римлян и у Греков, на основании которых мы нашли при помощи многочисленных доказательств, что Древняя Римская История оказывается непосредственным продолжением Исторической Мифологии многих и весьма разнообразных греческих Мифов, то всякий, кто полагается на свой разум, а не на память или воображение, необходимо принужден будет решительно утверждать, что со времен Царей и до приобщения плебеев к коннубиям римский народ, "народ Марса", состоял из одних Благородных; и что для этого народа Царь Тулл (начиная с обвинения Горация) разрешил осужденным Дуумвирами или Квесторами апелляцию ко всему сословию, поскольку только сословие составляет Героический народ, а плебеи были добавлением к такому народу (позднее Провинции также оказывались добавлением к Нациям-завоевательницам, как это хорошо подметил Гроций; это именно "иной народ", как называл Телемах своих плебеев в собрании, что мы отметили выше). Поэтому при помощи непобедимой Метафизической Критики, направленной на Создателей Наций, нужно разрушить заблуждение, будто толпа презреннейших поденщиков, считавшихся рабами со времен смерти Ромула, имела право выбора Царей с последующим утверждением Отцами; ведь это - анахронизм, идущий из тех времен, когда плебс уже имел свою долю в городе и собирался для выбора консулов, а это последнее право было предоставлено Отцами плебеям только после приобщения их к коннубиям, т.е. примерно через триста лет после Междоусобия Ромула. *Оба эти заблуждения прослежены нами в "Новой Науке".*

Слово "Народ", принимаемое по отношению к первым временам Мира Городов в значении, свойственном позднейшим временам, влечет за собою и два другие заблуждения - в словах "Царь" и "Свобода", почему все и думали, будто Римское Царство было Монархией и будто Юний Брут установил в нем Народную Свободу. Хотя Жан Боден и впал в то заблуждение, в какое впадали и все другие прежние Политики, будто первоначально существовали Монархии, затем Тирании, потом народные Республики и, наконец. Аристократии (здесь мы можем видеть, какую путаницу могут вызвать и фактически вызывают человеческие идеи при отсутствии истинных оснований!), все же, наблюдая в мнимой Древнеримской народной Свободе проявления, соответствующие Республике Аристократической, он подписывает свою Систему сле-

дующим различием: в древние времена Рим был по своему политическому устройству народным государством, но управлялся он аристократически; но если бы даже Бодену удалось привести противоположные явления, то и с такой подпоркой его политическое сооружение рухнуло бы в конце концов под напором силы той истины, признаваемой им с грубым непостоянством, что в древние времена Римская Республика была аристократической не только по образу правления, но и по политическому устройству. *Мы не собираемся здесь увеличивать еще больше смущение ни Бодена, ни других Политиков и Критиков, занимавшихся Римскими делами, так же как и ученых Истолкователей Римского Права, напоминая им о тех размышлениях, которые они должны были бы проделать, если хотят извлечь из явлений природу Рима — был ли он Монархическим или Аристократическим (мы это сделали в "Новой' Науке"); мы укажем им только, что у них нет ни одного римского автора, который бы помог им или даже только не противоречил бы.*

Все это подтверждает Тит Ливии, рассказывая об учреждении Юнием Брутом должностей двух Консулов с годичным сроком избрания; он открыто говорит и утверждает, что Государство от этого совершенно не изменилось (Брут был достаточно мудр, чтобы избавиться от такой порчи с самого начала свое Государство) и что наличие должностей двух годичных Консулов nihil quicquam de regia potestate deminutum⁴⁷⁷. Таким образом Консулы оказываются двумя такими же годичными Аристократическими Царями, reges annui⁴⁷⁸, по словам Цицерона в "Законах", какими пожизненно были Цари в Спарте, Республике, несомненно. Аристократической. Эти Консулы, как каждый знает, были подчинены апелляции в течение своего царствования, как и Спартанские Цари были подчинены надзору Эфоров; по окончании же царствования Консулы могли быть обвинены, как и Спартанских Царей Эфоры могли присудить к смерти. *Если бы Римские Консулы были двумя монархическими Царями, как бы двумя Диктаторами, то также и Цари первоначально были бы пожизненными монархами Рима. Но этому не только не помогает, но даже противоречит Тацит: он говорит libertatem et consulatum Junius Brutus instituit⁴⁷⁹; Тацит пользуется при этом глаголом, равно обозначающим как "устанавливать", так и "начинать", ибо Юний Брут учредил Консулат, посредством которого восстановил свободу господ от Тиранов, и заложил начало народной свободы, т.е. свободы плебса от господ, которая потом все росла и закончилась тем, что Консулат стал доступным и плебеем.*

Приведенное место из Ливия показывает одним ударом и то, что Римское Царство было Аристократическим, и то, что Брутом была установлена Свобода, но только не народная, т.е. свобода народа от господ, а господская, т.е. свобода господ от тиранов Тарквиниев. Последнего, несомненно, Брут не смог бы сделать, если бы ему не подвернулось дело Римлянки Лукреции и он очень мудро уловил, что этот случай связан с целым рядом возвышенных обстоятельств, пригодных для того, чтобы поднять плебс против тирана Тарквиния; последний причинил столько зла правлению

благородных, что Бруту пришлось пополнять Сенат, уже опустошенный вследствие убийства многих Сенаторов Тарквинием Гордым; при этом Брут мудро преследовал две политические выгоды: он усилил уже клонящееся к упадку Сословие Благородных и сохранил благосклонность плебса, так как из числа его выбрал, должно быть, очень многих (и может быть, наиболее свирепых), осмелившихся преобразовать Господское Государство, и ввел их в состав Благородных; и так сложился Город, в те времена рвзделений *intra patres et plebem*⁴⁸⁰.

Если стечения таких многочисленных и разнообразных причин, какие рассматривались здесь, начиная с Века Сатурна, если вытекающих из них многочисленных и разнообразных явлений Древнеримского Государства, которые наблюдал Боден, если постоянства и неизменности, с какою причины влияют на явления, о чем размышлял Ливии, - если всего этого недостаточно для установления того, что Римское Царство было Аристократическим и что Брут в нем основал Свободу Господ (во всем этом мы опираемся на один только авторитет), то придется признать, что Римляне, народ варварский и грубый, имели такую привилегию от Бога, какой не могли иметь Греки, народ утонченной культурности: по рассказу Фукидида, Греки ничего не знали о своей собственной древности до Пелопонесской Войны, самого блистательного времени Греции, как мы отметили выше в "Хронологической Таблице"; там же мы показали, что для римлян наиболее блистательны времена Второй Пунической Войны, начиная с которой Ливии признает, что пишет с большей достоверностью Римскую Историю (хотя он и сознается откровенно, что не знает трех самых важных обстоятельств Истории этой войны, что мы также отметили в "Хронологической Таблице"); но даже если при всем том допустить такую Привилегию для Римлян, все же придется признать, что их предания - это смутные воспоминания, неясный фантастический образ; а потому сознание не сможет отрицать тех рассуждений, которые были приведены здесь по поводу Римских Древностей.

КОРОЛЛАРИЙ О Героизме Первых Народов

Героический Век первого Мира, о котором сейчас идет речь, принуждает нас с суровой необходимостью разобрать Героизм Первых Народов. Соответственно выставленным нами выше и применяемым здесь Основаниям Героической Политики, он был совершенно отличен от того Героизма, какой воображали себе Философы вследствие предрассудка о недостижимой Мудрости Древних, поскольку Филологам были неизвестны следующие три неопределенные слова (на них мы указывали выше): "Народ", "Царь" и "Свобода"; они представляли себе Героические Народы так, как если бы в них входили также и плебеи. Царя представляли себе как Монарха и Свободу как Народную Свободу. И обратно тому, они приписывали первым людям три свои собственные идеи, принадлежащие сознанию утонченному и ученому: во-первых - идею рациональной справедливости, основанной на максимах Сократиче-

ской Морали; во-вторых - идею славы, т.е. молвы о благодеяниях, совершенных для Рода Человеческого; и третьих - идею жажды бессмертия. Вследствие этих трех ошибок и этих трех идей они думали, что царь или другие значительные персонажи древних времен приносили в жертву себя и свои семьи, не говоря уже о всем их имуществе и добре, с целью сделать счастливыми несчастных, которых всегда большинство и в городах и в нациях.

Однако, говоря об Ахилле, величайшем из Греческих Героев, Гомер рассказывает нам о трех его свойствах, совершенно противоположных этим трем идеям Философов. В отношении справедливости: Гектору, желающему договориться с ним о погребении, если в сражении он его убьет, Ахилл дает дикий ответ⁴⁸¹, не считаясь ни с равенством положения, ни с общей судьбой (а эти два рассуждения естественно приводят людей к признанию справедливости): "Разве люди когда-нибудь договаривались со львами, разве у волков и ягнят одинаковые желания? (обратно тому). Если я тебя убью, я буду волочить тебя нагим, привязанным к моей колеснице в течение трех дней вокруг стен Трои (так он и поступил), и в конце концов я отдам тебя на съедение моим охотничьим собакам" (он, несомненно, так и поступил бы, если бы несчастный отец Приам не пришел к нему выкупить труп). В отношении славы: из-за личного горя (так как Агамемнон несправедливо отнял у него его Брисеиду) он объявляет о своей обиде на людей и на Богов; он жалуется Юпитеру на то, что он обещен, он отзывает из союзного войска своих людей и из общего флота свои корабли, он равнодушно смотрит на то, как Гектор наносит большой урон Грекам; вопреки указанию Благочестия, которое обязывает по отношению к родине, он упрямо желает отомстить свою личную обиду гибелью своей нации; ему даже не стыдно радоваться вместе с Патроклом избиению Гектором Греков; и с ним же, что еще хуже, он, носящий в своих пятках Судьбу Трои, высказывает следующее недостойнейшее желание: чтобы во время этой войны умерли все Троянцы и все Греки, и только бы они двое остались живы⁴⁸²! В отношении третьего, стремления к бессмертию: в преисподней на вопрос Улисса, хорошо ли ему там, он отвечает, что предпочел бы быть даже презреннейшим рабом, лишь бы жить⁴⁸³. Вот каков тот Герой, которого с неизменным эпитетом "безупречный" Гомер воспеваает Греческим народам в качестве примера Героической Доблести! Так как Гомер приносит ту пользу, что учит, развлекая (что и должны делать Поэты), то этот эпитет нельзя понять иначе, как по отношению к высокомерному человеку, который, как теперь сказали бы, не позволит мухе пролететь мимо кончика своего носа; следовательно, здесь проповедуется придирчивая доблесть: именно в ней во времена вернувшегося варварства всю свою мораль полагали Дуэлисты; из нее вытекали гордые законы, надменные дела и мстительные удовлетворения самолюбия тех странствующих рыцарей, которых воспевают Романсы.

С другой стороны, следует подумать о высокомерии Циклопов — первых отцов семейств, объединенных в города; следует подумать об их неограниченной власти над семьями, сохраненной за ними их отечеством вследствие природы Героических Аристократий; следует подумать о невероятной жестокости отцовской власти, на основании которой они приказывали убивать невинных, только что родившихся младенцев; следует поразмыслить о той клятве, в которой, по словам Аристотеля, Герои клялись быть вечными врагами плебсу⁴⁸⁴; следует поразмыслить также над тем, о чем рассказывает Римская История времен Римской Доблести (Ливии ограничивает ее временами войны с Пирром и прославляет в следующем изречении: *nulla aetas virtutum feracior*⁴⁸⁵, а мы с Саллюстием - соответственно блаженному Августину "de Civitate Dei" - распространяем от изгнания Царей до Второй Пунической Войны): Брут, который вместе со своими двумя сыновьями приносит в жертву свободе свой дом; Сцевола, который, сжигая свою правую руку, не сумевшую убить Порсену, царя тосканцев, приводит его в ужас и обращает в бегство; Манлий, прозванный *Impregiosus*, который за удачное нарушение военной дисциплины, вызванное мотивами храбрости и славы, приказывает отрубить голову своему победоносному сыну; Курций, который бросается вооруженный и верхом в гибельную пропасть; Деции, отец и сын, которые приносят себя в жертву ради спасения своего войска; Фабриции, Курии, которые отказываются от большого количества золота Самнитов, от участия в царствовании, предложенном им Пирром⁴⁸⁶; Аттилий Регул, который идет на несомненную и жесточайшую смерть в Карфагене ради соблюдения святости римской клятвы, - какую пользу принесли они достойному сожаления и несчастному римскому плебсу? Не ту ли, что его еще больше мучили войнами, еще дальше топили в море ростовщичества, еще глубже хоронили в личных тюрьмах благородных, где плебеев били палками по голым плечам, как презреннейших рабров? А того, кто желал немного помочь плебсу какимнибудь хлебным или аграрным Законом, Сословие Героев во времена этой Римской доблести присуждало к смерти, как мятежника; именно так случилось (если не упоминать о других) с Манлием Капитолином, спасшим Капитолий от разорения бесчеловечными Сенонскими Галлами, а в Спарте, - таком же городе Героев Греции, каким был Рим для Героев мира, - с великодушным царем Агисом, так как он покусился облегчить положение несчастного Лакедемонского плебса, задавленного ростовщичеством благородных, посредством Закона о Новом Счете и помочь ему Законом о Наследовании; как говорилось в другом месте, Агис был за это удушен Эфорами, поэтому, как мужественный Агис был Спартанским Манлием Капитолином, так и Манлий Капитолин был римским Агисом: из одного подозрения, что он в какой-то мере помогал несчастному, подавленному римскому плебсу, он был сброшен с Тарпейской скалы. Если только существуют такие циклопические натуры, если только существует такая жестокая высшая отцовская власть, если только существуют такие Государства, у которых все гражданские почести открыты лишь для этих немногих отцов, и если общественная заинтересованность отождествляется с

личными Монархиями немногих, так сейчас же проявится Героизм первых народов; в свободных Републиках, а еще того меньше — в Монархиях, он по самой природе гражданственности невозможен. То, о чем мы сейчас говорим, содержится в Аксиомах (начиная с LXXXIX и до XCIV) и прочно стоит на них, как на своем основании. Поэтому можно сопоставить причины Римского Героизма с Героизмом Афинским. До тех пор, пока Афинами, по словам Фукидида, управляли Ареопагиты, т.е. пока Афины были по устройству или по крайней мере по роду правления аристократией (это время продолжалось до Перикла и Аристида, так как только тогда эти афинские Сестий и Канулей открыли плебеям дорогу к почестям), Афины совершали дела возвышенные и великодушные. С Афинами можно сравнить Спарту, государство несомненно аристократическое: она дала Греции столько же благородных, сколько и Героев, так что последние своими заслугами давали понять, что они действительно потомки Геркулеса. Таким образом с очевидностью доказано, что Человеческая Доблесть может по-человечески возвыситься только потому, что Провидение для дел человеческих установило гражданский порядок, относительно чего мы выше дали соответствующую Аксиому; теперь эту Аксиому мы распространяем также и на Науки: последние могут стать понятны и могут расти только ради общественной необходимости наций; так, религия породила Астрономию для Халдеев; разливы Нила, разрушавшего границы полей у Египтян, породили для них Геометрию, а тем самым и поразительную городскую Архитектуру их пирамид; морская торговля породила для Финикийцев Арифметику и Мореходство; совершенно так же теперь Голландия, подверженная морским приливам и отливам, породила у себя Науку об укреплении вод. Таким образом, мы видим, что без религии, основавшей государство, люди не могли бы иметь никакой идеи ни о Науке, ни о доблести! Таким образом, именно потому, что Благородные первых народов считали себя Героями, т.е. обладающими высшей по сравнению со своими плебеями природой (как это было полностью показано), именно потому они так плохо обращались с несчастным большинством своих наций. Ведь, несомненно. Римская История ошеломит всякого внимательного Читателя, если он будет обсуждать ее со следующих точек зрения: что такое Римская Доблесть там, где столько гордости? что за умеренность, где столько скупости? что за кротость, где столько дикости? что за справедливость, где столько неравенства?

Поэтому Основания, которые могли бы удовлетворить чувство столь великого удивления, необходимо должны быть следующими:

I. Как следствие звериного воспитания Гигантов, о чем мы говорили выше, воспитание детей было суровым и жестоким, например, у чуждых наукам Лакедемонян, Героев Греции: они в храме Дианы били своих сыновей до смерти, так что часто последние падали мертвыми в судорогах от боли под палками отцов: они их били, чтобы сыновья приучались не бояться боли и смерти; такая же циклопическая отцов-

ская Власть сохранялась как у Греков, так и у Римлян: у них позволено было убивать новорожденных невинных младенцев; ведь то восхищение, с которым мы теперь относимся к нашим маленьким детям, показывает всю нежность нашей современной природы.

II. Жен приобретали посредством героического выкупа (впоследствии он сохранился в виде торжественного обряда у Римских Жрецов, которые заключали браки *coemptione et farre*; такой же обычай, по рассказу Тацита⁴⁸⁷, существовал и у Древних Германцев, почему мы можем предположить существование его у всех первых варварских народов); жен держали только из-за естественной необходимости, чтобы производить детей; в остальном же на них смотрели как на рабынь; соответственно этому такой обычай существует во многих частях нашего света и почти повсеместно у наций Нового Света; если же приданое является выкупом женщинами свободы мужей, то оно оказывается также общественным признанием того, что одни мужья не в состоянии нести тягот брака; может быть, в этом и заключается причина тех многочисленных привилегий, посредством которых Императоры поощряли приданое.

III. Сыновья приобретали, жены берегли для своих мужей и отцов; ныне же происходит совершенно обратное этому.

IV. Игры и удовольствия трудны, например, борьба, бег, - поэтому Гомер придает Ахиллу постоянный эпитет "быстроногий"; они связаны также с опасностью, например, турниры, охота на диких зверей; они приучали воспитывать силу и мужество, а также пренебрежительно относиться к жизни и презирать ее.

V. Тогда совершенно не были известны роскошь, пышность и удобство.

VI. Все древние героические Войны были Религиозными; Религия же (по причине, которую мы приняли в качестве первого основания нашей Науки) делала их исключительно жестокими.

VII. Процветает рабство, также героическое, как следствие героических войн, когда побежденные считались людьми без Бога, почему они вместе с гражданской свободой теряли также и естественную свободу; здесь применима выставленная выше Аксиома⁴⁸⁸, что естественная свобода наиболее неукротима там, где блага особенно близки к естественному телу; гражданское же рабство коренится в тех благах, которые не необходимы для жизни.

Вследствие всего этого аристократические Республики по самой своей природе чрезвычайно сильны; в них лишь для немногих благородных отцов доступны все

гражданские почести, и общественное благо заключается в семейных монархиях, сохраненных для них отечеством; это - истинное отечество (*patria*), как мы уже многократно говорили, интересы немногих отцов (*patres*), и гражданами его естественно являются патриции (*patricii*). При такой природе, при таких обычаях, в таких республиках, в таких сословиях и при таких законах проявится Героизм Первых Народов. По причинам, которые совершенно противоположны перечисленным и которые впоследствии породили два другие вида Государственных Форм, человеческих, как мы доказывали выше, т.е. в свободных народных Республиках и еще того меньше в Монархиях, Героизм теперь по самой природе гражданственности невозможен. Ведь за все время Римской народной Свободы славой Героя пользовался один Катон утический; и то он оставил по себе эту славу благодаря своему Аристократически Республиканскому духу; когда, после смерти Помпея, он один остался Главою Благородных, тогда, не будучи в силах видеть, как Цезарь их истребляет, он покончил жизнь самоубийством. В Монархиях Героями оказываются те, которые приносят себя в жертву славе и величию своих Суверенов. Поэтому нужно прийти к тому заключению, что Героя в нашем смысле слова⁴⁸⁹ угнетенные Народы жаждут. Философы изучают, Поэты воображают, но гражданская природа (о чем у нас есть соответствующая Аксиома) не знает такого рода благодеяний.

Все рассмотренное здесь о Героизме первых народов приобретает блеск и сияние от выставленных выше Аксиом⁴⁹⁰ по поводу Римского Героизма; это же применимо и к Героизму Древних Афинян того времени, когда, по рассказу Фукидида, Афинами правили суровые Ареопагиты (Ареопаг же, как мы видели, был Аристократическим Сенатом), а также и к Героизму Спартанцев, т.е. Республики Гераклидов, или господ, как это было показано при помощи тысячи доказательств.

КРАТКАЯ СВОДКА сказанного о Поэтической Истории ⁴⁹¹

I. Вся эта Божественная и Героическая История очень неудачно описана нам Поэтами-Теологами в Мифе о Кадме. Он убивает огромную Змею - сводит великий древний лес земли; он сеет ее зубы (выше было сказано, что в прекрасной метафоре, кривые куски твердого дерева до того, как люди научились употреблять железо, служили сошниками первых плугов и назывались "зубами") - вспахивает первые в мире поля; он бросает большой камень - это твердая земля, которую для себя хотели пахать клиенты, т.е. *famuli*, как было разъяснено выше; из борозд рождаются вооруженные люди - вследствие героической распри вокруг первого Аграрного Закона, как мы говорили выше, Герои выходят из своих земель, чтобы сказать, что они - их господа, и, вооруженные, объединяются против плебеев; но они сражаются не друг с другом, а с клиентами, восставшими против них; бороздами же обозначены те Сословия, в которые объединяются Герои; благодаря Сословиям образуются и устанавливаются первые города на основе оружия, как все это было сказано выше; и

Кадм превращается в змею, - отсюда возникает авторитет Аристократических Сенатов, почему у древнейших Латинян существовало выражение: *Cadmus fundus factus est*, в. Греки говорили, что Кадм превратился в Дракона, писавшего законы кровью. Выше мы обещали показать, что Миф о Кадме содержит много столетий Поэтической Истории; он является важным примером той Беспомощности, из-за которой Детство Мира принуждено было работать над тем, чтобы выразить себя. Для ученых разных направлений, которых мы назовем ниже, он является великим источником трудности объяснения Мифов⁴⁹². Вот в какой мере Кадм мог записать эту Историю своими простонародными буквами, перенесенными им к Грекам из Финикии! А Дезидерий Эразм при помощи тысячи глупостей, недостойных ученого человека (он был прозван Христианским Варроиом), пытается утверждать, что этот Миф содержит Историю Букв, открытых Кадмом; значит, знаменитейшую Историю столь великого благодеяния - изобретения для наций букв, что само по себе принесло бы немалую славу,- Кадм должен был скрывать от рода человеческого Греции под покровом Мифа, и он оставался темным до времен Эразма, чтобы для простого народа оставалось тайной это великое Открытие Простонародной Мудрости, хотя по этому самому простонародью такие буквы и были названы Простонародными!

II. С поразительной краткостью и точностью рассказывает Гомер ту же самую Историю, сжав ее в иероглиф скипетра Агамемнона⁴⁹³, который Вулкан изготовил для Юпитера: ведь Юпитер первыми молниями после потопа основал свое царство над Богами и людьми, - то было божественное царство в состоянии Семей; потом Юпитер передал скипетр Меркурию, и он стал тем кадуцеем, которым Меркурий отнес первый Аграрный Закон плебей, почему и зародились Героические царства первых городов; здесь Меркурий передал скипетр Пелопсу, Пелопс - Тиесту, Тиест - Атрею, Атрей - Агамемнону (это - целая родословная Царского Дома в Аргосе).

III. Однако наиболее полна и подробна та История Мира, которая, по рассказу того же Гомера⁴⁹⁴, была изображена на Щите Ахилла.

1) Прежде всего там были видны Небо, Земля, Море, Солнце, Луна, Звезды: это - Эпоха Сотворения Мира.

2) Затем - два Города; в одном были песни, гимнеи, свадьбы: это - Эпоха Героических Семей, состоящих из *Famuli*, которые заключали только естественные браки, не сопровождаемые ни одним из торжественных обрядов, сопровождавших заключение героических Браков. Таким образом, оба эти города представляли Естественное Состояние, т.е. Состояние Семей; именно об этих двух городах Эвмей, домоправитель Улисса, рассказывает⁴⁹⁵, что на его родине обоими ими правил его отец; в них граждане обладали совершенно отличными друг от друга вещами, - другими словами, ни в чем гражданственность не была у них общей. Поэтому город без Гимнеев оказывается именно "иным народом", как Телемах в собрании называет плебс Ита-

ки; а Ахилл, жалуясь на оскорбление, нанесенное ему Агамемноном, говорит, что тот поступил с ним как с поденщиком, совершенно непричастным к Правлению.

3) Дальше, в этом же самом Городе торжественных свадеб видны были парламенты, законы, суды, наказания. Совершенно так же Римские Патриции в героических расправах возражали плебсу, что свадьбы, власть и жречество (причем от двух последних зависела наука о законах, а вместе с тем и суды) составляли их собственное право, так как им принадлежали ауспиции, величайший из торжественных свадебных обрядов. Поэтому "Мужами", *Viri* (это слово значило у Латинян то же самое, что "Герои" у Греков), назывались торжественные мужья, должностные лица, жрецы, наконец, судьи, как об этом было сказано в другом месте. Таким образом, это - эпоха героических городов, которые на основе семей из *Famuli* возникли по форме суровейших Аристократий.

4) Второй город⁴⁹⁶ осажден войском, и то первый, то второй становится добычей один другого. Таким образом, город без свадеб (т.е. плебеи героических городов) становится совершенно другим, враждебным городом. Это место из Гомера поразительно подтверждается сказанным выше, т.е. тем, что первыми чужестранцами, первыми *hostes*, были плебеи героических народов; по отношению к ним, как мы многократно слышали от Аристотеля, герои клялись быть вечными врагами. Поэтому впоследствии целые города (раз они были друг для друга чужестранцами) в героических разбоях проявляли свою вечную взаимную вражду, как было рассмотрено выше.

5) Наконец, на щите было изображение Истории Искусств Культуры, начиная с эпохи Семей; ведь прежде всего другого там был виден Отец, их Царь, скипетром приказывающий разделить жареного быка жнецам; затем там были видны посаженные виноградники; потом - стада, пастухи и хижины; в конце всего были изображены танцы. Это изображение в необыкновенно прекрасном и истинном порядке вещей человеческих показывало, что сначала были изобретены искусства необходимые - сельские (и притом сначала хлеб, а потом вино), затем искусства полезные - скотоводство; потом искусства удобства - городская архитектура; наконец искусства усладительные - танцы.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ФИЗИКЕ

Переходя теперь к другой ветви ствола Поэтической Метафизики, посредством которой поэтическая мудрость ответвляется в Физику, а затем в Космографию, и через них в Астрономию с ее плодами - Хронологией и Географией, мы дадим основание для этой второй, подлежащей еще рассмотрению части, т.е. Физики.

Поэты-Теологи обсуждали Физику Мира Наций; поэтому первоначально они определяли Хаос как смешение человеческого семени в Состоянии гнусной общности женщин; впоследствии Физиков это натолкнуло на мысль о Смешении всеобщих семян

Природы, и для объяснения его они имели от Поэтов уже найденное и потому подходящее слово. Оно было смутно, так как тогда еще не было никакого порядка Культуры, оно было темно, так как было лишено Гражданского Света (почему "светлыми" - *incltyi* - называли Героев). Они представляли себе Хаос также в виде Орка, бесформенного чудовища, пожирающего все, так как люди в гнусной общности не имели собственных человеческих форм и были поглощены этим ничем; ведь из-за недоверности потомства они ничего не оставляли после себя. Впоследствии Физики приняли Хаос за первую материю вещей природы: бесформенная, она жаждет формы и пожирает все формы. Однако Поэты придавали ему также чудовищную форму Пана, лесного бога: он - божество всех сатиров, живущих не в городах, но в лесах; к его характеру они сводили безбожных бродяг Великого Леса Земли, по виду - людей, по обычаям - нечестивых животных; впоследствии при помощи натянутых аллегорий (ниже мы их разберем) Философы, введенные в заблуждение словом *ttuv*, значащим "все", приняли его в качестве оформленной Вселенной. Ученые думали также, что Поэты в мифе о Протее имели в виду первую материю: Улисс, гонимый водою обратно, в Египте борется с Протеем, но не может одолеть его, так как тот все снова и снова принимает разные формы⁴⁹⁷. Но такое, якобы возвышенное, учение свидетельствовало на самом деле о великой неповоротливости и простоте первых людей, которые как дети, глядясь в зеркало, стараются схватить свое изображение; видя различные изменения своих жестов и лиц, они думали, что в воде находится человек, принимающий различные формы.

Наконец, молнии заблистали на Небе, и Юпитер положил начало миру людей, заставив их совершить усилие, свойственное свободному сознанию; совершенно так же от движения, свойственного телам (необходимым посредникам), начался Мир Природы. *Ведь Ренатус Картезиус, начинающий свою Физику с усилия тел, поистине начинает ее как поэт, придающий телам, необходимым посредникам в природе, то, что совершает свободное сознание, сдерживая движение, чтобы или успокоить его или придать ему другое направление;* ведь то, что в телах кажется усилием, - это неощутимые движения, как было сказано выше в главе "О методе". Из такого усилия возник Гражданский Свет, и характером его стал Аполлон; при его свете стала различимой гражданская красота, которой прекрасны были герои; характером этой красоты была Венера, впоследствии принятая Физиками за красоту Природы и даже всей оформленной Природы: она прекрасна ею и украшена всеми чувственно воспринимаемыми формами.

Возник Мир Поэтов-Теологов из четырех священных элементов: из Воздуха, где блистают молнии Юпитера; из Воды неиссякаемых источников, - божеством из была Диана; из Огня, которым Вулкан поджег лес; из возделанной Земли - Кибелы, или Беречинтии. Все эти четыре элемента - элементы божественных церемоний, т.е.: ауспиции, вода, огонь и пшеница, оберегаемая Вестой; последняя, как было сказано

выше, - то же самое, что и Кибела, или Берецинтия; она увенчана возделанными землями, укрепленными при помощи изгородей, с городами, расположенными на высотах в виде башен, откуда латинское extorris, почти exterris⁴⁹⁸; этой короной замыкается то, что осталось нам в выражении Orbis terrarum, т.е., собственно, мир людей. Отсюда впоследствии Физики получили повод размышлять о четырех элементах, из которых складывается Мир Природы.

Те же Поэты-Теологи и элементам и возникшим из элементов бесчисленным отдельным сущностям придавали формы живые и ощутимые, по большей части человеческие; они создали огромное число разнообразнейших божеств, как мы рассматривали это выше в главе "О метафизике". Поэтому Платону⁴⁹⁹ было удобно вложить в элементы свой взгляд на духов, или на Интеллигенции: Юпитер оказывался духом эфира. Вулкан - духом огня и т. п. Однако Поэты-Теологи так мало понимали такие разумные субстанции, что до Гомера они не понимали даже Человеческого Сознания, поскольку оно в силу рефлексии противостоит чувству: об этом у нас есть два золотых места в "Одиссее"⁵⁰⁰, где сознание называется или "священной силой", или "скрытой мощью", что то же самое. *Для всего рассмотренного здесь нам должна помочь следующая сводка: таков здравый смысл рода человеческого — где люди не понимают причин вещей, там они говорят, что именно так установил бог; с такой Метафизики началась Простонародная Мудрость Поэтов-Теологов, и в ней заканчивается Тайная Мудрость наилучших Философов; в ней, следовательно, сходится вся Сотворенная Мудрость — рассуждать о Физике на основе Метафизики; к ней приходят или по прямой линии, как сначала Платон, а потом Аристотель, или с отклонением в сторону Математических Наук, как Пифагор с числами, а Зенон с точками.*

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ФИЗИКЕ в отношении человека, т.е. о Героической Природе

Однако самой большой и самой важной частью Физики является рассмотрение Природы Человека. *Человек, поскольку он рассматривается Физиками, является соединением тела и разумной души; из сговора этих двух частей возникает в нем нераздельное основание бытия, существования, движения, чувствования, воспоминания, воображения, разумения, желания, удивления, сомнения, познания, суждения, рассуждения и речи.*

Итак, Поэты-Теологи с точки зрения грубейшей Физики видели в Человеке две следующие метафизические идеи: бытия (esse) и существования (existere). Несомненно, Латинские Герои ощущали это бытие в достаточной мере грубо - по еде: таково должно было быть первое значение sum, впоследствии обозначавшего и то и другое (соответственно этому даже и теперь наши крестьяне вместо "больной еще жив" говорят: "он еще ест"); ведь sum в значении "бытие" чрезвычайно абстрактно, оно

охватывает всяческое бытие; чрезвычайно текуче, оно проникает через всяческое бытие; чрезвычайно чисто, оно не ограничено никаким бытием. Они ощущали также существование, субстанцию,, т.е. нечто, что стоит и поддерживает, "стояние на пятках"; поэтому Ахилл носил свою судьбу в пятках, *(как и во времена вернувшегося варварства Паладины носили заколдованные напятники)*, так как там находилась его участь, т.е. судьба - жить или умереть.

Строение тела они сводили к твердым телам и жидкостям. К твердым телам они относили внутренности (*viscera*), т.е. мясо (так, у Римлян называлось *visceratio* разделение народу мяса священных жертв, производившееся Жрецами; *vesci* значит "питаться", поскольку из пищи образуется мясо), кости и сочленения, которые назывались *artus*, *так как грубые люди замечали только большие сочленения, впоследствии названные "членами тела"*; (здесь следует заметить, что *artus* происходит от *ars*, что у древних Латинян обозначало телесную силу; отсюда *artitus* - лицо крепкого телосложения; впоследствии *ars* называлась всякая совокупность наставлений, воспитывающих какую-либо способность сознания); нервы, так как когда люди были еще немые и говорили посредством тел, тогда они нервами обозначали силы (по одному из таких нервов, названному *fides* в смысле "веревка", была названа *fides* - сила Богов; из такого нерва, или веревки, или силы позднее сделали лютню Орфея; и совершенно правильно они относили к нервам силы, так как последние стягивают мускулы, которые необходимо должны быть стянуты, чтобы получилась сила), и, наконец, костный мозг - *medulla* (в нем они помещали, также совершенно правильно, самый цвет жизни; поэтому *medulla* влюбленный называл любимую женщину, а *medullitus* - это то, что мы говорим ото всего сердца; и про Любовь, если она велика, говорят: "жжет до мозга костей"). К жидкостям они относили одну кровь, так как субстанцию спермы они также называли кровью, как это показывает нам героическое выражение *sanguine cretus*⁵⁰¹ вместо "рожденный"; также и это совершенно правильно, ибо субстанция спермы - самый цвет крови; *а тем самым и жизни, как было сказано*; и также совершенно правильно они считали кровь соком тех волокон, из которых составляется мясо: поэтому у Латинян сохранилось *succiplenus*⁵⁰² вместо "мясистый", "пропитанный хорошей кровью". *От крови же происходит настоящий хороший цвет, неизменная составная часть красоты; поэтому, если этот цвет нездоровый, то нельзя быть истинно прекрасным.*

Что же касается второй части, души, то Поэты-Теологи помещали ее в воздух (у Латинян "душа" - *anima*); они считали ее проводником жизни; поэтому у Латинян сохранилось характерное выражение: *anima vivimus*; а у Поэтов - следующие выражения: *ferri ad vitales auras* - "родиться", *ducere vitales aures* - "жить", *vitam referri in auras* - "умереть"; в вульгарной же латыни осталось *animam ducere* вместо "жить", *animam trahere* вместо "агонизировать", *animam ef flare* вместо "умереть"; может быть, отсюда Физики получили повод помещать Мировую душу в воздух. Поэты-Теологи, также

совершенно правильно, помещали движение жизни в движение крови, *так как Физики утверждают, что воздух нужен легким для того, чтобы освежать жар сердца — мастерской крови, — которое посредством своего движения распределяет ее через артерии в вены, орошая таким образом все одушевленное тело.* Они должны были также совершенно правильно ощущать душу как посредника чувства, ибо у Латинян сохранилось характерное выражение *animus sentimus*. Кроме того, они совершенно правильно различали *animus* ("дух") как мужчину и *anima* ("душа") как женщину, так как дух воздействует на душу, он - *igneus vigor*, как говорит Вергилий⁵⁰³, так что дух должен иметь свое местопребывание в нервах и в нервной субстанции, а душа - в венах и в крови. Таким образом, проводником духа оказывается эфир, а души - воздух, соответственно следующему отношению: животные духи настолько же подвижны, насколько медлительны жизненные духи; и как душа управляет движением, так и дух управляет усилием; следовательно, в духе - основание усилия, он - *igneus vigor*, как только что сказал нам Вергилий.

Поэты-Теологи чувствовали это, но не понимали; по свидетельству Гомера, они называли дух "священной силой", "тайной мощью", "неизвестным Богом". Так, например, когда Греки и Латиняне что-нибудь произносили или делали, чувствуя в себе к этому высшее основание, тогда они говорили, что какой-нибудь Бог желал этого. Такое начало те же Латиняне называли *mens animi*: *(отсюда возникло то простонародное Теологическое представление, что люди обладают таким разумом, какой им дал Юпитер)* так грубо понимали они эту высочайшую истину, *ту метафизическую истину, что бог — это первое основание духовной жизни человека, т.е. движений души.*

Они понимали порождение так, что мы не знаем, смогли ли когда-нибудь впоследствии ученые найти нечто более характерное *для объяснения субстанциальности форм в Метафизике, а вместе с тем в Физике — образования оформленных тел: настолько правильное чувство ценнее всякой утонченной рефлексии!* Способ их понимания весь заключается в слове *conspicere*, почти что *сопсареге*: оно выражает естественное действие физических форм (теперь это можно было бы пополнить весомостью воздуха, доказанной в наши времена), восприятие окружающих форм соседних тел, преодоление их сопротивления, придание им собственной формы и приспособление их к своим формам. Разрушение они чрезвычайно мудро выражали словом *conrupti*, обозначающим разрушение всех частей, составляющих тело (противоположно этому *sanum* - "здоровье", так как жизнь заключается в соединении всех здоровых частей); таким образом, они должны были думать, что болезни приносят смерть, разрушая твердые составные части.

Все внутренние функции духа они сводили к трем частям тела: голове, груди и сердцу. Голове они приписывали всякого рода познание; а так как последнее было у них

целиком фантастическим, то они помещали в голове и память, которая у Латинян называлась также *fantasia*⁵⁰⁴; во времена вернувшегося варварства фантазией называли ум, и вместо того, чтобы сказать "умный человек" (*uomo d'ingegno*), говорили "человек с фантазией" (*uomo fantastico*), - таким был Кола ди-Риенцо, по словам современного автора, написавшего его биографию на варварском итальянском языке; а (отсюда возникло то простонародное Теологическое представление, что люди обладают таким разумом, какой им дал Юпитер), эта биография содержит нравы и обычаи, чрезвычайно похожие на древне-Героические, о которых мы сейчас ведем речь; это является великим доказательством обратного движения, совершаемого в нравах и обычаях Нациями. Но фантазия, - не что иное, как отскок воспоминаний, а ум - не что иное, как работа над тем, что вспоминается. Итак, поскольку Человеческое Сознание рассматриваемых сейчас времен не было утончено никаким искусством письма, поскольку оно не было одухотворено никакой Практикой счета и рассуждений, поскольку оно не стало склонным к абстракциям из-за множества абстрактных слов, которыми ныне изобилуют языки, как было сказано выше в главе "о Методе", постольку оно пользовалось всею своей силой в этих трех прекраснейших способностях, связанных с телом и относящихся к первому действию сознания: направляющее Искусство первой - Топика, как и направляющее Искусство второй - Критика; и как критика - Искусство суждения, так и Топика - Искусство открытия, соответственно сказанному выше в "Последних Короллариях к Поэтической Логике", ибо, естественно, сначала идет открытие вещей, а потом суждение о них. Таким образом Детству Мира подобало заниматься первой деятельностью Человеческого Сознания, когда миру нужны были все открытия, относящиеся к жизненной необходимости или пользе; все они появились до того, как пришли философы (более полно мы покажем это в "Открытии Истинного Гомера"). Поэтому правильно говорили Поэты-Теологи, что Память - Мать Муз, тех самых Муз, которые, как мы нашли выше, были Искусствами Культуры.

Здесь никак нельзя пропустить следующее важное соображение, которое имеет весьма большое значение для того, что мы сказали выше в главе "о Методе": теперь едва можно понять и совершенно нельзя себе представить, как мыслили первые люди, основавшие Языческую Культуру; сознание их было так конкретно и настолько направлено на единичное, что каждое новое выражение лица они принимали за иное и новое лицо (как мы это отметили в Мифе о Протее), при каждой новой страсти они думали о другом сердце, другой груди, другой душе. Поэтому следующие поэтические выражения: *ora, vultus, animi, pectora, corda*⁵⁰⁵ - имеют смысл единственного числа не из-за необходимости счета, а в силу указанной природы вещей человеческих. Грудь они делали местопребыванием всех страстей и совершенно правильно подводили под них два основания, или источника, а именно: Гневливое они помещали в желудке, так как для преодоления сосредоточенной там и давящей нас боли желудок усиливает свое перистальтическое движение и делает для нас

ощутимой желчь, содержащуюся в рассеянных по желудку желчных сосудах, - сдавливая их, он разгоняет желчь; Похотливое они помещали преимущественно в печени, которую определяют как "мастерскую крови", а Поэты называли praecordia, где Титак смешал страсти других животных, наиболее замечательных в своем роде. Они неясно представляли себе также, что вождение - это мать всех страстей и что страсти заключаются в соках нашего тела. Они сводили к сердцу все советы; поэту Герои agitabant, versabant, volutabant corde curas, так же как они думали о подлежащем исполнению только тогда, когда они были потрясены страстями, - настолько они были глупы и неразумны; так Латиняне называли мудрых cordati и, наоборот, простаков vecordes; решения же они называли sententiae, ибо как они чувствовали (латинское sentire), так и судили; поэтому героические суждения всегда были истинны по форме, хотя часто ложны по содержанию.

КОРОЛЛАРИЙ о Героических Сентенциях

Итак, раз сознание первых людей Язычества было направлено исключительно на частности (немногим меньше, чем у животных, у которых каждое новое ощущение совершенно сглаживает старое, - в этом заключается причина того, почему они не могут комбинировать и рассуждать), то и все сентенции их направлялись на частности тем, кто их ощущал. Рассмотрим возвышенность Оды Сафо, которой удивляется Дионисий Лонгин (впоследствии на латинский язык эту оду перевел Катулл): влюбленный в присутствии любимой женщины так выражает себя при помощи подобия: Ille mi par esse Deo videtur⁵⁰⁶; здесь недостает высшей степени возвышенности, так как поэт не делает сентенции совершенно частной, не сосредоточивает ее в самом себе, как это делает Теренций, говоря: Vitam Deorum adepti sumus⁵⁰⁷, здесь чувство принадлежит тому, кто его высказывает соответственно латинскому способу пользоваться первым лицом множественного числа вместо первого лица единственного числа; поэтому оно и имеет вид общего чувства. Но тот же самый поэт в другой комедии то же чувство поднял до наибольшей возвышенности, сделав его совершенно частным и принадлежащим тому, кто его чувствует: Deus factus sum⁵⁰⁸.

Таким образом, абстрактные сентенции принадлежат Философам, так как они содержат универсалии; а размышления о страстях - ложным и холодным Поэтам.

КОРОЛЛАРИЙ о Героических Описаниях

Наконец, они сводили внешние функции души к пяти чувствам тела, но чрезвычайно выпуклым, живым и прочувствованным, так как первые люди или совсем не имели разума или имели его очень мало и целиком были захвачены чрезвычайно сильной фантазией, (поэтому Гомеровы описания чрезвычайно возвышены благодаря множеству самых значительных околичностей, которыми он одевает описываемые

вещи). Доказательством этому являются те слова, которыми они выражали ощущения. Они говорили *audire* ("слышать"), почти *haurire* ("черпать"), так как уши "пьют" воздух, ударяемый другими телами. Они говорили *cernere oculis* (буквально "просеивать глазами") вместо "отчетливо видеть", - откуда, может быть, происходит Итальянское *cernere* - "различать", - так как глаза оказываются как бы решетом, а зрчки - как бы двумя дырками: как из решета выходят столбики пыли, прикасающиеся к земле, так и из глаз выходят столбики света, соприкасающиеся с теми вещами, которые отчетливо видны; это - зрительный луч, о котором впоследствии рассуждали стоики и который в наши времена был доказан Картезием^{508bis}. Они говорили *usufrage oculis* вместо вообще "видеть", как если бы при помощи зрения они овладевали видимыми вещами. Слово *tangere* ("касаться") они говорили также вместо "похищать", так как при прикосновении от тел, к которым прикасаются, всегда что-нибудь уносится прочь (это едва только теперь стало понятно наиболее проницательным Физикам). Вместо "обонять" они говорили *olfacere*, как если бы в процессе обоняния они сами производили (*facere*) запахи; впоследствии при помощи серьезных наблюдений Натур-Философы открыли истинность того, что сами ощущения создают качества, которые называются чувственными. Наконец, они говорили *sapere* - "ощущать вкус"; но *sapere* в подлинном смысле относится к тем вещам, которые "дают вкус" (*sapor*), так как они пробовали в вещах собственный вкус вещей (отсюда позднее прекрасной метафорой была названа Мудрость - *Sapientia*: она пользуется вещами так, как это соответствует их природе, а не так, как это представляется мнению).

Во всем этом следует восхищаться Божественным Провидением: оно дало нам ощущения для охраны нашего тела, причем эти ощущения удивительнейшим образом у зверей гораздо более тонки, чем у людей; а в то время, когда люди впали в состояние зверей, тогда они по самой этой природе своей обладали достаточно сильными ощущениями для того, чтобы они могли себя сохранить; когда же они достигли века рефлексии, с которой они могли советоваться, чтобы охранять свое тело, тогда ощущения ослабли. В силу всего этого Героические Описания, например Описания Гомера, распространяют такой свет и такое сияние очевидности, с которым не могли сравниться и которому даже не могли подражать все позднейшие Поэты.

КОРОЛЛАРИЙ о Героических Нравах

Из такой Героической Природы, снабженной такого рода Героическими чувствами, складывались и закреплялись соответствующие нравы. Герои вследствие своего недавнего Происхождения от Гигантов были в высшей степени грубы и дики (каковы и теперь, судя по рассказам, Патагонцы), с чрезвычайно слабой способностью разума, с неограниченной фантазией, с неистовыми страстями: в силу всего этого они были некультурными, незрелыми, жестокими, дикими, спесивыми, требователь-

ными и упрямыми в своих делах; и в то же время - чрезвычайно подвижными под влиянием новых и противоположных объектов (как мы повседневно наблюдаем это на тупых крестьянах: они поддаются каждому высказанному им разумному доводу, но так как рефлексия у них очень слаба, то едва только взволновавший их довод исчезнет из их сознания, как они снова принимаются за свое). И вследствие того же самого недостатка рефлексии они были искренними, великодушными и благородными, какими Гомер описывает Ахилла, величайшего из всех Героев Греции. На основе примеров таких Героических Нравов Аристотель вывел следующее правило Поэтического Искусства: Герои, принимаемые в качестве персонажей Трагедии, не должны быть ни самыми лучшими, ни самыми худшими, но они должны быть смешаны из великих пороков и великих доблестей, так как тот Героизм доблести, который был в законченном виде построен на основании наилучшей идеи, принадлежит Философам, а не Поэтам; галантный же Героизм принадлежит Поэтам, появившимся после Гомера: они или вносили в мифы новую струю или изменяли и в конце концов портили мифы, которые сначала были строгими и суровыми, как и подобало основателям наций, а впоследствии изнежились, когда с течением времени изнежились и нравы. Великим доказательством этого, а вместе с тем и великим Каноном той Исторической Мифологии, о которой мы сейчас говорим, является то, что Ахилл, который из-за Брисеиды, отнятой у него Агамемноном, производит такой шум, наполняя им и землю и небо и давая тем самым неизменную тему для всей "Илиады", не показывает во всей этой поэме ни малейшего чувства любовной страсти: он оказался лишенным ее. И Менелай, который ради Елены поднимает всю Грецию против Трои, не обнаруживает в течение всей этой великой и долгой войны хотя бы маленького признака любовного горя или ревности от того, что Еленой наслаждается похитивший ее Парис.

Все то, что в этих трех последних Короллариях было сказано о Героических сентенциях, описаниях и нравах, относится к "Открытию Истинного Гомера", которое составляет следующую Книгу.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ КОСМОГРАФИИ

Как Поэты-Теологи приняли за основания Физики некие сущности, в их представлении божественные, так и Космографию они описывали соответственно такой Физике, принимая, что Мир состоит из Богов неба. Богов преисподней (у Латинян эти боги назывались *Dii superi* и *Dii inferi*) и из Богов, находящихся между Небом и Землей (у Латинян первоначально эти Боги назывались *Medioxumi*).

В Мире они, прежде всего, созерцали небо; относящиеся к нему вещи были для Греков первыми **μαθήματα**, т.е. возвышенными вещами, и первыми **θεωρήματα**, т.е. подлежащими созерцанию божественными вещами; созерцание их латиняне называли *contemplatio* по тем областям неба, которые очерчивали Авгуры для получения

авгурий (эти области назывались *templa coeli*); отсюда же произошло имя Зороастров, которые были названы, как говорит Бошар, "созерцателями звезд" (латинское *astrum* - "звезда"), так как они гадали по путям падающих ночью звезд. Для Поэтов первое Небо находилось не выше горных высот, где Гиганты первыми молниями Юпитера были остановлены в своем зверином блуждании: это - то самое Небо, которое царствовало на земле и, начиная с тех пор, совершало великие благодеяния для Рода Человеческого, как это было полностью разъяснено выше. Поэтому они считали Небом вершины этих гор (по острым концам которых латиняне называли *caelum* также и инструмент для резьбы по камню или металлам), совершенно так же, как дети представляют себе горы колоннами, поддерживающими потолок неба; также и арабы поместили такие основания Космографии в Алькоран. От таких столбов остались два Геркулесовых столба, как мы увидим ниже; первоначально эти столбы назывались подпорками, или опорами (латинское *colwnen*), впоследствии Архитектура их закруглила (латинское *columna* - "колонна"); с такого потолка Фетида говорит Ахиллу у Гомера⁵⁰⁹, что Юпитер и другие Боги ушли с Олимпа пировать в царство Атланта. Таким образом, как мы говорили выше, когда речь шла о Гигантах, Миф об их войне с Небом и о том, что они громоздят высочайшие горы, - на Пелиои Оссу и на Оссу Олимп, - чтобы подняться до неба и изгнать оттуда Богов, был изобретен после Гомера, так как последний неизменно рассказывает в "Илиаде", что Боги пребывают на Олимпе: значит, Гигантам достаточно было разрушить один Олимп, чтобы Боги упали с него.

Хоть этот Миф и приведен в "Одиссее"⁵¹⁰, все же он никак не подходит к ней, так как в этой же поэме преисподняя, где Улисс видится и разговаривает с умершими Героями, не глубже ямы⁵¹¹. Поэтому, если Гомер в "Одиссее" имел такое недалекое представление о Преисподней, то необходимо, чтобы соответственно этому - оя имел такое же представление и. о небе; последнему же соответствует представление Гомера, автора "Илиады"; следовательно, доказано, что разбираемый сейчас Миф не принадлежит Гомеру (выше мы обещали доказать это).

С этого Неба первоначально царствовали над землею и общались с Героями Боги, начиная с Юпитера, соответственно порядку разобранной выше Естественной Теогонии. С этого Неба отправляла на земле правосудие Астрея, увенчанная колосьями и снабженная, кроме того, весами (ибо первая человеческая справедливость была установлена Героями для людей посредством первого Аграрного Закона, как мы видели выше), так как люди прежде всего уразумели вес, затем меры и чрезвычайно поздно - число, на чем в конце концов остановился разум, почему Пифагор, не знающий ничего более абстрактного по сравнению с телами, помещает сущность человеческой души в числе. По этому Небу скачут верхом Герои, например Беллерофонт на Пегасе (отсюда осталось у латинян выражение *volitare equo* - буквально "летать на лошади", "скакать верхом"). На этом Небе Юнона белит Млечный Путь молоком,

но не своим, так как она была бесплодна, а молоком матерей семейств, которые вскармливали грудью своих законных детей, рожденных при посредстве героических свадеб (божеством последних была Юнона). По этому Небу Боги ездят в колесницах из поэтического золота, т.е. пшеницы, откуда и произошло название "Золотой Век". На этом Небе пользуются крыльями, но не для того, чтобы летать, и не для обозначения быстроты ума (так, снабжен крыльями Гименей - он же Героический Амур, - Астрея, Музы, Пегас, Сатурн, Фама, Меркурий, - последний как на висках, так и на пятках снабжен крыльями, так же и его кадуцей, которым он с этого Неба несет первый Аграрный Закон восставшим Плебеям, находившимся в долинах, как было сказано выше; снабжен крыльями Дракон, также и у Горгоны на висках крылья). Крылья не обозначают ни полета, ни ума: ими пользовались для обозначения героических прав, основанных на праве ауспий, как это полностью было доказано выше. С этого Неба Прометей похищает у Солнца Огонь, который Герои добывали посредством кремней и которым они поджигали шипы колючих растений, высушенные на вершинах гор жгучим летним солнцем: поэтому нам правдиво рассказывают, что факел Гименея делался из шиповника. С этого Неба Вулкан был низвергнут пинком Юпитера. С этого Неба падает вместе с колесницей Солнца Фаэтон. С этого Неба падает яблоко Раздора - все эти Мифы были разъяснены выше. С этого Неба, наконец, упал ansire, священный щит Римлян⁵¹².

Из подземных Божеств прежде всего Поэты-Теологи придумали Водяные Божества. Первой водой была вода неиссякаемых Источников, которые они называли Стикс (им клялись Боги, как было сказано выше). Поэтому, может быть, Платон думал впоследствии, что Центр Земли находится в Бездне вод. Однако Гомер в описании распри Богов рассказывает, что Плутон боится, как бы Нептун землетрясением не обнажил Преисподней людям и Богам, раскрыв им Землю; если же предположить, что бездна находится в самых глубоких недрах земли, то при землетрясениях Нептуна должно было произойти совершенно противоположное: Преисподняя была бы затоплена и целиком покрыта водами; выше мы обещали показать, что такая аллегория Платона мало подходит к этому Мифу. В силу сказанного первая Преисподняя не могла быть глубже места зарождения источников. Первым Божеством их считалась Диана; Поэтическая История рассказывает нам, что ее называли Триликой, так как она была Дианой на небе, охотницей Кинтией со своим братом Аполлоном на земле и Прозерпиной в Преисподней. Идея Преисподней расширялась вместе с погребениями; поэтому Поэты называют Преисподней могилу (этим выражением пользуется также и Священное Писание), так что Преисподняя была не глубже ямы, где Уллис у Гомера видит души умерших Героев. В такой Преисподней представляли себе Елисейские поля, где души погребенных покойников наслаждаются вечным миром; Елисейские поля - благословенное местопребывание Богов-Манов, т.е. добрых душ мертвецов.

Позднее Преисподняя находилась также не слишком глубоко, а именно - на глубине борозды, откуда Церера (она же - Прозерпина, т.е. семя пшеницы) была похищена Богом Плутоном; она остается там в течение шести месяцев, а потом снова возвращается, чтобы видеть свет неба; впоследствии мы объясним, что золотая ветвь, с которой Эней спускается в Преисподнюю, по словам Вергилия, продолжает героическую метафору о золотом яблоке: выше мы нашли, что золотая ветвь - это хлебные колосья (*этот миф был полностью разобран в "Новой Науке"*). Наконец, Преисподнюю понимали как равнины и долины (в противоположность высотам неба, находившимся на горах), где были рассеяны те, кто оставался при гнусной общности. Бог такой преисподней - Эреб; его называли сыном Хаоса, т.е. смешения человеческого семени; он - отец гражданской ночи, ночи имен, тогда как небо освещено гражданским светом, почему Герои назывались "светлыми". Здесь протекает река Лета, т.е. река Забвения, так как эти люди не оставляли никакого своего имени потомству, тогда как Слава на небе увековечивает имена блистательных Героев. Из этой Преисподней Меркурий (как было сказано выше, при описании его характера) своим жезлом, которым он несет Аграрный закон, вызывает обратно души из всепожирающего Орка. В этом заключается гражданская история, сохраненная нам Вергилием в следующем изречении: ...*has animas ille evocat Orco*⁵¹³, он зовет к жизни беззаконных и скотских людей из звериного состояния, пожирающего людей целиком, так как они ничего не оставляют после себя в потомстве. Поэтому впоследствии жезлом пользовались Маги, суетно веря, что им можно воскресить мертвых; Римский Претор также палочкой ударял по плечам рабов и тем самым делал их свободными, как если бы этой палочкой он возвращал их от смерти к жизни. Не только Маги, но и колдуны пользовались жезлом в своем колдовстве; мудрые Маги Персии также пользовались им для Предсказания ауспициями; поэтому жезлу была приписана Божественность, нации считали его Богом и думали, что он производит Чудеса, как это удостоверяет нам Трог Помпеи (согласно выдержкам, приведенным у Юстина).

Эту Преисподнюю охраняет Цербер (он обозначает сущность собачьего бесстыдства - при удовлетворении своей похоти не стыдиться других); у Цербера три пасти, т.е. одно огромное горло (названное так в превосходной степени при помощи "три", как мы многократно отмечали это выше), ибо, как Орк, он пожирает все, и когда он выходит на Землю, тогда солнце возвращается вспять; а когда он поднимается в Героические Города, тогда гражданский свет Героев возвращается в гражданскую ночь. На дне этой Преисподней течет река Тартар, где мучаются осужденные: Иксин, вращающий колесо. Сизиф, катящий камень. Тантал, умирающий от голода и жажды (все эти Мифы были разъяснены выше). Река, в которой сгорают от жажды, - это та же река, не дающая удовлетворения, - именно это обозначают Ахерон и Флегетон. Впоследствии, из-за незнания таких вещей. Мифологи поместили в эту Преисподнюю Тития и Прометея: но они были на небе прикованы к скалам, где их внутренности пожирал Орел, летающий в горах (мучительное суеверие ауспиций, которое мы

разъяснили выше). - Все эти Мифы Философы находили впоследствии чрезвычайно пригодными для размышления и объяснения при их помощи своих моральных и метафизических положений; и Платону удалось понять, что существуют только три божественных наказания, которые налагают Боги и не могут наложить люди: наказание забвением, позором и теми угрызениями, которыми нас мучит преступная совесть; лишь пройдя путь очищения душевных страстей, мучающих человека (именно это разумели под Преисподней Поэты-Теологи), можно вступить на путь единства, где объединяется человеческое сознание с Богом посредством Созерцания вечных божественных вещей; согласно истолкованию Платона, именно это подразумевали Поэты-Теологи под своими Елисейскими Полями.

Однако с представлениями, совершенно отличными от этих моральных и метафизических представлений (ибо Поэты-Теологи имели в виду политику, как это, естественно, и необходимо было для основателей наций), нисходили в Преисподнюю все Языческие основатели народов. Нисходил туда Орфей, основавший греческую нацию; а так как он на обратном пути обернулся, несмотря на запрещение, то он потерял свою жену Эвридику, иными словами - он возвращается к гнусной Общности женщин. Нисходил туда Геркулес (а каждая нация рассказывает, что у нее был кто-нибудь один, кто ее основал); и он сходил туда для того, чтобы освободить Тезея, основавшего Афины; последний же сошел туда для того, чтобы вернуть Прозерпину, она же - Церера, как мы сказали, иными словами - чтобы принести оттуда обратно зерно в виде хлеба. Однако подробнее всех других рассказывает об этом Вергилий: он в первых шести книгах "Энеиды" воспевает Политического Героя, а в шести остальных книгах - Героя Войны; со своим глубоким знанием Героической Древности Вергилий рассказывает, что Эней следовал указаниям и руководству Кумской Сивиллы (мы говорили, что у каждой языческой нации было по Сивилле, и число их, в конце концов, достигло двенадцати), т.е. Предсказанию, которое было простонародной мудростью Язычества; что Эней был благочестив в смысле кровавой Религии (такое благочестие исповедовали древнейшие Герои при дикости и бесчеловечности своего недавнего звериного Происхождения, как было доказано выше); что он приносит в жертву своего союзника Мисена (как мы говорили выше, соответственно жестокому обычаю Героев в отношении своих первых союзников, - это мы также обсудили выше); что он проникает в Древний Лес (такова была земля, нигде не возделанная и покрытая лесом); что он бросает снотворный кусок Церберу и усыпляет его так же, как Орфей усыпил звуками своей Лиры (выше мы нашли при помощи многочисленных доказательств, что это - Закон; а Геркулес приковал Цербера тем Узлом, которым он опутал Антея, т.е. первым Аграрным Законом - согласно тому, что было сказано выше; из-за его ненасытного голода Цербера представляли себе с тремя пастями, т.е. с одним широчайшим горлом, при помощи превосходной степени "три", как было разъяснено выше; таким образом Эней нисходит в преисподнюю, которая, как мы нашли, первоначально была не глубже борозд); что Эней дарит Богу Дию

(Богу героических богатств - поэтического золота, зерна; этот Дий был тем же Плутоном, похитившим Прозерпину, т.е. ту же Цереру, богиню хлебов) золотую ветвь (здесь великий Поэт метафору "золотое яблоко", т.е. хлебные колосья, - как мы нашли выше, - считает более ранней, чем "золотая ветвь", т.е. урожая; так как если оборвать одну такую ветвь, то за нею последует другая, ибо не бывает второго сбора, если годом раньше не был собран первый, и если Боги охотно помогают, то легко движется рука работника, в противном же случае никакими силами в мире невозможно собрать урожай, ибо хлеб естественно родится, если того хочет Бог, а если он того не хочет, то никакими человеческими стараниями урожай не может быть собран); что после этого через Преисподнюю Эней отправляется в Елисейские поля (так как Герои благодаря тому, что они осели на возделанных полях и благодаря погребениям после смерти наслаждались вечным покоем); и что там он видит своих предков и потомков, ибо при посредстве религиозных обрядов погребений, которые Поэты называли Преисподней, как было сказано выше, были основаны первые Генеалогии, а с них, как об этом также говорилось выше, началась История.

Землю Поэты-Теологи начали понимать одновременно с охраной границ; отсюда и ее имя terra от terrere - "устрашать"; это героическое происхождение сохранили Латиняне в слове territorium, обозначающем тот округ, где осуществляется власть (imperium); Латинские Грамматики ошибочно производили его от страха (terror) перед Ликторами, который последние внушали своими связками, заставляя расступаться толпу, чтобы дать дорогу Римским Магистратам; однако в те времена, когда зародилось слово territorium, толпа в Риме была не слишком велика, так как за двести пятьдесят лет царствования он подчинил себе больше двадцати народов, но не распространил свою власть дальше, чем на двадцать миль (как мы слышали это выше от Варрона). Таким образом происхождение этого слова именно таково, ибо границы возделанных полей, в пределах которых впоследствии возникли гражданские Власти, охранялись Вестой посредством кровавых религиозных обрядов, как мы видели выше, где мы нашли также, что Веста Латинян была Кибелой или Берцинтией Греков; она увенчана башнями, т.е. землями, сильными по местоположению. Из этой короны начало образовываться то, что называется Orbis terrarum, т.е. в нашем представлении - Мир Наций; впоследствии Космографы расширили его и назвали Orbis mundanus, или в одном слове - Mundus⁵¹⁴, т.е. Мир Природы.

Этот Поэтический Мир разделился на три Царства, или три области: во-первых - Юпитера в небе, во-вторых - Сатурна на земле, в-третьих - Плутона в преисподней (его называли Dis, Богом героических богатств, первого золота, т.е. пшеницы, так как возделанные поля составляют истинное богатство народов).

Так складывался Мир Поэтов-Теологов из четырех гражданских элементов (впоследствии Физики приняли их в качестве природных элементов, как мы видели не-

многим выше), а именно: из Юпитера, т.е. Воздуха; из Вулкана, т.е. Огня; из Кибелы, т.е. Земли; из Подземной Дианы, т.е. Воды. Нептуна Поэты узнали позже, ибо, как было сказано выше. Нации поздно сошли к морским побережьям. Океаном называлось всякое море с неограниченным кругозором, окружавшее землю, которая называлась Островом: так, например, Гомер говорит, что Остров Эолия окружен Океаном. Из этого Океана должны были происходить кобылицы Реза, оплодотворенные Зефиром (западным ветром Греции, как мы это вскоре покажем), а на берегах того же Океана, также от Зефира, родились кони Ахилла. Впоследствии Географы нашли, что вся Земля - как бы один большой Остров, окружена морем, и назвали все море, окружающее Землю, Океаном.

Наконец, всякая небольшая покатошь называлась *mundus* (откуда произошли такие выражения, как *in mundo est*, *in proclivi est* вместо "это легко"), а также все украшающее, придающее блеск и прихорашивающее женщину называлось *mundus muliebris*; поэтому, когда узнали, что земля и небо имеют шарообразную форму и что каждая часть их окружности наклонна по отношению к каждой другой части, а также что Океан омывает землю со всех сторон и что целое украшено бесчисленными и разнообразными ощутимыми формами, - тогда соответственно этим представлениям Вселенная была названа *Mundus*, которым (в прекраснейшей возвышенной метафоре) Природа украшает себя.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ АСТРОНОМИИ

Эта Система Мира, несколько дальше развитая, продолжала существовать до времен Гомера. Он в "Илиаде" неизменно рассказывает, что Боги находятся на горе Олимп; и мы слышали, как Фетида у него говорит Ахиллу, что Боги ушли с Олимпа пировать в царство Атланта. Таким образом, самые высокие на земле горы считались во времена Гомера колоннами, поддерживающими небо; так, Абила и Кальке в Гибралтарском проливе сохранили название "Геркулесовы столбы", так как Геркулес помогал Атланту, уставшему поддерживать на своих плечах небо.

ФИЗИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Единообразия Астрономических Оснований у всех древних Языческих Наций

Однако по мере того, как безграничная сила человеческого ума развивалась все больше и больше, а созерцание Неба с целью получения авгурий обязывало народы постоянно наблюдать его, в сознании Наций все выше поднималось Небо, а вместе с Небом все выше поднимались Боги и Герои. Для открытия Поэтической Астрономии мы воспользуемся тремя следующими филологическими научными положениями: во-первых - что Астрономия зародилась у Халдейского Народа; во-вторых - что

Финикияне перенесли от Халдеев к Египтянам Практику Квадранта и Науку Определения Высоты Полюса; в-третьих - что Финикияне, получив предварительно существующие представления от тех же Халдеев, перенесли к Грекам Богов, связанных со звездами.

К этим трем филологическим положениям присоединяются две следующие философские истины: одна - гражданская, которая состоит в том, что нации, если только у них не разрешена крайняя свобода Религий (последнее же случается только при их крайнем упадке), естественно воздерживаются принимать иностранные Божества; другая - физическая, которая состоит в том, что вследствие обмана зрения планеты кажутся нам больше неподвижных звезд.

Установив эти Основания, мы утверждаем, что у всех языческих наций - и на Востоке, и в Египте, и в Греции, и, как мы увидим, также и в Лациуме - зародилась из единообразных Народных Верований Астрономия, причем везде одинаково Богов помещали на планеты, а Героев связывали с созвездиями, так как планеты кажутся значительно большими, чем неподвижные звезды. Финикияне нашли, что Боги у Греков уже подготовлены к тому, чтобы вращаться с планетами, а Герои - составлять созвездия; совершенно так же подготовленными Греки впоследствии нашли Богов у Латинян; на основании этих примеров следует сказать, что Финикийские Боги оказались такими же подготовленными при знакомстве с Египтянами, как и у Греков. Таким образом. Герои и иероглифы, обозначающие или их права или их гербы, а также значительное число *Dii Majores* были вознесены на небо и тем самым пригодились для научной Астрономии, так как дали звездам впервые имена, иными словами - форму для материала как звезд, т.е. Созвездий, так и блуждающих Планет. - Так, начиная с Простонародной Астрономии, первые народы записывали на небе Историю своих Богов и своих Героев, ибо до сих пор сохраняется то вечное свойство, что материалом, достойным Истории, являются воспоминания о людях, преисполненных божественности или героизма (о первых - вследствие их трудов на поприще Ума и Тайной Мудрости, о вторых - вследствие их трудов на поприще Доблести и Простонародной Мудрости); итак. Поэтическая История дала ученым Астрономам повод рисовать на небе Героев и героические иероглифы скорее при помощи одной, чем другой группы звезд, и скорее в одной, чем в другой части неба; и скорее с одной, чем с другой блуждающей звездой, связывали они *Dii Majores*, именами которых впоследствии были названы Планеты.

Скажем еще несколько слов более подробно о Планетах, чем о Созвездиях. Диана, Богиня стыдливости, соблюдаемой в брачном сожителстве, ночью в молчании возлежащая со спящим Эндимионом, была связана с Луною, дающей свет ночью. Венера, Богиня гражданской красоты, была связана с самой смеющейся, веселой и прекрасной из всех блуждающих звезд. Меркурий, божественный герольд, одетый

гражданским светом, с многочисленными крыльями (иероглифами благородства), которыми он был украшен в то время, когда нес Аграрный Закон восставшим клиентам, помещен на планете, настолько закрытой солнечными лучами, что она редко видна. Аполлон, Бог самого гражданского света (почему "светлыми" называли себя Герои), был связан с Солнцем, источником естественного света. Кровавый Марс - со звездой такого же цвета. Юпитер, царь и отец людей и Богов, выше всех, но ниже Сатурна, так как Сатурн - отец Юпитера и Времени, и годичный путь его длиннее, чем у всех других Планет, *а годом измеряется век людей; ведь не скоро можно было уразуметь Астрономический год, которым измеряется жизнь мира (Платон его называет "большим годом")*: он проходит соответственно движению неподвижных звезд; таким образом, ему плохо подходят крылья, если мы только не захотим при помощи натянутой аллегории обозначить ими быстроту самого времени (ведь Сатурн проходит медленнее всех других планет свой год); Сатурн вознесен на небо со своею косою, обозначающей не то, что он косит жизни людей, а то, что он косит хлеба, которыми Герои исчисляли года, возделанные же поля составляли собственность Героев. Наконец, Планеты в колесницах из золота, т.е. пшеницы, в которых Герои отправлялись на небо тогда, когда они пребывали еще на земле, теперь проходят предназначенные им орбиты. *Таковы должны быть Основания Астрономии, более разумные, чем те, которые воспевает Арат и Хигин.*

На основании всего здесь разобранного следует сказать, что влияние на подлунные тела, которое приписывалось и неподвижным звездам и планетам, приписывалось им потому, что и Боги и Герои имели преобладание еще тогда, когда они находились на земле. Вот в какой мере эти влияния имеют естественные причины!

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Соответственно такой Астрономии Поэты-Теологи заложили начала Хронологии. Ведь тот Сатурн, который у Латинян получил свое имя от *sata* ("посевы"), а у Греков назывался **Κρόνος** (**χρόνος** у них значит "Время"), дает нам понять, что первые Нации, состоявшие целиком из Земледельцев, начали исчислять года по сборам пшеницы, так как это - единственное, или, по меньшей мере, самое важное из всего того, над чем земледельцы работают целый год. Первоначально немые, они должны были показывать столько колосьев, или столько стеблей соломы, или же производить столько движений жатвы, сколько годов они хотели обозначить. Поэтому у Вергилия, сведущего больше всех других в области Героической древности, существует беспомощное выражение, искаженное с наивысшим искусством подражания для того, чтобы выразить беспомощность первых времен при необходимости разъяснить себя: *Post aliquot mea regna videns mirabor aristas* 207 вместо того, чтобы сказать: *post aliquot annos*⁵¹⁵; а затем и следующее более точное: *Tertia messis erat*²⁰⁶.

Совершенно так же до сих пор Тосканские земледельцы, т.е. Нация, больше всех других ценится за свою речь во всей Италии, вместо того, чтобы сказать "три года", говорит, например: "мы жали три раза". А Римляне сохранили Героическую Историю поэтического года, о которой сейчас идет речь, в обозначении года жатвою: они изобилие (главным образом зерна) называли *аннопа*.

Нам рассказывают, что Геркулес был основателем Олимпиад, самого знаменитого Отрезка Времени у Греков (от которых мы имеем все то, что имеем от Языческой Древности), так как он поджег Леса, чтобы сделать почву доступной для посевов; с этой почвы собирались жатвы, по которым первоначально считали года. Олимпийские игры должны были начаться с Немейских игр, устроенных для празднования победы Геркулеса над Немейским Львом, изрыгающим огонь; выше мы истолковали, что Лев - это великий лес земли, который, соответственно представлению о самом сильном животном (как много понадобилось трудов, чтобы укротить его!) был назван "Львом"; впоследствии это название перешло на самое сильное животное, как об этом выше шла речь в главе "О Происхождении Родовых гербов". Льву Астрономы отвели место в Зодиаке рядом с Астреей, увенчанной колосьями. В этом заключается причина того, почему в Цирках так часто видим мы изображение Льва, изображение Солнца, а также пограничные столбы с яйцом наверху (первоначально пограничные столбы отмечали зерно, а яйцо - *Iuci* - безлесные просветы в чаще, о чем мы говорили выше, когда речь шла о Гигантах); впоследствии Астрономы вкладывали в такое яйцо значение эллиптической фигуры, которую описывает в течение одного года Солнце, двигаясь по эклиптике; однако приписывать такое значение яйцу во рту Кнефа больше подобает Манету, так как у него яйцо обозначает происхождение Вселенной. *У Всеобщей Истории отсутствуют Основания именно потому, что отсутствует Рациональная Хронология. Ведь у Наций должна была пройти, по меньшей мере, тысяча лет, пока смогло возникнуть слово "астрономический год". Отсюда — такая большая разница в исчислении времен, что подсчеты Евсевия допустили ошибку на тысячу пятьсот лет; в этой ошибке потерялось благородное старание кардинала Пьера д'Айи, архиепископа Парижского (в его "Единодушии Астрологии с Теологией"), точно определить времена по соединениям Больших Планет: если даже эти небесные встречи и вызывают своими влияниями необыкновенные явления в мире людей, все же должно было протечь, по меньшей мере, тридцать "больших годов" Платона, чтобы можно было получить из постоянства наблюдений достоверную науку о том, что именно значат эти, а не другие явления.*

Итак, при помощи разобранной выше Естественной Теогонии здесь может быть измерено нами течение времен. В эти времена при определенных случаях первой необходимости или пользы для Рода Человеческого, который повсюду начался с Религии, протек Век Богов; он должен был продолжаться по меньшей мере девять-

сот лет с тех пор, когда среди языческих наций появились Юпитеры, т.е. с того времени, когда начали блистать молнии на Небе после Всемирного Потопа; а двенадцать *Dii Majores*, начиная с Юпитера, выдуманные в течение этого времени, распределяются на двенадцать маленьких Эпох, что дает определенность временам Поэтической Истории. Так, например, Девкалион (Баснословная История рассказывает о нем непосредственно после Потопа и Гигантов), основавший со своей женой Пиррой посредством брака Семьи, зародился в греческом воображении в эпоху Юноны, Богини торжественных свадеб. Эллин, основавший греческий язык и через своих трех сыновей распространивший три диалекта, зародился в эпоху Аполлона, Бога пения, во времена которого должна была начаться Поэтическая Речь в стихах. Геркулес, наибольший подвиг которого - это убийство гидры или немейского льва, т.е. превращение земли в засеянные поля, и который приносит из Гесперии золотые яблоки, т.е. урожаи (вот Герб, достойный Истории, а не апельсины Португальцев, достойные паразитов), выделился в Эпоху Сатурна, Бога Посевов. Так же и Персей должен был проясниться в эпоху Минервы, т.е. тогда, когда уже возникли Гражданские Власти, так как щит его несет на себе череп Медузы, а это - щит самой Минервы. Наконец, Орфей должен был появиться после Эпохи Меркурия: тем, что он воспевал диким грекам силу Богов в ауспичиях, наукой о которых обладали герои, он установил греческие героические нации и тем самым дал имя Героическому Времени, ибо в то время происходили героические распри. Поэтому вместе с Орфеем процветали Лин, Амфион, Мусей и другие Поэты-Герои. Амфион из камней, т.е. из глухых плебеев (почему и у Латинян словом *lapis*, "камень", продолжали называть глупца) возвел стены Фив через триста лет после того, как их заложил Кадм; совершенно так же через триста лет после основания Рима случилось так, что Аппий, внук Децемвира, о чем мы говорили выше по другому поводу, воспевая римскому плебсу (плебеи *agitabant connubia more ferarum*⁵¹⁶, т.е. были зверями Орфея) силу Богов в ауспичиях. Наукой о которых обладали лишь одни Благородные, привел его к повиновению и укрепил героическое состояние в Риме.

Кроме того, здесь следует отметить четыре вида родового понятия "анахронизм", происходящих от того, как каждый знает, что времена относятся слишком рано или слишком поздно. Первый вид - это времена пустые в смысле фактов, которыми они должны быть наполнены: таков, например, век Богов, в котором, как мы нашли, зарождаются почти все гражданские человеческие вещи (ученейший Варрон называет этот век Темным временем). Второй вид - это времена, наполненные фактами, тогда как они должны были бы быть пусты: таков, например, век Героев, длившийся двести лет; и на основе того ложного мнения, будто Мифы были изобретены Героическими Поэтами, и прежде всего Гомером, век Героев наполняют всеми событиями века Богов; однако Боги должны были рухнуть при переходе от первого века ко второму. Третий вид - это единые времена, которые подлежат разделению, чтобы за жизнь одного единственного Орфея Греция не оказалась вознесенной от состояния

диких зверей к блеску Троянской войны (это великое чудовище Хронологии мы показали в "Примечаниях к Хронологической Таблице"). Четвертый и последний вид - это времена разделенные, которые нужно объединить; так, например, считают, что Греческие Колонии были высланы в Сицилию и Италию больше чем через триста лет после скитания Героев, тогда как они возникли одновременно со скитаниями и вследствие скитаний самих Героев.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КАНОН

для указания Начал Всеобщей Истории, которые должны были предшествовать Монархии Нина, хотя именно с последней обычно начинается Всеобщая История

Итак, чтобы заложить на этих Основаниях Хронологию, более каноническую, чем "Египетский, Еврейский и Греческий Канон" Джона Маршама, который мы опровергли в "Примечаниях к Хронологической Таблице", установим следующий Хронологический Канон. Итак, в силу названной Естественной Теогонии, которая дала нам нашу Рациональную Поэтическую Хронологию, а также при помощи открытия вышеназванных видов Анахронизмов, отмеченных в Поэтической Истории, теперь для указания Начал Всеобщей Истории, которые должны были предшествовать Монархии Нина, хотя именно с последней обычно начинается Всеобщая История, установим следующий Хронологический Канон. Со времени Рассеяния Рода Человеческого, потерявшегося в великом лесу земли (это должно было начаться с Месопотамии, о чем в Аксиомах⁵¹⁷ мы выставили соответствующий скромный постулат), в зверином блуждании должно было протечь для нечестивой расы Сима в Восточной Азии только сто лет, и двести лет для двух других рас - Хама и Яфета - в остальных частях мира. С тех пор как благодаря религиям многочисленных Юпитеров, рассеянных среди первых языческих наций (в чем мы убедились в главе "О Всемирном Потопе"), Главари Наций начали оседать на тех землях, где они случайно оказались, протекло девятьсот лет Века Богов; так как люди были рассеяны по земле в поисках пищи и воды, чего нет на берегах моря, то Нации были основаны в глубине материков, и лишь в конце этого века они должны были спуститься к морским побережьям; тогда пробудилось в сознании Греков представление о Нептуне, т.е. последнем, как мы нашли выше, из Dii Majores; таким образом, у Латинян за век Сатурна, т.е. Золотой век Лациума, протекло девятьсот лет до тех пор, пока Анк Марций спустился к морю, чтобы завладеть Остией. Наконец, протекли те двести лет, которыми Греки исчисляли Героическую эпоху; она началась с морских разбоев царя Миноса, ее продолжали морские экспедиции Язона в Понт, а также Троянская Война, и закончилась она скитанием Героев вплоть до возвращения Улисса на Итаку. Таким образом. Тир, столица Финикии, должен был быть перенесен из глубины суши на берег Финикийского моря, а оттуда - на соседний остров, более чем через тысячу лет после Потопа; и так как Тир был уже знаменит мореходством и колониями, рассеянными по

Средиземному морю и даже за его пределами, в Океане, еще до героического Времени Греков, то этим самым с очевидностью доказано, что на Востоке получил начало весь Род Человеческий и что первоначально звериное Блуждание в глубине материков, потом Героическое Право на суше и на море и, наконец, Морская Торговля Финикиян рассеяли первые нации по остальным частям мира. Эти Основания переселения народов, соответствующие выставленной выше Аксиоме⁵¹⁸, представляются нам разумнее тех, которые воображал себе Вольфганг Лациус.

Итак, поскольку поступательное движение всех наций единообразно (выше мы доказали это единообразием, с каким Боги были вознесены к звездам, т.е. обычаем, занесенным Финикиянами в Грецию и Египет), следует сказать, что столько же времени протекло для Халдеев, пока они царствовали на Востоке, сколько времени прошло от Зороастра до Нина, основавшего первую в мире Монархию, т.е. Монархию Ассирийскую; и столько же времени протекло от Меркурия Трисмегиста до Сезостриса, или Тацитовского Рамзеса⁵¹⁹, также основавшего величайшую Монархию. И так как обе эти нации были материковыми, то Монархии, т.е. последний вид Человеческих Правлений, должны были возникнуть у них лишь тогда, когда прошли Божественные Правления, затем Героические и, наконец. Народная Свобода: Египтяне настаивают на этом в своем Делении трех времен мира, протекших до них. Ведь, как мы вскоре докажем, Монархия может зародиться только на основе разнузданной народной свободы; этой Монархии Оптиматы во время гражданских войн готовы подчинить свое могущество; когда же власть разделится на мельчайшие части среди народов, то ее легко целиком забирают себе те, которые держали сторону народной свободы, и тогда в конце концов возникают Монархии. В противоположность Ассирии и Египту, Финикия, как морская нация, разбогатевшая благодаря торговле, должна была остановиться на Народной Свободе, т.е. первом виде Человеческих Правлений.

Таким образом, одним лишь разумением, не пользуясь памятью (которой нечего делать там, где чувства не подчинены фактам), мы восполнили, как кажется, Всеобщую Историю в ее Началах и по отношению к Древнейшему Египту, и по отношению к Востоку, еще более древнему, чем Египет, и на самом Востоке - Начала Монархии Ассирийцев; так как последней до сих пор не предшествовали многочисленные и разнообразные причины, которые должны были ей предшествовать для того, чтобы в ней могла появиться монархическая форма, самая последняя из трех форм Гражданских Правлений, то она зарождалась в Истории совершенно внезапно, как рождается от летнего дождя лягушка.

Добавление к допотопной истории.

Но и здесь не останавливается наша Критика. Она рассматривает еще более раннее течение тех же самых причин, которые должны были бы произвести

те же явления в обреченной расе Каина до Потопа, какие они произвели тотчас же после Потопа в обреченных расах Хама и Яфета и несколько позднее в расе Сима; так как в силу этих причин сначала религия Сифа так же сосредоточилась в одном Ное, как позже сосредоточилась религия Сима в одном Аврааме, то мир должен был вырасти в собрание таких пороков (как, например, Ассирия во времена Сарданалала), что заслуживал Божьего гнева и второго потопа; и Бог должен был его послать во времена Авраама, так же как послал его во времена Ноя, если бы Бог не удовольствовался одним Авраамом: он вступил с ним в новый союз и в его расе сохранил свою истинную Религию. Таким образом, разумно восполняется та огромная пустота светской истории до Потопа, в тысячу шестьсот лет, о которой молчит Священная История.

Итак, Хронология удостоверяется нам тем поступательным движением во времени обычаев и фактов, какое должен был пройти Род Человеческий. Соответственно одной из выставленных выше Аксиом⁵²⁰, Хронологическая наука начинается здесь с того же, с чего начинается и ее материал, а именно: с **Κρόνος**, Сатурна (по нему Греки называли **χρόνος** - "Время"), счетчика годов по урожаям, с Урании, созерцательницы неба ради получения авгурий, с Зороастра, созерцателя звезд ради получения оракулов по путям падающих ночью звезд. Все это - первые **μαθήματα** и **θεωρήματα**, первые возвышенные, т.е. божественные, вещи, которые созерцали и наблюдали нации, как было сказано выше. Когда же впоследствии Сатурн вознесся в седьмую сферу⁵²¹, тогда Урания стала созерцательницей Планет и Звезд, а Халдеи на просторе своих огромных равнин стали Астрономами и Астрологами: они измеряли движения звезд, наблюдали их взаиморасположения и воображали, будто эти тела оказывают влияние на подлунные (как они говорили) тела и даже на свободную волю людей. За этой Наукой сохранились первые из данных ей характерных имен: "Астрономия", т.е. Наука о законах звезд, и "Астрология", т.е. Наука о языке звезд (и то и другое - в смысле "Предсказание"). Совершенно так же по названным выше "Теоремам" была названа Теология, т.е. наука о языке богов в их оракулах, ауспциях и авгуриях. Отсюда же, в конце концов, спустилась Математика, чтобы измерять землю: измерения ее могут получить достоверность, только если они доказаны небом; и первая и главная часть математики носит подобающее ей имя: ее называют геометрией.

Так почему же Астрономы не начинали свою науку с того же, с чего начинался разбираемый ими материал? Потому, что они начинали с астрономического года, который, как было сказано выше, зародился у наций, по меньшей мере, через тысячу лет; его могли удостоверить астрономам только соединения и противостояния созвездий и планет на небе, но ничто из тех вещей, движение которых могло быть прослежено здесь, на земле; в этом погибло благородное старание кардинала Пьера д'Айи. Поэтому столь мало были плодотворны для Начал и Непрерывности Всеоб-

щей Истории, которые и после этих ученых все еще продолжают отсутствовать, два удивительных ума с их ошеломляющей эрудицией - Иосиф Юстус Скалигер в его "Исправлении" и Дионисий Петавиус в его "Учении о Временах".

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Теперь нам остается, наконец, прояснить второй глаз Поэтической Истории - Поэтическую Географию. Соответственно указанной нами в Аксиомах⁵²² особенности человеческой природы (что люди описывают вещи неизвестные или удаленные по сходству с вещами известными и близкими, если у людей нет о них истинной идеи или если они должны разъяснить ее тому, кто ее не имеет). Поэтическая География зародилась в отдельных своих частях и во всем своем целом из ограниченных представлений о пределах самой Греции. Когда же Греки впоследствии разошлись по миру, то и География стала распространяться и приобрела ту распространенную форму, в какой она дошла до нас. Античные Географы соглашались с этой истиной, но они не умели применять ее; они утверждали, что Древние Нации, приходя в земли чужие и далекие, давали свои родные имена городам, горам, рекам, холмам, морским проливам, островам и предгорьям.

Итак, в пределах Греции зародилась Восточная часть, названная Азией или Индией; Западная часть, названная Европой или Гесперией; Север, названный Фракией или Скифией; Юг, названный Ливией или Мавританией. Таким образом, части Мира были названы именами частей маленького мира Греции по сходству местоположения с точки зрения Греков, смотревших на Мир так, как если бы он был продолжением различных частей Греции. Очевидным доказательством этого являются Главнейшие Ветры: они в греческой Географии сохраняют те названия, которые они должны были, несомненно, иметь первоначально в пределах самой Греции; так кобылицы Реза были оплодотворены на берегах Океана (как мы сейчас увидим, так называлось всякое море с неограниченным кругозором) Зефиром, западным ветром Греции, и так же на берегах Океана в первом значении этого слова (о чем мы только что говорили) от Зефира родились кони Ахилла; а кобылицы Эврихтония, как говорит Эней Ахиллу, были оплодотворены Бореем, северным ветром той же Греции. - Эту истину о Главнейших Ветрах подтверждает нам невероятное распространение греческого ума и огромная распространенность греческого способа выражения: по своей горе Олимпу, где во времена Гомера пребывали боги, они называли звездное небо, и это название за ним сохранилось.

Соответственно таким Основаниям, за большим полуостровом, расположенным к востоку от Греции, сохранилось название "Малая Азия", тогда как самое имя "Азия" перешло на огромную восточную часть Мира, которую мы теперь называем словом "Азия" в абсолютном смысле. Обратное тому, сама Греция, расположенная к Западу

относительно Азии, была названа Европой, которую похитил Юпитер, превратившись в быка; впоследствии имя "Европа" распространилось на этот второй громадный континент до западного Океана. Гесперией называли ту западную часть Греции, где (в пределах одной четверти горизонта) восходит вечерняя звезда **Ἑσπερος**; впоследствии Греки увидели Италию в том же самом направлении и назвали ее *Hesperia magna*⁵²³; наконец, они продолжили то же самое направление до Испании и назвали ее *Hesperia ultima*⁵²⁴; в противоположность этому Итальянские Греки должны были называть Ионией восточную по отношению к ним часть заморской Греции; это имя сохранилось за разделяющим обе Греции Ионийским Морем; позднее, по сходству местоположения обеих Греции, Туземной и Азиатской, туземные Греки называли Ионией восточную по отношению к ним часть Малой Азии (весьма правдоподобно, что Пифагор прибыл в Италию из первой Ионии, с Саме⁵²⁵, одного из островов, над которыми царствовал Улисс, а не с Самоса второй Ионии). Из греческой Фракии пришел Марс, несомненно, Греческое Божество; оттуда же должен был прийти Орфей, один из первых Греческих Поэтов-Теологов. Из греческой Скифии пришел Анахарсис, оставивший в Греции Скифские Оракулы: они должны были быть похожи на Оракулы Зороастра, так как первоначально необходимо должна была существовать одна История Оракулов, почему Анахарсис и был принят в число древнейших Богов-Предсказателей; позднее эти оракулы Лицемерие перенесло в Догматы Философии: так, например, Орфикам приписывали стихи Орфея, хотя они, как и Оракулы Зороастра, не содержат ничего поэтического и слишком сильно пахнут Платонической и Пифагорейской Школой. Ведь из этой самой Скифии, от туземных Гипербореев, должны были прийти в Грецию и два знаменитых оракула. Дельфийский и Додонский (соответствующее сомнение мы выставили в "Примечаниях к Хронологической Таблице"), так как в Скифии, т.е. среди туземных Греческих Гипербореев, Анахарсис был убит своим братом Кадвисом за то, что хотел ввести Культуру при помощи греческих законов: таких успехов достиг Анахарсис в "Варварской Философии" Хёрниуса, которых сам для себя он не смог найти. По тем же самым соображениям оттуда же должен был происходить Скиф Абарис, написавший, как говорят, Скифские Оракулы; они могут быть лишь такими же, как только что названные Оракулы Анахарсиса; и он написал их в той самой Скифии, где Идантура много времени спустя писал посредством вещей; поэтому приходится думать, что эти оракулы были написаны каким-нибудь обманщиком уже после того, как там была введена греческая философия; впоследствии же Оракулы Анахарсиса из-за тщеславия Ученых были приняты за не дошедшие до нас Оракулы Тайной Мудрости. Замолксис был Гетом, равно как Гетом был и Марс; Замолксис (по сообщению Геродота) перенес к Грекам догмат о Бессмертии души. Совершенно так же из какой-нибудь греческой Индии должен был прийти Вакх, триумфатор Индийского Востока, т.е. из какой-нибудь греческой земли, богатой поэтическим золотом; и Вакх совершает триумф на колеснице из золота, т.е. пшеницы; поэтому он оказывается таким же укротителем змей и тигров, каким Геркулес - гидр и львов (как было разъяснено выше). Во всяком

случае то название, которое Пелопоннес сохраняет до наших дней, Морья⁵²⁶, доказывает нам более чем достаточно, что Персей, несомненно греческий герой, совершил свои подвиги в туземной Мавритании, так как Пелопоннес находится в таком же отношении к Ахайе, в каком Африка к Европе. Из этого мы можем понять, что Геродот ничего не знал о своих собственных Древностях, в чем его упрекает Фукидид; он рассказывает, что Негры (negri) когда-то были белыми: однако то были, несомненно. Негры его Греции, которая до сих пор называется "Белая Морья". Таким образом, от чумы именно этой Мавритании (*где вплоть до наших дней небо продолжает быть настолько вредоносным, что там почти ежегодно бывает чума*)

Эскулап своим искусством избавил свой родной остров Кос: ведь если бы он избавил от чумы народы Марокко, то он избавил бы тем самым от чумы весь мир. В этой Мавритании должен был Геркулес изнемогать под тяжестью неба, которое старый Атлант уже устал поддерживать; первоначально именем его называлась гора Ато, впоследствии ставшая Serrium, перешеек, разделяющий Македонию от Фракии; и до сих пор осталась между Грецией и Фракией река, называемая "Атлант"; позднее, когда в Гибралтарском проливе увидели горы Абила и Кальпе, также посредством морского пролива отделяющие Африку от Европы, тогда по имени Геркулеса были названы возвышающиеся там столбы, поддерживающие, как было сказано выше, небо; а находящаяся неподалеку оттуда в Африке гора была названа "Атлас".

Таким образом, может оказаться правдоподобным тот ответ, который у Гомера мать Фетида дает Ахиллу: она не могла передать его жалобу Юпитеру потому, что тот ушел с Олимпа вместе с другими Богами пировать в область Атланта; основываясь на том отмеченном выше мнении, что Боги находились на вершинах высочайших гор, мы считаем Атланта горою, и если она действительно находилась в Африке, то допустить весь рассказ было бы очень трудно, так как тот же Гомер говорит, что Меркурий, хотя он и крылат, с большим трудом достигает острова Калипсо, находящегося в Финикийском Море, т.е. гораздо более близкого к Греции, чем так называемое ныне царство Марокко. Из такой же греческой Гесперии Геркулес принес золотые яблоки в Аттику, и там же были Нимфы Геспериды (дочери Атланта), хранившие эти яблоки. И река Эридан, в которую упал Фаэтон, должна была находиться в греческой Фракии: это Данубий (Дунай), впадающий в Понт Эвксинский; впоследствии, когда Греки увидели По (который, как и Дунай, - вторая река в мире, текущая с запада на восток), тогда они По назвали Эриданом; Мифологи же утверждали, что Фаэтон упал в Италии; однако предметы Героической Истории, и притом исключительно греческой, а не других наций, были прикреплены к звездам, а среди них был и Эридан. Наконец, когда Греки вышли к Океану, тогда они распространили на него недалекое представление о всяком море с неограниченным кругозором; поэтому Гомер говорил, что остров Эолия окружен Океаном; и вместе с таким представлением и слово "Океан" обозначает теперь то море, которое окружает всю Землю, принимаемую за один громадный остров; и так чрезмерно расширилось могущество Нептуна,

что из бездны вод (которую Платон помещает в недрах Земли) он своим Трезубцем заставляет дрожать Землю; грубые Основания такой Физики были нами разъяснены выше.

Такие Основания Географии безусловно могут оправдать Гомера во многих несправедливо приписываемых ему ошибках. I. Лотофаги Гомера, питавшиеся корою растения, называемого "лотос"⁵²⁷, находились гораздо ближе: Гомер говорит, что Улисс от Малей до Лотофагов проделал девятидневный путь; если бы это были те Лотофаги, которые, как говорили, находились за пределами Гибралтарского пролива, то невозможно, а не только трудно, утверждать, что путь к ним должен был занять девять дней; эту ошибку у Гомера отметил Эратосфен. II. Лестригоны во времена Гомера были народом самой Греции, и у них дни были самыми длинными по сравнению с остальной Грецией, но не самые длинные по сравнению со всеми другими народами на земле; такое место Арат помещает около мыса Дракон; во всяком случае, Фукидид⁵²⁸, серьезный и точный писатель, рассказывает, что Лестригоны были в Сицилии (в таком случае это были самые северные народы этого Острова). III. Также у Киммерийцев были самые длинные ночи по сравнению со всеми народами Греции, так как они находились на крайнем ее Севере, и из-за их длинных ночей говорили, что они живут рядом с Преисподней; позднее имя Киммерийцев распространилось чрезвычайно далеко и перешло на народы, обитавшие в болотах Меотиды⁵²⁹; поэтому и Куманцы, так как они находились рядом с Сивиллиной пещерой, которая вела в преисподнюю, из-за предполагаемого сходства местоположения должны были называться Киммерийцами; ведь невероятно, чтобы Улисс, посланный Цирпеей, без какого-либо колдовства (так как Меркурий сообщил ему тайное средство против чар Цирцеи, как мы отметили выше) в один день мог достигнуть Киммерийцев (которые продолжали называться так) с целью увидеть преисподнюю и в тот же день вернуться оттуда в Цирцею (теперь это гора Цирцелла, неподалеку от Кум).

При помощи таких Оснований Поэтической Географии Греков можно разрешить множество больших трудностей Древней Истории Востока, которая считает чрезвычайно удаленными (главным образом по направлению к Северу и к Югу) народы, первоначально находившиеся в пределах самого Востока.

Таким образом, то, что мы говорили о Поэтической Географии Греков, относится в полной мере и к древней Географии Латинян. Лациум первоначально должен был быть чрезвычайно ограниченным, так как за двести пятьдесят лет господства Рим подчинил себе добрых двадцать народов, но не распространил своей власти (*imperium*) больше, чем на двадцать миль, как мы говорили выше (*завоевание Кориол дало Марцию титул Кориолана, как будто он был завоевателем провинции*). Италия, несомненно, была ограничена Цизальпинской Галлией (*теперешней Ломбардией*) и Великой Грецией; впоследствии вместе с римскими завоеваниями это

название расширилось до тех пределов, какие оно охватывает и сейчас. Так же и Тосканское Море должно было быть очень маленьким в то время, когда Гораций Коклес один противостоял всей Тоскане на мосту; впоследствии вместе с римскими победами оно распространилось на все протяжении этого низкого берега Италии.

Совершенно так же, и не иначе, первым Понтом, куда совершил морскую экспедицию Язон, должна была быть земля, совсем близкая к Европе, от которой ее отделяет морской пролив, называемый Пропонтидой; эта земля должна была дать имя Понтийскому Морю (*Понту Эвксинскому*), которое впоследствии распространилось дальше в глубь Азии, туда, где позднее было царство Митридата; ведь Аьет, отец Медеи, согласно рассказам того же Мифа, родился в Халкиде, городе на Эвбее, т.е. на острове, расположенном в пределах самой Греции (теперь этот остров называют Негропонт, буквально "Черное Море"); это и было тем первоначальным названием, которое нам сохранилось, несомненно, в наименовании Черного моря. Первым Критом должен был быть остров в пределах Архипелага, где находится Лабиринт Островов, как мы разъяснили выше; оттуда должен был Минос совершать морские набеги на Афинян; впоследствии же Крит перешел в Средиземное Море, где мы его и застаем.

Итак, Греки, как их называли Латиняне, разойдясь по миру и будучи людьми тщеславными, распространили повсюду Молву о Троянской Войне и о Скитаниях Героев, как Троянских (Антенор, Капис, Эней), так и Греческих (Менелай, Диомед, Улисс) (*на основе этих Рассказов, рассеянных по миру Греками, должны были бы составляться более правдоподобные Географические Карты путешествий Улисса и Энея*). Они замечали, что в мире распространен Характер Основателей Наций, похожий на характер их Геркулеса, называвшегося Фиванским; тогда на Основателей чужих наций они распространили имя своего Геркулеса; Варрон насчитывал таких Геркулесов у Древних Наций больше сорока; он утверждает, что Латинский Геркулес назывался Богом Фидием. Под влиянием такого же тщеславия Египтяне говорили, что их Юпитер-Аммон древнее всех других Юпитеров на свете и что все Геркулесы других Наций заимствовали свое имя от их Египетского Геркулеса (согласно двум выставленным выше Аксиомам⁵³⁰, они ошибочно считали себя нацией более древней, чем все другие нации на свете); и совершенно так же Греки заставляли ходить своего Геркулеса по всем частям земли, очищая ее от чудовищ, чтобы принести домой только одну славу. Они замечали, что существует такой же Поэтический Характер Пастухов, говоривших стихами, каким у них был Аркадянин Эвандр; таким образом, Эвандр появился из Аркадии в Лациуме; он оказывал там приют Геркулесу, своему земляку; он взял себе в жены Карменту (названную так от *carmen* - "стих"), которая изобрела у Латинян письмо, т.е. формы так называемых артикулированных звуков, служащих материалом для стихов, *для песни, в которой воспевались законы: формулы этих законов назывались carmina*. И, наконец (в подтверждение

всего здесь сказанного), они замечали поэтические характеры в пределах Лациума совершенно так же, как (мы видели это выше) они находили своих Куретов рассеянными по Сатурнии, т.е. древней Италии, по Криту и в Азии.

Но греческие слова и представления достигли Латинян во времена в высшей степени дикие, когда нации были настолько замкнуты для чужестранцев, что, по словам Ливия⁵³¹, во времена Сервия Туллия не только сам Пифагор, но даже его знаменитейшее имя не могло дойти от Кротоны до Рима через многочисленные и разнящиеся по языку и обычаям нации. Именно из-за этой трудности мы и просили выше об одном постулате: мы внесли то необходимое допущение, что должен был существовать какой-то греческий город на берегу Лациума, впоследствии похороненный во тьме Древности; он научил Латинян буквам, которые, как рассказывает Тацит¹⁴, первоначально были похожи на самые старые буквы Греков; это является сильным доказательством в пользу того, что Латиняне получили греческие буквы от Греков из Лациума, а не от Греков Великой Греции, и еще того меньше - от Греков заморской Греции; с последними они начали знакомиться только со времен Тарентской войны, вызвавшей вскоре войну с Пирром; ведь в противном случае Латиняне пользовались бы позднейшими буквами Греков, а не придерживались бы первых, самых древних греческих букв.

Таким образом, имена Геркулеса, Эвандра, Энея проникли из Греции в Лациум на основании следующих обычаев наций. Во-первых, во времена своего варварства нации любят свои туземные обычаи; когда же они начинают изнеживаться, то им доставляет удовольствие как иностранная торговля и моды, так и чужестранная речь; поэтому Латиняне сменили своего Бога Фидия на Греческого Геркулеса, и вместо туземной клятвы *mediusfidius* они ввели *mehercule*, *aedepol*, *mecastor*. Во-вторых, вследствие уже многократно упоминавшегося тщеславия, свойственного нациям, склонности кичиться славным чужестранным происхождением, в особенности там, где у них не было никакого повода видеть его в своих варварских временах (почему во времена вернувшегося варварства Джан Виллани рассказывает, что Фьезоле был основан Атлантом и что в Германии царствовал Троянский царь Приам⁵³²), то Латиняне охотно перестали признавать Фидия, своего истинного Основателя, ради Геркулеса, истинного Основателя Греков; и также они заменили характер своих пастушеских поэтов Аркадянином Эвандром. В-третьих, там, где нации наблюдают вещи чужестранные, которые они, конечно, не могут объяснить своими туземными словами, они по необходимости пользуются словами чужестранными. Наконец, в-четвертых, ко всему этому присоединяется то свойство первых народов, которое было рассмотрено выше в главе о "Поэтической Логике": первые народы не умели абстрагировать качества от объектов, и именно потому, что они не умели их абстрагировать, они вместо качеств называли самые объекты; определенных доказательств этому у нас достаточно много в латинской речи. Римляне не знали, что та-

кое роскошь; впоследствии, когда они заметили ее у Тарентинцев, тогда они начали называть Тарентинцем всякого *щеголя*, пахнущего духами. Они не знали, что такое военные стратегемы; впоследствии, когда они заметили их у Карфагенян, они стали называть это *punicae artes* 533, *вместо "коварные и лукавые искусства"*. Они не знали, что такое спесь; впоследствии, когда они заметили ее на Кампанцах, они стали говорить *supercilium sampanicum* 534 вместо того, чтобы сказать "спесивый" или "гордый". Так, Нума и Анк были Сабинянами, ибо тогда еще не умели сказать "религиозный человек", а этими последними обычаями славилась Сабиняне. Так, Сервий Туллий был Греком, ибо они не могли сказать "хитрый" (немые, они должны были сохранять такое представление до тех пор, пока Греки не узнали по побежденному ими городу то, о чем мы сейчас говорим); его называли также рабом (*Servius* от *servus*), так как они не умели сказать "слабый": ведь он предоставил плебеям бонитарную собственность на поля первым Аграрным Законом, как было показано выше (может быть, за это он и был убит Отцами); хитрость же есть свойство, вытекающее из слабости, а такие нравы были неизвестны римскому прямодушию и доблести. Поистине великое бесчестие наносят Римскому Происхождению и сильно оскорбляют Мудрость Основателя Рима, Ромула, тем, что полагают, будто Рим не имел достаточно Героев, чтобы избрать из их числа Царя, так что он должен был переносить царствование презренного раба; эта почеть, оказанная Сервию Туллию Критиками, полагавшимися на Писателей, похожа и на другую, нижеследующую: уже после того, как Рим основал могущественную Империю в Лациуме и совершенно разрушил все Тосканское Могущество. Критики заставляют Римлян, как беззаконных варваров, ходить в Италию, в Великую Грецию, в заморскую Грецию на поиски законов, чтобы учредить свою свободу, - и все это только для того, чтобы поддержать доверие к Мифу о Законах XII Таблиц, пришедших, якобы, в Рим из Афин.

КОРОЛЛАРИЙ о прибытии Энея в Италию

Опираясь на все до сих пор рассмотренное, можно показать, каким образом Эней прибыл в Италию и основал там племя Римлян в Альбе (от нее Римляне вели свое происхождение). Такой греческий Город, находящийся на берегу Лациума, был греческим городом, из Азии, из-под Трои, но он был неизвестен Римлянам до тех пор, пока из глубины суши их завоевания не распространились до близлежащего моря. Завоевание берега было начато Анком Марцием, третьим Римским царем; он положил начало Остии, самому близкому к Риму приморскому городу, а когда Рим впоследствии непомерно разросся, то она стала, в конце концов, его портом. Таким образом, как Латиняне приняли под свое покровительство Аркадян (беглецов суши), так они впоследствии приняли и Фригийцев (беглецов моря) и по героическому праву войны разрушили их города: так Аркадяне и Фригийцы (под влиянием двух анахронизмов - Аркадян относили во времена более поздние, а фригийцев во времена слишком ранние) спаслись в Убежище Ромула. Если же ход событий не таков, то

Происхождение Римлян от Энея должно ошеломить и поставить в тупик всякое понимание, как мы указывали в Аксиомах⁵³⁵; таким образом, чтобы не быть ошеломленными и не оказаться в тупике. Ученые, начиная с Ливия, считают это предание просто Мифом, не замечая того, как мы сказали выше в Аксиомах⁵³⁶, что Мифы должны были иметь какую-нибудь общественную основу истины. *В поисках ее возникла вся начитанность Самюэля Бошара, "De Adventu Aeneae in Italiam", пытавшегося сделать из Мифа историю.* Ведь именно Эвандр, столь могущественный в Лациуме, оказывает приют Геркулесу за пятьсот лет до Основания Рима, а Эней основывает Царскую Династию Альбы (которая за время четырнадцати царей достигла такого блеска, что стала столицей Лациума), тогда как Аркадяне и Фригийцы, так долго скитавшиеся, спасаются в конце концов в Убежище Ромула! Разве могли из Аркадии, страны, лежащей в глубине Греции, пастухи, по самой своей природе не знающие, что такое море, переплывать столь большое расстояние и проникать вглубь Лациума, если Анк Марций, третий Царь после Ромула, был первым, выславшим колонию к близлежащему морю? *Если же такие Фригийцы — не товарищи Энея, то трудность возрастает еще больше; они оказываются на триста лет старше Гермодора, прибывшего из Эфеса (также Азиатского города) проводить изгнание в Риме, чтобы сообщить об Афинских Законах Римлянам, почему последние и перенесли Законы XII Таблиц из Афин в Рим, тогда как спустя сто лет даже имя Пифагора, самое знаменитое в Италии (согласно Ливию⁵³⁷), не могло проникнуть через множество наций, отличающихся по языку и по обычаям, из Кротоны в Рим; и если даже через сто лет Тарентинцы не знали, что такое Римляне, уже могущественные в Италии! О, Критика, которая слишком бездельничает, полагаясь на писателей, раз она из таких оснований берется судить об истинном положении римских дел!*

Однако, как мы многократно говорили выше, опираясь на одну из выставленных Аксиом⁵³⁸, Народные Предания должны были иметь первоначально серьезные общественные основания истины. Следовательно? Нужно сказать, что существовал какой-то греческий Город на берегу Лациума, так же как были там и многие другие города, и они продолжали существовать и впоследствии на берегах Тирренского моря. Этот город еще до появления Законов XII Таблиц был Римлянами побежден и, по героическому праву варварской победы, разрушен, а побежденные были приняты в качестве Героических Союзников (*socii*) и рассеяны по деревням этого округа и обязаны возделывать поля для римских Героев. И хотя Римляне имели достаточное представление о бродягах как с суши, так и с моря, т.е. о людях без собственной земли, все же у них не было слов, чтобы выразить такие чужестранные вещи; они получили их от Греков, которые должны были бродяг с суши называть Аркадянами, людьми лесными, а бродяг с моря называть Фригийцами, людьми, ушедшими из сожженных городов, чужестранцами, пришедшими с моря и не имеющими своей земли. Посредством поэтических характеров Греки также называли

Аркадянами бродяг с суши скитавшихся по лесам, а Фригийцами - бродяг с моря, как Римляне своих побежденных и сдавшихся называли "принятыми в Убежище Ромула", т.е. принятыми в качестве поденщиков на основании установленных Ромулом клиентел, когда он в Роцце открыл убежище для тех, кто туда прибежал. От этих побежденных и сдавшихся (если мы их отнесем ко времени между изгнанием Царей и Законами XII Таблиц) римские плебеи должны были отличаться по Аграрному Закону Сервия Туллия, который предоставил им Бонитарную собственность на поля; недовольный этим законом Кориолан, как было сказано выше, хотел свести плебеев на положение поденщиков Ромула. Впоследствии Греки повсюду раструбили о Троянской Войне и о скитаниях Героев, а в Италии - и о скитаниях Энея; и как Греки еще раньше увидели там и своего Геркулеса, и своего Эвандра, и своих Куретов (соответственно сказанному выше), так, к концу того времени, когда эти Предания, пройдя через руки варварского народа, подверглись изменениям, а в конце концов и искажениям, - так, говорим мы, и Эней стал Основателем Римского Народа в Лациуме. Тот самый Эней, нога которого стараниями Самюэля Бошар никогда не ступала в Италии, о котором Страбон говорит, что он никогда не выходил из Трои, и о котором Гомер, имеющий здесь наибольший вес, повествует, что он умер в Трое, - именно в Лациуме оставил царство своим потомкам.

Итак, в результате двоякого тщеславия Наций (во-первых - тщеславия Греков, которые нашумели во всем мире Троянской Войной, во-вторых - Римлян, кичившихся знаменитым чужестранным происхождением) Греки всучили Римлянам, а последнее, в конце концов, приняли Энея за Основателя Римского Народа. Этот Миф мог возникнуть только со времен войны с Пирром, когда Римляне начали развлекаться тем, что шло от Греков: ведь, как мы видели, такой обычай начинает распространяться среди наций лишь после того, как они много и долго общались с чужестранцами. *Однако остается еще одна тонкость в обычном мнении Ученых: будто троянцы не были Греками. Поэтому Ученые думали, что Фригийский Язык отличался от Языка Греков. Гомер, во всяком случае, не давал им повода к этой всеобщей ошибке, так как он называет Европейских Греков Ахейцами, а Фригийцами — Азиатских Греков. И Троя, несомненно, лишь узким морским проливом была отделена от материка Европы; также и Иония, где находилась Троя, безусловно, была целиком греческой. К тому же Акест был Троянским Героем, и он был основателем греческого языка в Сицилии: это была такая древность, что Эней уже нашел его во главе могущественного царства; таким образом, Акест должен был вывести Героическую греческую Колонию из Фригии задолго до Троянской Войны.*

Однако остается еще одна тонкость в обычном мнении Ученых: будто троянцы не были Греками. Поэтому Ученые думали, что Фригийский Язык отличался от Языка Греков. Гомер, во всяком случае, не давал им повода к этой всеобщей ошибке, так как он называет Европейских Греков Ахейцами, а Фригийцами - Азиатских Греков. И

Троя, несомненно, лишь узким морским проливом была отделена от материка Европы; также и Иония, где находилась Троя, безусловно была целиком греческой. К тому же Акест был Троянским Героем, и он был основателем греческого языка в Сицилии: это была такая древность, что Эней уже нашел его во главе могущественного царства; таким образом Акест должен был вывести Героическую греческую Колонию из Фригии задолго до Троянской Войны.

О НАИМЕНОВАНИИ и Описании Героических Городов

Итак, поскольку составными частями Географии являются Номенклатура и Хорография, т.е. наименование и описание мест, главным образом городов, то ради полноты "Поэтической Мудрости" нам остается поговорить еще и о них. Выше было сказано, что Героические Города были основаны Провидением в местах, сильных по положению; Древние Латиняне в свои божественные времена называли эти города священным словом Ага - "алтарь"; (*Вергилий замечает, что в его времена Итальянцы называли Ага выступающую из моря скалу*); они называли также Arges (агх - "укрепление на высоком месте") сильные по положению места. Так, во времена вернувшегося варварства по госсе (отвесные и обрывистые скалы) впоследствии стали называть госше - крепости, а затем и замки синьоров. Совершенно так же слово ага должно было распространяться на весь округ каждого героического города, который, как выше было отмечено, назывался агер в смысле границ с чужестранцами и territorium в смысле юрисдикции над гражданами. Относительно всего этого у нас есть одно золотое место у Тацита, там, где он описывает Ага Махима Геркулеса в Риме; (*при обширности земель это должно было бы быть достаточно широкое и длинное поле*) мы приведем это место полностью, так как оно в высшей степени важно для подтверждения нашего Основания: Igitur a foro boario, ubi aereum tauri simulacrum adspicimus, quia id genus animalium aratro subditur, sulcus designandi oppidi coeptus, ut magnam Herculis Aram amplecteretur⁵³⁹. Другое такое же золотое место - у Саллюстия, где он повествует о знаменитой Ага братьев Филенов, сохранившейся в качестве границы между Карфагенской Империей и Киренаикой⁵⁴⁰.

Такого рода Агае заполнена вся Древняя География. Начнем с Азии. По наблюдениям Целлария в его "Античной Географии", все города Сирии назывались Агае - в начале или в конце имен собственных; поэтому и сама Сирия называется "Арамея" или "Арамия". В Греции Тезей основал город Афины тем, что установил алтарь Несчастных, совершенно правильно считая несчастными людей незаконных и безбожных, которые от драк гнусной Общности перебежали на Сильные Земли Сильных, как мы говорили выше, совершенно одинокие, слабые и нуждающиеся во всех благах, произведенных культурой для Благочестивых. Поэтому у Греков слово **ἄρα** значило также и "обет", как мы говорили выше. На таких первых агае (алтарях) Язычества первыми жертвами (называемыми, как мы видели выше, Saturni hostiae), пер-

выми **ἀνάθηματα** (в переводе на латинский язык - *Diris devoti*) были безбожные насильники, осмелившиеся вступить на вспаханные земли Сильных для преследования слабых, которые, спасаясь от насильников, прибегали на поля (от латинского *campus* - "поле", - может быть, произошло итальянское *campare* - "спасаться"); здесь Сильные посвящали их Весте и убивали; от этого у Латинян осталось слово *supplicium*, означающее и "наказание" и "жертва" (наряду с другими этим словом пользуется и Саллюстий⁵⁴¹). Таким значениям слов у Латинян вполне соответствуют Греческие значения: у последних слово **ἄρα**, как было сказано, значит *votum* - "обет", но оно обозначает также и поха, т.е. тело, нанесшее вред, и богинь мщения, т.е. тех же Фурий. Именно такие первые "виноватые" и были первыми обреченными по обету (как мы только что сказали и как подробнее будем говорить в Книге IV): их посвящали Фуриям и потом приносили в жертву на этих Первых Алтарях Язычества. Таким образом, слово *haga*, дошедшее до нас в значении "хлев", у Древних Латинян должно было значить "жертва": от него, несомненно, происходит слово *haruspex* - "Предсказатель по внутренностям жертв", убитых перед алтарями.

В силу только что сказанного об *Ara Maxima* Геркулеса, Ромул должен был основать Рим на Алтаре - *Ara*, похожем на алтарь Тезея, - в глубине Убежища, открытого в Роще; ведь римляне никогда не упоминали о *lucus* - "священной роще", если там не возвышался какой-нибудь алтарь какому-нибудь божеству. Соответственно тому, что Ливии¹² говорил нам выше в общей форме (Убежища были *vetus urbes condentium consilium*), для нас вскрывается Причина, почему столь часто в Античной Географии встречаются города с названием *Ara*; поэтому же мы должны признать, что Цицерон с полным знанием такой Древности назвал Сенат *Ara Sociorum*⁵⁴²: ведь Сенату Провинции приносили для ревизии жалобы на алчных управителей, напоминая тем самым о происхождении этих первых в мире *socii* (союзников). - Мы уже показали, что *Агае* назывались Героические Города в Азии, а в Европе - в Греции и Италии. В Африке остается (по Саллюстию) знаменитая *Ara* братьев Филонов, упоминавшаяся немногим выше. На Севере Европы до сих пор называют *Агае Cicolii*⁵⁴³ в Трансильвании города, населенные древнейшей нацией Гуннов, состоящих исключительно из благородных земледельцев и пастухов (они вместе с Венграми и Саксонцами образуют эту провинцию). В Германии (по Тациту) известна *Ara Ubiorum*⁵⁴⁴. В Испании все еще во многих названиях сохраняется *Ara*.

На сирийском языке слово *agi* значит "лев", а мы выше в Естественной Теогонии двенадцати *Dii Majores*, показали, что по защите Алтарей (*Arae*) родилась у Греков идея Марса, который называется у них **Ἄρης**: соответственно этому представлению о силе во времена вернувшегося варварства многие города и благородные дома помещали львов на свои Гербы. Слово *ага* (и по звукам, и по значению столь единообразное у многочисленных наций, отделенных друг от друга огромнейшими расстояниями и промежутками времени и различающихся по обычаям) должно было

дать Латинянам слово aratrum - "плуг", кривую часть которого они называли urbs - "город"; от того же слова должно было происходить arx - "укрепление на возвышенном месте", "кремль", и arceo - "отражаю" (отсюда же - ager arcifxnius у авторов, писавших de limitibus agrorum - "о границах полей"). От ara должны были произойти, кроме того, также и слова arma - "оружие" и arcus - "лук", соответственно итальянскому представлению о силе, "оттягивающей назад" [итальянское arretrare] и удерживающей на далеком расстоянии всяческую обиду. *Также породило, может быть, у Итальянцев Герольда (araldo), который своей священной персоной оттягивает назад (arreta) всякую вражескую силу.*

Итак, мы доказали, что Поэтическая Мудрость заслуживает двух следующих высших похвал. Одна из них ей, безусловно, и постоянно воздавалась, а именно - что она основала Человеческий Род Язычества; два вида тщеславия, - во-первых - наций, во-вторых - ученых, первый со своей идеей о мнимом величии, второй со своей идеей о назойливой Философической Мудрости, - скорее лишали Поэтическую Мудрость этой похвалы, хотя они и желали утверждать ее. Вторая похвала, сохраненная нам только в Народном Предании, состоит в том, что Мудрость Древних создавала своих Мудрецов одинаково великими в едином духе и как философов, и как законодателей, и как полководцев, и как историков, и как поэтов, - почему она и была так желанна. Однако она их создавала - или, скорее, набрасывала - такими, какими мы их нашли в Мифах. В последних, как бы в зародыше или матке, нужно вскрыть зачатки всей Тайной Мудрости. Таким образом, можно сказать, что этими Мифами посредством человеческих чувств нации написали в сознании Основы Мира Наук который впоследствии посредством рассуждений и максимум был разъяснен индивидуальной рефлексией Ученых. В силу всего этого мы получили теперь то, что и должна была доказать эта Книга: что Поэты-Теологи были чувством, а Философы - интеллектом Человеческой Мудрости. *Тем самым показано, как мало или даже совсем ничего истинного не было сказано до сих пор об Основах Божественного и Человеческого Знания, во всех составляющих его частях; и хотя вполне научно приводились места из поэтов, философов, историков, грамматиков, все же они кажутся общими местами, как только мы захотим испытать их с обеих противоположных сторон всей Научной проблематики; таким образом, оказывается, что они были до сих пор материалом без определенного отпечатка характерной формы.*

Книга третья. ОБ ОТКРЫТИИ ИСТИННОГО ГОМЕРА

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей Книге мы показали, что Поэтическая Мудрость была Простонародной Мудростью народов Греции, сначала - Поэтов-Теологов, потом - Героических Поэтов; из этого неизбежно следует, что и Мудрость Гомера ничем не отличалась от этой Простонародной Мудрости; однако, поскольку Платон оставил нам глубоко укоренившееся мнение о том, что Гомер был вооружен будто бы возвышенной Тайной Мудростью⁵⁴⁵ (в чем за Платоном следовали на всех парусах и другие Философы, в первую очередь Плутарх⁵⁴⁶, написавший об этом целую книгу), постольку здесь мы, в частности, займемся исследованием того, был ли вообще Гомер Философом; по поводу такого сомнения также целую книгу написал Дионисий Лонгин, упомянутый Диогеном Лаэртским в "Жизнеописании Пиррона"⁵⁴⁷.

О ТАЙНОЙ МУДРОСТИ, приписывавшейся до сих пор Гомеру

Следует допустить только то, что допустить во всяком случае необходимо: Гомер должен был стоять на уровне совершенно простонародных чувств, а потому и простонародных нравов Греции, в его времена еще совершенно варварской, ибо такие простонародные чувства и такие простонародные нравы дают подлинный материал Поэтам. Поэтому следует также допустить то, о чем рассказывает сам Гомер: что Богов ценили по их силе; так, например, своею величайшею силой Юпитер хочет доказать (в Мифе о великой Цепи), что он - Царь людей и Богов, как мы отметили выше. На основе таких простонародных взглядов Гомер изображает, как вполне вероятное, что Диомед с помощью Минервы ранит Венеру и Марса; эта же Минерва в распре богов обнажает Венеру и ранит Марса, бросив в него камень: вот в какой мере Минерва народных верований была Богиней Философии! И как хорошо она пользуется оружием, достойным Мудрости Юпитера! Следует также допустить рассказ Гомера о бесчеловечном обычае делать отравленные стрелы (авторы, писавшие о Естественном Праве Народов, утверждают, что этого обычая нации придерживались всегда; однако он существовал также и среди в высшей степени варварских греческих народов, которым приписывалось распространение культуры в мире): поэтому Улисс отправляется в Эфиру за ядовитыми травами. Гомер рассказывает также об обычае оставлять непогребенными убитых в сражении врагов на съедение воронам и собакам; поэтому так трудно было несчастному Приаму выкупить труп Гектора у Ахилла, который в течение трех дней волочил обнаженный труп за своей колесницей вокруг стен Трои. Таким образом, если цель Поэзии - укрощать свирепость простонародья, и если учителя его - Поэты, то Гомер не был человеком мудрым в этом смысле, так как он не стал бы такими дикими чувствами и обычаями пробуждать в простонародье удивление, а тем самым услаждать его и посредством наслаждения еще больше укреплять эти обычаи и чувства. Он не был мудрым человеком, когда пробуждал в грубом простонародье удовольствие от ругани Богов, не говоря уже о Героях: так, например, в "Распре Богов" мы читаем, что Марс называет Минерву "песья муха"; Минерва наносит удар Диане; Ахилл и Агамемнон, первый - величайший

из героев Греции, второй - Глава Греческого Союза, и оба - Цари, называют друг друга собаками, а так едва ли стали бы теперь говорить даже персонажи слуг в Комедиях. Но, Бог мой! какого другого названия, как не глупость, заслуживает мудрость Гомерова предводителя, Агамемнона? Он принужден был Ахиллом выполнить свой долг и вернуть Хрисеиду ее отцу Хрису, жрецу Аполлона, так как этот Бог за такое похищение наслал язву на греческое войско в виде жесточайшей чумы; и считая, что он здесь чем-то поступился, Агамемнон думает восстановить свою честь путем такой справедливости, которая вытекает из такой же мудрости: он несправедливо отнимает Брисеиду у Ахилла, носящего в себе судьбу Трои, и если бы разочарованный Ахилл ушел со своими людьми и своими кораблями, то что сделал бы Гектор с остатками Греков, спасшимися от чумы? Таков Гомер, которого до сих пор считали установителем греческого Благоденствия, т.е. Цивилизации! А ведь с этого события начинается та нить, из которой он сплетает всю "Илиаду" с главными Персонажами в виде такого Предводителя и такого Героя, какими мы видели Ахилла в главе "О Героизме первых народов"! Таков Гомер, недостижимый творец Поэтических Характеров, как мы покажем ниже, раз уже два самые великие из них столь мало подходят к нашей Человеческой Гражданской Природе! Однако они в высшей степени соответствуют героической Природе, как было сказано, щепетильной в вопросах чести. Что же можем мы сказать дальше о его Героях, которым настолько приятно вино, что в случае душевных огорчений они находят утешение только в том, что напиваются, и прежде всех других - мудрый Улисс? Такие утешения поистине достойны Философа!

Скалигер показал, что почти все сравнения Гомер берет из мира зверей или лесов; однако следует допустить, что это было необходимо Гомеру для того, чтобы сделать себя более понятным народу дикому и лесному; а так как ему это настолько удалось, что его сравнения несравненны, то они принадлежат, несомненно, уму невоспитанному и не просвещенному какой-либо Философией. Не могла также зародиться в душе очеловеченной и разжалобленной какой-нибудь Философией та лютость и дикость стиля, с которым Гомер описывает столь многочисленные и разнообразные кровопролитные сражения, многочисленные и разнообразные способы странных и жестоких видов убийства, составляющих главным образом всю возвышенность "Илиады". Кроме того, то постоянство, которое основывается и закрепляется изучением Мудрости Философов, не могло изобрести столь легкомысленных Богов и Героев: одни из них при каждом доводе, приводящем противоположные соображения, успокаиваются и стихают, хотя только что были взволнованы и потрясены. Другие в пылу самого неистового гнева, вспоминая что-нибудь жалостливое, раздражаются жесточайшими слезами. (Совершенно так же из времен вернувшегося варварства Италии, в конце которого выступил Данте, Тосканский Гомер, воспевавший только исторические факты, у нас есть сообщение, что Кола ди Риенцо⁵⁴⁸ - его Жизнеописание, как мы говорили выше, живо изображает такие же нравы, как нравы Героев Греции в рассказах Гомера - разливается в безудержных слезах при упоминании о

несчастном положении Рима тех времен, когда он был подавлен могущественными, - и сам Кола ди Риенцо и те, кто с ним рассуждал на эту тему). Третьи, наоборот, мучимые величайшим горем, совершенно забывают свои несчастья, если им предстоит что-нибудь радостное, как, например, мудрому Улиссу - трапеза у Алкиноя, и целиком предаются веселью. Четвертые, совершенно тихие и спокойные, при невинном слове кого-нибудь другого, если оно приходится им не по нраву, так обижаются и впадают в такой слепой гнев, что угрожают сказавшему немедленной и ужасной смертью: таков Ахилл, принимающий в своем шатре Приама (который ночью, под руководством Меркурия, пришел к нему совершенно один через лагерь Греков, чтобы выкупить труп Гектора, как мы говорили об этом в другом месте) и допускающий его к своему столу; и из-за одного не понравившегося ему слова сожаления о столь доблестном сыне, которое непреднамеренно сорвалось с уст несчастнейшего отца, Ахилл забывает самые священные законы гостеприимства и отбрасывает оказанное ему доверие (ведь Приам пришел к нему совершенно один, так как полагался лишь на него одного); он ничуть не растроган многочисленными и тяжкими несчастьями этого Царя, состраданием к этому Отцу, почтением к этому старцу; он совершенно не задумывается об общей судьбе, которая больше всего другого может вызвать сочувствие, - наоборот, он впадает в животный гнев и угрожает раздробить Приаму голову. И в то же самое время он безбожно упрямится, не желая простить личную обиду, нанесенную ему Агамемноном (ведь если даже обида эта и очень серьезна, все же несправедливо было мстить за нее разорением своей родины и гибелью всей своей нации); и он, носящий в себе судьбу Трои, радуется тому, как погибают Греки, жестоко избиваемые Гектором; ни сострадание к родине, ни слава нации не побуждают его прийти к ним на помощь, и он приносит ее в конце концов только для того, чтобы утолить свое личное горе, когда Парис⁵⁴⁹ убил его любимого Патрокла. А об отнятой у него Брисеиде он продолжает беспокоиться даже после своей смерти, до тех пор пока несчастная и прекраснейшая царственная девушка Поликсена из разоренного дома еще недавно богатого и могущественного Приама, ставшая несчастной рабыней, не была принесена в жертву на его могиле и не напоила его жаждущий мщения прах последней каплей своей крови. Не говорим уже вовсе о том, что совершенно непонятно, как мог серьезный и привыкший мыслить Философ заниматься придумыванием тех многочисленных бабьих сказок для детей, которыми Гомер наполнил другую свою поэму - "Одиссею".

Такие нравы, грубые, невоспитанные, свирепые, дикие, непостоянные, неразумные или неразумно-упрямые, легкомысленные и глупые, какими мы их показали в Книге II, в "Короллариях о Героической Природе", могут принадлежать только людям, по слабости ума - почти что детям, по силе воображения - как бы женщинам, по пылу страстей - как бы самым неистовым юношам. Поэтому приходится отрицать у Гомера всякую Тайную Мудрость. Все рассмотренное здесь - материал, из которого начина-

ют возникать сомнения, ставящие нас в необходимость произвести Исследование об Истинном Гомере.

О РОДИНЕ ГОМЕРА

Такова была предполагавшаяся до сих пор Тайная Мудрость Гомера. Теперь коснемся его Родины, о которой спорили почти все города Греции, причем не было недостатка и в таких мнениях, которые хотели сделать Гомера Итальянским Греком (над доказательством этого напрасно трудился Леоне Алаччи, "De Patria Homeri"). Но так как у нас нет, конечно. Писателя более древнего, чем Гомер (как это решительно утверждает Иосиф Флавий против Грамматика Апиона), и так как Писатели появились лишь через много лет после него, то мы принуждены при помощи нашей Метафизической Критики открыть истину и относительно века и относительно Родины Гомера, рассматривая его как Создателя Греческой Нации, каким его и считали до сих пор.

Гомер, автор "Одиссеи", происходил, несомненно, из западной Греции, и притом с юга. Это удостоверяет нам то золотое место⁵⁵⁰, где Алкиной, царь Феакийцев (ныне остров Корфу), предоставляет собирающемуся уезжать Улиссу хорошо оснащенный корабль своих подданных, которые, как он говорит, настолько опытные моряки, что они могли бы, если ему понадобится, довести его до Эвбеи (ныне Негропонта): те, кому случайно пришлось ее увидеть, говорили, что она очень далека (как бы Ultima Thule греческого мира). Это место с очевидностью показывает, что Гомер, автор "Одиссеи", отличен от автора "Илиады", так как Эвбея не слишком далека от Трои, которая находилась на восточном берегу Босфора Фракийского, почему ее и называли "Землей Слепых": она была основана в очень неудачном месте, тогда как неподалеку противоположный берег, где находился Константинополь, чрезвычайно приятен. Кроме того, во времена Гомера Греки под Троей назывались Ахейцами (по ним была названа Ахайя), и так как впоследствии это название распространилось повсюду, то это значит, что там собралась в союзе ради этой войны вся Греция, как говорилось выше.

И несомненно, у Сенеки⁵⁶¹ мы читаем, что среди Греческих Грамматиков был знаменит вопрос о том, принадлежали ли "Илиада" и "Одиссея" одному и тому же Автору. Спор греческих городов за честь иметь Гомера своим гражданином происходит оттого, что почти каждый из них замечал в его Поэмах свои простонародные слова, способы выражения и диалектные особенности: сказанное здесь послужит нам для Открытия Истинного Гомера. Совершенно аналогичное этому произошло и с Данте⁵⁵². Совершая ошибку, какую делали также и мы, до сих пор полагали, что он собирал у всех народов Италии речения для своей "Комедии"; но для Данте не хватило бы и многих жизней, чтобы иметь наготове для каждого отдельного

случая ту массу речений, из которых он komponует свою "Комедию". В действительности же дело происходило так: когда через триста лет Флорентийцы занялись разбором своего языка и когда они заметили у Данте множество таких речений, авторов которых они не могли найти во Флоренции, но видели, что они рассеяны по народам Италии (соответственно очень много таких речений еще живет среди нашего неаполитанского плебса, еще больше — в наших окрестностях, и чрезвычайно много — в наших провинциях), тогда они впали в указанную ошибку, не замечая того, что когда Данте пользовался этими речениями, они должны были существовать также и во Флоренции: ведь Данте должен был пользоваться языком, понятным всей Италии вообще.

О ВЕКЕ ГОМЕРА

О Веке Гомера нам свидетельствуют следующие места из его Поэм.

I. Ахилл на похоронах Патрокла показывает почти все те виды игр, которые впоследствии на Олимпийских играх устраивала самая культурная Греция.

II. Были уже открыты Искусства Литья в низком рельефе и Резьбы по металлам, что помимо всего другого доказывает щит Ахилла, как мы видели выше; Живопись не была еще изобретена, так как Литейное искусство абстрагирует поверхности с некоторой выпуклостью, искусство Резьбы делает то же самое с некоторой углубленностью. Живопись же абстрагирует абсолютные поверхности, что представляет собою самую трудную работу ума: поэтому ни Гомер, ни Моисей не упоминают о вещах живописных - доказательство их Древности!

III. Изысканность садов Алкиноя, величие его дворца и великолепие его стола доказывают нам, что Греки восхищались уже пышностью и роскошью.

IV. Финикияне уже привозили на греческие берега слоновую кость, пурпур, аравийские курения, которыми благоухает грот Венеры; кроме того, ткань, которая тоньше сухой оболочки соломины, вышитые одежды; одно из таких одеяний было среди подарков женихов Пенелопе: оно держалось на тонких и нежных приспособлениях в виде крючков, которые распускали складки в широких местах и суживали в узких⁵⁵³, - изобретение, достойное изнеженности наших времен!

V. Колесница Приама, в которой он приезжает к Ахиллу, сделана из кедра; пещера Калипсо также полна благоуханиями: такого вкуса к чувственным наслаждениям не понимало римское представление об удовольствиях до тех пор, пока Римляне не стали безумно растрачивать свои имущества в роскоши при Неронах и Гелиогабалах.

VI. Описываются чрезвычайно утонченные купания Цирцеи.

VII. Слуги Женихов прекрасны, изящны и белокуры, - именно таких стремятся иметь приятности ради при наших современных нравах.

VIII. Мужчины, как и женщины, заботятся о своих длинных волосах, за что Гектор и Диомед упрекают изнеженного Париса.

IX. Гомер рассказывает, что его Герои всегда питаются жареным мясом; эта пища наиболее проста и непритязательна по сравнению со всякой другой, так как для ее приготовления не нужно ничего, кроме угля. Обычай употребления этой пищи сохранился впоследствии в жертвоприношениях: Римляне называли *proscicia* мясо жертвенных животных, зажаренное на алтарях, - потом его резали, чтобы раздать приглашенным; впоследствии его поджаривали, как и простое мясо, на вертеле; поэтому, когда Ахилл угощает Приама, он сам рассекает ягненка, - его поджаривает Патрокл⁵⁶⁴, - приготовляет стол и ставит на него хлеб в корзинах, так как Герои не устраивали пиров, которые не были бы в то же время жертвоприношениями, когда Герои являлись одновременно и Жрецами (у Латинян сохранилось слово *epulae*, т.е. пышные обеды, устраивавшиеся по большей части людьми значительными; и слово *epulum* - общественный пир для народа, и священная трапеза, за которой пировали Жрецы, называвшиеся *Epulones*⁵⁵⁵); поэтому Агамемнон сам закалывает двух ягнят и таким жертвоприношением освящает военный договор с Приамом; таким образом, тогда было величественной идеей то, что теперь нам кажется приличествующим мяснику! Позднее должно было появиться вареное мясо, для приготовления которого, кроме огня, необходимы также вода и котел, а вместе с тем и треножник (вареным мясом Вергилий заставляет питаться своих Героев; они у него также жарят мясо на вертеле). В конце концов появилась приправленная пища, для которой помимо всего сказанного необходима также и приправа. Вернемся теперь к героическим трапезам Гомера. Хотя самая изысканная пища греческих Героев, по его рассказам, - это мука с сыром и медом, все же он пользуется двумя сравнениями из рыболовства; а Улисс, притворившись бедняком и прося милостыни у одного из Женихов, говорит ему, что Боги гостеприимным Царям, т.е. милосердным к бедным пришельцам, даруют рыбообильные моря, так как рыба придает особенную изысканность трапезам.

X. Наконец, - и это для нас особенно важно, - Гомер, кажется, появился в такие времена, когда в Греции уже пало Героическое Право и начала процветать народная Свобода, так как Герои заключают браки с чужестранками, а незаконные дети принимают участие в наследовании царств; так и должно было происходить: ведь за долго до этого времени Геркулес, окрашенный кровью безобразного кентавра Несса,

впал в неистовый гнев и умер, т.е., как это было разъяснено в Книге II, Героическое Право кончилось.

Итак, если мы только не захотим совершенно отрицать по поводу Века Гомера всех этих свидетельств, собранных из различных мест его же собственных Поэм (и больше не из "Илиады", а из "Одиссеи", которую, по мнению Дионисия Лонгина, Гомер написал уже в старческом возрасте), то мы присоединимся к мнению тех, которые помещают Гомера через много лет после Троянской Войны, т.е. через промежуток времени в четыреста шестьдесят лет, примерно во времена Нумы. И все же мы думаем, что доставляем им удовольствие, если не помещаем Гомера во времена еще более к нам близкие, так как говорят, что Псамметих уже после Нумы открыл Египет Грекам, которые (на основании бесчисленных мест из "Одиссеи") уже задолго до этого открыли в своей Греции торговлю с Финикиянами, и греческие народы уже не меньше наслаждались ею, чем финикийскими товарами, как и теперь Европейцы наслаждаются товарами из Индии. Таким образом, со всем этим согласуются два следующие обстоятельства: Гомер не видел Египта, но он очень много рассказывает и о Египте, и о Ливии, и о Финикии, и об Азии, и особенно об Италии и Сицилии - по сообщениям, какие Греки получали от Финикиян.

Однако, мы не видим, чтобы эти многочисленные стороны утонченных нравов хорошо согласовались с многочисленными проявлениями свирепости и дикости, которые Гомер в то же самое время приписывает своим Героям, в особенности в "Илиаде". Таким образом, *ne placidis coeant immitia*⁵⁵⁶; кажется, что эти Поэмы разрабатывались и были завершены в течение долгого времени и многими руками. Итак, вследствие сказанного здесь возрастают те сомнения о Родине и о веке мнимого Гомера, которые понуждают нас к Исследованию об Истинном Гомере.

О НЕДОСТИЖИМОЙ ПОЭТИЧЕСКО-ГЕРОИЧЕСКОЙ СИЛЕ ГОМЕРА

Отсутствие какой бы то ни было Философии у Гомера, как мы показали выше, а также сделанные нами открытия относительно его родины и века заставляют нас сильно подозревать, не был ли он вообще человеком совершенно простонародным; это же подтверждает нам следующее замечание Горация в "Ars Poetica": Гораций говорит, что безнадежно трудно после Гомера изобрести совсем новые характеры, т.е. Персонажи Трагедий, почему он и советует Поэтам брать их из Поэм Гомера⁵⁵⁷. Теперь сопоставим эту безнадежную трудность со следующей: Персонажи Новой Комедии как раз выдуманы совершенно наново, и даже по одному афинскому закону Новая Комедия могла появляться на театрах только с новоизобретенными характерами; и Греки так счастливо преуспели в этом, что Латиняне, несмотря на всю свою гордость, отчаялись соревноваться с ними, говоря, по сообщению Фабия Квинтилиана: *cum Graecis de Comoedia non contendimus*⁵⁵⁸.

К этой Горациевой трудности прибавим мы более пространно также и две следующие. Одна из них такова: как это оказалось возможным, что Гомер, появившийся раньше, был неподражаемым Героическим Поэтом, тогда как Трагедия, появившаяся позже, имела столь грубые начатки, как каждый знает и как более подробно мы увидим это здесь ниже? Вторая - каким образом Гомер, появившийся раньше всех Философий и всех Поэтических и Критических Искусств, оказывается самым возвышенным из всех самых возвышенных Поэтов, - какими являются Поэты Героические, - тогда как после, когда уже были открыты и Философии, и Поэтические и Критические Искусства, не было ни одного поэта, который мог бы даже отдаленно сравняться с ним?

Но, все же, оставив в стороне эти две наши трудности, одна лишь трудность, указанная Горацием, в сопоставлении с тем, что мы сказали о Новой Комедии, должна была бы принудить Патрици, Скалигера, Кастельветро и других видных учителей Поэтики исследовать причину такого отличия Гомера от других позднейших поэтов.

Эта причина может быть найдена только в том происхождении Поэзии, которое мы открыли выше в книге "О Поэтической Мудрости", и следовательно, в открытии Поэтических Характеров, единственно заключающих в себе всю сущность этой Поэзии. Ведь Новая Комедия показывает портреты современных нам человеческих нравов; над такими нравами размышляла Сократическая Философия, а потому на основании ее общих максим о Человеческой Морали Греческие Поэты могли (они были глубоко учены в этой философии, например Менандр, по сравнению с которым Латиняне называли Теренция "полу-Менандром"), могли, говорю я, изобретать некоторые блестящие образцы вымышленных людей, блеск и сияние которых может разбудить народ, так как он настолько же восприимчив к сильным примерам, насколько неспособен научиться на рациональных максимах. Древняя Комедия брала истинных субъектов и выводила их такими, какими они были: так, например, злобный Аристофан вывел на сцене добрейшего Сократа и тем уничтожил его. Трагедия же выводит на сцену ненависть, презрение, гнев, героическую месть - следствия возвышенной природы; из них естественно вытекают страсти, язык и действия, носящие характер свирепости, суровости, жестокости, одетые удивлением; и все это в высшей степени согласовано одно с другим и единообразно в своих субъектах. Такую работу Греки могли произвести только в свои Героические времена, в конце которых должен был появиться Гомер. Это доказывается следующим положением Метафизической Критики: Мифы, которые при своем возникновении были вполне точными и сообразными, дошли до Гомера искаженными и испорченными, что можно было наблюдать во всей разобранной выше книге "О Поэтической Мудрости; *(приведем два примера: один из них — это Улисс, горящим бревном выжигающий глаз Полифема⁵⁵⁹; другой — нельзя себе представить ничего еще более непристойного — это Женихи,*

*исключительно цари, наводняющие царский дворец Улисса, на глазах Телемаха пожирающие его имущество в кутежах и оскорбляющие стыдливость Пенелопы*⁵⁶⁰), все эти Мифы первоначально были истинными историями, а (приведем два примера: один из них - это Улисс, горящим бревном выжигающий глаз Полифема⁵⁵⁹; другой - нельзя себе представить ничего еще более непристойного - это Женихи, исключительно цари, наводняющие царский дворец Улисса, на глазах Телемаха пожирающие его имущество в кутежах и оскорбляющие стыдливость Пенелопы⁵⁶⁰), постепенно изменявшимися и портившимися, и, в конце концов, дошедшими до Гомера в таком испорченном виде. Поэтому Гомера следует поместить в третий век Героических Поэтов: первый век изобрел эти мифы как истинные рассказы, - таково первоначальное и собственное значение слова **μῦθος**, которое сами Греки определяли как "истинный рассказ"; во второй век Поэты изменили и испортили Мифы; наконец, третий век, век Гомера, эти испорченные Мифы получил.

Но вернемся к нашей теме. По причине, указанной нами для такого явления, Аристотель в "Поэтике"⁵⁶¹ говорит, что поэтическую ложь изобрел один лишь Гомер: ведь его поэтические характеры, несравнимые в своем возвышенном единстве (чему удивляется Гораций), были фантастическими родовыми понятиями, как мы их определили выше в "Поэтической Метафизике"; с этими поэтическими характерами греческие народы связывали все разнообразные частности, относящиеся к каждому из этих родовых понятий. Например, с Ахиллом, главным персонажем "Илиады", они связывали все свойства Героической Доблести и все чувства и нравы, вытекающие из таких свойств его природы, а именно: обидчивость, щепетильность, склонность к гневу, непримиримость, буйство, которое все свое право полагает в силе, - именно такие свойства собрал Гораций для описания характера Ахилла; а с Улиссом, главным персонажем "Одиссеи", они связывали все свойства Героической Мудрости, т.е. предусмотрительность, терпеливость, притворство, двуличность, склонность к обману, всегдашнюю защиту точного значения слов при безразличии к действиям, чтобы другие сами впадали в ошибки и сами себя обманывали. И обоим этим характерам они приписывали действия, подходящие каждому из этих двух поэтических родов, особенно шумные, которые могли бы побудить и заставить еще глупых и вялых Греков заметить их и относить их к двум поэтическим родам. Поскольку два такие характера создавала вся Нация, постольку они не могли быть созданы иначе, как естественно целостными; в этой целостности, соответствующей здравому смыслу целой Нации, и заключается целостность гармонии, т.е. красоты и прелести Мифа. А так как они были созданы чрезвычайно сильной способностью воображения, то они не могли быть созданы иначе, как возвышенными. От этого остались в Поэзии два следующие вечные свойства: одно из них заключается в том, что поэтически-возвышенное всегда должно быть едино с народным; второе - в том, что те народы, которые первоначально сами выработали эти героические характеры, теперь обра-

щают внимание на человеческие нравы только по поводу шумных характеров, являющихся самыми блестящими образцами.

ФИЛОСОФСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА для Открытия Истинного Гомера

С таким положением дел следует сопоставить следующие Философские доказательства.

I. Во-первых, то, о чем мы говорили выше в Аксиомах⁵⁸²: что люди естественно склонны сохранять воспоминания о тех порядках и тех законах, которые удерживают их в обществе.

II. Ту истину, которую понял Лодовико Кастельветро: что сначала должна зародиться История, а потом - Поэзия (так как История - это простое изъяснение истины, а Поэзия - кроме того, еще и подражание); Кастельветро, человек чрезвычайно остроумный, не умел воспользоваться этой истиной для открытия истинных Оснований Поэзии путем сопоставления ее со следующим философским доказательством, которое мы здесь выставляем в качестве.

III. Поскольку Поэты несомненно существовали прежде простонародных Историков, постольку первая История должна была быть Поэтической.

IV. Мифы при своем возникновении были истинными и строгими рассказами (поэтому **μῦθος** - "сказание" - определяли как "истинный рассказ", о чем мы многократно говорили выше); они зарождались первоначально по большей части грубыми, а потому позже становились несоответствующими, затем они изменялись и вследствие этого становились неправдоподобными, потом - темными, а отсюда и соблазнительными, и, наконец, невероятными: таковы семь Источников трудности Мифов, которые легко можно встретить во всей II Книге⁵⁶³.

V. Мы доказали всей Поэтической Мудростью, и прежде всего двумя отмеченными немногим выше мифами (о горящем бревне Улисса, которым он ослепляет Полифема, и о Женихах Пенелопы), насколько испорченными эти мифы дошли до Гомера.

VI. Поэтические характеры, в которых заключается вся сущность Мифов, возникли из потребности природы, неспособной абстрагировать формы и свойства от предметов; следовательно, они были способом мышления для целых народов, поставленных перед такой природной потребностью, а это происходило во времена их наибольшего варварства; неизменное свойство этих мифов - всегда расширять частные идеи: об этом у нас есть прекрасное место из "Этики" Аристотеля, где он говорит, что люди

недалекие из каждой частности делают максимум⁵⁶⁴; в этих словах должна заключаться причина того, почему человеческое сознание, - а оно бесконечно, - будучи стеснено сильными чувствами, может проявить свою почти, что божественную природу только в том, чтобы расширять посредством фантазии такие частности; поэтому же, может быть, у греческих, а равно и у латинских Поэтов образы, как Богов, так и Героев всегда превосходили размеры человека; а во времена вернувшегося варварства живописные изображения, в особенности Бога-Отца, Иисуса Христа, Девы Марии, были чрезмерно велики.

VII. Так как у варваров отсутствует рефлексия, которая при плохом пользовании ею становится матерью лжи, то первые Латинские Героические Поэты воспевали истинные Истории, т.е. Римские войны; и во времена вернувшегося варварства вследствие такой его природы тогдашние Латинские Поэты не воспевали ничего другого, кроме Историй: таковы Гунтерус, Гульельмо Пульезе и др.; и авторы Романсов тех времен думали, что пишут истинные Истории; поэтому же Боярдо и Ариосто, появившиеся в просвещенные Философией времена, заимствовали персонажи своих Поэм из Истории Турпина, архиепископа Парижского. Под влиянием той же самой природы варварства, которое из-за недостатка рефлексии неспособно выдумывать, почему оно и было естественно искренним, откровенным, правдивым, благородным и великодушным, - под влиянием всего этого сам Данте, хоть он и был очень сведущ в самой высокой Тайной Науке, выводит в своей "Комедии" Истинные Лица и Истинные Деяния умерших. Поэтому он и назвал свою Поэму "Комедией", - ибо такова была Древняя Комедия Греков, которая, как мы выше сказали, выводила на сцену действительно существовавшие лица. В этом Данте был похож на Гомера "Илиады", которую Дионисий Лонгин называет целиком Драматической, т.е. репрезентативной, тогда как "Одиссея" целиком повествовательна⁵⁶⁵. Также и Франческо Петрарка, несмотря на свою необыкновенную ученость, все же по-латыни воспевал Вторую Пуническую Войну, а "Триумфы" его, написанные по-тоскански и носящие героический оттенок, - это всего только Собрание Историй. И здесь зарождается блестящее доказательство того, что первые Мифы были Историями: ведь Сатира говорила плохое о лицах не только живых, но даже наиболее известных. Трагедия избирала в качестве своего предмета Персонажи Поэтической Истории, Древняя Комедия выводила на сцену знаменитые живые Персонажи, Новая Комедия, зародившаяся во времена наиболее развитой рефлексии, в конце концов изобретала Персонажи совершенно наново; совершенно так же на итальянском языке Новая Комедия воскресла только тогда, когда начался поразительно ученый шестнадцатый Век. Ни у Греков, ни у Латинян никогда не был изобретен наново такой персонаж, который стал бы главным субъектом трагедии. Вкус простонародья серьезно подтверждает нам это тем, что он не желает Музыкальных Драм с трагическими сюжетами, если они не заимствованы из Истории; и в то же время он принимает вымышленные сю-

жеты Комедий, так как они носят характер личный, а потому и неизвестный, и простонародье легко верит их истинности.

VIII. Если такими были Поэтические Характеры, то их поэтические аллегории необходимо и единообразно должны были заключать в себе исторические значения из первых времен Греции, как это было доказано выше всей Поэтической Мудростью.

IX. Такие Истории должны были естественно сохраняться в воспоминаниях Общины народов - согласно первому только что упомянутому философскому доказательству: как бы Дети наций, народы должны были обладать поразительно сильной памятью. И это - не без божественной предусмотрительности, так как до времен Гомера и даже некоторое время после него не были еще изобретены Простонародные Письмена, как мы это многократно слышали выше от Иосифа Флавия против Апиона. При такой человеческой необходимости народы, которые почти целиком были телом и почти совершенно лишены были рефлексии, обладали чрезвычайно живыми чувствами для ощущения частностей, сильной фантазией для восприятия и расширения последних, острым умом для сведения их к соответствующим фантастическим родам и крепкой памятью для их удержания: эти способности, правда, принадлежат сознанию, но все они корнями своими уходят в тело и от тела берут свою силу. Поэтому память - то же самое, что фантазия, почему она и называется *memoria* у Латинян; так, например, у Теренция мы находим *memorable* в смысле вещи, которую можно вообразить себе; Латиняне обычно говорили *comminisci* вместо "выдумать", что характерно для фантазии, - отсюда *commentum*, т.е. выдумка, с другой стороны, *meinoria* значит также и "ум" у того же Теренция: там, где Парменону нужна *Muscida* для того, чтобы устроить ловушку, он говорит ей: *Nunc, Mysis, mihi opus est tua exrompta memoria*⁵⁶⁶. С другой стороны, "фантазия" по-итальянски значит также и *ingegno* ("гений", "ум"): так, во времена вернувшегося варварства говорили uomo fantastico - "человек с фантазией" вместо uomo d'ingegno - "умный" или "талантливый человек"; таким был Кола ди Риенцо, по словам современного автора, написавшего его "Жизнь". Таким образом, нужно различать следующие три вида: память, поскольку она сохраняет вещи, фантазию, поскольку она изменяет вещи и подражает им, ум, поскольку он переворачивает их и располагает в некотором соответствии и порядке; поэтому Поэты-Теологи называли Память матерью Муз.

X. Следовательно, Поэты должны были быть первыми Историками Наций; именно здесь Кастельветро не сумел воспользоваться своими собственными словами для того, чтобы открыть истинные Основания Поэзии: и он и все другие, размышлявшие на эту тему, начиная с Аристотеля и Платона, могли легко заметить, что у всех Языческих Историй - мифические начала, как мы предположили в Аксиомах и доказали в книге "О Поэтической Мудрости".

XI. Смысл Поэзии доказывает, что никому невозможно стать одинаково возвышенным Поэтом и Метафизиком: ведь Метафизика абстрагирует сознание от чувств, а Поэтическая Способность должна погрузить все сознание в чувства; Метафизика возвышается до универсалий, а Поэтическая Способность должна углубиться в частности.

XII. В силу выставленной выше Аксиомы⁵⁶⁷: в каждой Способности может преуспеть при помощи техники тот, кто не склонен к ней по природе, но в Поэзии совершенно невозможно тому, кто не склонен по природе, преуспеть при помощи техники, - в силу этого Искусства Поэтики и Искусства Критики служат только для того, чтобы воспитать талант, но не могут сделать его великим, так как утонченность - это малая добродетель, а величие по самой своей природе пренебрегает всем малым: великий разрушительный поток не может не нести с собою мутную воду и не переворачивать камни и стволы своим стремительным течением; поэтому так называемые "низкие вещи" столь часто встречаются у Гомера.

XIII. Но из этого не следует, что Гомер перестает быть Отцом и Царем всех возвышенных Поэтов.

XIV. Так как мы слышали, что Аристотель считает недостижимой ложь Гомера; и совершенно также Гораций считает неподражаемыми его характеры.

XV. Гомер возвышен, как никто, в поэтических сентенциях (как мы показали в "Королляриях о Героической Природе", в Книге II), которые должны быть представлениями об истинных страстях или же силою огненной фантазии должны быть созданы такими, чтобы мы чувствовали их истинность; для этого они должны быть индивидуализированы в тех, кто их чувствует; поэтому мы и определили выше, что житейские максимы, поскольку они всеобщы, являются сентенциями Философов, а рефлексия о страстях принадлежит ложным и холодным Поэтам.

XVI. Поэтические сравнения с вещами дикими и лесными, как мы выше отметили, совершенно несравненны у Гомера.

XVII. Свирепость Гомеровых битв и смертей, как мы видели выше, составляет все поразительное величие "Илиады".

XVIII. Однако такие сентенции, такие сравнения, такие описания, как мы доказали выше, не могли быть естественными у спокойного, образованного и кроткого Философа.

XIX. Нравы Гомеровых Героев - это нравы детей - по легкомыслию ума, женщин - по силе фантазии, неистовых юношей - по пламенному кипению гнева, как это было показано выше: следовательно, невозможно было Философу выдумать их с такою естественностью и так удачно.

XX. Глупости и несообразности (как это было здесь выше доказано) являются следствием бессилия выразить себя при крайней бедности языка, когда греческие народы вырабатывали еще свой язык в период его становления.

XXI. Даже если бы у Гомера и были самые возвышенные мистерии Тайной Мудрости (чего на самом деле нет, как мы доказали в книге "О Поэтической Мудрости"), то все же так, как они звучат, они не могли быть представлениями ума ясного, придерживающегося порядка, и серьезного, какой подобает Философу.

XXII. Поэтическая Речь, как мы видели выше в Книге II, в главе "О Происхождении Языков", была речью посредством подобий, образов, сравнений, порожденной бедностью родовых и видовых понятий, которые необходимы для правильного определения вещей: следовательно, эта речь была порождена природной необходимостью, общей для целых народов.

XXIII. Вследствие природной необходимости (как уже было сказано в Книге II) первые нации говорили героическим стихом; также и здесь следует удивляться Провидению: в то время, когда еще не были изобретены буквы Простонародного Письма, нации говорили в стихах, которые метрами и ритмами помогают памяти наиболее легко сохранить их Семейную и Гражданскую Историю. .

XXIV. Такие Мифы, такие сентенции, такие нравы, такой язык, такие стихи назывались героическими; они процветали в те времена, в которые История собрала нам Героев (как это было полностью показано выше в Книге "О Поэтической Мудрости").

XXV. Итак, все вышеперечисленное было свойственно целым народам, и следовательно, оно было общим для каждого отдельного человека в этих народах. *Обратно тому, Тайная мудрость, свойственная отдельным людям, не может быть общей для целых народов.*

XXVI. Однако, так как из этой природы вытекали все перечисленные выше свойства, которые сделали Гомера величайшим из Поэтов, то мы отрицали, что Гомер был Философом.

XXVII. Кроме того, мы доказали выше, в Книге "О Поэтической Мудрости", что смысл Тайной Мудрости был вложен в Гомеровы Мифы Философами, появившимися позднее.

XXVIII. Но так как Тайная Мудрость может принадлежать лишь немногим отдельным людям, то гармония поэтических героических характеров (в чем заключается вся сущность Героических Мифов) не может быть теперь достигнута людьми, как бы они ни были сведущи в Философии и в Искусствах Поэтики и Критики; именно ради этой гармонии Аристотель прославляет Гомера, как недостижимого в своей лжи; то же самое говорит Гораций, признавая неподражаемость его характеров.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА для Открытия Истинного Гомера

К этим многочисленным Философским Доказательствам, полученным, по большей части, при помощи Метафизической Критики основателей языческих наций (в число последних следует включить и Гомера, так как у нас, во всяком случае, нет более древнего по сравнению с ним светского писателя, как это решительно утверждает Иосиф Флавий), теперь присоединяются следующие Филологические Доказательства.

I. Все Древние Светские Истории имеют мифические начала.

II. Варварские народы, замкнутые от всех других наций мира, например Древние Германцы и Американцы, сохраняли в стихах начала своей Истории, - соответственно тому, что мы видели выше.

III. Человеческую историю начали писать Поэты.

IV. Как и во времена вернувшегося варварства, Латинские Поэты писали Историю.

V. Манетон, верховный египетский первосвященник, возвел древнейшую Египетскую Историю, написанную иероглифами, к возвышенной Естественной Теологии.

VI. А в книге "О Поэтической Мудрости" мы доказали, что тоже самое сделали Греческие Философы с древнейшей Историей Греции, рассказанной посредством Мифов.

VII. Поэтому выше, в книге "О Поэтической Мудрости", мы должны были придерживаться пути, совершенно противоположного тому, каким шел Манетон, и вместо мистических значений восстановить в Мифах их прирожденные исторические значения; а те естественность и легкость, без насилия, ухищрений и искажений, с которыми

нам удалось это сделать, доказывают подлинность содержащихся в Мифах Исторических Аллегорий.

VIII. Серьезным доказательством этому является следующее: Страбон⁵⁶⁸ в одном золотом месте утверждает, что еще до Геродота и даже до Гекатэя Милетского вся История Народов Греции была написана их Поэтами.

IX. И мы в Книге II доказали, что первые Писатели Наций, как Древних, так и Современных, были Поэтами.

X. Есть два золотых места в "Одиссее"⁵⁶⁹, где, желая похвалить кого-нибудь за хороший рассказ истории, говорят, что он рассказал ее, как Музыкант и как Певец: этими последними были, несомненно, Гомеровы Рапсоды, т.е. люди из простонародья, которые в отрывках сохраняли на память книги Поэм Гомера.

XI. Гомер не записал ни одной из своих Поэм, как это уже много раз решительно утверждал нам Иосиф Флавий Еврей против Апиона, греческого Грамматика.

XII. Рапсоды по частям (один - одно, другой - другое) распевали книги Гомера на ярмарках и праздниках в городах Греции.

XIII. По самому происхождению от двух слов, из которых образовалось слово "Рапсоды"⁵⁷⁰, последние были "сшивателями песен"; но собирали они эти песни не где-нибудь у других, а среди своих же народов; некоторые доказывают, что слово **ὀμηρος**; произошло от **ὀμοῦ**- simul и **εἰπεῖν**- connectere, почему оно и значит "поручитель", так как связывает вместе кредитора и должника; насколько такое понимание происхождения этого слова отдаленно и натянуто, настолько оно удобно и характерно для обозначения нашего Гомера ("**Ὄμηρος**"), который был связывателем, или составителем, Мифов.

XIV. Писистратиды, Афинские тираны, *обосновались в Афинах при помощи характерного искусства: они приручили дикие нации изучением культуры; это же подметил Тацит в следующем изречении из "Жизнеописания Агриколы": последний ввел то же самое в Англию: et humanitas vocabatur, quae pars servitutis erat*⁵⁷¹.

XV. Те же Писистратиды установили, что отныне и впредь Рапсоды должны распевать эти Поэмы на Панафинейских Празднествах, как об этом пишет Цицерон "de Natura Deorum" и Элиан, в чем ему следовал Шеффер.

XVI. Но Писистратиды были изгнаны из Афин немногим раньше, чем Тарквинии из Рима; таким образом, если отнести Гомера ко временам Нумы, как мы доказали вы-

ше, то все же должен был пройти долгий век, в течение которого Рапсоды сохраняли на память Поэмы Гомера. Такое Предание подрывает всякое доверие к другому Преданию, будто Аристарх еще до времен Писистратидов произвел такое очищение, разделение и распределение Гомеровых Поэм, так как этого нельзя было сделать без Простонародного Письма, и тогда не было бы больше нужды в Рапсодах, распевавших эти Поэмы по частям и на память.

XVII. Таким образом, Гесиода, оставившего свои произведения написанными, следует поместить после Писистратидов, поскольку у нас нет свидетельств того, что Рапсоды сохраняли его, как и Гомера, в памяти, и Хронологи с совершенно напрасным прилежанием помещали его на тридцать лет раньше Гомера, если только Гомеровские Рапсоды не были теми самыми Киклическими Поэтами, которые сохраняли всю Мифологическую Историю Греков, начиная с Богов и до возвращения Одиссея на Итаку. Эти Поэты, названные так от слова **κύκλος** - "круг", могли быть только людьми простыми, распевавшими мифы простонародью, собирающемуся в круг по праздничным дням. Может быть, именно этот круг подразумевал Гораций, говоря в "Ars poetica": *vilem patulumque orbem*⁵⁷²; Дасье также был совершенно не удовлетворен Комментаторами Горация, которые переводили это место как "длинные эпизоды". Причина его неудовлетворенности, может быть, заключается в следующем: ведь не обязательно, чтобы длинный эпизод был в то же время и низким (*vilis*); таковы, например, описания наслаждений Ринальдо и Армиды в волшебном саду или рассуждение старого пастуха, адресованное к Герминии; хоть эти эпизоды и длинные, все же они не низки, так как первый приукрашен, а второй тонок и нежен, и оба они благородны. Гораций, указав Трагическим Поэтам, что они должны брать свои сюжеты из Поэм Гомера, предвидит следующую трудность: если поэты будут заимствовать все мифы у Гомера, то вообще больше не будет Поэтов; поэтому Гораций отвечает им, что Эпические Мифы Гомера станут подлинными Трагическими Мифами, если Поэты будут руководствоваться следующими тремя указаниями: во-первых, если они не будут применять длинных парафраз (так, мы постоянно видим, что когда люди читают "Неистового Роланда", или "Влюбленного Роланда", или еще какой-нибудь роман в стихах широким кругом не работающих в праздничный день простолюдинов, то они декламируют каждую строфу, многословно объясняя ее им в прозе); во-вторых, если они не будут верными переводчиками; третье и последнее, наконец, указание заключается в том, что поэты не должны быть рабскими подражателями. Если же они будут следовать тем нравам, которые Гомер приписывает своим Героям, то они из этих самых нравов смогут вывести соответственно другие чувства, другие речи, другие поступки, и таким образом вокруг тех же сюжетов возникнут другие Поэты, подобные Гомеру. В той же "Ars poetica" Гораций называет Киклического поэта уличным и ярмарочным поэтом. Мы читаем, что их обычно называли **Κύκλιοι** и **Ἐγκύκλιοι**, а Сборник их назывался **Κύκλος Ἐπικός, Κύκλια Ἔπη, Ποίημα Ἐγκύκλιον**, а иногда и без прибавления - просто **Κύκλος** (по наблюдению Герарда

Лангбена в его Предисловии-к Дионисию Лонгину). Таким образом, оказывается возможным, что Гесиод, у которого собраны все Мифы о Богах, мог существовать до Гомера⁵⁷³.

XVIII. По той же причине то же самое следует сказать о Гиппократе: он оставил большие произведения написанными, но уже не стихами, а прозой, почему они, естественно, не могли сохраняться на память; поэтому его следует поместить примерно во времена Геродота. *И все же мы считаем, что доставляем ему удовольствие, так как для нации важнее написать свою Историю, чем книги по Медицине: так. Римляне очень поздно получили врачей, а блистательные нации, например Турки, и до сих пор живут без профессоров этого искусства.*

XIX. В силу всего этого Фоссиус слишком легковерно полагал, что опроверг Иосифа Флавия тремя Героическими Надписями - Амфитриона, Гиппокоона и Лаомедонта: все они - обман, аналогичный обману фальсификаторов медалей; Мартин Скоок присоединяется к Иосифу против Фоссиуса.

XX. К этому мы прибавим, что Гомер нигде не упоминает о греческих народных буквах; он говорит, что письмо, написанное Претом Эврию, чтобы погубить Беллерофонта, как мы отметили выше, было написано знаками - отциата.

XXI. Аристарх исправил Поэмы Гомера, и все же в них осталось такое разнообразие диалектов, столько языковых несообразностей, что все они должны считаться разнообразными идиомами народов Греции (не говоря уже о многочисленных вольностоях в размере).

XXII. Родина Гомера неизвестна, как было отмечено выше.

XXIII. Почти все народы Греции хотели иметь его своим гражданином, как мы это также видели выше.

XXIV. Выше были приведены весьма правдоподобные предположения, что Гомер "Одиссеи" происходил из югозападной Греции, а Гомер "Илиады" - из северо-восточной.

XXV. Неизвестен также и его век.

XXVI. Мнения по этому поводу столь многочисленны и настолько различны, что расходятся на четыреста лет, так что одно из этих крайних мнений помещает Гомера во времена Троянской Войны, другое - во времена Нумы.

XXVII. Дионисий Лонгин⁵⁷⁴, не будучи в силах отрицать большое различие в стиле двух Поэм Гомера, говорит, что он юношей сложил "Илиаду", а старцем - "Одиссею". Но как можно знать на самом деле такие частности, если неизвестны два самых важных в Истории обстоятельства: во-первых - время, и во-вторых - место? Но как раз эти обстоятельства Лонгин оставил для нас во мраке, говоря о величайшем свете Греции!

XXVIII. Это должно подорвать всякое доверие к Геродоту или к другому автору (кем бы он ни был) "Жизнеописания Гомера", где рассказано так много прекрасных и разнообразных мелочей, что они заполняют целый том; а в том "Жизнеописании", которое написал Плутарх, последний, как философ, говорит о Гомере чрезвычайно сдержанно.

XXIX. Может быть, Лонгин потому высказал свое предположение, что Гомер описывает в "Илиаде" гнев и гордость Ахилла, свойственные юношам, а в "Одиссее" он рассказывает о двуличии и предусмотрительности Улисса, что соответствует нравам старцев.

XXX. Существует также Предание, что Гомер был слепым, и что от слепоты он получил свое имя, которое на ионийском языке значит "слепец".

XXXI. И сам Гомер рассказывает о слепых Поэтах, поющих за трапезой Великих людей: например, слепец поет за трапезой, устроенной Алкиноем для Улисса, а другой слепец поет за столом Женихов.

XXXII. Таково свойство человеческой природы, что слепые обладают особенно сильной памятью.

XXXIII. Наконец, существует также Предание, что Гомер был беден и что он ходил по ярмаркам Греции, распевая свои собственные Поэмы.

ОТКРЫТИЕ ИСТИННОГО ГОМЕРА

Итак, все это, и рассмотренное нами, и рассказанное другими по поводу Гомера и его Поэм,- причем мы ничего не выбирали и ничего не добавляли, хотя и рассуждали обо всем посредством того метода, который ныне свойствен нашей Науке⁵⁷⁵ (читая первое издание "Новой Науки", многие чрезвычайно острые умы и люди, выдающиеся по учености и эрудиции, стали сомневаться, действительно ли Гомер, каким его до сих пор считали, - настоящий), - все это, говорю я, вынуждает нас утверждать, что

с Гомером произошло совершенно то же, что и с Троянской Войной: хотя она и составила знаменитую эпоху в Истории, все же наиболее осторожные Критики считают, что ее вообще никогда не было. И, конечно, если бы нам не осталось как от Троянской Войны, так и от Гомера таких определенных и великих следов, какими являются две его Поэмы, то, учитывая все указанные трудности, пришлось бы сказать, что Гомер - это Воображаемый Поэт, а не отдельный естественный человек. Однако эти большие и разнообразные трудности вместе с дошедшими до нас Поэмами Гомера вынуждают нас, как будто, утверждать лишь половину, а именно: что Гомер существовал лишь в Идее, т.е. как Героический Характер греческих людей, поскольку они в песнях рассказывали свою историю.

НЕСУРАЗНОСТИ И НЕПРАВДОПОДОБИЯ у предполагавшегося до сих пор Гомера становятся у открытого здесь Гомера и подобающими и необходимыми

Благодаря нашему Открытию все вещи и все рассказы, несуразные и неправдоподобные у предполагавшегося до сих пор Гомера, становятся у открытого здесь Гомера вполне подобающими и необходимыми. И, прежде всего два самых главных обстоятельства, оставшиеся нам неопределенными от самого Гомера, побуждают нас сказать, что:

I. Потому так спорили греческие народы о его родине и потому почти все они так хотели сделать его своим гражданином, что сами греческие народы и были этим Гомером.

II. Потому так расходятся мнения о его веке, начиная с Троянской Войны и до времен Нумы, т.е. на четыреста лет, что он действительно жил в устах и в памяти этих греческих народов.

III. Слепота и

IV. Бедность Гомера (*соответственно первоначальному способу говорить посредством героических характеров*), относились к Рапсодам; так как последние были слепы (почему каждый из них и назывался Гомером), то они обладали исключительной памятью; и так как они были бедны, то они поддерживали свою жизнь тем, что ходили петь Поэмы Гомера по городам Греции; они сами были авторами этих поэм, так как составляли часть тех народов, которые вложили в эти поэмы свою Историю.

V. Таким образом, Гомер юношей сложил "Илиаду", когда Греция была еще юна и, следовательно, когда она пылала возвышенными страстями - гордостью, гневом, мстью; эти страсти не выносят притворства и любят благородство, почему Греция и обожала Ахилла, героя Силы. Старцем же Гомер сложил "Одиссею", когда Греция уже до некоторой степени охладила души рефлексией (а рефлексия - мать хитрости), почему тогда Греция и удивлялась Улиссу, герою Мудрости. Таким образом, во времена юного Гомера народам Греции нравились грубость, брань, свирепость, ди-

кость, жестокость; во времена старого Гомера они уже наслаждались роскошью Алкиноя, прелестями Калипсо, удовольствиями Цирцеи, пением Сирен, времяпровождением Женихов и не только искушением, но и упорным преследованием таких чистых женщин, как Пенелопа. Отнести все эти нравы к одному и тому же времени выше нам представлялось невозможным. Эта трудность так поразила божественного Платона, что ради ее решения он говорит, будто Гомер наперед предвидел такие отвратительные, изнеженные и распутные нравы. Но тем самым он делает Гомера Глупым Установителем Греческой Цивилизации, так как, даже порицая эти испорченные и вредоносные нравы, все же он учит им, ускоряя тем самым естественный ход вещей человеческих с целью еще больше продвинуть Греков к испорченности, тогда как на самом деле такие нравы должны были появиться лишь много времени спустя после того, как уже образовались Греческие нации.

VI. Таким образом, доказано, что Гомер, автор "Илиады", на много веков предшествовал Гомеру, автору "Одиссеи".

VII. Доказано, что первый, воспевший Троянскую Войну, которая происходила в его стране, был родом из северо-восточной Греции, а второй, воспевавший Улисса, царство которого лежало в юго-западной Греции, происходил отсюда.

VIII. Итак, Гомер, затерявшийся среди многочисленных народов Греции, оказывается оправданным от всего того, в чем его обвиняли Критики, в частности от обвинений в

IX. низких сентенциях,

X. грубых нравах,

XI. незрелых сравнениях,

XII. идиомах,

XIII. метрических вольностях,

XIV. неизменном разнообразии диалектов,

XV. и в том, что он делает из людей Богов и из Богов - людей.

Эти Мифы Дионисий Лонгин решается поддерживать только при помощи подпорок в виде философических аллегорий, т.е., иными словами, эти Мифы в таком виде, как они звучали, распеваемые Грекам, не могли доставить Гомеру славу Основателя Греческой Цивилизации; таким образом, с Гомером снова возникает та же самая трудность, которую выше, в "Примечаниях к Хронологической Таблице", мы выставили против Орфея, называемого Основателем Греческой Культуры. Все перечисленное выше было свойственно самим греческим народам, в частности последнее: когда основывались эти народы, как нам доказала это Естественная Теогония, Греки были благочестивыми, религиозными, чистыми, сильными, справедливыми и великодушными, и такими же они создавали Богов; позднее, через много лет, когда затемнились Мифы и испортились нравы (как это подробно было рассмотрено в Книге "О Поэтической Мудрости"), тогда Греки по себе стали считать развратными и Богов (соответственно той выставленной выше Аксиоме⁵⁷⁶, что люди естественно связывают темные или сомнительные законы со своими страстями или пользой): ведь они

боялись, как бы Боги, столь противоположные им по нравам, не оказались столь же противоположными и их молитвам, - как об этом говорилось в другом месте.

XVI. И даже больше того, Гомеру по праву принадлежат те две огромные привилегии, которые на самом деле составляют одну: что только Гомер умел изобретать, как говорит Аристотель, поэтическую ложь и, как говорит Гораций, поэтические характеры; поэтому Гораций провозглашает, что сам он - не Поэт, ибо он или не может или не умеет найти то, что он называет *colores operum*⁵⁷⁷, - это значит то же, что и поэтическая ложь, о которой говорит Аристотель: у Плавта мы читаем *obtinere colorem*^{577bis} в смысле "так говорить ложь, чтобы она со всех точек зрения имела вид истины", а таким и должен быть хороший Миф.

Кроме этих Привилегий, Гомеру подобают и все другие, данные ему другими учителями Поэтического Искусства: что Гомер несравним

XVII. в своих диких и лесных сравнениях,

XVIII. в своих грубых и свирепых описаниях битв и смертей,

XIX. в своих сентенциях, насыщенных возвышенными страстями,

XX. в своем языке, преисполненном наглядности и блеска. Все это было характерно для Героического Века Греков, во время которого и благодаря которому Гомер был несравнимым Поэтом, ибо в век крепкой памяти, сильного воображения и возвышенного ума он вовсе не был Философом.

XXI. Поэтому ни Философии, ни Поэтические и Критические Искусства, появившиеся позже, не могли создать такого Поэта, который хотя бы отчасти мог сравняться с Гомером. А вот что имеет еще большее значение: он во всяком случае заслужил три следующие данные ему бессмертные похвалы: XXII. Во-первых, что он был установителем Греческой Цивилизации;

XXIII. Во-вторых, что он был Отцом всех других Поэтов;

XXIV. В-третьих, что он был Источником всех Греческих философий. Ни одна из этих похвал не могла быть воздана тому Гомеру, каким его до сих пор считали. Ни первая - потому, что он появился через тысячу восемьсот лет после Девкалиона и Пирры, когда посредством браков начала основываться Греческая Цивилизация, как это было доказано на протяжении всей книги "О Поэтической Мудрости". Ни вторая, так как, несомненно, до Гомера процветали такие Поэты-Теологи, как Орфей, Амфион, Лин, Мусей и другие; среди них Хронологи поместили Гесиода и заставили его на тридцать лет опередить Гомера; другие Героические Поэты также были до Гомера, как утверждает Цицерон в "Бруте"; их перечисляет Евсевий в "Евангелическом приготовлении": это - Филаммон, Фамирид, Демодок, Эпименид, Аристей и другие. Ни, наконец, третья, ибо, как мы подробно и полностью доказали в Книге "О Поэтической Мудрости", *заклучала в своих мифах, как в зародыше, возвышенные истины, над которыми впоследствии размышляли Философы.*

ПОЭМЫ ГОМЕРА

оказываются двумя великими Сокровищницами Естественного Права Народов Греции

Но, прежде всего благодаря натеку Открытию прибавляется еще одна блистательнейшая хвала Гомеру, -

XXV. что он был первым Историком, дошедшим до нас из всего Язычества, XXVI. поэтому отныне и впредь его Поэмам должно быть оказано самое высокое доверие, так как они являются двумя великими Сокровищницами обычаев Древнейшей Греции. Таким образом, с Поэмами Гомера произошло то же самое, что и с Законами XII Таблиц: ведь как последние (поскольку их считали Законами, данными Солоном Афинянам и от них перешедшими к Римлянам) скрывали от нас до сих пор Историю Естественного Права Героических Народов Лациума, так и Гомеровы Поэмы, считавшиеся творением отдельного человека, величайшего и редкостного Поэта, скрывали от нас до сих пор Историю Естественного Права Народов Греции. *Итак, если во всей этой книге среди объяснений и причин, данных нам Философией благодаря нашему новому критическому Искусству, и авторитетов, которыми помогала нам Филология, читатель мысленно учтет, что как доводы, так и авторитеты направляют его к Открытию Истинного Гомера, то, конечно, он не почувствует никакого основания не согласиться с ним. Таким образом, если он поразмыслит над этим, то заметит, что отсюда вытекают три важные следствия. Во-первых, что как соображения, так и авторитеты были им получены чистым сознанием, лишенным всякой страсти самолюбия. Во-вторых, что он очнулся при Открытии Истинного Гомера и отбросил то, что предлагали ему память, напоминавшая совсем о другом, и фантазия, которая представляла совершенно иное. В-третьих, что ни соображения Философов, приводивших в своих рассуждениях столь разнообразные вещи, ни авторитеты Филологов, сообщавших множество обычных вещей, не имели для него никакой ценности по отношению к Гомеру, каким он вспоминал его и представлял себе. Следовательно, ему была необходима наша Наука для Открытия Истинного Гомера. Благодаря этому Открытию успокоились жестокие бури многочисленных трудностей, бушевавшие в Теории Поэзии из-за Гомера; тяжкие обвинения, сделанные Гомеру Критиками, опровергнуты; редкостные, наивысшие и бессмертные хвалы, которые раньше как будто совершенно не принадлежали Гомеру, возвращены ему; и, наконец, причины истинности многочисленных и упорных Преданий, дошедших до нас, а также и те обстоятельства, почему они дошли до нас под столь безобразным покровом лжи, дружественно мирятся и согласуются.*

РАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ Драматических и Лирических Поэтов

Выше мы уже показали, что до Гомера прошло три века Поэтов: во-первых - век Поэтов-Теологов, когда сами Герои были поэтами и когда они пели Мифы, истинные и строгие; во-вторых - век Героических Поэтов, которые изменили и исказили Мифы; в-третьих - век Гомера, который получил Мифы измененными и искаженными. Теперь та же самая Метафизическая Критика, направленная на Историю самой темной Древности (иными словами - объяснение идей, естественно порождаемых древнейшими Нациями), может нам прояснить и сделать различимой Историю Драматических и Лирических Поэтов, о чем слишком темно и неясно писали Филологи. Последнее, например, помещают среди Лириков Ариона из Метимны⁵⁷⁸, древнейшего поэта Героических Времен; они говорят, будто Арион изобрел Дифирамб, а вместе с тем и Хор, будто он ввел Сатиров, поющих стихи, и будто дифирамб был хор, исполнявший во время хоровода стихи, восхвалявшие Вакха. Филологи говорят, что во времена Лирики процветали знаменитые Трагики; а Диоген Лазертский утверждает, что первая Трагедия была представлена одним Хором. Филологи говорят, что Эсхил был первым Трагическим Поэтом, а Павсаний рассказывает, что он от Вакха получил приказание писать трагедию. Обратное тому Гораций повествует в том месте "Ars poetica", где он говорит о Трагедии, начиная с Сатиры, что Феспис первый ввел Сатиру на повозках во время сбора винограда, что позднее появился Софокл, которого Полемон называет "Гомером Трагиков", и что, в конце концов, завершил Трагедию Еврипид, которого Аристотель называет **τραγικώτατος**⁵⁷⁹. Филологи говорят также, что в пределах того же самого века появился Аристофан, изобретатель Древней Комедии, открывший путь для Новой Комедии, т.е. тот путь, которым впоследствии шел Менандр (одна из комедий Аристофана, озаглавленная "Облака", погубила Сократа). Кроме того, одни Филологи помещают Гиппократу во времена Трагиков, другие - во времена Лириков. Но Софокл и Еврипид жили несколько раньше времен Законов XII Таблиц, а Лирики появились много позже: это как будто значительно переворачивает ту Хронологию, которая помещает Гиппократу во времена Семи Мудрецов Греции.

Для решения этой трудности нужно признать, что в Греции было два вида Трагических Поэтов и два вида Лирических Поэтов *т.е. в каждом из этих видов один — древний, другой — новый*. Древние Лирики, несомненно, первоначально были Авторами Гимнов, восхваляющих Богов, например таких *Гимнов, которые приписываются Орфею и сплетены* из Героических стихов. Потом появились такие Лирические Поэты, как Ахилл, воспевающие на лире хвалы умершим Героям *их также пели в героических стихах*. Совершенно так же у Латинян первыми Поэтами были Создатели Салийских Стихов (т.е. тех Гимнов, которые пели в праздники Богов жрецы, называвшиеся Салии - может быть, от salire, "прыгать", как и у Греков из танцев во время хоровода возник первый хор); отрывки этих стихов, самый древний дошедший до нас памятник Латинского Языка, имеют вид героических стихов, как мы отметили выше. И все это соответствует нашим Основаниям, согласно которым возникает

культура Наций: в первые, т.е. религиозные времена восхвалять надлежало только Богов (во времена последнего варварства вернулся тот же религиозный обычай: Священники, единственные в то время грамотные люди, не сочиняли иных Поэм, кроме священных Гимнов); позднее, во времена героические, почитать и прославлять надлежало только подвиги Героев, как их воспевал Ахилл. К последнего рода Религиозным Лирикам принадлежал и Арион из Метимны⁵⁸⁰, который, кроме того, был также и создателем Дифирамба; дифирамб был первым зачатком Трагедии, сплетенной из героических стихов (т.е. первого вида стихов, которые пелись Греками, как было показано выше), а вместе с тем дифирамб Ариона стал и Первой Сатирой, с которой Гораций начинает говорить о Трагедии.

Новыми Лириками были Мелики во главе с Пиндаром; они писали в таких стихах, которые на нашем итальянском языке называются *arie per musica*; этот вид стиха должен был появиться после ямба, т.е. того вида стиха, на котором, как выше было показано, говорили Греки после героического стиха. Таким образом, Пиндар появился во времена пышной доблести Греков, вызывая восхищение на Олимпийских Играх, где пели такие Лирические Поэты; совершенно так же Гораций появился в самые роскошные времена Рима, т.е. при Августе; а на Итальянском Языке Медика появилась во времена наиболее утонченные и нежные.

Затем Трагики и Комики прошли следующий путь. Феспис в одной части Греции, а Амфион - в другой во время сбора винограда положили начало Сатире, т.е. Древней Трагедии, с персонажами в виде Сатиров; при тогдашней незрелости и простоте изобрели первую маску тем, что закрывали ступни, голени и ляжки козлиными шкурами (они были под рукой), окрашивали лицо и грудь винным осадком и вооружали лоб рогами (может быть, потому у нас в простонародье сборщиков винограда называют до сих пор *cornuti* - "рогатые"). В этом смысле, может быть, и справедливо, что Вакх, Бог сбора винограда, приказал Эсхилу сочинять Трагедии; все это соответствовало тем временам, когда Герои говорили про плебеев, что последние - чудовища с двумя естествами, т.е. человеческим и козлиным, как это полностью было показано выше. Итак, весьма правдоподобно предположение, что скорее от такой маски, чем от обычая давать победителю в такого рода стихах награду в виде козла, по-гречески **τράγος** (о чем размышляет Гораций, не делая из этого потом никакого употребления, хотя и называет этот подарок низким), получила свое название Трагедия, и что она началась с такого Хора Сатиров. А Сатира сохранила то вечное свойство, с каким она зародилась, - говорить грубости и насмешки, так как крестьяне, грубо замаскированные, на повозках, везущих виноград, обладали тогда той же вольностью, как и теперь во время сбора винограда в нашей Счастливой Кампании (ее называли местопребыванием Вакха), - говорить грубости господам. Теперь становится понятным, насколько правы были позднейшие Ученые, вкладывая в миф о Боге Пане философскую мифологию, будто Пан означает Вселенную (раз **πάν** зна-

чит "все"), будто нижние части его тела, покрытые шерстью, обозначают землю, ярко-красные грудь и лицо - стихию огня, а рога - солнце и луну. Однако Римляне сохранили историческую мифологию в самом слове satyra: по Фесту, это была еда, составленная из разного рода кушаний; поэтому впоследствии называли lex per satyram такой закон, который заключал в себе главы разнообразного содержания; также и в Драматической Сатире, о чем сейчас идет речь, по сообщению Горация⁵⁸¹ (так как ни от Латинян ни от Греков до нас не дошло ни одной), появились разнообразные персонажи: Боги, Герои, Цари, Ремесленники и Рабы, тогда как та Сатира, которая осталась у Римлян, говорит не о разном, но каждая из них посвящена своей теме. Позднее Эсхил переделал Древнюю Трагедию, т.е. такую Сатиру, в среднюю Трагедию с человеческими масками, перевеса дифирамб Ариона, т.е. хор Сатиров, в хор людей. От средней Трагедии должна была получить начало Древняя Комедия, где выводились значительные Личности, почему ей и подобал Хор. Еще позже появились сначала Софокл, а затем Еврипид, оставившие нам Позднейшую Трагедию. А с Аристофаном кончилась Древняя Комедия из-за скандала, происшедшего с Сократом. Менандр оставил нам Новую Комедию, которая выработала свои Персонажи, частные и вымышленные: раз они были частными, то они могли быть и вымышленными, и именно потому они принимались за истинные, как об этом говорилось выше; поэтому больше уже не должен был выступать Хор, т.е. рассуждающая Публика, рассуждающая притом не о чем-либо ином, но об общественных делах.

Таким образом. Сатира была сплетена из героического стиха (такую ее впоследствии сохранили Латиняне), так как героическими стихами говорили первые народы. Потом они стали говорить ямбическим стихом; и потому, естественно, Трагедия была сплетена из ямбического стиха. Комедия также пользовалась ямбом на основании простого наблюдения примера Трагедии, так как уже тогда греческие народы говорили прозой. И, несомненно, ямб подобает Трагедии, так как этот стих возник для того, чтобы дать выход гневу, - это "быстрая стопа", как ее называет Гораций, что было указано в особой Аксиоме⁵⁸²; обычно говорят, что Архилох изобрел ямбический стих, чтобы дать выход своему гневу против Ликамба, который не хотел отдать ему в жены свою дочь, и что Архилох горечью своих стихов довел и дочь и отца до такого отчаяния, что они повесились (в этом предании заключена История Героической Распри из-за Коннубий, когда восставшие Плебеи вешали Благородных с их дочерьми).

Здесь выступает следующее чудовище Поэтического Искусства: каким образом один и тот же стих - буйный, стремительный и волнующий - подобает и такой величественной Поэме, как Трагедия (Платон ее ставит выше Эпопеи), и столь тонкой Поэме, как Комедия? И каким образом одна и та же стопа, свойственная, как было сказано, разрешению гнева и ярости, которыми должна разразиться самая жестокая Трагедия, оказывается одинаково прекрасным средством для выражения шуток, иг-

ры и любовных нежностей, которые должны придать Комедии всю ее приятность и забавность? Именно эта неопределенность слов - "Лирические" и "Трагические Поэты" - заставляла помещать Гиппократа во времена Семи Мудрецов, тогда как на самом деле его нужно помещать во времена Геродота, ибо он появился в те времена, когда еще в значительной степени говорили при помощи мифов, почему мифами же окрашена и его жизнь; также и Геродот рассказывает свою историю в значительной степени при помощи мифов; но тогда была уже введена не только прозаическая речь, но также и письмо народными буквами, посредством которых Геродот написал свою Историю, а Гиппократ - много Произведений по медицине, как об этом говорилось выше в другом месте.

Книга четвертая. О ПОСТУПАТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ, СОВЕРШАЕМОМ НАЦИЯМИ

ВВЕДЕНИЕ

Установив в Книге Первой Основания нашей Науки, исследовав и вскрыв в глубинах Поэтической Мудрости в Книге Второй происхождение всех божественных и человеческих вещей Язычества, а также открыв в Книге Третьей, что в Поэмах Гомера заключены две великие Сокровищницы Естественного Права Народов Греции (как и Законы XII Таблиц оказались благодаря нашему открытию важнейшим свидетельством Естественного Права Народов Лациума), - теперь при помощи такого света как Философии, так и Филологии, опираясь на выставленную выше Аксиому⁵⁸³ об Идеальной Вечной Истории, мы в этой Книге Четвертой дополнительно рассмотрим поступательное движение, совершаемое нациями, проследив единообразное постоянство этого движения вперед во всех многочисленных и разнообразных обычаях Наций на основании Деления на три века, которые, как говорили Египтяне, протекли в мире до них, т.е. Деления на век Богов, век Героев и век Людей: ведь мы видим, что соответственно этому делению нации в постоянном и никогда не нарушаемом порядке причин и следствий всегда проходят через три вида Природы, и что из этих трех видов природы вытекают три вида Нравов, и что из этих трех видов Нравов вытекают три вида Естественного Права Народов, а соответственно этим трем видам права устанавливаются три вида Гражданского состояния, т.е. Государств; и чтобы людям, достигшим Человеческого Общества, было возможно сообщать друг другу все эти названные три вида величайших вещей, образовались три вида Языков и столько же видов Характеров [знаков⁵⁸⁴], и что ради утверждения последних возникли три вида Юриспруденции, сопровождаемые тремя видами Авторитета, и столькими же видами Понимания Права, и столькими же видами Суда; эти Юриспруденции существовали в течение трех Типов Времен, которые пронизывают все поступательное движение в жизни Наций. Три такие частные единства вместе со многими вытекающими из них другими единствами (в настоящей Книге они будут пе-

речислены) берут свое начало в одном общем Единстве, в Единстве Веры в Провидящее Божество, а оно - единство духа, дающего форму и жизнь нашему Миру Наций. Все эти вещи, рассмотренные выше в разных местах, здесь покажут нам порядок своего Поступательного Движения.

ТРИ ВИДА ПРИРОДЫ

Первая Природа в результате сильнейшего обмана фантазии, которая тем могущественнее, чем слабее рассудок, была природой поэтической, т.е. творящей, - да позволено нам будет сказать - божественной: она приписывала телам бытие Божественных одушевленных субстанций, причем она приписывала их соответственно своей идее. *Она оформила мир божественной Физикой, в основе которой лежали исключительно божественные субстанции.* Эта природа была природой Поэтов-Теологов, самых Древних Мудрецов у всех Языческих Наций, когда все языческие нации основывались на той вере, что каждая из них имеет определенных, своих собственных Богов. С другой стороны, эта природа была дика и бесчеловечна; но в силу того же самого заблуждения фантазии люди до ужаса боялись ими же самими выдуманных Богов. От этого сохранились два следующих вечных свойства: во-первых, что религия является единственным могущественным средством для обуздания дикости народов; во-вторых, что с Религиями дело обстоит благополучно тогда, когда стоящие во главе сами им всецело поклоняются.

Вторая Природа была Героической; Герои приписывали ей божественное происхождение; думая, что все делают Боги, они самих себя считали сыновьями Юпитера, ибо они были порождены его ауспициями; совершенно правильно в таком Героическом происхождении они видели основание естественного благородства: ведь будучи по видимости людьми, они были в то же время Князьями Рода Человеческого. Этим естественным благородством они гордились перед теми, кто от Гнусной скотской Общности ради спасения от драк, порождаемых этой Общностью, укрывался впоследствии в их Убежища; *кроме того, так как эта природа была высокомерна, она все свое достоинство полагала в силе и в оружии.*

Третьей была Природа человеческая, разумная, а потому умеренная, благосклонная и рассудочная; она признает в качестве законов совесть, разум и долг.

ТРИ ВИДА ПРАВОВ

Первые Нравы, появившиеся сейчас же после Потопа, были окрашены религией и благочестием, как нам рассказывают о Девкалионе и Пирре. Вторые были гневливы и щепетильны, - о таких нравах нам рассказывают, говоря об Ахилле. Третьи - услужливы, ими руководило чувство гражданского долга.

ТРИ ВИДА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Первое Право было Божественным, когда люди думали, что и сами они и все к ним относящееся зависит от Богов на основе того мнения, что все было Богами или все делали Боги.

Вторым было Героическое Право, т.е. Право Силы, но сдерживаемой Религией, которая одна лишь может поставить определенные границы силе там, где нет человеческих законов, или, если они и существуют, где их недостаточно, чтобы обуздать силу. Поэтому Провидение установило, чтобы первые народы, дикие по самой своей природе, были слепо убеждены в такой Религии и находили естественное успокоение в Силе, и чтобы они, неспособные еще повиноваться Разуму, считали правом Судьбу, с которой они советовались при помощи Предсказаний в виде ауспий. Такое Право силы - право Ахилла, полагающего все его основание в острие своего копья.

Третье - Человеческое Право, продиктованное совершенно развитым Человеческим Разумом.

ТРИ ВИДА ПРАВЛЕНИЙ

Первыми были Божественные Правления, как сказали бы Греки - "Теократические"; тогда люди верили, что все решительно приказывают Боги; это был век Оракулов - самого древнего из всего того, о чем мы читаем в Истории.

Вторыми были Правления Героические, т.е. аристократические, иными словами - правления Оптиматов (в смысле "сильнейших"), или же, по-гречески. Правления Гераклидов, т.е. вышедших из расы Геракла (в смысле "Благородных"): первоначально они были рассеяны по всей Греции, позднее сохранились в Спарте; а также правления Куретов, которых Греки наблюдали рассеянными по Сатурнии (Древней Италии), по Криту и Азии, - отсюда у Римлян правления Квиритов, т.е. Жрецов, вооруженных в публичном собрании. Во времена этих Правлений, вследствие отличия более благородной природы, как мы сказали выше (так люди верили в ее божественное происхождение), все гражданские права принадлежали замкнутым Правящим Сословиям самих Героев; а Плебеям, которым приписывалось скотское происхождение, разрешались только жизненно необходимые потребности и естественная свобода.

Третьи - это Человеческие Правления; при них вследствие равенства разумной природы (подлинной природы человека) все уравнивается законами, так как все в них родилось свободными в своих городах, т.е. в свободных народных государствах, где все люди, или наибольшая их часть, представляют собою законную силу государства; вследствие этой законной силы они и оказываются Господами народной свободы; в Монархиях же Монархи уравнивают всех подданных своими законами, и

поскольку в руках одних Монархов находится вся вооруженная сила, постольку они одни отличаются по своей гражданской природе.

ТРИ ВИДА ЯЗЫКОВ

Три вида Языков: первым был божественный умственный язык посредством немых религиозных движений, т.е. божественных церемоний; от него сохранились в Гражданском Праве у Римлян *acta legitima*, сопровождавшие все их гражданско-полезные дела. Этот язык подобает Религиям на основании того вечного свойства, что для них важнее то, чтобы их почитали, чем то, чтобы рассуждали о них. Он был необходим в те первые времена, когда языческие люди не умели еще артикулировать речь.

Второй язык был языком героических знаков: на нем говорили посредством гербов, и эта речь, как мы говорили выше, сохранилась в Военной науке.

Третий - это Разговорный язык, ныне у всех наций артикулированный.

ТРИ ВИДА ХАРАКТЕРОВ, ИЛИ ЗНАКОВ

Три вида знаков: первыми из них были божественные знаки, в собственном смысле называемые Иероглифами⁵⁸⁵; ими, как мы доказали выше, первоначально пользовались все нации. Это были Фантастические Универсалии, продиктованные естественной, врожденной склонностью человеческого ума наслаждаться единообразием (о чем была выставлена специальная Аксиома⁵⁸⁶): не умея этого сделать посредством абстракции в виде родовых понятий, нации достигали того же посредством фантазии в виде портретов. К таким Поэтическим Универсалиям они сводили все частные виды, относящиеся к каждому роду: так, например, к Юпитеру они сводили все, касающееся ауспий, а к Юноне все, касающееся свадеб, и таким же образом все другое к другим Богам.

Вторыми были Героические Характеры, т.е. те же фантастические Универсалии, к которым нации сводили различные виды героических вещей: так, например, к Ахиллу они сводили все то, что относится к сильным воинам, к Улиссу - все, что относится к советам мудрецов. Позднее, по мере того как человеческий ум приучался абстрагировать формы и свойства от предметов, эти фантастические роды переходили в интеллигибельные родовые понятия; таковыми они впоследствии попали к Философам; от них еще позже Создатели Новой Комедии, появившейся в самые культурные времена Греции, взяли интеллигибельные родовые понятия человеческих нравов и создали портреты их в своих Комедиях.

В конце концов были открыты Простонародные Буквы, которые шли нога в ногу с Простонародными Языками; так как последние складываются из слов, являющихся как бы родовыми понятиями для тех частных, посредством которых раньше гово-

рили Героические Языки (так, в вышеприведенном примере из героического выражения: "у меня кровь кипит в сердце" - было сделано одно слово "я гневаюсь"), что из ста двадцати тысяч иероглифических знаков, которыми, например, до сих пор пользуются Китайцы, было сделано совсем немного букв; к ним, как бы к соответствующим родовым понятиям, сводятся те сто двадцать тысяч слов, которые составляют народный артикулированный язык Китайцев. Такое открытие, несомненно, является работой сверхчеловеческого ума; поэтому мы выше слышали, что Бернгард Маллинкрот и Ингевальд Элинг считают его Божественным; это общее чувство удивления легко заставило Нации поверить, что выдающиеся в божественных делах люди изобрели для них такие буквы, например св. Иероним для Иллирийцев, св. Кирилл для Славян, другие - для других наций (как их расположил Анджело Рокка в Ватиканской библиотеке, где нарисованы создатели так называемых Народных букв с их Алфавитами); однако такого рода мнения с очевидностью опровергаются как ложные при одном лишь вопросе: почему эти создатели не учили народы своим собственным алфавитам? С подобной же трудностью мы встретились выше, говоря о Кадме, который из Финикии перенес буквы к Грекам; последние пользовались впоследствии буквами, по форме очень отличными от Финикийских. Выше мы говорили, что народные языки и буквы составляют собственность самого простого народа, почему и те и другие называются народными. А в силу такого господства и над языками и над буквами свободные народы должны быть господами также и над законами, так как они придают законам тот смысл, который принуждает Могущественных соблюдать их, хотя последние, как было указано в Аксиомах⁵⁸⁷, и не желают их. Такое господство, естественно, Монархи не могут отнять у народов; но в силу этой самой неотъемлемой природы человеческих гражданских вещей такое неотъемлемое от народов господство составляет в значительной степени могущество самих Монархов, так как последние могут предписывать свои царские законы, обязательные и для Могущественных, на основе того смысла, который придают им народы. В силу такого господства над простонародными буквами и языками, в порядке гражданской природы Свободные Народные Республики необходимо должны были предшествовать Монархиям.

ТРИ ВИДА ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Три вида Юриспруденции, иными словами - Мудрости. Первой была Божественная Мудрость, называемая, как мы видели выше, Мистической Теологией; это значит: Наука о Языке Богов, т.е. о понимании божественных тайн Предсказаний; таким образом, она была Наукой о божественных Ауспициях, Простонародной Мудростью; ею были мудры Поэты-Теологи, первые мудрецы Язычества; по такой мистической Теологии сами они назывались *mystae* (с полным пониманием Гораций переводит так: "Истолкователи Богов"); таким образом, для этой первой Юриспруденции было характерно *interpretari*, почти что *interpretari*, т.е. "входить в Отцов"⁵⁸⁸, Отцы же пер-

воначально назывались Богами, как было отмечено выше (Данте сказал бы *indiarsi*, т.е. "входить в сознание Бога"⁵⁸⁹). Эта Юриспруденция считала справедливым только то, что сопровождалось торжественными обрядами божественных церемоний; здесь - корни суеверного отношения Римлян к торжественным юридическим актам (*acta legitima*), и в их законах остались такие выражения, как "*justae nuptiae*" и "*justum testamentum*" вместо "торжественные свадьбы" и "торжественные завещания".

Второю была Героическая Юриспруденция; она состояла в гарантировании себя определенными соответствующими формулами, - такова Мудрость Улисса: у Гомера он всегда говорит так хитро, что преследует собственную пользу, всегда сохраняя буквальное значение своих слов. Поэтому вся слава Древних Римских Юристов состояла в умении их составлять сделки (*cavere*), а то, что они называли правом давать разъяснения (*de jure respondere*), было не чем иным, как предупреждением тех, которые должны были у судьи доказывать свое право, так излагать Претору обстоятельства дела, чтобы исковые формулы вполне обстоятельствам дела соответствовали, и так, чтобы претор не мог отказать им в праве на иск. *Первоначально занимались этим, как говорит Помпоний, privati ingenii fiducia*⁵⁹⁰. Впоследствии, начиная с Августа, который, как Монарх и, следовательно, источник всякого положительного нрава, хотел поставить в зависимость от себя также и эту сторону, этим занимались те, которых он допустил и которым он это разрешил. Так продолжалось до Адриана; он установил следующее: если у судей возникает подобное затруднение (когда преторская формула не подходит к данному случаю), то они, умалчивая об именах тяжущихся, должны запросить разъяснения у назначенных им для этого Юрисконсультов; последние давали запечатанные ответы, от которых *judicibus recedere pop licebat*⁶⁹¹. Таким образом, благодаря Адриану Юриспруденция достигла наивысшей славы, потому что с тех пор в руках Юрисконсультов находились все Римские Суды. Совершенно так же во времена вернувшегося варварства вся слава Ученых Юристов заключалась в том, что они умели находить формулировки для договоров или завещаний, и в умении формулировать иски согласно существу и статьям закона: это в точности соответствовало *cavere* и *de jure respondere* Римских Юристов. *А такое возвращение вещей в Юриспруденции не было отмечено ни одним из древних или современных Истолкователей Римского Права.*

Третья - это Человеческая Юриспруденция: она рассматривает истинность фактов и милостиво склоняет смысл законов везде, где того требуют равные условия. Эта Юриспруденция осуществляется в Свободных Народных Республиках, а еще того больше - в Монархиях, т.е. в обоих видах Человеческих Правлений. Таким образом. Божественная и Героическая Юриспруденции придерживаются достоверности в те времена, когда нации еще незрелы; Человеческая Юриспруденция рассматривает

истинность в наиболее просвещенные времена: все это является следствием из Определений Достоверности и Истинности и тех Аксиом, которые были выставлены в главе "Об Элементах"⁵⁹².

ТРИ ВИДА АВТОРИТЕТА

Было три вида Авторитета: первым был Божественный Авторитет, - для него не требуется у Провидения обоснования; вторым - Героический Авторитет, скрытый в торжественных формулах Законов; третьим - Человеческий Авторитет, таящийся в доверии к людям испытанного благоразумия, поведения и возвышенной мудрости в вещах умопостигаемых.

Из этих трех видов авторитета, применяемых Юриспруденцией во времена поступательного движения, совершаемого Нациями, вытекают три вида авторитета Сенатов, меняющиеся в продолжение этого движения. Первым из них был авторитет собственности; отсюда название *auctores* осталось за теми, от кого к нам переходит основание собственности; такая собственность в Законах XII Таблиц всегда называется *auctoritas*. Этот авторитет восходит к Божественным Правлениям времен состояния Семей, когда Божественный Авторитет принадлежал Богам, так как совершенно правильно думали, что все от них. Соответственно этому позднее, в Героических Аристократиях, где Сенаты составляли, как и в наши времена. Синьорию, такой Авторитет принадлежал Правящим Сенатам. Поэтому Героические Сенаты освящали своим авторитетом то, что перед этим обсудило народное собрание, как говорит Ливии: *eius quod populus jussisset, deinde patres fierent auctores*⁵⁹³. Таким образом, это восходит не к Междоцарствию Ромула, как рассказывает История, но к более поздним временам аристократии, когда плебс был уже приобщен к гражданству, как говорилось выше. Такое установление, по словам того же Ливия, *saepe spectabat ad vim* - "часто грозило переворотами", так что если народ хотел достигнуть главенства, то он должен был, например, избирать таких Консулов, перед которыми склонился бы Сенат; совершенно таково же избрание Магистратов, производимое народом в Монархиях.

Начиная с закона Публилия Филона, в котором Римский Народ был провозглашен свободным и абсолютным Носителем Власти, как было сказано выше, авторитет Сената стал подобен авторитету опекуна, соответственно праву опекунов подтверждать сделки опекаемых, остающихся хозяевами своего имущества (это право называется *auctoritas tutorum*). Сенат подтверждал народу представленную формулу закона, до того уже намеченную в Сенате; подобно тому, как осуществляется авторитет опекунов по отношению к опекаемым, так и Сенат должен был присутствовать вместе с одновременно присутствующим в общих собраниях народом; самым актом присутствия народ предписывал закон, если он был желателен; в противном случае

народ мог подтвердить старый закон, *probare antiqua*, а это значит то же самое, что он не желал нового; все это было установлено для того, чтобы народ, предписывая законы, по слабости своего разума, не нанес какого-либо общественного вреда; потому предписание законов регулировалось Сенатом. Поэтому также Цицерон совершенно правильно определяет формулы законов, предлагаемые Сенатом народу, чтобы он их установил, как *perscriptae auctoritates*, а не как личный авторитет (*auctoritas*), например, опекунов, которые своим присутствием подтверждают сделки опекаемых; ведь подтверждение надолго сохраняется в написанном виде, а именно это означает слово *perscribere*, в противоположность исковым формулам, записанным начальными буквами (*per notas*), т.е. так, что они были непонятны для народа. По сообщению Ливия, Закон Публилия установил, что отныне и впредь авторитет Сената *valeret in incertum comitorum eventum*⁵⁹⁴.

Когда в конце концов Республика перешла от Народной Свободы к Монархии, тогда последовал третий вид авторитета - он заключается в доверии или почтении к Мудрости: Авторитет Совета; отсюда Юристы при Императорах назывались *auctores*. Таким должен быть авторитет Сенатов при монархах: последние совершенно и абсолютно свободны следовать или не следовать тому, что им советуют Сенаты.

ТРИ ВИДА ПОНИМАНИЯ ПРАВА

Было три вида Понимания Права. Во-первых - Божественное, доступное одному лишь Богу; люди о нем знали лишь постольку, поскольку оно было им сообщено в откровении: сначала Евреям, потом Христианам - во внутренней речи сознания (так как то были слова Бога - чистого сознания), а также во внешней речи как Пророков, так и Иисуса Христа Апостолам (через них она стала известна Церкви); Язычникам - в ауспациях, оракулах и других телесных знаках, представляющихся божественными указаниями, так как считалось, что эти знамения идут от Богов, последние же, согласно верованиям Язычников, состояли из тела. Таким образом, в Боге, который является чистым разумом, разум и авторитет - одно и то же; поэтому в хорошей Теологии божественный авторитет занимает то же самое место, что и разум. Здесь следует удивляться Провидению, которое в первые времена, когда люди Язычества не понимали разума (выше было доказано, что происходило это в состоянии Семей), допустило их впасть в заблуждение, признать вместо разума авторитет ауспаций и руководствоваться такими мнимыми Божественными Советами, соответственно следующему вечному свойству: там, где люди в вещах человеческих не видят разума, и еще того больше, если они видят ему противоречащее, они успокаиваются на неисповедимости установлений, скрытых в бездне Божественного Провидения. - Вторым пониманием был Государственный Смысл, называемый Римлянами *civilis aequitas*; выше, в Аксиомах⁵⁹⁵, Ульпиан определил нам его так: от природы оно из-

вестно не каждому человеку, но лишь немногим опытным Правителям, которые умеют усмотреть то, что необходимо для сохранения Рода Человеческого. Такая мудрость от природы была свойственна Героическим Сенатам, и прежде всего - Римскому Сенату, Мудрейшему во времена Свободы, как аристократической, когда плебс был совершенно отстранен от обсуждения общественных дел, так и народной - в течении всего того времени, когда народ в общественных делах направлялся сенаром т.е. до времен Гракхов.

КОРОЛЛАРИЙ о Государственной Мудрости Древних Римлян

Здесь возникает Проблема, как будто весьма трудно разрешимая: почему в незрелые времена Рима Римляне были чрезвычайно мудры в Государственных делах, тогда как в просвещенные времена, по словам Ульпиана, Государственные дела разумеют лишь отдельные и весьма немногие люди, опытные в Управлении? В силу тех же самых естественных причин, которые породили Героизм первых народов, Древние Римляне, Герои Мира, естественно соблюдали Гражданскую Справедливость (*aequitas civilis*); последняя заключалась в щепетильном отношении к словам, выражавшим законы; суеверно соблюдая слово законов, Римляне прямолинейно применяли их ко всем фактам, даже там, где они оказывались суровыми, жестокими и тяжкими (в силу того, что об этом было сказано выше). Так в наши дни обычно осуществляется Государственный Смысл. Таким образом, Гражданская Справедливость естественно подчиняла все такому Закону, Царю всех других Законов, выраженному Цицероном с серьезностью, соответствующей предмету: *suprema lex populi salus esto*⁵⁹⁶. В героические времена, когда Государства были аристократическими, как это полностью было доказано выше, каждый из Героев лично обладал значительной частью общественной пользы, так как то были семейные монархии, сохраненные Героям их Отечеством; и ради этого великого личного интереса, сохраненного для них Государством, они естественно отодвигали на задний план меньшие личные интересы. Поэтому они естественно и великодушно защищали общественное благо, т.е. благо Государства, и мудро судили о Государственных делах. Все это было высоким промыслом Божественного Провидения, так как Отцы-Полифемы от своей дикой жизни, в какой мы их выше видели с Гомером и Платоном, без такого личного интереса, отождествленного с общественным, иным путем не могли быть направлены к соблюдению гражданственности, как это было рассмотрено выше в другом месте.

Обратное этому происходит в Человеческие Времена, когда Государства становятся или свободными народными или монархическими. Ведь в первом случае граждане распоряжаются общественным благом, распыленным на столько мельчайших ча-

стей, сколько существует граждан, составляющих народ, который повелевает. Во втором случае подданным приказано заниматься своими личными интересами и предоставить заботу об общественном благе Суверенному Государю. К этому следует прибавить естественные причины, породившие такие формы Государств, которые совершенно противоположны Государственным формам, порожденным Героизмом, а именно, как мы говорили выше, - стремление к удобству, нежность к детям, любовь к женщинам и жажда жизни. В силу всего этого ныне люди по природе склонны заботиться о мельчайших фактических обстоятельствах, уравнивающих их личную пользу: это - *aequum bonum*⁵⁹⁷, рассматриваемое в качестве третьего вида Понимания Права, о котором здесь должна идти речь; оно называется естественным Пониманием, а Юристы зовут его *aequitas naturalis*⁵⁹⁸: только его и способно уразуметь большинство, так как последнее рассматривает наиболее внешние, относящиеся к нему мотивы справедливости, которые проявляются в отдельных видах фактических обстоятельств. В Монархиях нужно лишь немного людей, мудрых в делах государственных, чтобы совещаться в кабинетах об *aequitas civilis* по поводу общественных дел, и очень много Юристов по Личному праву, преследующему *aequitas naturalis*, которое направляет правосудие для народов.

КОРОЛЛАРИЙ об Основоположной Истории Римского Права

То, что было здесь сказано по поводу трех видов Понимания, может послужить Основой для Истории Римского Права. Ведь Правления должны соответствовать природе управляемых людей (относительно этого выше была выставлена особая Аксиома⁵⁹⁹), так как именно из природы управляемых людей и вытекают эти Правления (как это было доказано выше нашими Основаниями). Поэтому и законы должны устанавливаться соответственно Правлению, а по этой причине и истолковывать законы следует в соответствии с формой Правлений. Последнего же, как будто, не делал никто, ни Юристы, ни Истолкователи: они совершали ту же самую ошибку, какую еще до них делали Историки Рима: они рассказывали, что законы были предписаны в разные времена этой Республики, но не замечали тех отношений, которые должны были существовать между законами и состоянием продвигающейся вперед Республики. Поэтому факты оказываются настолько лишенными своих причин, которые естественно должны были их произвести, что Жан Воден, в равной степени ученый юрист и политик, считает все созданное Древними Римлянами во время Свободы, ошибочно принимаемой Историками за народную, явлениями Аристократической Республики (на фактах ошибка эта была обнаружена в настоящих Книгах). В силу всего этого, если мы спросим таких Декораторов Истории Римского Права, почему древняя Юриспруденция была столь строгим применением Законов XII Таблиц, почему Средняя Юриспруденция посредством Преторских Эдиктов начала применять разумную мягкость, сохраняя все же уважение к этим Законам, почему Новая Юриспруденция, не оглядываясь на эти Законы, начала мужественно провозглашать

Естественную Справедливость (*aequitas naturalis*), - то они, чтобы привести хоть какой-нибудь довод, наносят тяжкое оскорбление римскому прямодушию, говоря, что строгость, торжественность, педантичность, словесная тонкость и, наконец, тайна этих Законов были Обманом со стороны Благородных, так как, имея эти Законы в своих руках, они обладали значительной частью могущества в городах. Однако такое поведение было далеко от всякого обмана; скорее то были нравы, вытекающие из природы людей, которая при помощи таких нравов порождала такие государства, со своей стороны диктовавшие именно такое, и не иное поведение. Ведь во времена наивысшей дикости первого Рода Человеческого, когда Религия была единственным могущественным средством для обуздания его. Провидение (как мы видели выше) установило такой порядок, что люди жили под властью Божественных Правлений и что повсюду царствовали священные законы (иными словами- тайные и запретные для простого народа), которые тем более были естественны в состоянии Семей, что охранялись они немymi языками; эти законы выражались посредством священных торжественных обрядов, сохранившихся впоследствии в *acta legitima*; тогдашнее грубое сознание считало такие торжественные обряды совершенно необходимыми для того, чтобы один мог удостовериться в доброй воле другого в отношении сообщаемой ему пользы, тогда как нашему современному и разумному сознанию достаточно для этого простых слов, а иногда даже и просто знаков. Затем последовали Человеческие Правления в гражданском состоянии аристократий, и так как естественно продолжали соблюдаться религиозные обычаи, то вместе с этой Религией продолжали охраняться тайные и запретные законы (эта тайна - душа Аристократических Республик); и благодаря религии строго соблюдались законы; в этом - строгость Гражданской Справедливости, *aequitas civilis*, главнейшей поддержки Аристократий. Позднее, когда возникли народные Республики, по самой своей природе искренние и великодушные, поскольку повелевать в них должно большинство, которое, как мы показали, естественно понимает Естественную справедливость (*aequitas naturalis*), тогда нога в ногу с ними появились так называемые простонародные языки и буквы (господином над ними, как мы показали выше, является большинство), и посредством этих букв приказано было записывать законы; тогда естественно была опубликована тайна, *jus latens*, "тайное право", которого, по словам Помпония, больше не хотел переносить римский плебс, почему последний и желал иметь законы, написанные на таблицах (так как простонародные буквы пришли в Рим от Греков, как мы говорили выше).

Такой порядок человеческих гражданских вещей в конце концов оказался как бы подготовленным для Монархических Государств: в последних Монархи желают издавать законы соответственно естественной справедливости, т.е., следовательно, такими, какими их понимает большинство (а потому они уравнивают в праве могущественных со слабыми), - это делает единственно только Монархия; Гражданская Справедливость, т.е. Государственный Смысл, становится понятной лишь немногим

мудрецам в Общественных делах и, соответственно своему вечному свойству, сохраняется втайне внутри Кабинетов.

ТРИ ВИДА СУДА

Видов Суда было три. Во-первых - Божественный Суд. В так называемом Естественном состоянии, т.е. состоянии Семей, когда еще не было Гражданской Власти Законов, Отцы Семейств обращались к Богам в случаях нанесенной им обиды (таково первоначальное и собственное значение выражения: *implorare Deorum fidem*⁶⁰⁰), они призывали в свидетели своего права Богов (таково первоначальное и собственное значение выражения *Deos obtestari*⁶⁰¹), и такие обвинения и защита были первыми в мире речами; так, у Латинян слово *oratio*, "речь", сохранилось в значении "обвинение" и "защита", о чем у нас есть прекраснейшие места у Плавта и у Теренция, а также два золотых места в Законах XII Таблиц: *furto orare* и *rapto orare* (не *adorare*, как читает Липсиус), в первом случае вместо *agere*, а во втором случае вместо *excipere*; таким образом, по таким *orationes* Латиняне называли *oratores* тех, кто произносит публичную речь по данному делу в суде. Простые и грубые люди первоначально взывали к Богам, веря, что они будут услышаны Богами, пребывающими в их воображении на вершинах гор; Гомер, например, рассказывает, что Боги находились на вершине горы Олимпа, а Тацит, описывая войну Гермундуров с Каттами, говорит о следующем их суеверии: они могли взывать к Богам, только обернувшись к вершинам гор, так как *preces mortalium nusquam propius audiri*⁶⁰². - Доказательствами, приводившимися на таких божьих судах, были сами Боги, так как в те времена Язычники все решительно представляли себе в виде Богов, например: Лар представлял собою собственность дома, *Dii Hospitales* - право гостеприимства. Боги Пенаты - отцовскую власть, *Deus Genius* - право браков, *Deus Terminus* - собственность на землю, *Dii Manes* - право на погребения; от всего этого сохранился в Законах XII Таблиц золотой след в выражении: *jus Deorum Manium*⁶⁰³.

После таких "речей" - *orationes* (т.е. "молений" - *obsecrationes* или *implorationes*, "призывов в свидетели" - *obtestationes*) стали проклинать (*exsecror*) виновных; поэтому у Греков (например, несомненно, в Аргосе) существовали храмы проклятий, а проклятые назывались **ἀναθήματα** (мы называем их теперь "отлученными"); против них приносили торжественные обеты (это называлось первоначально *puncipare vota*, что значит "приносить торжественно обеты", т.е. обеты в священных формулах), посвящали их Фуриям (последние поистине были *Diris devotae*) и потом убивали. Таков был обычай Скифов, как мы видели выше: они втыкали нож в землю, поклонялись ему как Богу, а потом убивали человека; такое убийство Латиняне обозначали глаголом *mactare*, - оно продолжало существовать как священное слово, применявшееся при жертвоприношениях; отсюда у Испанцев осталось *matar*, а у Итальянцев *ammazzare* в смысле "убивать"; и мы видели выше, что у Греков слово **ἄρα** сохрани-

лось в значении "тело, приносящее вред", "клятва" и "Фурия", а у Латинян ага значит и "алтарь" и "жертва". Таким образом, у всех наций сохранился какой-либо вид отлучения; Цезарь чрезвычайно подробно описывает отлучение у Галлов; у Римлян сохранился "запрет воды и огня", о чем речь была выше. Многие из такого рода посвящений перешли в Законы XII Таблиц: так, например, Юпитеру посвящали того, кто совершил насилие над плебейским трибуном, Богам Отцов посвящали нечестивого сына, Церере посвящали того, кто поджег чужие хлеба: его сжигали живым. Мы видим здесь свирепость божьих наказаний, аналогичную бесчеловечности, указанной в Аксиомах⁶⁰⁴, самых бесчеловечных ведьм: таковы были наказания, названные выше Плавтом *Saturni hostiae*. С такого рода представлениями о суде, осуществляемом у себя дома, начали народы вести войны, которые назывались *pura et pia bella* ("справедливые и священные войны"); их вели *pro aris et focis*⁶⁰⁵, за вещи гражданские, как за публичные, так и за частные, так как все человеческие вещи рассматривались как божественные; таким образом, все героические войны были войнами религиозными, так как Герольды, объявляя их, вызывали Богов из тех городов, которым они объявляли войну, и посвящали врагов Богам. Поэтому побежденных Царей Римляне представляли к *Jupiter Feretrius* на Капитолии, а потом убивали: примером этому служили безбожные насильники, которые были первыми *hostes*, первыми жертвами, посвященными Весте на первых в мире Алтарях. И сдавшиеся народы также рассматривались как люди без Бога, по примеру первых *famuli*. Поэтому рабы, как вещь неодушевленная, на языке Римлян назывались *mancipia* и в Римской Юриспруденции считались на положении вещей (*res rerum*).

КОРОЛЛАРИЙ о Поединках и Возмездии

Таким образом, одним из видов божьего суда во времена варварства наций были Поединки. Они должны были зародиться при наиболее древнем Правлении Богов и еще очень долго существовать в Героических Республиках. В Аксиомах⁶⁰⁶ мы привели следующее золотое место из "Политики" Аристотеля: он говорит, что тогда еще не существовало судебных законов для наказания за личные обиды или для защиты от личного насилия; этому свидетельству Аристотеля до сих пор не верили Ученые, составившие себе под влиянием тщеславия неправильное представление о философском Героизме первых народов, что явилось следствием представления о недосягаемой будто бы Мудрости Древних. У Римлян во всяком случае очень поздно были введены как Преторский *interdictum unde vi*, так и *actiones de vi bonorum raptorum* и *quod metus causa*⁶⁰⁷ (как мы говорили в другом месте); в эпоху Вернувшегося Варварства личное возмездие продолжало существовать до времен Бартоло. Таковы были *condictiones*, или частные иски Древних Римлян, так как *condicere* - по Фесту - значит то же, что и *denuntiare* - "объявлять": таким образом, отец семейства сначала должен был объявить (*denuntiare*) свое требование тому, кто несправедливо отнял у него его собственность, чтобы, тот восстановил ее, и потом уже

применять личное возмездие; поэтому такое *denuntiatio* сохранилось в качестве торжественного обряда в частных исках, что было чрезвычайно остроумно понято Ульрихом Цазиусом.

Однако поединки содержали реальные суждения и, поскольку они происходили *in praesenti*, не нуждались в объявлениях. Поэтому же *vindiciae* продолжали называть вещи, отнятые у незаконного их владельца посредством фиктивной (как говорит Авл Геллий⁶⁰⁸, "соломенной" - *festucaria*) силы; первоначально их отнимала настоящая сила (и тогда эти вещи назывались *vindiciae*), их нужно было отнести к судье и произвести над *gleba*, куском земли: *ajo hunc fundum meum esse ex jure Quiritium*. Поэтому неправильно пишут те, которые утверждают, что поединки были введены из-за отсутствия доказательств; скорее нужно сказать - из-за отсутствия судебных законов. Во всяком случае, Фрото, король Датский, приказал все споры заканчивать сражением и тем самым запретил оканчивать их законным судом⁶⁰⁹; по той же причине поединками полны законы Лонгобардов, Салических Франков, Англичан, Бургундцев, Норманнов, Датчан, Алеманов. Поэтому Куяций в книге о Феодах говорит: *Et hoc genere purgationis diu usi sunt Christian! tarn in civilibus, quam in criminalibus caussis, re omni duello commissa*⁶¹⁰. В Германии наукой о поединках занимаются так называемые "рейтары"; они обязывают дуэлянтов говорить правду; таким образом, поединки, поскольку к ним допущены свидетели, занимающие в них место судей, должны постепенно становиться судами, уголовными или гражданскими.

Считалось, что во времена первого варварства не было поединков, так как до нас не дошло об этом никаких упоминаний. Однако мы не можем себе представить, каковы были в этом состоянии те страдающие от обиды Полифемы Гомера, даже еще не вполне человеческие, которых Платон признает за древнейших отцов семейств в естественном состоянии. Во всяком случае, Аристотель сказал нам в Аксиомах⁶¹¹, что в древнейших республиках (а следовательно, и в состоянии семей, предшествующем городам) не существовало законов для наказания за обиды, лично наносимые гражданами друг другу; только что мы показали то же самое и применительно к древнему Риму; поэтому Аристотель там же, в Аксиомах, сказал нам, что этот обычай свойствен варварским народам, ибо, как мы там же отметили, народы при своем возникновении потому и оказываются варварскими, что они не приручены еще законами.

Однако у нас есть два великих следа этих поединков: один - в Греческой Истории, другой - в Римской. Народы должны были начинать войны (они назывались у древних латинян *duella*) со сражения лично обиженных, даже если последние были царями, причем оба народа смотрели на тех, кто на глазах у всех отмщает или защищается от обиды. Так, несомненно. Троянская Война началась со сражения Менелая с Парисом, т.е. того, у кого была похищена жена Елена, с тем, кто ее похитил; и так

как это сражение осталось нерешенным, то Греки и Троянцы начали вести войну. Выше мы указали на совершенно такой же обычай латинских наций, на войну Римлян и Альбанцев: сражением трех Горациев с тремя Куриациями (один из которых похитил Горацию) она была полностью решена. В такого рода судах при помощи оружия правом считалось счастье в победе: это было установлено Божественным Провидением для того, чтобы среди варварских народов, со слабым рассудком, не понимавших, что такое право, из одних войн не произрастали другие войны; таким образом, они получали представление о справедливости или несправедливости людей по благосклонности или неблагосклонности к ним богов. Совершенно так же язычники насмеялись над благочестивым Иовом⁶¹², когда он был лишен своего царственного благополучия, так как Бог отвернулся от него; по этой же причине во времена вернувшегося варварства побежденной стороне, даже если она была права, варварски отсекали правую руку.

Из такого обычая, осуществляемого народами у себя, возникла Внешняя Справедливость, как ее называют Теологи Моралисты, - Справедливость войны, делающая для наций безопасными их Империи. Те ауспиции, которые основали монархическую Отцовскую Власть для отцов в состоянии семей, которые подготовили и сохраняли за ними Аристократические Царства в Героических Городах и которые после приобщения к ним плебеев породили Народные Республики (как об этом нам откровенно рассказывает Римская История) - в конце концов те же ауспиции узаконивали посредством военной удачи завоевания для счастливых завоевателей. Все это может произтекать только благодаря врожденному представлению о Провидении, существующему неизменно у всех наций: ему они должны были подчиняться, когда видели угнетенными справедливых и преуспевающими злодеев, как об этом говорилось уже в главе "об Идее Произведения".

Второй вид судов, вследствие своего недавнего происхождения от Судов Божественных, был совершенно упорядоченным⁶¹³, так как в нем с наивысшей педантичностью обращали внимание на слова; эта педантичность по существовавшим до того Божественным Судам называлась *religio verborum* соответственно тому, что Божественные вещи повсюду приняты в таких священных формулах, где не может быть изменена даже самая незначительная буква, почему и говорили о древних исковых формулах: *qui cadit virgula, caussa cadit*⁶¹⁴. Естественное Право Героических Народов, естественно соблюдавшееся Древней Римской Юриспруденцией, заключалось в *fas Prætoris*, т.е. в неизменяемом изречении; по нему *dies fasti* назывались такие дни, в которые Претор отправлял правосудие; это правосудие, так как одни лишь Герои были к нему приобщены в Героических Аристократиях, должно было называться *fas Deorum* в те времена, когда, как мы выше разъяснили. Герои взяли себе имена Богов; отсюда же впоследствии появилось слово *Datum*, обозначающее такой стоящий над вещами природы непреодолимый порядок причин, который эти

вещи производит. Так как именно такова речь Богов; отсюда же, может быть, у Итальянцев появилось слово *ordīnare* в смысле "устанавливать" или "предписывать" такие Законы, которые необходимо соблюдать.

Такой Порядок, который на языке законов означает "торжественные формулы", предписывал жестокое и позорное наказание покрытому славой преступнику Горацию; поэтому сами Дуумвиры не могли оправдать Горация даже в том случае, если бы он был признан невиновным; и народ, к которому он апеллировал, оправдал его, по словам Ливия, *magis admiratione virtutis, quam iure caussa*⁶¹⁵. Такой судебный порядок был необходим во времена Ахилла, полагающего все свое право в силе, соответственно той характерной особенности Могущественных, которую Плавт так описывает со своим обычным изяществом: *paatum non paatum, pop paatum paatum*⁶¹⁸, если обещания не соответствуют высокомерным желаниям могущественных или если они сами не желают исполнять обещания. Таким образом, чтобы они не погрязали в тяжбах, драках и убийствах, Провидение установило так, что у них было следующее естественное представление о справедливости: право их заключается в том и в той мере, как и поскольку оно выражено словами в торжественных формулах. Поэтому слава Древнеримской Юриспруденции и наших старых Ученых Юристов заключалась в каутелировании, т.е. защите своих клиентов формулами. *Такой естественный обычай наций дал тему для целой Комедии Плавта, озаглавленной "Перс". Появляющиеся в ней свидетели провозглашают, что они — люди честные; от хозяина раба они узнают об интриге, задуманной им против сводника; они озабочены только тем, чтобы увидеть, как раб рассказывает своднику об опасности, и сводник, тем самым побежденный ими, бежит из Афин, чтобы не быть осужденным за соращение чужого раба.*

Таким строгим правом, естественно, руководствовались только люди; но по самой своей природе они верили, что руководствуются им и сами Боги, даже в своих клятвах. Гомер, например, рассказывает⁶¹⁷, как Юнона клянется Юпитеру (а он не только свидетель в клятвах, но и судья их), что она не требовала от Нептуна устроить бурю против Троянцев, так как она сделала это через посредство Бога Сна, и Юпитер удовлетворяется этим. Так же Меркурий, мнимый Сосия, клянется настоящему Сосию, что если он обманывает его, то пусть Меркурий накажет Сосию: не следует думать, что Плавт в "Амфитрионе" хотел выводить на театральной сцене таких Богов, которые учили бы народ ложным клятвам⁶¹⁸. Еще того меньше можно сказать это о Сципионе Африканском и о Лелии, прозванном Римским Сократом, двух мудрейших мужах Римской Республики, которые, как говорят, помогли Теренцию писать его Комедии: в одной из них ("Девушка с Андроса") Дав велит положить младенца перед входом Симона руками Мисиды на тот случай, что если его об этом случайно спросит его хозяин, то он с полным сознанием своей правоты сможет отрицать, так как сам он младенца не относил⁶¹⁹. Однако самым важным доказательством этому

служит то, что в Афинах, городе людей находчивых и образованных, при одном стихе Еврипида, который Цицерон так перевел на латинский язык: *Juravi lingua, mentem injuratum gero*⁶²⁰, зрители в театре от негодования подняли шум, так как они естественным считали то мнение, что *uti lingua nuncupassit, ita jus esto*⁶²¹, как это предписывали Законы XII Таблиц. Несчастный Агамемнон не мог освободиться от своего безрассудного обета - принести в жертву и убить невинную и благочестивую дочь Ифигению! Отсюда становится понятным, что Лукреций не знал Провидения, когда нечестиво воскликнул по поводу поступка Агамемнона: *Tantum Religio potuit suadere malorum!*⁶²² как мы говорили выше в Аксиомах⁶²³. Наконец, к теме нашего рассуждения примыкают два следующих доказательства, заимствованных из Юриспруденции и из Достоверной Римской Истории: во-первых, что в последние времена Республики Галл Аквиллий ввел *actio de dolo*, во-вторых, что Август уполномочил судей оправдывать обманутых и соблазненных.

Привыкнув к такому обычаю в мирное время, нации потом применяли его и на войне: побежденные по закону сдачи бывали или раздавлены несчастьями, или счастливо насмеялись над гневом победителей. Так, например, побежденные Карфагеняне получили от Римлян мир на том условии, что они сохраняют свою жизнь, свой город и свои богатства⁶²⁴, причем под словом "город" они понимали здания (что у Латинян называлось *urbs*); но так как Римляне употребили в данном случае слово *civitas*, которое значит "Община Граждан", то когда впоследствии во исполнение условия Карфагенянам было приказано покинуть находящийся на берегу моря город и уйти вглубь страны, они отказались повиноваться и снова взялись за оружие; Римляне объявили их мятежниками, и по закону героической войны Карфаген после взятия был варварски предан огню. И Карфагеняне не сетовали на поставленные им Римлянами условия мира, которых они не поняли во время переговоров, так как еще долго до этого они стали чрезвычайно понятливыми как в силу прирожденного африканского остроумия, так и из-за морской торговли, благодаря которой нации делаются более находчивыми. И Римляне в равной мере не считали эту войну несправедливой (хотя некоторые и считают, что Римляне начали вести несправедливые войны со времен войны из-за Нуманции, законченной Сципионом Африканским, однако все соглашаются с тем, что первая несправедливая война была та, которую они вели впоследствии с Коринфом). Но еще лучшим подтверждением нашего положения является один эпизод из времен вернувшегося варварства. Император Конрад III поставил такое условие сдачи города Вейнсберга (подстрекавшего его соперника занять Императорский трон): свободно разрешается выйти из него только одним женщинам с тем, что они могут вынести на своей спине; тогда благочестивые женщины Вейнсберга нагрузили на себя своих сыновей, мужей и отцов; и победоносный император, стоя у ворот города, готовый воспользоваться своей победой, которая по самой своей природе обычно делает дерзкими, совсем не поддавался гневу, столь ужасному у людей Высокопоставленных (и особенно губительному там, где он по-

рожден препятствием к осуществлению их желаний или их стремлением сохранить суверенную власть): стоя во главе войска, совершенно готового, с обнаженными мечами и с пиками наперевес, устроить избиение мужчин Вейнсберга, он смотрел и терпеливо ждал, пока проходили перед ним спасенными все те, кого он хотел поразить лезвием своего меча. Вот в какой мере можем мы утверждать, что естественное право развитого Человеческого Разума, описанное Гроцием, Зельденом и Пуфендорфом, естественно проходит через все времена у всех наций!

Все до сих пор рассмотренное, а также все, что будет рассмотрено ниже, вытекает из тех Определений Истинности и Достоверности законов и договоров, которые были помещены выше среди Аксиом⁶²⁵; и как в варварские времена естественным было строгое право, основанное на словах, т.е. в настоящем смысле слова *Fas Gentium*, так в культурные времена естественным оказывается милостивое право, оцениваемое по равной для всех полезности причин, - его в подлинном смысле слова можно было бы назвать *Fas Naturae*, неизменным Правом Разумной Человечности, настоящей и подлинной природы человека.

Третий вид Судов - это Суды совершенно неупорядоченные⁶²⁸; в них господствует истинность фактов; под диктовку совести, везде, где встретится нужда, на помощь им приходят милостивые законы во всем том, чего требует равная для всех полезность причин. Они овеяны естественным стыдом, плодом образованности, а потому и гарантией в них служит добросовестность, - дочь культуры, соответственно искренности Народных республик и еще того больше - благородству Монархий, где Монархи в такого рода судах торжественно ставят себя выше законов и считают себя подчиненными только совести и Богу. Из таких судов, осуществляемых в самую последнюю эпоху во время мира, возникли три системы права войны - Греция, Зельдена и Пуфендорфа. Заметив в них много ошибок и недостатков, отец Никколо Кончина сообщил нам другую систему, более согласную с хорошей Философией и более полезную для Человеческого Общества, которой он ко славе Италии до сих пор учит в знаменитом Падуанском Университете в качестве Первого Профессора Метафизики⁶²⁷.

ТРИ ТИПА ВРЕМЕН

Все рассмотренное выше осуществлялось в течение трех Типов Времен. Первыми из них были Времена Религиозные, протекавшие под Божественными Правлениями. Вторыми были Времена людей Щепетильных, таких, как Ахилл, а во времена вернувшегося варварства - Дуэлянтов. Третьими - Времена Гражданские, т.е. умеренные времена Естественного Права Народов, которое Ульпиан определяет при помощи видového различия "человечные": *jus naturale gentium humanarum*. Поэтому у Латинских Писателей времен Империи долг подданных назывался *officium civile*, а

каждое нарушение естественной справедливости в истолковании законов называлось *incivile*. Этот последний Тип Времен Римской Юриспруденции начался со времен Народной Свободы. Поэтому, чтобы приспособить законы к уже изменившимся природе, нравам и римскому правлению, сначала должны были Преторы смягчить строгость и суровость Законов XII Таблиц, предписанных тогда, когда они были естественными, в Героические Времена Рима. Затем должны были Императоры совлечь все наброшенные Преторами покровы и выявить совершенно открытой и великодушной (т.е. подобающей утонченности, достигнутой уже нациями) Естественную Справедливость. Поэтому Юристы типом своего времени, каким они могли его наблюдать, оправдывали свои рассуждения о справедливости: ведь именно таковы подлинные Типы Времен (*Sectae Temporum*) Римской Юриспруденции, в течение которых Римляне достигли соглашения со всеми другими нациями мира, внушив им идею Божественного Провидения, которое сами Римские Юристы установили в качестве Основания Естественного Права Народов. Это не Типы Времен Философов, как насильственно пытались утверждать некоторые Ученые Истолкователи Римского Права (выше мы говорили об этом в Аксиомах⁶²⁸). И если Императоры хотят обосновать свои законы или другие данные ими установления, то они говорят, что были к тому принуждены Типом своего Времени (как это следует из мест, выбранных Варнавой Бриссоном, "*De Formulis Romanorum*"), так как Школа Государей - нравы века; так, например, Тацит называет испорченным Тип своего времени в следующих словах: *corrumpere et corrumpi saeculum vocatur*⁶²⁹ (теперь мы сказали бы - "мода").

Три вида Охраны Аристократических Республик.

Такая постоянная, неизменная и упорядоченная последовательность человеческих гражданских вещей, заключенных в крепкую цепь тех многочисленных и разнообразных причин и следствий, которые мы наблюдали в поступательном движении, совершаемом Нациями, должна принудить наш ум к признанию истинности этих Оснований. Однако, чтобы не оставалось никакого места для сомнения в них, мы добавляем теперь объяснение других гражданских явлений, объяснимых только при помощи сделанного выше Открытия Героических Республик.

Об охране Границ

Ведь двумя главнейшими вечными особенностями Аристократических Республик являются два вида Охраны (как говорилось выше): во-первых - Границ и, во-вторых, Сословий, *в-третьих - законов* ⁶³⁰

Охрана границ началась, как мы видели выше, с кровавых религиозных обрядов при Божественных Правлениях, так как тогда нужно было установить границы

полей, чтобы защититься от гнусной Общности скотского состояния; такие границы первоначально должны были обозначать пределы владений семей, потом Родов, или Домов, затем Народов и, наконец, Наций. Поэтому Гиганты, как Полифем рассказывает Улиссу, жили каждый со своей женой и детьми в глубине своих пещер, и один совершенно не заботился о делах другого, соблюдая в этом навыки своего недавнего бесчеловечного происхождения; и они жестоко убивали каждого, кто переходил их границы, как это хотел сделать Полифем с Улиссом и его товарищами. В этом гиганте, как мы уже неоднократно говорили, Платон признает Отцов в составе Семей. Выше мы показали, что отсюда произошел чрезвычайно долго державшийся обычай городов видеть друг в друге вечных врагов. Вот как мягко проходило разделение полей, о чем говорит Юрист Гермогениан и что доверчиво было воспринято всеми Истолкователями Римского Права! С этого древнейшего момента Начала вещей человеческих, т.е. с того, с чего начинается самый материал, должна была бы разумно начинаться и та наука, которая учит *de Rerum divisione et acquirendo eorum dominio*. Такая охрана границ естественно практиковалась в Аристократических Республиках, которые, как уверяют Политики, образовались не посредством завоеваний. Однако впоследствии, когда совершенно рассеялась гнусная Общность вещей и когда были твердо установлены границы народов, тогда появились народные Республики, созданные для того, чтобы распространять свою Власть, и наконец, Монархии, еще того больше пригодные для этого.

В этом и ни в чем другом должна заключаться причина того, почему Законы XII Таблиц не признают "голого владения" (*possessio nuda*); а *usucapio* в героические времена служила для того, чтобы торжественно санкционировать естественную передачу (*traditio*); наилучшие истолкователи определяют ее как *dominii adjectio*, добавление гражданской собственности (*dominium civile*) к прежде приобретенной собственности естественной (*dominium naturale*). Однако позже, во время народной свободы, появились Преторы и подкрепили "голое владение" Интердиктами; тогда *usucapio* начала становиться *diminii adeptio*, т.е. способом приобретения с самого начала гражданской собственности; и если первоначально владение (*possessio*) совершенно не появлялось на суде, так как оно регулировалось претором во внесудебном порядке (соответственно сказанному выше), то теперь самые достоверные судебные приговоры - это приговоры о так называемых владельцах. Поэтому при народной свободе Рима в значительной степени, а при Монархиях - совершенно, отпадает различие между *dominium bonitarium*, *quiritarium*, *optimum* и, наконец, *civile*, которые при своем возникновении имели значения, совершенно отличные от современных. *dominium bonitarium* было естественной собственностью (*dominium naturale*), охраняемой вечным телесным владением. *dominium quiritarium* было такой собственностью, которую можно виндигировать, - она обращалась среди Плебеев после того, как им была предоставлена Благородными по Законам XII Таблиц (однако в случае виндикации Плебеи должны были указывать на Благородных как на своих

праводателей, так как основание собственности Плебеи получили от них, как это полностью было доказано выше). *Dominium optimum* было собственностью, свободной от всякого обременения не только частного, но и публичного, - ее сохранили в своей среде Патриции до установления Ценза, ставшего основой народной свободы, как было сказано выше.

Последнее, *dominium civile*, было собственностью самого Государства, - теперь ее называют верховной (*dominium eminentis*). Разница между *dominium quiritarium* и *dominium optimum* во времена народной свободы стала уже настолько темной, что о ней не имели ни малейшего представления Юристы позднейшей Юриспруденции. А во времена Монархии то, что называется *dominium bonitarium*, возникшее из простой естественной передачи и названное *dominium quiritarium*, восходящее к *mancipatio*, т.е. передаче гражданской, было совершенно спутано Юстинианом⁶³¹ в установлениях *de nudo jure Quiritium tollendo* и *de Usucapione transformanda*, и совершенно отпало знаменитое различие *res mancipi* и *res mancipii*. Осталось лишь *dominium civile* в значении собственности, способной породить *rei vindicatio*, и *dominium optimum* в значении собственности, не подлежащей никакому частному обременению.

Об охране Сословий

Охрана Сословий началась во времена божественные с Ревности (поэтому выше мы видели ревнивую Юнону, Богиню торжественных браков), чтобы благодаря ней появилась достоверность Семей вопреки гнусной Общности женщин. Такая Охрана - естественное свойство Аристократических Республик, которые стремятся сохранить родство, наследование, а тем самым богатства и благодаря им - могущество в замкнутых Сословиях Благородных. Поэтому у нации очень поздно появляются законы о наследстве; так, например, Тацит рассказывает⁶³², что у Древних Германцев вообще не было никакого завещания; а Царь Агис, желавший ввести такой закон в Спарте, был за это удушен Эфорами, стражами господской Свободы у Лакедемонян, как было сказано в другом месте. *Ведь завещание Телемаха, рассказанное Гомером и сообщенное Юстинианом в "Institutiones", было личным дарением на случай смерти (mortis causa); необходимость его признается на войне, чтобы имущество солдат, умирающих во время сражения, не оставалось без обладателя; от этого осталась та вечная особенность, что солдат, делающий завещание в предвидении сражения, может умереть pro parte testatus, pro parte intestatus.* Из этого становится понятным, насколько неправы были Декораторы ЗаконовХП Таблиц, помещая в таблице XI главу "*auspicia incommunicata plebi sunt*", так как первоначально от ауспиций зависели все гражданские права, как публичные, так и частные, сохранявшиеся в замкнутом сословии Благородных; частным правом были браки, отцовская власть, *suitas*, *agnatio*, *gentilitas*, наследование по закону, завещание и

опека, как мы говорили выше; итак, установив в первых десяти Таблицах, что все эти права предоставляются плебсу, т.е. установив законы, характерные для народной Республики (в особенности Закон о Наследовании), затем, в XI Таблице, одной единственной Главой они создают Республику совершенно Аристократическую. Но при всей этой путанице все же они говорят (хотя только в порядке предположения) одну лишь истину, и притом следующую: действительно, в двух последних Таблицах в законы перешли некоторые древние обычаи Римлян; а это удостоверяет нам, что Древнеримское Государство было Аристократическим.

Однако вернемся к нашей теме. Когда повсюду Род человеческий укрепился в результате торжественных обрядов при бракосочетаниях, тогда возникли народные Республики, и еще много позже - Монархии. В них посредством смешанных браков с Плебеями и наследования по завещаниям была нарушена замкнутость сословия Благородных, вследствие чего постепенно и богатства ушли из Благородных Домов (так как выше полностью было доказано, что до 309 года от основания Рима, когда Римские Плебеи добились, наконец, от Патрициев приобщения к коннубиям, т.е. к праву заключать торжественные браки, Плебеи заключали лишь браки естественные). Но даже и в этом столь несчастном состоянии, почти, что презреннейших рабов, как нам об этом рассказывает Римская История, Плебеи не могли претендовать на то, чтобы породниться с Благородными. В этом заключается одна из тех величайших вещей, о которых мы говорили в первом издании настоящего Произведения: если не подвести наших Оснований под Римскую Юриспруденцию, то Римская История оказывается еще более невероятной, чем Мифическая История Греков, как ее рассказывали нам до сих пор; относительно последней мы не знали, что именно она хотела сказать; относительно же Римской Истории мы ощущали в нашем существе совершенно обратный порядок человеческих желаний: в истории получалось так, что несчастнейшие люди с самого начала претендовали на благородство в распре из-за коннубий, потом на почести в споре из-за допущения их к Консульству и, наконец, на богатства в последней претензии на Жречество, тогда как в соответствии с общей и вечной гражданской природой люди сначала жаждут богатств, потом - почестей и в конце концов - благородства. Поэтому необходимо приходится сказать, что после того как плебеи добились от благородных *dominium certum* на поля посредством Законов XII Таблиц (выше мы показали, что это был второй в мире Аграрный Закон), и так как они оставались еще чужестранцами (ибо такая собственность допускалась и для чужестранцев), тогда они на опыте убедились, что не могут передавать ее ни в порядке законного наследования (*ad intestate*) своим родственникам (не заключая между собой торжественных браков, они не имели ни *suitas*, ни *agnatio*, ни *gentilitas*), ни еще того меньше - в порядке завещаний (*in testamento*), так как они не были гражданами (и не следует этому удивляться, так как Плебеи были людьми весьма мало разумными, как нам доказывают это законы *Furia*, *Voconia*, *Falcidia*, - все три были Плебисцитами): плебеи особенно в них нуждались, так как

законом Falcidia они осуществили, в конце концов, свое давнишнее желание, состоящее в том, что наследство не должно поглощаться легатами. Поэтому, убедившись через три года, что после смерти плебея, отведенные ему поля возвращаются к благородным, Плебеи под видом коннубий выставили претензию на Гражданство, как это было рассмотрено выше. Однако Грамматики, смущенные Политиками, которые воображали, что Рим был основан Ромулом в таком состоянии, какое характерно для современных городов, - эти Грамматики, говорим мы, не знали, что Плебеи героических городов в течение многих веков считались чужестранцами и что именно поэтому они заключали между собою естественные браки; в силу этого Грамматики не замечали, что они защищают как расходящееся с фактами, так и словесно не совсем латинское выражение: в Истории сказано, что Плебеи tentarunt Connubia Patrum, а не cum Patribus⁶³³ (законы о Коннубиях говорят, например, так: patruus non habet cum fratris filia connubium⁶³⁴), как об этом говорилось выше; если бы Грамматики это заметили, то они, несомненно, поняли бы, что Плебеи претендовали не на право родниться с Благородными, но на право заключать торжественные браки, принадлежавшее Благородным.

Если рассмотреть теперь порядок наследования по закону, как он устанавливается Законами XII Таблиц (умершему Отцу Семейства наследуют в первую очередь sui, при отсутствии их - agnati, а если нет и их, то gentiles), то Законы XII Таблиц окажутся для Римлян Салическим Законом, которого в первые свои времена придерживалась также и Германия. Поэтому можно предполагать, что такой же закон существовал и у других первых наций времен вернувшегося варварства. В конце концов, он остался во Франции, а вне Франции - в Савойе. Это право наследования, весьма удобно для наших целей, Бальдус называет Jus Gentium Gallarum⁶³⁵; совершенно так же такое римское право наследования (agnati и gentiles) справедливо можно назвать Jus gentium Romanarum⁶³⁶, а если прибавить слово Heroicarum⁶³⁷, что более соответствует Romanum, то мы получили в точности Jus Quiritium Romanorum⁶³⁸; выше мы доказали, что это право и есть Естественное Право, общее для всех Героических Народов. Ничто, как будто, не меняется в сказанном нами по поводу Салического Закона, исключая женщин из права Престолонаследия, если даже женщина Танаквиль правила Римским Царством: ведь в Героическом способе выражения это значит, что царствовал слабодушный Царь, которым правил ловкий Сервий Туллий; он захватил римское царство при поддержке Плебса, которому он уступил первый Аграрный Закон, как было показано выше. *Рассказывая об этом Аграрном Законе у Греков, Ливии определяет его в общей форме по следующему вечному свойству: facit ad accendendum adversus optimates plebem⁶³⁹, так что Аграрный Закон так же прошел через все нации, разрушая Аристократические Республики, как разобранные нами Законы XII Таблиц прошли повсюду, водворяя Свободные Республики, и как открытый нами Царский Закон также прошел повсюду, устанавливая Монархии.* Аналогично такой именно Танаквиль в героиче-

ском способе выражения времен вернувшегося варварства женщиной называли папу Иоанна (против этого мифа Леоне Аллаччи написал целую книгу), так как он обнаружил большую слабость, уступая Фотию, патриарху Константинопольскому (как это хорошо отметил Барониус, а после него - Спонданус). Итак, устранив эту трудность, мы по-прежнему утверждаем, что первоначально *Jus Quiritium Romanorum* обозначало *Jus Naturale Gentium Heroicarum Romanorum*⁶⁴⁰. И совершенно так же при императорах существовало такое право, которое Ульпиан определяет в следующих полных серьезной важности словах: *Jus Naturale Gentium Humanarum*⁶⁴¹; оно вводится в народных Республиках, а еще того больше - при Монархиях; поэтому и заглавие "*Institutiones*" нужно было бы читать так: *De Jure Naturali Gentium Civili*⁶⁴², не только отбрасывая запятую (вместе с Германом Вультеусом) между словами *naturali* и *gentium*, но и союз *et* перед словом *civili* и добавленное Ульпианом второе слово - *Humanarum*. Ведь Римляне должны были придерживаться своего собственного права, такого, каким они ввели его в век Сатурна и каким они сохраняли его сначала в обычаях, а потом в законах: Варрон также в своем великом Произведении "*De Rebus Divinarum et Humanarum*" рассматривал все Римские вещи как имеющие исключительно туземное происхождение, совершенно не смешанные ни с чем иностранным.

Вернемся теперь к героическому римскому наследованию. Мы имеем очень много и весьма сильных поводов сомневаться в том, что во времена древнего Рима дочери обладали правом наследования, так как у нас нет ни малейшего основания предполагать у Героических Отцов хоть какое нибудь чувство нежности, но очень много и весьма сильных поводов предполагать совершенно противоположное. Ведь Законы XII Таблиц призывали агната⁶⁴³ даже седьмой степени, чтобы отстранить от наследования своему отцу сына если он окажется эмансипированным, так как Отцы семейства обладали суверенным правом над жизнью и смертью, а тем самым и деспотической собственностью на приобретение своих сыновей. Отцы заключали браки за своих сыновей, чтобы ввести в свои дома женщин, достойных их дома (эта История рассказана нам словом *spondere* - "помолвить", в буквальном смысле - "обещать за другого", откуда *sponsalia* - "помолвка"); они рассматривали усыновление как тот же брак, чтобы укрепить приходящие в упадок семьи, выбирая чужих, но доблестных отпрысков; они рассматривали эмансипацию как наказание и кару; они не понимали легитимации, так как конкубинаты практиковались только с вольноотпущенницами и чужестранками, с которыми в героические времена не заключалось торжественных браков, чтобы сыновья не теряли благородства своих дедов; завещания их из-за всякого ничтожного повода или аннулировались, или нарушались, или не достигали своих целей, дабы вступало в силу наследование по закону. Настолько были они по самой своей природе ослеплены блеском своего личного имени и, следовательно, так сильно горели они по самой своей природе за славу их общего римского имени! Таковы нравы Аристократических Республик, т.е. Республик Героических, и все эти

особенности соответствуют Героизму первых народов (*это место следует сопоставить с тем Королларием в Книге II, где говорится о Героизме первых народов*). Достойна размышления грубейшая ошибка Ученых Декораторов Законов XII Таблиц, тех самых, которые утверждали, что эти законы были перенесены в Рим из Афин: будто у Римских Отцов семейства наследование *ab intestate* (еще до того, как эти Законы появились в Риме), наследование по завещанию и по закону должно было отходить в тот класс вещей, которые назывались *nullius*, или же в класс выморочного имущества. Другое размышление делает это еще более отчетливым: из-за Аграрных Законов Плебеи устраивали великие революции, но из-за других героических споров не происходило ни одной, так как первые касались таких вещей, которые не были связаны с личностью благородных и которыми плебеи могли обладать и не будучи благородными; но коннубии, консулаты и жречество были связаны с личностью благородных, и плебеи добивались их постольку, поскольку благами от них они пользовались вместе с благородными. Таким образом, во время мира эти споры шли только о почестях, и поэтому на войне они принуждали плебеев совершать великие подвиги (как это было выставлено в Аксиомах 644), чтобы доказать благородным, что плебеи достойны их прав, в чем однажды Сестий, плебейский трибун, упрекнул благородных. Эту великую истину знали, хоть и не слишком отчетливо, с одной стороны Макиавелли, который говорит, что причина римского величия заключалась в величии Духа Плебеев, а с другой стороны — Полибий, который относит ее к римскому благочестию, так как, добавим мы, Отцы говорили, что все Героические Права составляют их собственность, ибо *sua essent auspicia*⁶⁴⁶. При таком нашем объяснении оба эти писателя могут обвинить Плутарха в зависти, так как он делает из римского величия кузницу римского благополучия, и заметит Торквато Тассо, что он не вполне с ним справился в своем "Ответе Плутарху".

Однако чтобы мир не вернулся снова к гнусной Общности вещей, Провидение установило так, что достоверность собственности охранялась таким способом наследования, а вместе с ним сохранялась и Форма Аристократических Республик. Поэтому наследование по закону у всех первых наций естественно должно было соблюдаться до того, как стали известны завещания; последнее характерно для Народных Республик, а еще того больше - для Монархий.

На основе примера Древних Германцев мы можем предполагать существование такого же обычая у всех первых варварских народов. Тацит нам ясно рассказывает, что Салический Закон соблюдался также и в Германии, почему мы и высказали только что предположение, что он повсеместно соблюдался нациями во времена второго варварства.

Поэтому же Юристы Поздней Юриспруденции под влиянием источника тех бесчисленных ошибок, которые перечислены в настоящем Произведении (а именно - стремления судить о вещах неизвестных, относящихся к первым временам, по своим собственным позднейшим временам), думали, что Законы XII Таблиц призывали дочерей семейства к наследованию своим отцам (если они умерли без завещания) посредством слова *suus*, так как считалось, что мужской род этого слова относится также и к женщинам. Однако Героическая Юриспруденция, о которой так много говорилось в настоящих Книгах, принимала слова законов в их самом строгом значении, так что слово *suus* не означало ничего другого, кроме сыновей семейства. Непобедимым доказательством этого служит формула установления о Родившихся после смерти отца, введенная на много столетий позже Галлом Аквилием; она выражена так: *si quis natus natave erit*⁶⁴⁶, из опасения, что в одном слове *natus* не заключено также понятие и дочери, родившейся после смерти отца. Юстиниан не знал всех этих вещей, так как он говорит в "Институциях", что Законы XII Таблиц словом *adgnatus* называли в равной мере и агнатов-мужчин и агнатов-женщин и что впоследствии Средняя Юриспруденция сузила этот закон, ограничив понятие агната одними единокровными сестрами. На самом же деле должно было происходить совершенно обратное: первоначальное слово *suus* распространялось на дочерей семьи, а впоследствии слово *adgnatus* - на единокровных сестер. Таким образом, хоть и случайно, но совершенно правильно эта Юриспруденция была названа "Средней", так как, начиная с таких случаев, она стала смягчать строгость Законов XII Таблиц; и появилась она после Древней Юриспруденции, которая охраняла эти Законы с особенной педантичностью к словам (и о первой и о второй подробно говорилось выше).

Однако, когда Власть перешла от Благородных к Народу, тогда последний начал ощущать нежность кровного родства, так как Плебс полагает все свои силы, все свои богатства, все свое могущество в большом количестве детей (*до своего вступления в брак дети являются доходом и прибылью для отцов*); до этого Плебеи героических городов не должны были чувствовать ее, так как они воспитывали своих детей для того, чтобы сделать из них рабов Благородных; последние понуждали плебеев производить зачатие в такое время года, чтобы роды приходились на весну и чтобы вследствие этого дети рождались не только здоровыми, но и сильными; поэтому они назывались *vernae*, как утверждают Латинские Грамматики, и отсюда же, как было сказано выше, простонародные языки назывались *vernaculae*. Матери должны были скорее всего ненавидеть своих детей, так как они чувствовали только муки, рожая их, и только неприятности, кормя их грудью, не получая от них никакой радости или житейской пользы. Но многочисленность Плебеев в такой же мере была опасна для Аристократических Республик (их называют Республиками немногих), в какой она возвеличивала Народные Республики, а еще того больше - Монархии; отсюда то особенное покровительство, которое оказывают Император-

ские Законы женщинам на случай опасностей при родах и родовых муках. Поэтому со времен народной свободы Преторы начали принимать во внимание право кровного родства и оберегать его посредством *bonorum possessio*⁶⁴⁷; они начали лечить своими средствами недостатки или дефекты завещаний, чтобы получили распространение богатства, являющиеся единственным предметом восхищения для простого народа.

Когда же впоследствии появились Императоры, которым внушал опасение блеск знати, тогда они начали помогать развитию прав Человеческой Природы, общей как для плебеев, так и для благородных; началось это с Августа, занявшегося укреплением фидеикомиссов⁶⁴⁸, первоначально не обязательных для наследников; и он добился того, что за время его жизни они получили принудительную для наследников силу, и последние действительно должны были передавать имущество лицам, не обладавшим до того правом наследования. Затем последовало - множество сенатусконсультов⁶⁴⁹, уравнивших когнатов и агнатов. В конце концов, появился Юстиниан; он уничтожил различие между легатами и фидеикомиссами, смешал четверти *Falcidia* и *Trebellianica*, слабо различал Завещание от *Codicillus*⁶⁵⁰, а в наследовании *ab intestate* во всем решительно уравнивал агнатов и когнатов. Таким образом, последние Римские Законы были настолько расточительны, оказывая покровительство Последней Воле, что если в древности завещание оказывалось опороченным из-за всякого малейшего повода, теперь предписано было всегда истолковывать его так, чтобы оно скорее сохраняло свою силу, чем теряло. Под влиянием культуры народные Республики любят детей, а Монархии хотят, чтобы отцы были заняты любовью к детям, так как уже отпало циклопическое право отцов семейств над личностью детей, а вместе с тем отпало и право отцов на их приобретения; поэтому Императоры ввели сначала *rescuium castrense* для имущества сыновей, приобретенного на войне, а потом распространили его на *rescuium quasi castrense*, чтобы удерживать их на дворцовой службе; наконец, чтобы удовлетворить сыновей, не бывших ни солдатами ни учеными, Императоры ввели *rescuium dventicium*⁶⁵¹. Они значительно ослабили действие отцовской власти и в отношении усыновленных посредством *adoptio*, ограничив ее лишь узким кругом немногих родственников; они повсеместно одобряли усыновление посредством *arrogatio*⁶⁵², хотя и возникали некоторые трудности, если граждане из состояния отца семейства становились подчиненными чужой семье; они считали эмансипацию благодеянием; они придали легитимации *per subsequens matrimonium* полную силу торжественных браков⁶⁵³. Но больше всего, как им казалось, их величию мешала отцовская власть - *imperium paternum*, и они приказали называть ее *patria potestas*⁶⁵⁴; они следовали в данном случае примеру, показанному весьма предусмотрительно Августом чтобы не вызывать ревности у народа, будто он стремится отнять у него его *Imperium*, Август принял титул *Potestas tribunicia*, т.е. Покровителя Римской Свободы, так как Плебейские Трибуны обладали фактической властью (*potesta*), но у них никогда не было *imperium* в Республике; так,

например, во времена того же Августа, когда один Плебейский Трибун приказал Лаббону идти перед собою, тогда этот совершенно правильно отказался повиноваться ему, ибо плебейские Трибуны не обладали *imperium*. Ни Грамматики, ни Политики, ни Юристы не заметили, почему в продолжение споров о предоставлении Консулата плебсу Патриции, чтобы удовлетворить плебеев, не предрешая в то же время предоставления им *imperium*, нашли такой выход: выбирать юенных Трибунов, частью Благородных, частью Плебеев, *cum consulari potestate*, как мы всегда читаем в Истории, но не *cum imperio consulari*, чего мы никогда не читаем в Истории, и Тацит, стремящийся при помощи характерных особенностей слов делать свои политические указания, в начале "Анналов" говорит: *Jus tribunorum militum*⁶⁵⁵, пользуясь этим общим словом "право", а не характерным и важным "*imperium*"; и совершенно так же научно он сказал выше: *Decemviralis potestas*, так как первый год была законная власть (*imperium*), на второй год, пополнившись в результате насилия Аппия еще девятью лицами, Децемвир стал Тиранией (в Истории их так и называют десятью Тиранами), и таким образом он стал фактической властью (*potestas*), но не властью на законном основании. Поэтому свободная Римская Республика может быть выражена в следующем изречении, разбитом на триасти: *Senatus auctoritas, populi imperium, tribunorum plebis potestas*⁶⁵⁶. Из всего этого ясно видно, как мало понимал в природе человеческих гражданских вещей Жан Воден, который стремился доказать, что в его родной французской Монархии была сохранена отцовская власть (*patria potestas*) Древних Римлян! Оба эти слова сохранились в Законах с их прирожденным изяществом: *imperium* говорится о высших магистратах, как то Консулах и Преторах, причем *imperium* распространяется вплоть до права присуждать к смерти, а *potestas* говорится применительно к низшим магистратам, например к эдилам, и *modica coercitione continetur*⁶⁵⁷. Наконец, когда Римские Принцепсы распространили свое милосердие на все человечество, тогда они начали оказывать покровительство и рабам; они обуздали жестокость Господ по отношению к их несчастным рабам; они расширили действие и ограничили торжественную сторону *manumissio*; гражданство, которое раньше давалось только Великим Чужестранцам, имеющим большие зислуги перед Римским Народом, они давали всем и каждому, даже тому, у кого отец был рабом, лишь бы его мать была (вободной и родилась в Риме, хотя бы в качестве вольноотпущенницы. Такой вид свободного рождения в городах признается Естественным Правом, которое прежде называлось Правом Родов (*Jus Gentium*), т.е. Благородных Домов (так как в Героические Времена существовали исключительно Аристократические Республики, а характерная особенность их - такое право, как было сказано выше); потом появились народные Республики, где нации целиком оказываются Господами верховной Власти; а за ними - Монархии, где Монархи представляют подчиненные им Нации в целом; и в них это естественное право стало называться Естественным Правом Наций.

Об охране Законов

Охрана сословий влечет за собой охрану Магистратур и Жречества, а вместе с ними также Охрану Законов и Науки об их Истолковании. Поэтому мы читаем в Римской Истории тех времен, когда Рим был Аристократической Республикой, что в пределах Сословия Сенаторов (состоявшего тогда исключительно из Благородных) были замкнуты коннубии, консул, и жречество, и в пределах Коллегии Понтификов (куда принимались только Патриции, как и у всех других Героических Наций) охранялась священная или - что то же самое - тайная Наука о законах. По рассказу юриста Помпония, такое положение продолжалось у Римлян в течение ста лет после Законов XII Таблиц. Поэтому название *viri* ("мужи"), которое в те времена значило у Латинян то же, что и слово "Герои" у Греков, сохранилось для обозначения мужчин, вступавших в торжественные браки, магистратов, жрцов и судей, как об этом уже говорилось по другому поводу. Мы же здесь рассмотрим Охрану Законов, так как она; была наиболее важной особенностью Героических Аристократий, почему Патриции уступили ее Плебеям последнею.

Такая Охрана тщательно соблюдалась в божественные времена; поэтому соблюдение божественных Законов называется *Religio*; оно продолжало существовать при всех позднейших Правлениях, при которых божественные законы должны были соблюдаться в определенных и неизменных формулах, состоящих из священных слов и торжественных церемоний.

Эта Охрана Законов так характерна для Аристократических Республик, как ничто другое. Афины, а по их примеру почти все города Греции, быстро перешли к Народной Свободе на том основании, которое Спартанцы, жившие в Аристократической Республике, определяли следующим образом: они говорили Афинянам, что много законов в Афинах пишут и мало в Спарте соблюдают. Римляне в аристократическом состоянии были суровейшими стражами Законов XII Таблиц, как мы видели выше, так что Тацит сказал об этих законах: *finis omnis aequi juris*⁶⁵⁸: и действительно, раз считалось, что их достаточно для достижения равенства Свободы, то все последующие законы, изданные после Децемвиров, сводились к тем же Законам XII Таблиц, соответственно манере древних народов мыслить поэтическими характерами, как это было показано выше; Консульских Законов, относящихся к частному праву, или совсем не было или было очень мало; и именно поэтому Ливии назвал Законы XII Таблиц *fons omnis aequi juris*⁶⁵⁹, ибо они стали источником всяческого истолкования. Римские Плебеи так же, как и Афиняне, ежедневно издавали законы по отдельным поводам, так как они неспособны были понять Всеобщности. Такой беспорядок до некоторой степени поправил Сулла, Глава партии Благородных, после своей победы над Марием, Главой Плебейской партии, путем установления *quaestiones perpetuae*; однако после отказа Суллы от диктатуры законы по отдельным поводам снова начали множаться, как рассказывает Тацит, ничуть не меньше прежнего. Подобная

множественность законов, как уверяют Политики, является самой прямой дорогой к достижению Монархии. Поэтому Август для укрепления своей Монархии издал огромное количество законов, *Поэтому же его преемник Тиберий впоследствии радовался, глядя, как в Курии, с одной стороны, его сыновья нападают на законы, а с другой стороны, весь сенат защищает их, причем сыновья были побеждены; Каллигула, плохо перенося такие формулы законов, которые ставили под сомнение его свободную суверенную власть, так сказал юристам: rediga tasillos ad aequum*⁶⁶⁰ (здесь *aequum* носит оттенок жеста указания пальцем на самого себя). Следующие за ним Принцепсы воспользовались, прежде всего, Сенатом, чтобы издавать Сенатусконсульты по частному праву. И тем не менее даже во времена народной свободы так строго охранялись формулы исков, что потребовалось все красноречие Красса, которого Цицерон называл "Римским Демосфеном", чтобы доказать, что выраженная *substitutio pupillaris* обнимает невысказанную *substitutio vulgaris*⁶⁶¹; и нужно было все красноречие Цицерона, чтобы оспорить одну букву "R", которой недоставало в формуле: посредством этой маленькой несчастной буквы Секст Эбуций претендовал на захват имения Авла Цецины⁶⁶². Но, в конце концов, после того как Константин совершенно уничтожил формулы⁶⁶³, дело дошло до того, что каждый отдельный мотив справедливости делал недействительными законы. Таким образом, при Человеческих Правлениях умы человеческие послушно признают естественную Справедливость! Итак, от главы Законов XII Таблиц: "*privilegia ne irroganto*"⁶⁶⁴, соблюдавшейся во времена Римской Аристократии, в конце концов, через многочисленные законы по отдельным поводам, изданные, как было сказано, во время Народной Свободы, дошли при Монархиях до того, что Принцепсы не делали ничего другого, как создавали привилегии. И если привилегии создаются по заслугам, то нет ничего более соответствующего Естественной Справедливости. Можно даже с полным правом сказать, что все эксцепции, вносимые теперь в Законы, являются привилегиями, требуемыми особым положением фактов, изымающим их из общего положения законов.

Поэтому, как мы думаем, произошло так, что при незрелости, свойственной временам вернувшегося варварства, Нации не знали Римских Законов. Во Франции тяжело наказывали, а в Испании даже приговаривали к смерти всякого, кто пытался ввести такой закон в своей стране; в Италии, несомненно, Благородные стыдились решать свои дела по Римским Законам и предпочитали подчиняться Лангобардским; только Плебеи, поздно отвыкающие от своих обычаев, сохранили некоторые отношения Римского Права в виде права обычного. В этом заключается причина того, почему оказались погребенными "Corpus" Юстиниана, а также другие памятники западного Римского Права у Латинян и "Базилики"⁶⁶⁵, а также другие памятники восточного Римского Права у Греков. Однако позже, когда снова зародились Монархии и снова была введена Народная Свобода, тогда Римское Право, сведенное в книгах Юстиниана, было воспринято повсеместно, так что Гораций утверждает, что оно является

теперь Естественным Правом Народов Европы, *но он не знает причины того, почему вернулось то Естественное Право народов, которое естественно соблюдалось во времена Юстиниана.*

Здесь мы должны выразить свое восхищение римской серьезностью и мудростью, с какими при всех Государственных переменах Преторы и Юристы все свои силы направляли на то, чтобы слова Законов XII Таблиц лишались своего подлинного значения как можно меньше и лишь очень медленно (*соответственно меняющемуся состоянию государства, сначала свободного, а потом монархического, согласно тому политическому указанию Тацита, что законы не должны изменяться все в одно время*). Может быть, именно в силу этой причины главным образом Римская Империя так возвеличилась и так долго существовала, так как при всех переменах Государственного состояния она старалась всеми своими силами твердо стоять на своих Основаниях, которые были в то же время и Основаниями нашего Мира Наций, *как это было показано в настоящем произведении при помощи многочисленных доказательств: эти Основания Римляне во времена своей аристократии строго охраняли обычаями, а когда эти Основания впоследствии перешли в Законы XII Таблиц, то, как при народной свободе, так и при монархии Римляне свято хранили их посредством интерпретации.*

Все Политики согласны в том, что нет лучшего способа сохранить и возвеличить Государство. Таким образом, та же причина, которая породила для Римлян самую мудрую в Море Юриспруденцию, создала им и величайшую в Море Империю. Она же является и причиной Римского Величия, которую Полибий в слишком общей форме сводит к Религии Благородных, Макиавелли - обратно тому - к Величию духа Плебса, а Плутарх, завидуя Римской Доблести и Мудрости, - к их счастью (в книге "Fortuna Romanorum", на которую путями менее прямыми, чем наши, Торквато Тассо написал свой достойный "Ответ"),

ДРУГИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, заимствованные из Смешения в Государствах Первоначального способа Правления с Позднейшим Государственным Строем

Всем сказанным в этой Книге с очевидностью доказывається, что вся жизнь наций полностью протекает соответственно установленному нами порядку через три, и не больше, вида Гражданских Государств, которые все берут свое начало в-первых, т.е. Божественных, Правлениях. Повсюду с них начинаясь, соответственно выставленной выше Аксиоме666, как бы из оснований Вечной Идеальной Истории должен вытекать следующий ряд вещей человеческих: сначала - Республики Оптиматов, потом - Свободные Народные Республики и, наконец, Монархии. Поэтому, хотя Тацит и не видит такого порядка, все же он говорит, как мы указывали в "Идее Произведения", что сверх этих трех форм Общественного Состояния, установленных Природой Народов, других - смешанных из этих трех человеческим предвидением - скорее

можно желать от Неба, чем когдалибо возможно осуществить; а если они случайно и возникнут, то весьма недолговечны. Однако, чтобы не оставлять никакого сомнения в том, что относится к такой естественной последовательности Политических, т.е. Гражданских, Состояний, мы здесь покажем, как естественно смешиваются государства, но уже не по форме (тогда они были бы чудовищами), а так, что позднейшие формы государств смешиваются с первоначальными формами правлений. Такое естественное смешение, как бы оно ни было истинно, тем не менее, не было подмечено никем из Политиков; оно имеет основание в следующей Аксиоме: изменяясь, люди придерживаются в течение некоторого времени своих прежних навыков, а формы вследствие своего единства стремятся по мере сил изгнать из своих предметов все свойства других форм.

Поэтому мы утверждаем, что как первые языческие Отцы, перешедшие от жизни животных к жизни людей, сохраняли в религиозные времена, в Естественном Состоянии под Божественными Правлениями, многое от дикости и бесчеловечности своего недавнего происхождения (почему Платон и признает в Полифемах Гомера первых в Мире Отцов Семейства), так и при образовании первых Аристократических Республик за Отцами Семейства сохранилась полная Суверенная Личная Власть, какую они обладали раньше в Естественном Состоянии: и так как из-за своей необычайной гордости никто из них не желал уступить другому, ибо все они были равны, то посредством формы аристократии они подчинились публичной Суверенной Власти своих Правящих Сословий. Поэтому из личной высокой собственности (*dominium altum*) каждого из отцов семейства составила высшая публичная высокая собственность (*dominium altum superior*) Сенатов, и совершенно так же из Личной Суверенной Власти над своими семьями отцы сложили Суверенную Гражданскую Власть Сословий. Если не так, то невозможно понять, каким образом иначе из Семей сложились Города, которые именно потому и зародились в виде Аристократических Республик, естественно смешанных из Суверенных Семейных Властей. Пока Отцы сохраняли такую *auctoritas dorainii* в своих замкнутых Правящих Сословиях, пока Плебеи героических народов посредством законов самих Отцов не добились предоставления им *dominium certum* на поля, коннубии, *imperium* и жречеств, а вместе со жречеством также и науки о законах, до тех пор Республики продолжали быть Аристократическими, Когда же Плебеи героических городов возросли в числе и привыкли к войне настолько, что стали внушать страх Отцам, которых должно было быть мало в Республиках немногих, когда ко всему этому присоединилась сила плебеев, заключающаяся в их многочисленности, и когда плебеи начали издавать законы без авторитета Сенатов, тогда Республики изменились и из аристократических стали народными, так как ни одного мгновения, ни один из этих видов Республик не мог прожить с двумя Высшими Законодательными Властями, не разграниченными ни по предмету, ни по времени, ни по территории. По поводу первых, во вторые и в пределах третьих должны были издаваться законы, как, например, Закон Публилия, в ко-

тором диктатор Филон объявил, что Римская Республика по самой своей природе стала уже народной. Так как авторитет собственности (*auctoritas domini*) удержал то, что он мог удержать в своей изменившейся форме, то он естественно стал авторитетом опеки (*auctoritas tutelae*); совершенно так же власть отцов над своими несовершеннолетними детьми в случае смерти первых переходит к другим лицам в виде авторитета опекунов (*auctoritas tutoris*). Свободные народы, господа своей власти, как бы царствующие подопечные, слабые разумом в делах публичных, естественно позволяют руководить собою авторитету своих Сенатов, как бы опекунов. Так свободные по своей природе Республики управляются аристократически. Но после того как Могущественные в Народных Республиках стали направлять Общественный Совет в личных интересах своего Могущества, после того как Свободные Народы в целях личной пользы дали могущественным соблазнить себя и подчинили свою общественную свободу их властолюбию, тогда возникли партии, начались восстания и гражданские войны, и во взаимном истреблении наций возникла форма Монархии.

О ВЕЧНОМ И ЕСТЕСТВЕННОМ ЦАРСКОМ ЗАКОНЕ, посредством которого Нации находят покой в Монархиях

Такая форма Монархии вводится обычно Вечным и Естественным Царским Законом. Его чувствовали все те Нации, которые признавали, что Август заложил Монархию Римлян. *Действию этого Закона удивляется Боден, так как он не знает его причины; он замечает, что все необходимые для монархии установления единообразны у Евреев, Римлян, Турок и Французов, и что они меняются лишь в звуке слов этих четырех различных языков; ведь эти четыре нации совершенно одинаково чувствуют, что именно такие, а не иные установления, и именно столько, а не больше и не меньше, нужно для Монархии, если мы только не захотим, чтобы Царский Закон Самуила, посредством которого Саул был Богом установлен в качестве Монарха, проходил по миру теми же путями, как и Пифагор, от Евреев к Римлянам, а от Римлян к Туркам и к Французам. Уравниватели Антического Права заставляют перейти Законы XII Таблиц из Афин в Рим потому, что они замечают, опираясь на Греческих Авторов, совпадение небольшого числа римских гражданских обычаев с обычаями Афинскими. Однако относительно patria potestas, suitas, agnatio, gentilitas, а тем самым и относительно наследования по закону, завещаний, опеки, mancipatio (посредством которой освящались все законные акты, например браки и усыновления, и без которой живые люди не могли приобрести гражданской собственности), относительно usucatio и, наконец, stipulatio (посредством которой приобретали силу все договоры), — а в этих вещах заключается вся основа Римского права, как и в подмеченных Боденом установлениях, единообразных у четырех названных выше наций, заключается целиком вся форма монархического Правления, — относительно этих вещей, говорим мы, они не могут привести ни одного параллельного места, ни у одного Греческо-*

го Писателя. Ослепила же их роскошь греческих похорон, запрещенная Римскими законами. Мы можем пожелать им нашей Науки: она дала бы им Открытие Поэтических Характеров, посредством которых в течение долгого времени говорили древние нации. Тогда они смогли бы понять, что эта роскошь появилась в Риме после того, как Римляне познакомились с Греками (это произошло по случаю Тарентской Войны, вызвавшей вскоре войну с Пирром). Они смогли бы также понять, что к Законам XII Таблиц постепенно присоединялись законы, которые издавались еще долго после 303 г. от основания Рима, как мы это полностью доказали выше в "Короллариях к Поэтической Логике". Вернемся теперь к нашей теме. Мы говорим, что этого Естественного Царского Закона, понятного всем нациям, не сумели увидеть все истолкователи Римских законов, занятые Мифом о Царском Законе Трибониана, который в "Институциях"⁶⁶⁷ откровенно провозглашает себя его автором; в одном месте "Пандект" этот Закон приписывается Ульпиану. И если бы Трибониан не наговорил басен по поводу этого закона, то Истолкователи не могли бы привести другого основания для Римской Монархии, установленной Августом. Однако хорошо понимали этот закон Римские Юристы, превосходно знавшие Естественное Право Народов, так как Помпоний в краткой Истории Римского Права, говоря по поводу этого закона, описал нам его в следующем глубокомысленном выражении: *rebus ipsis dictantibus regna condita*⁴⁰⁸. Этот Естественный Царский Закон был воспринят в такой естественной формулировке вечной пользы: после того как в Свободных Републиках все предалось соблюдению своих частных интересов, которым они заставили служить свое общественное оружие во взаимном истреблении наций, тогда, чтобы сохранились нации, появляется один единственный человек, как, например, Август у Римлян, который силою оружия берет на себя все общественные заботы и предоставляет подданным заботиться о своих частных делах; у подданных остается та забота о делах общественных и лишь постольку, какую, и поскольку им разрешает Монарх. Так спасаются народы, которые в противном случае должны были бы погибнуть. С этой истиной соглашаются Доктора современного Права, говоря, что *Universitates sub Rege habentur loco Privatorum*⁶⁶⁸, так как большая часть граждан не заботится уже больше о публичном благе. Тацит, глубокий знаток Естественного Права Народов, показывает в "Анналах" происхождение безразличия граждан к общественным делам на примере одного единственного семейства Цезарей при помощи следующего порядка человеческих гражданских идей: при приближении кончины Августа *pauci bona libertatis incassum disserere*⁶⁶⁹; как только появился Тиберий, *omnes Principis jussa adspectare*⁶⁷⁰; при трех следующих Цезарях сначала появилась *incuria*⁶⁷¹, а под конец *-ignorantia reipublicae, tanquam alienae*⁶⁷². Поэтому когда граждане становятся почти что чужестранцами в своих нациях, тогда оказывается необходимым, чтобы Монархи своей особой их направляли и представляли. Итак, чтобы могущественный человек в Свободных Републиках мог вознести себя до Монархии, народ должен разбиться на партии; поэтому Монархии по самой своей природе управляются народно: сначала - Законами, по-

средством которых Монархи хотят уравнивать всех подданных, затем - соответственно той характерной особенности Монархий, что Суверены, подавляя Могущественных, делают большинство свободным от угнетения последних; потом - соответственно другой характерной особенности - Монархи стремятся сохранить в большинстве удовлетворенность и довольство, поддерживая жизненно необходимое и пользу естественной свободы; наконец - посредством привилегий, которые Монархии допускают или для целых сословий (они называются привилегиями Свободы), или для отдельных лиц, награждая их гражданскими почестями за необычайные заслуги и ставя их вне сословий: таковы законы по отдельным случаям, продиктованные Естественной Справедливостью. Поэтому Монархии по преимуществу соответствуют Человеческой Природе наиболее развитого разума, как об этом говорилось в другом месте.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ОСНОВАНИЙ Политического Учения в Системе Бодена

Из сказанного до сих пор становится понятным, как ненаучно Жан Боден установил Основания своего Политического Учения! Он располагает Формы Гражданских Государств в следующем Порядке: сначала были формы монархические, потом они перешли через Тиранию к свободной народной республике, наконец, появляются аристократии. Для опровержения его здесь было бы достаточно той естественной Последовательности Политических форм, которую мы показали на фактах, главным образом в этой книге, при помощи бесчисленных доказательств. Однако нам хотелось бы *ad exhiberantiam* опровергнуть его, приведя к невозможности и абсурдности такой позиции.

Боден, несомненно, допускает истинность того положения, что на основе Семей сложились Города; с другой стороны, в силу всеобщей ошибки, отмеченной нами выше, он считал, что Семьи включали в себя одних лишь детей. Теперь мы спрашиваем его: каким образом на основе таких Семей могли возникнуть Монархии? Есть два к тому пути: или сила, или обман. Если путем силы, то как один отец семейства мог подчинить себе других? Ведь если даже в Свободных Республиках, которые, по Бодену, появились после Тираний, отцы семейства приносили в жертву своей отчизне, сохранявшей им семьи, и себя, и свои семьи (почему они и оказались уже достаточно прирученными для Монархий), то не должны ли мы считать, что отцы семейства, тогда еще Полифемы из-за своего недавнего происхождения от самой свирепой животной свободы, скорее дали бы себя убить вместе со всеми своими семьями, чем перенесли бы неравенство? Если путем обмана, то ведь им пользуются те, которые добиваются господства в Свободных Республиках, обещая соблазненным или свободу, или могущество, или богатство; если - свободу, то в состоянии Семей все Отцы были Суверенами; если - могущество, то природа Полифемов заключалась в том, что они сидели поодиночке в своих пещерах и заботились о своих семьях.

ях, совершенно не вмешиваясь в чужие дела, соответственно навыкам своего бесчеловечного происхождения; если - богатство, то при простоте и бережливости первых времен его вообще совершенно не понимали.

Трудность еще больше возрастает потому, что в первые варварские времена еще не было Крепостей, и первые героические города, составившиеся из Семей, долгое время были без стен, как нам выше удостоверил это Фукидид⁶⁷³. Ревность государства в этом отношении была особенно страшна в Героических Аристократиях, как мы сказали выше: Валерий Попликола был заподозрен в стремлении к тирании, так как он построил дом на высоком месте; вместо того, чтобы оправдываться, он в одну ночь разрушил его, а на следующий день, созвав публичное собрание, приказал ликторам бросить консульские связки к ногам народа⁶⁷⁴.

Обычай иметь города без стен особенно долго сохранялся там, где нации были особенно свирепы: так, мы читаем, что в Германии Генрих, по прозванию Птицелов, первый начал выводить народы из деревень, по которым они раньше были рассеяны, в города и окружать города стенами. Таким образом, первыми основателями Городов были те, которые плугом очерчивали стены и ворота (Латинские Этимологи утверждают, что porta - "ворота" - были так названы от portare aratro⁶⁷⁵, так как плуг приподнимали кверху там, где хотели иметь открытый проход для ворот!). В результате свирепости варварских времен и небезопасности Королевств при Испанском дворе за шестьдесят лет было убито больше восьмидесяти членов Королевского дома, так что отцы Эльвирского Синода (Concilium Illiberitanum), одного из самых старых в Латинской Церкви, осудили на длительное отлучение виновников столь участвовавших злодеяний.

Но трудность возрастает до бесконечности, если только предположить, что Семьи состояли из одних лишь детей; посредством ли силы, посредством ли обмана, во всяком случае, сыновья должны были стать слугами чужого властолюбия и обманывать или убивать своих собственных отцов. Но тогда уже не Монархии должны были бы быть первыми, а нечестивые и злодейские тирании. Так, например, благородные юноши в Риме приносили клятву идти против своих отцов в пользу тирана Тарквиния из-за той ненависти, которую они испытывали к строгости законов, свойственной Аристократическим Республикам; эти законы мягки в Народных Республиках, милостивы в законных Царствах, развращены в Тираниях. Такая клятва стоила этим юношам жизни: среди них были два сына Брута, и, приговоренные отцом к самому суровому наказанию, оба они были обезглавлены. Таким образом, Римское Царство не было Монархией, и Свобода, установленная Брутом, не была народной свободой. Итак, в силу этих больших и многочисленных трудностей Боден, а вместе с ним и все другие Политики должны признать существование Семейных Монархий в состоянии Семей такими, какими они были здесь показаны, а также и то, что Семьи, по-

мимо сыновей, включали в себя также и *famuli*, по которым главным образом они и были названы; выше мы нашли, что эти *famuli* были прототипами рабов, так как последние появились после возникновения городов, вместе с войнами. Таким образом, материалом Республик оказываются свободные люди и слуги⁶⁷⁶; такими их и принимает Боден в качестве материала Республик, однако из его позиции это не следует. Так как возникает трудность, каким образом свободные люди и слуги могут оказаться материалом Республик в соответствии с его системой, то Боден удивляется, почему его нация была названа франками, которых, как он видит, в их первые времена считали презреннейшими рабами: ведь со своей позиции он не мог видеть, что из освобожденных по закону Петелия рабов образовались нации. Таким образом. Франки, которым удивляется Боден, оказываются теми "людьми", *homines*, которым удивляется Гетман, т.е. так называемыми земледельческими вассалами; из них, как было показано в настоящих книгах, составились плебеи первых народов, тогда как самые народы состояли из Героев.

Многочисленность плебеев (это также было доказано) влекла аристократии к Народной Свободе и, наконец, к Монархиям при помощи Народных Языков, посредством которых в каждом из двух позднейших Состояний Государства выражаются законы, как было сказано выше; поэтому Латиняне народный язык называли *vernacula*, так как *vernae* назывались рабы, родившиеся в доме, в противоположность рабам, взятым на войне; они, как мы выше доказали, существовали у всех древних наций, начиная с состояния Семей. Греки потому перестали называть себя Ахейцами, что у Гомера "сынами Ахейскими" назывались Герои; они стали называть себя Эллинами по Эллину, положившему начало народному греческому языку. Совершенно так же перестало существовать название "сыны Израилевы", употребительное в первые времена, и осталось "Еврейский народ" от *Heber*, который, по мнению Отцов Церкви, был распространителем Священного Языка. Таким образом, ни Боден, ни все другие, писавшие о Политическом Учении, не видели следующей блистательнейшей истины, с очевидностью доказанной во всем настоящем произведении, в особенности Римской Историей: что плебеи народов всегда и у всех наций изменяли Государства из Аристократических в Народные, из Народных в Монархические; и как они основывали народные языки (выше это подробно доказано в главе "О Происхождении Языков"), так они давали и название нациям (соответственно тому, что мы только что видели). Так, древние Франки, которым удивляется Боден, дали название его родной Франции.

Наконец, Аристократических Государств - на основании существующего у нас опыта - сейчас очень мало, и притом сохранились они со времен варварства: таковы Венеция, Генуя, Лукка в Италии, Рагуза в Далмации и Нюрнберг в Германии, так как все другие - Народные Государства, управляемые аристократически. И когда тот же Боден в соответствии со своей позицией хочет видеть Римское Царство Монархиче-

ским, и когда он хочет, чтобы после изгнания Тиранов в Риме была установлена народная Свобода, то он не может не заметить, что в первые времена свободного Рима обнаруживаются такие явления, которые не соответствуют его основаниям, так как они характерны для Аристократической Республики. Как мы отметили выше, Боден, чтобы выйти с честью из такого затруднения, сначала утверждает, что Рим был народным по государственному устройству, но аристократическим по образу правления; однако позже, побуждаемый к тому силой истины, он в другом месте с грубым непостоянством признает, что Рим был аристократическим не только по образу правления, но и по государственному устройству. Такие ошибки в Политическом Учении были порождены следующими тремя неопределенными словами, как мы отметили выше в другом месте: "народ", "царство" и "свобода". Думали, что первые народы складываются из граждан, как плебеев, так и благородных, тогда как мы здесь при помощи тысячи доказательств нашли, что народы состояли из одних лишь благородных. Думали, что в Древнем Риме была установлена народная свобода, т.е. свобода народа от господ, тогда как мы нашли, что то была Господская Свобода, т.е. свобода господ от тиранов Тарквиниев. Поэтому убийцам таких тиранов воздвигались статуи, так как они убивали по повелению самих Правящих Сенатов. Цари при дикости первых народов и небезопасности Царских Домов были аристократическими: таковы два пожизненных Спартанских Царя в Спарте, Республике, несомненно, аристократической, как это было здесь показано; потом в Риме были два консула с годичным сроком избрания, которых Цицерон в своих "Законах" называет *Reges Annii*; в результате такого установления Юния Брута Римское Царство, как об этом прямо говорит Ливии, ни в чем решительно не изменило царской власти; а выше мы видели, что против постановлений этих годичных царей в течение их царствования можно было апеллировать к народу, а по окончании своего царствования они должны были давать отчет в своих распоряжениях самому народу. Мы говорили также, что в героические времена Цари ежедневно прогоняли друг друга с трона, как нам рассказал об этом Фукидид; с этими временами мы сопоставили времена вернувшегося варварства, когда нет ничего более изменчивого и недостоверного, чем судьба Царств. Мы взвесили слова Тацита (а он часто делает свои указания посредством характерных особенностей и силы самих слов), который начинает "Анналы" следующим изречением: *Urbem Romam principio reges habuere*⁶⁷⁷; это обозначение - самый слабый из тех трех видов владения, которые находятся в распоряжении юристов: *habere, tenere, possidere*; Тацит воспользовался даже словом *urbem*, ибо это в собственном смысле постройки, чтобы обозначить владение чем-то телесным; Тацит не сказал *civitatem*, так как *civitas* - Община Граждан, которые или все или в большей части своими душами образуют общественный разум.

ПОСЛЕДНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, подтверждающие поступательное движение Наций

Существуют также и другие совпадения явлений и причин, определяемые Основа-ниями нашей Науки; они подтверждают то Естественное Поступательное Движение, которое нации проделывают за свою жизнь. Большая часть этих совпадений в раз-ных местах и беспорядочно была уже упомянута, здесь же они объединяются и рас-полагаются в порядке естественной последовательности Человеческих Гражданских Вещей.

Прежде всего Наказания. Во времена Семей они были чрезвычайно жестоки, как, например, наказания Полифемов; в этом состоянии Аполлон сдирает шкуру с живого Марсия. Та же жестокость продолжала существовать и в Аристократических Респуб-ликах; поэтому Персей своим щитом, как мы выше разъяснили, превращает в ка-мень тех, кто смотрит на него. Наказания у греков назывались

Παραδείγματα 678 в том же смысле, в каком Латиняне называли *exempla* примерные кары; и во времена вернувшегося варварства, как мы уже отметили выше, "обычны-ми наказаниями" назывались наказания смертью. Поэтому и в Спарте, Республике, как мы говорили, Аристократической, Законы были дикими и жестокими, по мнению как Платона, так и Аристотеля: согласно этим законам славнейший царь Агис дол-жен был быть удушен Эфорами. Согласно таким же законам в Риме, пока он был аристократическим по состоянию, славный победитель Горацій должен был быть голым избит розгами и затем повешен на несчастном дереве (и о том, и о другом было сказано выше по другому поводу).

По Законам XII Таблиц осуждался на сожжение живым тот, кто поджег хлеба своего соседа; низвергались с Тарпейской скалы лжесвидетели; живыми разрезали на куски несостоятельных должников; от такого наказания Тулл Гостилий не избавил Метия Фуффетия, равного себе царя Альбы и своего неверного союзника; а еще раньше сам Ромул был разорван на куски Отцами из-за простого подозрения в умысле про-тив Государства (пусть это будет сказано для тех, которые стремятся утверждать, что такое наказание никогда не практиковалось в Риме). - Позднее появились мило-стивые наказания, применяемые в Народных Республиках, где повелевает боль-шинство; так как последнее состоит из слабых, то оно естественно склонно к состра-данию. Знаменитого преступника Горация, который под влиянием героического гне-ва убил свою сестру, плакавшую во время народной радости, римский народ осво-бодил от наказания *magis admiratione virtutis, quam jure caussae*⁶¹⁵, по изящному выражению Ливия, отмеченному выше: мы слышали, что при мягкости, свойственной народной свободе, Платон и Аристотель во времена свободных Афин порицают Спартанские законы, и совершенно так же Цицерон⁶⁷⁹ кричит, что бесчеловечно и жестоко присуждать к такому наказанию римского всадника Рабирия, повинного в мятеже. Наконец, дело доходит до Монархии, где Государям доставляет удоволь-ствие слышать привлекательный титул "Милосердных".

Дальше, в варварских войнах героических времен разрушали взятые города, а побежденное население превращали в толпы поденщиков и рассеивали по деревням, чтобы возделывать поля победителей (то были, как мы говорили выше, материковые героические колонии). Затем, вследствие великодушия Народных Республик, до тех пор, пока они направлялись своими сенатами, у побежденных отнимались лишь права героических народов, но им предоставляли совершенно свободно пользоваться "Естественным Правом человеческих народов" (как его называл Ульпиан); поэтому с распространением завоеваний все те права, которые впоследствии назывались *proprīae civium Romanorum* 680, ограничивались одними лишь Римскими Гражданами; то были: браки, отцовская власть, *suitas*, *agnatio*, *gentilitas*, квинтитская, т.е. гражданская собственность, *mancipatio*, *usucapio*, *stipulatio*, завещания, опека и наследование; все свободные нации до своего покорения имели такие гражданские права в качестве своих собственных. Наконец, дело дошло до Монархий, которые стремились при Антонине Пии 681 из всего римского мира сделать один-единственный Рим; желание сделать один-единственный Город из всего Мира характерно для великих Монархов; так, например, Александр Великий говорил, что для него весь мир - один Город, а кремль в нем - его Фаланга. Поэтому Естественное Право Наций, осуществлявшееся Римскими Преторами в Провинциях, в конце большого промежутка времени стало руководящим и для законов самого Рима, так как отпало Героическое Право Римлян над Провинциями: ведь Монархи стремятся уравнивать всех подданных своими законами; Римская Юриспруденция, которая в героические времена основывалась исключительно на Законах XII Таблиц, а позднее, во времена Цицерона, как он сообщает в книге "De Legibus" 682, начала руководиться Эдиктом Римского Претора, в конце концов, начиная с императора Адриана и дальше, целиком занялась *Edictum perpetuum*, составленным Сальвием Юлианом почти исключительно из Провинциальных Эдиктов.

От маленьких округов, которыми хорошо управляли Аристократические Республики, через завоевания, к которым особенно склонны Свободные Республики, дело, в конце концов, доходит до Монархий, которые тем более прекрасны и величественны, чем они больше.

От пагубной подозрительности Аристократий, через волнения Народных Республик, нации, в конце концов, приходят к тому, что находят покой в Монархиях.

Все рассмотренное в настоящей книге характерно для нашей Науки, прежде всего и главным образом в свойственном ей аспекте Вечной Идеальной Истории, согласно которой протекают во времени Истории всех наций — в их возникновении, движении вперед, состоянии, упадке и конце. Такая Вечная Идеальная История должна быть объяснена как бы из своих особых оснований и должна заканчиваться в Аксиомах LXVI, LXVII и LXVIII, а также в XCV и XCVI, к которым она должна быть сведена, как к своим источникам. Кроме того, как бы в виде следствия из такой Вечной Идеальной Истории, наша Наука в аспекте Системы Естественного Права Народов вырастает, как плоды из семян, из Аксиом с XC по

СIX: в них встречается все то, что здесь было сказано по этому поводу, а тем самым оказалось доказанным, что Римляне, которые предоставили руководить собою Божественному Провидению посредством человеческих нравов, соответственно своей человеческой общественной практике определяли право в теории своих законов, как каждый знает, так: Jus Naturale Gentium Divina Providentia constitutum⁴⁰⁹. Это право мы рассматривали главным образом при помощи римских нравов во всем настоящем Произведении и, в частности, в этой книге, чего не делал Гроций. Под влиянием своей великой любви к истине он провозглашает, что его Система направляет и даже уточняет всякое познание Бога. Но такого права не может направлять ни одна Система, если она не начинается с познания провидящего Бога. Зельден предполагает его. Пуфендорф серьезно не говорит о нем, так как начинает с совершенно Эпикурейской гипотезы о человеке, брошенном в наш мир без всякой заботы и помощи Бога. И вследствие тщеславия ученых все трое согласно думали, что народы, потерявшиеся в греховном скитании, соблюдали в обычаях такое же Естественное Право, как и Евреи, просвещенные истинным Богом, и что они поняли его благодаря Философам, которые лишь много времени спустя после основания наций были просвещены отчасти светом Всеобщей Вечной Юстиции.

Нам хотелось бы, наконец, показать, как этому порядку человеческих гражданских вещей, телесному и сложному, соответствует порядок чисел, вещей абстрактных и чистейших. Правления начались с Одного в Семейных Монархиях, затем перешли к Немногим в Героических Аристократиях; они распространились на Многих и Всех в Народных Республках, где или все, или большая часть образует общественный разум: наконец, они вернулись к Одному в Гражданских Монархиях. Даже в самой природе чисел нельзя усмотреть ни более подходящего, не иначе упорядоченного разделения, как один, немногие, многие и все, причем немногие, многие и все сохраняют каждый в своем виде принцип одного. И так как числа, по словам Аристотеля⁶⁸³, состоят из неделимых, и, пройдя через все, нужно снова начинать с одного, то и вся История Человечества заключена между Монархиями Семейными и Гражданскими.

КОРОЛЛАРИЙ

Древнеримское Право было серьезной Поэмой, а Древняя Юриспруденция была суровой Поэзией, в глубинах которой обнаруживаются первые и грубые начатки Метафизики Законов; и как у Греков из Законов возникла Философия.

Существует очень много других и чрезвычайно важных явлений, в особенности в Римской Юриспруденции, причину которых можно найти только в наших Основаниях, и прежде всего - в следующей Аксиоме³⁸⁴: так как люди по самой своей природе склонны стремиться к Истине - из любви к ней, то там, где они не могут достигнуть

ее, они придерживаются Достоверного. Поэтому *mancipatio* началась с "истинной руки" (*vera mano*): говорили "рука" вместо "сила", так как сила абстрактна, а рука осязательна. Рука у всех наций обозначает власть. Отсюда *χειροθεσία* и *χειροτονία* у Греков: первое из этих слов обозначало избрание, которое производилось посредством возложения рук на голову того, кого предполагали выбрать в представители власти; второе из них обозначало провозглашение уже выбранной власти, производимое поднятием рук кверху. Такие торжественные обряды свойственны немому времени: во времена вернувшегося варварства совершенно так же провозглашалось избрание Царей. Эта истинная *mancipatio* оказывается Оккупацией, первым великим Естественным Источником всякой собственности. У Римлян впоследствии это выражение сохранилось на войне; поэтому рабы назывались *mancipia*, а добыча и завоевания - *res mancipi* Римлян, став в результате победы *res nec-mancipi* для побежденных. Значит, *mancipatio* зародилась не внутри стен самого города Рима, не в виде способа приобретать гражданскую собственность путем частных торговых сделок самих Римлян.

Наряду с такой *mancipatio* шла и истинная *Usucapio*, т.е. приобретение собственности, так как именно это значат слова *capio cum vero usu*, причем слово *usus* значит "владение". "Владение" первоначально характеризовалось при помощи постоянного покрытия своим телом находящихся во владении вещей, так что владение (*possessio*) должно было происходить от "*porro sessio*" (от такого длительного акта сидения или стояния "место жительства" полатыни продолжало называться *sedes*), а не от *pedum positio*, как говорят Латинские Этимологи, так как Претор поддерживал своими Интердиктами первое, а не второе владение. От такого положения, называемого у Греков *segi*;, должен был получить свое имя Тезей (а не от красивой манеры держать себя, как того хотят Греческие Этимологи), так как Аттические люди основали Афины тем, что долгое время пребывали там,- это и есть *usucapio*, которая узаконивает у всех наций юридическое состояние.

Также и в Героических Республиках Аристотеля, которые не имели законов против хищения и частных насильственных захватов, практиковалась, как мы видели выше, *rei vindicatio* посредством истинной силы; это были первые в мире поединки или частные войны; а жалобы, называвшиеся тогда *Conditiones*, были первыми Частными Возмездиями; - с тех пор, как вернулось варварство, они продолжали существовать до времен Бартоло.

Однако когда начала смягчаться дикость времен, когда посредством судебных законов начали запрещать частные насилия и когда все частные силы объединились в силу общественную, так называемую Гражданскую Власть (*imperium civile*), тогда первые народы, поэты по своей природе, должны были естественно подражать тем истинным силам, которыми они пользовались перед тем для сохранения своих прав.

Так, они создали Миф о Естественной *mancipatio* и сделали из нее торжественный обряд Передачи Гражданских Прав (он состоял в передаче фиктивного узла, подражающего той цепи, которою Юпитер приковал Гигантов к первым пустующим землям и которою эти Гиганты впоследствии приковали своих клиентов, вернее - *famuli*). Такою вымышленной *mancipatio* сопровождали они все дела гражданской пользы при помощи *acta legitima*, - это были торжественные церемонии немых еще народов. Впоследствии, когда сформировалась артикулированная речь, тогда они захотели, чтобы один удостоверил другому свою добрую волю при взаимном договоре в акте передачи такого узла; акт облакался торжественными словами, - именно в последних совершались определенные и точные стипуляции. Позже на войне они совершенно так же понимали те условия (*leges*) сдачи, которые они ставили побежденным городам: эти условия назывались *paces*, от *pacis*, что значит то же самое, что *pacum*. Важный след этого сохранился в формуле сдачи Коллации; как сообщает Ливий⁶⁸⁵, это был контракт о приеме, совершенный посредством торжественных вопросов и ответов; поэтому сдавшиеся совершенно точно назывались *recipiti*, соответственно тому, что Римский Герольд говорил Ораторам Коллации: *et ego recipio*. Наверно, значит, что стипуляция в героические времена существовала среди одних лишь Римских граждан!

Таким образом, Право Героических Народов Лациума осталось зафиксированным в знаменитой Главе Законов XII Таблиц, выраженной так: *si quis nexum faciet mancipiumque, uti lingua nuncupassit, ita jus esto*⁶⁸⁶, - великий Источник Древнего Римского Права, которое, как признают Исследователи Аттического права, не пришло из Афин в Рим.

Usucapio первоначально была телесным взятием во владение; впоследствии она стала фиктивной и духовной. Совершенно таким же образом заменили они словами и фиктивную силу *vindicatio*. Героические Возмездия превратились позднее в иски против личности, сохранив в виде торжественного обряда провозглашение их против тех, на кого они направлены. Никаким другим путем не могло идти Детство Мира, так как дети (это было установлено в Аксиомах⁶⁸⁷) прекрасно умеют подражать истине, если они способны понять ее; в такой способности состоит Поэзия, ибо Поэзия - не что иное, как подражание.

На площадь выносили столько масок, сколько было личностей (так как личность в собственном смысле значит то же, что и маска) и сколько было имен; в те времена, когда объяснялись посредством немой речи, т.е. посредством реальных слов, маски были знаками семей (такими знаками и теперь различаются семьи у Американцев, как было сказано выше). Под личностью или маской одного отца семейства скрывались все его дети и все слуги; под реальным именем, или Знаком Дома, скрывались все *agnati* и все *gentiles* последнего. Поэтому мы видели, как Аякс является "башней Греков" и как Гораций один на мосту противостоит всей Тоскане; а во времена вернувшегoся варварства мы снова видим, как сорок Норманских Героев прогоняют из

Салерно целое войско Сарацин: поэтому же верили в изумительную силу Французских Паладинов (они были Суверенными Государями, ибо так продолжали их называть в Германии) и, прежде всего - Роланда (впоследствии у Итальянцев его называли Orlando). Причина этого лежит в найденных выше Основаниях Поэзии: Создатели Римского права в ту эпоху, когда они еще не могли понимать интеллигибельных универсалий, создавали вместо них фантастические универсалии; и как впоследствии Поэты искусственно выводили на Театре Персонажи и маски, так раньше они естественно выносили "имена" и "личности" на Форум. Ведь слово *persona* произошло не от *personare*, что значит "звучать повсюду": последнего не требовалось в очень маленьких театрах первых городов, когда, как говорит Гораций, толпа зрителей была настолько мала, что их можно было пересчитать; масками же пользовались для того, чтобы звучащий из них голос мог заполнить весь обширный театр; кроме того, количество слогов не соответствует такой этимологии, так как слово, происходящее от *sono*, должно быть коротким. Слово *persona* должно происходить от *personari*; этот глагол, согласно нашему предположению, значил "надевать шкуры зверей" (что было позволено одним лишь Героям), так как сохранился аналогичный глагол *orsonari*, первоначально значивший "питаться мясом дичи, загнанной на охоте", - такова первая обильная еда, как ее описывает у своих Героев Вергилий. Поэтому первыми отнятыми у врага доспехами были шкуры диких зверей, убитых Героями во время первых войн, так как первые войны Герои вели со зверями, чтобы защитить себя и свои семьи, как говорилось выше. Поэты изображали Героев одетыми в такие шкуры и, прежде всего - Геркулеса в львиной шкуре. Мы высказываем предположение, что от глагола *personari* в его первичном, восстановленном нами значении Итальянцы называют *personaggi* людей, занимающих высокое положение и представительных.

В силу тех же самых оснований, т.е. потому, что непонятны были абстрактные формы, люди воображали вместо них телесные формы, причем они воображали их соответственно своей природе одушевленными: они представляли себе Наследство в виде госпожи наследственного имущества, и в каждой отдельной унаследованной вещи они признавали ее целиком. Совершенно так же *gleba*, т.е. кусок земли, представляемый Судье, они называли в формуле *rei vindicatio* так: *hunc fundum*. Таким образом, они по крайней мере смутно чувствовали, если и не понимали, что право нераздельно.

Соответственно такой природе людей Древняя Юриспруденция была насквозь Поэтической. Она представляла себе совершившееся несовершенным и несовершенное - совершенным, рожденных - еще не рожденными, живых - мертвыми, а мертвых - живущими в их наследстве. Она ввела множество пустых масок без субъектов, так называемые *jura imaginaria*, т.е. созданные фантазией права; и всю свою славу она полагала в том, чтобы найти такие мифы, которые сохраняли бы за зако-

нами их важность, а для фактов указывали бы право. Таким образом, все фикции Древней Юриспруденции были замаскированными истинами, а формулы, в которых говорили законы, из-за своей строгой ограниченности столькими-то и такими-то словами - ни больше, ни меньше и не иными, - назывались *сарміна*; выше мы слышали это от Ливия по поводу осуждения Горация; и это же подтверждается одним золотым местом из Плавта: в "Комедии об ослах" Диаболус говорит, что Парасит - это великий Поэт, так как он умеет лучше всех других находить словесные тонкости и формулы (только что мы видели, что они назывались *сарміна*). Таким образом, все Древнеримское Право было серьезной Поэмой, которая представлялась Римлянами на Форуме, а Древняя Юриспруденция была суровой Поэзией. Весьма кстати для наших целей Юстиниан в "Предисловии" к "Институциям" называет это *antiqui juris fabulas*⁶⁸⁸. Это изречение принадлежало, должно быть, какому-нибудь Древнему Юристу, понявшему то, о чем мы сейчас говорим, но Юстиниан пользуется им в насмешку. Однако к этим Древним Мифам сводит свои Основания, как было показано, Римская Юриспруденция; и от масок, которыми пользовались такие истинные и суровые Драматические Мифы, называвшихся *personaе*, зарождаются первые начатки учения *de Jure Personarum*.

Но с наступлением человеческих времен Народных Республик начал в больших собраниях признаваться интеллект; и права, абстрагированные интеллектом и всеобщие, стали называться с тех пор заключающимися *in intellectu juris*. Этот интеллект - воля Законодателя, выраженная в его законе; такая воля называется *jus*: такова воля Граждан, объединенных в представлении об общей разумной гражданской пользе; они должны были признавать ее духовной по самой своей природе, так они говорили, что все те права, которые не относятся непосредственно к телу (так наз. *nuda jura*), заключаются *in intellectu juris*. Итак, поскольку права оказываются модусами духовной субстанции, постольку они неделимы и, следовательно, вечны, ибо разрушение - не что иное, как распадение на части.

Истолкователи Римского Права полагали всю славу Метафизики Законов в рассмотрении нераздельности прав соответственно знаменитой теме *de Dividuis et Individuis*⁶⁸⁹. Однако они не обсуждали другой, не менее важной темы - вечности; они должны были бы заметить ее в двух следующих Правилах Права. Во-первых, *cessante fine legis, cessat lex*⁶⁹⁰; здесь они не говорят *cessante ratione*⁶⁹¹, так как цель законов (*finis legis*) - это равная полезность причин, которая может и отпасть; но смысл закона (*ratio legis*) является соответствием закона факту, сопровождаемому теми или другими обстоятельствами; над последними всегда живет и всегда господствует смысл закона. Во-вторых, *tempus non est modus constituendi vel dissolvendi juris*⁶⁹², так как время не может ни начать, ни кончить того, что вечно; в *usucapio* и *praescriptio* время не создает и не кладет конец праву, но оно является лишь доказательством того, что тот, кто обладал им, пожелал от него отказаться; и когда гово-

рят, например, что кончилось право пожизненного владения вещью (*usufructus*), то имеют в виду не то, что кончилось право, а то, что это право от сервитута вернулось к своей первичной свободе. Из всего этого вытекают два следующих чрезвычайно важных Короллария: во-первых, так как права вечны по своей идее, а люди находятся во времени, то права не могут появиться у людей иначе, как от Бога; во-вторых, все бесчисленные и бесконечно разнообразные права, какие только существовали, существуют и будут существовать в мире, являются различными модификациями власти первого человека, Главы Рода Человеческого, и той собственности, которая принадлежала ему над всею Землей.

Сначала, несомненно, были законы, а потом уже Философы; поэтому мы принуждены думать, что из наблюдения над тем, как афинские граждане в предписывании законов объединялись в идею равномерно распределенной и общей для всех пользы, Сократ начал выводить интеллигибельные родовые понятия, т.е. абстрактные универсалии, посредством Индукции, которая является собиранием единообразных частных; последние образуют одно родовое понятие из того, в чем они единообразны друг с другом. Платон из рассмотрения того, как в таких Собраниях умы людей, подчиненные страстям личной пользы каждого в отдельности, объединяются в бесстрастной идее общей пользы (как говорят: люди в отдельности направляются своими личными интересами, но все вместе они хотят справедливости), возвысился до размышления над наилучшими интеллигибельными идеями сотворенных умов, эти идеи, отделенные от самих сотворенных умов, могут находиться только в Боге; так возвысился Платон до создания Философского Героя, который без труда повелевает страстями. Поэтому позднее Аристотель оставил нам божественное определение хорошего закона⁶⁹³: он должен быть волей, лишенной страстей (это - то же самое, что воля Героя); он признал Юстицию Царицей, которая пребывает в душе Героя и повелевает всеми другими доблестями, так как Аристотель наблюдал Законную Юстицию, которая пребывает в духе Гражданской Суверенной Власти и предписывает Благоразумие в Сенате, Силу в Войсках, Умеренность в Празднествах, Особую Юстицию - как Дистрибутивную в Эрарии, так преимущественно коммутативную на Форуме; и как Коммутативная Юстиция должна пользоваться арифметической, а Дистрибутивная - геометрической пропорцией. Он должен был бы заметить, что Дистрибутивная Юстиция опирается на Ценз, основу Народных Республик: Ценз распределяет почести и тяготы в геометрической пропорции к имуществу граждан. До Ценза разумели лишь одну Арифметическую пропорцию; поэтому Астрея, Героическая Юстиция, изображалась с весами, а в Законах XII Таблиц все те наказания, которые ныне, по словам Философов, Моралистов-Теологов и Докторов, пишущих по Публичному Праву, должны были бы назначаться Дистрибутивной Юстицией в геометрической пропорции, тогда определялись *dupliob*⁶⁹⁴ для денежных штрафов и *talio*⁶⁹⁵ для телесных наказаний. А так как Радамант изобрел наказание по принципу талиона, то за такую заслугу он был сделан Судьей в Преисподней, где

наказания распределяются совершенно точно. Аристотель в "Этике" называет принцип талиона Пифагорейским Правом, т.е. правом, изобретенным Пифагором; последний же, как здесь было обнаружено, был Основателем Нации, благородные которой в Великой Греции назывались Пифагорейцами, как мы отметили выше; такого права постыдился бы тот Пифагор, который впоследствии стал возвышенным философом и математиком.

Из всего этого получается следующее заключение: с Афинской площади выходили все отмеченные нами Основания Метафизики, Логики и Морали. Из указания Солона Афинянам: *posce te ipsum*⁶⁹⁶, как мы разъяснили выше в одном из Короллариев к "Поэтической Логике", возникли Народные Республики, из Народных Республик - Законы, а из Законов - Философия. Поэтому Солон, Мудреца в Народной Мудрости, стали считать Мудрецом в Тайной Мудрости. Пусть это будет философски рассказанной частицей Истории Философии и последним из многих других доказательств, приведенных в настоящих книгах против Полибия, который говорил, что если бы на свете были Философы, то не нужны были бы Религии⁶⁹⁷: ведь если бы не было Религий а, следовательно, и Государств, то вообще на свете не было бы и Философов; и если бы Божественное Провидение не расположило именно в таком порядке вещи человеческие, то у нас не было бы никакой идеи ни о Науке, ни о Добродетели.

Итак, вернемся к нашей теме, чтобы подвести итоги. В те человеческие времена, когда появлялись Народные Республики, а затем Монархии, понимали, что сделки, которые первоначально облекались в формулы из определенных и точных слов (почему первоначально от *cavere* они назывались *cavissae*, а потом сохранились в сокращенном виде *caussae*), стали позднее применяться к некоторым делам, договорам; это - *negotia* и соглашения, которые вообще составляются при заключении договора, чтобы обеспечить возможность судебной защиты. Те договоры, которые являются законными титулами перехода собственности, должны придавать торжественное значение фактической передаче, чтобы от одного к другому перешло право. И только в так называемых вербальных контрактах (каковым является стипуляция) соблюдение формулировок придавало им силу строгих сделок, как в древнее время. Сказанное здесь еще больше просветляет выставленные выше Основания Обязательств, возникающих из Контрактов и Договоров.

Словом, поскольку человек в собственном смысле - не что иное, как ум, тело и речь, а речь помещается посредине между умом и телом, постольку Достоверное применительно к Справедливости началось в немые времена с Тела; позднее, когда была изобретена так называемая артикулированная речь, оно перешло на достоверные идеи, т.е. словесные Формулы; наконец, когда вполне развился весь наш человеческий разум, тогда он остановился на Истинности Идей применительно к Справедливости Идей, определенных Разумом из последних обстоятельств Факта. Истина - это

Формула, свободная от каждой отдельной формы: (*эта разумная воля является субъектом юстиции и всех продиктованных ею прав*) ученейший Варрон 698 называет ее Formula Naturae: совершенно так же свет, лишенный сам по себе формы, придает форму всем последним мельчайшим частям непрозрачного тела Фактов, по которым он распространяется, как мы это показали в главе "Об Элементах".

Книга пятая.

О ВОЗВРАЩЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВЕЩЕЙ ПРИ ВОЗРОЖДЕНИИ НАЦИЙ

ВРЕМЕНА ВТОРОГО ВАРВАРСТВА проясняются при помощи того, что мы знаем о древнем Варварстве

Из бесчисленных мест, рассеянных во всем этом Произведении по поводу бесчисленных тем, где отмечено было поразительнейшее соответствие первых варварских времен временам вернувшегося варварства, легко можно понять Возвращение Вещей Человеческих при Возрождении Наций. Однако, чтобы еще лучше подтвердить это, нам хотелось бы в настоящей Последней Книге отвести этому предмету специальное место, с одной стороны, - чтобы прояснить самым сильным светом времена Второго Варварства, которые лежали в еще более глубокой тьме, чем времена Первого Варварства, названные "Темными" в Разделении Времен Марка Теренция Варрона, наиболее ученого в области Первой Древности; с другой стороны, - чтобы показать, как Всеблагий и Величайший Бог заставил служить невыразимым предписаниям своей Благодати установления своего Провидения, посредством которого он направлял вещи человеческие у всех наций.

Ведь после того, как путями сверхчеловеческими он просветлил и утвердил Истинность Христианской Религии - посредством Добродетели Мучеников, вопреки Римскому Могуществу, посредством Учения Отцов Церкви и чудес, вопреки пустой Греческой Мудрости, после того, как он допустил возникнуть вооруженным нациям, которые со всех сторон сражались за истинную божественность своего Создателя, - после всего этого Бог разрешил зародиться Новому Порядку Культуры среди наций, чтобы, согласно Естественному Поступательному Движению тех же самых вещей человеческих, эта Христианская Религия была окончательно установлена. Этим Вечным Установлением он вернул Времена поистине Божественные, когда Католические Цари для защиты Христианской Религии, Покровителями которой они являются, повсюду надевали Диаконские далматики, *в эти далматики сейчас одеты Ангелы-Щитодержатели на Французском Королевском Гербе; от них потом сохранился обычай одеваться у военных Герольдов, которые называются "Царями оружия"*.

Короли посвящали Богу свою Царственную Особу (от этого сохранился титул "Священное Королевское Величество"); они принимали церковный сан (так, например, Гуго Капет, по словам Симфориона Шампьера, в "Генеалогии Французских Королей" титуловался "Граф и Аббат Парижский", а Параден в "Бургундских Анналах" отмечает весьма старинные записи, где Французские Государи обычно титуловались "Герцогами и Аббатами" или "Графами и Аббатами"). Так, первые Христианские Короли основали Вооруженные Религии, посредством которых они восстановили в своих королевствах Христианскую Католическую Религию против Ариан (которыми, по словам Св. Иеронима, был заражен почти весь Христианский Мир), против Сарацин и многих других Неверных. Тогда поистине вернулось то, что называли *pugna et pia bella* - "чистые и благочестивые войны" героических народов. Поэтому ныне короны всех Христианских Владык поддерживают Мировой Шар с водруженным на нем Крестом, который еще раньше развевался на знаменах во время войн, называвшихся Крестовыми Походами. Удивительно Возвращение Человеческих Гражданских Вещей во времена вернувшегося варварства. Так, например, древние герольды при объявлении войны *evocabant Deos* (т.е. вызывали Богов из того города, которому они объявляли войну) в чрезвычайно изящной и полной блеска формуле, сохраненной нам Макробием⁶⁹⁹, так как тогда думали, что побежденные народы останутся вследствие этого без Богов, а значит и без ауспий; здесь заложено Первое Основание того, о чем мы говорили на протяжении настоящего Произведения: по Героическому Праву Победы побежденным не оставляли ни одного из всех прав как публичных, так и частных, которые, как мы подробно доказали выше, главным образом на основании Римской Истории, целиком зависели от Божественных ауспий. Все это заключалось в Формуле героической Сдачи, которую применил Тарквиний Приск при сдаче Коллации: осажденные *dedebant Divina et Humana omnia*⁷⁰⁰ народам-победителям. Совершенно так же Позднейшие Варвары при взятии городов прежде всего заботились о том, чтобы высмотреть, найти и унести из взятых городов знаменитые вклады или реликвии Святых; поэтому народы в те времена чрезвычайно тщательно закапывали и прятали их, и соответствующие места, как мы видим, повсюду находились внутри церквей или под ними. В этом заключается причина того, почему на те времена приходится почти все перенесения Святых Мощей: след от этого сохранился в том обычае, что колокола взятого города побежденные народы должны были выкупать у победоносных военачальников.

Так как, кроме того, с начала пятого века Европу, а также Африку и Азию наводнило множество варварских наций и так как народы-победители и побежденные не понимали друг друга, то в результате варварства врагов Католической Религии случилось так, что в те железные времена не оказывается писаний на Простонародных языках - ни на итальянском, ни на французском, ни на испанском, ни даже на немецком, на котором, как утверждает Авентинус, "*De Annalibus Bojorum*", начали писать дипломы только со времен Фридриха Швабского или - по мнению других - со времен

императора Рудольфа Австрийского, как об этом говорилось в другом месте. У всех этих наций писания встречаются только на варварской латыни, которую понимали лишь очень немногие Благородные, а они принадлежали к Духовенству. Поэтому нам не остается ничего другого, как представить себе, что в те несчастные века нации снова стали разговаривать между собою на немом языке. Вследствие отсутствия народных букв повсюду должно было вернуться Иероглифическое Письмо посредством Родовых Гербов; последние, служа удостоверением собственности, как мы говорили выше, обозначали по большей части господские права на дома, могилы, поля и стада.

Вернулись некоторые виды Божьего Суда, так называемые канонические очищения (*purgatio canonica*); одним из видов таких судов, как мы показали выше, в первые варварские времена были поединки, неизвестные, однако, Святым Каноническим Законам. Вернулись Героические Разбои; выше мы видели, что Герои почитали за честь, если их называли разбойниками, и совершенно так же титулом Господства стал впоследствии "Корсар". Вернулись Героические Возмездия, которые, как мы видели выше, продолжались вплоть до времен Бартоло; а потому и войны позднейших варварских времен, как и времен первого варварства, были религиозными (это мы только что видели). Вернулось и Героическое рабство, которое существовало чрезвычайно долго даже среди самих христианских наций: ведь поскольку в те времена существовал обычай Поединков, постольку победители считали, что побежденные не имеют Бога (как об этом было сказано выше, там, где мы говорили о Поединках), и принимали их просто за животных; такое чувство у наций до сих пор сохраняется в отношениях между Христианами и Турками: слово "Турок" для Христиан значит "собака", и поэтому когда Христиане хотят или должны вежливо говорить с Турками, то называют их Мусульманами, что значит "правоверные"; наоборот, Турки называют Христиан свиньями; во время войн оба эти народа практикуют героическое рабство, хотя Христиане - с большей умеренностью.

Но в особенности удивительно Возвращение вещей человеческих в том отношении, что в те божественные времена снова появились первые Убежища Древнего Мира, на которых, как мы слышали от Ливия, были основаны все первые города. Так как тогда повсюду господствовали насилия, грабежи и убийства, вызванные необычайной свирепостью и дикостью тех в высшей степени варварских столетий, и так как не существует, как было сказано в Аксиомах⁷⁰¹, другого действительного средства обуздать свободных ото всех человеческих законов людей, кроме божественных законов, продиктованных Религией, то естественно, что из страха быть подавленными и погубленными наиболее кроткие при тогдашнем варварстве люди уходили к Епископам и Аббатам тех насильственных столетий, отдавали себя, свои семьи и свои имущества под их покровительство и получали его от них; такое подчинение и такое покровительство являются главными основами Феодов. Поэтому в Германии, которая бы-

ла более свирепой и более дикой, чем все другие нации Европы, сохранилось почти что больше Церковных Суверенов, т.е. Епископов или Аббатов, чем Светских во Франции, как уже говорилось. Суверенные Государи титуловались Графами (или Герцогами) и Аббатами. Поэтому же в Европе мы встречаем невероятное количество городов, земель и замков, названных именами Святых; в местах недоступных или тайных открывались маленькие церковки, где можно было прослушать мессу и совершить другие обязанности, предписанные нашей Религией; можно считать, что эти церковки были в те времена естественными Убежищами для Христиан, которые рядом с ними строили свои жилища: поэтому самые древние вещи, сохранившиеся от второго варварства, - это маленькие, по большей части разрушенные церкви в такого рода местах. Блестящим примером может послужить наше Аббатство Сан-Лоренцо д'Аверса, в которое влилось Аббатство Сан-Лоренцо да Капуа; и в Кампании, Самнии, Пулье и в Древней Калабрии, от реки Вольтурно до Тарентского залива, господствовало сто десять церквей или непосредственно, или через подчиненных им Аббатов, или через монахов, и почти во всех этих местах Аббаты из Аббатства Сан-Лоренцо были в то же время и Баронами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАЦИЙ

к Вечной Природе Феодов, а потому и Возвращение Древнеримского Права с Правом Феодальным

За этими Божественными Временами последовали Времена Героические, когда снова вернулось различие двух до некоторой степени отличных природ - Героической и Человеческой, *потому до сих пор еще у нас благородные пользуются следующим выражением: они говорят, что nascono bianchi — "родятся белыми"*⁷⁰². В этом лежит причина того явления, которому удивляется Готман, что Вассалы-земледельцы на феодальном языке назывались *homines*. От этого слова должны были происходить два феодальных слова - *hominium* и *homagium*, значащие одно и то же; *honiinium* говорится вместо *hominis dominium*; Элмодий^{702bis}, по словам Куяция, считает это выражение более изящным, чем *homagium*, вместо *hominis agium*, - право Барона посылать "человека", или вассала, туда, куда он захочет. Варварское слово *homagium* Ученые Феодалисты передают со всем латинским изяществом через *obsequium*, что первоначально обозначало готовность "человека" (*homo*) следовать (*sequi*) туда, куда его пошлет Герой, чтобы обрабатывать его земли. Слово *obsequium* подразумевает в особенности верность, обязательную для Вассала по отношению к Барону, так что *obsequium* Латинян одинаково означает и "послушание", и "верность", в которых нужно было поклясться при Инвеституре Феодов. У Древних Римлян *obsequium* было неотделимо от того, что они называли *opera militaris*⁷⁰³, а наши Феодалисты называют *militare servitium*⁷⁰⁴, оно долгое время обязывало Римских Плебеев за собственный счет служить Благородным на войне (как нам это выше удостоверила сама Римская История). Это *obsequium*, в конце

концов, должны были соблюдать делами Вольноотпущенники по отношению к своим Патронам. Оно началось (как мы выше это отметили, опираясь на Римскую Историю) в те времена, когда Ромул основал Рим на Клиентелах, ибо последние являлись покровительством, которое оказывалось крестьянам-поденщикам, принятым в его Убежище. Эти клиентелы, как мы указывали в Аксиомах⁷⁰⁶, нельзя определить лучше в Древней Истории, как словом "Феоды", и Ученые Феодалисты этим изящным латинским словом *Clientela* переводят варварское слово *Feudum*.

Такое Начало вещей нам ясно показывает Происхождение слов *Opera* и *Servitium*. *Opera* в своем первичном значении - это дневной труд крестьянина, который потому и назывался *operarius* (Итальянцы называют его *giornaliere* - поденщик); Ахилл жалуется, что Агамемнон, несправедливо отнявший у него Брисеиду, обошелся с ним, как с таким работником или поденщиком, не имеющим никаких прав гражданства. Поэтому у тех же Латинян работников называли "стадом", *greges operarum* или же *greges servorum*⁷⁰⁶, так как первоначально их (как впоследствии рабов) Герои считали почти что скотами, о которых они говорили: *rasci gregatim*⁷⁰⁷. И именно сначала должны были существовать пастыри такого рода людей (например, Гомер всегда называет Героев с постоянным эпитетом "пастыри народов"), и уже после - пастыри стад; это подтверждает нам слово *убцос:*, которое у Греков значит и "Закон", и "Пастбище", как замечено выше. Ведь первым Аграрным Законом разрешено было восставшим *Famuli* поддерживать свою жизнь на полях, отведенных им Героями; эти поля назывались "пастбище", ибо это слово так же соответствует таким животным, как "пища" соответствует людям. Пас такие первые в мире стада, несомненно, Аполлон, Бог Гражданского Света, т.е. Благородства: в одном из эпизодов Мифической истории он изображается как Пастух из Амфриса. Таким же пастухом был Парис, несомненно принадлежавший к Царскому Дому Трои. Таков же тот Отец семейства (Гомер называет его Царем), который скипетром приказывает разделить жареного быка между жнецами, как это изображено на щите Ахилла, где, как мы видели выше, была зафиксирована вся История Мира и Эпоха Семей. Ведь для наших современных пастухов характерно не пасти, а водить и оберегать стада, так как Скотоводство могло появиться лишь после того, как границы первых городов были до некоторой степени обеспечены от разбоев, процветавших в героические времена. В этом причина того, почему Буколическая или Пасторальная Поэзия появляется только в весьма культурные времена как у Греков с Теокритом, так и у Латинян с Вергилием и у Итальянцев с Саннаццаро.

Слово *servitium* доказывает, что те же самые вещи снова вернулись во времена последнего варварства (в противоположность этому слову Барон назывался *senior*, старейший, в смысле *Signore*, Господин); такими рожденными дома рабами должны были быть Древние Франки, которым удивляется Боден; выше мы нашли в общем виде, что *vergae* (как называли таких рабов Древние Латиняне) дали название Про-

стонародным Языкам, vernaculae, введенным Простонародьем (выше мы нашли, что его составляли плебеи героических городов), равно как Поэтический язык был введен Героями, т.е. Благородными первых Республик. Когда позже могущество Баронов во время гражданских войн (а в них могущественные становятся зависимыми от народов) рассеялось и потерялось среди народов, когда obsequium отпущенных на волю легко сосредоточилось в особе Монархических Царей, тогда оно перешло в то, что называется obsequium Principis; в последнем, по указанию Тацита, заключается весь долг подданных по отношению к Монархиям.

Под влиянием предполагавшегося различия двух природ, героической и человеческой. Феодальные Синьоры назывались Баронами в том же смысле, в каком, мы видели выше. Греческие Поэты говорили "Герои", а Древние Латиняне - Viri, "мужи"; это же сохранилось у Испанцев, у которых мужчина называется Бароном (varon708), так как вассалов, т.е. "слабых" в героическом смысле, они считали женщинами, как мы показали выше. Кроме того, как мы только что говорили, Бароны назывались Синьорами, а это слово может происходить только от латинского seniores (старшие), так как из них должны были составляться первые публичные Парламенты в новых королевствах Европы; совершенно так же Публичный Совет, который, естественно, должен был состояться из самых старых представителей Благородных, Ромул назвал Senatus; и по тем, кто были и кто назывались Patres, должны были patroni называться те, кто давал рабам свободу; отсюда же итальянское слово Padroni в смысле "Покровители"; это слово сохранило всю латинскую характерность и изящество. Им соответствует, с другой стороны, такое же характерное и изящное латинское слово clientes в смысле "земледельческие вассалы"; при установлении Ценза, как было подробно разъяснено выше, Сервий Туллий разрешил им такие Феоды: этим путем он скорее мог добиться своего, чем на основе Клиентел Ромула. Именно таковы вольноотпущенники - итальянское affranchiti, - впоследствии давшие имя народу Франков, как это было сказано в предыдущей Книге по поводу Бодена.

Таким образом, снова вернулись Феоды, возникая из вечного источника, указанного в Аксиомах709, где мы отмечали благоденствия, на которые можно надеяться по самой природе Гражданской жизни; поэтому Феоды со всей латинской характерностью и изяществом Ученые Феодалисты называют beneficia. Готтман отмечает, никак, однако, не пользуясь этим дальше, что победители удерживали для себя при завоеваниях возделанные поля и отдавали бедным побежденным поля невозделанные, чтобы они могли на них поддерживать свою жизнь: так снова вернулись Феоды первого мира, какими мы их нашли в Книге II. И начались они соответственно своей природе, о чем речь была выше, с персональных земледельческих Феодов, какими первоначально были Клиентелы Ромула; они, как мы отметили в Аксиомах, были рассеяны по всему Древнему Миру народов. Эти героические клиентелы в блистательные времена Римской Народной Свободы сохранились в следующем обычае:

плебеи в тогах являлись по утрам к большим синьорам, титуловали их, как Древних Героев, "Ave, Rex"⁷¹⁰, провожали их на Форум и вечером сопровождали их обратно домой; а синьоры, совершенно как Древние Герои, называвшиеся "Пастырями народов", кормили их. Такие персональные вассалы должны были быть у Древних Римлян первыми *vades*; впоследствии так продолжали называть обвиненных, обязанных лично следовать за своим жалобщиком в суд; такое обязательство называлось *vadimonium*. Происхождение Латинского Языка показывает нам, что слово "Vades" было производным от именительного падежа *Vas*, что у Греков называлось Βάς, у Варваров *Was*, откуда получилось позднее *Wassus* и, наконец, *Vassallus*. Такого рода вассалами до сих пор изобилуют Королевства самого холодного Севера, все еще сохраняющие слишком много варварского; прежде всего - Польша, где вассалы называются *Kmetos* и являются видом рабов, которых Паладины проигрывают целыми Семьями, и тогда они должны идти служить новым патронам. Такими должны быть люди, прикованные за уши цепями из поэтического золота, т.е. пшеницы, выходящими изо рта Галльского Геркулеса: он ведет этих людей за собою, куда хочет.

Затем последовали Земледельческие реальные Феоды. Первым Аграрным Законом Наций (у Римлян, как мы нашли, этим законом Сервий Туллий установил первый Ценз) Плебеям была предоставлена бонитарная собственность на поля, отведенные им Благородными, при условии не только персонального, как раньше, но и реального обременения; таковыми были первые *mancipēs*; впоследствии это слово сохранилось для обозначения тех, кто был обязан Эрарию в отношении недвижимого имущества. Ими должны были быть побежденные, которым, как немногим выше сказал Готтман, Победители отдавали невозделанные поля, чтобы они могли поддерживать свою жизнь, обрабатывая их. Так снова вернулись Антеи, привязанные к земле Греческим Геркулесом, и *пехі* Бога Фидия, т.е. Римского Геркулеса, привязанные, в конце концов, как мы видели выше, Законом Петелия. Такие *пехі* Закона Петелия, на основании всего сказанного о них выше, совершенно совпадают с вассалами, первоначально называвшимися *ligii*, связанными (*legati*) таким узлом; их теперь Феодлисты определяют как обязанных признавать друзьями или врагами всех друзей или врагов своего Синьора; именно в этом заключалась клятва, которую давали Древнегерманские Вассалы своим Государям, обязуясь служить их славе (мы слышали об этом в другом месте от Тацита). Когда впоследствии такие Феоды подняли свое блистательное могущество до Гражданского Суверенитета, тогда в положении *vassali ligii* оказывались и побежденные Цари, которым Римский Народ в торжественной формуле, рассказанной нам Римской Историей, дарил царства (*regna dono dabat*, а это то же самое, что *beneficia dabat*); и они становились Союзниками Римского Народа, причем этот вид союза Латиняне называли *foedus inaequale*⁷¹¹; они назывались "Царями-Друзьями" Римского Народа в том же смысле, в каком Императоры называли друзьями своих Благородных Придворных. Такой неравный союз был не чем иным, как Инвеститурой Суверенного Феода; она выражалась, однако, в формуле,

сохраненной нам Ливием; этот союзный Царь *servaret majestatem Populi Romani*⁷¹² (совершенно так же, как говорит юрист Павел, претор отправляет правосудие *servata majestate Populi Romani*, т.е. предоставляет право тому, кому его предоставляют Законы, и отказывает в нем тому, кому отказывают Законы). Таким образом, такие Союзные Цари были Синьорами Суверенных Феодов, подчиненных наивысшему Суверенитету. Поэтому во всей Европе вернулся тот общий обычай, что титулом "Величество" обладали лишь большие короли, Синьоры больших Королевств и многочисленных провинций.

Вместе с такими земледельческими Феодами, с которых началось все это, вернулся и Эмфитевсис, сделавший в свое время возможной обработку великого Древнего Леса Земли. Поэтому и *laudemium* стало в равной мере обозначать то, что вассал платит синьору, и то, что держатель эмфитевсиса платит прямому хозяину. Вернулись Древнеримские Клиентелы, называвшиеся Коммендами, как мы видели немногим выше; поэтому вассалов с латинским изяществом и точностью Ученые Феодалисты называют *Clientes*, а Феоды - *Clientelae*. Вернулись Цензы того же вида, как ценз, установленный Сервием Туллем: на основе его римские Плебеи должны были долгое время служить Благородным на войне за свой собственный счет. Таким образом, Вассалы, называемые теперь *angarj* и *perangarj*, были древними *assidui*⁷¹³ Римлян, которые, как мы нашли выше, *suis assibus militabant*⁷¹⁴; а Благородные до Закона Петелия, освободившего римский плебс от Феодального права *Nexum*, имели право личной тюрьмы по отношению к плебейам-должникам. Вернулись также Прекарии, которые первоначально были землями, данными синьорами бедным по просьбе последних, чтобы они могли поддерживать свою жизнь, возделывая их; всех этих видов владения никогда не признавали Законы XII Таблиц, как было показано выше.

Так как варварство своими насилиями разрушило доверие в торговых сношениях, так как оно предоставило народам заботиться лишь о жизненно необходимых вещах и так как всякий обмен должен был происходить посредством так называемых естественных плодов, то поэтому в те же времена появились и *libelli*, обмен недвижимым имуществом: польза *libelli*, как уже говорилось в другом месте, заключается в том, что у одних поля в изобилии приносят один вид плодов, которых нет на других полях, и наоборот; поэтому владельцы меняются ими друг с другом. Вернулась *Mancipatio*, при которой вассал вкладывал свои руки в руки Синьора, чтобы обозначить этим верность и подчинение; поэтому вассалы-земледельцы по Цензу Сервия Туллия, как мы сказали немногим выше, должны были быть первыми *mancipes* Римлян. Вместе с *mancipatio* вернулось также и разделение *res mancipi* и *res mancipi*, так как феодальное имущество является *res mancipi*, т.е. не отчужденным для вассала, и в то же время *mancipi* для Синьора; совершенно так же земельные поместья Римских Провинций были *res mancipi* для Провинциалов и *mancipi* для Римлян. В акте *mancipatio* вернулись *stipulationes* посредством *infestucationes* или *investitures*

(как мы доказали выше, это - одно и то же). Вместе со Стипуляциями вернулось то, что Древнеримская Юриспруденция, как мы видели выше, называла в собственном смысле *cavissae*, впоследствии сокращенно *caussae*, а во времена второго варварства это же, соответственно своему латинскому происхождению, называлось *cautelae*: придание торжественной формы договорам и контрактам посредством *cavissae* называлось *homologare* по тем "людям" (*homines*), которые, как мы видели выше, дали название *hominium* и *homagium*: ведь все *торжественные* контракты тех времен нужно считать феодальными. Таким образом, вместе с *cautelae* вернулись договоры, каутелированные в акте манципации (их Римские Юристы называли *stipulati*, как мы нашли выше, от *stipula*, соломина); совершенно в том же самом смысле Доктора Варварских Времен называли Инвеституры (или же Инфестукации) *pacra vestita* ("одетые договоры"), а некаутелированные договоры в том же значении слова и Римляне, и Варварские Юристы называли *pacra nuda* ("голые договоры").

Вернулись два вида Собственности: "прямая" и "полезная" (*dominium directum et utile*), совершенно совпадающие с квинтской и бонитарной собственностью Древних Римлян. И зародилось *dominium directum*, так же, как зародилась у Римлян первоначально квинтская собственность (в самом начале, как мы видели, это была собственность на земли, данные плебеям благородными); таким образом, если благородному собственнику грозило лишение владения этими землями, то он должен был прибегать к *reivindicatio* по формуле: *Ajo hunc fundum meum esse ex jure Quiritium*, в том смысле, как мы показали, что эта реивиндикация была не чем иным, как *laudatio auctoris*⁷¹⁵, обращением ко всему сословию Благородных, которые в Римской Аристократии составляли самый Город; от этих *Auctores* Плебеи получали основание гражданской собственности, почему они и могли приобретать эти земли. Такую собственность Законы XII Таблиц всегда называют *Auctoritas* по тому Верховному праву собственности, которое принадлежало Правящему Сенату над всеми Римскими землями; над ними впоследствии, с наступлением народной свободы, народ обладал Суверенной Властью, как было сказано выше. Здесь, как и в бесчисленных других местах нашего Произведения, бросая свет на второе варварство при помощи древностей первого (ведь насколько более темными дошли до нас времена второго варварства по сравнению с первым!), мы видим, что от этой *Auctoritas* нам остались три вполне отчетливых следа в трех следующих феодальных словах. Во-первых, в выражении *dominium directum* ("прямая собственность"): оно подтверждает, что в случае иска *auctoritas* принадлежала самому прямому хозяину. Затем в слове *laudemium*, которое обозначало пошлину за феод, обязательную в силу упомянутой выше *laudatio auctoris*. Наконец - в слове *lodo*, которое первоначально должно было обозначать решение судьи в такого рода делах; потом оно стало обозначать так называемые третейские суды; ведь такие суды как будто заканчивались дружественно по сравнению с теми судами, которые заканчивались аллодами (*Allodii*, по мнению Будеуса, они произносились почти как

Allaudii, как и у Итальянцев от *laude* образовалось *lodo*, приговор третейского суда), где первоначально Синьоры вооруженными являлись на поединок, как было показано выше; этот обычай существовал еще на моей памяти в нашем Неаполитанском королевстве, где Бароны не в гражданских судах, а в поединках искали возмездия за насилия, учиненные другими Баронами на территории их Феодов. Как квинтская собственность Древних Римлян, так и "прямая" собственность Древних Варваров стала обозначать, в конце концов, лишь такую собственность, которая может вызвать *actio civilis in rem*. Здесь мы встречаемся с особенно блестящим местом, заслуживающим того, чтобы поразмыслить над ним: при Возвращении, совершаемом Нациями, возвращается также и вид Позднейших Римских Юристов в виде Позднейших варварских Докторов Юриспруденции: как первые в свое время потеряли из поля зрения свое Древнеримское Право (мы показали это выше на тысяче доказательств), так и вторые в свои позднейшие времена потеряли из поля зрения Древнее Феодальное Право - ведь Ученые Истолкователи Римского Права решительно отрицают, что последнему были известны два варварских вида собственности: обращая внимание на различные звуки слов, они ничего не понимали в идентичности самих вещей. Вернулось также имущество *ex jure optimo*, которое Ученые Феодалисты определяют как аллодиальное имущество, свободное от всякого публичного, а не только частного обременения: пусть они сопоставят его с имуществом тех немногих домов *ex jure optimo*, которые, по наблюдению Цицерона, сохранились еще в его времена в Риме; и как всякие сведения о такого вида имуществах теряются в Позднейших Римских Законах, так и в наши времена мы не смогли бы найти ни одного аллода; и как *praedia ex jure optimo* у Римлян раньше, так впоследствии и аллоды стали недвижимым имуществом, свободным от всякого частного реального обременения, но обязанным реальным публичным обременением, так как снова вернулся тот путь, на котором Ценз, установленный Сервием Туллеем, стал тем Цензом, который лег в основу римского Эрария: путь этот был найден выше. Таким образом, аллоды и феоды, две крайние противоположности в Феодальном Праве, различаются между собою прежде всего тем, что Феодальное имущество влекло за собою *laudatio* синьора, а аллодиальное - нет. Без знания наших Оснований Ученым Феодалистом будет весьма трудно объяснить, почему те аллоды, которые они вместе с Цицероном переводят на латинский язык как *bona ex jure optimo*, стали называться *bona del fuso* ("имуществом веретена"): в своем подлинном значении, как сказано выше, это было имущество, которым владели на основании чрезвычайно сильного права, не ослабленного никаким чужеродным обременением, даже публичным; таково было имущество Отцов в Состоянии Семей, и оно продолжало еще долгое время существовать в состоянии первых Городов (как об этом мы также говорили выше): это имущество Отцы приобретали Геркулесовыми трудами. Однако эта трудность легко разрешается нашими Основаниями при помощи того же Геркулеса: он прял, став слугою Иолы и Омфалы, т.е., иными словами, Герои изнежились и уступили свои героические права Плебеям, которых они считали "женщинами", т.е. сла-

быми; в противоположность им, сами себя они считали и называли "мужами", *virī*, как было разъяснено выше; они страдали, подчинив свое имущество Эрарию в результате Ценза; последний был сначала основой Народных Республик, а впоследствии оказался пригодным для того, чтобы на него могли опираться Монархии. Итак, в результате Древнего Феодального Права, в позднейшие времена пропавшего из поля зрения, вернулись *fundi ex jure Quiritium*: как мы разъяснили выше, это было право Римлян, вооруженных в Публичном Собрании копьями, *quires*; отсюда происходит формула *rei vindicatio*: *Ajo hunc fundum meum esse ex jure Quiritium*, представлявшая собою, как было сказано, *laudatio auctoris* Героического Римского Города. Совершенно так же во времена второго варварства Феоды, несомненно, назывались *beni della lancia* ("имуществом копья") и влекли за собою *laudatio auctoris* Синьора; этим они отличались от позднейших аллодов, называемых "имуществом веретена" (*beni del fuso*), того самого веретена, при помощи которого Геркулес пряд, став слугою женщины.

Выше мы уже отметили героическое происхождение девиза на Королевском Гербе Франции: *Lilia non pent*⁷¹⁶: это значит, что Женщины не наследуют в этом Королевстве, так как вернулось родовое наследование по Законам XII Таблиц; мы нашли, что таково было *jus gentium Romanorum*; от Бальдуса мы слышали, как он называл Салический Закон *jus gentium Gallorum*; он, во всяком случае, соблюдался в Германии и также должен был существовать у всех других первых варварских наций Европы; позднее же он удержался лишь во Франции и в Савойе. *Вернулись жестокие героические наказания, почему Щит Персея превращал в камень смотрящих на него, как мы разъяснили выше; продолжало существовать название "примерные наказания" для наказаний смертью.* Вернулись, наконец, Вооруженные Дворы; как мы нашли выше. Героические Собрания происходили под оружием: Греки называли членов собрания Куретами, а Римляне - Квиритами. И первые Парламенты Европейских королевств состояли из Баронов; во Франции, например, они несомненно состояли из перов; Французская История нам ясно рассказывает, что первоначально сами Цари стояли во главе Парламентов, что они в качестве Комиссаров выбирали Перов Курии (впоследствии называвшихся Герцогами и Перами Франции), обязанных судить разные дела. Совершенно так же первый суд, занимавшийся, по словам Цицерона, разбором дела о жизни римского гражданина, был тем судом, для которого царь Тулл Гостилий избрал Дуумвиров в качестве Комиссаров - говоря формулой, приведенной Титом Ливием, *in Horatium perduellionem dicerent*⁷¹⁷, так как Гораций убил свою сестру и так как при суровости тогдашних героических времен, когда города состояли из одних лишь Героев, как выше это было полностью показано, всякое убийство гражданина рассматривалось как акт, враждебный самой родине, а именно это и есть *perduellio*; всякое такое убийство называлось *parricidium*⁷¹⁸, т.е. убийством Отца или Благородного, ибо, как мы видели выше, в те времена Рим делился на Отцов и Плебеев. От Ромула до Тулла Гостилия не было ни одного обви-

нения благородного в убийстве, так как благородные остерегались прибегать к такого рода мести и пользовались для этого поединками, о которых речь шла выше; а так как в деле Горация не было никого, кто поединком мог бы отомстить за убийство Горации частным путем, то Тулл Гостилий в первый раз учредил для этого суд. С другой стороны, убийства плебеев совершались или их собственными хозяевами, - тогда никто не мог их обвинить, - или чужими - тогда убийца своими слугами должен был возместить хозяину убыток; этот обычай до сих пор еще сохраняется в Польше, Литве, Швеции, Дании и Норвегии. - Однако Ученые Истолкователи Римского Права не видели этой трудности, так как они успокаивались на беспочвенном мнении о Невинности Золотого Века; по той же самой причине Политики успокаивались на словах Аристотеля о том, что в Древних Республиках не было Законов, относящихся к частным несправедливостям и обидам; поэтому Тацит, Саллюстий и другие, вообще говоря, очень остроумные писатели, повествуя о Происхождении Государств и Законов, рассказывают о первоначальном состоянии, предшествовавшем Городам, как если бы люди с самого начала вели жизнь Адамов до Грехопадения. Позже, когда в города вошли те homines, которым удивляется Готман и от которых идет Естественное Право Народов, называемых Ульпианом Humanarum, тогда убийство всякого человека стало называться homicidium 719. Итак, в таких Парламентах должны были разбираться феодальные дела или о правах, или о наследовании, или о переходе феодалов по причине измены или отсутствия наследников; эти дела, многократно подтвержденные такого рода судебными учреждениями, составили Обычное Феодальное Право, самое древнее во всей Европе; оно доказывает нам, что Естественное Право Народов возникло из таких человеческих феодальных нравов, какими они выше были исчерпывающе показаны. Наконец, на судебный приговор, осудивший Горация, царь Тулл разрешил обвиненному апеллировать к народу, состоявшему тогда из одних Благородных, как было показано выше (так как у преступника не было другого средства против Правящего Сената, как прибегнуть к тому же Сенату); совершенно так же, и не иначе, должны были Благородные времен вернувшегося варварства обращаться к самим королям в их Парламентах, например, к Французским Королям, стоявшим первоначально во главе Парламентов. След таких Героических Парламентов сохранился в Неаполитанском Священном Совете (Sacro Consiglio), Президент которого имеет титул "Священное Королевское Величество", советники которого называются Milites⁷²⁰ и исполняют обязанности комиссаров (так как во времена второго варварства лишь Благородные были Солдатами, а плебеи служили им на войне, как и во времена первого варварства мы видели то же самое у Гомера и в Древней Римской Истории) и на решения которого не существует иной апелляции, кроме обращения к тому же самому трибуналу. *Из всего того, что по поводу Феодов мы здесь частично собрали и сопоставили, Куяций может увидеть, что материал Феодальных отношений совсем не так низок, как он говорит, но вполне героичен и достоин быть украшенным самой культурной тайной Ученостью древних как греческой, так и римской. Берясь писать о Феодалах, Куяций должен*

был бы начать с исследований, так как самые прекрасные выражения наиболее изоощренной Римской Юриспруденции, посредством которых он смягчает варварство Феодальной Науки, оказываются столь к нему подходящими, как ничто иное! Но Куяций не может преклониться перед причинами такого соответствия, так как он ничего не знает о Древнеримской Героической Юриспруденции, уже исчезнувшей из поля зрения самих Юристов Новой Римской Юриспруденции. И если бы Куяций открыл такое Происхождение Феодов, то он не только не сказал бы, что это низкая материя, но открыл бы также и происхождение своего великого и великолепного Французского Королевства; это происхождение мы показали посредством нашего учения о Происхождении Феодов, возражая против ложных Оснований Политики Бодена, гордо смеявшегося над Куяцием.

На основании всего перечисленного нами выше мы можем сделать вывод, что повсюду были Королевства Аристократические, мы не скажем - по Устройству, но по образу Правления; такова, например, на холодном Севере и ныне Польша, таковы были полтора столетия тому назад Швеция и Дания; и если бы естественному движению вещей в Польше не помешали экстраординарные причины, то с течением времени, и она стала бы совершеннейшей Монархией. Это настолько правильно, что сам Воден считает возможным признать⁷²¹ Французское Королевство аристократическим при двух династиях - Меровингах и Каролингах - не только по образу правления, как утверждаем мы, но и по устройству. Итак, здесь мы спрашиваем Бодена: каким образом Французское Королевство стало такой совершенной Монархией, какой оно является теперь? Может быть, посредством какого-нибудь Царского Закона, посредством которого Французские Паладины сбросили с себя свое могущество и передали его Царям из Династии Капетингов? И если он прибегнет к вымышленному Трибонианом Царскому Закону⁷²², посредством которого римский народ стянул с себя свою свободную суверенную власть и передал ее Октавиану Августу, то для того, чтобы признать этот закон Басней, достаточно прочесть первые страницы "Анналов" Тацита, где он рассказывает о последних делах Августа, посредством которых тот узаконил в своей особе начало Монархии Римлян, причем все Нации чувствовали, что Монархия началась с Августа. Или, может быть, Франция была завоевана кем-нибудь из Капетингов силою оружия? Но от такого несчастья ее избавляют все Истории. Следовательно, и Боден, и все другие Политики и Юристы, писавшие de jure Publico, должны признать тот Вечный и Естественный Царский Закон, согласно которому свободная мощь Государства именно потому, что она свободна, должна актуализироваться; так что чем больше слабеют Оптиматы, тем больше должны усилиться Народы, пока они, в конце концов, станут свободными; и чем больше слабеют свободные народы, тем больше должны усиливаться Цари, пока они, в конце концов, не станут Монархами. Поэтому тем, чем для Философов, т.е. Теологов-Моралистов, является Разумное Право, тем для народов является Естественное право Пользы или Силы: это право соблюдается нациями, как говорят Юристы, usu

exigente Humanisque necessitatibus expostulantibus 723. Эту силу, в виде богини Оне, Поэты принимали, как мы видели выше, за Повелительницу Мира Городов. Если бы этот естественный Царский Закон подметил Гроций, то Гроновиус, чтобы подольститься к Голландской Свободе, не оклеветал бы его, назвав льстецом Французской Монархии.

Такими прекрасными и изящными выражениями Древней Римской Юриспруденции Ученые Феодалисты фактически смягчают и могут смягчить еще больше варварство Феодалного учения, - здесь было показано, что по Идеям они совпадают вполне точно. Ольдендорп и другие вместе с ним понимают, действительно ли родилось Феодалное Право от искры того пожара, которому предали Варвары Римское Право; на самом деле Римское Право родилось из искр Феодов, существовавших во времена первого варварства Лациума и породивших из себя все Государства в мире. Все это было доказано выше в специальном Рассуждении (там, где шла речь о Поэтической Политике); в настоящей Книге, как это было обещано в соответствии с идеей Произведения, мы показали, что в глубинах Вечной Природы Феодов следует искать Происхождение Новых Королевств Европы.

Наконец, когда в Итальянских Университетах началось Изучение Римских Законов, заключенных в Книгах Юстиниана и основанных на Естественном Праве Человечных людей, тогда умы, ставшие уже более развитыми и разумными, начали культивировать Юриспруденцию Естественной Справедливости, уравнивавшую неблагородных с благородными в гражданском праве соответственно равенству их человеческой природы. И едва лишь Тиберий Корунканий начал в Риме публично обучать законам, как тайна их начала ускользать из рук Благородных и постепенно стало слабеть их могущество; совершенно то же самое случилось с Европейскими Королевствами: раньше ими правили Аристократические Правительства, потом они стали Свободными Републиками и совершеннейшими Монархиями; обе эти последние формы Государств, поскольку они требуют человеческих правлений, взаимно могут сменять одна другую; однако вернуться к Аристократическому Состоянию для них почти что невозможно по самой их гражданской природе. И действительно, Дион Сиракузский, хоть он и происходил из Царственного Рода, хоть он и изгнал страшилище Государей - тирана Сиракузского Дионисия, хоть он и был украшен столькими прекрасными гражданскими доблестями, что удостоился дружбы божественного Платона, все же был варварски убит, так как попытался восстановить аристократический образ правления. А Пифагорейцы, т.е., как мы разъяснили выше, Благородные в Великой Греции, за аналогичное покушение были растерзаны на куски, а тех немногих, которые спаслись в укрепленные места, большинство сожгло живыми: ведь если плебейские люди однажды признали, что по своей природе они равны благородным, то они, естественно, не переносят, чтобы их делали неравными в гражданском праве; такого неравенства не существует ни в Свободных Републиках, ни в Монархиях. Поэтому

Аристократические Республики, которых осталось лишь очень немного при существующей ныне культурности Наций, должны при помощи множества хлопотливых забот и хитрых и мудрых мер предосторожности держаться в тесном единении и поддерживать послушание и довольство в большинстве.

ОПИСАНИЕ древнего и современного Мира Наций с точки зрения Плана, данного Основаниями нашей Науки

Такого поступательного движения человеческих гражданских вещей не проделали Карфаген, Капуя и Нуманция, три города, власти над миром которых страшился Рим. Ведь Карфагенян торопила их прирожденная африканская острота ума, которую они еще больше отточили благодаря морской торговле (*совершенно так же Грецию торопила утонченность Философов*). Капуанцев торопила мягкость неба и изобилие Счастливой Кампаньи; наконец, Нуманцы еще в самом начале расцвета своего героизма были подавлены Римским Могуществом в лице Сципиона Африканского, победителя Карфагена, при поддержке сил всего Мира. Но Римлян ничто подобное не торопило, поэтому они двигались мерными шагами, предоставляя Провидению руководить собою посредством Простонародной мудрости; и на каждой из трех форм Гражданского Состояния соответственно тому порядку, который при помощи многочисленных доказательств был показан в этих Книгах, они останавливались так долго, пока естественно за первыми формами должны были последовать вторые. Они охраняли Аристократию до Законов Публилия и Петелия; они охраняли народную свободу до времен Августа; они охраняли Монархию, пока это было в человеческих силах и пока внутренние и внешние причины не разрушили этой формы Государства.

Ныне как будто зрелая культурность распространилась среди всех Наций, поэтому немногие великие Монархи царствуют в нашем Мире Народов; и если среди них существуют еще варвары, то причина этого лежит в том, что Монархии их в течение долгого времени развивались на основе Простонародной Мудрости, т.е. фантастических и диких Религий; к этому присоединяется также несовершенная природа подчиненных им Наций. Начнем с холодного севера. Царь Московии, хотя он и христианин, правит людьми ленивого ума. Князь, или Хан, Татарский царствует над таким же женственным народом, каким были Древние жители Серики⁷²⁴, страна которых, составлявшая наиболее значительную часть его великой Империи, присоединена теперь к Китаю. Негус Эфиопский и могущественные Цари Феца и Марокко властвуют над народами в высшей степени слабыми и обедневшими.

Но в умеренной зоне люди рождаются соразмерными по своей природе. Начнем с самого дальнего Востока. Император Японии проводит в жизнь такую Культуру, ко-

торая напоминает Римскую Культуру времен Пунических Войн: он подражает им в свирепости во время сражений, и, как замечают ученые путешественники, в звуках его языка есть нечто похожее на латинский язык; однако под влиянием фантастических, в высшей степени ужасных и жестоких религиозных верований в устрашающих Богов, целиком завешенных вредоносным оружием, он сохраняет еще многое от героической природы, так как Отцы-Миссионеры, ходившие туда, сообщают, что самая большая трудность, с какою они встретились при обращении этого народа в Христианскую Религию, состояла в невозможности убедить благородных, что плебеи имеют такую же человеческую природу, как и они. Император Китайский в высшей степени культурен, так как властвует в силу кроткой религии и покровительствует наукам. Император Индии скорее культурен, чем некультурен, так как опытен преимущественно в делах мира. Персидский и Турецкий Цари смешали с нежностью Азии, над которой они господствуют, незрелое учение своей Религии; так, например, в частности Турки умеряют высокомерие величием, роскошью, щедростью и благодарностью.

В Европе, где повсюду исповедуется Христианская Религия, которая учит бесконечно чистой и совершенной идее Бога и которая предписывает милосердие по отношению ко всему Роду человеческому, существуют великие Монархии, в высшей степени культурные по своим нравам. И все же некоторые из них, расположенные на холодном Севере, хотя и являются монархическими по своему устройству, управляются как будто аристократически: такими были полтора столетия тому назад Швеция и Дания, таковы ныне Польша и все еще Англия; но если естественное течение человеческих гражданских вещей в них не будет нарушено необычайными причинами, то они достигнут состояния самых совершенных Монархий. Только в этой части света, так как она культивирует Науки, существуют в большом количестве Народные Республики, которых мы вообще не видим в остальных трех. Вследствие возвращения той же самой необходимости и полезности в современной Европе обновилась форма Этолийских и Ахейских Республик⁷²⁵; Греки задумали их ради необходимости обезопасить себя от подавляющего могущества Римлян, и совершенно так же поступили Швейцарские Кантоны и Объединенные Провинции, или Штаты Голландии, которые учредили из многочисленных свободных народных городов Аристократии, объединенные в нерушимом военном и мирном союзе. Основная масса Германской Империи является системой многих свободных Городов и Суверенных Государей, во главе которых стоит Император; и во всех делах, касающихся государства, Империя управляется аристократически.

Здесь следует отметить, что Суверенные Власти, объединяясь во временные или постоянные Союзы, сами по себе образуют Аристократические Государства, где по-прежнему свойственна Аристократиям тревожная подозрительность, как это было показано выше. Поэтому, раз аристократия является последней формой Граждан-

ского Государства (ведь нельзя представить в гражданской природе такого Государства, которое было бы выше ее), то эта же самая Форма должна быть и первой, как мы доказали при помощи многочисленных доказательств в настоящем Произведении; такими были Аристократии Отцов, Суверенных Царей в своих Семьях, объединенных в Правящие Сословия в первых Городах: ведь в самом существе Оснований заключается то, что с них первых начинаются и в них последних кончаются вещи.

Но вернемся к нашей теме. Ныне в Европе существуют только пять Аристократий, а именно: Венеция, Генуя и Лукка в Италии, Рагуза в Далмации и Нюрнберг в Германии; и почти все они заключены в тесных границах. Но повсюду Христианская Европа блистает такой культурностью, что в ней изобилуют все те блага, которые могут осчастливить человеческую жизнь не менее телесным удобством, чем наслаждением ума и души. И все это - в силу Христианской Религии, которая учит столь возвышенным истинам, что для служения ей были приняты самые ученые Философии Язычества; и она пользуется для своих нужд тремя Языками, как своими собственными: самым древним в мире - Еврейским, самым изысканным - Греческим, самым величественным - Латинским. Таким образом, даже и для человеческих целей Христианская Религия оказывается наилучшей из всех Религий мира, так как она объединяет Мудрость, данную в откровении, с разумной Мудростью самого отборного учения Философов и самой глубокой Эрудицией Филологов.

Наконец, если мы переплывем через Океан в Новый Свет, то увидим, что Американцы прошли бы тот же самый путь вещей человеческих, если бы они не были открыты Европейцами. *И что Патагонцы достигли бы нашего соразмерного телосложения и пришли бы к нашим человеческим нравам, если бы им предоставлено было идти своим естественным путем. Нам сообщили, хотя мы сами этого и не видели, что Отец Лафито, Иезуит, Миссионер в Америке, написал весьма ученое произведение о Нравах Диких Американцев; эти нравы, по его наблюдениям, — почти такие же, как и у древнейших обитателей Азии; поэтому он хочет доказать, что из Азии мужчины и женщины были переправлены в Америку. Однако убедить в этом ему оказывается не под силу, и, может быть, в работе его было бы больше истины, если бы мы предупредили его вашей Наукой. Поэтому, если читатель встретится с таким совпадением, вооруженный нашими Основаниями, то мы предсказываем, что он найдет ему блестящее подтверждение.*

Итак, соответственно такому Возвращению Человеческих Гражданских вещей, рассмотренному специально в этой Книге, следует поразмыслить о тех параллелях, которые были проведены во всем настоящем Произведении на большом количестве материала между первыми временами и позднейшими Древних и Современных Наций. Тогда окажется разъясненной История, но не отдельная и временная История Законов и Деяний Греков или Римлян, а История, идентичная в уразумеваемой

сущности и разнообразная в способах развития. Таким образом, мы получили Идеальную Историю вечных Законов, соответственно которым движутся Деяния всех Наций в их возникновении, движении вперед, состоянии, упадке и конце, даже если бы (что безусловно ложно) в Вечности время от времени возникали бесчисленные Миры. Поэтому мы и осмелились дать настоящему Произведению завидное заглавие "Новая Наука", так как оставить его без этого заглавия было бы слишком несправедливым нарушением его законного права на столь Универсальный Предмет, каким является Общая Природа Наций, причем мы не теряли из виду того свойства, которым обладает каждая Совершенная по своей Идее Наука; это свойство Сенека нам привел в следующем пространном изречении: *pusilla res hie Mundus est, nisi id, quod quaerit, omnis Mundus habeat*⁷²⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

О ВЕЧНОМ И ЕСТЕСТВЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ, наилучшем в каждом из своих видов и установленном Божественным Провидением

Итак, закончим наше Произведение вместе с Платоном, который выдвигает четвертый вид Государств, где люди честные и хорошие должны быть верховными Господами; такое государство было бы подлинной Естественной Аристократией. Такое Государство, какое имел в виду Платон, Провидение наметило ввести с самого начала зарождения Наций, установив, что люди гигантского телосложения и особенно сильные, принужденные блуждать по горным вершинам, как звери (также особенно сильные по своей природе), при первых молниях после Всемирного Потопа сами себя ниспровергли на землю в глубины горных пещер и подчинили себя некоей Высшей Силе, которую они представляли себе в виде Юпитера; изумившись, они при всем своем высокомерии и дикости склонились перед Божеством. При таком положении вещей человеческих нельзя себе представить, как могло последовать иное установление Божественного Провидения, чтобы остановить Гигантов в их зверином скитании по Великому Лесу Земли с целью ввести порядок в человеческие и гражданские вещи.

Тогда образовались Государства, так сказать, монашеские, т.е. из Суверенов-отшельников, под управлением Наилучшего и Величайшего, которого, они сами себе придумали и который, как они верили, проявляет себя в сверкании молнии; среди таких молний им блеснул свет той истины, что Бог правит людьми. Поэтому позднее всякого рода человеческую полезность, установленную для них, и всякую помощь, оказанную им в случае человеческой необходимости, они представляли себе как Богов, и, как таковых, они боялись их и поклонялись им. Таким образом, между строгими удилами устрашающего суеверия и острейшими стимулами скотской похоти (и то, и другое у таких людей должно было быть необыкновенно сильным) они чувствова-

ли, что вид неба внушает им страх и потому мешает проявлениям сладострастия; следовательно, телесный порыв похоти они должны были сдерживать усилием. Так начала проявляться у них человеческая свобода, т.е. обуздание порывов вожделе-ния и придание им другого направления (идя не от тела, от которого идет вожделе-ние, это усилие должно принадлежать сознанию, и потому оно характерно для чело-века). Под влиянием его они насильно ловили женщин, естественно, пугливых и не-податливых, и увлекали их в глубину своих пещер; и для того, чтобы пользоваться ими, они держали их взаперти, как вечных подруг на всю жизнь. Так первыми чело-веческими, т.е. стыдливими и религиозными, сожителъствами они положили начало бракам. Благодаря им они с определенными женами производили определенных де-тей и тем самым становились определенными отцами. Так основали они Семьи, ко-торыми управляли с циклопической семейной властью над своими детьми и женами, властью, свойственной столь диким и высокомерным натурам. И все это - для того, чтобы впоследствии, когда возникнут города, люди, оказались уже подготовленными к страху перед Гражданскими Властями.

Так установило Провидение определенные Экономические Государства, монархиче-ские по форме, во главе с Отцами, Государями в этом состоянии, наилучшими в смысле пола, в смысле возраста, в смысле доблести. Они в том состоянии, которое нужно было бы назвать Естественным, или в Состоянии Семей (что одно и то же), должны были образовать первые Естественные Сословия из тех, которые были бла-гочестивы, чисты и сильны. Осев на своих землях, они для защиты себя и своих се-мей должны были убивать наносивших им вред зверей, так как они не могли уже больше сражаться на ходу, как они это делали раньше в своем зверином блуждании; а для поддержания своей жизни и жизни своей семьи они уже больше не скитались в поисках пищи, а должны были укрощать земли и засеивать их пшеницей *и ради охра-ны их они должны были убивать безбожных воров за кражу хлеба*. И все это - ради спасения рода человеческого.

Через много лет, гонимые силою своих собственных бед, вызванных гнусной общно-стью вещей и женщин, при которой оставались рассеянные по равнинам и долинам многочисленные безбожные люди, не боявшиеся Богов, бесстыдные (так как они от-крыто удовлетворяли свою скотскую похоть), беззаконные (так как они часто удовле-творяли эту похоть с матерями и дочерьми), слабые, бродячие и одинокие, пресе-дуемые более крепкими телесно насильниками во время драк, порожденных этой гнусной Общностью, они прибегали, ища спасения, в убежища Отцов. Последние, принимая их под свое покровительство, распространяли посредством Клиентел Се-мейное Царство на таких Famuli. Так расцвели Государства на основе Сословий, лучших по природе в смысле доблести, т.е., конечно, доблести героической, напри-мер, благочестия: эти лучшие люди поклонялись божеству, хотя слабый свет его был ими умножен и распределен по Богам, а Боги были созданы соответственно их

религиозному пониманию, как это дедуцировано и утверждено Диодором Сицилийским, а более ясно - Евсевием в книгах "De Praeparatione Evangelica" и Святым Кириллом Александрийским в книгах против Юлиана Отступника. Вследствие такого благочестия они были украшены благоразумием, так как советовались с ауспигиями Богов; воздержанностью, так как каждый из них стыдливо жил с одной единственной женщиной, взятой по указанию божественных ауспигий в качестве постоянной подруги на всю жизнь; силой, чтобы убивать зверей и укрощать земли, *и истреблять воров*, и великодушием, чтобы поддерживать слабых и приходить на помощь находящимся в опасности; таковы по самой своей природе Геркулесовы Республики, в которых благочестивые, мудрые, чистые, сильные и великодушные должны подавлять гордых и защищать слабых; в этом - превосходнейшая форма Гражданских Правлений.

Однако в конце концов Отцы Семейства, ставшие могущественными благодаря Религиозности и Доблести своих Предков, а также благодаря трудам своих Клиентов, начали злоупотреблять законами покровительства, и правление их по отношению к Клиентам стало суровым. Выйдя за пределы Естественного Порядка, т.е. за пределы справедливости, они возмутили Клиентов против себя. Но так как без порядка - иными словами, без Бога - Человеческое Общество не может держаться даже одно мгновение, то Провидение естественным путем привело Отцов Семейства к тому, что они объединились со своими домохозяевами в Сословия против Клиентов, и ради умиротворения последних Благородные разрешили им посредством Первого в мире Аграрного Закона Бонитарную собственность на поля, удержав за собою *dominium optimum*, т.е. Суверенную Семейную Собственность. Так возникли первые Города на основе Правящих Сословий Благородных. И так как уже больше не существовало Естественного Порядка, который, соответственно тогдашнему Естественному Состоянию, был основан на внешности, на поле, на возрасте, на доблести, то Провидение породило Гражданский Порядок вместе с рождением таких городов; и, прежде всего - такой порядок, который наиболее приближался к природе, т.е. оно создало порядок, основанный на благородстве по рождению (при таком положении вещей не могли признавать иного благородства, как порождать детей по-человечески с женами, взятыми по указанию божественных ауспигий); так вследствие своего героизма Благородные царствовали над Плебеями, которые не заключали браков с такими торжественными обрядами. Так как уже пришли к концу Божественные Правления, правившие Семьями посредством божественных ауспигий, и так как царствовать должны были теперь сами Герои, то в силу формы самих Героических Правлений главной основой такого рода Государств стала Религия, охраняемая в замкнутых Героических Сословиях; опираясь на такую Религию, одни лишь Герои обладали всеми героическими правами. Но раз такое благородство стало даром Судьбы, среди Благородных Провидение заставило возникнуть Сословие самих Отцов семейства, естественно, наиболее достойных по возрасту; а среди этих последних оно за-

ставило появиться в качестве Царей - самых могущественных и сильных, - они должны были стать во главе других и замкнуть их в Сословия, чтобы противостоять восставшим против них Клиентам и ниспровергнуть их.

Когда же с течением лет ум человеческий развился еще больше, тогда Плебеи народов убедились в конце концов в пустоте такого Героизма и поняли, что они по своей человеческой природе равны Благородным. Поэтому они также захотели вступить в Гражданские Сословия Городов. А так как в конце времен Суверенами в этих Городах должны стать сами Народы, то Провидение позволило Плебеям задолго до этого соревноваться с Благородными в Благочестии и религиозности в героических спорах, когда благородные должны были приобщить плебеев к ауспiciям, а тем самым ко всем публичным и частным гражданским правам, находившимся в зависимости от ауспiciй.

Так сама забота о благочестии и само чувство религиозности привели народы к тому, что они стали Суверенами в городах; в этом Римский народ превзошел все другие народы мира и потому стал Владыкой Мира. Таким образом, из все большего и большего смешения Гражданских Порядков с Естественным Порядком возникли народные Республики. Но так как у них все должно было решаться жребием или весами, то, чтобы Случай или Рок не стали в них господствовать, Провидение установило Ценз, как правило, для получения почестей. Так, трудолюбивые, а не бездельники, бережливые, а не моты, осторожные, а не беззаботные, великодушные, а не мелочные, одним словом - богатые какой-либо доблестью, пусть даже воображаемой, а не преисполненные многочисленными и явными пороками, стали считаться наилучшими для правления. В таких Республиках целые народы, вообще жаждущие справедливости, предписывают справедливые законы, а так как они хороши вообще (Аристотель их божественно определяет как "бесстрастную волю", и такова воля Героя, повелевающая страстями), то здесь возникает Философия, по самой форме этих Республик предназначенная образовать Героя и ради этого образования заинтересованная в истине. И так как люди уже больше не могли совершать доблестных поступков из-за отсутствия религиозных чувств (как они делали раньше), то Провидение создало Философию, чтобы люди могли уразуметь доблести в их идее, и если под влиянием философских размышлений люди и не приобретали доблести, то, по крайней мере, стыдились пороков: только это может удержать в исполнении обязанностей приученные дурно поступать народы. Вслед за Философией Провидение допустило появиться Красноречию, которое, соответственно той же форме народных Республик, где повелевают хорошие законы, было воодушевлено справедливостью; руководясь идеей доблести, оно заставляло народы гореть желанием предписывать хорошие законы. Мы решительно утверждали, что такое Красноречие процветало в *Афинах во времена Аристиды*, а в Риме во времена Сципиона Африканского; при нем Гражданская Мудрость и военная сила, счастливо установив на развалинах

Карфагена Власть Рима над Миром, должны были иметь своим неизбежным следствием необыкновенно сильное и мудрое Красноречие. *и совершенно так же культура латинской народной речи у Теренция (он, как говорят, писал свои Комедии по указаниям и под руководством Лелия, — Римского Сократа, — и Сципиона, которому в Риме поклонялись как некоему божеству) оказывается настолько превосходной, что во все последующие времена, даже в так называемый Золотой век латинского языка, мы не встречаем лучшей.*

Но, в конце концов, испортились также и Народные Государства, а вместе с ними также и Философия; последняя впала в Скептицизм, и глупые Ученые принялись клеветать на истину; тогда же родилось и ложное Красноречие, равно готовое поддерживать в делах обе противные стороны; злоупотребление таким красноречием, например, со стороны плебейских трибунов в Риме, привело к тому, что граждане уже не довольствовались своими богатствами, если они служили только порядку, и стремились употребить их для создания своего могущества. Как дикие южные ветры в море, гражданские войны взволновали Республики и ввергли их в общий беспорядок; таким образом, от свободы они принуждены были пасть под совершеннейшей тиранией, самой худшей из всех, т.е. Анархией, иными словами - разнузданной свободой свободных народов. При такой великой болезни Городов Провидение пользуется одним из трех следующих великих лекарств согласно следующему порядку человеческих гражданских вещей.

Прежде всего, оно устанавливает так, что среди народов оказывается кто-то один, как Август, кого оно выдвигает и ставит Монархом; так как всякие порядки и все законы, изобретенные свободой, решительно бессильны направлять народ и обуздывать его, то в руке Монарха при помощи силы оружия оказываются все порядки и все законы; и обратно тому, Провидение самую форму Монархического Государства формирует волю Монархов, ограничивая их бесконечную власть естественным порядком, т.е. стремлением поддерживать в народах довольство и удовлетворенность своей Религией и Естественной Свободой; без этой всеобщей удовлетворенности и довольства народов Монархические Государства не могут существовать ни длительно, ни безопасно.

Если же Провидение не находит такого лекарства внутри народов, то оно ищет его вовне; и так как подобные народы были настолько испорчены уже раньше, что стали по самой природе рабами своих разнузданных страстей, роскоши, изнеженности, скупости, зависти, гордости и спеси и под влиянием наслаждений своей развратной жизни погрязли во всех пороках, свойственных презреннейшим рабам (т.е. лжецам, плутам, клеветникам, ворам, трусам и притворщикам), то они становятся рабами по естественному праву народов, вытекающему из этой природы наций, и оказываются подданными лучших наций, завоевавших их посредством оружия; последние сохра-

няют их, низведя на положение провинций. И здесь сияет двоякий свет Естественного Порядка: во-первых, что тот, кто не может управлять собою сам, должен предоставить править собою другому, могущему это делать; во-вторых, что в мире всегда правят те, кто лучше по природе.

Но если народы доходят до такого последнего состояния гражданской болезни, что ни внутри они не могут согласиться на одном прирожденном Монархе, ни извне не приходят лучшие нации, чтобы завоевать их и сохранить, тогда Провидение в этом крайнем несчастье применяет следующее крайнее средство: так как народы, подобно скотам, привыкли думать только о личной пользе каждого в отдельности, так как они впали в последнюю степень утонченности или, лучше сказать, спеси, при которой они подобно зверям приходят в ярость из-за одного волоса, возмущаются и звереют, когда они живут в наивысшей заботе о телесной преисполненности, как бесчеловечные животные, при полном душевном одиночестве и отсутствии иных желаний, когда даже всего лишь двое не могут сойтись, так как каждый из двух преследует свое личное удовольствие или каприз, - тогда народы в силу всего этого из-за упорной партийной борьбы и безнадежных гражданских войн начинают превращать города в леса, а леса - в человеческие берлоги. Здесь в течение долгих веков варварства покрываются ржавчиной подлые ухищрения коварных умов, которые варварством рефлексии сделали людей такими бесчеловечными зверями, какими сами они не могли стать под влиянием первого варварства чувств: *ведь, как и во времена варварства чувств, варварство рефлексии соблюдает слова, а не дух законов и установлений; но второе значительно хуже первого, так как первое верило, что справедливое — это то, что его поддерживало, т.е. звуки слов; второе же знает, что справедливое — это то, что его поддерживает, т.е. то, что имеют в виду установления и законы, но стремится обойти это суеверием слов.* Поэтому народы от такой рассудочной злости, применяемой в качестве последнего лекарства Провидением, настолько тупеют и глупеют, что не чувствуют больше удобств, изысканности, наслаждений и роскоши, но лишь одну необходимую жизненную полезность. При небольшом количестве оставшихся, в конце концов, людей и при множестве необходимых для жизни вещей они естественным путем становятся опять сносными; а раз снова возвращается первоначальная простота первого Мира, то они становятся религиозными, правдивыми и верными; таким образом, среди них снова появляются благочестие, вера, истина - естественные основания справедливости, благодати и красоты вечного порядка от Бога.

Если бы до нас не дошло от Философов, Историков, Грамматиков и Юристов всего этого в совсем другом виде, то, при нашем простом и ясном Рассмотрении всех вещей Рода Человеческого, пришлось бы сказать, что таков именно великий Град Наций, основанный и управляемый Богом. Ведь в вечных хвалах превозносили до небес Ликурга, Солона, Децемвиров как Мудрых Законодателей, так как до сих пор

думали, что благодаря своим хорошим установлениям и хорошим законам они основали три самых блистательных города, когда-либо сиявших самыми прекрасными и великими гражданскими доблестями, т.е. Спарту, Афины и Рим. Правда, существование этих Городов не было длительным, и распространение их было невелико по сравнению со Вселенной народов, установленной такими учреждениями и укрепленной такими законами: из самой своей порчи она черпает те формы Государства, при помощи которых она повсюду может сохраняться и постоянно существовать. И разве не принуждены мы сказать, что это установление принадлежало Сверхчеловеческой Мудрости, которая без силы законов (выше, в Аксиомах⁷²⁷, Дион нам сказал, что сила их подобна тирану), пользуясь обычаями людей (а обычаи их свободны от всякого насилия, почему тот же Дион говорил нам, что обычаи подобны Царю, так как повеления их исполняются с удовольствием), божественным путем ведет и направляет Человечество? Ведь все же сами люди создали этот Мир Наций (таково было первое неопровержимое Основание нашей Науки, - мы отчаялись найти его у Философов и Филологов), но этот Мир, несомненно, вышел из некоего Ума, часто отличного, а иной раз совершенно противоположного, и всегда - превосходящего частные цели самих людей, тех людей, которые ставили себе эти цели. Делая из таких ограниченных целей средства для служения целям более широким. Ум всегда пользовался ими для сохранения Поколения Людей на земле. Ведь в то время как люди хотят удовлетворить свою скотскую похоть и растерять своих детей, они, наоборот, создают чистоту браков, из которых возникают Семьи; в то время как Отцы хотят пользоваться чрезмерной Отцовской Властью над Клиентами, - из этого возникают Города; в то время как Правящие сословия Благородных хотят злоупотреблять Господской Свободой по отношению к Плебейам, они попадают в рабство законов, которые создают Народную Свободу; в то время как Свободные Народы хотят освободиться от узды своих законов, они оказываются в подданстве у Монархов; в то время как Монархи хотят принизить своих подданных всеми теми пороками распушенности, которые делают их положение более прочным, - они тем самым готовят их к тому, чтобы переносить рабство Наций более Сильных; в то время как Нации хотят сами себя привести к гибели, они спасают своих потомков в том Одиночестве, откуда они снова возрождаются, как Феникс. И то, что делает все это, оказывается Умом, так как люди, поступая так, поступали разумно; это не Рок, так как у людей был выбор; это и не Случай, так как всегда, когда люди поступают именно так, возникают те же самые вещи.

Итак, фактами опровергнут Эпикур, принимающий Случай, и его последователи Гоббс и Макиавелли; фактами опровергнут Зенон, а вместе с ним и Спиноза, принимающие Рок. Обратное тому, фактами укреплена позиция Философов-Политиков, во главе с божественным Платоном, который устанавливает, что человеческие вещи направляет Провидение. Поэтому прав был Цицерон, отказываясь говорить с Аттиком о Законах, если он не перестанет быть Эпикурейцем и если он не допустит с са-

мого начала, что Провидение направляет вещи человеческие. Пуфендорф не признавал Провидения в своей гипотезе, Зельден подразумевал его, а Гроций отбрасывал. *Следовательно, нужно изгнать из школ Юриспруденции как Эпикура с его Случаем, так и Стоиков с их Роком, как было указано выше в Аксиомах; Истолкователи (хотя и весьма ученые, но слабые философы) под влиянием тщеславия умов обманным путем введи в эту школу стоическую и эпикурейскую секты.* Ведь в настоящем Произведении полностью было доказано, что, опираясь на Провидение, первые в мире Правления обладали Религией, как своей целостной формой, на которой единственно только и строилось Состояние Семей. При переходе к Гражданским Героическим, т.е. Аристократическим, Правлениям по-прежнему должна была Религия составлять их главную и прочную основу. При дальнейшем их изменении в Народные Правления та же Религия служила средством для народов достигнуть их. Когда же, в конце концов, дело кончилось образованием Монархических Правлений, тогда Религия должна была стать Щитом Государей. Поэтому если народы потеряют Религию, то у них не останется ничего, что заставляло бы их жить в обществе, никакого щита для защиты, никакого средства, чтобы посоветоваться, никакого основания направиться в ту или другую сторону, никакой формы, в силу которой они вообще могут существовать в мире. Поэтому пусть посмотрит Бейль, действительно ли могут существовать в мире нации безо всякого знания о Боге! И пусть посмотрит Полибий, насколько правильны его слова, что если бы на свете были Философы, то в мире не нужны были бы Религии, так как единственно только Религии понуждают народы совершать доблестные дела под влиянием чувств, которые действительно принуждают людей производить их, тогда как максимы Философов (рациональные конструкции по поводу доблести) служат только хорошему Красноречию, чтобы воспламенять чувства к исполнению обязанностей доблести. Существует следующее принципиальное различие между нашей Христианской Религией, истинной, и всеми другими, ложными: в нашей Религии Божественная Благодать заставляет поступать добродетельно ради Вечного и Бесконечного Блага, которое не может подлежать чувствам и для которого, следовательно, сознание побуждает чувства к добродетельным поступкам; обратно тому, в ложных религиях, поставивших себе целью блага конечные и тленные как в этой жизни, так и в жизни иной, где они ожидают блаженства телесных наслаждений, чувства должны увлекать сознание для свершения доблестных поступков.

И все же Провидение явно дает ощутить себя в трех следующих чувствах согласно тому порядку гражданских вещей, которые были рассмотрены в настоящих Книгах: во-первых - в удивлении, во-вторых - в том благоговении, которое питали до сих пор все Ученые к недостижимой Мудрости Древних, и, в-третьих, в том пламенном желании, которым они горели снова обрести ее и следовать ей, так как это на самом деле три светоча Божественного Провидения, пробуждавшего в них эти три прекраснейших и правильных чувства. Но впоследствии тщеславием Ученых вместе с

тщеславием Наций, выставленными нами выше в качестве первых Аксиом *они стали двумя неиссякаемыми источниками бесчисленных и разнообразных ошибок, исправленных нашей Наукой посредством Открытия двух Истин. Правильный же смысл их заключается в том, что все Ученые удивляются и благоговеют перед бесконечной Мудростью Бога и жаждут объединиться с нею. Одним словом, из всего рассмотренного в настоящем Произведении можно, в конце концов, сделать такой вывод, что наша Наука нераздельно несет с собою Усердие в Благочестии, и тот, кто не благочестив, тот поистине не может быть Мудрым.*